БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ: СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
III Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Минск, 17 апреля 2025 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2025

ISBN 978-985-881-903-3

© БГУ, 2025

УДК 327(4/5)(06)+339.924(4/5)(06)+341.217(1-67)ЕАЭС(06)
ББК 66.4(051)я431+65.54(051)я431+67.910.621(051)я431

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
доктор исторических наук *А. В. Русакович*;
кандидат юридических наук *Т. Н. Михалёва*;
кандидат экономических наук *Л. И. Тарарышкина*;
кандидат юридических наук *И. И. Шишковец*;
В. Д. Белорусова; *О. В. Жданович*

Р е ц е н з е н т ы:
доктор экономических наук, профессор *Т. В. Сорокина*;
кандидат юридических наук, доцент *С. В. Борико*

Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 17 апр. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст : электронный. – ISBN 978-985-881-903-3.

Рассмотрены актуальные интеграционные вопросы экономического сотрудничества государств – членов ЕАЭС. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования, формирования евразийских отраслевых рынков в условиях западных санкций. Проанализированы геополитические аспекты евразийской интеграции, вопросы экономической безопасности, цифровой трансформации и гуманитарного сотрудничества.

Минимальные системные требования:
PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

На русском, белорусском, английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. В. Жданович*

Подписано к использованию 24.12.2025. Объем 3,4 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: +375 17 259-72-40.
e-mail: urir@bsu.by
http://elib.bsu.by/

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ФАКУЛЬТЭТ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН

ІНТЭГРАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў ЕЎРАЗІІ: СТАН, ВЫКЛІКІ, ПЕРСПЕКТЫВЫ

Матэрыялы
ІІІ Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанй 30-годдзю факультэта
міжнародных адносін
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мінск, 17 красавіка 2025 г.

Навуковае электроннае выданне

Мінск, БДУ, 2025

ISBN 978-985-881-903-3

© БДУ, 2025

УДК 327(4/5)(06)+339.924(4/5)(06)+341.217(1-67)ЕАЭС(06)
ББК 66.4(051)я431+65.54(051)я431+67.910.621(051)я431

Р э д а к ц ы й н а я к а л е г і я:
кандыдат палітычных навук *А. А. Дастанка* (гал. рэд.);
доктар гістарычных навук *А. У. Русаковіч*;
кандыдат юрыдычных навук *Т. М. Міхалёва*;
кандыдат эканамічных навук *Л. І. Тарарышкіна*;
кандыдат юрыдычных навук *І. І. Шышкавец*;
В. Д. Беларусава; *В. У. Ждановіч*

Р э ц э н з е н т ы:
доктар эканамічных навук прафесар *Т. В. Сарокіна*;
кандыдат юрыдычных навук дацэнт *С. В. Борыка*

Інтэграцыйныя працэсы ў Еўразіі: стан, выклікі, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 30-годдзю фак. міжнар. адносін Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 17 крас. 2025 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Дастанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2025. – 1 электрон. апт. дыск (CD-ROM). – Тэкст : электронны. – ISBN 978-985-881-903-3.

Разгледжаны актуальныя інтэграцыйныя пытанні эканамічнага супрацоўніцтва дзяржаў — членаў ЕАЭС. Асаблівая ўвага нададзена праблемам прававога рэгулявання, фарміравання еўразійскіх галіновых рынкаў ва ўмовах заходніх санкцый. Прааналізаваны геапалітычныя аспекты еўразійскай інтэграцыі, пытанні эканамічнай бяспекі, лічбавай трансфармацыі і гуманітарнага супрацоўніцтва.

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS

TOWARDS EURASIAN INTEGRATION: PRESENT DYNAMICS, EMERGING CHALLENGES, FUTURE PATHWAYS

Proceedings
of the 3rd International Scientific and Practical Conference
dedicated to the 30th Anniversary of the founding
of the Faculty of International Relations
of the Belarusian State University

Minsk, April 17, 2025

Scientific electronic publication

Minsk, BSU, 2025

ISBN 978-985-881-903-3

© BSU, 2025

UDC 327(4/5)(06)+339.924(4/5)(06)+341.217(1-67)ЕАЭС(06)

E d i t o r i a l b o a r d:
Candidate of Sciences (Political Sciences) *A. A. Dastanka* (ed.-in-chief);
Doctor of Sciences (History) *A. V. Rusakovich*;
Candidate of Sciences (Law) *T. N. Mikhaleva*;
Candidate of Sciences (Economics) *L. I. Tararyshkina*;
Candidate of Sciences (Law) *I. I. Shishkovets*;
V. D. Belorusova; *O. V. Zhdanovich*

R e v i e w e r s:
Doctor of Sciences (Economics) *T. V. Sorokina*;
Candidate of Sciences (Law) *S. V. Boriko*

Towards Eurasian Integration: Present Dynamics, Emerging Challenges, Future Pathways : Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 30th Anniversary of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, April 17, 2025 / Belarus. State Univ. ; ed. by A. A. Dastanka (ed.-in-chief) [et al.]. – Minsk : BSU, 2025. – 1 electronic optical disc (CD-ROM). – Text : electronic. – ISBN 978-985-881-903-3.

The current integration issues of economic cooperation between the EAEU member states are considered, special attention is paid to the problems of legal regulation, the formation of Eurasian industry markets in the face of Western sanctions, the geopolitical and aspects of Eurasian integration, economic security, digital transformation and humanitarian cooperation are revealed.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА 12

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Тарарышкина Л. И. Развитие евразийской экономической интеграции: возможности и достижения 15
Шмигирилова Л. Н., Соловьева Н. Е. Международная деятельность Евразийского экономического союза: тенденции и перспективы развития 22
Сапрыка В. А. Кулакова Н. И., Солоха В. В. Информационная безопасность и социокультурные угрозы на приграничном пространстве Евразийского экономического союза 28
Михалёва Т. Н. Приоритеты председательства Республики Беларусь в евразийских органах: от повестки к механизмам правового обеспечения 33

СЕКЦИЯ 1
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Вильчинский А. Ю. Геополитические вызовы для стран Евразии 39
Горбунова М. Л., Комаров И. Д. Геополитические вызовы трансформации мирового порядка и интеграционные контуры Евразийского экономического союза 44
Достанко Е. А., Лешенюк О. Н. Восточный вектор Республики Беларусь в преодолении транснациональных угроз 52
Кораблева Е. В., Шаколюкова В. Д. Изменение климата Земли – геополитический вызов современности и глобальная проблема человечества 57
Михалёва Д. Г. Вызовы и перспективы климатической повестки Евразийского экономического союза 65
Русакович А. В. Союзное государство в условиях современных геополитических вызовов 70
Сагал Д. А., Ерёменко О. В. Образ будущего как геополитический вызов современности и ключ к евразийской интеграции 76

СЕКЦИЯ 2
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИТОГИ-2025 И ПЕРСПЕКТИВЫ

Абакумов М. А. Применимость концепции подразумеваемых полномочий в Евразийском экономическом союзе..... 84
Басалыга В. В. Правосубъектность Евразийского экономического союза 91

Габец Н. С. Правовое регулирование гуманитарной помощи в государствах – членах Евразийского экономического союза 97
Diao Yueqi. The Competence of Regional Economic Organizations to Develop Legal Grounds of Cooperation with Non-Member Countries 103
Жихорев Г. С. К вопросу о правовом регулировании параллельного импорта в Российской Федерации и Евразийском экономическом союзе 110
Зарубин Д. В. Защита прав и свобод человека в рамках Евразийского экономического союза: возможные перспективы 115
Клепинин П. А. Система источников права Евразийского экономического союза: проблемные аспекты 119
Леанович Е. Б. Развитие сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза по защите прав интеллектуальной собственности 124
Лепешков Ю. А. Договорная правоспособность Евразийского экономического союза: право и практика 131
Минигулова И. Р. Правовые аспекты международной миграции в странах Евразийского экономического союза 142
Налетов К. И. Гражданское законодательство и частное право: проблемы формы и содержания 148
Хотько О. А. Правовые основания формирования и перспективные направления развития общего транспортно-логистического пространства в Евразийском экономическом союзе 153
Шевко Н. М. Перспективы развития экосистемы цифровых транспортных коридоров в Евразийском экономическом союзе: правовой аспект 160
Шишковец И. И., Сысой Д. А. Правовое регулирование суда Евразийского экономического союза: проблемы, пути их решения 165

СЕКЦИЯ 3
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПУТЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Астапович О. Г. Интеграционный потенциал противодействия внешним санкционным ограничениям 171
Белая Д. А., Тарарышкіна Л. І. Правапрымяняльная практыка дзяржаў – членаў Еўразійскага эканамічнага саюза ў сферы барацьбы з парушэннямі правоў на аб'екты інтэлектуальнай уласнасці 176
Биров Р., Быхтин О. В. Перспективы развития общего рынка труда на территории Евразийского экономического союза в условиях внешних вызовов 184
Бут-Гусаим Д. А., Шестакова П. В., Тарарышкина Л. И. Индустриальный парк «Великий камень»: аспекты и результаты эффективности функционирования 188
Бушкевич А. Н., Русакович А. В. Развитие международного экономического сотрудничества в настоящее время 194

Василевская В. Э. Евразийский экономический путь: понятие, направления и перспективы 200
Гараева А. С. Кризис глобализации: новые контуры экономической интеграции евразийского пространства 207
Джавадзаде Х. Н. Влияние сельскохозяйственных рынков на обеспечение продовольственного спроса в Азербайджане 212
Белорусова В. Д. Потенциал женского предпринимательства в создании и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в условиях евразийской интеграции 218
Лешок В. А., Волкова Е. К., Петрова М. И. Анализ основных социально-экономических показателей Беларуси в составе Евразийского экономического союза 223
Малышева А. А. Евразийская интеграция в сфере здравоохранения: перспективы развития в условиях внешних вызовов 229
Меннанова Н. А. Бренд-менеджер как новый субъект управления предприятием в евразийском пространстве 236
Миткина М. А. Реализация климатической повестки в Евразийского экономического союза: первые результаты 242
Mulaw Sisay Genanu. Economic Integration in East Africa: Current Status, Challenges, and Future Prospects 246
Мыскова Т. В., Захаров А. Н. Шанхайская организация сотрудничества как платформа для продвижения евразийской интеграции 253
Нестерова А. А. Трудовая миграция между Содружеством Независимых Государств и Китайской Народной Республикой: оценка потоков и тенденции 259
Нестерова А. А., Петрашевская Ю. В. Креативная экономика в странах Содружества Независимых Государств 264
Пастухов А. Л. Развитие евразийской интеграции в современных социально-экономических и геополитических условиях: тенденции, риски, возможности 270
Тарарышкина Л. И., Дашкевич А. А. Таможенные аспекты регулирования электронной торговли в Евразийском экономическом союзе 277
Тарарышкина Л. И., Иванова А. Д. Аспекты электронного таможенного декларирования в государствах – членах Евразийского экономического союза 281
Тарарышкина Л. И., Савченко Е. О. Возможности использования зарубежного опыта таможенного обложения на таможенной территории Евразийского экономического союза 289
Тома А. Ю. Гражданское и патриотическое воспитание молодежи Союзного государства и Евразийского экономического союза 296
Khavarinejad S. Iran's Eurasian economic integration: an analysis of opportunities and risks 302
Цыкунов И. В. Распределение ввозных таможенных пошлин в Евразийском экономическом союзе 310

СЕКЦИЯ 4
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Багдасарова Р. С., Жданович О. В. Цифровизация образования в рамках Евразийского экономического союза 315
Бояровская А. В., Коблова А. Д., Шандора Н. И. Современные *CRM*-системы как эффективный способ взаимодействия с клиентами 319
Вилькоцкий М. О., Жданович О. В. Искусственный интеллект в цифровой трансформации бизнеса в Евразии 324
Hajiyeva N. A., Mammadova A. V., Mammadov S. C. The importance of e-finance in the digital economy 331
Горбачева Д. А., Шандора Н. И. Динамика занятости в ИТ-отрасли Республики Беларусь 337
Драгун В. П., Машевская О. В. Цифровизация бизнеса 343
Жданович О. В. Цифровое неравенство: доступность технологий и интернет-инфраструктуры в государствах – членах Евразийского экономического союза 347
Желтоножко Т. А. Технологическое предпринимательство как драйвер цифровой трансформации экономик стран Евразийского экономического союза 351
Зенькович Д. А., Бердашкевич И. А., Шандора Н. И. Цифровизация как инструмент борьбы с коррупцией: опыт Евразийского экономического союза и перспективы для Беларуси 358
Кирилина К. Д. Обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных платежей в условиях цифровизации Евразийского экономического союза 365
Кирякин А. В. Евразийская историософия в российском «едином учебнике истории»: опыт и перспективы 371
Колмаков В. В. Виртуальные кластеры как инновационная парадигма региональной экономической интеграции в эпоху цифровизации 378
Малахова К. Д., Алексеева К. О., Шандора Н. И. Перспективы развития электронной коммерции в Евразийском экономическом союзе 384
Mammadova A. V. Methods for analyzing the results of a digital marketing strategy 390
Mehtiyeva S. I. Analysis of statistical indicators of digital marketing in the world economy 394
Онисько Т. А., Шандора Н. И. Влияние цифровых технологий на оказание услуг в социальной сфере 400
Панфилович З. Д., Буренок Т. Н., Шандора Н. И. Роль цифровых платформ в образовании 405
Петраков М. М., Жданович О. В. Евразийская интеграция под председательством Беларуси: интеграционные процессы и их перспективы ... 410

Polyakova A. G. Digital Transformation Processes: Interregional Integration of Digital Infrastructures for Sustainable Development 415
Семенькова Я. В., Шандора Н. И. Тренды цифровой трансформации сферы образования в странах Евразийского экономического союза 421
Sid A. E. Menall, Astratova G. V. The impact of digitalization on the eurasian markets of fashion industry goods 429
Синкевич В. А., Ханецкая В. Н., Шандора Н. И. Роль визуального маркетинга в цифровой экономике 435
Тренина М. А., Ярошевич М. А., Шандора Н. И. Информационные системы: ключевые характеристики и обзор лучших решений на рынке Евразийского экономического союза 439
Трофименко А. В. Проблемы международно-правового регулирования отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта 444
Цугкиева Р. А., Жданович О. В. Проблемы развития интеграционных процессов государств – членов Евразийского экономического союза в сфере образования и науки 450
Чернов Д. А., Жданович О. В. Интеграционные процессы с использованием цифровых технологий в Евразийском экономическом союзе: особенности, риски и пути решения возможных проблем 455

СЕКЦИЯ 5
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЕДИНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Илькевич Д. А., Сауткин Ф. В. Охрана окружающей среды в государствах – членах Евразийского экономического союза в условиях единой таможенной территории и формирования евразийских отраслевых рынков 460

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

Д. М. Курлович
Первый проректор БГУ

Уважаемые участники конференции! Дорогие коллеги, друзья!

От имени Белорусского государственного университета и от себя лично рад сердечно приветствовать вас на III Международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы» – событии, которое сегодня по праву можно назвать интеллектуальной платформой диалога для всего евразийского научного сообщества.

Мы также отмечаем, что 2025 год – это юбилейный год Великой Победы, 80-летие которой мы вспоминаем с особой благодарностью и уважением. Победа в Великой Отечественной войне – это символ мужества и единства наших народов. Эта историческая память напоминает нам: только в сотрудничестве, взаимопонимании и солидарности – наше общее будущее.

Сегодня здесь, в Минске, собрались представители более чем десяти государств: Беларуси, России, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, Узбекистана, Грузии, Ирана, а также стран Восточной Африки и Китая. Мы искренне рады видеть вас – представителей ведущих университетов и научных учреждений в стенах БГУ.

Ваше присутствие подтверждает живой интерес к евразийской интеграции, а также высокую значимость тем, заявленных в программе конференции: от геополитических вызовов до цифровой трансформации, от права и экономики – до гуманитарных аспектов регионального взаимодействия.

Хотелось бы отметить, что за прошедшие десять лет наблюдаются значительные успехи в интеграции экономик государств – членов ЕАЭС. Создание единого рынка, либерализация торговли и развитие взаимовыгодного сотрудничества стали основными достижениями, укрепляющими связи и открывающими новые горизонты для бизнеса и граждан. Однако перед Союзом по-прежнему стоят амбициозные задачи, требующие совместного внимания.

Одним из ключевых направлений является углубление экономической интеграции. Необходимо продолжать работу по устранению оставшихся торговых барьеров и созданию условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Это позволит повысить конкурентоспособность экономик и создать более благоприятные условия для ведения бизнеса.

Уважаемые коллеги! Сегодняшние вызовы требуют не разъединения, а консолидации научного потенциала. Именно поэтому такие встречи, как сегодняшняя, играют ключевую роль в построении устойчивой и инклюзивной модели евразийского сотрудничества.

Желаю всем участникам плодотворных дискуссий, новых научных открытий и, главное, – вдохновения. Пусть дух Победы, академической солидарности и взаимного уважения сопровождает нас в эти дни и в будущей совместной работе!

С юбилеем Победы!

Благодарю за внимание!

Л. И. Тарарышкина

Заведующая кафедрой евразийских исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Уважаемые гости! Дорогие коллеги!

Сердечно приветствуем вас! Очень рады вашему участию в традиционном научном мероприятии по евразийской тематике. Благодарим за ваш научный труд, практический опыт и передачу знаний студенческой молодежи, все эти факторы продвигают евразийскую интеграцию!

Несмотря на внешние вызовы и трансформацию международных экономических отношений Евразийский экономический союз не только поступательно развивается, чему способствует грамотно выстроенная договорно-правовая база евразийской интеграции, но и открывает новые горизонты. Укрепляется Союзное государство Беларуси и России, расширяется Шанхайская организация сотрудничества, усиливается роль в мировом сообществе интеграционного объединения БРИКС.

Запущенные и апробированные на практике механизмы, и инструменты Таможенного союза показали их эффективность, обеспечивая экономическую безопасность на единой таможенной территории государств – членов ЕАЭС, придали уверенность в переходе к следующему шагу интеграции- формированию Единого экономического пространства, где механизмы евразийских отраслевых рынков обеспечивают равновыгодные условия для хозяйствующих субъектов государств – членов ЕАЭС.

В год председательства Республики Беларусь в Высшем Евразийском экономическом совете в 2025 г. поставлена задача о формировании единого транспортного пространства с принятием равных (недискриминационных) условий и обеспечением справедливой конкуренции.

Обозначенные вопросы и многие другие проблемы будут обсуждаться в рамках III Международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы», посвященной 30-летию образования факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Творческих успехов в работе и новых научных идей!

О. С. Гайдукевич

Заместитель Председателя комиссии по международным делам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, председатель Либерально-демократической партии Беларуси

Уважаемый Андрей Дмитриевич! Участники конференции!

Сердечно поздравляю Вас с открытием III Международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы».

Сегодня Белорусский государственный университет – один из крупнейших университетов страны, научно-информационный, научно-иссле-

довательский и культурный центр, подчинивший всю свою деятельность идеям образования и развития.

Данная конференция крайне важна в свете нестабильности в мире, геополитических преобразований. Крайне важно обмениваться мнениями, вести диалог – это все укрепляет взаимопонимание.

От всей души желаем участникам Конференции плодотворной работы и дальнейших успехов в деле развития образования, культуры и науки.

Р. М. Баранов

Директор Центра евразийских коммуникаций

Добрый день уважаемые участники конференции!

Я хотел бы прежде всего присоединиться к поздравлениям в адрес руководства, профессорско-преподавательского состава и студентов факультета международных отношений Белорусского государственного университета по случаю 30-летия факультета.

Мне очень приятно наблюдать, что на большом евразийском пространстве у вуза появляются все новые партнеры, благодаря в первую очередь вкладу сотрудников факультета международных отношений и управления международных связей. Эта конференция является тому подтверждением. Буду рад, если ресурс Центра евразийских коммуникаций сможет посодействовать продвижению этих процессов.

Тематика сегодняшних секций комплексно затрагивает текущую международную повестку в регионе, поэтому, убежден, что уважаемые докладчики сквозь призму своих исследований продемонстрируют не только глубину научной мысли, но и предложат практические решения для укрепления связей в рамках региональных международных организаций, где участвует Беларусь (Союзное государство, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС).

Отдельно хотелось бы от себя лично поприветствовать представителей Российской Федерации, которая по заявлению Министерства иностранных дел Республики Беларусь всегда на официальном уровне поддерживает Беларусь в упомянутых структурах. Хотел бы также заострить внимание, что в этом году Беларусь председательствует в ЕАЭС.

Ну и в завершении, находясь в стенах родного факультета, я не могу не пожелать всем плодотворной работы, конструктивных дискуссий и новых открытий на благо наших стран и людей.

Благодарю за приглашение и внимание!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ

Л. И. Тарарышкина

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by

В статье исследуются аспекты евразийской экономической интеграции. Отражены механизмы и инструменты Таможенного союза евразийской экономической интеграции, доказана эффективность их применения на основания проведенного анализа доходов от внешнеэкономической деятельности и показателей экспорта, импорта. Приведенные показатели, несмотря на западные экономические санкции, свидетельствуют о поступательном развитии государств – членов Евразийского экономического союза. Исследованы механизмы Единого экономического пространства, показано их значение в развитии Евразийского экономического союза. Описаны показатели оценки эффективности развития евразийской интеграции, раскрыто их содержание. Рассмотрены евразийские отраслевые механизмы, дана оценка их действиям и обозначены аспекты формирования общих отраслевых евразийских рынков. Сделаны выводы о необходимости ускорения введения в действие общих евразийских отраслевых рынков.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Таможенный союз; Единое экономическое пространство; интеграция; взаимная торговля; доходы; западные экономические санкции; единое таможенное регулирование; евразийские отраслевые рынки.

DEVELOPMENT OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: OPPORTUNITIES AND ACHIEVEMENTS

L. I. Tararyshkina

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by

The article examines aspects of Eurasian economic integration. The mechanisms and instruments of the Customs Union of Eurasian Economic Integration are reflected, the effectiveness of their application is proven based on the conducted analysis of income from foreign economic activity and export and import indicators. The given indicators, despite Western economic sanctions, testify to the progressive development of the member states of the Eurasian Economic Union. The mechanisms of the Single Economic Space are studied, their importance in the development of the Eurasian Economic Union is shown. The indicators for assessing the effectiveness of the development of Eurasian integration are described, their content is disclosed. Eurasian sectoral mechanisms are considered, their actions are assessed and aspects of the formation of common sectoral Eurasian markets are outlined. Conclusions are made on the need to accelerate the introduction of common Eurasian sectoral markets.

Keywords: Eurasian Economic Union; Customs Union; Single Economic Space; integration; mutual trade; income; Western economic sanctions; single customs regulation; Eurasian industry markets.

Десятилетний период функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) доказал эффективность его создания. Положения Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [1] (Договор о ЕАЭС) и других евразийских правовых актов обеспечивают практическую работоспособность Таможенного союза ЕАЭС и становление Единого экономического пространства ЕАЭС.

Механизмы и инструменты Таможенного союза ЕАЭС, несмотря на западные экономические санкции, демонстрируют стабильное развитие единой таможенной территории государств – членов ЕАЭС. Установленное статьей 32 Договора о ЕАЭС единое таможенное регулирование, выстроенное в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС, показывает результативность наднационального таможенного управления и служит примером в вопросах унификации и гармонизации законодательства в других сферах экономики.

На данный момент достижения в Таможенном союзе ЕАЭС выступают драйвером евразийской интеграции. На таможенной территории ЕАЭС осуществляется свободное перемещение товаров и внедряется цифровая их прослеживаемость, проводится единая внешнеторговая политика, применяемые финансовые механизмы в виде распределения ввозных таможенных пошлин и общего порядка косвенного налогообложения обеспечивают наполняемость доходов бюджета государств – членов ЕАЭС и способствуют активизации их взаимной торговли. Доходы от внешнеэкономической деятельности в республиканском бюджете государств – членов ЕАЭС (в процентах к итогу) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Доходы от внешнеэкономической деятельности в республиканском бюджете государств – членов ЕАЭС, % к итогу

Страны	2019	2020	2021	2022	2023
Армения	6,1	4,4	5,0	2,7	3,2
Беларусь	19,6	17,4	18,4	*	*
Казахстан	14,6	7,7	11,7	12,6	11,5
Кыргызстан	14,8	12,9	12,2	6,6	7,9
Россия	14,9	10,3	14,1	12,4	8,4

Источник: [2].

* Официальная статистическая информация отсутствует.

Как видно из табл. 1 динамика доходов от внешнеэкономической деятельности в республиканском бюджете государств – членов ЕАЭС выражает стабильное их наполнение. При этом в условиях западных экономических санкций активизировалась взаимная торговля государств – членов ЕАЭС. В таблице 2 представим объемы взаимной торговли государств – членов ЕАЭС (в млн долл. США).

Как видно из табл. 2 государства – члены ЕАЭС активно осуществляют экспортно-импортные операции во взаимной торговле. По итогам же 2024 г. объем взаимной торговли в ЕАЭС составил 90,4 млрд долл. США, увеличившись на 11,7 % в сравнении с 6,7 % в 2023 г. Между Беларусью и

Россий объем взаимной торговли товарами и услугами достиг 57,6 млрд долл. США с темпом роста в 107,4 %. Для сравнения: в 2023 г. объем взаимной торговли между Беларусью и Россией вырос на 6 % и составил 53 млрд долл. США [3, с. 39].

Таблица 2

Объемы экспорта и импорта взаимной торговли государств – членов ЕАЭС, млн долл. США

Страны	2020		2021		2022	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Армения	705,3	1708,2	888,8	2072,9	848,4	2088,0
Беларусь	14 008,7	16 527,8	17 464,0	23 887,3	15 582,0	21 978,0
Казахстан	5539,0	14 188,2	7648,9	18 442,8	7108,8	13 833,6
Кыргызстан	546,3	1 854,6	803,2	2624,9	852,0	2328,0
Россия	34 061,8	19 157,5	45 806,4	24 411,6	35 640,0	17 924,4

Источник: [4, с. 12].

При этом западные санкции ускорили переход государств – членов ЕАЭС к расчетам в национальных валютах, значительная часть платежных операций во взаимной торговле на таможенной территории ЕАЭС осуществляется в национальных валютах. Следует отметить, что будущее развития интеграционных процессов в большой степени зависит от экономических выгод, которые получают участники интеграционных объединений.

Как отметил Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин: «*ЕАЭС играет роль одного из полюсов формирующегося многополярного мира….*» [5]. При этом крепость и стойкость которого от тесного международного экономического сотрудничество государств – членов ЕАЭС.

За десятилетний срок функционирования ЕАЭС совокупный ВВП государств – членов ЕАЭС вырос на 12,5 %, внутренняя взаимная торговля увеличилась в два раза, внешняя торговля с третьими странами – на 60 %, промышленный потенциал – на 22 % [6]. Установленные Договором о ЕАЭС группы показателей для оценки функционирования ЕАЭС определяют эффективность развития евразийской интеграции [1]. К ним относятся:

Показатели, определяющие устойчивость экономического развития:

1) дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления – (*индикатор: не более 3 %* ВВП);

2) долг сектора государственного управления – (*индикатор: не более 50 % ВВП*);

3) уровень инфляции (индекс потребительских цен) в годовом выражении (декабрь к декабрю предыдущего года, в процентах) – (индикатор: не превышает более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение).

По данным Евразийской экономической комиссии, по итогам 2024 г. в пределах установленных индикаторов макроэкономические показатели в большинстве стран ЕАЭС соблюдены. Так в Казахстане и России –умеренный дефицит в размере 0,7 % ВВП и 1,2 % ВВП соответственно, в Кыргызстане – профицит бюджета на уровне 3,5 % ВВП. Превышен индикатор дефицита бюджета на 0,5 % и составил 3,5 % в Республике Армения в связи с увеличением расходов на социальную поддержку населения. Долг сектора государственного управления в государствах ЕАЭС сложился в пределах установленного индикатора в размере 50 %. При этом произошло снижение: в Кыргызстане – до 35,9 %, в России – до 13,6 %. В Армении и Казахстане в связи с увеличением внутренних заимствований значение долга к ВВП увеличилось до 48,2 % и 23,2 % соответственно, но также в пределах установленного индикатора [7, с. 80].

Показатели уровня и динамики развития экономик государств-членов:

1) темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП);

2) ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС);

3) сальдо счета текущих операций платежного баланса;

4) индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты.

ВВП ЕАЭС в 2023 г. вырос на 3,8 % (в том числе связано с восстановлением экономик Беларуси и России) и составил в: Армении – 24,2 млрд долл. США, Беларуси – 72, 0 млрд долл. США, Казахстане – 261,4 млрд долл. США, Кыргызстане – 14,0 млрд долл. США, России – 2 020,3 млрд долл. США. ВВП ЕАЭС на душу населения на основе паритета покупательной способности валют вырос почти на 34 %, что несколько выше среднемирового значения за этот же период (32 %): с 22,8 тыс. долл. США в 2012 г. до 30,5 тыс. долл. США в 2021 г. [8, с. 1].

Показатели степени интеграции:

1) доля каждого государства-члена в общем объеме экспорта государств-членов;

2) доля каждого государства-члена в общем объеме импорта государств-членов;

3) доля каждого государства-члена в общем объеме внешнеторгового оборота государств-членов;

Взаимные прямые инвестиции в государствах – членах ЕАЭС за 9 месяцев 2023 г. составили 169 % от годового объема 2022 г. По сравнению с аналогичным периодом 2022 г. приток взаимных инвестиций вырос в 2,2 раза [6].

Вышеприведенные показатели, свидетельствуют об успешном развитии евразийского интеграционного объединения и созданных условиях для стабильного развития экономик государств – членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня их населения.

Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г.

«Евразийский экономический путь» (далее – Декларация) обозначила направления дальнейшего углубления евразийской экономической интеграции [9] посредством укрепления межгосударственного отраслевого сотрудничества в рамках формирования общих евразийских отраслевых рынков, что позволит создать равные условия для хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования государств – членов ЕАЭС. Практика функционирования введенных в действие на таможенной территории ЕАЭС с 1 января 2016 г. общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий доказала эффективность межгосударственного отраслевого сотрудничества, выражающегося в установлении единых принципов и правил к надзору за качеством и безопасностью, находящихся в обращении на территории Союза, лекарственных средств и медицинских изделий.

Осуществлен запуск также общего рынка газа: решением Высшего Евразийского экономического совета № 22 от 26 декабря 2024 г. установлено – «Определить общий рынок газа как сложившуюся по состоянию на 1 января 2025 г. систему взаимоотношений между государствами-членами в газовой сфере, сформированную с учетом законодательства государств-членов и международных договоров между государствами-членами» [10].

В Декларации ставится цель завершения формирования и других евразийских рынков: общего финансового рынка, общего рынка транспортных услуг, общего электроэнергетического рынка, общих рынков нефти и нефтепродуктов, согласованной промышленной политики и (скоординированной) агропромышленной политики. 31 января 2025 г. в ЕАЭС подписано соглашение о свободном допуске брокеров к размещению и обращению ценных бумаг на организованных биржевых торгах в государствах – членах Союза [11], которое предусматривает создание условий для функционирования общего финансового рынка ЕАЭС.

Работа по формированию общего рынка транспортных услуг в настоящее время проводится в соответствии с распоряжением Евразийского межправительственного совета № 15 от 1 октября 2024 г. «О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024–2026 годы» [12]. Принятие согласованных практик по обеспечению преимуществ в сфере транспорта и содействие более полной реализации географических преимуществ ЕАЭС при осуществлении транспортных связей между Европой и Азией, повышение качества транспортных услуг находятся в центре проводимой работы по гармонизации законодательства в сфере транспортных услуг.

В обращении Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к главам государств – членов ЕАЭС в качестве Председателя Высшего Евразийского экономического совета в 2025 г. отмечается – «Следует завершить формирование единого транспортного пространства с принятием равных (недискриминационных) условий и обеспечением справедливой конкуренции… Предстоит продолжить работу по отмене разрешительной

системы на все виды международных автомобильных перевозок грузов в третьи страны и из них...» [13].

Запуск общего электроэнергетического рынка ЕАЭС позволит промышленным предприятиям снизить затраты на электроэнергию в себестоимости производимой продукции, государству – обеспечить рост ВВП, а для населения будут стабилизированы цены на электроэнергию. Сроки запуска общего рынка электроэнергии скорректированы в мае 2024 г. и перенесены на 1 января 2027 г.

В Декларации ставится цель завершения формирования и других евразийских рынков: общего финансового рынка, общего рынка транспортных услуг, общего электроэнергетического рынка, общего рынка газа, общих рынков нефти и нефтепродуктов, согласованной промышленной политики и (скоординированной) агропромышленной политики. Роль промышленности в модернизации экономик государств – членов ЕАЭС для реализации поставленной цели по достижению 4,5 % роста ВВП в 2025 г. является определяющей. Для создания равных условий производственным предприятиям государств – членов ЕАЭС необходимо соблюдать единые правила предоставления промышленных субсидий. Проведена огромная работа по гармонизации законодательства и повышения качества производимой продукции. В условиях западных экономических санкций активно развивается кооперация и импортозамещение в промышленном взаимодействии Беларуси и России. Осуществление согласованной промышленной политики в рамках Союзного государства Беларуси и России послужит основой для тесного промышленного взаимодействия в ЕАЭС. Скоординированная агропромышленная политика в ЕАЭС направлена на выравнивание ценообразования и его прозрачность, повышение качества и конкурентоспособности производимой продукции по сравнению с продукцией третьих стран, доступность производимой продукции для населения посредством гармонизации законодательства и соблюдения технических правил и требований. .

Таким образом, на таможенной территории Союза активно проводится работа по реализации основных целей ЕАЭС о «создании условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонней модернизации, кооперации и повышению конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики». Для окончательного достижения поставленных целей в ЕАЭС требуется запуск всех евразийских отраслевых механизмов, установленных Договором о ЕАЭС.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Национальный правовой Интреннет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 09.03.2025)

2. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2023 г. : стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2024. – 125 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/financial_sector_entities/statistical_compilations/finstat2023.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

3. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf (дата обращения: 29.03.2025).

4. Доклад «О состоянии взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза в 2021 году» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

5. Мишустин заявил, что ЕАЭС открыт для новых партнеров // ТАСС. – 24.08.2023. – URL https://tass.ru/ekonomika/18580861 (дата обращения: 23.03.2025).

6. Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org (дата обращения: 23.03.2025).

7. Годовой доклад за 2023 год «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами – членами в области макроэкономической политики ЕЭК» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ff5/0130q0rsakw0fgm49ktkca65ldh47iti/Annual_report_2023.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

8. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Аналитический обзор за январь – декабрь 2023 г. // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

9. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (дата обращения: 23.03.2025).

10. О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического совета 26 дек. 2024 г. № 22 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_313083/ (дата обращения: 25.03.2025).

11. В ЕАЭС формируется общий рынок ценных бумаг. Какие изменения произойдут? // MYFIN.by. – URL: https://myfin.by/article/rynki/v-eaes-formiruetsa-obsij-rynok-cennykh-bumag-kakie-izmenenia-proizojdut-35584 (дата обращения: 23.03.2025).

12. О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации, скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024–2026 годы: распоряжение Евразийского межправительственного совета от 1 октября 2024 г. № 15/ КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487282/54e7a9d4e97ab923f3e1bf0ebbc73d0c71bafca2/ (дата обращения: 27.02.2025).

13. Обращение главам государств – членов Евразийского экономического союза 1 янв. 2025 г. // Президент Республики Беларусь. – 01.01.2025. – URL: https://president.gov.by/ru/events/obrasenie-glavam-gosudarstv-clenov-evrazijskogo-ekonomiceskogo-souza (дата обращения: 23.03.2025).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л. Н. Шмигирилова[1)], Н. Е. Соловьева[2)]

[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, shmigirilova@bsuedu.ru
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия

В данной статье рассматривается международная деятельность Евразийского экономического союза (ЕАЭС), анализа текущих тенденций и перспектив его развития в условиях глобальных экономических изменений. ЕАЭС, созданный в 2015 г., сочетает в себе элементы экономической интеграции и политического сотрудничества, что делает его интересным объектом для исследований как в контексте международных отношений, так и в сфере экономики. Статья выделяет ключевые аспекты международной деятельности союза, такие как торгово-экономические связи с третьими странами, участие в международных организациях и развитие регионального сотрудничества. В заключении представлены выводы о том, что будущее ЕАЭС зависит от способности стран-участниц находить баланс между национальными интересами и общими целями интеграции, что будет способствовать не только экономическому росту, но и социальной стабильности в регионе.

Ключевые слова: международная деятельность; Евразийского экономического союза; Один пояс, один путь; устойчивое развитие.

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF THE EAEU: TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

L. N. Shmigirilova[a], N. E. Solovieva[b]

[a] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, shmigirilova@bsuedu.ru
[b] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), учрежденный в 2015 г., объединяет пять государств: Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Кыргызстан. Главная цель союза – создание условий для беспрепятственного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участницами, что направлено на усиление экономического потенциала региона в глобальном масштабе. Международная деятельность ЕАЭС охватывает широкий спектр направлений, открывая новые перспективы для экономического роста и сотрудничества его членов.

ЕАЭС выступает уникальным примером экономической интеграции, объединяющим государства с различными уровнями развития, культурным наследием и политическими моделями. Такое разнообразие не только подчеркивает гибкость союза, но и демонстрирует его способность находить баланс между интересами участников, несмотря на различия в их внутренних системах.

Тем не менее, его создание стало ответом на вызовы времени, такие как изменения в глобальной экономической среде, растущая конкуренция и необходимость адаптации к новым реалиям мирового порядка. Этот интеграционный проект не только способствует углублению экономического сотрудничества между его членами, но и открыт для взаимодействия с другими странами и регионами.

Современная международная деятельность ЕАЭС обостряет вопросы о его будущем и возможностях для дальнейшего развития. В условиях нестабильной глобальной экономики, требующей от государств адаптивности и гибкости, ЕАЭС должен не только укреплять свои внутренние механизмы, но и активно участвовать на международной арене. Тем не менее, в условиях растущих политических и экономических рисков необходимо провести детальный анализ существующих тенденций во внешнеэкономической деятельности ЕАЭС и оценить перспективы его участия в глобализированном мире.

Исследование международной деятельности ЕАЭС позволяет выявить как положительные моменты, так и существующие проблемы, требующие решения. Это важно не только для стран-участниц, но и для международного сообщества, заинтересованного в стабильности и развитии евразийского региона. С учетом вышеизложенного, статья предлагает рассмотреть ключевые аспекты международной деятельности ЕАЭС, а также оценить перспективы его дальнейшего влияния на международные экономические и политические процессы.

Международная деятельность ЕАЭС охватывает широкий спектр направлений, начиная от развития внешнеэкономической политики и заканчивая углублением интеграционных процессов внутри самого союза. Прежде всего, ЕАЭС активно развивает свои торговые отношения с другими странами (рис. 1).

Важным аспектом этого сотрудничества является создание зон свободной торговли и подписание соглашений с третьими странами, что позволяет не только расширять товарооборот, но и повышать конкурентоспособность продукции стран-участниц на международной арене.

Кроме того, следует отметить участие ЕАЭС в международных организациях и форумах, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Эти платформы дают возможность странам-членам продвигать свои интересы и выступать единым фронтом. Например, сотрудничество с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» открывает новые перспективы для привлечения инвестиций и современных технологий в экономику регионов ЕАЭС.

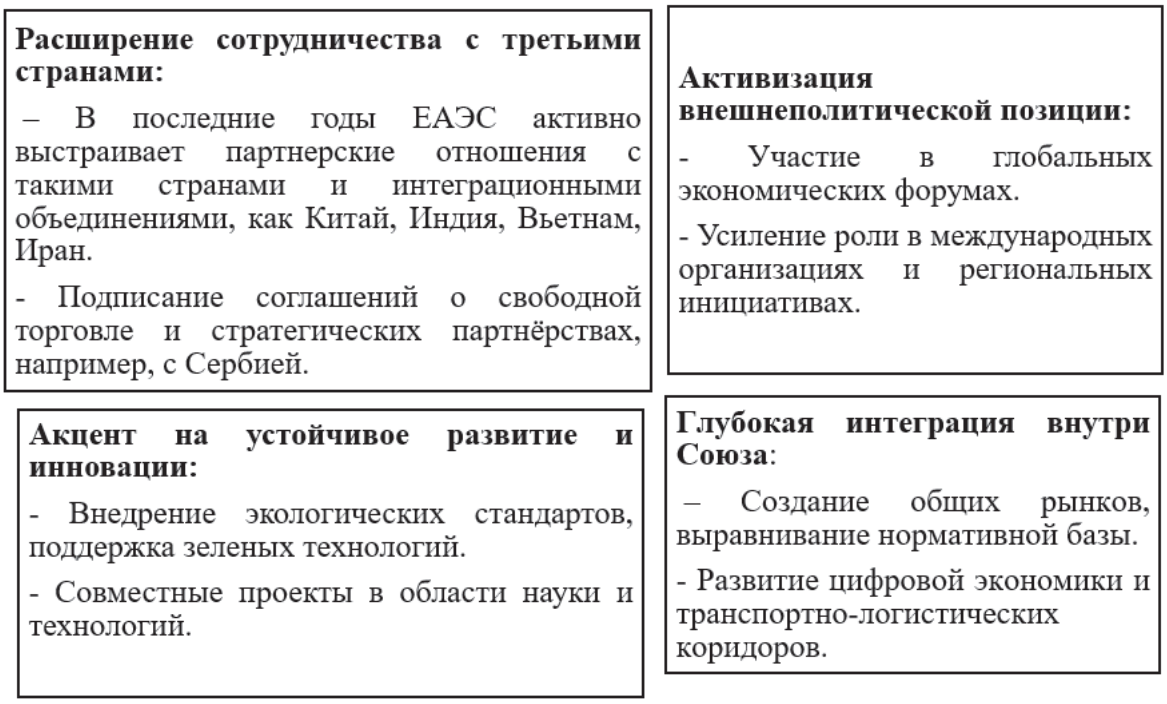

Рис. 1. Тенденции международной деятельности ЕАЭС.

Источник: [1]

Неотъемлемой частью международной деятельности ЕАЭС является развитие транспортной инфраструктуры, что способствует созданию более эффективных логистических систем. Это позволяет не только уменьшить затраты на транспортировку товаров, но и создать условия для ускорения торговли между странами-членами. Учитывая стратегическое расположение государств – участников, ЕАЭС имеет потенциал стать важным транзитным коридором между Европой и Азией [2].

Однако, несмотря на положительные аспекты, международная деятельность ЕАЭС сталкивается с рядом проблем. К числу основных вызовов можно отнести внутренние различия в экономическом развитии стран-участниц, которые могут затруднять реализацию совместных проектов. Кроме того, внешние политические и экономические санкции также оказывают влияние на торгово-экономические связи ЕАЭС с другими регионами. Важно искать пути для минимизации этих рисков и разработки эффективных стратегий для укрепления позиций союза на международной арене.

Представим на рис. 2 перспективы развития международной деятельности ЕАЭС.

Одной из приоритетных задач ЕАЭС является развитие торгово-экономических отношений с третьими странами. Одним из примеров можно рассмотреть соглашение, подписанное о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом в 2016 г., которое позволяло участник (странам) получать преференции на экспорт товаров на рынок (Вьетнама), и который считается быстроразвивающимся в Юго-Восточной Азии. Следовательно, такое соглашение повышает операции по экспорту товаров их ЕАЭС и также делает привлекательным регион для иностранных инвестиций.

Рис. 2. Перспективы развития международной деятельности ЕАЭС.

Источник: [2]

Развитие транспортной инфраструктуры является ключевым аспектом международной деятельности ЕАЭС. Важнейшей инициативой в этом направлении стало создание Евразийского транспортного коридора, который соединяет страны Центральной Азии и Европу. Этот проект обеспечивает более эффективное логистическое сообщение, что, в свою очередь, снижает стоимость транспортировки товаров и увеличивает скорость их доставки.

Например, инициатива «Один пояс, один путь», поддерживаемая Китаем, предоставляет возможности для стран ЕАЭС стать важным узлом в международной транспортной сети. Создание новых транспортных маршрутов через территорию ЕАЭС позволит не только увеличить экспорт, но и привлечь инвестиции для модернизации существующей инфраструктуры [3].

Другим важным шагом стало создание зоны свободной торговли с Ираном. Страны ЕАЭС рассматривают Иран как ключевого стратегического партнера, что обусловлено его выгодным географическим положением и значительными запасами природных ресурсов. Подписание соглашения с Ираном способно усилить сотрудничество в энергетике, агропромышленном комплексе и промышленности, создав основу для долгосрочного экономического взаимодействия.

В эпоху глобализации особую актуальность приобретают цифровые технологии и инновации. ЕАЭС активно развивает единое цифровое пространство, реализуя инициативы, направленные на упрощение доступа к цифровым сервисам и поддержку стартапов. Например, запуск специализированных торговых платформ позволит малым и средним пред-

приятиям стран-участниц эффективнее выходить на глобальные рынки, усиливая их конкурентоспособность и расширяя объемы международной торговли.

Помимо экономики, ЕАЭС фокусируется на научно-образовательном сотрудничестве. Создание совместных исследовательских центров и программ академического обмена между вузами способствует повышению качества образования, участие в онлайн-курсах и вебинарах и развитию инновационных исследований. Такие проекты, как студенческие стажировки и совместные научные инициативы, не только укрепляют кадровый потенциал, но и углубляют культурные связи между странами [4].

Привлечение иностранных инвестиций остается приоритетом для ЕАЭС, особенно в стратегических секторах: энергетике, сельском хозяйстве и экологии. Формирование благоприятных условий для инвесторов, включая налоговые льготы и правовые гарантии, способствует улучшению делового климата и созданию новых рабочих мест. Параллельно реализуются программы поддержки малого и среднего бизнеса, такие как субсидирование кредитов и гранты для стартапов, что стимулирует предпринимательство и инновации.

Экологическая повестка занимает важное место в деятельности ЕАЭС. Страны-участницы совместно разрабатывают проекты в области «зеленых» технологий, устойчивого сельского хозяйства и возобновляемой энергетики. Например, инициативы по восстановлению лесных массивов и рациональному использованию водных ресурсов не только минимизируют экологические риски, но и открывают новые возможности в секторе экологически чистых производств.

В перспективе ЕАЭС обладает значительным потенциалом для укрепления своих позиций на мировой арене. Для этого необходимо преодоление текущих вызовов, таких как бюрократические барьеры и технологическое неравенство, а также активное участие в глобальных экономических процессах. Углубление интеграции, развитие внешнеэкономических связей и координация действий в международных организациях позволят ЕАЭС стать влиятельным игроком в условиях глобализации [1].

Так международная деятельность ЕАЭС владеет колоссальным потенциал для будущего развития (рис. 3).

Взаимная торговля между странами ЕЭС наблюдается рост в первом квартале 2024 г. на 7 % до 2 трлн рублей. И так, сотрудничество между с третьими странами, быстрый рост транспортной инфраструктуры, применение новых инновационных продуктов и технологий, совместная научная деятельность и формирование привлекательности в области инвестирования, а также внимание к вопросам устойчивого развития – все это открывает новые горизонты для стран-участниц. Преодоление существующих вызовов и реализация совместных проектов способствуют укреплению позиций ЕАЭС на международной арене, позволяя ему занимать важное место в системе глобальных экономических связей.

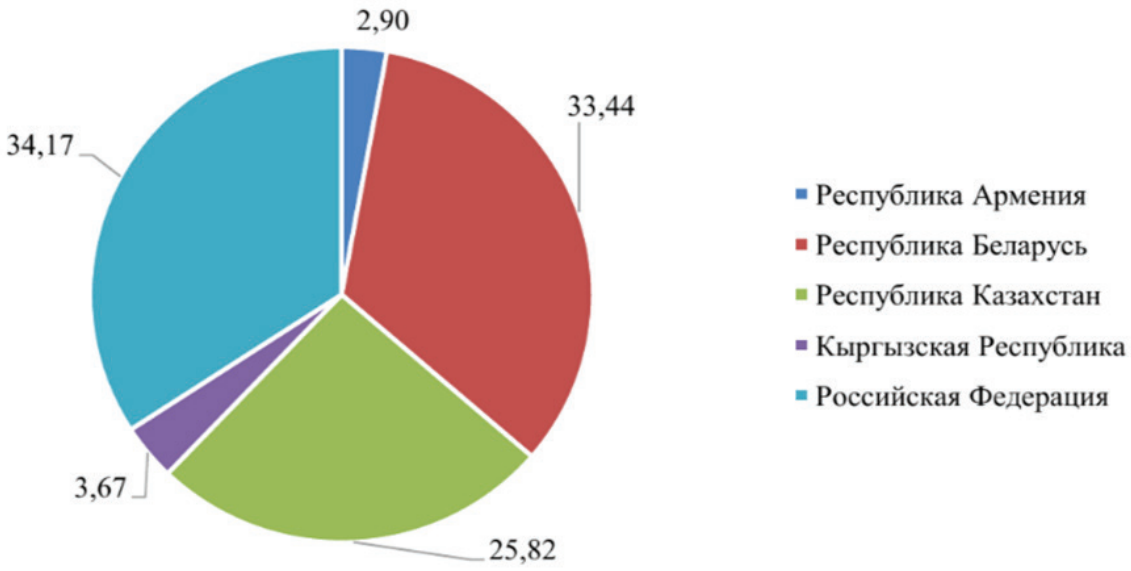

Рис. 3. Структура импорта стран – участниц Евразийского экономического союза.

Источник: [5]

Таким образом, будущее ЕАЭС зависит от способности стран-участниц находить баланс между национальными интересами и общими целями интеграции, что будет способствовать не только экономическому росту, но и социальной стабильности в регионе.

Библиографический список

1. Мировая наука 2021. Проблемы и перспективы развития : сб. трудов конф. – Саратов, 2021. – 61 с. – URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=46290608 (дата обращения: 22.11.2025).

2. Асрутдинова, Д. Н. Перспективы интеграции Евразийского экономического союза в мировую экономику /Д. Н. Асрутдинова, Е. Ю. Хатмулина, Я. С. Козловская // Экономические науки: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 нояб. 2024 г. – С. 72–74. – URL: https://krasnoyarsk.fa.ru/upload/medialibrary/3ad/x8wq6piu2glwgov8x90qg0beqgjmiqm8/Donkova15.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

3. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

4. Соловьева, Н. Е. Тенденции развития сельских территорий: современное состояние, факторы влияния и социальная иммунизация молодежи / Н. Е. Соловьева, Л. Н. Шмигирилова // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 1. – С. 129–134. – URL: http://esxr.ru/article/4613 (дата обращения: 01.04.2025).

5. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли : международный доклад / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), Д. Г. Абуова, С. С. Аветисян, Д. Н. Ахвердян [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2024. – 350 с. – URL: https://tradepol.hse.ru/mirror/pubs/share/922769050.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ НА ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В. А. Сапрыка[1)], Н. И. Кулакова[2)], В. В. Солоха[3)]

[1)] Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125047, г. Москва, Россия, sapryka@icbci.info
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, kulakova@bsuedu.ru
[3)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, solokha.v@internet.ru

Статья посвящена анализу перспектив развития интеграционных процессов в условиях нарастания социокультурных угроз для евразийского пространства. Устанавливается, что формы взаимодействия в сфере информационной безопасности обусловлены зависимостью всех сфер жизни современного общества от информационных технологий. Делается вывод о том, что каждый из регионов обеспечивает информационную безопасность, исходя из собственного видения геополитической ситуации и накопленного опыта. Такие практики не всегда позволяют защититься от внешних угроз, которые особенно проявляются в условиях непрекращающихся информационных атак на приграничные регионы. Таким образом, для обеспечения информационной безопасности приграничных территорий ЕАЭС определяется комплексный подход сочетающий технические меры, «мягкую силу», а также проекты общественного сектора.

Ключевые слова: евразийская интеграция; геополитика; приграничье; информационная безопасность; социокультурные угрозы.

INFORMATION SECURITY AND SOCIO-CULTURAL THREATS IN THE BORDER AREA OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

V. A. Sapryka[a], N. I. Kulakova[b], V. V. Solokha[c]

[a] Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia, sapryka@icbci.info
[b] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, kulakova@bsuedu.ru
[c] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, solokha.v@internet.ru

The article is devoted to the analysis of the prospects for the development of integration processes in the context of increasing socio-cultural threats to the Eurasian space. It is established that the forms of interaction in the field of information security are determined by the dependence of all spheres of life of modern society on information technologies. It is concluded that each of the regions ensures information security based on its own vision of the geopolitical situation and accumulated experience. Such practices do not always allow protection from external threats, which are especially evident in the context of ongoing information attacks on border regions. Thus, to ensure information security of the border

territories of the EAEU, a comprehensive approach is determined that combines technical measures, «soft power», and joint educational projects.

Keywords: Eurasian integration; geopolitics, borderland; information security; socio-cultural threats.

В современных условиях меняется функциональное содержание процессов обеспечения информационной безопасности в приграничном пространстве межгосударственных интеграционных образований. В этой связи актуализируется социокультурное содержание феномена границы, а также становится очевидной необходимость обеспечение защиты приграничного пространства от современных социокультурных угроз и опасностей. На современном этапе приграничье Евразийского экономического союза демонстрирует значительное разнообразие форм сотрудничества с одной стороны и различными конфликтами с другой стороны. Границы как трансформируются из барьеров в «контактные зоны», так и превращаются «зоны отчуждения». Это отражается на социально-экономическом развитии приграничных регионов ЕАЭС и разрушает привычный социокультурный ландшафт. Восприятие границы как культурного водораздела и маркера идентичности, а государства как союзника, гаранта социального порядка и защитника от внешних и внутренних угроз, создает общественный консенсус в отношении мер безопасности и нормализует течение повседневной жизни [1]. В контексте предмета нашего исследования особое значение приобретает влияние социокультурных угроз на интеграцию в рамках ЕАЭС и развитие приграничных регионов, смысл которой можно представить следующим образом: внешние вызовы и гибридные формы давления западных стран усиливают разногласия стран ЕАЭС в подходах к вопросам безопасности и суверенитета [2]. Таким образом, можно выделить следующие последствия реализации социокультурных угроз на приграничном пространстве:

– конкуренция между «евразийской» и глобализированной идентичностями;

– рост социальной напряженности и снижение доверия между странами – членами ЕАЭС;

– усиление влияния внешних игроков на внутренние процессы;

– неравномерное развитие информационного пространства и процессов цифровизации.

В тоже время, приграничные сообщества характеризуются гибкостью и адаптивностью к локальным потребностям, что создает условия для успешной интеграции, но и максимально восприимчивы к социокультурным угрозам, которые создают риски не только для сотрудничества, но и для развития межгосударственных отношений.

Ключевая задача Евразийского экономического союза на приграничном уровне не подавлять неинституциональные практики, а интегрировать их в регулируемое поле, минимизируя риски и усиливая позитивные эффекты. Продвижение общей евразийской идентичности при

сохранении национальных особенностей можно социологически диагностировать именно на приграничных территориях. Так согласно социологическому исследованию проведенному на территории приграничных регионов Российской Федерации Институтом приграничного сотрудничества и интеграции в 2025 г. (*N*=1500), основой для Евразийской интеграции является, в первую очередь историческое наследие (26,4 %), научно-технические достижения (25,2 %) и общие ценности (24 %).

Ответы респондентов на вопрос
«Что является основой для Евразийской интеграции на Ваш взгляд»?

Несмотря на высокую роль приграничного сотрудничества в международных интеграционных процессах этот механизм до недавнего времени был оставлен без внимания на уровне Евразийского экономического союза, как в части сотрудничества с третьими странами, так и как внутренней региональной политики [3]. Межрегиональное и приграничное взаимодействие в рамках ЕАЭС обусловлено множеством участвующих в нем акторов, их особыми интересами, различиями в характере и направленности взаимодействия и т. п. Обеспечение информационной безопасности в контексте развития приграничных регионов связано с преодолением ряда трудностей как объективного, так и субъективного характера. Стоит отметить, приграничное сотрудничество, как интеграционный процесс – сложное явление, требующее всестороннего планирования, политической воли и экономической заинтересованности различных субъектов [4]. Интеграционные формы приграничного взаимодействия различаются масштабностью сотрудничества и классифицируются следующим образом в зависимости от их масштаба: национальные/региональные и региональные/местные. В рамках разработки механизмов для обеспечения информационной безопасности и противодействия социокультурным угрозам на приграничном пространстве ЕАЭС необходимо

провести значительный объем полевых работ, выявить зоны взаимного тяготения, проанализировать межрегиональные взаимодействия и социально-экономические связи на уровне муниципальных образований [5]. Принимая во внимание эти аргументы, можно заключить, что эффективное обеспечение информационной безопасности невозможно без разработки научно обоснованной методологии, отвечающей за набор процедур, принципов и технологий, наиболее подходящих для приграничного пояса ЕАЭС. Противодействие социокультурным угрозам в приграничных регионах должно сочетать принципы добрососедства, общественного согласия, устойчивого экономического развития, культурного диалога и усиления информационной безопасности.

С расширением информационного пространства и цифровизацией всех сфер жизни увеличивается и потребность в обеспечении безопасности, так как одновременно с развитием информационного общества растет и количество угроз, киберпреступлений, осуществляемых в данной сфере [6]. Необходимость обеспечения информационной безопасности приграничных регионов ЕАЭС обусловлена в определенной степени опытом противодействия гибридным и социокультурным угрозам российского приграничья, который позволяет связать зависимость развития приграничного регионов от обеспечения информационной безопасности.

Для обеспечения информационной безопасности приграничных территорий ЕАЭС необходимо:

– развитие общего безопасного информационного пространства и медиасотрудничества;

– использование «мягкой силы», проектов общественной дипломатии для формирования общественного доверия к структурам ЕАЭС;

– создание общих медиаплатформ ЕАЭС для противодействия дезинформации;

– защищать общество от деструктивного информационно-психологического воздействия;

– укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей на приграничных территориях;

– сохранение культурного и исторического наследия народов приграничья;

– развитие институтов гражданского общества и горизонтального сотрудничества общественного сектора;

– осуществление поддержки общественно значимых инициатив и инициатив общественных организаций.

Обеспечение информационной безопасности приграничных пространств Евразийского экономического союза требует комплексного подхода, сочетающего технические меры (киберзащита) и «мягкую силу» (региональная социокультурная политика ЕАЭС, совместные образовательные проекты, социальное проектирование, общественные инициативы). Эффективность информационной безопасности в приграничье ЕАЭС зависит от консолидации усилий стран-членов, учета локальной специ-

фики и гибкого реагирования на вызовы глобализации и социокультурные угрозы. Ключевая роль принадлежит международному диалогу и адаптации стратегий к локальным особенностям регионов ЕАЭС, успешные примеры показывают, что общие культурные коды, экономические проекты и диалог способны превратить приграничные регионы из «периферий» в «центры» сотрудничества.

Библиографический список

1. Вендина, О. Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России / О. Вендина // Laboratorium. – 2019. – № 2. – С. 30–69. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd5/Evrazii_skii_-setevoy-universitet-2023.pdf (дата обращеня: 01.05.2025).

2. Тарарышкина, Л. И. Развитие экономического сотрудничества Беларуси и России в условиях западных экономических санкций / Л. И. Тарарышкина // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-2. – С. 177–179.

3. Гусаков, Н. П. Формы приграничного сотрудничества в контексте развития интеграционных процессов Евразийского экономического союза / Н. П. Гусаков, А. А. Тинькова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – № 3. – С. 332–341. – URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/104754/ (дата обращеня: 01.05.2025).

4. Кузавко, А. С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты / А. С. Кузавко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 108–130. – URL: https://discovery.researcher.life/article/---------/0ced447b772e3e41ace7e2215c86cf99 (дата обращения: 01.04.2025).

5. Межевич, А. Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях / А. Н. Межевич, И. П. Ситов // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6 (174). – С. 137–144. – URL: https://www.acjournal.ru/jour/article/view/2291/1791 (дата обращения: 01.04.2025).

6. Юнусова, Д. А. Информационная безопасность региона / Д. А. Юнусова, А. А. Дахададаева // Индустриальная экономика. – 2022. – № 3. – С. 458–463. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=rsitre (дата обращения: 01.04.2025).

ПРИОРИТЕТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКИХ ОРГАНАХ: ОТ ПОВЕСТКИ К МЕХАНИЗМАМ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Т. Н. Михалёва

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mikhaleva-tn@rudn.ru

В статье проанализированы основные достижения стратегического планирования к ЕАЭС к настоящему времени, а также направления новых инструментов планирования. Представлен правовой анализ соотношения и форм реализации долгосрочного, среднесрочного, краткосрочного интеграционного планирования, а также приоритетов председательства Республики Беларусь в ЕАЭС. Сделан вывод о том, что в Союзе выстроена система стратегического и среднесрочного планирования, для этого используются различные юридические формы и уровни. Ежегодные повестки – важный инструмент реализации актов программного планирования.

Ключевые слова: Договор о ЕАЭС; ЕАЭС; интеграционное право; региональная интеграция; Стратегия-2025; Декларация «Евразийский экономический путь».

STRATEGIC INTEGRATION PLANNING AND PRIORITIESOF THE REPUBLIC OF BELARUS'S PRESIDENCY OF THE EAEU

T. N. Mikhaleva

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, mikhaleva-tn@rudn.ru

The article analyzes the main achievements of strategic planning for the EAEU to date, as well as the directions of new planning tools. The article presents a legal analysis of the relationship and forms of implementation of long-term, medium-term, and short-term integration planning, as well as the priorities of the presidency of the Republic of Belarus in the EAEU. It is concluded that the Union has built a system of strategic and medium-term planning, using various legal forms and levels for this purpose. Annual agendas are an important tool for implementing program planning acts.

Keywords: Treaty on the EAEU; EAEU; integration law; regional integration; Strategy 2025; Declaration «Eurasian Economic Path».

Республика Беларусь является участником ряда региональных организаций, в том числе интеграционных. В Евразийском регионе действует несколько институционально оформленных форм региональной интеграции в виде международных организаций с различной степенью интенсивности взаимодействия. Углубление евразийской интеграции отнесено к национальным интересам Республики Беларусь Концепцией на-

циональной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

Участие Республики Беларусь в региональных интеграционных объединениях основывается на постулатах незыблемости суверенитета, равенства участников международных отношений, что напрямую предусмотрено Конституцией Республики Беларусь и нашло отражение в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В данном стратегическом акте развития национальной правовой системы предусмотрена необходимость формирования благоприятных правовых условий для интенсификации сотрудничества региональных интеграций.

Активность и продвижение национальных интересов в структурах региональных объединений, в том числе интеграционных, проявляется в следующем (но не ограничивается этими тенденциями):

1) изменение правового статуса участия (переход от статуса наблюдателя к статусу члена – в рамках Шанхайской организации сотрудничества, далее – ШОС; приобретение статуса наблюдателя в БРИКС);

2) стремление к сокращению изъятий и барьеров в целях полноценной экономической интеграции (в рамках Евразийского экономического союза, далее – ЕАЭС);

3) реализация союзных программ при сохранении договорного и организационного статус-кво (Союзное государство);

4) поиск новых и адаптация существующих направлений экономического и гуманитарного сотрудничества (Содружество Независимых Государств, далее – СНГ);

5) наращивание информационно-аналитического и антикризисного потенциала в сфере безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности, далее – ОДКБ).

Предыдущие годы проходили под председательством Беларуси в перечисленных выше структурах (2020 – ЕАЭС, 2021 – СНГ, 2023 – ОДКБ), 2025 г. вновь актуализирует председательство в ЕАЭС. Повестка третьего председательства Беларуси в данной организации сосредоточена на устранении барьеров внутренней торговли, развитии цифровой интеграции, расширении внешней деятельности Союза, а также совершенствовании институциональной базы. Это помогает создать необходимую конъюнктуру реализации приоритетных задач.

1 января Республикой Беларусь как председательствующим государством-членом была представлена повестка развития ЕАЭС на 2025 г. В ней обозначены 9 ключевых сфер, решающих для года завершения реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции, утвержденных решением Высшего евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 (далее – Стратегия-2025): технологический потенциал и кооперация, продовольственная безопасность, единое транспортное пространство и логистика, равные условия и прозрачная конкуренция, защита внутреннего рынка, цифровая транс-

формация, международное сотрудничество, социальное и гуманитарное, а также информационное взаимодействие [1]. Эти сферы также коррелируют с основными задачами Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» (далее – Декларация 2030–2045) [2]. Таким образом, повестка, предложенная Республикой Беларусь, является своеобразным связующим звеном между Стратегией-2025 и Декларацией 2030-2045.

При этом следует учитывать, что Стратегия-2025 носит обязательный характер, поскольку принята решением Высшего Евразийского экономического совета (далее – Высший совет), а также имеет в свое развитие план мероприятий по реализации, утвержденный также актом обязательного характера – решением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. [3]. Декларация 2030–2045, в свою очередь, с точки зрения своей правовой природы не относится к актам органов ЕАЭС. Несмотря на то, что в преамбульной части речь идет о Высшем совете, Декларация 2030–2045 не является решением или распоряжением данного органа. Статус такого документа характеризуется как политико-правовой. Подобного рода акты в интеграционных объединениях обладают особым стратегическим значением: они являются не только совместным заявлением, но и фиксируют цели, задачи, ключевые направления. Положения данного акта указывают на особый характер декларации и связывают ее с международно-правовыми обязательствами сторон. Кроме того, этой же датой Высшим Евразийским экономическим советом принят обязательный акт – распоряжение о плане мероприятий («дорожная карта») по реализации Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» № 6 от 25 декабря 2023 г. Евразийской экономической комиссии дано поручение совместно с государствами – членами Евразийского экономического союза разработать и представить для утверждения в 2025 г. Советом Евразийской экономической комиссии проект плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Декларации 2030–2045.

Таким образом, в совокупности стратегическое планирование обусловлено четкими нормативными и организационно-правовыми мерами, включающем механизмы, мероприятия, сроки и формы реализации Декларации 2030–2045. Корреляция с Декларацией 2030–2045 ежегодных повесток, в свою очередь, – важный шаг для укрепления политико-правового статуса и значения такого документа, а также для последовательной реализации поставленных задач. Сформированная повестка отражает и наиболее актуальные вопросы, заложенные в Стратегии-2025, которые нуждаются в дополнительной проработке.

Следует отметить, что на протяжении 10 лет функционирования Союза уже были приняты и начали реализовываться целый ряд мероприятий, запланированных в соответствии с уже утвержденными актами органов

Союза стратегического характера. Акты приняты в рамках сфер, закрепленных в Договоре для всех видов политик (единой, согласованной, скоординированной), на различном уровне. Например, решениями Высшего совета утверждены Концепция формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза (№ 12 от 8 мая 2015 г. № 12), Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (№ 7 от 31 мая 2016 г.), Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза (№ 8 от 31 мая 2016 г.); Программа поэтапной либерализации выполнения перевозчиками, зарегистрированными на территории одного из государств – членов Евразийского экономического союза, автомобильных перевозок грузов между пунктами, расположенными на территории другого государства – члена Евразийского экономического союза, на период с 2016 по 2025 гг. (№ 13 от 8 мая 2015 г.) и Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств членов Евразийского экономического союза (№ 19 от 26 декабря 2016 г.); Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза (№ 28 от 16 октября 2015 г.); Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (№ 20 от 1 октября 2019 г.), Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. (№ 12 от 11 октября 2017 г.).

Решениями Евразийского межправительственного совета утверждены Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (№ 9 от 8 сентября 2015 г.); Концепция создания Евразийского инжинирингового центра по станкостроению (№ 1 от 13 апреля 2016 г.); Концепция трансграничного информационного взаимодействия (№ 7 от 9 августа 2019 г.); Концепции развития электронного документооборота в морских пунктах пропуска государств – членов Евразийского экономического союза (№ 1 от 5 февраля 2021 г.).

Решениями Совета ЕЭК утверждены также лишь некоторые программные акты: Концепция использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов (№ 73 от 18 сентября 2014 г.); Концепция создания евразийской сети промышленной кооперации и субконрактации (№ 143 от 21 декбаря 2016 г.); Концепция создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий (№ 23 от 30 марта 2018 г.).

Декларацией 2030–2045 определены векторы дальнейшего стратегического развития ЕАЭС, как продолжающие предыдущие стратегии, так и новационные. Следует признать вместе с тем, что последних в Декларации 2030–2045 относительно немного. К первым относится обеспечение общего рынка ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование, включая устранение барьеров и сокращение изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС, совершенствование право-

вого, организационно-технического, инновационного регулирования в ключевых экономических отраслях; формирование общего транспортно-логистического пространства, включая реализацию совместных транспортных, инфраструктурных, логистических проектов, упрощение таможенного администрирования и др. Несколько новые подходы заявлены к сотрудничеству в сельскохозяйственной сфере через призму продовольственной безопасности, в сфере технологического развития, упоминаются такие новые сферы как туризм, медицина, проч. Это дает основания полагать, что «с одной стороны, важность и комплексность проработки стратегических, долгосрочных направлений еще на этапе формирования Стратегии-2025. С другой стороны, предположить, что инновационные подходы будут заложены именно в рамках плана действий по реализации Декларации 2030–2045» [4, с. 54–55]. При этом обращают внимание и на то, что «при должной реализации необходимо основываться на статье 3 Договора о Союзе, в соответствие с которой компетенция ЕАЭС определяется пределами компетенции, предоставленной ему государствами – членами ЕАЭС в соответствии с Договором о Союзе» [5, с. 59].

Таким образом, в Союзе выстроена система стратегического планирования среднесрочных и долгосрочных рубежей. Юридическая форма долгосрочного общего стратегического развития завязана на преливинарные декларации (как это было с Декларацией 2018 г., Декларацией 2030–2045), сопровождаемыми актами обязательного организационно-правового характера (распоряжениями Высшего совета), содержащие порученческие нормы в увязке с декларациями. Программные стратегические акты принимаются на уровне Высшего совета (как Стратегия-2025), а планирование мероприятий по их реализации – на уровне Межправительственного евразийского совета. Отраслевые программные акты принимаются на различном уровне в зависимости от вида политики в данной сфере, установленной в Договоре и соответствующей компетенции, в большей степени – на уровне Высшего совета. Роль краткосрочного программного развития при этом выполняют ежегодные повестки со стороны председательствующих в Высшем совете государств.

Библиографический список

1. Приоритеты Председательства Беларуси в ЕАЭС // БЕЛТА. – 01.01.2025 – URL: https://belta.by/president/view/belarus-predsedatelstvuet-v-eaes-lukashenko-oboznachil-prioritety-na-predstojaschij-god-686336-2025/ (дата доступа: 23.07.2025).

2. Декларация развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/Belchik/Deklaratsiya-kop.pdf (дата доступа: 23.07.2025).

3. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 дек. 2020 г. № 12 // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/04f/6ctg5opfqba9t6b3pl1xwvxt4cb5lzte/err_12012021_12_doc.pdf (дата доступа: 23.07.2025).

4. Михалёва, Т. Н. Стратегическое планирование и проектирование евразийской интеграции / Т. Н. Михалёва // Евразия-2024: правовая и социально-экономическая интеграция в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 13–14 сент. 2024 г. / отв. ред. Р. В. Нигамтуллин ; Науч.-исслед. Ин-т проблем правового государства. – Уфа, 2024. – С. 52–57.

5. Павлова, М. А. Евразийский экономический путь: перспективы декларирования / М. А. Павлова // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 56–61. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322212 (дата доступа: 23.07.2025).

СЕКЦИЯ 1
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СТРАН ЕВРАЗИИ

А. Ю. Вильчинский

ООО «ГринСитиСтрой»,
ул. Передовая 6, офис 111, 220037, г. Минск, Беларусь, greencitystroy@mail.ru

В статье произведен анализ текущих геополитических событий, выявлены предпосылки и перспективы развития современной геополитической обстановки, выявлены современные проблемы глобального характера, которые определяются качественным совершенствованием средств, форм и способов противостояний между государствами; комплексное исследование современных геополитических проблем Евразии, включая анализ ключевых конфликтов, выявление основных тенденций и разработку возможных сценариев развития региона. Особое внимание уделяется вопросам региональной безопасности, экономического сотрудничества и культурно-цивилизационного взаимодействия. Изучение евразийского пространства предполагает учет исторических, политических, экономических и социокультурных факторов, определяющих его уникальное положение в мировой системе.

Ключевые слова: Евразия; политическое влияние; Евросоюз; государство; ООН; миропорядок; безопасность; санкции; БРИКС; инициативы; ШОС.

GEOPOLITICAL CHALLENGES FOR EURASIAN COUNTRIES

A. U. Vilchinsky

GreenCityStroy LLC,
6, Peredovaya Street, office 111, Minsk 220037, Belarus, greencitystroy@mail.ru

The article analyzes current geopolitical events, identifies the prerequisites and prospects for the development of the modern geopolitical situation, identifies current global problems that are determined by the qualitative improvement of means, forms and methods of confrontation between states; a comprehensive study of modern geopolitical problems in Eurasia, including the analysis of key conflicts, identification of key trends and the development of possible scenarios for the development of the region. Special attention is paid to issues of regional security, economic cooperation, and cultural and civilizational interaction. The study of the Eurasian space involves taking into account the historical, political, economic and sociocultural factors that determine its unique position in the global system.

Keywords: Eurasia; political influence; European Union; state; UN; world order; security; sanctions; BRICS; initiatives; SCO.

В XXI в. одну из главных ролей в Евразии играет не евразийское государство – это США. Американцы обладают огромным политическим вли-

янием на Великобританию и страны Евросоюза, поэтому на международной арене самые напряженные отношения у России сложились с США. Страны спорят по целому ряду вопросов – ситуация на Украине и в Сирии, но в целом конфликт можно объяснить разным подходом к современному миропорядку. Из-за санкций и конфликта на Украине с Европейским Союзом (союзниками США) у России также напряженные отношения. США отстаивают концепцию «однополярного мира», в рамках которого одна страна, т. е. сами США, имеют решающее слово во всех международных вопросах. В рамках концепции однополярного мира США пытаются не допустить усиления влияния других стран, и даже больше, они прямо заявляют, что их политика направлена на «сдерживание» России. Одновременно США использует любую возможность для сдерживания роста крупнейшей экономики Китая. Также Американцы находятся в конфликте с Ираном за влияние на ближнем востоке, поддерживая антиправительственные силы внутри страны.

Вспомним историю. Февраль далекого 1945 г.: Ялтинская конференция собрала лидеров государств антигитлеровской коалиции, на которой решалась судьба послевоенного мирового порядка.

Помимо других на повестке было два вопроса:

1) во-первых, требовалось провести новые государственные границы на территории, еще недавно оккупированной Третьим рейхом. Одновременно нужно было установить неофициальные, но общепризнанные всеми сторонами демаркационные линии между сферами влияния союзников;

2) во-вторых, союзники осознавали, что после исчезновения общего врага вынужденное объединение Запада и СССР потеряет какой-либо смысл, а поэтому следовало создать процедуры, гарантирующие неизменность проведенных на карте мира разграничительных линий [1].

Также в Ялте была начата реализация идеи новой Лиги Наций. Союзникам требовалась межгосударственная организация, способная предотвратить попытки изменить установленные границы сфер влияния.

Было условлено, что в основу деятельности ООН при решении кардинальных вопросов обеспечения мира будет положен принцип единогласия великих держав – постоянных членов Совета Безопасности, имеющих право вето.

ООН стала символом и формальным гарантом послевоенного мироустройства, авторитетной и иногда даже достаточно эффективной организацией в разрешении межгосударственных проблем. При этом страны-победители и впредь предпочитали решать действительно серьезные вопросы своих взаимоотношений путем двусторонних переговоров, а не в рамках ООН. Следует сказать о том, что ООН не смогла помешать войнам, которые велись в последующие десятилетия.

Но принятие на Ялтинской конференции согласованных решений вновь показало возможность сотрудничества государств с различным общественным строем.

Но уже через год – 5 марта 1946 г. Черчилль, выступая в Вестминстерском колледже в Фултоне, назвал Советский Союз причиной «международных трудностей» и что на континент опустился «железный занавес».

В марте 1947 г. президент США Гарри Трумэн провозгласил доктрину сдерживания СССР. А 4 апреля 1949 г., в Вашингтоне 12 стран подписали Североатлантический договор. В 1954 г. на вступление в НАТО подавал заявку и СССР, но ее отклонили [2].

После распада СССР Альянс стал создавать различные механизмы консультаций с бывшими странами Варшавского договора, начал проводить политику «открытых дверей». Путь к расширению Альянса открыла программа «Партнерство ради мира» (1994 г.), активизировавшая сотрудничество со странами бывшего соцлагеря. После чего было несколько волн расширения НАТО, в котором сейчас состоит 32 страны [3, с. 40].

После распада СССР, на его месте образовалось 15 суверенных республик. В это время запад праздновал победу, победу в холодной войне. Но нас не победили, нас обманули! И как показывает время, дальше нас постоянно обманывали: сначала о не расширении НАТО на восток, затем убеждали нас в том, что вам не чего бояться, и никакие экономические санкции против вас не будут применены; Минские соглашения давали возможность не доводить нарастающие противоречие между Россией и Украиной до Специальной военной операции, после начала которой многие западные лидеры, признались, что минские соглашения нужны были только для одного – выиграть время, чтобы подготовить Украину к войне.

Этот список можно продолжать и дальше. Западу не нужна сильная Россия, которая будет отстаивать свои интересы на международной арене. Им не нужны сильная Индия, Китай и другие суверенные государства. Идея о золотом миллиарде, а остальной мир в роли обслуживающего персонала – вот та, глобальная цель наших «западных партнеров».

В век высоких технологий на повестке дня по-прежнему остро стоит вопрос нехватки продовольствия. Сотни миллионов голодающих по всей земле. А страны-экспортеры удобрений не имеют возможности из-за санкций поставить свои удобрения. А все мы знаем, что урожай зависит от качества и количества вложенных в землю удобрений.

Половина мира обложено незаконными санкциями, нелегитимными ограничениями парализованы целые отрасли экономики, право частной собственности уничтожено; арестовываются государственные активы и просто в наглую разворовываются суверенные финансовые ресурсы; взрываются газопроводы, закрывается доступ к морю.

Необходимо заметить, что по нормам международного права санкции против какой-либо страны могут быть введены исключительно по решению Совета Безопасности ООН. Однако постоянные члены этого Совета имеют право заблокировать любые его решения. Санкции, вводимые американцами против других стран, не одобряются Советом Безопасности ООН, а поэтому не законны. Однако многие международные компа-

нии тесно связаны с американской экономикой. И поэтому вынуждены учитывать политику санкций [4, с. 62].

Но старый миропорядок остался историей, историей доминирования запада. В наши дни и глобальный, и локальные миропорядки находятся в состоянии турбулентности – своего рода исторический период, когда обостряются социальные и международные конфликты, сопровождающиеся ростом насилия, и Израиль тому подтверждение, действия которого в Газе, Ливане, Сирии и Иране не поддаются оправданию, т. е. можно констатировать, что фактически не осталось законных международно-правовых инструментов, формирующих гарантии в сфере военной безопасности. Мир – центральный вопрос!

Евразия превратилась в зону все более остро разворачивающейся борьбы, а также геополитического и геоэкономического противостояния между условным Востоком и условным Западом. В новой ситуации, возникшей после начала российской военной операции на Украине и характеризующейся развалом глобализации, и противостоянием между авторитарными империями и демократиями, Европа стала главной проигравшей стороной. Она превращается в зону демографического спада и экономической стагнации, параллельно демонстрируя беспомощность перед лицом российского напора на фоне ослабления гарантий безопасности со стороны США. И больше всех проиграли лидеры ЕС – Франция и Германия.

Это и многое другое подталкивает государства к созданию новых объединений, в основу которых будут заложены принципы добрососедства, взаимоуважения и взаимопомощи, где государства-партнеры будут принимать во внимание интересы другой стороны. И такие объединения уже есть ШОС, АСЕАН, БРИКС. Россия и Китай играют в этом ключевую роль. Саммит БРИКС в Казани, осенью 2024 г., тому подтверждение. Мы видим, как за одним столом находятся страны, которые имеют давние территориальные споры – Армения и Азербайджан; Китай и Индия, которые провели первые за 5 лет переговоры по урегулированию приграничного конфликта, который тянулся с 2020г., что можно трактовать как завершение холодных отношений между собой. Настало время отбросить давние разногласия, искать пути решения проблем и двигаться вперед [5].

ОБСЕ – организация, цели и задачи которой сводятся к предотвращению возникновения конфликтов в регионе и урегулирование кризисных ситуаций, но она не работает – конфликт на Украине идет третий год. На фоне отсутствия авторитета ООН, которое создавалось, как гарант безопасности в будущем, просто необходимо уже даже не искать пути решения проблемы, а в конце концов решить для себя, чего мы хотим. Так должен ставить вопрос каждый участник БРИКС или ШОС. Именно в Евразии пересекаются все мировые оси, как будет здесь в будущем, так будет и во всем мире. Именно в Евразии находятся страны способные возглавить движение к всеобщей безопасности, и уже выдвинули ряд инициатив. Предложение России по построению справедливой системы коллективной безопасности.

Инициативы Китая в области глобальной безопасности с формированием сообщества «единой судьбы». Индии – о заключении всеобъемлющего глобального договора о развитии. Половина населения проживает в этих странах, и это самое мощные в военно-политическом отношении государства. И речь не идет о том, что БРИКС должен занять место ООН, стоит отметить тот факт, что неоднократно появлялась информация, что США размышляет о выходе из ООН. Но БРИКС просто обязан создать работающие механизмы обеспечения гарантий безопасности своим участникам, как в военной безопасности, так и в экономической. Это та уверенность в завтрашнем дне, из-за которой многие страны повернулись к БРИКС.

Конечно же еще много всего предстоит сделать, в первую очередь найти ответы по ключевым вопросам. Как объединить всех в регионе и сделать так, что партнеры «не тянули одеяло на себя» – это сложный процесс, потому что многие страны объективно тяготеют к региональным центрам силы. А это затрудняет поиск приемлемых компромиссов. Необходима своя платежная система, которая обеспечит стабильность в регионе, позволит экономикам развиваться, не опасаясь нелегитимных санкций.

Россия занимает особую роль в формировании «Новой Евразии». Занимая внутреннее пространство Центральной Евразии, Россия является своего рода «осевым» районом мировой политики. Как показывает международный опыт политических отношений, когда Россия формировалась как сильная и влиятельная держава в Европе и Азии, а также в мировом масштабе, региональная и глобальная ситуация стабилизировалась. Этот фактор до сих пор создает условия для осуществления Россией политической роли держателя равновесия между Востоком и Западом.

Новая геополитическая реальность меняет стратегию и логику международного взаимодействия ЕАЭС, на годы (а возможно, и на десятилетия) вычеркивая ЕС и страны коллективного Запада из этого уравнения. Теперь перед Союзом стоит сложная задача – научиться использовать внешнеэкономические связи для снижения негативного влияния санкций.

Библиографический список

1. Богатуров, А. Д. Лидерство и децентрализация в международных отношениях / А. Д. Богатуров // Международные процессы. – 2006. – Т. 4, № 3 (12). С. 5–15.

2. Окунев, Д. В объятия врага: как СССР рвался в НАТО / Д. Окунев // газета.ru. – 31.03.2019. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/03/31_a_12276109.shtml (дата обращения: 01.04.2025).

3. Хрусталев, М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учеб. пособие / М. А. Хрусталев. – М. : Аспект пресс, 2015. – 207 с.

4. Хрусталев, М. А. Системное моделирование международных отношений / М. А. Хрусталев. – М. : МГИМО, 1987. – 115 с.

5. Истомин, И. А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 304 с.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ КОНТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

М. Л. Горбунова[1)], И. Д. Комаров[2)]

[1)] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
пр. Гагарина, 23, 603022, г. Нижний Новгород, Россия, gorbunova@iee.unn.ru
[2)] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
пр. Гагарина, 23, 603022, г. Нижний Новгород, Россия, komarov@imomi.unn.ru

Статья посвящена формированию стратегических контуров Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях трансформации мирового порядка. В рамках соперничества друг с другом за власть и влияние в новом мировом порядке великие державы (центры силы) – США, КНР, Россия, ЕС, в меньшей степени Индия – активно продвигают формализованные и неформализованные межгосударственные объединения, которые сочетают лидерское (силовое) и пространственное измерения мирового порядка. В статье с использованием метрик баланса сил, применяемых при анализе властного транзита, и параметров стратегической ресурсности (концепт авторов) дана оценка позиции ЕАЭС и формируемых вокруг него контуров интеграции в сравнении со сходными объединениями других великих держав и самими великими державами, в выборку исследования вошли – США, КНР, ЕС, ВРЭП и др. Сопоставление компонентов совокупного индекса национального потенциала показало, что включение в оценку межгосударственных формализованных объединений позволяет увидеть контуры многополярной архитектуры мирового порядка в противовес парадигме новой биполярности. По параметрам стратегической ресурсности социального, экономического и военно-политического характера ЕАЭС как самостоятельно, так и в контурах обладает устойчивой ресурсообеспеченностью.

Ключевые слова: ЕАЭС; контуры ЕАЭС; властный транзит; совокупный индекс национального потенциала; стратегическая ресурсность.

GEOPOLITICAL CHALLENGES OF THE WORLD ORDER TRANSFORMATION AND THE EAEU INTEGRATION CONTOURS

M. L. Gorbunova[a], I. D. Komarov[b]

[a] The National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia, gorbunova@iee.unn.ru
[b] The National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky.,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia, komarov@imomi.unn.ru

The article is focused on the genesis of the Eurasian Economic Union (EAEU) strategic contours in the context of world order transformation. The great powers (power centers)

such as the United States, China, Russia, the EU, and to a lesser extent India – are actively promoting formal and non-formal multilateral institutions as a part of global rivalry. They combine both power and spatial world order dimensions. The metrics of the balance of power, typically used in the power transit analysis framework, and the parameters of strategic resource self-reliance, which is the authors' concept, allow to characterize the position of the EAEU alongside integration contours among similar institutions promoted by great powers and the great powers themselves, so the study sample includes the USA, China, the EU, the Regional Comprehensive Economic Partnership, etc. A comparison of the components of the composite index of national capability for the above-mentioned entities has demonstrated how the addition of multilateral formal initiatives to the analytical framework makes it possible to see the outlines of the world order multipolar architecture as opposed to the paradigm of the new bipolarity. According to the parameters of strategic resource self-relianceof a social, economic, and military-political nature, the EAEU, both independently and in contours, has a stable strategic resource availability.

Keywords: EAEU; the EAEU contours; power transit; composite index of national capability; strategic resource self-reliance.

Трансформация мирового порядка, когда масштабный экономический кризис постепенно перерос в глобальное геополитическое противостояние, обострила вопросы соперничества великих держав (центров силы). Одной из теорий, объясняющих противостояние между ними, является теория властного транзита (*power transit*), предложенная А. Ф. К. Органски и его последователями [1; 2]. В развитие теории Дж. Д. Сингер выделил демографический, промышленный (экономический) и политический потенциалы государств [3], его идеи легли в основу расчета Сводного индекса национального потенциала (СИНП), составной части проекта «Корреляты войны» об изучении условий, связанных с имевшими место и потенциальными военными конфликтами великих держав [4]. Великие державы обладают властью (силовым ресурсом) во всех составляющих в системе международных отношений. Классик американского реализма Дж. Миршаймер в работе 2019 г., написанной на фоне заката однополярного мирового порядка и гегемонии США, также обратил внимание на то, что в периоды стабильности баланс сил обеспечивается экономическими факторами, в условиях нестабильности – силовыми [5]. В новейшей монографии «Конкуренция между США и КНР: возможности для России», выпущенной в 2024 г. под редакцией профессора Д. А. Дегтерева, концептуализирована развернутая методологическая рамка сравнения мощи великих держав США и КНР, представленная вместе с актуальными эмпирическими оценками их соперничества [6].

С одной стороны, нельзя не согласиться, что с точки зрения баланса сил, эмпирическим эквивалентом которого является сводный индекс национальной мощи, ключевым современным противостоянием является противостояние КНР и США, но в то же время, по мнению авторов, высказанному в работе 2020 г., что, во-первых, нельзя не замечать

совокупной мощи ЕС, который представляет собой коллективный центр силы, опирающийся на высокий политический статус Франции (ранее в совокупности с Великобританией), экономический потенциал как двух других европейских государств Группы семи Германии и Италии, так и остальных 24 государств-членов, во-вторых, перспективным направлением анализа текущих и будущих возможностей великих держав в рамках трансформирующегося мирового порядка является их стратегическая ресурсность [7]. Стратегическая ресурсность (самодостаточность) великих держав имеет отношение к наличию и внешним поставкам товаров групп (товаров), способных повлиять не только на традиционную безопасность, но и на социальную стабильность, фактором которой являются поставки продовольствия (в узком смысле – зерновых), а также на обеспечение условий экономического роста, к такой группе товаров относятся, например, энергоносители. Эти трансферабельные товары соотносятся с параметрами сравнения великих держав, указанными в работе [2, с. 8], компонентами совокупного индекса национального потенциала [4]: с населением соотносятся товары социальной стабильности, с экономическим потенциалом – поставки топлива и черных металлов, с численностью армии и оборонными расходами – поставки оружия. Более ранние опубликованные исследования и расчеты авторов показали, что среди крупных государств, претендующих на статус великих держав, обладает стратегической ресурсностью по этим группам товаров Россия вместе с США и Бразилией [7].

Авторы полагают, что будущая архитектура мирового порядка будет многополярной [8], она будет сочетать в себе не только лидерский (силовой), но и пространственный (неиерархический) компонент – на необходимость выделения второго компонента обратил внимание А. Д. Богатуров в 1997 г., приняв во внимание опыт интеграции государств Восточной и Юго-Восточной Азии [9]. В рамках лидерского компонентавходящие в баланс великие державы договариваютсяо бесконфликтном сосуществовании и формируют основные институты – правила и организации – стабильного мирового порядка. Пространственный (неиерархический) компонент, таким образом, концептуально тесно связан с интеграцией и структурирует участие в мировом порядке малых и средних государств, не являющихся экономически самодостаточными. В этом смысле Европейский союз является примером высокоуровневой пространственной организации мирового порядка, чей генезис и последующая эволюция имеют как политические, так и экономические драйверы. На этом фоне показательно, что в настоящее время, характеризующееся турбулентностью, почти все великие державы – КНР, США, Россия и сам ЕС – развивают, во-первых, свои концептуальные контуры влияния в формате многосторонних неформализованных инициатив по типу «Один пояс, один путь», «Индо-Тихоокеанская экономическая структура», «Большое евразийское партнерство», «Глобальный портал» [10]; во-вторых, масштабируют до мегауровня региональные соглашения, здесь примером являются иници-

ативы Транс-Тихоокеанское партнерство США (остановленное в настоящее время, но положившее начало процессу запуска трансрегиональных соглашений великими державами) и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство под эгидой США, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство АСЕАН с участием КНР и контуры ЕАЭС. Термин «контуры ЕАЭС» введен в оборот С. Ю. Глазьевым, в настоящее время являющимся государственным секретарем Союзного государства России и Беларуси, а до этого членом коллегии (министром) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии. По его мнению, расширение процесса евразийской интеграция осуществляется по двум контурам: «Первый – внутренний, ассоциирующийся с присоединением новых государств к его «ядру» – ЕАЭС. Второй – внешний, завязанный на выстраивание сети зон свободной торговли и соглашений о преференциальных режимах торгово-экономического сотрудничества с другими государствами» [11, с. 285]. В первом контуре находятся государства СНГ, во втором – государства, с которыми ЕАЭС заключил соглашения о создании зон свободной торговли – Сербия, Вьетнам, Иран, Сингапур (вместе с государствами СНГ на графиках – ЕАЭС контуры), так и государства, с которыми предполагается заключить соглашения о создании зон свободной торговли– Египет, Израиль, Индия, Индонезия, Монголия, ОАЭ (на графиках – группа ЕАЭС контуры плюс) [12, 13].

Таким образом, гипотеза авторов состоит в том, что сам ЕАЭС и его перспективные контуры – это элемент пространственной организации мирового порядка, строящийся вокруг России на основе ее стратегической ресурсности. Интеграционный проект, с одной стороны, позволяет компенсировать ее низкую совокупную мощь в рамках баланса сил, с другой – структурирует участие государства-партнеров в мироустройстве за счет включения в зону-кластер России.

Для понимания соперничества великих держав и контуров ЕАЭС авторы оценивают их совокупную мощь и стратегическую ресурсность, рассматривая следующую выборку – США, КНР, ЕС, ВРЭП, ЕАЭС контуры и ЕАЭС контуры плюс.

На рисунках 1 – 4 представлена сравнительная оценка совокупной мощи участников выборки по таким параметрам как численность населения, ВВП в номинальном выражении и по ППС (оба – с учетом влияния инфляции), абсолютные оборонные расходы по ППС (с учетом влияния инфляции). Все показатели рассчитаны на основе базы данных Всемирного банка «Показатели мирового развития» [14]. Данные говорят, что по демографическому потенциалу ЕАЭС контуры плюс сопоставимы с ВРЭП, хотя и уступают ему экономически – в наиболее оптимистическом варианте по ППС ВВП группы государств «ЕАЭС контуры плюс» достигает уровня КНР, однако опережает ЕС и США. По военным расходам в паритетном выражении мощь этой группы государств сопоставим с уровнем ВРЭП, при этом сокращается их отставание от США – безусловного лидера по военным расходам.

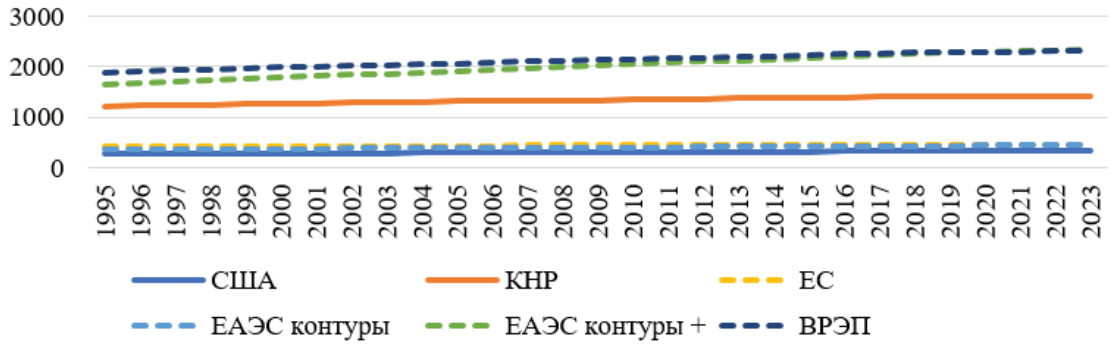

Рис. 1. Население, млн чел.

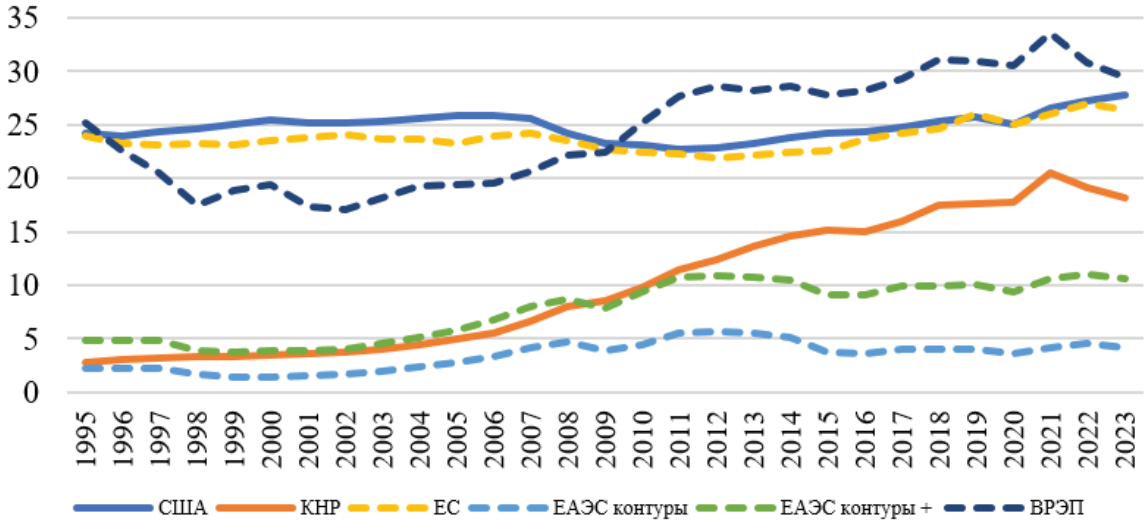

Рис. 2. ВВП в номинальном выражении, трлн долл. США с поправкой на инфляцию

На рисунках 5 – 7 представлена оценка стратегической ресурсности участников выборки в разрезе обеспечения социальной стабильности, условий экономического роста и традиционной безопасности – на основе сальдо поставок групп ТН ВЭД 10 «Злаки», 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности» (показатели рассчитывались с учетом влияния инфляции). Показатели рассчитаны на основе базы данных торговой статистики ООН [15].

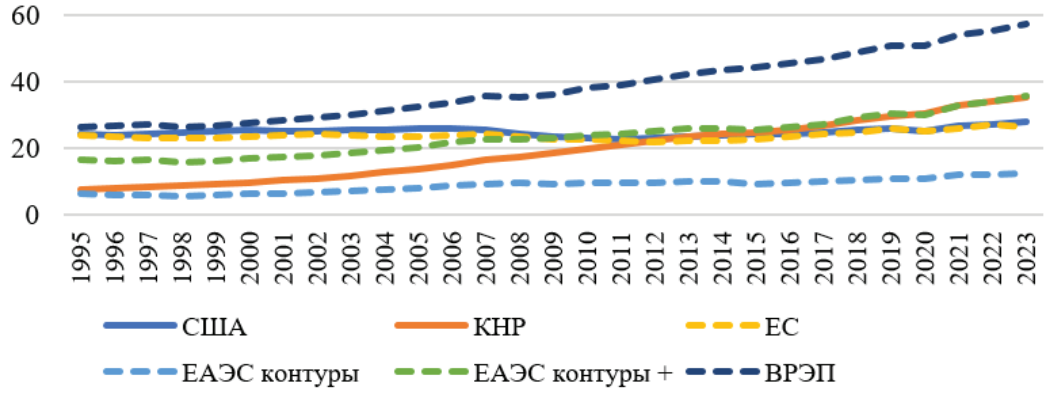

Рис. 3. ВВП ППС, трлн долл. США с поправкой на инфляцию

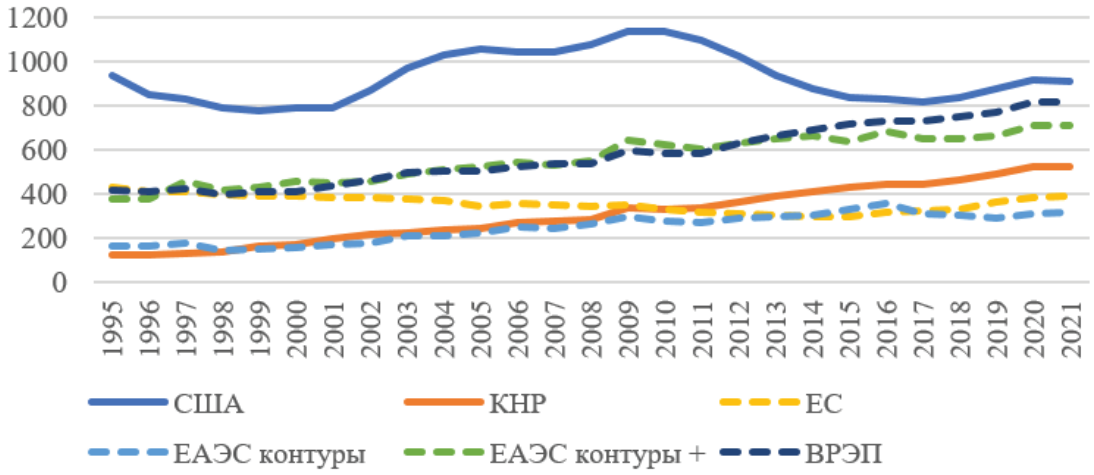

Рис. 4. Военные расходы по ППС, млрд долл. США с поправкой на инфляцию

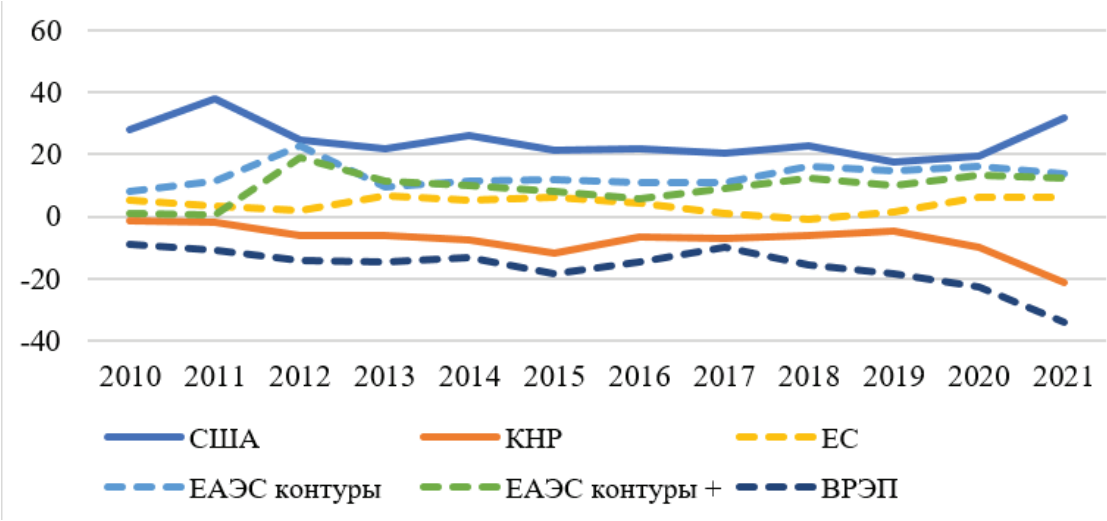

Рис. 5. Стратегическая ресурсность: социальная стабильность, сальдо торговли ТН ВЭД 10 «Злаки», млрд долл. (с учетом ценового фактора)

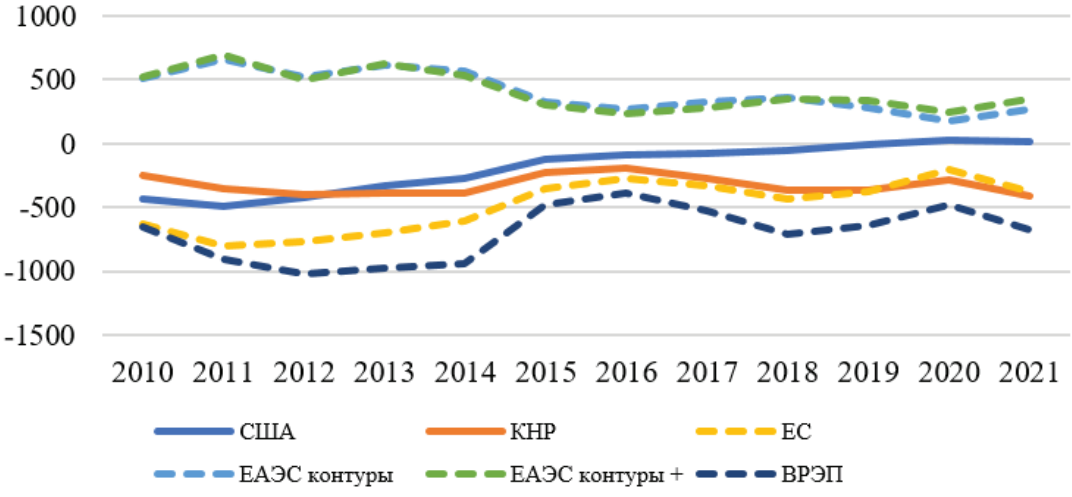

Рис. 6. Стратегическая ресурсность: социальная стабильность, сальдо торговли ТН ВЭД 27 «Минеральное топливо…», млрд долл. (с учетом ценового фактора)

Данные показывают, что стратегическая ресурсность в рамках интеграционных контуров ЕАЭС не исчезает несмотря на то, что в контуры входят государства нетто-импортеры зерновых и минерального топлива, что придает стабильность формируемым партнерствам.

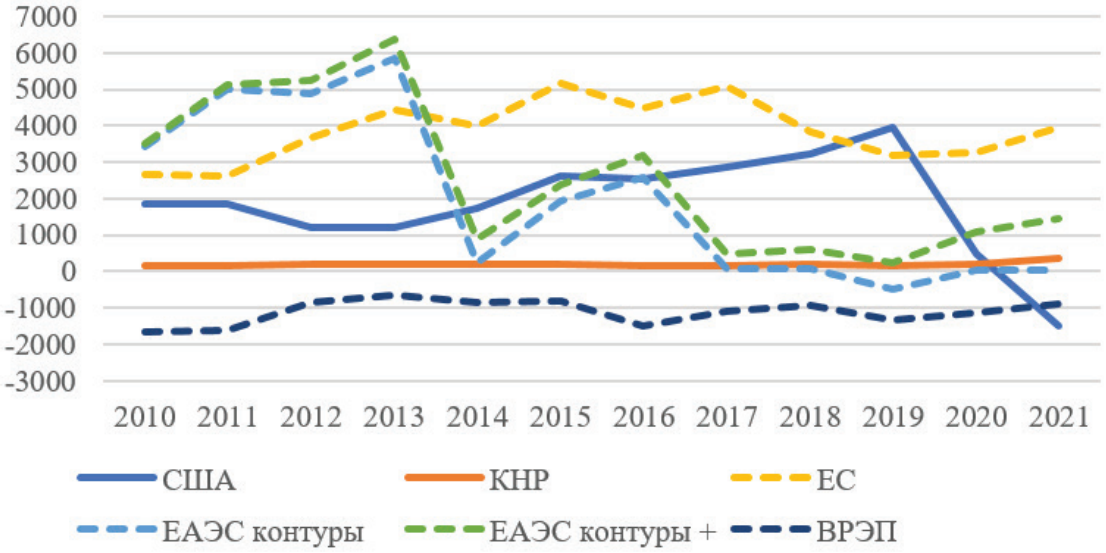

Рис. 7. Стратегическая ресурсность: социальная стабильность, сальдо торговли ТН ВЭД 93 «Оружие и боеприпасы…», млн долл. (с учетом ценового фактора)

Таким образом, баланс сил, рассчитанный с учетом пространственного компонента мирового порядка, а также оценки стратегической ресурсности показывают потенциал развивающегося интеграционного процесса ЕАЭС в рамках трансформации мирового порядка.

Исследование выполняется в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования России, номер темы *FSWR*-2025-0003.

Библиографический список

1. Organski, A. F. K. World politics. N. Y.: A. Knopf, 1958. – 461 p. – URL: https://doi.org/10.1017/S000305540023325X (date of access: 05.04.2025).

2. Power Transitions: Strategies for the 21st Century / R. L. Tammen, J. Kugler, D. Lemke [et al.] ; 1st Edition. – London: Seven Bridges Press, LLC / Chatham House, 2000. – 244 p. – URL: https://www.abebooks.com/first-edition/Power-Transitions-Strategies-21st-Century-Ronald/30714070045/bd (date of access: 05.04.2025).

3. Singer, J. D. Reconstructing the correlates of war dataset on material capabilities of states, 1816–1985. / J. D. Singer // International Interactions. – 1988. – Vol. 14, N 2, – P. 115–132. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Reconstructing-the-correlates-of-war-dataset-on-of-Singer/f72de5728eb79ca2f4fd6570c6f6706badf1dda8 (date of access: 05.04.2025).

4. National Material Capabilities (v6.0) // The Correlates of War Project. – URL: https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/ (data of access: 05.04.2025).

5. Mearsheimer, J. J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order / J. J. Mearsheimer // International security. – 2019. – Vol. 43, N 4, – P. 7–50. – URL: https://doi.org/10.1162/isec_a_00342 (date of access: 05.04.2025).

6. Конкуренция между США и КНР : возможности для России / Е. Н. Грачиков, В. А. Данилов, Д. А. Дегтерев [и др.] ; под ред. Д. А. Дегтерева. – М. : Аспект Пресс, 2024. – 300 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=725101 (дата обращения: 14.04.2025).

7. Горбунова, М. Л. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира / М. Л. Горбунова, И. Д. Комаров // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 57–74. – URL: https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1157/743?locale=ru_RU (дата обращения: 14.04.2025).

8. Комаров, И. Д. Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде / И. Д. Комаров, М. Л. Горбунова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 6–28. – URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/1153 (дата обращения: 14.04.2025).

9. Богатуров, А. Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А. Д. Богатуров. – М. : Сюита, 1997. – 349 с. – URL: http://www.obraforum.ru/lib/book5/index.htm (дата обращения: 01.04.2025).

10. Комаров, И. Д. Конвергенция и дивергенция многосторонних инициатив ведущих центров силы / И. Д. Комаров, М. Л. Горбунова // Управление и политика. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 8–35. – URL: https://www.gp-mgimo.ru/jour/article/view/72 (дата обращения: 01.04.2025).

11. Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – М. : Книжный мир, 2019. – 327 с. – URL: https://flibusta.su/book/58562-ryivok-v-buduschee-rossiya-v-novyih-tehnologicheskom-i-mirohozyaystven/read/ (дата обращения: 14.04.2025).

12. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/ (дата обращения 02.04.2024).

13. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Правовой портал Евразийского экономического союза. – 11.12.2020. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения 02.04.2024).

14. World Development Indicators // World Bank. – URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 01.04.2025).

15. UN Comtrade Database // United Nations. – URL: https://comtradeplus.un.org/ (date of access: 10.04.2025).

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ УГРОЗ

Е. А. Достанко[1)], О. Н. Лешенюк[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dostanko@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, leshenyuk.oleg@gmail.com

В статье описываются преимущества Республики Беларусь от членства в ШОС, обосновывается необходимость развития отношений на восточном направлении в целях преодоления санкционного давления коллективного Запада. ШОС дает возможность построить в регионе единую комплексную, архитектуру безопасности, снизить уровень терроризма, религиозного экстремизма, незаконного наркотрафика и контрабанды, укрепить национальный суверенитет, расширить культурный и гуманитарный диалог, решить вопросы молодежной политики и др. Создание общего транспортного пространства в зоне ответственности ШОС, обеспечение международных мультимодальных перевозок и развитие транспортной инфраструктуры, выход на рынки стран-членов и третьих стран позволит Беларуси повысить экономическое благосостояние.

Ключевые слова: Республика Беларусь; ШОС; односторонние принудительные меры; национальная безопасность; Иран.

EASTERN VECTOR OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN OVERCOMING TRANSNATIONAL THREATS

E. A. Dostanko[a], O. N. Leshenyuk[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dostanko@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, leshenyukOleg@bsu.by

The article describes the advantages of the Republic of Belarus from membership in the SCO, substantiates the need to develop relations in the eastern direction to overcome the sanctions pressure of the collective West. The SCO will provide an opportunity to build a single integrated security architecture in the region, reduce the level of terrorism, religious extremism, illegal drug trafficking and smuggling, strengthen national sovereignty, expand cultural and humanitarian dialogue, resolve issues of youth policy, etc. Creation of a common transport space in the area of responsibility of the SCO, provision of international multimodal transportation and development of transport infrastructure, access to the markets of member countries and third countries will allow Belarus to increase economic well-being.

Keywords: Republic of Belarus; SCO; unilateral coercive measures; national security; Iran.

Беларусь держит курс на Восток. Заявка на многополярную политику обусловлена стратегическими интересами выстроить справедливую систему неделимой безопасности. Зачем Беларуси аргументировать справедливость в международных делах?

Во-первых, Беларусь расширяет диалог культур и цивилизаций. Сотрудничество с другими культурами способствует предотвращению терроризма и насильственного экстремизма. Предпринимаются общие шаги к усилению взаимодействия и укреплению многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, СНГ и ОДКБ по вопросам борьбы с терроризмом и усилению коллективной безопасности [1]. На данный момент уже налажено сотрудничество по многим направлениям культурно-гуманитарного сотрудничества и в формате межпарламентского взаимодействия. Формат ШОС необходим, так как данная площадка позволяет в ускоренном формате рассматривать решение транснациональных угроз в области молодежной политики, в частности, распространение молодежных экстремистских субкультур.

Во-вторых, в последние годы происходит расширение повестки дня ШОС в области безопасности. На передний план выходит необходимость построения в регионе всеобщей, комплексной, транспарентной инфраструктуры надежной безопасности. Важен устойчивый рост, основанный на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы ее применения, уважения территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости государств.

В-третьих, терроризм, религиозный экстремизм, незаконный наркотрафик и контрабанда оружия приобрели трансграничный характер. Залогом эффективного противодействия этим угрозам могут стать согласованные меры и коллективные усилия. Комплексный характер вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов в борьбе с ними. В этих условиях императивом становится соблюдение всеми государствами универсальных принципов равной и неделимой безопасности.

В-четвертых, создание общего транспортного пространства в зоне ответственности ШОС, обеспечение международных мультимодальных перевозок, а также развитие транспортной инфраструктуры, все это позволит Беларуси повысить экономическое благосостояние. Членство Беларуси в ШОС – своевременный ответ на агрессивные выпады коллективного Запада. Кроме того, ШОС прекрасно дополняют такие организации, как ОДКБ и ЕАЭС.

Коллективный Запад продолжает санкционную политику в отношении официального Минска. Недружественные шаги существенно повлияли на блокировку устоявшихся цепей поставок, обеспечивающих экономическое благосостояние в Беларуси [2].

В условиях новых глобальных вызовов и угроз региональная антитеррористическая структура ШОС обладает достаточным потенциалом для реализации государствами-членами всех мер, необходимых для обеспечения безопасности на пространстве ШОС. Ситуация в регионе, несмотря на всю ее сложность, остается стабильной, и это способствует активизации интеграционных процессов, а также расширению социально-экономического и культурного сотрудничества. Беларуси необходим облегченный доступ к международным рынкам, поэтому ШОС является для страны

одним из способов активизации торгово-экономического сотрудничества. Совершенствование общего транспортного пространства, международных перевозок, скоординированное развитие автомобильных дорог, а также диверсификация экспортного потенциала Союзного государства ЕАЭС в регионе ШОС представляет интерес для нашей страны.

Возможное образование единого рынка и зоны свободной торговли ШОС создаст здоровую конкуренцию для продукции государств-членов, будет способствовать эффективному противодействию санкционным выпадам и торговым войнам коллективного Запада, сыграет значимую роль для организации мультимодальных перевозок, улучшения транспортной инфраструктуры и совершенствования транзитного потенциала. Кроме того, ШОС интенсифицирует отношения с государствами – членами организации в областях, представляющих взаимный интерес [3; 4].

С учетом готовности партнеров в рамках организации необходимо рассмотреть механизмы совместного обеспечения безопасности информационного пространства в целях предотвращения угроз политической, экономической и общественной безопасности государств-членов и противодействия им. Вместе с этим ШОС должна добиваться принятия в ООН «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» и в дальнейшем на этой основе совместно с другими членами мирового сообщества работать над формированием единого международного регулирования сферы информационно-коммуникационных технологий, развивать сотрудничество на этом направлении.

Западные государства, объединения и корпорации склонны к политизации экономического и гуманитарного сотрудничества. Начиная с 2000-х, особенно ярко в 2010–2013 гг. западные государства и организации предлагали и Беларуси, и Украине стать «коридором» или «мостом» между Востоком и Западом. Это привело к ненужной конкуренции внутри СНГ за привилегированный доступ к связям с Западной Европой и североамериканскими государствами. В случае Украины подписание соглашения об углубленной ассоциации с ЕС вело к нарушению взятых Украиной обязательств в рамках СНГ, а также на двусторонней основе с членами ЕАЭС. Беларусь учитывает подобные риски в полном объеме. С этой точки зрения, Беларусь станет скорее «западным заслоном» ШОС нежели коридором. Речь идет о «заслоне» против торговли оружием, наркотиками, людьми. Беларусь успешно борется с этими угрозами, и именно они признаны центральным элементом ШОС. На этом направлении и будет выстроен обмен информацией и координация наших стран. Если западные государства и объединения будут готовы исполнять взятые на себя обязательства по Уставу ООН, а также присоединиться к ценностям безопасности, борьбы против экстремизма и сепаратизма на равноправной основе, то можно будет вести дискуссию относительно сопряжения интеграционных процессов между ШОС и Западной Европой.

Устав ШОС не допускает членства в Организации с какими-либо оговорками или «купюрами». Каждый новый член должен присоединиться

ко всем без исключения договорным документам, принятым в ШОС, начиная с ее устава – Хартии. ШОС пополнилась новыми членами, в частности Ираном и Беларусью, что говорит об институциональном оформлении ШОС как организации, предотвращающей санкционное давление западных и североамериканских государств.

Иран имеет достаточно обширный опыт жизни под санкциями, что сближает его с Беларусью. Визит А. Г. Лукашенко в Иран в марте 2023 позволил дать оценки существующим двусторонним отношениям Беларуси и Ирана, а также выстроить ключевую повестку дальнейших отношений. Между двумя странами складываются достаточно тесные отношения, что заметно по уровню товарооборота, и они могут быть выведены на более высокий уровень – уровень активного политического, экономического и гуманитарного диалога.

С политической точки зрения оба государства столкнулись с санкционным давлением со стороны коллективного запада. Более тесное двустороннее взаимодействие даст возможность преодолеть секторальные ограничения, в частности, позволит облегчить выход на международные рынки, укрепить мир, безопасность (в том числе борьба с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком) и добрососедство в евразийском регионе. Взаимовыгодное сотрудничество открывает обеим странам возможность противостоять давлению Запада, активизирует политические и экономические отношения с государствами Центральной и Южной Азии, и в результате приведет к повышению уровня жизни, а значит и укреплению политического веса в регионе и мире.

В торгово-экономических отношениях Беларуси и Ирана будут изыскиваться направления развития промышленной кооперации, рассмотрены возможности развития логистических цепочек доставки товаров и встраивания Беларуси в транспортно-логистический коридор Север-Юг. На данный момент уже запущен участок коридора: курсирование ускоренного поезда по маршруту Беларусь – Россия – Азербайджан. Коридор Север-Юг позволит белорусским компаниям расширить географию экспорта и импорта (Индия, Пакистан, государства Персидского залива и Средней Азии), а также наладить логистическое сообщение со странами Азиатско-Тихоокеанского региона через иранские порты Персидского залива. В гуманитарной сфере также будет найдено много точек соприкосновения. Это, в первую очередь, развитие образовательно-культурных связей. Белорусские университеты с радостью примут на обучение студентов из Ирана.

Таким образом, ШОС, приняв к членству Беларусь и Иран, становится своего рода «антисанкционным интернационалом», который способен обеспечить экономическое развитие его членов на основе разделения труда в мировой хозяйственной системе, нежели на финансовом обслуживании благодаря эмиссии доллара. У членов ШОС в настоящее время имеются все необходимые ресурсы и технологии для развития экономики и общества.

Библиографический список

1. Достанко, Е. А. Сопряжение китайской инициативы «один пояс, один путь» с интеграционными объединениями на пространстве евразийского экономичесческого союза / Е. А. Достанко, О. Н. Лешенюк // Беларусь в современном мире : материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 566–572. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/289613/1/566-572.pdf (date of access: 05.04.2025).

2. Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / А. Л. Громыко, С. К. Рахманов [и др.] ; Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко. – М., 2021. – 56 с.

3. Достанко, Е. А. Расширение экономического сотрудничества Белоруссии с ШОС / Е. А. Достанко // Международная аналитика. – 2015. – № 2. – С. 67–70. – URL: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2015-0-2-67-70 (date of access: 05.04.2025).

4. Быков, А. И. Форум ШОС: в преддверии расширения / А. И. Быков, О. В. Пузанова // Международная аналитика. – 2017. – № 2. – С. 34–42. – URL: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-34-42 (date of access: 05.04.2025).

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА ЗЕМЛИ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Е. В. Кораблева[1)], В. Д. Шаколюкова[2)]

[1)] Московский технический университет связи и информатики, ул. Авиамоторная, 8, стр. 2, 111020, г. Москва, Россия, e.v.korableva@mtuci.ru
[2)] Московский технический университет связи и информатики, ул. Авиамоторная, 8, стр. 2, 111020, г. Москва, Россия, v.d.shakolyukova@mtuci.ru

Статья посвящена анализу катастрофических глобальных перемен, угрожающих существованию всей планеты. Их масштаб увеличивается в геометрической прогрессии. Климатическая система планеты разрушена и это отражается не только на ее материковой поверхности, но и на недрах, акватории, атмосфере. Такие тенденции печальны, однако есть оптимистические экспертные прогнозы. Объединив усилия, человечество еще способно ограничить размах негативных экологических перемен. Чтобы спасти ситуацию, нужно действовать немедленно. В первую очередь – отказаться от ископаемого топлива или свести его к минимуму, сократить выбросы в атмосферу промышленных и транспортных вредных веществ. Также, проблема приняла уродливые социальные очертания. Позиция потребительства, алчное корыстолюбие способно подавить ответственность перед будущим Планеты, ослабить базовое чувство человека – самосохранение.

Ключевые слова: биосфера; геополитика; глобализация; динамика; климат Земли; необратимость; поглощение; трансформация

CLIMATE CHANGE ON EARTH – A GEOPOLITICAL CHALLENGE OF OUR TIME AND A GLOBAL PROBLEM FOR HUMANITY

E. V. Korableva[a], V. D. Shakolyukova[b]

[a] Moscow Technical University of Communications and Informatics, 8 Aviamotornaya Street, building 2, Moscow 111020, Russia, e.v.korableva@mtuci.ru
[b] Moscow Technical University of Communications and Informatics, 8 Aviamotornaya Street, building 2, Moscow 111020, Russia, v.d.shakolyukova@mtuci.ru

The article is devoted to the analysis of catastrophic global changes that threaten the existence of the entire planet. Their scale is increasing exponentially. The climate system of the planet is destroyed and this is reflected not only on its continental surface, but also on the subsoil, water area, and atmosphere. These trends are very sad, but there are experts who do not lose hope. By joining forces, humanity is still able to limit the scope of negative environmental changes. To save the situation, we must act immediately. First of all, we must abandon fossil fuels or reduce them to a minimum, reduce emissions of industrial and transport harmful substances into the atmosphere. Also, the problem has taken on ugly social contours. The position of consumerism, greedy self-interest can suppress responsibility for the future of the Planet, weaken the basic human feeling – self-preservation.

Keywords: biosphere; geopolitics; globalization; dynamics; changes; earth's climate; irreversibility; absorption; transformation.

Драма климатических изменений.

Со второй половины XX в. тенденция расширения пространства международных взаимоотношений обнажила ряд вызовов. В промышленно развитых странах, а следом и во всех остальных, рост неэкологичного промышленного производства привел к дисбалансу отношений общества с природой, обострилась экологическая обстановка. Стала очевидной незащищенность человека перед мощью научно-технических разработок, внедряемых в общественное производство. Глобализация на основе новых технологий открывает межгосударственные границы и увеличивает технологический разрыв между странами и регионами. Причины появления глобальных проблем уходят глубоко в исторический контекст развития цивилизации и, в частности, в технократическую ориентацию развития человеческой культуры. Итогом такого развития стала деградация окружающей среды, изменение климата на планете. Преобразования в социально-экономической сфере происходили нарастающими темпами и деятельность человека, усиленная научно-техническими достижениями, привела к глобальным проблемам и деградации самого человека, мышление которого перестало успевать за резкими переменами в общественном производстве.

Понятие «изменение климата» предполагает кардинальные перемены в температурных колебаниях, направлении ветра, количестве солнечных и пасмурных дней в году. Эти скромные факторы способны невероятным образом отмоделировать состояние окружающей среды.

Причины трансформации погодных условий могут быть и естественными (колебания солнечной активности, деятельность вулканов, рост и разрушение гор, движение платформ основания Земли). Но основным драматическим фактором паталогических изменений климата является деятельность человека.

Самый большой вред среде приносят те явления, которые не предусмотрены естественным природным циклом, например, сжигание ископаемого и поверхностного топлива. География экологических бедствий напрямую связана с урбанизацией и промышленной регионалистикой. В списки экологического бедствия в наши дни попали некогда «провинциальные» города, которые в силу различных причин даже в современных условиях вынуждены использовать твердое топливо, часто сомнительного качества. Так, некогда благополучные Бишкек и Улан-Батор превратились в очаги термического бедствия, не только нарушая тепловой баланс своих регионов, но и отравляя атмосферу токсичными газами и их соединениями – продуктами процессов горения.

Широкое применение мусора и отходов в качестве топлива провоцируют «эффект одеяла», который искусственно удерживает тепло и тем самым не позволяет воздуху естественно остывать в темное время суток.

Особый вызов состоянию атмосферы – транспорт, колоссальный в мировом масштабе выброс выхлопных газов, увеличивающих содержание метана и двуокиси углерода, чрезмерное содержание в атмосфере ко-

торых приводит к повышению среднесуточных и среднегодовых температур. К нарушению структуры нижних слоев атмосферы и повышению температуры приводят, также, процессы тления продуктов разложения, в том числе на мусорных свалках, которые часто занимают площадь в сотни гектар, особенно возле мегаполисов, мест с высокой плотностью населения.

Международное сообщество осознает, что для борьбы с изменением климата требуются большие финансовые вложения со стороны бизнеса, дорогостоящие правительственные программы. Но насколько дорого может обойтись бездействие трудно себе представить. Экология стала востребованным направлением современной науки. Во второй половине XX в. начало формироваться экологическое право, как самостоятельная отрасль права.

Но самым важным остается выбор человека, осознанная позиция людей – разрушителей дома, в котором они живут.

Динамика климатических изменений, связанных с увеличением температуры.

Если осуществить анализ метеорологических наблюдений за последние 170 лет, то на лицо неуклонное прогрессирующее повышение температуры воздуха в разных регионах земли, как в заселенной, так и в незаселенной местности. За последние полтора столетия средняя температура нижних слоев атмосферы Земли поднялась больше, чем на 1 °С. Над материковой частью планеты температура выше, чем над акваторией [1].

В начале XXI в. были побиты грустные рекорды концентрации в воздухе оксида углерода, метана и оксида азота, верных провокаторов нарушения температурного баланса [1].

В XX в. наблюдается явление смещения к полюсам климатических поясов, т. е. тепло от экватора все дальше проникает в «холодные» широты. Это исказило циклы роста и плодоношения аграрных культур, время посева, созревания и сбора урожая [1].

Данные обстоятельства привели к изменению районирования флоры и к миграции фауны в дикой природе, нарушению биоритмов у животных. Отмоделировался календарь перемещения перелетных птиц и выведения ими потомства. Появились значительные расхождения в пробуждении животных и оживлении растительного мира, являющегося для них источником питания в зависимости от времени года [2].

Отдельная драма последствий изменения климата – таяние арктических льдов. В первые десятилетия XXI в. среднегодовая поверхностная площадь арктических ледников сократилась до минимальных размеров за всю историю наблюдений. Медленная гибель ледяного панциря Земли еще больше склоняет климат к потеплению. Запасы материковых пресных вод тоже уменьшились, приводя к вынужденному отселению людей из целых регионов, еще недавно абсолютно пригодных к хозяйственной деятельности [2].

Климатические аномалии, как следствие изменений среды.

Самыми наглядными признаками изменения климата Земли в наши дни являются:

1. Повышение температуры воздуха.

Метеорологические наблюдения показали, что последние десятилетия неуклонно прогрессируют в сторону повышения атмосферной температуры [2]. Даже в холодных широтах увеличилось количество дней с предельно высокой температурой. Периоды аномальной жары стали более жесткими и продолжительными. Завышенный температурный режим спровоцировал нехватку пресной воды вследствие пересыхания рек и естественных водоемов, повлек за собой наступление пустынь и усложнил доступ к грунтовым водам. Отдельная проблема – изменение влажности воздуха (недопустимая сухость) и, как следствие, природные пожары со всем комплексом их пагубных последствий. Высокая температура воздуха нагревает мировую акваторию, отчего возникает крайне агрессивное явление – цветение воды (морской и пресной).

Все эти явления приводят к тяжелым экономическим и хозяйственным последствиям. Некоторые страны оказываются лишенными традиционных форм хозяйственной деятельности и оказываются на грани гуманитарной катастрофы. Таким образом расширяется печальный список государств, попавших в категорию нежизнеспособных без внешней гуманитарной помощи.

2. Усиление штормов.

Страны, имеющие выход к открытому морю, отмечают увеличение мощности и продолжительности сильных штормов, часто разрушительных и смертоносных. Это явление усложняет, а иногда делает невозможным развитие инфраструктуры целых регионов. Под особый риск попадают острова и полуострова. Наиболее страдают такие отрасли современной экономики, как капитальное строительство, агробизнес, мировой туризм, лесное хозяйство, логистика, дорожное строительство и содержание путей сообщения. Как следствие – поднимаются цены на мировом рынке на товары (в том числе и первой необходимости) и услуги, делая их недоступными многим потребителям.

Повышения температуры приводит к паталогическим испарениям, что в свою очередь вызывает недопустимое количество ливневых дождей, аномальных наводнений. В XXI в. холодные ливни были зафиксированы в пустынях (Сахара, Аравийский полуостров). В теплых океанических водах рождаются смертоносные тропические ураганы, разрушительная сила которых способна за считанные часы уничтожить результаты человеческого труда многих десятилетий и привести к гибели населения.

Регионы особого риска вынуждены отселять людей, которые не приживаются на новых местах, обречены на трудовую и социальную миграцию, утрачивают этническую идентичность и чувство родины. Такие регионы, некогда перспективные, теряют инвесторов, а значит, оптимистические перспективы в целом [3].

3. Пересыхание и эрозия почвы.

Плодородная почва, пригодная для применения в сельскохозяйственном производстве – настоящая природная ценность. Только 37 % мирового земельного фонда занято в агропромышленном комплексе и лишь 11 % это обрабатываемые земли (пашня, фруктовые сады, плантации технических культур, засеиваемые луга), 26 % – естественные горные и низинные луга и пастбища [3].

Изменения климата приводят к пересыханию почвы, что не только влияет на урожай, но и ставит под сомнение существование всей экосистемы. Расширение пустынь, как и постоянно уменьшающийся запас доступных грунтовых вод, снижают возможность занятия поливным земледелием. Пересыхание почвы – настоящий вызов мелиорации земель, принимать который человеку становится все труднее и труднее.

4. Проблемы Мирового океана.

Аномальное прогревание воздуха пагубно сказывается на состоянии акватории мирового океана. Вода поглощает тепло сверх всяких мер, прогреванию подвергаются даже значительные глубины. Нарушенный температурный обмен создает благоприятные условия для проникновения в пласты вод углекислого газа из воздуха. Повышенная кислотность воды губит планктон, рыбу, приматов моря, нарушая пищевую цепочку, ставя под сомнение жизнеспособность целых видов морских обитателей.

Как следствие – угасание морских промыслов, являющихся основой экономики многих стран. Также, приходят в забвение многие уникальные ремесла, традиции которых являются нематериальным культурным наследием (сбор и обрабатывание янтаря, жемчуга, резьба по кости приматов моря). Все это – реальные вызовы для населения прибрежных и островных стран, ставшие проблемами государственного и континентального уровня.

Температурные изменения, в результате, приводят к повышению уровня мирового океана. Некоторые государства, территории которых находятся ниже уровня моря, подвергаются при этом риску затопления в буквальном смысле. В первую очередь – это малые страны северо-западной Европы.

Изменение климата – вызов мировой хозяйственной системе.

Изменение климата бросило вызов всем секторам мировой экономики. Налаженные схемы оказываются разрушенными при выпадении одного звена в цепи хозяйственных связей, причиной чего вполне может стать глобальное потепление. В зону особого риска попадают производства, связанные с добычей сырья, так как именно сырьевая база является основой всех последующих производственных процессов. Глобальное потепление усугубляет и без того тяжелую горнорудную добычу, карьерные разработки, заготовку древесины с риском возникновения лесных пожаров.

Невероятным испытаниям в условиях изменения климата подвергается транспорт. В определенных условиях (пыльные бури, сухие смерчи)

в некоторых регионах Земли транспортное сообщение становится невозможным. Стихия способна парализовать жизнь целых регионов.

От климата невероятно зависит туристический бизнес, погубить который способны даже незначительные климатические изменения (таяние снега на горнолыжных спусках, чрезмерная жара в местах организованного пляжного отдыха).

Последствия глобального потепления разоряют страховые компании, когда речь идет о масштабных причинениях вреда здоровью людей, потере имущества, смертях в условиях экологических бедствий. Избыточная жара является спутником эпидемий инфекционных болезней, усугубляет сердечно-сосудистые недуги и внутренние болезни человека.

Устойчивое развитие мирового хозяйства возможно только при правильном понимании и верном анализе влияния климатических изменений на мировую экономику. Сегодня, как никогда, очень важна адаптация к новым климатическим условиям всего мирового хозяйства [3].

Экономические последствия глобального потепления.

Трансформация климатических условий оказывает влияние не только на естественную среду жизни человека, но и на локальные экономические и хозяйственные системы. Такие воздействия включают в первую очередь повышение стоимости сырья, транспортировка, добыча и переработка которого становятся отягощены дополнительными «естественными» трудностями.

Прямая зависимость от климатической нестабильности у сельского хозяйства. В современных условиях очень часто компенсировать трансформацию климатических условий в агробизнесе не в состоянии даже мелиорация и использование современных аграрных технологий.

Изменения климата в целом, повышение температуры окружающей среды в частности, создают дополнительные риски для здоровья людей, выраженные в сокращении продолжительности жизни, уменьшении производительности труда, снижении воспроизводства населения.

Регионы мира проявляют разную степень уязвимости к климатическим изменениям. Для того, чтобы сохранить жизнеспособность, в том числе экономическую, необходимо выработать механизмы сопротивления таким изменениям или же адаптироваться к ним. Здесь важны многие факторы: географическое положение региона и уровень развития его инфраструктуры, политическая обстановка и социальные возможности, состояния трудовых ресурсов и уровень воспроизводства населения.

Риски для продовольственной безопасности.

Изменение климата бросает вызов продовольственной безопасности, напрямую определяя возможность получения урожая и качество сельскохозяйственной продукции, дефицит которой способен повысить цены на продукты питания и увеличить риск голода, особенно в уязвимых регионах.

Существуют четыре составляющие продовольственной безопасности:

– наличие продуктов питания;

– доступ к продовольствию;

– возможность эффективного использования имеющегося запаса продуктов питания;

– стабильность возобновления продовольственных запасов.

Особую тревогу вызывают ограничения доступа продовольствия потребителю из-за непредвиденных обстоятельств, примером чего может служить пандемия коронавируса, нарушившая нормальное функционирование продовольственного цикла из-за ограничения доступа фермеров к угодьям, ресурсам (удобрениям, технике, семенам). В государствах, зависимых от импорта продовольствия, уровень недоедания только в ситуации последней пандемии увеличился на 8 % [4]. Эпидемиология разрабатывает версии, что одним из стимуляторов распространения особо опасных болезнетворных инфекций могут быть изменения климатических условий.

На сегодняшний день ситуацию с продовольственной безопасностью в мире можно оценивать как тревожную, в некоторых регионах – как критическую, что и подчеркивает необходимость взаимодействия государств в решении этой глобальной проблемы современности.

Инновации и технологическая адаптация.

Актуальными ключевыми стратегиями успешного хозяйствования, в условиях изменения климата, становятся повышение эффективности использования имеющихся естественных ресурсов и переход к возобновляемым источникам энергии. Особо важным является применение нетрадиционных способов выработки энергии (энергия солнца, ветра, приливов и отливов). Ключевое значение так же имеет системная организация инновационной деятельности по уменьшению рисков от глобальных проблем. Выбор эффективной организационной модели зависит от способности адекватно реагировать на техногенные изменения внешней среды, готовности к кардинальным переменам, долгосрочной технологической стратегии воплощения инновационных идей [5].

Технологическая адаптация к вызовам времени привела к изменению структуры экономики развитых стран. Темпы развития сферы высоких технологий значительно превышают развитие традиционных отраслей производства. Информационная экономика ориентирована на внедрение промышленных роботов, инновационных технологий в производственные процессы. Информация превратилась в основной производственный ресурс. Развитие логистики, маркетинг стали условием продуктивности хозяйственных связей. Добывающие и обрабатывающие отрасли оттеснены наукоемкими производствами электроники, средств связи и вычислительной техники. Растут капиталовложения в научные исследования и развитие фундаментальных наук.

Создание новых технологий предполагает масштабные денежные расходы, поэтому изменения климата требуют привлечения все большего количества финансовых средств, в том числе инвестиционных, для преодоления существующих рисков для всего человечества.

Таким образом, современное глобальное потепление – это ожидаемый, во многом рукотворный результат реагирования естественной среды на действия людей, это вызов природы человеку. Преобразующая деятельность, которая долгие годы была предметом гордости, обернулась катастрофой, ставящей под сомнение существование самого ее исполнителя.

Нынешние угрозы призывают к благоразумию, сотрудничеству, продуманному и выверенному продвижению новых научных и технических проектов.

Библиографический список

1. Глобальное изменение климата и его последствия / Л. В. Бондаренко, О. В. Маслова, А. В. Белкина, К. В. Сухарева // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. – 2018.– № 2. – С. 84–93. – URL: https://vest.rea.ru/jour/article/view/463 (дата обращения 19.03.2025).

2. Колебания циркуляции атмосферы Северного полушария в XX – начале XXI вв. – URL: http://www.atmospheric-circulation.ru (дата обращения 17.03.2025).

3. Матвеева, Е. В. Проблема изменения климата и мировое сообщество / Е. В. Матвеева // ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 178–195.

4. Чем грозит потепление климата // ТАСС. – URL: https://tass.ru/spec/climate (дата обращения 21.03.2025).

5. Korableva, E. Innovations and Social Environment: The Image of an Individual Engaged in Innovative Activities / E. Korableva, V. Shakolyukova // 2023 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH). – 2023. – P. 1–5. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/10297005 (date of access: 16.03.2025).

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Д. Г. Михалёва

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Воробьевское шоссе, 6А, 119285, г. Москва, Россия, d.mihaleva@vavt.ru

Статья посвящена вызовам и перспективам климатической повестки в рамках Евразийского экономического союза, что является крайне актуальным в контексте глобальных климатических изменений. Проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС в связи с климатическими изменениями, включая неурегулированность нормативного обеспечения, сложности в международном сотрудничестве и необходимость значительных инвестиций. Ключевым выводом является то, что взаимодействие государств ЕАЭС в сфере защиты окружающей среды и противодействия негативному влиянию изменений климата представляет собой перспективное направление.

Ключевые слова: климатические изменения; климатическая повестка; климатическая стратегия; Евразийский экономический союз.

CHALLENGES AND PROSPECTS OF THE EAEU CLIMATE AGENDA

D. G. Mikhaleva

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
6A Vorobiyovskoye Highway, Moscow 119285, Russia, d.mihaleva@vavt.ru

The article is devoted to the challenges and prospects of the climate agenda within the framework of the Eurasian Economic Union, which is extremely relevant in the context of global climate change. The analysis of the problems faced by the EAEU countries in connection with climate change, including the lack of regulatory support, difficulties in international cooperation and the need for significant investments. The key conclusion is that the interaction of the EAEU member states in the field of environmental protection and countering the negative effects of climate change is a promising area.

Keywords: climate change; climate agenda; climate strategy; Eurasian Economic Union.

Целью данной статьи является изучение возможных путей развития сотрудничества стран – участниц Евразийского экономического союза и выявление вызовов, с которыми государства могут столкнуться в данной сфере. Актуальность данного анализа подчеркивается непрерывностью процесса климатических изменений и необходимостью борьбы с ними. Проблема требует объединения государств, и Евразийский экономический союз предлагает перспективную платформу для диалога и совмест-

ных действий. Глобальный характер климатических вызовов требует от стран объединения усилий для решения общей проблемы, которая выходит за пределы национальных границ.

Несмотря на широкий масштаб климатической повестки, стоит отметить, что научная литература по данному вопросу все еще находится на стадии формирования, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований.

Для наиболее тщательного изучения климатических вызовов, в первую очередь, следует обратиться к международным договорам, регулирующим данную область. В исследовании особое внимание уделено Парижскому соглашению от 2015 г. [1].

Одним из глубоких анализов в сфере климата является статья М. Мурашко, где раскрываются основные проблемы, с которыми сталкиваются страны – участницы ЕАЭС при существующих климатических изменениях. Описываются методы, которые используются государствами для самостоятельной борьбы с изменениями климата [2].

Исследование опирается на Информационный бюллетень Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Он заключает в себе подборку актуальной информации, касающейся климатической повестки.

Доклад «Зеленый поворот» рассматривает изменение климата как вызов для России. Данная проблема рассматривается, как возможный стимул для технологической трансформации экономики и развития новых «зеленых» технологий [3].

На сегодняшний день климатические изменения – важная проблема всеобщего характера, которая требует интеграции стран для своего решения. Евразийский экономический союз является удобной площадкой для проведения диалога в данной сфере.

Прежде всего, следует определить, что входит в область вопросов климатической повестки. Климатическая повестка представляет собой активно развивающийся набор взаимосвязанных целей, принципов, норм и институтов, которые сосредоточены на предотвращении опасного антропогенного воздействия на климатическую систему Земли. Она включает в себя смягчение последствий изменения климата, адаптацию к ним, обеспечение справедливого распределения бремени и выгод, связанных с климатическими мерами, а также содействие устойчивому развитию. Собственно, принятие мер по борьбе с изменением климата и амортизация его последствий, составляют одну из 17 целей Программы устойчивого развития ООН, принятой в 2015 г. и одобренной государствами – членами ЕАЭС.

Практически вся суть климатической стратегии сводится к минимизации негативных последствий перемен в климате. Это, в первую очередь, требует снижения объемов парниковых газов, выбрасываемых в атмосферу, с целью сдерживания повышения среднемировой температуры.

Несмотря на то, что проблема климатических изменений находит в разных странах разное выражение, данный вопрос имеет всеобъемлющий характер и нуждается в координации усилий. На пути к решению ЕАЭС как экономический союз может столкнуться со следующими вызовами:

1) в последние десятилетия государства – члены ЕАЭС демонстрируют активный рост численности населения, что создает дополнительную нагрузку на окружающую среду. Возрастает потребление природных ресурсов, что приводит к более интенсивному использованию ископаемых источников энергии, что в свою очередь увеличивает выбросы парниковых газов. Урбанизация способствует увеличению использования энергии и ресурсов в городах, что также усугубляет проблему загрязнения атмосферы;

2) для реализации стратегий по борьбе с климатическими изменениями требуются значительные инвестиции. Страны могут столкнуться с нехваткой финансирования для внедрения необходимых технологий и практического оборудования;

3) неурегулированность общего нормативного обеспечения в сфере климата. Несмотря на участие стран в Рамочной конвенция ООН об изменении климата 1992 г. и Парижском соглашении 2015 г., государствам – членам ЕАЭС не хватает единого соглашения в этой области. Отсутствие единой стратегии затрудняет наполнение нормативно-правовой базы соответствующими положениями [4]. В действующем Договоре о Союзе положения, затрагивающие экологическую проблематику, не систематизированы и представлены отдельными статьями в разных разделах и приложениях к Договору;

4) сложности в международном сотрудничестве: Для эффективного решения климатических проблем необходимо сотрудничество с другими странами и международными организациями, что может быть затруднено политическими и экономическими разногласиями.

Эти вызовы носят серьезный характер и нуждаются в глубокой проработке. ЕАЭС уже приступил к направлению движения развития климатических изменений в перспективную сторону.

В 2021 г. Евразийским межправительственным советом было принято распоряжение о создании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки (РГВУ) [5].

Основная цель создания данной структуры – наладить диалог, связанный с климатом обсуждения вопросов, связанных с климатом, и разработка планов по переходу к экономике с низким уровнем выбросов углерода. Ключевая задача рабочей группы – подготовка рекомендаций и формирование первоначального набора действий для реализации стратегии в этой области.

Так, 21 октября 2022 г. на заседании Евразийского межправительственного совета была принят Первый пакет мероприятий (Дорожная карта) по сотрудничеству государств – членов ЕАЭС в рамках климатической повестки, в который вошли следующие направления:

– совершенствование национальных законов, касающихся климата;

– создание общих рыночных и нерыночных инструментов для регулирования выбросов углерода, чтобы выполнить цели Парижского соглашения;

– согласование действий с инициативами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по развитию низкоуглеродной экономики;

– привлечение «зеленых» инвестиций;

– создание финансового института для поддержки климатических технологий и цифровых решений;

– координация внешнеторговой политики в контексте климатической повестки и иное сотрудничество для продвижения интересов стран – членов ЕАЭС в климатической сфере на международном уровне.

В мае 2021 г. президент России В. В. Путин озвучил идею создания Банка климатических данных и цифровых инициатив. Он отметил, что страны – участницы ЕАЭС, в целях улучшения экологической обстановки смогли бы пользоваться ресурсами данной платформы.

Предложение президента было воплощено в жизнь в начале 2022 г. В результате был создан Банк климатических данных и цифровых инициатив ЕАЭС, который выполняет функцию реестра проектов в области технологий и развития с низким уровнем выбросов углерода. В настоящее время проекты, нацеленные на решение экологических проблем, классифицируются в категориях «Энергетика» и «Энергоэффективность» и включают строительство небольших ветряных и атомных электростанций, а также разработку технологий для производства водорода с низким уровнем выбросов и захвата углекислого газа.

Говоря о финансировании проектов в рамках промышленной кооперации и внедрения зеленых инициатив в рамках ЕАЭС, следует отметить, что они должны соответствовать Критериям зеленых проектов государств – членов Евразийского экономического союза.

Для эффективного использования зеленых финансовых инструментов (облигаций, кредитов), необходимо внедрять в национальные системы регулирования требования о соответствии финансируемых таксономии и другим принципам. Важным элементом является обязательная независимая верификация и аккредитация верификаторов, подтверждающая «зеленость» инструмента. Для обеспечения прозрачности и наибольшей эффективности требуется регулярная отчетность о целевом использовании средств, постоянная оценка происходящих изменений [6].

Таким образом, взаимодействие государств, входящих в Евразийский экономический союз, в сфере защиты окружающей среды и противодействия негативному влиянию изменений климата является перспективным и новаторским направлением. Следует подчеркнуть, что ЕАЭС может также опираться на мировой опыт в данной сфере.

Библиографический список

1. Парижское соглашение : [принято 12 декабря 2015 г. на конференции ООН по климату в Париже в рамках Рамочной конвенции ООН по изменению климата] // UN Climate Change – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

2. Мурашко, М. Подходы государств ЕАЭС к решению вопросов климатической повестки / М. Мурашко // Евразия сегодня. – 08.04.2024. – URL: https://eurasia.today/actual/podkhody-gosudarstv-eaes-k-resheniyu-voprosov-klimaticheskoy-povestki/ (дата обращения: 04.04.2025).

3. Зеленый поворот. Изменение климата как вызов и уникальная возможность для технологической трансформации России и обеспечения соблюдения экологических прав граждан // Цифровая библиотека МГИМО. – URL: https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/693/8p09rnwqjgyxbdr9whszs4wpllaf3sok/424525029.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 05.04.2025)

4. Архив бюллетеней «Изменение климата» за 2009-2025 гг. // Изменение климата: информационный бюллетень. – URL: http://www.global-climate-change.ru/index.php/ru/bul-izmenenie-klimata/archive-of-bullet (дата обращения: 05.04.2025).

5. Критерии зеленых проектов государств – членов Евразийского экономического союза (2023 год) : одобрены Рабочей группой высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов ЕАЭС в рамках климатической повестки (Протокол от 22.12.2022 № 43-АС) // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/df7/Kriterii-dlya-opublikovaniya-_Modelnaya-taksonomiya_.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

А. В. Русакович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, RussAV@bsu.by

В статье проанализировано развитие Союзного государства в конце 2024 – начале 2025 г. Автор отмечает, что в этот период по всем направлениям деятельности было достигнуто продвижение, вступили в силу договор о гарантиях безопасности, соглашение о взаимном признании виз. Новые внутри- и внешнеполитические факторы в начале 2025 г. обусловили содержание переговоров Президентов двух государств 13–14 марта в Москве. В совместном заявлении Беларусь и Россия подтвердили союзнический характер отношений и неизменность курса на расширение стратегического партнерства во всех сферах. С учетом высокой динамики развития событий в мировой политике предусмотрено повышение уровня координации внешнеполитических действий двух государств.

Ключевые слова: безопасность; импортозамещение; интеграция; межгосударственные переговоры; Союзное государство; стратегический союз; экономическое взаимодействие.

UNION STATE IN THE CONDITIONS OF MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES

A. V. Rusakovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, RussAV@bsu.by

The article analyzes development of the Union State in late 2024 – early 2025. The author notes that during this period, progress was made in all areas of activity, and an agreement on security guarantees and an agreement on mutual recognition of visas came into force. New foreign policy factors at the beginning of 2025 determined the content of the negotiations between the Presidents of the two states on March 13–14 in Moscow. In a joint statement, Belarus and Russia confirmed the allied nature of relations and the invariability of the course towards expanding strategic partnership in all areas. Taking into account the high dynamics of developments in world politics, it is envisaged to increase the level of coordination of foreign policy actions of the two states.

Keywords: security; import substitution; integration; interstate negotiations; Union State; strategic alliance; economic cooperation.

Важнейшим приоритетом внешней политики Республики Беларусь является укрепление интеграционных отношений в рамках Союзного государства (СГ), Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности. Значение Союзного государства в общей системе интеграционных

объединений на постсоветском пространстве определяется более продвинутым уровнем интеграции. Почти тридцать лет Беларусь и Россия реализуют этот уникальный проект комплексной и всесторонней интеграции, в рамках которого сформированы отношения стратегического союзничества, определены общие направления экономического, социального развития, согласована внешняя и оборонная политика.

В январе 2024 г. на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства был принят ряд важнейших документов: Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., Программа согласованных действий в области внешней политики государств – участников Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., Стратегия научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 г., одобрены решения о единой промышленной политике, модернизации и развитии железнодорожной инфраструктуры, создании Медиакомпании. Также были приняты постановления «Об организации и проведении мероприятий по празднованию 80-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» и «О проведении в 2024 году мероприятий, посвященных 25-летию подписания Договора о создании Союзного государства» [1]. Указанные решения определили направления деятельности объединения на ближайшую перспективу.

В декабре 2024 г. народы Беларуси и России отметили знаковое событие в истории двух братских народов – 25-летие подписания Договора о создании Союзного государства. Новый импульс интеграции придали решения Высшего Государственного Совета Союзного государства 6 декабря 2024 г., в ходе которого подписаны: межгосударственный договор о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства; Концепция безопасности Союзного государства; договор о формировании объединенного рынка электрической энергии; приняты решения о создании комфортных тарифов для пользования услугами связи и передачи данных на территории СГ (отмене роуминга), установлении единых правил защиты прав потребителей в Союзном государстве, утверждении мер по противодействию незаконному импорту товаров на территорию СГ [2].

В начале 2025 г. важную роль в деятельности Союзного государства играют новые внутри- и внешнеполитические факторы.

26 января 2025 г. состоялись выборы Президента Республики Беларусь, на которых убедительную победу одержал А. Лукашенко. Итоги президентских выборов продемонстрировали поддержку народом Беларуси курса на интеграцию с Россией. В республике был утвержден новый состав правительства, завершается разработка программных документов социально-экономического развития страны на очередной пятилетний срок.

В международной сфере сложились новые тренды, меняется геополитический ландшафт и баланс сил. Во многом это связано с началом деятельности администрации Д. Трампа в США. Новое руководство США

признало необходимость корректировки своей линии в отношении мировых процессов. В настоящее время восстановлен российско-американский диалог, имеющий стратегическое значение: 12 и 18 февраля 2025 г. состоялись телефонные переговоры президентов России и США, прошли встречи на уровне глав внешнеполитических ведомств, работают группы высокого уровня. Россия и США обсуждают меры по выводу двусторонних межгосударственных отношений на новый уровень, ведут диалог по всему комплексу проблем глобального значения. На этой основе появился шанс урегулирования ряда конфликтов, прежде всего украинского.

В начале 2025 г. в Союзном государстве произошло несколько знаковых событий. Беларусь и Россия завершили внутригосударственные процедуры для вступления в силу межгосударственного Договора о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства. Положения договора соответствуют целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим общепризнанным принципам и нормам международного права. Документ подчеркивает необходимость наращивания совместных усилий для эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы в целях укрепления безопасности Беларуси России в рамках общего оборонного пространства Союзного государства, обеспечивает эффективность мер по совместной защите суверенитета, независимости и конституционного строя двух государств, целостности и неприкосновенности территории и внешней границы Союзного государства, подтверждает приверженность обоих государств политико-дипломатическим мерам обеспечения безопасности [3].

Договор прежде всего направлен на укрепление целостности оборонного пространства Союзного государства. Республика Беларусь и Российская Федерация рассматривают вооруженное нападение на одного из них как акт агрессии против Союзного государства в целом и обязуются поддерживать друг друга всеми согласованными и допустимыми международным правом способами и средствами и предпринимать соответствующие действия в политической, военной и других сферах. В договоре закреплено положение о том, что Беларусь и Россия рассматривают ядерное оружие Российской Федерации как важный фактор предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения, а также как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой [3].

Статья 7 договора определяет механизм реагирования Союзного государства на применение третьими государствами, международными организациями односторонних ограничительных мер экономического и иного характера в отношении Беларуси и России. Договор о гарантиях безопасности повышает уровень безопасности Союзного государства и в стратегическом плане создает основы для укрепления международной безопасности [4; 5].

В январе 2025 г. после выполнения Республикой Беларусь и Российской Федерацией всех необходимых внутригосударственных процедур

вступило в силу Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств-участников Договора о создании Союзного государства, подписанное в июне 2020 г. Таким образом, в отношениях Беларуси и России урегулирован вопрос взаимного признания виз, снимается проблема пересечения белорусско-российской границы гражданами третьих стран. Въезд на территории Беларуси и России возможен как через международные пункты пропуска через границу, так и путями международного железнодорожного, воздушного, а также автомобильного сообщений [6].

Необходимость повышения координации действий в новых геополитических условиях и уточнения направлений дальнейшего развития Союзного государства во многом определила содержание встречи Президентов Беларуси и России в Москве 13–14 марта 2025 г. Это был первый официальный зарубежный визит вновь избранного Президента Беларуси, что подчеркивает особый характер отношений между двумя странами.

Программа визита, принятые решения свидетельствуют о приоритетности межгосударственных отношений стратегического союзничества во внешней политике Беларуси и России. Как отметил Президент России В. Путин, «в основе нашего сотрудничества лежат незыблемые принципы взаимного уважения и учета интересов друг друга, а также многовековая совместная история, сложившиеся между многими россиянами и белорусами родственные узы, приверженность общим нравственным и духовным ценностям» [7].

На переговорах в Москве главы государств обсудили весь спектр взаимодействия в экономике, культурно-интернет-гуманитарной сфере, в области безопасности и обороны, международной обстановки.

В ходе визита Президенты подписали совместное заявление, в котором подтвердили союзнический характер отношений между Беларусью и Россией и неизменность курса на расширение стратегического партнерства во всех сферах, определили позицию сторон по ключевым проблемам в международной сфере. Значительное внимание было отведено обсуждению перспектив взаимодействия в рамках ЕАЭС с учетом председательства Беларуси в 2025 г., СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС в духе концепции «Большого Евразийского партнерства» или «интеграции интеграций» [7]. В контексте новой ситуации в международных отношениях были обсуждены перспективы восстановления на международных площадках политико-дипломатического диалога между основными «центрами силы» по целому ряду актуальных тем глобального характера, обсуждению ситуации по вопросу урегулирования конфликта в Украине. Актуальной темой был вопрос возможного возобновления сотрудничества с западными партнерами в экономике и других сферах. С учетом высокой динамики развития событий в мировой политике предусмотрено повышение уровня синхронизации внешнеполитических действий двух государств [7].

Во время визита было подписано Соглашение о мерах по взаимной защите граждан от необоснованного преследования иностранными государствами и международными органами юстиции. Важное значение имеет подписанный протокол о внесении изменений в двусторонний договор о равных правах граждан от 25 декабря 1998 г., в соответствии с которым закрепляется возможность на обоюдной основе белорусским и российским гражданам, постоянно проживающим на территории другого государства, участвовать в местных выборах. Следует отметить, что постоянно проживающие в Беларуси граждане России уже давно имеют такую возможность. Подписание и реализация Протокола свидетельствует о целенаправленной работе Беларуси и России по реализации равных прав граждан Союзного государства.

В ходе визита состоялся обмен грамотами о ратификации Договора о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства, который с этого момента вступил в силу. Также состоялось подписание ряда документов на уровне правительств и ведомств двух стран.

В ходе встречи Президенты отметили продвижение интеграции и взаимодействия в рамках Союзного государства по всем направлениям. В сфере экономической интеграции государства следуют намеченным планам: 28 программ, утвержденных на период 2021–2023 гг., выполнены на 100 %; мероприятия, запланированные на 2024–2026 гг. – на 26 %. Приняты решения по формированию единых рынков газа, нефти, электроэнергии. Активно растет двусторонний товарооборот – за 2024 г. он сложился, по белорусским данным, в размере 51,8 млрд долл. США. В качестве элемента «защищенности» торговли от внешних факторов было отмечено, что свыше 90 % всех платежей в двусторонних коммерческих операциях приходится на национальные валюты. Реализуются программы импортозамещения и развития совместных производств в сфере автомобиле- и станкостроения, сельскохозяйственного машиностроения, микроэлектроники, гражданской авиации, энергетики, развития искусственного интеллекта, производства беспилотников, биотехнологий, робототехники, других областях. В рамках формирования общего транспортного пространства были обсуждены перспективы строительства высокоскоростной дороги Москва – Минск – Брест [7].

Президенты подчеркнули значение совместных мероприятий, посвященных 80-летию Великой Победы, важность отстаивания исторической правды о Второй мировой войне и роли СССР.

Межгосударственные переговоры Президентов Беларуси и России 13–14 марта текущего года подтвердили неизменный курс на дальнейшее укрепление многоплановых двусторонних связей, развитие Союзного государства, углубление интеграции в интересах устойчивого экономического роста, повышения уровня жизни и благосостояния граждан двух стран.

Библиографический список

1. Президент Беларуси Александр Лукашенко и Президент России Владимир Путин провели заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства // Союзное государство. – 2024. – № 2. – С. 10–14.

2. Заседание Высшего государственного совета Союзного государства // Президент Республики Беларусь. – 06.12.2024. – URL: https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-vyssego-gosudarstvennogo-soveta-souznogo-gosudarstva (дата обращения: 12.03.2025).

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 16.01.2024. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62699/(дата обращения: 18.03.2025).

4. Русакович, А. Союзное государство укрепляет безопасность Беларуси и России / А. Русакович // Евразия. Эксперт. – 23.02.2025. – URL: https://eurasia.expert/andrey-rusakovich-soyuznoe-gosudarstvo-ukreplyaet-bezopasnost-belarusi-i-rossii/ (дата обращения: 24.02.2025).

5. Русакович, А. Обеспечение безопасности Союзного государства как важный элемент новой архитектуры международной безопасности / А. Русакович //Культурно-деловое учреждение «Центр развития евразийских коммуникаций». – 14.03.2025. – URL: https://eurasia.minsk.by/tpost/ovlc2yujm1-obespechenie-bezopasnosti-soyuznogo-gosu (дата обращения: 14.03.2025).

6. Вступает в силу соглашение между Беларусью и Россией о взаимном признании виз // БЕЛТА. – 10.01.2025. – URL: https://belta.by/politics/view/vstupaet-v-silu-soglashenie-mezhdu-belarusjju-i-rossiej-o-vzaimnom-priznanii-viz-687986-2025/ (дата обращения: 14.03.2025).

7. Переговоры с Президентом России Владимиром Путиным // Президент Республики Беларусь. – 13.03.2025. – URL: https://president.gov.by/ru/events/peregovory-s-prezidentom-rossii-vladimirom-putinym-1741867021 (дата обращения: 14.03.2025).

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ И КЛЮЧ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Д. А. Сагал[1)], О. В. Ерёменко[2)]

[1)] Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Вадковский пер., 1, 127055, г. Москва, Россия, Sagalfund@mail.ru
[2)] Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Вадковский пер., 1, 127055, г. Москва, Россия, Tryshkina_ov@mail.ru

Статья посвящена выявлению и анализу основных центров евразийской интеграции сформировавшимся к 20-м гг. XXI в. опираясь на экспертные оценки представителей российских патриотических интеллектуальных клубов. В статье раскрывается особая роль российских патриотических интеллектуальных клубов в решении актуальных теоретических задач геополитики 21 века, описаны основные субъекты и проекты евразийской интеграции, предложен позитивный сценарии континентальной интеграции в «Большую Евразию». Сделаны выводы о том, что наиболее близким к китайскому проекту евразийской интеграции может и должен стать будущий союзный белорусско-российский проект, который находится в начальной стадии своего формирования.

Ключевые слова: Евразийская интеграция; интеллектуальные клубы; Русская мечта; геополитика; Союзное государство; основы Российской государственности; Изборский клуб; БРИКС; совет старейшин.

THE IMAGE OF THE FUTURE AS A GEOPOLITICAL CHALLENGE OF OUR TIME AND THE KEY TO EURASIAN INTEGRATION

D. A. Sagal[a], O. V. Eremenko[b]

[a] Moscow State Technological University «STANKIN», 1 Vadkovsky Lane, Moscow 127055, Russia, Sagalfund@mail.ru
[b] Moscow State Technological University «STANKIN», 1 Vadkovsky Lane, Moscow 127055, Russia, Tryshkina_ov@mail.ru

The article is devoted to the identification and analysis of the main centers of Eurasian integration formed by the 20s of the 21st century, based on expert assessments by representatives of Russian patriotic intellectual clubs. The article reveals the special role of Russian patriotic intellectual clubs in solving current theoretical problems of 21st century geopolitics, describes the main subjects and projects of Eurasian integration, and suggests positive scenarios for continental integration into "Greater Eurasia." It is concluded that the future Belarusian-Russian union project, which is in the initial stage of its formation, can and should become the closest to the Chinese project of Eurasian integration.

Keywords: Eurasian integration; intellectual clubs; Russian Dream; geopolitics; Union State; foundations of Russian statehood; Izborsk Club; BRICS; Council of Elders.

В 2025 г. планетарное человечество будет отмечать 80-летие Победы во Второй мировой войне – это глобальное историческое событие, оформившее геополитическую реальность второй половины XX в.

Победа во Второй мировой войне является важнейшим событием человеческой истории и точкой отсчета появления новой идеологии сотрудничества, сосуществования и сближения двух социальных систем и различных представлений о мире и природе человеческого общества. Эти две системы представлений о мире, человеке и социальном устройстве – капиталистическая и социалистическая социальные модели в начале XX в. показали свою жизнеспособность уничтожив в ходе Первой мировой войны и последующих жесточайших социальных преобразований предыдущую устоявшуюся веками имперскую феодальную модель общества, доминирующую в Евразии в виде Российской, Османской и Австро-Венгерской империй.

В стане победителей во Второй мировой войне в 1945 г. были социалистически ориентированные страны, возглавляемые Союзом Советских Социалистических Республик и капиталистические страны США, и Великобритания. В стане врагов были капиталистические национальные государства Евразии, возглавляемые нацистской Германией в Европе и нацистской Японией в Азии, которую в то время советские идеологи называли милитаристской [1].

II мировая война показала возможность сосуществования двух систем и после Победы 1945 г., не смотря на явное противостояние в рамках «холодной войны», коммунистические и капиталистические политические элиты, исповедующие концепцию конвергенции двух систем построили новый глобальный мир без Советского Союза во главе с Соединенными Штатами Америки. Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал разрушение Советского Союза геополитической катастрофой XX в. Это событие повлияло на всю историю Евразии и всего человечества и продолжает влиять по сей день. В российской, белорусской, всей постсоветской отечественной и зарубежной науке отсутствуют серьезные научные исследования влияния Советского Союза на глобальный исторический процесс и влияния разрушения Варшавского договора и Советского Союза на безопасность в Евразии и мире [2].

Сформировавшиеся модели социально-политического устройства в пятнадцати суверенных республиках, входивших в состав Советского Союза, требуют серьезного научного изучения, так же, как и образовавшиеся на постсоветском пространстве новые государства Приднестровская Молдавская Республика, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия. Но для процессов континентальной интеграции надо учитывать не только государства постсоветского пространства, но и все государства Евразии, особенно Китайскую Народную Республику, Республику Индию и Европейский союз, как ведущие по народонаселению и социально-экономическому развитию страны.

Какие-же интеллектуальные российские центры изучают динамику континентальной и мировой интеграции и дезинтеграции?

В России существуют государственные академические структуры, РИСИ, Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции), Институт

демографии, миграции и регионального развития и многие другие исследовательские структуры в поле зрения которых попадает тема евразийской интеграции. Но как показала российская практика последних десятилетий работа интеллектуальных патриотических клубов имеет очень большое значение для общественно-политического дискурса и принятия политических решений. Интеллектуальные патриотические клубы в силу своей динамичности и мощного творческого потенциала, складывающегося из объединенных патриотическими чувством интеллектуалов из различных сфер жизнедеятельности, стали уникальными институтами гражданского общества России и благодаря современным информационным технологиям обрели голос и свои аудитории единомышленников, открыто взаимодействуют гражданским обществом, органами государственной власти, средствами массовой информации. Российские интеллектуальные патриотические клубы стали своеобразными аналогами советских «шарашек», только на добровольной основе, по решению актуальных задач, стоящих перед страной, и прямыми оппонентами западных «фабрик мысли», ведущими с нами информационно-идеологическую войну.

Среди множества интеллектуальных патриотических клубов необходимо выделить Изборский клуб, образованный в 2012 г. великим русским писателем и общественным деятелем А. А. Прохановым и кругом его близких друзей-патриотов-единомышленников, участвующих в издании газеты «Завтра». Изборский клуб родился как патриотический ответ на антигосударственные либеральные прозападные выступления в Москве на Болотной площади в 2012 г.

Изборский клуб стал первым интеллектуальным патриотическим клубом и образцом для появления экспертных и аналитических центров клубного типа в России. Российское сообщество интеллектуалов, озабоченное судьбами России и мира – это добровольчество, живая гражданская инициатива и социальное служение. Интеллектуальное сообщество граждан ищет и находит ответы на вопросы прошлого, настоящего и будущего, влияет на формирование общественного мнения, общается с политическим руководством страны на различных общественно-значимых форумах и иных площадках, реализует народную дипломатию, направленную на евразийскую интеграцию и многое другое. Изборский клуб систематически выпускает Изборский журнал «Русские стратегии», готовит и представляет коллективные доклады, ведет сайт, проводит тематические заседания, конференции и другие формы продвижения клубных идеологических проектов.

Приведем лишь некоторые наиболее влиятельные интеллектуальные патриотические клубы, существующие сегодня в России.

1. Изборский клуб. Председатель А. А. Проханов Официальным органом печати является Изборский журнал «Русские стратегии» [1] и сайт клуба.

2. Макарие-Калязинский клуб Русского собрания. Сопредседатели А. Д. Степанов и К. Г. Ильин. Официальным органом печати клуба

является Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия».

3. Экспертный совет Общероссийского общественного движения «Русская мечта». С. Д. Баранов – руководитель Экспертного совета, кандидат социологических наук. Официальным органом печати является сайт и социальные сети Движения «Русская мечта».

4. Преображенский клуб. Председатель клуба Б. И. Костенко. Информацию клуба транслирует Медиахолдиг «Вечерняя Москва».

5. Школа здравого смысла. Ректор А. Г. Ибрагимов. Информация представлена на сайте и в социальных сетях школы.

6. День Центр. Руководитель А. Б. Белецкий. Деятельность День Центра освещается ресурсами Медиахолдинга «День».

7. Совет старейшин коренных народов России и стран Евразии. Председатель А. А. Аджигиреев. Официальными органами печати являются сайт и социальные сети.

8. Экспертный Совет высокого уровня БРИКС. Президент ЭСВУ БРИКС М. М. Кривоносов. Официальными органами печати являются сайт и социальные сети.

Российские интеллектуальные патриотические клубы взаимодействуют между собой и проводят общие заседания по различным темам. Одной из важнейших тем таких заседаний является евразийская интеграция. Современные технологии обеспечивают улучшение транспортной и информационной коммуникаций, что естественно должно приводить к континентальной и глобальной интеграции, но этот процесс может происходить по разным сценариям.

От чего зависит и как будет проходить интеграционный процесс на просторах Евразии?

В первую очередь от представлений об образе будущего ведущих континентальных центров интеграции, которые заложены в проекты их развития и от возможности их непротиворечивого соединения в единый континентальный проект будущего, называемый «Большая Евразия».

Многие эксперты российских интеллектуальных клубов предлагают свои модели образа будущего для России, Евразии и мира. Проанализировав предложенные российскими экспертами модели будущего и исключив из них, в чисто научных целях представления англо-саксонских элит США и Великобритании о будущем Евразии, в данной статье мы попытаемся отразить основные представления об образе будущего заявленные или формирующиеся в различных частях Евразии.

Выделим шесть основных центров евразийской интеграции.

1. Китайская Народная Республика. Лидер Китая Си Циньпин заявил в 2012 г. образ будущего для Китая как курс государственной политики до 2049 г. по названию «Китайская мечта». Внешнеполитическая доктрина Китая представлена международными инициативами, направленными в будущее – это «Один пояс, один путь», «Новый шелковый путь» и «Сообщество единой судьбы человечества». Во многих странах Евразии на базе

высших учебных заведений создаются институты Конфуция, которые делают китайский язык и китайскую культуру понятнее для местного населения, получающего высшее образование. Активно развивается система образования для иностранцев в Китае. Китайские студенты массово учатся в России и в Беларуси. Китайская Народная Республика является ведущим центром евразийской интеграции благодаря экономическим успехам, успехам в сфере науки и технологий. Китай входит в ШОС и БРИКС.

2. Республика Индия. Правительство Индии реализует концепцию «Самодостаточный Бхарат». Индия обладает необходимым потенциалом, чтобы стать третьей экономикой мира в ближайшие годы, и стремиться стать развитой экономикой к 2047 г., когда будет отмечаться 100-летие независимости страны от колониального правления. Огромный потенциал народонаселения в Индии, как самой многочисленной страны мира, позволяет значительно влиять на трудовые миграционные потоки на континенте. Заявленной концептуальной программы влияния на Евразию и мир у Индии нет. Религиозная традиция индуизма в Индии находится в сложных межрелигиозных отношениях с исламом внутри страны и на границе с Пакистаном. Индуизм как религиозное учение в силу своего многообразия направлений и варновой специфики устройства общества не имеет потенциала для распространения на инокультурное население и не имеет своей миссионерской доктрины. Индия входит в БРИКС и Индо-Тихоокеанское военно-политическое объединение *QUAD* вместе с США, Австралией и Японией.

3. Израиль. Имеет геополитическую доктрину «Великий Израиль» и религиозную доктрину иудаизма о восстановлении Третьего Храма и приходе Машиаха. С геополитической точки зрения проект «Великий Израиль» носит региональный характер. Религиозная доктрина иудаизма имеет не только континентальный, но и глобальный планетарный масштаб.

4. Турция. Имеет стратегию по формированию своего евразийского образа будущего под названием «Великий Туран» с целью объединения всех тюркских народов Евразии под своим покровительством. Развивает идеологию неоосманизма и исламской солидарности, позиционирует себя в качестве лидера мусульманского мира, конкурируя с Саудовской Аравией и Ираном. Имеет мощный военный потенциал, входит в военно-политический блок НАТО.

5. Европейский союз. Между странами – членами Европейского союза наблюдается высокая степень интеграции, но пока еще внешняя политика имеет межгосударственный характер. Европейский союз не имеет единой внешнеполитической доктрины, находится под огромным влиянием США, проводит системную русофобскую политику и поддержку возрождающегося нацизма в Европе. Из 27 стран – членов Европейского союза 22 страны входят в военно-политический блок НАТО.

6. Союзное Государство Беларуси и России. Россия и Беларусь являются участниками СНГ, БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС. За годы существования Союзное Государство не смогло расширить свое влияние и включить в свой состав ни одной страны из постсоветского пространства или

других дружественных стран Евразии, хотя обсуждения таких проектов проходили на разных уровнях. Идеологически образ будущего самого Союзного Государства не проработан, чтобы стать привлекательным для других стран. Внутрироссийское экспертное сообщество разделилось на несколько идеологических групп, опирающихся на различные исторические этапы социально-экономического расцвета народов нашей цивилизации входивших в различные государственные образования и пытающиеся экстраполировать образы ушедших эпох в будущее. Таковыми являются образы будущего выраженные в популярных проектах возрождения утраченного величия из минувших исторических эпох:

– СССР 2.0 (Новый Советский Союз);
– Российская Империя 2.0 (Новая Российская Империя);
– Русское Царство 2.0 (Новое Русское Царство);
– Империя Чингизхана 2.0 (Новая Орда);
– Эпоха скифов 2.0 (Новые скифы).

Выявленные по экспертным оценкам модели образа будущего выражены образами из отечественной истории в период максимального военного могущества и сильной политической власти свидетельствуют не о стремлении к реконструкции истории, а о поиске рецептов и сценариев для решения грядущих и уже стоящих перед страной и миром вызовов. Можно отметить, что все чаще российские эксперты обсуждают успешный опыт наиболее ярких и успешных руководителей и применяемых ими социальных технологий для достижения успеха в сложнейшей геополитической обстановке того времени. Так в последние годы все чаще звучат имена Иосифа Виссарионовича Сталина, Иоанна Васильевича Грозного, Александра Ярославовича Невского, которые вели успешную политику по расширению влияния нашего государства на сопредельные территории и мудро проводили евразийскую интеграцию в условиях своего времени. За последние годы в России установлены памятники И. В. Сталину в Великих Луках, близ Туруханска на месте ссылке будущего генералиссимуса Советского Союза. В городах Орле, Чебоксарах и в Александрове Владимирской области (бывшей Александровой слободе – столицы Опричнины) установлены памятники Первому Русскому Царю Иоанну Васильевичу Грозному. Российская патриотическая общественность активно готовится к 500-летию со дня рождения основателя централизованного русского государства, которое будет праздноваться в 2030 г. В 2021 г. по Указу Президента России В. В. Путина прошло всенародное празднование 800-летия со дня рождения великого князя Александра Ярославовича Невского. В России идут мощные процессы соединения разрывов непрерывности российской государственности, процессы осознания политическими элитами и народными массами исторической преемственности различных форм организации власти и общества. В Санкт-Петербурге в 2023 г. установлены три государственных флага символизирующие преемственность государства Российского высотой 175 метров. Это флаги Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации.

Процесс формирования образа будущего в российском обществе подспудно шел все годы после распада Советского Союза в интеллектуальных, творческих, общественных, научных, ветеранских и политических сообществах, а с началом СВО этот процесс вышел в медийное пространство и охватил широкие народные массы. Появились, стали обще употребляемыми и закрепленными в государственных документах, такие новые понятия как: российский суверенитет, российский патриотизм, Россия – государство-цивилизация, традиционные российские духовно-нравственные ценности, в высших учебных заведениях введен обязательный курс «Основы российской государственности» [2]. Большой вклад в эту работу по формированию мировоззрения населения внесли эксперты интеллектуальных патриотических клубов.

Процесс формирования образа будущего в России в 2022 г. вылился в целое общественное движение – Общероссийское общественное движение «Русская мечта», объединившее не только высокоинтеллектуальную научную и творческую патриотическую элиту из интеллектуальных патриотических клубов, а и широкие круги общественных деятелей и гражданских активистов из различных субъектов Российской Федерации. Возглавил Общественное движение по формированию образа будущего нашей страны и мира Александр Андреевич Проханов. Процесс формирования образа будущего в России идет очень интенсивно на различных общественных и государственных площадках, в средствах массовой информации. Многонациональный народ России обретает мечту о своем будущем. И конечно этот процесс размышлений об образе будущего не мог не захватить и формирование образа будущего нашего общего Белорусско-Российского Союзного Государства. В марте 2025 г. проведены круглые столы в городах-героях Москве и Минске, на которых белорусские и российские эксперты впервые обсудили подходы к формированию образа будущего Союзной мечты.

В тоже время руководство Российской Федерации неоднократно официально заявляло о существовании геополитического проекта «Большая Евразия», который по замыслу российского политического руководства должен интегрировать все пространство континента экономическими и межкультурными связями на благо всех соседей по Евразии от Тихого до Атлантического океана.

Выводы:

– ключевым геополитическим вызовом современности, мешающим интеграционным процессам, мы считаем отсутствие привлекательного и понятного образа будущего, который предлагается создавать народам Евразии;

– образ будущего и сам творческий процесс его формирования является ключом к интеграционным процессам в Евразии. Необходимо запустить процесс формирования образа будущего во всех странах Евразии и вывести его на общие международные площадки;

– из шести выявленных центров евразийской интеграции, имеющих образ будущего в виде заявленного проекта, направленного на евразий-

скую интеграцию по собственному сценарию, можно выделить китайский проект, который является многоуровневым, проработанным идеологически, стратегически и тактически, подкрепленный экономическими программами международного сотрудничества и эффективно реализуемый. Все проекты образа будущего других центров интеграции будут иметь интеграционный успех в синергии с китайским проектом.

Наиболее близким к китайскому проекту евразийской интеграции может и должен стать будущий союзный белорусско-российский проект, который находится в начальной стадии своего формирования. При синергии китайского и союзного белорусско-российского проектов интеграции Евразии все остальные проекты будут трансформированы и включены в доминирующий сценарий. Рассматриваемый сценарий носит теоретический характер, модель изначально не учитывает влияния внешних сил на процессы евразийской интеграции. Под внешними силами для Евразии понимаются США, Великобритания и транснациональные корпорации ими порожденные.

Библиографический список

1. Проханов, А. А. «Идеология Русской победы» / А. А. Проханов // Изборский клуб. – 2022. – № 6 (104). – С. 2–13. – URL: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2022_06.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

2. Сагал, Д. А. Анализ первых результатов внедрения курса «Основы российской государственности» в 2023/2024 учебном году и оценка его стратегического влияния на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации // Сборник всероссийской научно-практической конференции «Изучение Российской государственности как основа патриотического воспитания молодежи», Москва, 25–26 апр. 2024 г. – М., 2024. – С. 120–122. – URL: https://www.synergykniga.ru/upload/iblock/0ce/777t0ym4ap7qmrs8xwxmqyavdjijbpdk.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

СЕКЦИЯ 2
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИТОГИ-2025 И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРИМЕНИМОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ПОДРАЗУМЕВАЕМЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

М. А. Абакумов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Б. Харитоньевский пер., д. 22–24, стр. 1А, 1БВ, 107078, г. Москва, Россия, abakoumoff@gmail.com

Статья посвящена исследованию возможности применения доктрины подразумеваемых полномочий в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На основе анализа положений Договора о ЕАЭС, Статута Суда ЕАЭС и сравнительного опыта США, Европейского союза (ЕС) и международных организаций, автор демонстрирует, что текущие правовые рамки ЕАЭС создают ограничения для развития подразумеваемых полномочий. Несмотря на это, сохраняется потенциал для их применения в узких пределах, соответствующих «принципу специализации» международных организаций.

Ключевые слова: евразийская интеграция; подразумеваемые полномочия; принцип специализации; ЕАЭС.

APPLICABILITY OF THE CONCEPT OF IMPLIED POWERS IN THE EAEU

M. A. Abakumov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 1BV B. Kharitonievsky Lane, bldg. 22–24/1A, Moscow 107078, Russia, abakoumoff@gmail.com

The article is devoted to the study of the possibility of applying the doctrine of implied powers within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). Based on an analysis of the provisions of the EAEU Treaty, the Statute of the EAEU Court, and the comparative experience of the United States, the European Union (EU), and international organizations, the author demonstrates that the current legal framework of the EAEU creates limitations for the development of implied powers. Despite this, the potential remains for their application within narrow limits corresponding to the 'principle of speciality' of international organizations.

Keywords: Eurasian integration; implied powers; principle of speciality; EAEU.

Применимость концепции подразумеваемых полномочий в рамках ЕАЭС представляет интерес как с практической, так и с академической точки зрения. Существует как минимум две причины, по которым международные организации обладают подразумеваемыми полномочиями. Во-первых, невозможно заранее и детально зафиксировать в учредительном документе все полномочия, которые могут понадобиться организации для осуществления ее функций. Во-вторых, учредители международных организаций не могут предвидеть, какие именно полномочия понадобятся для эффективной деятельности в меняющихся условиях. Поскольку международные организации создаются либо бессрочно, либо на длительный срок, они нуждаются в гибкости для адаптации к новым обстоятельствам. Развитие евразийской интеграции также не может игнорировать изменения в регулируемых союзным правом общественных отношениях, которые происходят под давлением технологического прогресса и деглобализационных процессов.

Теоретические основы концепции подразумеваемых полномочий в отечественной правовой науке заложили такие ученые-правоведы, как И. И. Лукашук [1], Г. И. Тункин [2], отдельные аспекты подразумеваемых полномочий в праве международных организаций и интеграционном праве затрагивали А. Я. Капустин [3], В. М. Шумилов [4] и др. В зарубежной литературе известны труды Х. Аречаги [5], Ф. Сейерстеда [6], К. Скубишевского [7], Я. Клабберса [8] и др.

Целью статьи является оценка применимости концепции подразумеваемых полномочий в рамках ЕАЭС. Ставится задача выявить пределы применения концепции подразумеваемых полномочий на основе анализа положений Договора о ЕАЭС и Статута Суда ЕАЭС и сравнительного опыта США, ЕС и международных организаций.

Исторически концепция подразумеваемых полномочий зародилась в ходе работы над Конституцией США и борьбы за ее ратификацию тринадцатью штатами. Она оказалась в самом центре обсуждения проекта Конституции на Филадельфийском конвенте при рассмотрении «положения о необходимых и уместных законах» (англ. *necessary and proper clause*), которое содержалось в последнем абзаце разделе 8 статьи 1 Конституции США, уполномочивающем Конгресс «издавать все законы, которые необходимы и уместны для осуществления вышеперечисленных полномочий и всех других полномочий, предоставленных настоящей Конституцией Правительству Соединенных Штатов, или какому-либо его департаменту, или должностному лицу» [9, с. 813].

Антифедералисты выступали против данного положения, утверждая, что оно предоставляет федеральному правительству неограниченные полномочия, что создает угрозу чрезмерной централизации власти. Федералисты, напротив, настаивали на том, что это положение лишь обеспечивает отправление властных полномочий, уже установленных Конституцией [10, с. 73–74].

Окончательно доктрина подразумеваемых полномочий была сформулирована Верховным Судом США в деле *McCulloch v. Maryland* (1819 г.), в котором он постановил, что Конгресс вправе принимать меры, необходимые для реализации явно выраженных полномочий, даже если эти меры не были прямо закреплены в Конституции. Председатель ВС США Дж. Маршалл заключил: «Пусть цель законна, пусть она находится в рамках Конституции, и тогда все средства, которые уместны, которые явно направлены на достижение этой цели, которые не запрещены, но соответствуют букве и духу Конституции, являются конституционными» [11].

Выкристаллизовавшись в недрах конституционного права, концепция подразумеваемых полномочий в дальнейшем нашла применение в праве международных организаций. В международном правопорядке она оказалась благодаря деятельности международных органов правосудия – Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) и позднее –Международного Суда ООН (далее – МС ООН).

В контексте проблематики подразумеваемых полномочий из судебной практики ППМП представляют интерес консультативные заключения, вынесенные в 1923–1930 гг., в частности, заключения «О компетенции МОТ в отношении международного регулирования условий труда лиц, занятых в сельском хозяйстве» [12], «О компетенции МОТ рассматривать предложения по организации и совершенствованию методов сельскохозяйственного производства» [13], «О компетенции МОТ по регулированию, в частности, личного труда работодателя» [14], «О толковании Соглашения между Грецией и Турцией от 1 декабря 1926 г. (ст. IV Заключительного протокола)» [15]. В последнем заключении ППМП применила принцип эффективного толкования, чтобы обосновать наличие у Смешанной комиссии по обмену греческого и турецкого населения полномочий на передачу споров в арбитраж, несмотря на отсутствие в Соглашении указания на субъект, уполномоченный передавать такие споры в арбитраж. Согласно принципу эффективного толкования, если возможны два толкования нормы, предпочтение отдается тому толкованию, которое обеспечивает достижение договорных целей.

МС ООН продолжил развитие доктрины подразумеваемых полномочий в консультативных заключениях «О возмещении за увечья, понесенные на службе в ООН» [16], «О присуждении компенсаций административным трибуналом Организации Объединенных Наций» [17], «Об определенных расходах ООН (п. 2 ст. 17 Устава)» [18]. Так, МС ООН установил, что «права и обязанности такого субъекта, как ООН, должны определяться в зависимости от его целей и функций, указанных или подразумеваемых в его учредительных документах и разработанных на практике» [16, п. 180].

В системе ООН эта правовая конструкция также использовалась неюрисдикционными органами. Наиболее ярким и одновременно противоречивым примером является резолюция ГА ООН 377 (V), в соответствии

с которой в случае наличия угрозы миру и при бездействии СБ ООН его функции по поддержанию мира выполняет ГА ООН [19].

Правовая конструкция подразумеваемых полномочий была закономерно воспринята интеграционным правом. Опираясь на нее, Суд ЕС последовательно расширял компетенцию Сообщества, а позже – Союза в той мере, в какой это было необходимо для достижения его целей. Знаковым является решение от 1971 г. по делу *ERTA*, которым была обоснована внешняя компетенция Сообщества через связь с внутренними полномочиями (принцип параллелизма) [20]. Спустя 5 лет в деле Kramer было подтверждено, что сообщество может заключать международные соглашения даже при отсутствии соответствующих положений в учредительных договорах [21]. В настоящее время основанием применения подразумеваемых полномочий в ЕС является статья 352 ДФЕС.

Возможность применения доктрины подразумеваемых полномочий для определения объема полномочий органов ЕАЭС остается дискуссионной и не разрешена окончательно в праве ЕАЭС. В практике Суда ЕАЭС существует только одно дело, в рамках которого вскользь рассматривалась проблема подразумеваемых полномочий. Так, в особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой по делу № СЕ-2-3/1-17-БК содержится следующее замечание: «Союз действует на основании функциональной компетенции международной организации, в отличие от суверенной компетенции государств. Последние передают часть компетенции (функций) международным служащим. Таким образом, компетенция международных организаций является функциональной: прямой и подразумеваемой… Передача функций осуществляется с учетом принципов, закрепленных в уставах организаций, в данном случае – в Договоре» [24]. Хотя это замечание было высказано в порядке *obiter dictum*, оно указывает на необходимость теоретического осмысления полномочий органов ЕАЭС, включая возможность их косвенного признания через доктрину подразумеваемых полномочий.

Согласно пункту 2 статьи 8 Договора о ЕАЭС (далее – Договор) «органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза». Само по себе цитируемое положение Договора не означает, что компетенция союзных органов ограничена только прямо выраженными полномочиями. Скорее, в этом случае можно говорить о закреплении принципа специализации. Так, признавая за принципом специализации основополагающую роль в праве международных организаций, МС ООН отмечал, что «потребности международной жизни могут указывать на необходимость того, чтобы организации для достижения своих целей обладали дополнительными полномочиями… Общепризнано, что международные организации могут осуществлять такие полномочия, известные как «подразумеваемые» полномочия» [23]. Таким образом, пункт 2 статьи 8 Договора не препятствует применению концепции подразумеваемых полномочий.

Определенные сомнения в применимости подразумеваемых полномочий может вызывать иная норма интеграционного права, которая фигурирует в статье 42 Статуте Суда ЕАЭС и звучит следующим образом: «в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза». Как уже выше отмечалось, концепция подразумеваемых полномочий получила развитие, что в конституционном, что в международном или интеграционном праве, именно благодаря деятельности судов. На первый взгляд представляется, что этой нормой авторы Статута стремились в принципе не допустить применение концепции в рамках ЕАЭС, и она является частным проявлением борьбы с судейским активизмом, под которым понимается осуществление судом квазизаконодательных функций [24, с. 82].

Однако влияние этого положения на применимость подразумеваемых полномочий ограничено по крайней мере по трем основаниям. Во-первых, использование слов «помимо той, которая…» логически указывает на то, что в компетенцию Суда входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Следовательно, Суд ЕАЭС уполномочен «наделять» союзные органы дополнительными полномочиями, которые вытекают из прямо выраженных полномочий. Во-вторых, международные организации «не наделяются» судами подразумеваемыми полномочиями *in stricto sensu*. Они существуют одновременно с явно выраженными полномочиями, а суды лишь подтверждают их существование через толкование учредительных документов. В-третьих, толкование статьи 42 Статута в духе неприменимости подразумеваемых полномочий входит в противоречие с принципом *Kompetenz-Kompetenz*, который закреплен в статье 41 Статута. Действительно, если Суд ЕАЭС может самостоятельно принимать решение по вопросу о наличии у него права на разрешение спора, он тем самым имеет возможность принять к производству споры, которые прямо не отнесены к его компетенции.

Истинное значение статьи 42 Статута заключается не в полном отрицании подразумеваемых полномочий в рамках ЕАЭС, а в установлении стандарта толкования для определения их объема. При системном толковании пункта 2 статьи 8 Договора и статьи 42 Статута можно заключить, что органы ЕАЭС могут обладать теми подразумеваемыми полномочиями, которые вытекают из явно предоставленных организации или ее органу полномочий и необходимы для их реализации. Как следствие, несмотря на то, что телеологическое толкование применялось при определении объема подразумеваемых полномочий в практике МС ООН, а также Суда ЕС, оно недопустимо в рамках ЕАЭС, поскольку позволяет существенно расширить компетенцию органов исходя из общих целей организации, указанных в статье 4 Договора. Тем более, не может быть применена концепция имманентной компетенции Ф. Сейерстеда, согласно

которой подразумеваемые полномочия связываются с имманентными, внутренне присущими организации свойствами [6, с. 81–182]. Таким образом, в соответствии с установленным стандартом толкования определенность того, что изложено в явно выраженных полномочиях, должна преобладать над неопределенностью того, что может подразумеваться.

Библиографический список

1. Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, ин-т. государства и права, Академ. правовой ун-т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.

2. Тункин, Г. И. Теория международного права : монография / Г. И. Тункин, Л. Н. Шестаков. – М. : Зерцало-М, 2016. – 416 с.

3. Капустин, А. Я. Компетенция международных организаций / А. Я. Капустин // Международные организации : учебник. – М. : РУДН, 1994. – С. 69–85. – URL: http://lawlibrary.ru/article1109066.html (дата обращения: 01.04.2025).

4. Шумилов, В. М. Международное право : учеб. для студентов вузов / В. М. Шумилов; ВАВТ Минэкономразвития России. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юстиция, 2016. – 527 с.

5. Современное международное право. Перевод с испанского / Э. Хименес де Аречага; под ред.: Г. И. Тункин (вступ. ст.); Пер.: Ю. И. Папченко – М. : Прогресс, 1983. – 480 с.

6. Seyersted, F. Common Law of International Organizations / F. Seyersted. – Leiden : Martinus Nijhoff, 2008. – 604 p.

7. Skubiszewski, K. Implied Powers of International Organizations / K. Skubiszewski // International Law at a Time of Perplexity : Essays in Honour of Shabtai Rosenne, ed. : Y. Dinstein . – Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1989 – P. 855–868.

8. Klabbers, J. An Introduction to International Organizations Law / J. Klabbers. – 4th edn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 422 p.

9. Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. д.ю.н., проф. Т. Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации, 2006. – Т. 1 : Северная и Центральная Америка. – 832 с.

10. Рамос, П. Р. Б. Федерализм. Истоки и пути его развития в истории США и Бразилии / П. Р. Б. Рамос, П. Н. М. Виана // Правосудие/Justice. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 62–79. – URL: https://justice.study/upload/visual_img/source/pravosudie_2021_2.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

11. McCulloch v Maryland, 17 U.S. 420 (1819) // Justia U.S. Supreme Court – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/17/316/ (date of access: 14.04.2025).

12. Permanent court of international justice // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_02/Competence_OIT_Agriculture_Avis_consultatif.pdf (date of access: 14.04.2025).

13. Permanent court of international justice // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_03/Competence_OIT_Agriculture_Avis_consultatif_1.pdf (date of access: 14.04.2025).

14. Collection of advisory opinions. Competence of the International Labour Organization to regulate, incidentally, the personal work of the employer // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_13/01_Competence_OIT_travail_personnel_du_patron_Avis_consultatif.pdf (date of access: 14.04.2025).

15. Collection of advisory opinions. Interpretation of the Greco-Turkish agreement of december 1st, 1926 // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_16/01_Interpretation_de_l_Accord_greco-turc_Avis_consultatif.pdf (date of access: 14.04.2025).

16. Reparation for inj~riesugered in the service of the United Nations, Advisory Opinion // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf (date of access: 14.04.2025).

17. Effect of awards of compensation made by the United Nations Administrative Tribunal // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/21/021-19540713-ADV-01-00-EN.pdf (date of access: 14.04.2025).

18. Certain expenses of the United Nations (article 17, paragraph 2, of the charter) // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/49/049-19620720-ADV-01-00-EN.pdf (date of access: 14.04.2025).

19. Единство в пользу мира : док. ООН A/RES/377(V) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r5-377.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

20. Judjement C-22/70, Commission v Council (ERTA) // Court of Justice of the European Union. – URL: https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf;jsessionid=C44DA08B184A1FEACBB1B477A9039991?text=&docid=88062&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=6203735 (date of access: 14.04.2025).

21. Judjement C-3/76, 4/76 и 6/76, Kramer // European Union. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61976CJ0003 (date of access: 14.04.2025).

22. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. по делу СЕ-2-3/1-17-БК // Суд Евразийского экономического союза. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/63f/3.%20Адилов%20-%20ОМ%20Т.Н.%20Нешатаевой.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

23. Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion // International Court of Justice. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/93/093-19960708-ADV-01-00-EN.pdf (date of access: 14.04.2025).

24. Дьяченко, Е. Б. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность / Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин // Международное правосудие. – 2017. – № 3 (23). – С. 76–95. – URL: https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3232017-076-095-Dyachenko-Entin.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В. В. Басалыга

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vicylca94@yandex.by

Статья посвящена анализу международной правосубъектности такого регионального интеграционного объединения, как Евразийский экономический союз, отличающегося в некоторых аспектах деятельности от международных организаций. Исследование аспектов правосубъектности такого объединения актуально в виду масштабности последнего с отличными перспективами развития и проявлением «надгосударственности» в процессе функционирования. Задача исследования – изучить роль и статус Евразийского экономического союза в качестве международной организации региональной интеграции, которое направлено на анализ теоретических аспектов деятельности Союза на международной арене и его взаимодействии с внешними партнерами. Исследование может поспособствовать расширению международных связей и устойчивому социально-экономическому развитию. Автором отмечается региональный характер интеграции, наднациональность полномочий в некоторых сферах, формирование автономной системы права, выделяются направления реализации правосубъектности регионального объединения, а также сделаны рекомендации о дальнейшем развитии.

Ключевые слова: правосубъектность; региональные организации; международные организации; Евразийский экономический союз; «надгосударственность»; учредительный документ; международное сотрудничество; интеграционные объединения.

LEGAL CAPACITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

V. V. Basalyga

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, vicylca94@yandex.by

The article is devoted to the analysis of the legal capacity of such a regional integration association as the Eurasian Economic Union, which differs in some aspects of its activities from international organizations. The study is relevant in view of the scale of the Eurasian Economic Union with excellent development prospects and the manifestation of "supranationality" in the process of functioning. The objective of the study is to study the role and status of the Eurasian Economic Union as an international organization of regional integration, which is aimed at analyzing the theoretical aspects of the Union's activities in the international arena and its interaction with external partners. The study can contribute to the expansion of international relations and sustainable socio-economic development. The author notes the regional nature of integration, the supranationality of powers in some areas, the formation of an autonomous legal system, highlights the directions for implementing the legal capacity of the regional association, and makes recommendations for further development.

Keywords: legal capacity; regional organizations; international organizations; Eurasian Economic Union; «supranationality»; international treaty; international cooperation; integrational associations.

Вступив в силу 1 января 2015 г., Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) дал старт для дальнейшего функционирования интеграционного объединения на постсоветском пространстве. Необходимость уяснения правовой природы интеграционных объединений обуславливается их значимостью и ролью в международных отношениях на современном этапе, что возможно в результате установления особых признаков, присущих исключительно интеграционным объединениям (отличных от «классической» модели сотрудничества – международных организаций), что и является актуальностью темы исследования [1].

ЕАЭС сегодня – это экономическое объединение, участниками которого являются 5 государств (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация). В учредительном документе (Договор о ЕАЭС) содержатся положения о целях деятельности ЕАЭС, о системе органов, их функциях, порядке формирования и функционирования.

Настоящее исследование основано на общетеоретических подходах отечественной доктрины о международной правосубъектности, специфике интеграционного объединения как международной организации (субъекта международного права). Цель исследования особенностей международной правосубъектности ЕАЭС заключается в изучении его роли и статуса как международной организации региональной интеграции и направлено на анализ правовых аспектов, предоставляющих возможность ЕАЭС действовать на международной арене, взаимодействовать с внешними партнерами, представлять интересы государств-участников. Исследование таких вопросов связано с укреплением международной правосубъектности ЕАЭС, что может поспособствовать расширению международных связей и устойчивому социально-экономическому развитию.

В доктрине особенности правосубъектности ЕАЭС как интеграционного образования рассматривались, в основном, такими российскими учеными, как Л. П. Ануфриева (обозревается блок теоретических проблем, относящихся к особенностям евразийской интеграции и ЕАЭС как организационно-правовой форме, юридической природе такого объединения) [2, с. 50–55], В. С. Ковалев (диссертационное исследование посвящено детальному изучению международной правосубъектности интеграционных объединений в целом и в частности ЕАЭС, изучены различия в правовой природе международных организаций и интеграционных объединений и механизмов реализации их правосубъектности) [3], М. Л. Энтин (в учебнике рассмотрены современная структура европейского интеграционного права, его становление, особое внимание уделено правовому регулированию внутренней и внешней политики Европейского союза и ЕАЭС) [4] и других. При этом доктриной не предлагается системного анализа Договора о ЕАЭС, выявляющего особенности международной правосубъектности Союза как самостоятельного субъекта права.

Евразийское экономическое сообщество, являясь предшественником ЕАЭС, прекратило свое существование, при этом достижения и опыт по-

следнего стали основой для последующего интеграционного строительства в регионе. В качестве целей создания ЕАЭС устанавливается всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик, и создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов, содействуя при этом свободному перемещению товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проведению скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях экономики [1].

Учредительным документом ЕАЭС является Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., в соответствии с которым Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью (ст. 1) [5].

Исходя из указанной нормы, Т. Н. Михалёвой выделяется три характеристики ЕАЭС в контексте международной правосубъектности:

– ЕАЭС является международной организацией (в частности, межправительственной, участниками которой являются государства);

– международная правосубъектность для ЕАЭС – способность быть субъектом международного права, носителем соответствующих прав и обязанностей, создателем норм международного права;

– ЕАЭС – организация региональной интеграции [6, с. 29].

Относительно правосубъектности ЕАЭС Л. П. Ануфриевой отмечается, что с помощью заключаемых международных соглашений и «организационной оболочки» формируется конкретный институционно-правовой, включая договорный, механизм интеграции. Как и в других международных организациях, здесь учредительные акты направлены на создание новых субъектов права с определенной автономией, которым стороны вверяют выполнение задач для достижения общих целей [7, с. 108].

Статьей 5 Договора о ЕАЭС урегулировано положение о том, что Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных данным Договором и международными договорами в рамках Союза. Такая норма носит специальный характер при определении компетенции, здесь подчеркивается комплексный подход при определении компетенции (необходимо учитывать ее пределы и объемы) [5].

Для установления пределов и объемов компетенции ЕАЭС необходимо определить предметную (сферы или вопросы регулирования) и функциональную компетенцию (полномочия организации). Таким образом, необходимо установить, какие вопросы относятся к ведению организации на основании Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и какими полномочиями такие акты наделяют ЕАЭС.

В. С. Ковалёвым в статье «Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях» выделяются некоторые характеристики, позволяющие особо подчеркнуть интеграционные черты в разрезе международной правосубъектности:

– статья 6 Договора о ЕАЭС устанавливает собственную правовую систему Союза, в состав которой входят международные договоры (один из

основных источников международного права), а также решения органов ЕАЭС; институтов межнационального сотрудничества (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета), а также решения такого наднационального органа, как Евразийская экономическая комиссия (которые имеют прямое действие в государствах-членах по вопросам, переданным на уровень Союза);

– наличие наднациональных институтов, к которым помимо вышеуказанных также следует отнести и Суд ЕАЭС (автором отмечаются сложности, связанные с практическим исполнением решений и относительно узкой компетенцией суда, устранение некоторых из отмеченных недостатков планируется в процессе реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.);

– передача на уровень ЕАЭС внушительного объема компетенции в экономической сфере, в том числе вопросов нетарифного регулирования, таможенно-тарифного регулирования, транспорта и перевозок, конкурентной политики, государственных закупок и так далее. Отмечается стремление ЕАЭС к всесторонней реализации «4 свобод» (свободы движения товаров, лиц, услуг и капиталов), а также стремление к реализации согласованной и скоординированной политики в основных экономических сферах [8, с. 20–22].

Также стоит отметить, что согласно ст. 7 Договора о ЕАЭС, Союз обладает компетенцией в международной сфере: Союз имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Международное сотрудничество в рамках ЕАЭС осуществляется преимущественно «в логике классической международной организации». Здесь выделяется особенность – внешнеторговая политика, которая заключается в создании зон свободной торговли с третьими странами (подписывая соответствующие соглашения) и в более глубоком экономическом сотрудничестве. Например, это соглашения о свободной торговле с Республикой Вьетнам, Сербией, временное соглашение с Исламской Республикой Иран, с Китайской Народной Республикой заключено соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и другие [8, с. 21–22].

Порядок осуществления Союзом международного сотрудничества устанавливается решением Высшего Евразийского экономического совета. Вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза. Так, относительно вопросов международного сотрудничества действует решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 99 «О порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества», относительно вопросов заключения международных договоров ЕАЭС с третьей стороной урегулированы международным договором в рамках Союза (Соглашение о международных

договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» от 14 мая 2018 г.) [6, с. 30–31].

Таким образом, относительно международной правосубъектности ЕАЭС, важно отметить региональный характер интеграции, где государства-участники добровольно создали международную организацию с наднациональными полномочиями в некоторых сферах, формируют автономную систему права с соблюдением основополагающих принципов международного права.

Можно выделить направления реализации правосубъектности ЕАЭС, некоторые из которых выделяют Союз среди субъектов международного права в качестве интеграционного объединения:

1) осуществление международного сотрудничества;

2) заключение международных договоров;

3) функционирование собственной правовой системы Союза (в состав которой в соответствии с Договором о ЕАЭС входят международные договоры и решения органов ЕАЭС);

4) наличие наднациональных институтов;

5) передача на уровень ЕАЭС внушительного объема компетенции в экономической сфере.

Далее работа должна быть сосредоточена на институциональном развитии (в частности, на возможной передаче дополнительных вопросов на наднациональный уровень, создании инструментов для защиты правопорядка). Будучи частью системы международных отношений, для Союза также крайне важно укрепление его международной правосубъектности, что в последующем позволит реализовать интеграционные преимущества, обеспечить устойчивое экономическое развитие и вывести евразийский проект на новый уровень.

Библиографический список

1. Исполнилось 10 лет с момента подписания Договора о создании ЕАЭС // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 29.05.2024. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/maj/77871/ (дата обращения: 01.04.2025).

2. Ануфриева, Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении / Л. П. Ануфриева // Москов. журн. междунар. права. – 2016. – № 4. – С. 48–62.

3. Ковалев, В. С. Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Ковалёв Владимир Сергеевич ; МГИМО Университет. – М., 2022. – 163 с. – URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2022/Kovalev_diss.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

4. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М. : Норма : Инфра-М, 2018. – 416 с.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 01.04.2025).

6. Михалёва, Т. Н. Право Евразийского экономического союза: учеб.-метод. пособие / Т. Н. Михалёва. – Минск : БГУ, 2022. – 191 с.

7. Ануфриева, Л. П. Правосубъектность международных организаций региональной экономической интеграции в международном праве / Л. П. Ануфриева // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут. – М., 2017. – С. 99–108

8. Ковалёв, В. С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях / В. С. Ковалёв // Актуальные проблемы международных отношений. – 2021. – № 1 (58). – С 13–25.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н. С. Габец

Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, 1sol@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования гуманитарной помощи в государствах – членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Автор отмечает, что взаимодействие по вопросам оказания гуманитарной помощи прямо не указано в качестве одного из направлений деятельности ЕАЭС. Вместе с тем, в условиях глобальных вызовов координация гуманитарной деятельности является важным направлением, способным создать единый и эффективный механизм реагирования кризисы государствах – членах ЕАЭС. В статье анализируются нормы национального законодательства государств – членов ЕАЭС, а также механизмы координации гуманитарного сотрудничества в рамках интеграционного объединения. Выявляются пробелы и противоречия, связанные с правовым регулированием гуманитарной помощи в государствах – членах ЕАЭС. В заключении сделан вывод о необходимости гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС о гуманитарной помощи.

Ключевые слова: гуманитарная помощь; международная гуманитарная помощь; гуманитарное сотрудничество; ЕАЭС; евразийская интеграция; пределы интеграции; государства – члены ЕАЭС; гармонизация законодательства.

LEGAL REGULATION OF HUMANITARIAN AID IN THE EURASIAN ECONOMIC UNIONMEMBER STATES

N. S. Gabets

National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, 1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus, 1sol@mail.ru

The article analyzes the specifics of legal regulation of humanitarian aid in the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). The author notes that interaction on humanitarian aid is not directly indicated as one of the areas of activity of the EAEU. At the same time, in the context of global challenges, coordination of humanitarian activities is an important area that can create a single and effective mechanism for responding to crises in the EAEU member states. The article analyzes the norms of national legislation of the EAEU member states, as well as mechanisms for coordinating humanitarian cooperation within the integration association. Gaps and contradictions related to the legal regulation of humanitarian aid in the EAEU member states are identified. In conclusion, a conclusion is made on the need to harmonize the legislation of the EAEU member states on humanitarian aid.

Keywords: humanitarian aid; international humanitarian aid; humanitarian cooperation; EAEU; Eurasian integration; integration limits; EAEU member states; harmonization of legislation.

Традиционно интеграцию и интеграционные процессы принято связывать с созданием различных региональных торговых соглашений и объединением экономик государств-членов. Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) не является исключением. Созданный как международная организация региональной экономической интеграции ЕАЭС направлен, прежде всего, на создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [1]. Таким образом, сотрудничество в гуманитарной сфере прямо не указано в Договор о ЕАЭС в качестве целей организации. Вместе с тем, разговоры о возможности расширения пределов и сфер интеграции ЕАЭС звучат уже давно. Так, С. Ю. Пантелеев отмечает, что «дальнейшее развитие интеграции в ЕАЭС… предполагает использование уникального российско-белорусского опыта, подразумевающего, в том числе, и выход интеграционных процессов за рамки исключительно экономической проблематики, усиление их гуманитарной составляющей» [2, с. 10]. Другой российский исследователь Е. Чимирис, отмечая перспективы развития ЕАЭС, также акцентирует внимание на необходимости максимально полно использовать потенциал Союза для развития новых направлений сотрудничества, в том числе развития гуманитарной составляющей евразийской интеграции [3].

В 2025 г. Республика Беларусь в третий раз председательствует в ЕАЭС. В связи с этим главой государства были определены приоритетные задачи, которые ставит наша страна в текущем году. Среди них – «дополнение экономического трека интеграции проблематикой из социальной и гуманитарной сфер» [4]. По словам лидера Беларуси, дальнейшее развитие ЕАЭС должно быть связано с повышением благосостояния граждан государств – членов ЕАЭС, поэтому сотрудничеству в гуманитарной сфере должно уделяться пристальное внимание.

Гуманитарная помощь играет важную роль в социально-экономическом развитии государств, особенно в условиях кризисов, стихийных бедствий и военных конфликтов. В рамках ЕАЭС вопросы правового регулирования гуманитарной помощи требуют особого внимания, поскольку отсутствие единых стандартов может создавать препятствия для эффективного распределения помощи.

Целью данной статьи является анализ правовых основ предоставления гуманитарной помощи в государствах – членах ЕАЭС, выявление общих тенденций и различий в регулировании, а также разработка рекомендаций по совершенствованию правовых механизмов.

Следует отметить, что взаимодействие по вопросам оказания гуманитарной помощи прямо не указано в качестве одного из направлений деятельности ЕАЭС. Отдельные положения Договора о ЕАЭС регулируют вопросы ввоза на таможенную территорию ЕАЭС товаров в качестве гуманитарной помощи и (или) для ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий или катастроф. В условиях глобальных вызовов, таких как пандемии, природные катастрофы и вооруженные конфликты, коор-

динация гуманитарной деятельности является важным направлением, способным создать единый и эффективный механизм реагирования на кризисы. На данный момент самым ярким примером практики взаимодействия в гуманитарной сфере в ЕАЭС является оказание гуманитарной помощи во время пандемии *COVID*-19, когда государства-члены обменивались медицинскими грузами, но без единой координации на уровне ЕАЭС.

Вместе с тем, в рамках ЕАЭС нет установленного перечня конкретных видов товаров, которые могут (либо не могут) перемещаться через таможенную границу ЕАЭС в качестве гуманитарной помощи. Таким образом, исследование данного вопроса основывается на анализе соответствующих норм законодательства государств – членов ЕАЭС.

Можно выделить общие черты порядка оказания гуманитарной помощи:

1) целевой характер гуманитарной помощи;

2) наличие ряда требований к ввозимым на таможенную территорию гуманитарным грузам, в том числе соответствие их санитарным нормам и требованиям безопасности;

3) прохождение таможенного оформления в первоочередном порядке.

Следует отметить, что в государствах – членах ЕАЭС развитие национального законодательства о гуманитарной помощи находится на разных уровнях правового регулирования.

Так, в Республике Армения отсутствует специальное законодательное регулирование отношений, связанных с оказанием международной гуманитарной помощи. Схожие правоотношения в Республике Армения регулируются двумя нормативно-правовыми актами: Законом Республики Армения 2002 г. «О благотворительности» [5] и Законом Республики Армения 2024 г. «О социальном содействии» [6]. При этом понятие гуманитарной помощи в законодательстве Армении не определено, вместо этого употребляется понятие гуманитарного реагирования, которое помимо товаров и услуг включает также силы и средства его обеспечения.

В Кыргызской Республике правоотношения, связанные с оказанием гуманитарной помощи, регламентированы Законом 2017 г. «О международной чрезвычайной помощи» [7], который направлен на установление порядка оказания международной чрезвычайной помощи и определение минимальных требований, которым должна соответствовать международная чрезвычайная помощь. Таким образом, в Кыргызской Республике вместо понятия «гуманитарная помощь» употребляется термин «международная чрезвычайная помощь», при этом названный выше закон не применяется в условиях вооруженного конфликта или в условиях иной чрезвычайной ситуации, возникшей на территории государства, которая была затронута вооруженным конфликтом.

В Российской Федерации вопросы, связанные с оказанием гуманитарной помощи, регламентированы несколькими нормативно-правовыми актами различной правовой природы [8; 9]. При этом, в законодатель-

стве Российской Федерации установлено, что для получения налоговых и таможенных льгот при перемещении гуманитарной помощи в обязательном порядке необходимо предоставление специального документа (удостоверения), который бы подтверждал принадлежность средств, товаров, работ или услуг к гуманитарной помощи. В то же самое время в Республике Казахстан законодательно не предусмотрена выдача документов, подтверждающих характер грузов, что, с одной стороны, должно упрощать процесс оформления гуманитарных грузов и уменьшать время их поставок, а, с другой стороны, может привести к злоупотреблениям при принятии решения о перемещении гуманитарной помощи через таможенную границу.

Напротив, законодательством Республики Беларусь наиболее четко регламентирован порядок, характеризующий действия субъектов гуманитарной помощи (как доноров, так и получателей). Более того, в законодательстве предусмотрены жесткие меры контроля на всех этапах оказания (получения) гуманитарной помощи.

Помимо различий в объеме правовой регламентации гуманитарной помощи в государствах – членах ЕАЭС, существуют различия и в так называемой юридической формализации определения гуманитарной помощи. Так, в законодательстве Республики Армения и Кыргызской Республике вообще не содержится определение понятия «гуманитарная помощь». В законодательстве Республики Беларусь одновременно употребляются два термина: «иностранная безвозмездная помощь» [10] и «международная гуманитарная помощь» [11], при этом данные понятия не являются тождественными, а порядок оказания и получения обозначенных выше видов помощи различен. В Российской Федерации понятием гуманитарной помощи как вида безвозмездной помощи охватываются, в том числе, «средства». Вместе с тем, крайне нечетко определено, что относится к данной категории: денежные средства, транспортные средства или иные предметы.

Денежные средства в качестве предмета гуманитарной помощи прямо упоминаются в законодательстве Республики Беларусь и Кыргызской Республики (как международная чрезвычайная помощь). В Республике Казахстан денежные средства долго не признавались в качестве международной гуманитарной помощи, такая возможность появилась лишь в 2019 г. в связи с обновлением национального законодательства.

С указанными выше различиями связаны и проблемы правоприменительной практики в процессе оказания гуманитарной помощи.

Одним из ключевых аспектов является предоставление таможенных и налоговых льгот для гуманитарных грузов. Так, в государствах – членах ЕАЭС действуют следующие правила:

1) освобождение от НДС и таможенных пошлин – при условии подтверждения гуманитарного характера груза (однако на данный момент не во всех странах предусмотрена выдача документа, подтверждающего характер груза);

2) упрощенный таможенный контроль (может действовать так называемый «зеленый коридор» для гуманитарных поставок, однако также не во всех государствах – членах ЕАЭС).

В настоящее время применяются разные требования к документальному оформлению «гуманитарных грузов». Так, в Российской Федерации требуется предоставление удостоверения, подтверждающего характер груза, а в Казахстане, например, такого требования нет.

Таким образом, несмотря на общие принципы оказания гуманитарной помощи, сохраняются различия в процедурах, что затрудняет трансграничное перемещение гуманитарной помощи. К основным проблемам следует отнести разрозненность норм национального законодательства государств – членов ЕАЭС, барьеры при оформлении гуманитарной помощи, отсутствие установленного перечня конкретных видов товаров, которые могут (либо не могут) перемещаться через таможенную границу ЕАЭС в качестве гуманитарной помощи и др.

Очевидно, что правовое регулирование гуманитарной помощи в ЕАЭС требует дальнейшей гармонизации законодательства. Возможным решением данных проблем может стать разработка единого документа на уровне ЕАЭС, закрепляющего понятие гуманитарной помощи, перечень товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС в качестве гуманитарной помощи, порядок предоставления (получения) гуманитарной помощи государствами – членами ЕАЭС, в том числе правила документарного оформления гуманитарных грузов. Устранение существующих правовых барьеров и усиление координации между государствами – членами ЕАЭС позволит повысить эффективность оказания помощи в кризисных ситуациях.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Национальный правовой Интреннет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 09.03.2025).

2. Пантелеев, С. Ю. Евразийская интеграция : гуманитарное измерение / С. Ю. Пантлеев // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 16 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 10–15. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322164 (дата обращения: 01.04.2025).

3. Чимирис, Е. Евразийский экономический союз – новые перспективы гуманитарного сотрудничества / Е. Чимирис // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 17.05.2023. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-novye-perspektivy/ (дата обращения: 12.04.2025).

4. Обращение главам государств – членов Евразийского экономического союза // Президент Республики Беларусь. – 01.01.2025. – URL: https://president.gov.by/ru/events/obrasenie-glavam-gosudarstv-clenov-evrazijskogo-ekonomiceskogo-souza (дата обращения: 10.04.2025).

5. О благотворительности : Закон Республики Армения от 8 нояб. 2002 г. № ЗР-424 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26053 (дата обращения: 13.04.2025).

6. О социальном содействии : Закон Республики Армения от 11 нояб. 2024 г. № ЗР-414 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=163356 (дата обращения: 13.04.2025).

7. О международной чрезвычайной помощи : Закон Кыргызской Республики от 17 июня 2017 г. № 104 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=98229 (дата обращения: 13.04.2025).

8. О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации : Федер. закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 22.03.2025).

9. Положение об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 1239 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 22.03.2025).

10. Об иностранной безвозмездной помощи : Декрет Президента Респ. Беларусь от 25 мая 2020 г. № 3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 29.03.2025).

11. Об утверждении Положения о порядке оказания Республикой Беларусь международной гуманитарной помощи : Указ Президента Респ. Беларусь от 27 июня 2011 г. № 269 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 29.03.2025).

THE COMPETENCE OF REGIONAL ECONOMIC ORGANIZATIONS TO DEVELOP LEGAL GROUNDS OF COOPERATION WITH NON-MEMBER COUNTRIES

Diao Yueqi

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, diaoyueqi30@gmail.com

The article examines the importance of regional economic cooperation within a legal framework, which includes joint economic policies of several countries seeking to achieve common interests and increase trade. By analyzing how major regional economic organizations (such as EFTA, APEC, NAFTA and EAEU) formulate rules, explores the legal authority and mechanisms of regional economic organizations when cooperating with non-member countries to promote international economic interaction. The legal system of regional economic organizations not only affects their internal market integration, but also determines their role in the global economic system, which is crucial to promoting international cooperation and responding to global challenges.

Keywords: regional economic organizations; economic relations; legal competences of organizations; international legal framework; economic cooperation mechanisms; sustainable development; global economic governance.

КОМПЕТЕНЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ ЧЛЕНАМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Дяо Юэци

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, diaoyueqi30@gmail.com

В статье рассматривается важность регионального экономического сотрудничества в правовых рамках, которое включает в себя совместную экономическую политику нескольких стран, направленную на достижение общих интересов и расширение торговли. Анализируя, как крупнейшие региональные экономические организации (такие как ЕАСТ, АТЭС, НАФТА и ЕАЭС) формулируют правила, исследуются правовые полномочия и механизмы региональных экономических организаций при сотрудничестве со странами, не являющимися их членами, для содействия международному экономическому взаимодействию. Правовая система региональных экономических организаций не только влияет на их интеграцию на внутреннем рынке, но и определяет их роль в глобальной экономической системе, которая имеет решающее значение для развития международного сотрудничества и реагирования на глобальные вызовы.

Ключевые слова: региональные экономические организации; экономические отношения; правовая компетенция организаций; международно-правовая база; механизмы экономического сотрудничества; устойчивое развитие; глобальное экономическое управление.

Regional economic cooperation refers to two or more countries in a region adopting common economic policies, implementing some form of economic union or forming regional economic groups in order to maintain common economic and political interests, realize specialized division of labor and exchange products.

Regional economic organizations play an important role in forming the legal basis for cooperation with countries that are not part of them. Legal regulation of such relations includes a comprehensive approach that takes into account various aspects of international economic law.

Organizations develop their own legal mechanisms for interaction with third countries, with an important element being the harmonization of national legislation of member countries and international law. For example, the GATT (General Agreement on Tariffs and Trade) agreements have been revised, and the WTO Anti-Dumping Agreement, which is a set of rules for trade between WTO members, has been created on their basis [1, p. 16].

Within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), there are agreements on the creation of free trade zones with third countries, as well as temporary agreements as a transitional mechanism to full-scale cooperation. Particular attention is paid to the development of trade and economic relations with key partners such as China, India and Vietnam.

Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) faces a number of legal challenges associated with differences in the levels of economic development of the participating countries and geopolitical factors. The organization strives to adapt its legal mechanisms to the new conditions of globalization and digital transformation.

A general analysis shows that effective interaction of regional organizations with third countries requires comprehensive legal regulation covering customs issues, protection of intellectual property rights, investment law and other aspects. At the same time, modern trends such as sustainable development, digitalization and the consequences of the pandemic are taken into account.

Regional organizations use various legal instruments, including bilateral and multilateral trade agreements, dialogue mechanisms within international organizations, as well as special cooperation programs in the scientific, technical and environmental spheres. All these mechanisms are aimed at creating conditions for successful economic cooperation and protecting the interests of all participants in the process.

Sources of law include WTO/GATT norms, regional agreements, national legislation of member countries and international treaties. The international legal framework for international economic relations effectively legalizes the differentiation of legal regimes depending on which groups of countries participate in international economic relations, which constitutes a multilaterally agreed-upon deviation from the formal equality of states [1, p. 10].

The purpose of the article is to analyze and assess the role and potential of regional economic organizations in shaping the legal framework for interaction

with states that are not part of them. The article will examine existing mechanisms and practices, and identify key factors that facilitate or hinder effective cooperation.

A review of the literature shows that contemporary research focuses on three key areas: legal regulation of foreign economic activity, digital transformation, and regional integration. Particular attention is paid to the challenges of the post-pandemic era, sustainable development, and strengthening multilateral cooperation. These topics reflect current trends in international economics and law, emphasizing the importance of adapting legal mechanisms to the new conditions of globalization.

In this article, using the example of the largest regional economic cooperation organizations in the world, we will consider their cooperation with countries that are not included in their list of members.

EFTA. The main objective of EFTA is to eliminate tariff and non-tariff barriers between member countries in order to achieve free trade within the group in relation to industrial goods. All provisions of the founding Convention were focused exclusively on foreign trade issues. At the same time, the EFTA countries retained national customs duties on goods coming from third countries, and also pursued an independent trade policy with respect to such countries [2].

Taking this feature into account, the EFTA countries developed a special system of control over the origin of goods, which is based on the GATT/WTO rules. The principle of mutual recognition of certificates, licenses, conformity marks and goods declaration forms are also enshrined within the association. Uniform quality standards are recorded in the appendix to the Convention.

Freedom of movement applies not only to goods, but also to individuals. Freedom to establish enterprises, carry out entrepreneurial activities and provide services is provided. Thus, the legal regime within EFTA was harmonized with the WTO norms, and was not limited exclusively to the GATT framework [3].

EFTA's relations with third countries are regulated by several mechanisms and agreements.

1. EFTA concludes bilateral and multilateral free trade agreements with third countries, which regulate trade in goods and services, as well as investment. These agreements often include provisions on tariff reduction or elimination, rules of origin and other commercial conditions.

2. EFTA countries can harmonize their trade and economic policies to ensure a uniform approach to third countries. This allows them to act more effectively in the international arena.

3. EFTA and its member countries actively participate in various international organizations, such as the World Trade Organization (WTO), where they can discuss and regulate their relations with third countries.

4. EFTA also develops partnerships with third countries, including cooperation agreements in various fields, such as science, technology and the environment.

5. Within the framework of free trade agreements, EFTA sets certain rules and standards that must be observed by both member and partner countries.

It can be summed up that EFTA relations with third countries are based on the principles of free trade, cooperation and mutual respect for the economic interests of the parties.

Asia-Pacific Economic Cooperation. The APEC was built jointly by the countries and peoples of the Asia-Pacific region, but there are still various problems in the current regional cooperation in the Asia-Pacific region. The construction of the Asia-Pacific Economic Cooperation is facing unprecedented challenges. In terms of scale, APEC includes more than 20 countries in the Asia-Pacific region, covering Northeast Asia, Southeast Asia, North America, South America, Oceania and other regions. There are huge differences in religious beliefs, levels of economic development and political systems among countries, as well as a series of problems that hinder the construction of the APEC.

APEC's primary objective is to promote economic cooperation, integration and development in the region. APEC's relationships with third countries can be viewed through several key aspects:

1. APEC actively engages with third countries to develop trade and investment ties. This may include free trade agreements, investment initiatives and joint projects.

2. APEC seeks to enhance political stability in the region, which may include cooperation with third countries on security, counter-terrorism and conflict prevention.

3. APEC also initiates exchange programs and cultural initiatives with third countries, which helps to strengthen mutual understanding and friendship among peoples.

4. In the face of global challenges such as climate change, APEC actively works with third countries to find joint solutions in the field of sustainable development and environmental protection.

5. APEC also engages with third countries to address global issues such as the COVID-19 pandemic, economic crises and other challenges requiring international cooperation.

Asia-Pacific Economic Cooperation's relations with third countries are multifaceted and cover a wide range of issues, from economics to security and cultural exchange.

NAFTA. In North America, integration proceeded from the bottom up, that is, cooperation between American and Canadian companies at the micro level was consolidated at the interstate level [4, p. 106]. NAFTA was aimed at creating a free trade space between the three countries, which contributed to an increase in trade and investment. However, over time, new trade agreements with third countries emerged, such as the Trans-Pacific Partnership (TPP) and agreements with the European Union and other regions:

1. The agreement also affected the competitiveness of goods from third countries. For example, non-NAFTA countries may have difficulty exporting to North America due to tariffs and other trade barriers.

2. NAFTA has helped attract foreign investment to North America, but it has also affected how third countries view their investment strategies.

With the transition from NAFTA to USMCA, the emphasis on cooperation and engagement with third countries remains relevant, especially in light of global economic trends and changes in international trade.

The Eurasian Economic Union (EAEU) is actively developing relations with states that are not its members. These relations are aimed at expanding trade and economic cooperation, strengthening political ties and creating favorable conditions for interaction in various fields. Below are the main aspects of the EAEU's relations with third countries.

1. Trade and economic cooperation. The main emphasis is on developing trade relations through:

– Free trade zones (FTZ). The EAEU concludes agreements on the creation of FTZs with interested countries. Such agreements make it possible to reduce or completely eliminate customs duties on goods, which contributes to an increase in trade volumes.

– Example: Vietnam (the first FTZ agreement, signed in 2015).

– Negotiations are underway with Iran, India, Israel, Egypt and other countries.

– Temporary agreements. In some cases, temporary agreements are concluded that precede full-fledged FTZ agreements.

– Development of exports and imports. The EAEU seeks to diversify its trade with third countries, reducing dependence on traditional partners.

2. Political dialogue interaction. The EAEU maintains political contacts with various countries and international organizations:

– Dialogue platforms. High-level meetings, forums and conferences are organized to discuss cooperation prospects.

– Multilateral formats. The EAEU interacts with such organizations as ASEAN, SCO, LAI and others, through which it builds relations with their participants.

3. Geographic priorities. The EAEU focuses on strengthening relations with certain regions:

– Asia-Pacific region: an agreement on trade and economic cooperation was signed with China, which is not a classic FTZ, but provides for mutually beneficial conditions for both parties. Negotiations are underway to establish an FTZ with India. Successful cooperation with Vietnam has become an example for other countries in the region.

– Middle East: a temporary agreement on an FTZ with Iran was concluded, which may be expanded in the future. Egypt and other countries in the region are showing interest in cooperation.

– In Africa, countries such as South Africa and North African countries are showing interest in cooperation.

– Cuba, Chile and other countries are considering deepening ties with the EAEU [5, p. 63].

4. Investment and technological cooperation. The EAEU seeks to attract investment from third countries to develop its economies. This includes:

– Joint projects in energy, agriculture, transport and digital technologies.
– Attracting foreign companies to implement infrastructure projects.

5. Cultural and humanitarian interaction. Interaction with third countries also covers the cultural and educational spheres:

– Exchange of students, scientists and specialists.
– Organization of joint cultural events and festivals.

6. Problems and challenges. Despite the successes, the EAEU's relations with third countries face a number of difficulties:

– Differences in the levels of economic development of countries may make it difficult to reach compromises.
– Competition with other blocs, for example, ASEAN countries may prefer cooperation with the EU or China [6].

In the future, the EAEU plans to expand the list of free trade zones agreements, deepen integration with key partners such as China and India, and strengthen its position on the world stage through participation in global economic initiatives.

The EAEU's relations with countries outside the union are multilateral and cover economic, political, cultural and humanitarian aspects. These ties play an important role in the development of the EAEU as an integration association, contributing to its strengthening and expanding its influence on the world stage.

The EAEU builds relations with third countries through free trade zones, political dialogue, investment cooperation and cultural exchange, which allows it to strengthen its position on the international arena.

It should be noted that trade relations between free trade area members and non-member countries are a complex issue that requires comprehensive consideration of various factors and interests. Managers should pay close attention to changes in trade policies and market dynamics, adjust strategies in a timely manner, and seek optimal solutions to protect the interests of free trade area member countries and promote economic development.

Regional economic cooperation enables countries to achieve trade liberalization, eliminate discriminatory practices, and create a single market, which facilitates the growth of domestic trade. It also promotes a specialized division of labor, improved scientific and technological progress, and increased economic efficiency of companies through mergers and cooperation.

Pooling the economic resources of countries through regional cooperation significantly increases their collective economic power and strengthens the position of regional economic organizations in the international arena.

Effective interaction with third countries requires regional economic organizations to develop a legal framework that takes into account the interests of all parties and facilitates effective cooperation.

Regional cooperation faces many challenges, such as economic crisis, political conflict and globalization, which complicate the interaction between regional organization members and third countries to form stable legal treaties. Free trade area member countries can use various methods, such as adjusting

tariffs, imposing trade restrictions, concluding trade agreements, attracting foreign investment, and conducting bilateral negotiations, to manage their trade relations with non-FTA members.

Given the volatility of international trade and political environments, countries need to quickly adapt to new conditions to protect their interests and promote economic development.

Regional economic cooperation is an important tool for achieving economic integration, enhancing competitiveness, and addressing global challenges, while requiring a flexible approach to interactions with third countries.

References

1. Маслов, Д. Г. Регулирование внешнеэкономической деятельности : учеб.-метод. пособие – 2-е изд., испр. и доп. / Д. Г. Маслов. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – 266 с.
2. Free trade network // The European Free Trade Association. – URL: https://www.efta.int/trade-relations/free-trade-network (date of access: 20.10.2024).
3. ASEAN Comprehensive Recovery Framework, 2020 // ASEAN. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Comprehensive-Recovery-Framework_Pub_2020_1.pdf (date of access: 15.10.2024).
4. Вагапова, Д. Ф. НАФТА: влияние интеграции на конкурентоспособность стран-членов / Д. Ф. Вагапова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – №10. – С.94-108 – URL: https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1111 (дата обращения: 08.10.2024).
5. Березина Е.К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами // Евразийская интграция: экономика, право, политика. – 2021. – Т. 15, № 4. – Р. 156–170.
6. China – ASEAN Business and Investment Summit // China Internet Information Center. – URL: http://www.china.org.cn/english/BAT/186170.htm (date of access: 05.02.2025).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Г. С. Жихорев

Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, 410056, г. Саратов, Россия, gzihorev@gmail.com

Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования параллельного импорта в Российской Федерации и странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В работе рассмотрены ключевые аспекты защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС, а также проанализированы изменения в законодательстве Российской Федерации, связанные с введением процедуры параллельного импорта в 2022 г. Устанавливается, что легализация параллельного импорта в ограниченном объеме позволила сохранить доступ к социально значимым товарам, несмотря на внешнеэкономические ограничения, однако требует дальнейшего совершенствования правового регулирования для устранения коллизий и повышения правовой определенности.

Ключевые слова: параллельный импорт; Евразийский экономический союз; интеллектуальная собственность; принцип исчерпания прав; таможенное регулирование; санкции; таможенный контроль; коллизионность норм; унификация законодательства.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF PARALLEL IMPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EAEU

G. S. Zhikhorev

Saratov State Law Academy,
1 Volskaya Street, Saratov 410056, Russia, gzihorev@gmail.com

The article is devoted to topical issues of the legal regulation of parallel imports in the Russian Federation and the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The paper considers key aspects of the protection of intellectual property rights within the EAEU, as well as analyzes changes in the legislation of the Russian Federation related to the introduction of parallel import procedures in 2022. It is established that the legalization of parallel imports in a limited volume has allowed maintaining access to socially significant goods, despite foreign economic restrictions, but requires further improvement of legal regulation to eliminate conflicts and increase legal certainty.

Keywords: parallel import; Eurasian Economic Union; intellectual property; the principle of exhaustion of rights; customs regulation; sanctions; customs control; conflict of laws; unification of legislation.

Защита прав на объекты интеллектуальной собственности (ИС) в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) играет ключевую роль в создании условий для развития инноваций и защиты интересов правооб-

ладателей. В рамках ЕАЭС действуют единые стандарты регулирования вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, в том числе в области таможенного контроля. Это помогает эффективно защищать права на товарные знаки, патенты, авторские права и другие объекты ИС на территории всех стран – участниц Союза. Таможенные органы ЕАЭС имеют полномочия контролировать перемещение товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и принимать меры для предотвращения нарушений исключительных прав правообладателей.

Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, предполагает возможность применения мер в отношении предметов, ввозимых в рамках действия процедуры параллельного импорта, введенной в Российской Федерации в 2022 г. До этого момента ввоз товаров допускался только с разрешения правообладателей. Федеральным законом были введены полномочия Правительства России по установлению перечня товаров, на которые могут не распространяться отдельные положения о защите исключительных прав [1]. Утверждение перечня таких товаров было возложено на Министерство промышленности и торговли России [2]. К ним, в частности, относятся медикаменты, медицинские изделия, электроника, бытовая техника, а также другие категории товаров, имеющие важное социально-экономическое значение.

В отношении не указанных в перечне товаров продолжает действовать исключительное право правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности. Таким образом, параллельный импорт в Российской Федерации легализован в ограниченном размере. Это позволяет соблюдать баланс между защитой интересов правообладателей и потребностями рынка, обеспечивая доступ к товарам, которые имеют социально-экономическую значимость, при этом сохраняя возможности для развития инноваций и творчества в условиях внешнеэкономических ограничений.

Предпринятые государством меры были вызваны введением в отношении Российской Федерации санкций в части «ухода» с внутреннего рынка части иностранных компаний и позволили в 2022 г. не допустить существенного снижения объемов импортируемой продукции, о чем свидетельствуют данные исследователей [3]. Несмотря на сохраняющиеся внешнеэкономические ограничения, в 2023–2024 гг. росту объемов ввозимой продукции способствовало дальнейшее следование политике параллельного импорта, а также переориентация торговых потоков на новые рынки, включая страны Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки.

Принцип исчерпания права применяется государствами в рамках международного, регионального и национального подходов [4] .

При первом подходе после реализации товара правообладателем его можно перепродавать без ограничений. Именно такой подход в настоящее время применяется в Российской Федерации. Во втором случае введение товара в оборот в одном государстве какого-то региона (например, таможенного союза) позволяет перепродавать его на всей территории ре-

гиона. Национальный подход ограничивает право правообладателя контролем только первой продажи на территории страны.

В. А. Карданов утверждает, что международный подход применяется в таких странах, как США, Япония, а региональный представлен странами Европейского союза и некоторыми странами Евразийского экономического союза (Республика Беларусь, Республика Казахстан) [4]. В Южной Корее действует международный подход с определенными ограничениями [6]. В Китае положение параллельного импорта остается неопределенным [7].

Специалисты критически оценивают юридическую технику в построении норм о легализации параллельного импорта, указывая, что в отношении товаров, перечень которых подлежит утверждению Минпромторгом России, перестают применяться нормы статей 1359 и 1487 Гражданского кодекса России об исчерпании права. В этом случае формально правообладатель может предъявлять требования в связи с использованием в товаре принадлежащих ему объектов интеллектуальной собственности даже после введения товара в оборот на территории России с его согласия. Очевидно, что такое толкование не соответствует заявленной цели разрешения параллельного импорта [8].

Между тем законодательная норма прямо предусматривает, что оборот товаров, закрепленных в перечне, не является нарушением исключительных прав, однако юридическую технику по введению параллельного импорта следует признать неудачной в силу «разбросанности» норм по различным правовым актам и неоднозначности формулировок некоторых положений.

Одна из проблем действия режима параллельного импорта заключается в коллизионности норм международного права в области института исчерпания прав и положений внутригосударственного законодательства об установлении национального порядка. В Договоре о Евразийском экономическом союзе [9] изначально устанавливается региональный режим исчерпания прав для членов Союза. Однако статья 90 Договора предусматривает, что государства-члены могут предусматривать в своем законодательстве нормы, которые обеспечивают больший уровень охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, чем это предусматривается в международных правовых актах, применимых к государствам-членам, а также в международных договорах и актах, составляющих право Союза. Национальный порядок исчерпания прав можно признать большим уровнем охраны прав субъектов, чем региональный режим. В любом случае, вопрос применимости норм представляется дискуссионным. Региональный принцип исчерпания прав ввели в свое законодательство только Республика Беларусь и Республика Казахстан.

Таким образом, можно выделить как минимум две юридические проблемы, связанные с параллельным импортом в Российской Федерации.

Первая проблема – недостатки юридической техники, выразившиеся в разобщенности норм по различным нормативно-правовым актам, в

недостаточной ясности некоторых норм, в недостаточной правовой определенности по поводу товаров, которые не включены в перечень.

Вторая проблема – возможная коллизия между международным правом (правом ЕАЭС) и национальном правом Российской Федерации, при которой нормы права ЕАЭС устанавливают региональный режим исчерпания прав, а нормы Гражданского кодекса России – национальный режим.

В качестве варианта решения данных проблем можно предложить следующие меры:

1) имплементация в Гражданский кодекс Российской Федерации норм международного права ЕАЭС о региональном режиме исчерпания прав; замена общего порядка национального режима на общий порядок регионального режима исчерпания прав;

2) введение в текст Гражданского кодекса Российской Федерации норм о международном режиме исчерпания прав в отношении ограниченного перечня товаров, устанавливаемого уполномоченным Правительством Российской Федерации органом государственной власти;

3) унификация законодательства ЕАЭС, что позволит привести нормы, регулирующие интеллектуальную собственность, к единому стандарту в целях избежания коллизий между национальным и региональным правом.

К числу иных проблем можно отнести и сложности определения таможенной стоимости товаров, ввозимых при параллельном импорте, и трудности сертификации таких товаров, и необходимость разграничения данных товаров с контрафактом, но такие вопросы требуют самостоятельного изучения.

Для устранения существующих проблем и коллизий в правовом регулировании параллельного импорта возможно рассмотреть меры по созданию единого реестра товаров, содержащего информацию о товарах, ввозимых в рамках параллельного импорта с целью дальнейшего упрощения контроля за их оборотом. Такое решение будет способствовать усилению взаимодействия между странами ЕАЭС, позволит создать механизм обмена информацией между таможенными службами и правоохранительными органами для борьбы с контрафактной продукцией.

В перспективе развитие параллельного импорта в ЕАЭС может быть свя-зано с дальнейшей гармонизацией законодательства стран-участниц. Это включает в себя унификацию норм, регулирующих интеллектуальную собственность, а также создание единого механизма контроля за оборотом товаров. Кроме того, важно учитывать интересы всех сторон: правообладателей, потребителей и государства. Для этого необходимо разработать стратегию, которая позволит минимизировать риски, связанные с параллельным импортом, и одновременно обеспечить доступ к необходимым товарам в условиях внешнеэкономических ограничений.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080001 (дата обращения: 10.02.2025).

2. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300003 (дата обращения: 10.02.2025).

3. Ежемесячный мониторинг мировой экономики. Вып. № 9. Итоги 2022 года // Официальный интернет-портал НИУ ВШЭ. – URL: https://wec.hse.ru/mirror/pubs/share/805040504.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

4. Сагдеева, Л. В. Принцип исчерпания прав как ограничение исключительных прав / Л. В. Сагдеева // Международное право. – 2017. – № 3. – С. 55–70. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24111 (дата обращения: 01.04.2025).

5. Карданов, В. А. Рассмотрение перспектив параллельного импорта / В. А. Карданов // Вестник ГУУ. – 2019. – № 7. – С. 113–117. – URL: https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-113-117 (дата обращения: 01.04.2025).

6. Мамедов, Р. В. Правовое регулирование параллельного импорта в Южной Корее / Р. В. Мамедов // Образование и право. – 2022. – № 4. – С. 215–219. – URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=2604 (дата обращения: 01.04.2025).

7. Макарова, О. Н. Управление параллельным импортом и его влияние на цены. Международный опыт / О. Н. Макарова, Е. С. Кузенкова, О. В. Мартыненко // Экономика и экологический менеджмент. – 2022. – № 4. – С. 107–117. – URL: https://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/21599.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

8. Лапшина, А. Параллельный импорт: норма временная и не для всех товаров / А. Лапшина // Адвокатская газета. – 13.07.2022. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/parallelnyy-import-norma-vremennaya-i-ne-dlya-vsekh-tovarov/ (дата обращения: 10.02.2025).

9. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Национальный правовой Интреннет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 09.03.2025).

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. В. Зарубин

Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, 33, 299053, г. Севастополь, Россия, dimaaa95.95@mail.ru

Статья посвящена исследованию возможности создания в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) международного акта, содержащего единый перечень прав и свобод человека. Кроме этого, представляются некоторые другие направления, по которым может развиваться сотрудничество в области защиты прав и свобод человека в рамках Союза. Формулируется вывод о том, что включение вопросов защиты прав и свобод человека в повестку дня ЕАЭС – это не просто желательный, но и очень важный шаг для укрепления интеграционных процессов в рамках Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; евразийская интеграция; права человека; международный акт; Евразийский акт о правах и свободах человека; Евразийская комиссия по правам человека; Суд ЕАЭС; гармонизация.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: POSSIBLE PROSPECTS

D. V. Zarubin

Sevastopol State University
33 Universitetskaya Street, Sevastopol 299053, Russia, dimaaa95.95@mail.ru

The article is devoted to the research of the possibility of creating an international act within the Eurasian Economic Union (EAEU) containing a single list of human rights. In addition, some other areas in which cooperation in the field of human rights protection within the EAEU can develop are presented. The conclusion is formulated that the inclusion of issues of human rights protection in the EAEU agenda is not only desirable, but also a very important step for strengthening integration processes within the Union.

Keywords: Eurasian Economic Union; Eurasian integration; human rights; international act; Eurasian Human Rights Act; Eurasian Commission on Human Rights; Court of the EAEU; harmonization.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), Договор об учреждении которого вступил в силу в 2015 г., установил направленность сотрудничества государств-членов, осуществляемого в рамках данной международной организации, на развитие в первую очередь экономических отношений между ними. Следует это, прежде всего, из статьи 1 Договора о ЕАЭС, закрепившей международную правосубъектность Союза, и статьи 4 названного документа, обозначившей основные цели данной международной организации.

Развитие интеграционных процессов все чаще обуславливает важность обращения к таким вопросам, как включение в повестку дня ЕАЭС тематики защиты прав и свобод человека. Сегодня этот вопрос становится особенно актуальным. В условиях глобализации, миграции населения и развития цифровых технологий – защита прав и свобод человека приобретает все большее значение.

На данный момент в правовой базе ЕАЭС не существует единого, всеобъемлющего документа, посвященного вопросам защиты прав человека. Право Союза преимущественно ориентировано на такие экономические аспекты региональной интеграции, как торговля, перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Прямые и всеобъемлющие нормы, касающиеся защиты прав человека, отсутствуют. Как отмечают Р. А. Касьянов и Е. А. Торкунова, «защита прав человека не входит в сферу прямой компетенции Союза и его органов, поэтому отсутствует необходимая институциональная база для защиты прав и свобод» [1, с. 57].

Вместе с тем, в праве ЕАЭС можно обнаружить отдельные положения, косвенно влияющие на права человека. Так, например, Договор о ЕАЭС содержит нормы о правах трудящихся государств – членов Союза (ст. 98).

К. Л. Чайка отмечает, что «развитие института прав человека и основных свобод на евразийском пространстве находится в начале своего пути» [2]. Исходя из этого, представляется целесообразным отметить несколько перспективных направлений, по которым может развиваться сотрудничество в области защиты прав человека в рамках ЕАЭС.

1. Разработка и принятие единого документа о правах человека. Суть данного направления состоит в создании хартии, декларации или другого основополагающего документа, определяющего перечень прав и свобод человека, подлежащих защите на территории ЕАЭС. Этот документ должен соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права и учитывать особенности евразийского региона. Представляется важным отразить в таком документе положения, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, принятие которой, как отмечает А. Б. Аксенов «является начальным этапом формирования универсальных стандартов прав человека» [3, с. 59]. Кроме этого, видится важным отразить положения двух Пактов 1966 г., принятых в рамках Организации Объединенных Наций, поскольку все государства – члены ЕАЭС несут международные обязательства по этим документам.

Говоря об обеспечении трудовых прав человека в рамках Союза, представляется интересным обратить внимание на ратификацию государствами – членами ЕАЭС основополагающих конвенций Международной организации труда (далее – МОТ). Административный совет МОТ обозначил данные конвенции в качестве базовых для прав человека в сфере труда вне зависимости от уровня развития каждого из государств – членов МОТ [4, с. 7]. Это подчеркивает универсальность и важность данных международных актов. В настоящее время (апрель 2025 г.) действуют 10 основополагающих конвенций МОТ, из которых:

– 8 ратифицированы Арменией;
– 9 ратифицированы Белоруссией;
– 10 ратифицированы Казахстаном;
– 8 ратифицированы Кыргызстаном;
– 10 ратифицированы Россией.

Представляется, что положения основополагающих конвенций МОТ, одновременно ратифицированных всеми государствами – членами ЕАЭС, могли бы также найти свое отражение в едином документе Союза о правах человека. В дополнение к этому, представляется важным усмотреть положения, касающиеся определения размера минимальной заработной платы, установления отпусков и др., с учетом особенностей правового регулирования данных отношений в государствах – членах Союза.

Также в единый акт ЕАЭС о правах человека представляется целесообразным включить идентичные положения, закрепленные в Конституциях каждого из государств – членов Союза. Следует это, прежде всего, из отраженной в Преамбуле Договора о ЕАЭС формулировке о необходимости безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

2. Создание специализированного органа по защите прав человека, действующего в рамках Союза. Данное направление предполагает учреждение, например, Евразийской комиссии по правам человека, которая будет заниматься мониторингом соблюдения прав и свобод, установленных в рамках Союза. Такая Комиссия могла бы состоять из экспертов в области прав человека, представляющих государства – члены ЕАЭС. Представляется важным, чтобы данная Комиссия на основе анализа внутреннего законодательства государств – членов Союза могла также выносить соответствующие рекомендации по его совершенствованию в сфере прав человека. Думается, что создание специальной Евразийской комиссии по правам человека могло бы стать важным шагом на пути к эффективному обеспечению прав и свобод человека в рамках ЕАЭС.

3. Расширение компетенции Суда Союза. Данное направление предполагает предоставление Суду ЕАЭС права рассматривать споры, связанные с нарушением прав человека, даже если они напрямую не связаны с экономическими отношениями. Кроме этого, представляется важным предоставить возможность физическим лицам обращаться с заявлениями в Суд Союза в целях защиты своих нарушенных прав. Как отметила Н. В. Павлова, «болевые точки – это, прежде всего, права физических лиц. Они сегодня не могут защищать свои права ни в Суде ЕАЭС, ни в других органах. При этом, попытки обращения есть, но суд вынужден им отказывать» [5]. Представляется, что развитие данного направления сотрудничества государств – членов ЕАЭС позволит обеспечить эффективную судебную защиту прав и свобод человека в рамках Союза.

4. Гармонизация национального законодательства государств – членов ЕАЭС в области прав человека в целях создания единообразного правового пространства, в котором права и свободы человека защищены на

одинаковом уровне, независимо от места проживания в рамках Союза. Думается, что успешная реализация этого процесса не только улучшит защиту прав и свобод человека в рамках ЕАЭС, но и укрепит Союз как интеграционное объединение.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать вывод о том, что несмотря на существующие геополитические вызовы, включение вопросов защиты прав и свобод человека в повестку дня ЕАЭС является важным и необходимым шагом. Усиление межгосударственного сотрудничества в данной сфере имеет значимость не только для улучшения защиты прав и свобод человека в рамках ЕАЭС, но и для укрепления интеграционных процессов в рамках Союза в целом.

Библиографический список

1. Касьянов, Р. А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве / Р. А. Касьянов, Е. А. Торкунова // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 5. – С. 56–62. – URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/419?locale=ru_RU (дата обращения: 01.04.2025).

2. Чайка, К. Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции / К. Л. Чайка // Суд Евразийского экономического союза. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/479/9k2jyxhxtksu9l1bkkjxs3axbph8gjck/Article_Chayka_Human_Rights_and_Integration.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

3. Аксенов, А. Б. Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека / А. Б. Аксенов // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 59–62. – URL: https://vestnykeps.ru/0118/12.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

4. The International Labour Organization's Fundamental Conventions. Second impression. – Geneva: International Labour Office, 2003. – 78 p.

5. Защита прав физлиц и выполнение решений Суда ЕАЭС нуждаются в урегулировании // ТАСС. – 07.06.2024. – URL: https://tass.ru/pmef/21034451 (дата обращения: 13.04.2025).

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

П. А. Клепинин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия, pavel.klepinin@mail.ru

Статья посвящена изучению системы источников права Евразийского экономического союза. Актуальность исследования определена становлением интернациональных регуляторов, способствующих унификации национального правопорядка.

В рамках исследования установлено, что приведенный в ст. 6 договора о ЕАЭС от 29.05.2014 перечень источников не является исчерпывающим, а лишь закрепляет некоторую архитектуру правовых регуляторов. На основе обобщения судебной практики Суда ЕАЭС выработаны основные принципы права Союза, а также установлены проблемные аспекты практического применения источников правового регулирования ЕАЭС. На примере решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС предложены пути совершенствования права Союза не только для обеспечения его определенности, но и в целях гарантирования и реализации фундаментального права на судебную защиту. Практическое значение исследования заключается в формулировании проблемных аспектов права ЕАЭС, а также предложении некоторых рекомендаций совершенствования правового регулирования Союза.

Ключевые слова: договор о ЕАЭС; право Союза; Суд ЕАЭС; интеграционные объединения; унификация; гармонизация; Евразийский экономический союз; источники.

THE EURASIAN ECONOMIC UNION SYSTEM OF SOURCES OF LAW – PROBLEMATIC ASPECTS

P. A. Klepinin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia, pavel.klepinin@mail.ru

The article is devoted to the study of the system of sources of law of the Eurasian Economic Union. The relevance of the study is determined by the formation of international regulators that contribute to the unification of national law and order.

The study found that the list of sources given in Article 6 of the EAEU Treaty dated 05/29/2014 is not exhaustive, but only fixes some architecture of legal regulators. Based on the generalization of the judicial practice of the EAEU Court, the basic principles of Union law have been developed, as well as problematic aspects of the practical application of the sources of legal regulation of the EAEU. Using the example of the decisions and advisory opinions of the EAEU Court, ways are proposed to improve the Union's law not only to ensure its certainty, but also to guarantee and implement the fundamental right to judicial protection. The practical significance of the study lies in the formulation of problematic aspects of the EAEU law, as well as the proposal of some recommendations for excellence.

Keywords: EAEU Treaty; Union law; EAEU Court; integration associations; unification; harmonization; Eurasian Economic Union; sources.

Новейшая история человечества наглядно демонстрирует успех интеграционных объединений. На рубеже тысячелетий юридическое закрепление получил Европейский союз, продолжавший неустанно расширяться до 2013 г. На постсоветском пространстве важное значение приобрел Евразийский экономический союз (Союз, ЕАЭС), учрежденный договором от 29 мая 2014 г., ключевая роль в котором отведена Российской Федерации. Целью статьи выступает поиск проблемных аспектов права Союза.

Динамичное развитие интеграционных объединений во многом зависит не только от политической воли государств – акторов, но и эффективности правового регулирования. Вопросы унификации законодательства в рамках Евразийского пространства не новы. Первые попытки начать движение по унификации были предприняты еще в 1999 г. с принятием договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Суть унификации сводится к гармонизации законодательств государств, синхронизации правового регулирования тождественных правоотношений.

В общем виде система права ЕАЭС представлена в статье 6 договора от 29 мая 2014 г. и представляет собой собственно договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры ЕАЭС с третьей стороной и правовые акты органов ЕАЭС – решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии. В научной литературе справедливо отмечается, что приведенный квартет источников не является исчерпывающим [1, с. 287] – очевидным источниковым характером обладают общепризнанные принципы и нормы международного права [2, с. 153], судебные акты Суда ЕАЭС [3, с. 49], неотмененные решения Комиссии Таможенного союза, действующие на 1 января 2015 г., о чем было указано в Консультативном заключении Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2018 г. по делу № Р-1/18. Наличие неразрешенных в договоре о ЕАЭС вопросов о праве Союза встречает небезосновательную критику в науке. Так, О. И. Пименова не усматривает в праве Союза сформированный наднациональный правовой порядок [4, с. 83]. М. Л. Энтин и В. В. Войников видят в усилении роли Суда ЕАЭС предпосылку к необходимой конституционализации Союза [5, с. 271].

Важнейшим аспектом функционирования наднациональной структуры выступает приоритет интеграционного права над правовыми актами государств – членов. Юридические свойства права ЕАЭС раскрываются не в договоре о ЕАЭС, а актах Суда ЕАЭС:

– во-первых, в 2017 г. Судом ЕАЭС сформулирован принцип прямого действия права ЕАЭС (Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу № СЕ-2-1);

– во-вторых, в решении от 21 февраля 2017 г. по делу № СЕ-1-1/1-16-БК Судом ЕАЭС выработан принцип непосредств6енного применения права Союза;

– в-третьих, примечательно, что в отдельных судебных актах Суда Союза выработан принцип верховенства права ЕАЭС над законодательством государств – членов (Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 12 сентября 2017 г. по делу № СЕ-2-2/1-17-БК).

Приведенные принципы права Союза имеют чрезвычайно важное значение для обеспечения функционального иммунитета органов ЕАЭС. Кроме материально-технических аспектов важное значение имеет самостоятельность органов Союза в принятии соответствующих решений, проявлением чего является возможность независимого нормотворчества.

Тем не менее на практике нередки случаи игнорирования национальными правоприменителями актов Суда Союза. В ряде случаев российские суды сами дают оценку решениям Евразийской экономической комиссии на соответствие договора о ЕАЭС (как было сделано в деле № А51-14122/2017). Кроме того, Верховный Суд России отмечал, что российские суды не лишены права давать самостоятельное толкование международным договорам безотносительно наличия уполномоченных на то органов (постановление Верховного Суда России от 9 июня 2020 г. № 32-АД20-9). Некоторые попытки имплементировать решения Суда ЕАЭС в российское правовое пространство обусловлены несовершенством процедуры по внесению изменений признанных несоответствующими праву Союза решений Комиссии. В научном сообществе обосновано признается, что Комиссия сугубо формально подходит к исполнению решений Суда, зачастую демонстрируя «видимость» внесения изменений, по факту либо казуистически тасуя формулировки, либо отменяя собственное решение принятием нового тождественного акта, тем самым игнорируя Суд [6, с. 105]. Стоит вспомнить и о ряде особых мнений судей Суда ЕАЭС, в которых усматривается иллюзорность интеграционного правосудия в случае отсутствия реального исполнения судебного акта, как то особые мнения судьи Т. Н. Нешатаевой по делу № СЕ-1-2/3-21-АП, судьи К. Л. Чайки по делу № С-1/19, судьи Д. Г. Колоса по делу № С-1/21. При этом еще ЕСПЧ отмечал, что исполнение судебного акта является неотъемлемым элементом права на суд [7, с. 60].

Поскольку ЕАЭС – объединение экономическое, то заслуживает внимания проблема соотношения права ЕАЭС с правом Всемирной торговой организации (ВТО). Как известно, из государств – участников ЕАЭС не является членом ВТО лишь Беларусь. Пересечение регулирования наблюдается в таможенной, нетарифной сферах, санитарных и фитосанитарных мерах. В силу договора от 19 мая 2011 г. (приложение № 31 к договору о ЕАЭС) право ВТО относится к праву Союза и ему придается приоритет. Из приведенных положений следует, что ЕАЭС должно проводить достаточно эластичную политику по отношению к ВТО, учитывая ее акты при совершенствовании собственного правового регулирования.

Вызывает вопросы соотношение норм интеграционного и национального права. В общем виде в свете толкования части 4 статьи 15 Кон-

ституции России право ЕАЭС является составной частью российской правовой системы. Не ставя под сомнение конституционную норму, прикладной проблемой является соответствие внутригосударственных бюрократических процедур положениям договора о ЕАЭС. Полагаем возможным рассмотреть данный тезис на примере сферы трудовой миграции.

В силу статья 97 договора о ЕАЭС закреплено, что на трудовых мигрантов из государств – участников ЕАЭС не распространяются требования по защите национального рынка труда. Буквально толкую приведенную норму можно прийти к выводу, что граждане государств – членов ЕАЭС имеют доступ к российскому рынку труда на равных с гражданами России. Между тем такая позиция неверна ввиду следующих соображений. Полагаем, что национальный режим распространяется не на всех трудовых мигрантов, а только тех, кто официально трудоустроен (постановление Московского городского суда от 4 августа 2017 г. № 4а-3629/2017) и легально находится на территории России. Отметим, что в отношении граждан Беларуси действует также пункт 5 статьи 14 договора создании Союзного государства, закрепляющий применение к указанной категории лиц национальный режим. Вместе с тем, в случае трудовой миграции на срок, превышающий 90 дней, гражданин Беларуси обязан встать на регистрационный учет по месту пребывания в России. При этом в вопросе миграционного учета граждане Беларуси в России рассматриваются как иностранцы. Следовательно, формально в рамках действующего российского административного законодательства имеет место нарушение статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, при том, что в силу статьи 14 договора о создании Союзного государства для граждан России и Беларуси предусмотрен равный правовой режим. Таким образом, следует признать за нормами договора о ЕАЭС учредительный характер. В то же время суть учредительных норм проявляется в их дальнейшем развитии в правовых актах более низкой юридической силы, что приводит нередко к искажению первоначально заложенного смысла, «духа» нормы.

Таким образом, на основе правоприменительной практики усматриваются следующие проблемные аспекты применения права Союза: размытость границ системы источников права Союза, иллюзорность исполнения решений Суда ЕАЭС, попытки российских судов дать толкование праву ЕАЭС в отрыве от официального толкования, искажение учредительных норм договора о ЕАЭС внутренним законодательством государств-членов.

Важной вехой в преодолении обозначенных проблем видится изменение правового статуса судебных актов Суда ЕАЭС, а именно, признание за ними статуса непосредственного и прямого действия. Изменение статуса судебных актов Суда Союза приведет к укреплению законности в рамках интеграционного объединения, позволив сформировать устойчивое и эффективное средство правовой защиты.

Библиографический список

1. Андреева, Т. К. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы / Т. К. Андреева, Г. Д. Улетова // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2. – С. 251–291. – URL: https://civpro.org/ru/archive/134/3142/ (дата обращения: 01.04.2025).

2. Клепинин, П. А. Место общепризнанных принципов и норм международного права в системе источников российского административного права / П. А. Клепинин // Журнал российского права. – 2024. – № 12. – С. 153–162. – URL: https://izak.ru/upload/iblock/f9b/u2bdhln0cpszz0w17ye0vwlo2l2a4lqn/soderzhanie_12.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

3. Ануфриева, Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении / Л. П. Ануфриева // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 48–62. – URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/199 (дата обращения: 01.04.2025).

4. Пименова, О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ / О. И. Пименова // Вестник международных организаций. – 2019. – № 1. – С. 76–93. – URL: https://iorj.hse.ru/2019-14-1/252925158.html (дата обращения: 01.04.2025).

5. Энтин, М. Л. Активная роль судебных органов в конституционализации ЕС и ЕАЭС / М. Л. Энтин, В. В. Войников // Сборник трудов международной конференции «Пять лет договору о Евразийском экономическом союзе: роль суда», Минск, 2019. – С. 261–272. – URL: https://inlnk.ru/RjAna1 (дата обращения: 01.04.2025).

6. Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.5 / Дьяченко Екатерина Борисовна ; Институт Государства и Права РАН. – М., 2023. – 433 с.

7. Анисимова, Л. В. Неисполнение судебного решения как нарушение права на судебную защиту / Л. В. Анисимова // Омбудсмен. – 2012. – № 1. – С. 59–62. – URL: https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2012/5065/1/ (дата обращения: 01.04.2025).

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. Б. Леанович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, leanovich@bsu.by

Настоящая статья посвящена правовым формам сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области интеллектуальной собственности. Автор исследует актуальные тенденции развития нормативной и институциональной основы защиты прав интеллектуальной собственности в контексте обеспечения свободы перемещения товаров на едином рынке и таможенного союза. Сформулированы выводы на основе сравнительного исследования действующих правил права ЕАЭС. Дана характеристика правопорядка ЕАЭС по обеспечению охраны и предотвращению незаконного использования прав интеллектуальной собственности. В заключении отмечено, что отличительной чертой решения проблемы интеллектуальной собственности в ходе евразийской экономической интеграции является также использование исключительно классических механизмов международного публичного права: международно-правовые обязательства государств по созданию условий для реализации частными лицами прав интеллектуальной собственности посредством обращения к национальным органам.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; защита; ЕАЭС; право ЕАЭС; сотрудничество государств – членов ЕАЭС.

DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN THE EAEU MEMBER STATES ON THE ENFORCEMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

E. B. Leanovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, leanovich@bsu.by

This article is devoted to the legal forms of cooperation of the EAEU member states in the field of intellectual property. The author investigates current trends in the development of normative and institutional grounds of intellectual property rights enforcement in the context of ensuring the freedom of movement of goods in the single market and customs union. Conclusions are based on a comparative study of the current rules of the EAEU law. Features of the legal order of the EAEU to ensure the enforcement and prevention of illegal use of intellectual property rights are summarized. In conclusion, it is noted that a distinctive feature of solving the intellectual property problem during the Eurasian economic integration is also the use of exclusively classical mechanisms of public international law: international legal obligations of states to create conditions for the realization of intellectual property rights by individuals through appeals to national authorities.

Keywords: intellectual property; enforcement; EAEU; EAEU law; cooperation of EAEU member states.

В рамках региональной экономической интеграции проблеме интеллектуальной собственности уделяется большое внимание. Правопорядок на интеграционном пространстве должен обеспечивать беспрепятственное движение товаров и услуг, в которых использованы объекты интеллектуальной собственности. Территориальный характер прав интеллектуальной собственности определяет закономерности правовых механизмов, присущие интеграционным объединениям, в том числе и ЕАЭС [1, с. 84–86]. Государства, участвующие в интеграционных процессах, начинают с гармонизации национальных законов и согласования участия в международных договорах по вопросам интеллектуальной собственности. Следующим этапом развития сотрудничества в области интеллектуальной собственности в региональном интеграционном объединении становится создание благоприятной среды для того, чтобы правообладатели имели возможность эффективно и беспрепятственно осуществлять меры по защите прав интеллектуальной собственности на всей территории единого рынка. В настоящее время мы наблюдаем активизацию сотрудничества государств – членов ЕАЭС по нормативной и институциональной поддержке защиты.

Нормативные основы сотрудничества государств-членов ЕАЭС по вопросам интеллектуальной собственности обширны. Они включают: Договор о ЕАЭС (разд. XXIII); Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № ЕАЭС 26 к Договору о ЕАЭС); Таможенный кодекс ЕАЭС (гл. 52); Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 г. (вступил в силу 19 июля 2016 г.); Регламент информационного взаимодействия уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (вступил в силу 1 октября 2016 г.); Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе от 11 декабря 2017 г. (вступило в силу 27 мая 2019 г.); Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 г. (вступил в силу 26 апреля 2021 г.); Рекомендация Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 24 ноября 2020 г. № 21 «Об основных подходах при осуществлении деятельности по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в государствах – членах ЕАЭС; Решение Коллегии ЕЭК от 20 июня 2023 г. № 80 «Об утверждении Правил реализации общего процесса "Регистрация, правовая охрана и использование товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС"»; Решение Коллегии ЕЭК от 20 июня 2023 г. № 81 «Об утверждении Правил реализации общего процесса "Регистрация, правовая охрана и использование наименований мест происхождения товаров ЕАЭС"» [2].

Международно-правовые механизмы реализации сотрудничества стран региона в рамках в ЕАЭС опираются на достижения, полученные в рамках СНГ и ЕврАзЭС. Соответственно, мероприятия по гармонизации

и унификации законов государств – членов ЕАЭС по охране и защите интеллектуальной собственности изначально стали осуществляться на довольно высоком уровне взаимопонимания по вопросам интеллектуальной собственности и необходимости дальнейшего развития сотрудничества в этой области. Благодаря предшествующему опыту взаимодействия перечень объектов интеллектуальной собственности и условия их охраны в законодательстве государств – членов ЕАЭС в значительной степени подвергнуты гармонизации. Унификация направлена на установление идентичных механизмов правового регулирования регионального принципа исчерпания прав на товарные знаки и наименования мест происхождения товаров, регистрацию товарных знаков и мест наименования ЕАЭС, а также применение таможенных мер по защите прав интеллектуальной собственности на единой таможенной территории ЕАЭС.

На стадии поворота к проблеме эффективной защиты прав интеллектуальной собственности в ЕАЭС обостряется интерес к реализации согласованной и скоординированной политики в сфере интеллектуальной собственности. Первоочередной задачей является осуществление мер, направленных на предотвращение и пресечение оборота контрафактной продукции (подп. 7 п. 2 ст. 89 Договора о ЕАЭС).

Проблема интеллектуальной собственности в ЕАЭС широко освещается в литературе. Причем значительный вклад в теоретическое осмысление данной проблематики отмечен со стороны институций [3] и сотрудников ЕАЭС [4]. Общей тенденцией анализа проблем правового регулирования интеллектуальной собственности в ходе евразийской экономической интеграции является выделение недостатков организационного характера. Основной формат обсуждения проблем интеллектуальной собственности по Договору о ЕАЭС составляют переговоры при содействии ЕЭК. Институциональное обеспечение сотрудничества государств – членов ЕАЭС осуществляется именно в рамках этого органа. В частности, это находит выражение в создание ЕЭК различных структур, наделенных специальной компетенцией именно по вопросам интеллектуальной собственности.

Поскольку тема интеллектуальной собственности давно вошла в повестку сотрудничества государств, входивших ранее в СССР, и источники международно-правового регулирования, принятые в рамках СНГ и других организаций, закрепляют шаги по значительному продвижению по пути минимизации негативных последствий территориального характера прав интеллектуальной собственности, в литературе уже довольно давно озвучивается необходимость реформирование институционального механизма ЕАЭС по интеллектуальной собственности. Так, предлагается «1) создание унифицированной системы интеллектуальной собственности (в том числе наднационального института в сфере интеллектуальной собственности); 2) создание наднациональных судебных органов и наднациональной системы досудебного разрешения споров» [4, с. 75].

В самом начале образования ЕАЭС и включения в право нового интеграционного объединения вопросов интеллектуальной собственности было ясно, что уровень охраны и набор средств защиты для национально-правовых систем государств-членов уже определен, понятны шаги по введению региональных механизмов (исчерпание права распространения, товарный знак и наименование места происхождения товара ЕАЭС) и следует идти дальше [5, с. 109].

На сегодняшний день в ЕАЭС приняты новые международно-правовые нормы, которые могли бы привести к созданию специального органа в структуре ЕАЭС с функцией регистрации объектов интеллектуальной собственности и решению других задач по аналогии с Ведомством по гармонизации на внутреннем рынке (сейчас Ведомство по интеллектуальной собственности ЕС), которое было создано для регистрации единых объектов промышленной собственности ЕС [6]. Однако институционализация ЕАЭС в области интеллектуальной собственности пока развивается иным образом. В частности, регистрация товарных знаков и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС, ведение евразийских реестров таможенных мер по защите интеллектуальной собственности направлены на национальный уровень. Надо полагать, что преимущества такого подхода определяются снятием финансовой нагрузки с аппарата ЕАЭС.

Вместе с тем, прослеживается интенсификация процесса обсуждения насущных проблем интеллектуальной собственности, особенно по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности. Развитие организационной структуры ЕАЭС по вопросам интеллектуальной собственности обусловлено необходимостью защитить интересы правообладателей, а также облегчить управление интеллектуальной собственностью на едином рынке. Укрепление институциональных основ унификационных мероприятий наиболее очевидно в свете актуальных вызовов: оборот поддельных лекарств, электроники и брендовой продукции, особенно в онлайн-торговле; проблема экспертной оценки на национальном уровне контрафактности и других вопросов нарушения прав интеллектуальной собственности в аспекте единого рынка и таможенного союза.

Современный уровень развития цифровизации остро ставит задачу внедрение онлайн-механизмов для заявления о нарушенных правах, отслеживания практики пиратства и контрафакта (например, автоматизированными системами выявления подделок), урегулирования споров.

В настоящее время развитие сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС сосредоточено в ЕЭК. Согласно Решению Коллегии ЕЭК от 25 сентября 2012 г. № 172 создан Консультативный комитет по интеллектуальной собственности (КИС). В данном органе разрабатываются предложения для Коллегии ЕЭК по вопросам охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в ходе евразийской экономической интеграции. Состоялось четырнадцать заседаний КИС. На последнем заседании 9.10.2024 г. обсуждались резуль-

таты аналитического обзора в сфере интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС за период с 2019 по 2023 г., который был подготовлен Департаментом развития предпринимательской деятельности ЕЭК, а также другие актуальные вопросы развития сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности [7].

Наиболее значимым направлением работы по обеспечению интересов правообладателей обозначена деятельность по технической поддержке цифровыми средствами реестров объектов промышленной собственности ЕАЭС и таможенных мер по защите прав интеллектуальной собственности. Цифровизация должна также охватить наднациональное регулирование защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в интернете (в частности блокировка ресурсов с неправомерным контентом, досудебное урегулирование споров в режиме онлайн и т. п.). На четырнадцатом заседании КИС озвучены проблемы интеллектуальной собственности в аспекте Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» [8].

Повышение эффективности защиты прав интеллектуальной собственности занимает важное место в программных документах ЕАЭС. В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. данная проблематика освещена как в контексте согласованных подходов государств-членов ЕАЭС к борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности, так и в порядке взаимодействия ЕАЭС с другими международными организациями, в частности с ВОИС и ВТО [9].

По линии сотрудничества ЕАЭС с ВОИС заместитель директора Департамента развития предпринимательской деятельности ЕЭК Нуржамал Ильясова представила отчет о правоприменительной практике за 2024 г. На заседании Консультативного комитета ВОИС были озвучены довольно внушительные статистические данные о количестве правонарушений в области интеллектуальной собственности. Так, в 2023 г. в государствах – членах ЕАЭС зафиксировано 4667 нарушений прав интеллектуальной собственности, выявлено 5,8 млн контрафактных товаров, а за пять лет 46 тыс. нарушений и более 60 млн контрафактных товаров [10]. Несмотря на широкий масштаб проблемы, важным является выявление недопустимой практики и перевод ее из латентной сферы в область правоприменения. Значимым показателем развития деятельности ЕАЭС в направлении борьбы с нарушениями интеллектуальной собственности является также обсуждения данных вопросов на международном глобальном уровне для обмена опытом и поиска решений с наиболее авторитетной универсальной организацией в сфере интеллектуальной собственности.

Последовательное углубление в тему защиты прав интеллектуальной собственности и борьбы с нарушениями отображается в развитии организационной структуры ЕАЭС. Она сосредоточена в рамках ЕЭК. При КИС

создан Подкомитет по координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности [11]. Основные функции данной структуры состоят в анализе международной и национальной правовой базы по защите прав интеллектуальной собственности, а также в обобщении правоприменительной практики в данной области, что соответствует договоренностям в рамках Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности [12].

Таким образом, ЕАЭС демонстрирует прогресс в обращении к проблеме защиты интегрированной системы интеллектуальной собственности, но темп реализации международных договоров и введения в действие систем охраны и защиты на наднациональном уровне нельзя назвать достаточно быстрым. Отличительной чертой решения проблемы интеллектуальной собственности в ходе евразийской экономической интеграции является также использование исключительно классических механизмов международного публичного права: международно-правовые обязательства государств по созданию условий для реализации частными лицами прав интеллектуальной собственности посредством обращения к национальным органам.

Библиографический список

1. Право Евразийского экономического союза / Я. И. Функ [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Бабкиной. – Минск : БГУ, 2021. – 182 с.

2. Нормативные правовые документы // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/normpravdoc.php (дата обращения: 14.04.2025).

3. Аналитические и справочные материалы // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/analiticheskie-i-spravochnye-materialy.php (дата обращения: 14.04.2025).

4. Алиев, С. Б. Правовые основы регулирования интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе / С. Б. Алиев, Е. Ю. Измайлова // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2015. – №3 (28). – С. 65–75. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24102720 (дата обращения: 14.04.2025).

5. Шугурова, И. В. Гармонизация права интеллектуальной собственности в условиях евразийской экономической интеграции: основные достижения и перспективы / И. В. Шугурова // Вестник СГЮА. – 2015. – №6 (107). – С. 104–109. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25290570 (дата обращения: 14.04.2025).

6. European Union Intellectual Property Office. – URL: https://www.euipo.europa.eu/en (date of access: 14.04.2025).

7. Аналитический обзор в сфере интеллектуальной собственности в государствах – членах Евразийского экономического союза (2019–2023) // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d3/ohzikc5xk49ghd1v3ig67r1h4dz7kag1/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-v-g_ch-EAES_2019_2023.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

8. Протокол 14-го заседания Комитета по интеллектуальной собственности при Коллегии Евразийской экономической комиссии от 9 окт. 2024 г. // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f2e/g2x5bcrx3xkrk6vkg7k983tesl9b5czb/Protokol-14_go-zasedaniya-KK-po-IS.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

9. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F92000439 (дата обращения: 14.04.2025).

10. В ВОИС представлен комплексный обзор нарушений прав интеллектуальной собственности в ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – 10.02.2025. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-vois-predstavlen-kompleksnyy-obzor-narusheniy-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-eaes/ (дата обращения: 14.04.2025).

11. Положение о Подкомитете по координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности : [утв. Решением Председателя Консультативного комитета по интеллектуальной собственности от 15 нояб. 2016 г. № 1] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c4c/Polozhenie-o-Podkomitete-po-koordinatsii-deystviy-po-zashchite-prav-na-obekty-IS.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

12. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01500386 (дата обращения: 14.04.2025).

ДОГОВОРНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРАВО И ПРАКТИКА

Ю. А. Лепешков

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lepeshkov@bsu.by

В статье предпринята попытка проанализировать договорную правоспособность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) за 10-летний период его функционирования как с точки зрения нормативного закрепления, так и практической реализации, а также обозначить имеющиеся на сегодняшний день проблемы в ее осуществлении. Автором акцентировано внимание на основных недостатках (упущениях) правового регулирования в рассматриваемой области, а также пока еще слабой динамике заключения ЕАЭС договоров с третьей стороной, регламентации чего посвящено специальное международное соглашение, заключенное государствами-членами этого межгосударственного объединения в 2018 г. По итогам проведенного исследования сделан вывод о необходимости активизации работы по расширению участия ЕАЭС в международных конвенционных отношениях.

Ключевые слова: международный договор; международная организация; международная правосубъектность; договорная правоспособность; соглашение о свободной торговле; евразийская интеграция; Евразийский экономический союз; ЕАЭС.

TREATY-MAKING LEGAL CAPACITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LAW AND PRACTICE

Y. A. Lepeshkou

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, lepeshkov@bsu.by

The article attempts to analyze the treaty-making legal capacity of the Eurasian Economic Union (EAEU) over the 10-year period of its operation both from the point of view of normative consolidation and practical implementation, as well as to identify the current problems in its effecting. The author focuses on the main shortcomings (omissions) of legal regulation in the area under consideration, as well as the still weak dynamics of the conclusion of agreements by the EAEU with a third party, the regulation of which is devoted to a special international agreement concluded by the member states of this interstate association in 2018. Based on the results of the study, a conclusion is made on the need to intensify work to expand the participation of the EAEU in international conventional relations.

Keywords: international treaty; international organization; international legal personality; treaty-making legal capacity; free trade agreement; Eurasian integration; Eurasian Economic Union; EAEU.

Несколько месяцев тому назад Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС, Союз) исполнилось 10 лет, и к этой юбилейной дате оно подошло с довольно весомым договорно-правовым багажом – более чем

сотней действующих международных соглашений [1]. Вместе с тем подавляющее большинство из них являются договорами, заключенными государствами – членами ЕАЭС, в то время как соглашений, стороной которых выступает само это межгосударственное объединение, – считанные единицы. Как следствие, возникают вполне логичные и закономерные вопросы, почему сложилась такая ситуация, в силу каких причин практика заключения Союзом договоров пока еще не получила должного развития?

Цель, которую поставил перед собой автор статьи, состоит в том, чтобы на основе исследования договорной правоспособности ЕАЭС оценить ее эффективность (результативность) как с точки зрения правового регулирования, так и практической реализации, выявить имеющиеся проблемы в ее осуществлении.

Доктринальной базой при подготовке статьи послужили труды ряда отечественных (И. А. Барковский [2], В. Н. Вежновец [3], Ю. А. Лепешков [4], Н. Н. Шумский [5]) и зарубежных (П. Беккер [6], Х. М. Джантаев [7], О. В. Кадышева [8], А.Я. Капустин [9-10], Т. М. Ковалева [11], Н. Б. Крылов [12], С. А. Малинин [11], Р. Г. Непранов [13], Н. Е. Орлова [13], П. И. Чувахин [14], Е. А. Шибаева [15]) авторов, посвященные договорой правоспособности как межгосударственных объединений (организаций) в целом, так и ЕАЭС, в частности. Нормативную основу исследования составили Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. (далее – Венская конвенция) (По состоянию на 16 апреля 2025 г. в силу не вступила, тем не менее, ее нормы, по мнению Экономического Суда Содружества Независимых Государств, «применимы в качестве обычных норм общего международного права» [16]), а также релевантные международно-правовые документы, принятые в рамках Союза.

Договорная правоспособность – одна из важнейших характеристик любого из общепризнанных субъектов международного права, один из определяющих (ключевых) элементов международной правосубъектности. С содержательной точки зрения она означает способность данных субъектов заключать, применять (в т. ч. временно), приостанавливать действие, а также прекращать международные договоры, формулировать к содержащимся в них положениям оговорки, принимать поправки и т. п. Иными словами, договорная правоспособность соответствующих субъектов не «привязана» лишь к моменту появления международного договора, она сопутствует ему на всем протяжении его существования, на любых последующих стадиях его «жизни» [4, с. 115].

ЕАЭС, как это прямо зафиксировано в его учредительном акте, представляет собой «международную организацию региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектностью» (п. 2 ст. 1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.). Будучи производным субъектом международного права Союз, как и любая иная межправительственная организация, созданная государствами, располагает собственной

волей и объемом полномочий, необходимыми для выполнения возложенных на него функций.

Как известно, заключение межправительственными организациями договоров с государствами и/или другими межправительственными организациями представляет собой одну из форм их непосредственного участия в создании международно-правовых норм, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи [2, с. 69; 11, с. 72; 12, с. 38; 15, с. 106–107]. При этом договорам с участием межправительственных организаций присущи определенные особенности, обусловленные спецификой их правосубъектности, наглядным подтверждением чему является ряд положений Венской конвенции (см., например, ст. 6, п. 2 ст. 11, п. 2 ст. 14, п. 2 ст. 27, п. 2 ст. 39, п. 4 ст. 65 и др. По мнению А. Я. Капустина, данные нормы были включены в текст Конвенции именно с целью учета и отражения в ней своеобразной юридической природы межправительственных организаций [9, с. 230].). В отличие от государств, которые с международно-правовой точки зрения равны, т. е. обладают идентичной договорной правоспособностью, межправительственные организации, как справедливо отметили Т. М. Ковалёва и С. А. Малинин, могут иметь различные основания и объем договорной правоспособности [11, с. 72–73].

Разработчики Венской конвенции исходили из «важности договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями как полезного средства развития международных отношений и обеспечения условий для мирного сотрудничества между нациями…», а также того, что практика международных организаций при заключении таких договоров «должна соответствовать их учредительным актам» (преамбула). При этом главной особенностью данного универсального международно-правового документа, «кодифицировавшего практику участия межправительственных организаций в международных договорах» [17, с. 20], стало закрепление правил организации в качестве единственного источника (правового основания) регламентации ее договорной правоспособности (ст. 6). Вместе с тем названные правила трактуются в Конвенции достаточно широко и включают «учредительные акты организации, принятые в соответствии с ними решения и резолюции, а также установившуюся практику организации» (п. 1(*j*) ст. 2).

Что касается объема договорной правоспособности межправительственных организаций, то он у разных организаций, конечно же, не одинаков. Общее правило, которому необходимо следовать в данном случае, заключается, по мнению В. Н. Вежновца в том, что правоспособность каждой конкретной организации не должна превышать ее функциональных потребностей и определяется на основе учредительного акта, а также дополняющих его документов [3, с. 111]. Своеобразным подтверждением этому может служить одно из положений, содержащихся в преамбуле Венской конвенции, согласно которому межправительственная организация «обладает такой правоспособностью заключать договоры, которая необходима для выполнения ее функций и достижения ее целей».

Если обратиться к анализу существующей правовой базы ЕАЭС, можно обнаружить немалое количество норм, касающихся его договорной правоспособности. Прежде всего, стоит отметить соответствующие положения, получившие закрепление непосредственно в учредительном договоре Союза. Так, в соответствии со статьи 2 ЕАЭС наделен правом заключать международные договоры с третьей стороной (в качестве третьей стороны может выступать государство, не являющееся членом Союза, международная организация или международное интеграционное объединение (ст. 2 Договора о ЕАЭС)), которые в совокупности с Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза (заключаются между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза (ст. 2 Договора о ЕАЭС)), а также решениями и распоряжениями органов ЕАЭС составляют право Союза (п. 1 ст. 6) и, что крайне важно, не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования ЕАЭС (п. 2 ст. 6). Стоит, правда, отметить, что в отличие от принципов и целей, которые четко прописаны в отдельных статьях учредительного договора (стст. 3 и 4 соответственно), правилам функционирования Союза «повезло» куда меньше: нигде в его тексте они ни коим образом не раскрываются. Как справедливо отметил по этому поводу А. Я. Капустин, речь в данном случае вероятно идет о всей совокупности правовых норм, регулирующих деятельность ЕАЭС и содержащихся в его учредительном договоре, международных договорах в рамках Союза, решениях и распоряжениях органов ЕАЭС [10, с. 67].

Еще одной значимой в рассматриваемом контексте статьей учредительного договора является статья 7, посвященная международной деятельности Союза и, в частности, наделяющая его правом в рамках осуществления международного сотрудничества с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями «самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции» (п. 1 ст. 7). Соответственно, можно сделать вывод, что Договором о ЕАЭС предусмотрена возможность заключения Союзом двух различных типов соглашений с третьей стороной: во-первых, договоров, в которых ЕАЭС выступает единоличным участником, и, во-вторых, соглашений «смешанного» характера, в рамках которых Союз и его государства-члены действуют совместно, на одной стороне, и, как верно отметила О. В. Кадышева, берут на себя в таком случае общие обязательства [8, с. 49].

Следует отметить, что в учредительном договоре не регламентирован подробно порядок (процедура) заключения международных договоров ЕАЭС с третьей стороной, а предусмотрено, что данные вопросы определяются отдельным международным соглашением в рамках Союза (п. 1 ст. 7). Тем не менее, в Договоре о ЕАЭС получили закрепление некоторые полномочия высшего органа Союза – Высшего Евразийского экономического совета (далее – Высший совет), касающиеся принятия решений в рассматриваемой области, а именно:

– о проведении переговоров по проектам международных договоров ЕАЭС с третьей стороной, а также их подписании (п. 2 ст. 7);

– о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора ЕАЭС с третьей стороной, прекращении, приостановлении или выходе из такого международного договора (п. 2 ст. 7);

– о наделении Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) – постоянно действующего регулирующего органа Союза – правом подписывать международные договоры по вопросам, входящим в ее компетенцию (п. 6 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС)).

И все же самым значимым шагом в деле нормативной регламентации договорной правоспособности Союза стало, на наш взгляд, заключение государствами – членами ЕАЭС упомянутого выше отдельного международного договора – Соглашения о международных договорах Союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями (далее – Соглашение о договорах), которое, как это ни парадоксально, было подписано лишь спустя почти три с половиной года после начала функционирования ЕАЭС – 14 мая 2018 г., а вступило в силу вообще в конце 2019 г., т. е. на финише первой пятилетки существования Союза. Тем не менее, данный документ, примая во внимание его содержательную направленность, заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Соглашение о договорах, как это прямо указано в самой первой его статье, определяет порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров ЕАЭС с третьей стороной, в отношении предмета регулирования которых Союз наделен необходимой компетенцией в соответствии с Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. В нем, в частности, детально регламентированы вопросы внесения предложений о заключении названных договоров, а также их последующего рассмотрения, проведения соответствующих переговоров с третьей стороной, подписания договоров от имени ЕАЭС, а также использования каких-либо иных способов выражения согласия Союза на их обязательность. Кроме того, в данном документе содержатся нормы, устанавливающие процедуру заявления и снятия оговорок, официального опубликования договоров, а также их толкования, принятия необходимых мер в случае нарушения третьей стороной обязательств по международному договору, депозитарного обслуживания (хранение подлинника договора, предоставление его заверенных копий, перевод текста договора на рабочий язык органов ЕАЭС).

Отдельного внимания заслуживает важное положение, получившее закрепление в пункте 2 статьи 10 Соглашения о договорах, согласно которому подписание международного соглашения с третьей стороной осуществляется государствами-членами и Союзом, за исключением случая принятия высшим органом ЕАЭС решения об ином формате его подпи-

сания. Из этого можно сделать вывод, что по общему правилу подобные договоры являются «смешанными», т. е. заключаются Союзом совместно с его государствами-членами, и лишь в исключительных случаях, определяемых Высшим советом, могут подписываться только уполномоченым представителем ЕАЭС, выступающего в такой ситуации в качестве единоличного участника.

К сожалению, как было отмечено в самом начале статьи, международных соглашений, участником которых является Союз, на сегодняшний день совсем немного. Большинство из них заключены с третьей стороной и касаются информационного, а также торгово-экономического сотрудничества, в т.ч. установления режима (зоны) свободной торговли. Это, в частности, два соглашения с Китаем (о торгово-экономическом сотрудничестве (2018 г.), а также об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР (2019 г.)), четыре соглашения о свободной торговле (с Вьетнамом (2015 г.), Сербией (2019 г.), Сингапуром (2019 г.), Ираном (2023 г.)) и Рамочное соглашение о всеобъемлющем торгового-экономическом сотрудничестве с Сингапуром (2019 г.). На этапе разработки находятся еще пять соглашений о свободной торговле (с Израилем (с 2015 г.), Египтом (с 2016 г.), Индией (с 2016 г.), Индонезией (с 2022 г.) и Объединенными Арабскими Эмиратами (с 2022 г.)), а также временное торговое соглашение с Монголией (с 2024 г.). Кроме того, изучается вопрос о целесообразности заключения соглашения о свободной торговле с Тунисом (с 2025 г.) [18].

Анализ вышеуказанных международных договоров Союза позволяет выделить ряд присущих им специфических особенностей. Во-первых, третьей стороной в них являются исключительно государства: соглашений с иными субъектами, такими как международные организации или межгосударственные интеграционные объединения, у ЕАЭС на данный момент нет. Во-вторых, перечисленные договоры касаются одной-единственной предметной области – торгово-экономического сотрудничества и в большинстве своем посвящены формированию зоны свободной торговли Союза с соответствующими третьими странами. Наконец, названные договоры, будучи двусторонними, отличаются «смешанным» характером: на одной их стороне одновременно выступают и ЕАЭС, и все его государства-члены.

Особую категорию соглашений, помимо договоров Союза с третьей стороной, составляют упомянутые в пункте 5 статьи 8 Договора о ЕАЭС «отдельные международные договоры между Союзом и государствами пребывания», устанавливающие «условия пребывания органов ЕАЭС на территориях государств-членов». Однако, помимо обозначенной нормы нигде более в тексте учредительного договора Союза данные соглашения не упоминаются и, очевидно, названы «отдельными», так как не указаны в пункте 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС, т. е. не входят в право Союза в отличие от соглашений ЕАЭС с третьей стороной.

Согласно пункту 1 статьи 8 учредительного договора органами Союза являются Высший совет, Евразийский межправительственный совет, Комиссия и Суд ЕАЭС. При этом лишь два последних функционируют на постоянной основе и, соответственно, «нуждаются» в определении условий их пребывания на территориях государств – членов Союза. Однако, если в отношении Суда сооветствующий договор имеется (см., в частности, Соглашение между ЕАЭС и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда ЕАЭС на территории Республики Беларусь от 29 апреля 2016 г.), то применительно к Комиссии такового до сих пор заключено не было. Как представляется, отсутствие последнего связано с наличием Соглашения 13-летней давности между Правительством Российской Федерации и Комиссией об условиях ее пребывания на территории России от 8 июня 2012 г. (далее – Соглашение 2012 г.) Вместе с тем, по нашему мнению, данное соглашение вряд ли можно рассматривать в качестве безупречно легитимного документа по двум причинам. Во-первых, на момент его заключения Союза еще не существовало, а Комиссия, учрежденная на основании Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г., являлась органом Таможенного союза и Единого экономического пространства. Во-вторых, Договор о ЕАЭС не содержит норм, допускающих возможность «делегированного» правотворчества – самостоятельного заключения международных соглашений отдельными органами Союза, а не им самим, как межгосударственным объединением. Это обусловлено тем, что органы ЕАЭС не обладают международной правосубъектностью (и, как следствие, договорной правоспособностью) в отличие от самого Союза, наделенного ею государствами-учредителями, о чем, напомним, содержится прямое указание в пункте 2 статьи 1 Договора о ЕАЭС. И даже тот факт, что согласно пункту 6 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося, как известно, одним из приложений к учредительному договору Союза, Комиссия может быть наделена Высшим советом правом подписывать международные договоры по вопросам, входящим в ее компетенцию, увы, не способствует легитимизации Соглашения 2012 г. ввиду отсутствия какого-либо документа, свидетельствующего о предоставлении высшим органом ЕАЭС соответствующих полномочий Комиссии.

Безусловно, все заключенные Союзом на сегодняшний день договоры олицетворяют собой конкретные результаты реализации ЕАЭС своей договорной правоспособности. Однако проблемой, сохраняющей актуальность, по-прежнему остается весьма малое их количество в активе Союза, и это на фоне постоянно растущего вовлечения других межправительственных организаций в международные конвенционные отношения, что отражает практика, насчитывающая сотни соглашений с их участием [9, с. 228]. Также стоит подчеркнуть, что все международные договоры, стороной которых является ЕАЭС, заключены на двустороннем уровне. Многосторонние договоры в практике Союза пока отсутствуют, что отнюдь не означает невозможности участия рассматриваемого межгосударственного объединения в таких соглашениях.

11 декабря 2020 г. решением Высшего совета были утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (далее – Стратегия-2025), в которых акцентировано внимание на необходимости «укрепить международную правосубъектность Союза и его авторитет в мире» (разд. I), а также важности «имплементации международных договоров Союза и его государств-членов с третьими сторонами», «дальнейшего формирования договорно-правовой базы Союза и его государств-членов с третьими странами и их интеграционными объединениями по вопросам формирования преференциальных торговых режимов, развития и всестороннего углубления торгово-экономического сотрудничества» (п. 11.2 и 11.3 разд. II). В свою очередь, в Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь», принятой высшим органом Союза 25 декабря 2023 г. (далее – Декларация «Евразийский экономический путь»), констатировано стремление ЕАЭС к «развитию сотрудничества в сферах, представляющих интерес для третьих стран и иных международных организаций» (преамбула) и обозначены в числе приоритетных мер активное развитие взаимовыгодных отношений Союза с заинтересованными третьими сторонами, продолжение работы по формированию преференциальных торговых режимов ЕАЭС с указанными субъектами, а также позиционирование Союза как одного из центров формирования интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. Как представляется, столь амбициозные цели вряд ли окажутся достигнутыми, если предпринятые для этого усилия не будут опираться на крепкий юридический фундамент – развитую договорно-правовую базу.

Чем же можно объяснить отсутствие договорной активности ЕАЭС на международной арене и, как следствие, пока еще весьма слабые результаты осуществления им своей договорной правоспособности? По нашему мнению, первопричина здесь, скорее, объективная, не зависящая от самого межгосударственного объединения, и заключается она в том, что на протяжении достаточно длительного времени с момента начала функционирования Союза отсутствовала необходимая для этого правовая основа. К сожалению, как уже было отмечено выше, разработчики Договора о ЕАЭС, указав в нем на возможность заключения Союзом международных соглашений с третьей стороной, не прописали в его тексте соответствующую процедуру, предусмотрев лишь отсылку к отдельному международному договору в рамках ЕАЭС, регламентирующему данные вопросы, который должен появиться в будущем. Как мы уже выяснили ранее, на его составление, заключение и вступление в силу ушло почти пять лет!

Еще одна причина того, что договорная правоспособность Союза до настоящего времени так и не получила должного развития, по нашему мнению, заключается в том, что в условиях оказавшейся довольно сложной процедуры разработки и заключения международных договоров ЕАЭС с третьей стороной, предусмотренной Соглашением о догово-

рах, практика пошла по более простому и, соответственно, быстрому пути осуществления международного сотрудничества, а именно подписания Комиссией с третьими государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями документов, не являющихся международными договорами, что, в частности, предусмотрено пунктом 10 Порядка осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества, утвержденного решением высшего органа Союза № 99 от 23 декабря 2014 г. Стоит отметить, что таких документов (в большинстве своем представлены меморандумами о сотрудничестве, меморандумами о взаимопонимании, меморандумами о взаимодействии, а также меморандумами об углублении взаимодействия) на сегоняшний день насчитывается около сотни [19], т. е. на порядок больше, нежели международных соглашений с участием ЕАЭС!

Завершая исследование договорной правоспособности Союза, полагаем возможным сфрмулировать ряд итоговых выводов как теоретического, так и практического характера.

1. Государства – члены ЕАЭС, и в этом надо отдать им должное, не только наделили созданную ими международную организацию договорной правоспособностью, но и весьма подробно урегулировали в праве Союза самые различные аспекты, касающиеся процедуры заключения, приостановления действия, прекращения договоров ЕАЭС с третьей стороной, заявления и снятия оговорок к ним, официального опубликования, а также толкования таких договоров.

2. К основным недостаткам (упущениям) правового регулирования в рассматриваемой области необходимо отнести следующее:

– пробел в регламентации вопроса о соотношении международных договоров в рамках ЕАЭС и договоров Союза с третьей стороной;

– отсутствие прямого указания на иерархию между Договором о ЕАЭС и международными договорами Союза с третьей стороной;

– неясность правового статуса «отдельных» международных договоров, определяющих условия пребывания органов ЕАЭС на территориях государств-членов и заключаемых Союзом с соответствующими странами;

– отсутствие механизма судебного контроля за соответствием Договору о ЕАЭС международных договоров Союза с третьей стороной.

3. Практика заключения ЕАЭС договоров с третьей стороной, регламентации чего посвящено специальное международное соглашение, подписанное государствами – членами Союза в 2018 г., пока не получила должного развития. За десять с небольшим лет функционирования ЕАЭС таковых насчитывается всего лишь семь, что явно диссонирует со стремлением Союза позиционировать себя в качестве «одного из наиболее значимых центров развития современного мира» (Стратегия-2025, направление 11), быть «полюсом экономического притяжения на международной арене» (Декларация «Евразийский экономический путь»).

4. Отличительной особенностью всех договоров, заключенных Союзом с третьей стороной, является их «смешанный» характер, состоящий в том, что на одной стороне соглашения выступает не только сам ЕАЭС, но и все его государства-члены. При этом данные договоры являются двусторонними и заключены Союзом исключительно с третьими странами с целью создания зоны свободной торговли либо осуществления торгово-экономического сотрудничества. Соглашения по иным вопросам, многосторонние договоры, а также соглашения с другими, нежели государства, субъектами (например, международными организациями или межгосударственными интеграционными объединениями) в практике ЕАЭС пока отсутствуют, что свидетельствует о необходимости активизации работы по расширению участия Союза в международных конвенционных отношениях.

Библиографический список

1. Международные договоры // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/164/ (дата обращения: 16.04.2025).

2. Барковский, И. А. Правотворческая деятельность международных организаций: теоретические аспекты и современные тенденции / И. А. Барковский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 2. – С. 12–20. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/31687 (дата обращения: 16.04.2025).

3. Вежновец, В. Н. Полномочия представителей международных организаций на заключение международных договоров / В. Н. Вежновец // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 2. – С. 111–114. – URL: https://elib.amia.by/handle/docs/560 (дата обращения: 16.04.2025).

4. Лепешков, Ю. А. Договорная правоспособность Содружества Независимых Государств и ее реализация / Ю. А. Лепешков // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2020. – Вып. 15. – С. 114–126.

5. Шумский, Н. Н. Региональные экономические объединения постсоветских государств: организационно-правовое обеспечение процессов интеграции / Н. Н. Шумский; науч. ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 323 с.

6. Bekker, P. The legal position of intergovernmental organizations. A functional necessity analysis of their legal status and immunities / P. Bekker. – Dordrecht : Kluwer academic publishers, 1994. – 265 p.

7. Джантаев, Х. М. Соглашения международных организаций в свете венских конвенций по праву договоров / Х. М. Джантаев. – М. : РУДН, 2015. – 300 с.

8. Кадышева, О. В. Смешанные соглашения ЕАЭС с третьим странами: вопросы международной ответственности / О. В. Кадышева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 2024. – № 4. – С. 41–66. – URL: http://xn----8sbecmsowohlgn.xn--p1ai/articles/article/20295/ (дата обращения: 16.04.2025).

9. Капустин, А. Я. Договорная правоспособность международных организаций / А. Я. Капустин // Международные организации в глобализирующемся мире: монография / А. Я. Капустин. – М., 2010. – С. 228–235.

10. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс / А. Я. Капустин // Журн. рос. права. – 2015. – № 11. – С. 59–69.

11. Ковалева, Т. М. Договорная правоспособность международных организаций / Т. М. Ковалева, С. А. Малинин // Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 72–77.

12. Крылов, Н. Б. Правотворческая деятельность международных организаций / Н. Б. Крылов; под ред. И. И. Лукашука. – М.: Наука, 1988. – 174 с.

13. Непранов, Р. Г. Международная правосубъектность ЕАЭС в контексте современных интерационных процессов / Р. Г. Непранов, Н. Е. Орлова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12. – С. 529–533.

14. Чувахин, П. И. Договорная правоспособность международных организаций / П. И. Чувахин // Вопросы рос. и междунар. права. – 2023. – Т. 13, № 6-1. – С. 83–91.

15. Шибаева, Е. А. Договоры с участием международных организаций / Е. А. Шибаева // Право международных организаций: вопросы теории / Е. А. Шибаева. – М., 1986. – С. 106–110.

16. О разъяснении Консультативного заключения Экономического Суда СНГ № 01-1/2-98 от 23 июня 1998 г. о толковании Устава Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. : Определение, 15 февр. 2010 г., № 01-1/1-10 // Экономический Суд СНГ. – URL: https://sudsng.org/court-cases/judicial-acts/opredelenie-01-1-1-10/ (дата обращения:10.04.2025).

17. Участие в многосторонних договорах // Заключительные статьи многосторонних договоров. Руководство. – Нью-Йорк : ООН, 2004. – С. 11–29.

18. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/ (дата обращения: 15.04.2025).

19. Меморандумы, заявления // Евразийский экономический союз. – URL: https://inlnk.ru/QwYOQw (дата обращения: 16.04.2025).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

И. Р. Минигулова

Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, 450005, г. Уфа, Россия

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей правового регулирования международной миграции на территории стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом изменений, происходящих в системе современных международных отношений. Исходя из актуальности темы, сформулирована исследовательская задача, заключающаяся в анализе правового регулирования миграционных процессов в странах ЕАЭС. Рассматриваются международные договоры и национальные законодательства государств – членов ЕАЭС, направленные на управление миграционными потоками, включая вопросы въезда и выезда, пребывания, трудоустройства и социальной защиты трудящихся-мигрантов. Исследуются некоторые коллизии и пробелы в правовом регулировании, возникающие вследствие различий в подходах к управлению миграцией. Особое внимание уделено роли международного права и соглашений в формировании общей миграционной политики ЕАЭС. На основе проведенного анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, что будет способствовать усилению экономического роста, развитию инфраструктур на территории стран ЕАЭС, укреплению социального единства, инновационному развитие (привлечение высококвалифицированных специалистов из других стран помогает внедрять передовые технологии и развивать инновационные отрасли), повышение конкурентоспособности (эффективное использование трудовых ресурсов позволяет странам ЕАЭС конкурировать на мировом рынке и привлекать инвестиции).

Ключевые слова: международные отношения; международное право; международная миграция; государство; международная организация; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); интеграция, устойчивое развитие.

LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL MIGRATION IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. R. Minigulova

Ufa University of Science and Technology
131 Dostoevsky Street, Ufa 450005, Russian Federation

The relevance of the study is due to the need to study the specifics of legal regulation of international migration in the territory of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), taking into account the changes occurring in the system of modern international relations. Based on the relevance of the topic, the research task is formulated, which consists in the analysis of legal regulation of migration processes in the EAEU countries. International treaties and national legislation of the EAEU member states aimed at managing migration flows, including issues of entry, stay, employment and social protection of migrants are considered. The article examines the conflicts and gaps in legal regulation that arise due to differences in approaches to migration management. Particular attention is paid to the role of international

law and agreements in the formation of the general migration policy of the EAEU. Based on the analysis, recommendations are proposed for improving the regulatory framework, which will contribute to strengthening economic growth, developing infrastructures in the EAEU countries, strengthening social unity, innovative development (attracting highly qualified specialists from other countries helps to introduce advanced technologies and develop innovative industries), increasing competitiveness (effective use of labor resources allows the EAEU countries compete in the global market and attract investments).

Keywords: international relations; international law; international migration; state; international organization; Eurasian Economic Union (EAEU); integration; sustainable development.

На сегодняшний день актуальность темы международной миграции сохраняется, это обусловлено, прежде всего, с изменениями, происходящими в системе современных международных отношений. В научном правовом поле тема изучена достаточно широко и наиболее широкую популярность получили труды Д. К. Бекяшева [1], И. В. Ивахнюка [2], А. Ю. Ястребовой [3], Н. Н. Зинченко [4], М. Н. Урды [5], Е. В. Киселевой [6] и других. Однако за последние годы на мировой политической арене, где «переплетаются интересы различных государств, международных межправительственных организаций (ММПО) и транснациональных корпораций (ТНК)», произошли существенные изменения, которые повлияли не только на траектории миграционных потоков, но и на саму природу международной миграции. Данное положение дел требует постоянного анализа и переосмысления изменившихся обстоятельств. Таким образом, с учетом накопленных знаний, предлагается модифицированный подход к изучению правового регулирования миграционных потоков в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Следует отметить, что в отличие от существующих работ, данная статья фокусируется на сравнительном анализе национального законодательства государств – членов ЕАЭС в области международной миграции, выявлении коллизий и пробелов в правовом регулировании, а также оценке влияния правовых норм на интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе. Особое внимание уделяется адаптации правовой базы к современным вызовам, таким как цифровизация миграционного учета и управление трудовой миграцией с учетом актуализации информационно-коммуникационных технологий. В этой связи, целью исследования является комплексный анализ текущего состояния правового регулирования миграционных процессов в странах ЕАЭС, выявление ключевых проблем и противоречий, а также формулировка предложений возможных путей совершенствования нормативно-правовой базы для обеспечения эффективной интеграции и устойчивого социально-экономического развития Евразийского экономического союза.

Правовое обеспечение вопросов международной миграции реализуется на основе международных правовых актов и национального законодательства государств. Международно-правовое регулирование миграции осуществляется на основе важнейших нормативных документов:

– Устав ООН, 1945 г.;

– Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.;

– Конвенция Международной организации труда № 97 о правах мигрантов, 1949 г.;

– Конвенция о статусе беженцев, 1951 г.;

– Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г.;

– Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 г.;

– Декларация об укреплении международной безопасности, 1970 г.;

– Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения, 1975 г.;

– Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, 1985 г.;

– Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 1990 г.;

– Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии, 2013 г.;

– Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, 2013 г. [8];

На региональном уровне – международные договоры и соглашения, заключенные между странами – членами ЕАЭС, а также нормативные акты, принятые органами управления Союза:

– Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014 г. Основной документ, регулирующий интеграционные процессы в ЕАЭС, включая миграционную политику;

– Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих стран, 2010 г. В данном документе регламентируются условия сотрудничества государств по борьбе с нелегальной миграцией и координации усилий в этой области;

– Соглашение о порядке расследования несчастных случаев на производстве, происшедших с гражданами одного государства – члена Евразийского экономического сообщества при осуществлении трудовой деятельности на территории другого государства – члена Евразийского экономического сообщества, 2013 г. Несмотря на то, что соглашение было заключено еще до создания ЕАЭС, оно продолжает действовать, и касается защиты прав трудящихся-мигрантов;

– Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Международной организацией по миграции, 2013 г. Хоть и меморандум не является международным договором и не влечет за собой никаких правовых и финансовых обязательств, тем не менее, стороны признают необходимость создания условий для эффективного управления миграционными процессами и намерены сотрудничать в пределах своей компетенции;

– Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, 2019 г. Нормативный доку-

мент регулирует вопросы пенсионного обеспечения для мигрантов, работающих и проживающих в одном из государств – членов ЕАЭС. Статья настоящего Соглашения устанавливает, что «Реализация права на назначение и выплату трудящимся (членам семьи) пенсии осуществляется на тех же условиях, что и для граждан государства трудоустройства» [9];

– Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза, 2023 г. Настоящее Соглашение регулирует вопросы, связанные согласно статье 2 «с взаимным признанием в рамках международной трудовой миграции документов об ученых степенях для осуществления их обладателями профессиональной деятельности в государстве трудоустройства в соответствии с присужденными им учеными степенями» [10];

– Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, 2018 г. В настоящем Соглашении установлено, что Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Евразийский экономический союз и Китайская Народная Республика признают важность экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Евразийском континенте в целом. Стороны желают «создать среду и условия для развития взаимных торговых связей и продвижения экономического сотрудничества между Сторонами» [11]. Глава 6 настоящего Договора регулирует таможенное сотрудничество и упрощение процедур торговли. Для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) создаются благоприятные условия для импорта и экспорта. Вместе с тем, наличие правовых механизмов позволяет участникам ВЭД расширяться, открывать зарубежные филиалы и направлять туда своих сотрудников для трудоустройства. Таким образом, появляется канал для международной трудовой миграции в сфере международной торговли и инвестиций.

Вышеперечисленные договоры и соглашения стран Союза, формируют основу для сотрудничества стран ЕАЭС в сфере международной миграции, обеспечивая правовые рамки для свободного перемещения рабочей силы, борьбы с нелегальной миграцией и защиты прав мигрантов.

Вместе с тем, значимым является сравнительный анализ национального законодательства государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в области миграции.

В таблице указаны примеры действующих законов в сфере национального миграционного законодательства государств ЕАЭС. Сравнительно-правовой анализ национального законодательства стран ЕАЭС демонстрирует, что во всех государствах есть правовые механизмы регулирования миграционных потоков. Однако миграционное законодательство каждого из приведенных государств содержит в себе различия: различия в требованиях к регистрации, их сроках, наличие полноценной системы цифрового учета мигрантов и т. д.

Миграционное законодательство стран ЕАЭС

Страна	Закон	Содержание
Россия	Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ	Определяет правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства
	Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ	Регулирует порядок въезда-выезда мигрантов, их учет и регистрацию
Беларусь	Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»	Устанавливает правила пребывания иностранцев, порядок получения вида на жительство
	Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 73 «Об утверждении Правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»	Определяется порядок передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства
Казахстан	Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 г. № 2337 «О правовом положении иностранцев»	Регламентирует принципы правового положения иностранцев в стране, условия временного проживания и работы иностранных граждан
Кыргызстан	Закон Кыргызской Республики от 14 декабря 1993 г. № 1296-XII «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике»	Установлены принципы правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, условия проживания иностранных граждан
Армения	Закон Республики Армения от 16 января 2007 г. № ЗР-47 «Об иностранных лицах»	Содержит нормы, регулирующие въезд/выезд, пребывание и проживание в стране иностранных лиц

Каждое государство развивает свою миграционную политику. Поэтому наличие и возникновение, как коллизий, так и пробелов в национальном законодательстве государств – членов ЕАЭС в области миграции неизбежно. Однако в целях развития евразийской интеграции и конструктивного управления миграционными потоками представляется возможным унифицировать правовые нормы, разработать единые стандарты цифровой системы учета мигрантов и усилить координацию в управлении трудовой миграцией. Цифровизация миграционных процессов подразумевает внедрение цифровых технологий в управление миграционными потоками, что позволит упростить процедуры регистрации и контроля за пребыванием мигрантов, повысить эффективность взаимодействия между странами – членами ЕАЭС.

Совершенствование правовых механизмов регулирования международной миграции государствами в рамках деятельности ЕАЭС является перспективным, так как это будет способствовать усилению экономического роста (свободное перемещение рабочей силы способствует повышению производительности труда и стимулирует экономический рост), развитию инфраструктур на территории стран ЕАЭС (совместные проекты в области транспорта, энергетики и телекоммуникаций создают новые рабочие места и привлекают трудящихся-мигрантов), укрепление социального единства (интегрированные миграционные программы способствуют улучшению взаимопонимания между народами и укрепляют социальное единство), инновационное развитие (привлечение высококвалифицированных специалистов из других стран помогает внедрять передовые технологии и развивать инновационные отрасли), повышение конкурентоспособности (эффективное использование трудовых ресурсов позволяет странам ЕАЭС конкурировать на мировом рынке и привлекать инвестиции).

Библиографический список

1. Бекяшев, Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д. К. Бекяшев. – М. : Проспект, 2015. – 392 с.
2. Ивахнюка, И. В. Международная трудовая миграция / И. В. Ивахнюк. – М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005. – 286 с.
3. Ястребова, А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Ястребова Алла Юрьевна ; Дипломат. акад. МИД РФ. – М., 2017. – 56 с. – URL: https://xn--80ae0bbf.xn--2000-94dygis2b.xn--p1ai/trud3/atrud15.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
4. Зинченко, Н. Н. Миграция населения: теория и практика международно-правового регулирования / Н. Н. Зинченко – М. : Внешторгиздат, 2003. – 264 с.
5. Урда, М. Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля / М. Н. Урда. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 288 с.
6. Киселева, Е. В. Международно-правовое регулирование миграции : учеб. пособие / Е. В. Киселева. – М. : Юрайт, 2024. – 241 с.
7. Минигулова, И. Р. Политико-правовые основы международного взаимодействия государств ЕАЭС / И. Р. Минигулова // Евразийский журнал международного права. – 2025. – № 1. – С. 62–74. – URL: https://eajil.enu.kz/index.php/main/article/view/121/8 (дата обращения: 11.04.2025).
8. Декларации и конвенции // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_nationality.shtml (дата обращения: 11.04.2025).
9. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01900511 (дата обращения: 11.04.2025).
10. Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах – членах Евразийского экономического союза 2023 г. // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/13b/z3nocsq232dptptvvq44dkfdijskp2nj/itia_13062023_doc.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
11. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, 2018 г. // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/d50/elt5bzmx1325il319znjqf7rsf56nslw/iatc_21052018_doc.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЧАСТНОЕ ПРАВО. ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

К. И. Налетов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия, kirillnaletov@gmail.com

В данной статье проведено исследования вопроса о критериях разграничения частного и публичного права, критериях разделения права на отрасли и соотношения данной антиномии с антиномией права и законодательства. Методология разграничения отражает специфические подходы русской философии права и сама по себе является фактором сближающим правовые системы государств ранее являвшихся частями Российской Империи и СССР. От решения вопроса об отнесении регулируемых общественных отношений к предмету частного права зависит ряд вопросов межгосударственной интеграции. Хотя разделение на публичное и частное право не мыслилось дихотомическим, говорить об искусственности его характера нельзя. Они развиваются параллельно, не поглощая друг друга. В статье показан объективный характер этого разделения. Напротив, разделение на отрасли законодательства (позитивного права) зависит исключительно от воли государства. В отличии от права, законодательство (в т. ч. гражданское) априори комплексно.

Ключевые слова: публичное право; частное право;гражданское законодательство;английское право; интеграция; классификация; критерии разграничения; Гражданский Кодекс Российской Федерации; Гражданский Кодекс Республики Беларусь.

CIVIL LEGISALTION AND PRIVATE LAW. PROBLEMS OF FORM AND CONTENT

K. I. Naletov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia, kirillnaletov@gmail.com

This article examines the issue of the criteria for distinguishing private and public law, the criteria for dividing law into branches, and the relationship of this antinomy with the antinomy of law and legislation. The methodology of differentiation reflects the specific approaches of the Russian philosophy of law and in itself is a factor that brings together the legal systems of the states that were formerly parts of the Russian Empire and the USSR. A number of issues of interstate integration depend on the decision on the assignment of regulated public relations to the subject of private law. Although the division into public and private law was not thought to be dichotomous, one cannot speak about the artificiality of its nature. They develop in parallel, without absorbing each other. The article shows the objective nature of this division. On the contrary, the division into branches of legislation (positive law) depends solely on the will of the state. Unlike law, legislation (including civil legislation) is a priori of a complex nature.

Keywords: public law; private law;civil legislation; English law; integration; classification; criteria of differentiation; Civil Code of Russian Federation; Civil Code of Republic of Belarus.

Разделение публичного и частного права является основной, наиболее универсальной классификацией всех правовых явлений. Разделение права и законодательства, напротив является относительным новшеством в области теории права. Одним из препятствий межгосударственной интеграции является неопределенность правового регулирования общественных отношений в России, причиной чему неочевидность иерархии правовых норм и их правовой природы.

Цель статьи предложение оптимальной модели соотношения права и законодательства, соотношения частного и публичного права, частного права и гражданского законодательства, что будет способствовать более эффективному правовому регулированию, достижения максимально возможной определенности его развития, а также успешной гармонизации и унификации норм права в рамках интеграционных процессов на территории бывшего СССР.

Политическая воля и культурно-цивилизационная общность народов безусловно являются главным фактором интеграции. Но нельзя забывать и о связях в горизонтальной плоскости – между частными лицами, связям на микроэкономическом уровне. Наличие такого рода связей позволяет поддерживать необходимые контакты в условиях даже практически полного отсутствия политического диалога между государствами и в тех областях общественных отношений, которые находятся на тот или иной момент вне сферы предметного интереса государства. Тем более, что само государство все чаще выступает в качестве субъекта частного права. Отнесение того или иного общественного отношения к области частно- или публично-правового регулирования предопределяет возможность применения к нему норм иностранного права, правовую природу инструментов регулирующих эти отношения (например о применимости норм международного публичного права к той или иной сделке).

Если ранее право и законодательство воспринимались в целом как синонимы, то современный отход от юридического позитивизма и науки и судебной практики сделал их различие более очевидным.

На пленарном заседании XII Общероссийского годового собрания теоретиков права на тему «Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям», приуроченное к 100-летию со дня рождения И. С. Самощенко 5 марта 2025 г. Д. А. Пашенцев с докладом «Теория систематизации: от классических концепций к новациям цифровой правовой среды» в какой-то момент задался вопросом: что первично право или его систематизация? Для обыденного правосознания выбор в пользу права выглядит самим собой разумеющимся – как может то, что систематизирует что-либо быть вторично тому, что оно систематизирует? В позитивистском ключе на этот вопрос отвечал Тит Ливий назвав Законы XII таблиц «*fon somnis publici privati que juris*» (источником всех публичных и частных прав). Прежде всего, тот факт, что такой вопрос возникает в принципе, сам по себе указывает на отсутствие тождества между правом и законодательством.

Данный вопрос является своего рода «эндемиком» постсоветского пространства – зарубежные исследователи практически не задаются его постановкой. Это объясняется тем, что русская философия права в существенной мере сосредоточена на нравственно-правовых принципах, являющихся (или долженствующих стать) основаниями правотворчества и правоприменения [1, с. 105] стремление к цельности знания, нацеленности на решение кардинальных проблем [2, с. 80] в связи с чем право в понимании русской философии несводимо к нормативным актам и практике их применения. Представляется, что различие права и законодательства как один из центральных вопросов правовой науки является общим для всех государств бывшего СССР.

Говоря о частном праве, трудно избежать вопроса о разграничении частного и публичного права. Формула его разграничения, принадлежащая перу Ульпиана часто приводят со ссылкой на соответствующее положение Дигест Юстиниана опуская предваряющую ее фразу – «В этом исследовании есть две позиции: публичная и частная». Таким образом, эта формула априори носит условный и целевой характер – ей изначально придавалось познавательное, но никак не регулирующее значение. Разделение права на публичное и частное, таким образом ближе к разделению Андраником Родосским метафизики и диалектики, где метафизика означала просто «то, что после физики» – оно изначально не претендовало на роль формального, юридически значимого критерия.

Критерий этого разделения изменялся неоднократно. Если первоначально к публичному праву относились «положение государства взятое во всех его отношениях, со стороны как верховенства, так и имущественных прав , то к сфере частного права относилось «регулирование сферы права частных лиц» [3, с. 95–96], т. е. критерием разграничения публичного и частного права был именно его субъект, на втором этапе во главу угла ставился уже имущественный характер частноправовых отношений. В качестве третьего, современного критерия предлагается сочетание предмета и метода правового регулирования.

Критерий предмета недостаточен – одни и те же отношения могут быть предметом разных отраслей а количество методов правового регулирования объективно ограниченно – по сути, оно сводится к разновидностям императивного и диспозитивного методов.

В качестве стабильного критерия разграничения публичного и частного права можно назвать наличие или отсутствие государственно-властного характера регулируемых отношений.

Английское право часто приводится как пример правовой системы, которой дихотомия публичного и частного права чужда. Это объясняется тем, что развитие английского права в меньшей степени зависело от государства. Классик английского права конца XIX – начала XX в. Альберт Дайси называл это чертой английской идентичности противопоставляя ее наличию во Франции административного права, «о котором мы ничего не хотим знать»[4, с. 177–179]. Однако во второй половине XX в. ситуация стала ме-

няться с началом либеральных реформ 1906 г., когда государство получило дискреционные полномочия несовместимые с представлением о законе как о простом средстве защиты права – в 1965 г. Дж. Митчелл поставил вопрос о необходимости публичного права в Англии [5, с. 5]. В результате английская правовая доктрина пришла к дилемме : либо отказаться от идеи о том, что один и тот же закон должен применяться к действиям должностных лиц государства и к действиям иных лиц, либо разработать новые доктрины административного права, гарантирующие, что государственные служащие будут ограничены законом [6, с. 95]. В итоге это привело к ситуации, описанной В. Е. Чиркиным когда Мартин Лавлин указывает на дихотомию публичное/частное право как на одну из «основных ценностей» британского права [7, с. 135] . Таким образом, неправильно говорить о разделении публичного и частного права и как о случайности или чисто историческом факте.

По мнению автора, разделение не ушло в прошлое – частное и публичное право развиваются параллельно друг другу. На современном этапе ни одно из них не может поглотить или заменить другое, возможна только их диффузия, являющаяся продуктом конфликта. Разницу между этими положениями можно проиллюстрировать аналогией между присоединением одного юридического лица к другому и их слиянием.

Что же касается законодательства, то его разделение на отрасли в гораздо большей степени зависит от воли законодателя. Соотношение гражданского законодательства и частного права иллюстрируется нормой абзаца 2 части 2 статьи 3 ГК России – нормы гражданского права, содержащиеся в других законах должны соответствовать ГК России. Второе – сам ГК России может содержать бланкетные нормы, указывающие на специальные законы, обладающие приоритетом перед общими нормами ГК России. С одной стороны право понимается как содержание законов (формы) с другой – содержание предопределяется формой. Еще более нагляден в этом смысле ГК Беларуси – согласно части 1 статьи 3 гражданское законодательство – система нормативных правовых актов, включающая в себя [нормативные правовые акты] содержащие нормы гражданского права.

Выше приводился бесспорный критерий разделения частного и публичного права – если частное право предполагает отсутствие государственно-властного характера регулируемых им отношений, то акты гражданского законодательства уточняют эту максиму – часть 3 статьи 2 ГК России и часть 4 статьи 1 ГК Беларуси содержат оговорку о возможности изменения данного правила законодательством.

Законодательство играет роль формы, а право – его содержания. В данном случае форма в значительной степени влияет на содержание, поскольку законодательство является неотъемлемой частью права. Разделение на публичное и частное право объективно, в противоположность законодательству разделение которого на отрасли произвольно в большей степени, являясь продуктом исключительно воли государства. Конвергенция норм публичного и частного права происходит в результате развития позитивного права (законодательства).

Библиографический список

1. Давыдов, Д. Г. Оособенности русской философии права / Д. Г. Давыдов // Успехи современного естествознания. – 2006. – № 12. – С. 105–105. – URL: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=13134 (дата обарщения: 01.04.2025).

2. Емельянов, Б. В. Русская философия права: становление, взаимодействия, особенности / Б. В. Емельянов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 79–93. – URL: https://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/2008/ (дата обарщения: 01.04.2025).

3. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер; пер. И. А. Базанова; под ред. проф. Ю. С. Гамбарова. — М. : т-во И. Д. Сытина, 1897. – 296 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003680355?page=1&rotate=0&theme=white (дата обарщения: 01.04.2025).

4. Dicey, A. V. Lectures Introductory to the Study of the Constitution / A. V. Dicey // London : Macmillan and Co., 1885 – 407 p. – URL: https://books.google.by/books?id=af92IaApW08C&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (date of access: 01.04.2025).

5. Priel, D. The Political Origins of English Private Law / D. Priel // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper. – 2013. – N 17. – P. 1–24. – URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/clpe/266/ (date of access: 01.04.2025).

6. Mitchell, J. D. B. The Causes and Effects of the Absence of a System of Public Law in the United Kingdom / J. D. B. Mitchell // Public law. – London : Sweet & Maxwell. – 1965. – p. 95–118. – URL: https://www.econbiz.de/Record/the-causes-and-effects-of-the-absence-of-a-system-of-public-law-in-the-united-kingdom-mitchell/10002491316 (дата обарщения: 01.04.2025).

7. Чиркин, В. Е. Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чирин // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 16–27. – URL: https://jrpnorma.ru/articles/article-2002.pdf?1765538029 (дата обращения: 01.04.2025).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

О. А. Хотько

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, khatsko@bsu.by

Статья посвящена анализу и изучению норм, касающихся развития общего транспортно-логистического пространства в Евразийском экономическом союзе. Целью статьи выступает разработка предложений о комплексном и системном регулировании транспортной политики на евразийском пространстве с учетом отражения развития общего рынка транспортных услуг и логистической деятельности, определения основных аспектов совершенствования правовых актов в контексте обеспечения интересов участников транспортной деятельности. Автором отмечается системность развития законодательства в данной сфере и неразрывность норм, что позволяет формировать системно транспортно-правовую науку. Сделаны выводы, что принципы транспортной безопасности и транспортной деятельности требуют закрепления в актах права Евразийского экономического союза. Практические выводы направлены на установление взаимодействия государств, в том числе в рамках экологизации правовых норм и расширения торгово-экономического с третьими сторонами.

Ключевые слова: общий рынок транспортных услуг; Евразийский экономический союз, транспортная политика; транспортное право; транспортное законодательство государств-членов; интеграция; гармонизация законодательства, цифровые технологии, интеллектуальная транспортная система.

THE LEGAL GROUNDS FOR THE FORMATION AND PROMISING DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE GENERAL TRANSPORT AND LOGISTICS SPACE IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

O. A. Khotko

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, khatsko@bsu.by

The article is devoted to the analysis and study of norms regarding the development of the general transport and logistics space in the Eurasian Economic Union. The purpose of the article is to develop proposals on the integrated and systemic regulation of the transport policy in the Eurasian space, taking into account the reflection of the development of the general market for transport services and logistics activities, the determination of the main aspects of improving law acts in the context of ensuring the interests of participants in transport activities. The author notes a systematic development of legislation in this area and the inextricability of norms, which allows us to form a systematic transport and legal science. The conclusions are concluded that the principles of transport safety and transport activities require the consolidation of the law of the Eurasian Economic Union in the acts

of the law. Practical conclusions are aimed at establishing interaction, including within the framework of the environmentalization of legal norms and the expansion of trade and economic with the third parties.

Keywords: the general market for transport services; Eurasian Economic Union, transport policy; transport law; transport legislation of member states; integration; Harmonization of legislation, digital technologies, intellectual transport system.

Экономика, строительство, благоустройство являются актуальными направлениями развития города, страны, регионального интеграционного объединения. Экономическая сфера общества, включая транспортную, является важной для каждого, но в настоящее время она весьма динамична. Транспортное право и реализация транспортной политики опираются на правовое регулирование, основу которого составляет конституционное, административное, финансовое право, а в современных условиях необходимостью является понимание интеграционного права и учет интеграционных процессов, неизбежно связанных с осуществлением транспортной политики в государстве. Роль права возрастает в связи с потребностью регулирования области функционирования цифровых сервисов и учета развития технологической политики, обеспечения технологического суверенитета на государственном и межгосударственном уровнях.

Несмотря на наличие некоторых работ правового и экономического характера, касающихся перспектив развития транспортной логистики в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) [1–4], отсутствует единый научный подход, позволяющий учитывать происходящие в мире изменения и применять единообразно правовые нормы в рамках права ЕАЭС. В свете этого, а также учитывая возрастающее количество актов в данной сфере, проблема укрепления правовых регуляторов является, несомненно, актуальной.

Важным вопросом в рамках данной темы является проведение анализа актов транспортного законодательства государств-членов ЕАЭС и посредством этого – определить, насколько системно сформирована правовая база или она находится в стадии формирования. В.С. Белых отмечает, что именно сейчас в эпоху цифровой трансформации «назрела необходимость перестройки существующего транспортного законодательства» [5, с. 103], при этом, как справедливо он подчеркивает, «большое количество нормативных актов в какой-либо сфере, в том числе и в транспортной, не является признаком успешности правового регулирования» [5, с. 103].

Основной идеей ЕАЭС является построение внутреннего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, который предполагает ликвидацию барьеров во внутренней торговле. Проблема возникает ввиду ограничительных мер в отношении государств – участников ЕАЭС, что оказывает негативное воздействие на интеграционное объединение. С практической точки зрения данная проблема имеет значение в контексте поиска правовых средств защиты внутреннего рынка от такого воздействия, что поспособствует не только сокращению торговых барьеров, но и укреплению

региональной интеграции при формировании интегрированного транспортного пространства.

Исследователи подчеркивают, что единство правоотношений в транспортном праве весьма неоднозначно и до устоявшегося (или превалирующего) мнения о транспортном праве как отрасли права еще далеко, но вместе с тем, по нашему мнению, и экспертной оценке ведущих российских ученых трансформация транспортного законодательства необходима с учетом динамичности отрасли и внедрения новых видов транспорта, не всегда оперативно получающих комплексное правовое регулирование.

В Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» закреплены направления формирования общего транспортно-логистического пространства, которые в целом сопряжены с направлениями сотрудничества в сфере технологического развития. В частности, первоочередными приоритетами являются координация усилий по совместному развитию транспортной и цифровой инфраструктуры в целях увеличения транзитных перевозок грузов, включая создание логистических центров; повышение транспортной связанности государств-членов с рынками третьих стран, учет законодательства сторон и положений международных договоров при выстраивании общего логистического и торгово-экономического пространства, сближения подходов к внедрению электронных документов для свободного перемещения товаров на евразийском пространстве и других. В то же время в рамках развития общего транспортного рынка и логистики в ЕАЭС необходимо учитывать такие аспекты технологической политики, как создание условий для доступа к цифровым услугам, предоставляемым в государствах – членах ЕАЭС, разработка общих подходов к сотрудничеству относительно климатической повестки исходя из принципов функционирования общего рынка ЕАЭС. Соответственно, создание равных и паритетных условий оказания транспортных услуг и беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств на основе гармонизированного законодательства государств-членов, является залогом осуществления скоординированной (согласованной) транспортной политики в ЕАЭС с учетом выполнения обязательств государств-членов.

Так, сближение национальных правовых систем в транспортной сфере, которое заключается в выработке норм, направленных на единообразное регулирование транспортных правоотношений, становится ответом на современный запрос общества и те вызовы, которые уже возникли перед государства – членами ЕАЭС. В в целях сближения права в более широком смысле в соответствующей сфере требуется введение в действие норм, выработанных на пространстве ЕАЭС, обеспечение их применения и толкования, в некоторых случаях – системная работа по их дополнению и изменению с учетом возможностей развития законодательства государств-членов интеграционного объединения. Межгосударственные

и международные акты, касающиеся функционирования транспорта, составляют весомую позицию для развития национального транспортного законодательства, поскольку Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства.

Приведем примеры развития актов права ЕАЭС, определяющие направления формирования общего транспортного пространства. Прежде всего согласимся с позицией Т. Н. Михалёвой о том, что Союз в силу его особой правосубъектности рассматривается как особый субъект, отличный от государств и международных организаций [6, с. 610], потому, полагаем, все акты имеют весомое значение, включая акты рекомендательного характера. Так, Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 27 «О согласованных подходах к взаимодействию национальных интеллектуальных транспортных систем, в том числе в целях совершенствования транспортного (автомобильного) контроля» оказала непосредственную роль на дальнейшее развитие права ЕАЭС, что доказывается разработкой Концепции по совершенствованию взаимодействия интеллектуальных транспортных систем государств-членов Евразийского экономического союза в рамках Евразийского экономического союза», одобренной распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 22 января 2025 г. № 3, в которой определены как цели, задачи и принципы взаимодействия в данной области отношений, так и намерение подготовить ряд документов по обеспечению взаимодействия в данной сфере. Одним из направлений сотрудничества для выработки эффективных мер взаимодействия государств-членов выступает разработка проектов технических документов, регулирующих данные вопросы. К этапам реализации Концепции отнесены меры институционального (создание подкомитета по взаимодействию интеллектуальных транспортных систем государств-членов в рамках Комитета по транспорту и инфраструктуре) и правового характера (унификация требований по информационному взаимодействию интеллектуальных транспортных систем государств-членов, разработка рекомендаций Коллегии Евразийской экономической комиссии по вопросам взаимодействия государств – членов ЕАЭС).

Стоит отметить и важнейший элемент в рамках исследуемого вышеуказанного документа, касающийся закрепления понятия «интеллектуальная транспортная система», в котором отражены цели ее действия и внедрения. Это свидетельствует о том, что принимаемые акты, такие как рекомендации, «несмотря на свою необязательность, тем не менее часто выполняются сторонами» [7, с. 144], и оказывают такой эффект, который не позволяет оставить в стороне важнейшие положения, отраженные в актах мягкого права Союза. Более того, при их подготовке вышеуказанной Концепции учитывало решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19 «Об утверждении Основных направлений и этапов скоординированной (согласованной) транспорт-

ной политики государств-членов Евразийского экономического союза», распоряжения евразийского межправительственного совета от 1 октября 2024 г. № 15 «О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов Евразийского экономического союза на 2024–2026 годы» в рамках таких задач, как координация развития транспортной инфраструктуры, интеграция транспортных систем государств-членов в мировую транспортную систему, принятие согласованных мер с учетом реализации Целей устойчивого развития ООН на период до 2030 г. на основе анализа международного передового опыта.

Обратим внимание, что автором ранее были выявлены проблемы недостаточности регулирования данной сферы в Республике Беларусь [8], которые могут тормозить общие процессы внедрения интеллектуальных транспортных систем в ЕАЭС, а также показана необходимость расширения принципов, направленных на обеспечение безопасности транспортной деятельности в актах права Евразийского экономического союза [9]. Так, с учетом принятой Концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС от 14 ноября 2023 г. видится взаимосвязь с обеспечением реализации принципа экологичности скоординированной (согласованной) транспортной политики, что отражено в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2024 г., и в связи с этим предлагаем дальнейшие меры по применению норм вышеназванной Концепции. Начинать важно с двух позиций: а именно отразить реализацию задачи снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду через принятие Рекомендаций Коллегии Евразийской экономической комиссии о гармонизации законодательства в области обеспечения экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности и в перспективе утвердить Концепцию обеспечения экологической безопасности при проведении скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС, в национальном экологическом законодательстве целесообразно закрепить требования экологической безопасности к транспортной деятельности, что поспособствует обмену опытом и реализации принципов внедрения «зеленой» экономики в ЕАЭС и осуществлению иных мер по совершенствованию интеграционного взаимодействия в рамках выработки скоординированных позиций в области транспорта в целях учета интересов государств-членов Союза.

Решение ряда вопросов, еще не получивших системного регулирования в актах права ЕАЭС, позволит в перспективе реализовать проекты в едином цифровом пространстве, поспособствует формированию безопасных условий развития государств – членов ЕАЭС при модернизации норм безопасности транспортной деятельности и реализации соответствующего принципа транспортной политики ЕАЭС, укрепит качество и эффективность использования цифровых технологий в транспортной логистике.

В заключение стоит констатировать следующие тенденции развития общего транспортно-логистического пространства и транспортного взаи-

модействия на евразийском пространстве посредством права. Во-первых, процессы гармонизации законодательства, разработка мер, направленных на минимизацию проблем и расширение сотрудничества в данной сфере, позволят завершить формирование единого транспортного рынка в рамках ЕАЭС, что возможно в первую очередь на базе обоснованных научно-методологических правовых подходов, которые на данном этапе находятся на этапе становления либо прослеживается их параллельная разработка. Вместе с тем, стоит отметить, что развитие транспортно-правовой науки в государствах – членах ЕАЭС еще не осуществляется на том необходимом уровне, который поспособствует совершенствованию национального законодательства. Это в значительной степени повлияет на обеспечение эффективности осуществления задач по реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС с учетом геополитических и геоэкономических вызовов. Во-вторых, сложилась системность и комплексность в развитии актов права ЕАЭС в исследуемой сфере, что и нацеливает на расширение транспортно-правовой науки. При этом для эффективности взаимодействия государств требуется обновление правовых норм путем развития и уточнения принципов транспортной деятельности в законодательстве, что будет отвечать современному уровню развития транспортно-логистических услуг в ЕАЭС.

Библиографический список

1. Хотько, О. А. Проблемы правового регулирования транспортных отношений в Республике Беларусь с учетом реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС / О. А. Хотько // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 10. – С. 27–33. – URL: https://justbel.info/journal/archive/415?rubricId=2086&page=1 (дата обращения: 01.04.2025).

2. Хотько, О. А. Развитие транспортного законодательства в Союзном государстве, Евразийском экономическом союзе и правовых основ государственного управления в транспортной сфере в Республике Беларусь / О. А. Хотько // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права: материалы II науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.), В. С. Михайловский, Н. М. Шевко. – Минск : БГУ, 2024. С. 133–140. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/311971 (дата обращения 14.04.2025).

3. Аксенов, И. А. Перспективы развития транспортной логистики в ЕАЭС / И. А. Аксенов // Трансп. право. – 2024. – № 10. – С. 2–3. – URL: https://lawinfo.ru/articles/7697/perspektivy-razvitiya-transportnoi-logistiki-v-eaes/ (дата обращения: 14.04.2025).

4. Румянцев, В. А. Совершенствование направлений формирования транспортной инфраструктуры в рамках сотрудничества ЕАЭС – КНР / В. А. Румянцев // Новые форматы белорусско-китайского экономического сотрудничества как фактор обеспечения национальной безопасности / Т. С. Вертинская и др. ; науч. ред. Т. С. Вертинская ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Белорус. навука, 2024. – С. 185–192. – URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=451332%5C%5C#headers (дата обращения: 14.04.2025).

5. Белых, В. С. Проблемы кодификации транспортного права / В. С. Белых // Актуальные проблемы транспортного права / под ред. А. В. Габова, С. Ю. Морозова. – М. : Проспект, 2023. – С. 98–120.

6. Михалёва, Т. Н. Правосубъектность Евразийского экономического союза как международной организации региональной интеграции / Т. Н. Михалёва // Правовая политика, наука, практика – 2024: сб. материалов Респ. научно-практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. – Минск : НЦЗПИ, 2024. – С. 609–613.

7. Довгань, Е. Ф. Понятие, виды, характеристики и роль мягкого права в современном международном праве / Е. Ф. Довгань // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2017. – Вып. 12. – С. 135–146.

8. Хотько, О. А. Проблемы правового регулирования эксплуатации интеллектуальных транспортных систем (на примере законодательства Республики Беларусь, Союзного государства и права Евразийского экономического союза) / О. А. Хотько // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч. конф., Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. / Казан. инновац. ун-т; под ред. Е.А. Громовой [и др.]. – Казань, Изд-во «Познание». – 2023. – Т. 6. – № 9. – С. 369–376.

9. Хотько, О. А. Правовые принципы транспортной деятельности в Евразийском экономическом союзе в контексте развития торгово-экономического сотрудничества / О. А. Хотько // Коммерческое право. – 2024. – № 1. – С. 27–37.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ЦИФРОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н. М. Шевко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sheuko@bsu.ru

Транспортно-логистический комплекс Евразийского экономического союза играет ключевую роль в развитии глобальных цепочек поставок. В то же время динамичное развитие цифровизации транспортной отрасли Союза способствует развитию кросс-отраслевых проектов, одним из которых является экосистема цифровых транспортных коридоров, которая выступает цифровым инструментом в достижении целей цифровой трансформации транспортно-логистических процессов в ЕАЭС. Создание единой правовой основы регулирования экосистемы цифровых транспортных коридоров будет способствовать устранению существующих барьеров и неравных условий на наднациональном, национальном и техническом уровнях. Усилия Республики Беларусь в качестве государства, которое председательствует в Евразийском экономическом союзе, особо направлены на завершение формирование единого транспортного пространства с учетом высоких темпов цифровой трансформации транспорта на глобальном уровне и в рамках концепции *Digital Union*.

Ключевые слова: транспортная отрасль; транспортные коридоры; экосистема цифровых транспортных коридоров; цифровая повестка ЕАЭС; цифровая трансформация; единое транспортное пространство; правовое регулирование; цифровые платформы и сервисы; цифровая инфраструктура.

PERSPECTIVES FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL TRANSPORT CORRIDOR ECOSYSTEM IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LEGAL ASPECT

N. M. Shevko

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, sheuko@bsu.by

The transport and logistics complex of the Eurasian Economic Union plays a key role in the development of global supply chains. At the same time, the dynamic development of digitalization of the Union's transport industry promotes the development of cross-industry projects, one of which is the ecosystem of digital transport corridors, which acts as a digital tool in achieving the goals of digital transformation of transport and logistics processes in the EAEU. The creation of a unified legal framework for regulating the ecosystem of digital transport corridors will contribute to the elimination of existing barriers and unequal conditions at the supranational, national and technical levels. The efforts of the Republic of Belarus, as the state that holds the presidency of the Eurasian Economic Union, are particularly aimed at completing the formation of a single transport space, taking into account the high rates of digital transformation of transport at the global level and within the framework of the Digital Union concept.

Keywords: transportation industry; transportation corridors; ecosystem of digital transport corridors; EAEU digital agenda; digital transformation; common transport space; legal regulation; digital platforms and services; digital infrastructure.

Одним из характерных признаков современных международных отношений является множественность видов интеграционного взаимодействия. Разнообразны формы интеграционных объединений, направления сотрудничества, каждому из которых корреспондируют определенные способы правового обеспечения. Интеграция может происходить в различных сферах – экономической, политической, социальной и др. [1, с. 44]. Стоит согласится с тем, что ставка на транспортную отрасль, как ведущую, является необходимым условием развития такого интеграционного объединения, как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) [2, с. 197]. Начиная с 2015 г. за период своего функционирования ЕАЭС достиг определенных результатов, позволяющих констатировать, что евразийское интеграционное объединение является одним из значимых в мире, как и Европейский союз [3, с. 26]. ЕАЭС является одним из самых молодых интеграционных объединений. При этом, государствами – членами ЕАЭС принимаются во внимание актуальность цифровизации экономических процессов при формировании общего транспортно-логистического пространства и международных перевозок [4, с. 218]. Учитывая то, что цифровая трансформация транспортной отрасли направлена на внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в объекты транспортной деятельности, в систему управления и процессы, от ЕАЭС требуется выработка наиболее эффективных подходов к цифровой трансформации транспорта и создание новых правовых норм с тем, чтобы эффективно использовать транспортно-логистический потенциал Союза, в том числе транзитный (Восток – Запад – Восток), и интегрироваться в глобальные цифровые транспортные коридоры.

Экосистема цифровых транспортных коридоров (ЭЦТК) выступает одной из инициатив цифровой повестки (далее – ЦП) ЕАЭС. В 2017 г. Высший Евразийский экономический совет утвердил основные направления реализации ЦП ЕАЭС до 2025 г. Документ определяет цели, принципы, задачи, направления и механизмы сотрудничества государств – членов Союза в цифровой сфере. ЦП ЕАЭС ориентирована на актуализацию сложившихся механизмов интеграционного взаимодействия в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, обеспечение качественного и устойчивого экономического роста в государствах-членах, в частности, для ускоренного перехода экономик на новую технологическую парадигму и развития новых отраслей, рынков и трудовых ресурсов [5]. В силу того, что ЦП ЕАЭС предполагает применение не только ИКТ, но и создание новых бизнес-процессов, цифровых моделей и цифровых активов, современные бизнес- экосистемы в сфере транспорта и логистики становятся новой формой организации участников перевозочного процесса (участников цепей поставок), а лежащие в их основе цифровые платформы – цифровым инструментом обеспечения их координации и эффективного управления [6, с. 86]. В этом смысле отличительной особенностью ЭЦТК от цифровых транспортных коридоров, как «совокупность маршрутов, интегрированных в том числе в сеть международных

транспортных коридоров.., а также совокупность технологических и организационно-правовых условий...» [7, с. 3], является то, что это не только открытая цифровая среда для обмена информацией о логистике, но и цифровые платформы и информационные системы, принадлежащие и управляемые бизнесом и (или) органами государственной власти. Так, ЭЦТК включает в себя информацию о транспортных средствах, экипажах, грузах, разрешениях и сопроводительных документах на всех этапах транспортной или технологической деятельности. Развитие и внедрение ЭЦТК на наднациональном, национальном и техническом уровнях призваны устранить такие барьеры на пути цифровой трансформации транспортной отрасли ЕАЭС как: бумажная работа в сфере транспорта и логистики; трудности в обмене данными; недостаточность общих стандартов для транспортных и логистических услуг; отсутствие прозрачности интегрированной системы надзора, основанной на анализе данных, которая избавит транспортных операторов от административной нагрузки.

Стоит отметить, что ключевые концепции и подходы к созданию ЭЦТК были представлены и одобрены Консультативным подкомитетом Департамента транспорта и инфраструктуры на заседании, экспертами на панельной сессии «Единая евразийская транспортно-логистическая система как основа транзитного потенциала» в рамках Международного форума «Транзитный потенциал Евразийского континента», проходящего 30 сентября – 1 октября 2019 г. в Ереване (Республика Армения). В дальнейшем концепция формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров была поддержана распоряжением Евразийского межправительственного совета «О формировании экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» 2020 г. [8]. Знаменательным является то, что исходя из Плана мероприятий по формированию ЭЦТК ЕАЭС предусмотрена «разработка проектов международных договоров и актов, составляющих право Союза, в области цифровых транспортных коридоров» [8], что свидетельствует об актуальности и перспективах развития надлежащего правового регулирования, основанного на эффективной реализации актов права ЕАЭС [9, с. 202-201]. Действительно, как отмечают специалисты, недостаток регулирования оборота данных ощущается при реализации кросс-отраслевых проектов. В силу того, что ЭЦТК является кросс-отраслевым проектом, в рамках которого организуется трансграничное взаимодействие сервисов, оказываемых не только органами государственной власти, но и бизнесом, правовое обеспечение регулирования оборота данных в ЕАЭС установить правовые основы цифровой трансформации транспортно-логистических процессов как в Союзе, так и за его пределами, а также равные (недискриминационные) условия для всех участников транспортно-логистического хаба ЕАЭС. Так, например, принятие Соглашения об обмене данными между государствами – членами ЕАЭС будет способствовать обеспечению оперативного обмена информацией между таможенными службами, упрощению и цифровизации таможенного администрирования тран-

зитных перевозок грузов в международном сообщении, развитию единой системы таможенного транзита ЕАЭС, в том числе за счет подключения к ней заинтересованных государств, не входящих в ЕАЭС, в соответствии с правом ЕАЭС [10, с. 6-7]. В продолжении отметим, что 19 ноября 2020 г. было подписано Соглашение об образовании Консорциума «Цифровые транспортные коридоры Евразийского экономического союза» (далее – Консорциум). Консорциум создан с целью обеспечения координации деятельности в инновационной сфере развития транспортно-логистических сервисов и цифровой инфраструктуры экосистемы цифровых транспортных коридоров на территории государств – членов ЕАЭС. Среди основных задач консорциума стоит выделить: развитие международных транспортных коридоров; организация информационного взаимодействия с мировыми цифровыми экосистемами в области транспорта и логистики; реализация комплекса взаимосвязанных мероприятий по обеспечению развития сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС [11].

В свою очередь, создание ЭЦТК на национальном уровне предусмотрено Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. N 87 «О реализации проекта «Создание информационно-коммуникационной «витрины» национальных сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС». Ключевая цель создания информационно-коммуникационной «витрины» национальных сервисов ЭЦТК ЕАЭС заключается в организации коммуникационного и сервисного взаимодействия национальных элементов цифровых сервисов государств – членов Союза с пользователями, а также формировании цифровой инфраструктуры (в части данных) для реализации экосистемы цифровых транспортных коридоров Союза с использованием возможностей Интегрированной информационной системы Союза [12]. Стоит дополнить, что цифровой суверенитет каждого государства – члена ЕАЭС лежит в основе формирования национальных «витрин» сервисов, как элементов ЭЦТК ЕАЭС.

В заключении отметим, что с 1 января 2025 г. Республика Беларусь в третий раз приняла председательство в органах ЕАЭС. Завершение формирования единого транспортного пространства является одним из основных приоритетов и закладывает фундамент для старта нового этапа и воплощения в жизнь Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь». В этой связи развитие «бесшовных» и безопасных международных транспортных коридоров представляется особенно важным [13]. В свою очередь, реализация потенциала ЭЦТК в цифровой трансформации транспортной отрасли ЕАЭС обуславливает необходимость разработки и принятия инновационных правовых инструментов, направленных как на устранение существующих барьеров в организации трансграничного взаимодействия сервисов, так и на формирование единой правовой основы функционирования ЭЦТК ЕАЭС.

Библиографический список

1. Михалёва, Т. Н. Правовое обеспечение социально-гуманитарного измерения интеграции / Т. Н. Михалёва // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 16 апр. 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 43–45. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322210 (дата обращения: 14.04.2025).

2. Хохлова, Е. В. Перспективы создания общего рынка транспортных услуг ЕАЭС / Е. В. Хохлова, Д. С. Григорьев, В. А. Левченко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2023. – № 2 (95). – С. 197–205. – URL: https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/2468/2440 (дата обращения: 14.04.2025).

3. Тарарышкина, Л. И. Формирование общего рынка транспортных услуг как фактор эффективности евразийской интеграции / Л. И. Тарарышкина, Т. А. Ястреб // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2021. – № 3 – С. 25–37. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/90300 (дата обращения: 14.04.2025).

4. Хотько, О. А. Правовые основания цифровизации транспортной деятельности: интеграционно-правовой аспект / О. А. Хотько // Сборник матер. публик. науч.-практ. конф. / НЦЗПИ. – Минск, 2023. – С. 218–221.

5. Цифровая повестка ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/materials/docs.php (дата обращения: 14.04.2025).

6. Бубнова, Г. В. Концептуальные и организационно-технологические решения по формированию цифровых платформ управления перевозками по международным транспортным коридорам / Г. В. Бубнова, А. Е. Борейко // Мир транспорта. – 2022. – № 4 (101). – С. 86–97. – URL: https://mirtr.elpub.ru/jour/article/view/2335/4102 (дата обращения: 14.04.2025).

7. Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств членов ЕАЭС: Решение Высш. Евраз. экон. совета, 26 дек. 2016 г., № 19 // Электр. фонд правов. и нормат. тех. док.-тов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/456056120 (дата обращения: 14.04.2025).

8. О формировании экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС: Распоряжение Евраз. межправ. совета, 31 янв. 2020 г., N 4 // Электр. фонд правов. и нормат. тех. док.-тов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/564200761 (дата обращения: 14.04.2025).

9. Хотько, О. А. Актуальные вопросы совершенствования права Евразийского экономического союза в контексте укрепления интеграции и координации развития транспортной инфраструктуры / О. А. Хотько // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права : материалы науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), А. В. Шидловский, Н. М. Шевко. – Минск : БГУ, 2023. – С. 200-206. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/299296 (дата обращения: 14.04.2025).

10. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» // Право ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/en/documents/165/7894/ (дата обращения: 14.04.2025).

11. Подписано Соглашение об образовании Консорциума «Цифровые транспортные коридоры ЕАЭС» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/november/56769/ (дата обращения: 14.04.2025).

12. О реализации проекта «Создание информационно-коммуникационной «витрины» национальных сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС» : решение Совет. Евраз. эконом. ком. щт 14 сент. 2021 г. N 87 // Право ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/386/6107/ (дата обращения: 14.04.2025).

13. Обращение главам государств – членов ЕАЭС // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/events/obrasenie-glavam-gosudarstv-clenov-evrazijskogo-ekonomiceskogo-souza (дата обращения: 14.04.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

И. И. Шишковец[1)], Д. А. Сысой[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ShishkovetsII@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, meowmeowg@bk.ru

Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования деятельности Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд). На основе результатов анализа международного законодательства и подходов исследователей устанавливаются проблемы правового регулирования Суда, которые негативно влияют на единообразное правоприменения и эффективность данного института, связаны с отсутствием в праве ЕАЭС положений, регулирующих порядок отбора на должности судей и закрепляющих их правовой статус, устанавливающих юрисдикцию консультативных заключений Суда и полномочия физических лиц на обращение в Суд за защитой своих прав.

Обоснованы конкретные предложения по совершенствованию положений, регулирующих порядок отбора на должности судей и закрепляющих их правовой статус, устанавливающих юрисдикцию консультативных заключений Суда и полномочия физических лиц на обращение в Суд за защитой своих прав. В частности, предложения по корректировке и дополнению положений статей 9, 47, 39 Статута Суда ЕАЭС, а также предложение по дополнению Приложения № 34 к Договору.

Ключевые слова: евразийская интеграция; суд ЕАЭС; состав и структура Суда; назначение судей; статус судьи; физические лица; совершенствование региональной интеграции; консультативные заключения.

LEGAL REGULATION OF THE EAEC COURT: PROBLEMS, SOLUTIONS

I. I. Shiskovets[a], D. A. Sysoy[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ShishkovetsII@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus meowmeowg@bk.ru

The article is devoted to the analysis of topical issues of legal regulation of the activities of the Court of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU Court, the Court). Based on the results of the analysis of international legislation and the approaches of researchers, the author identifies the problems of legal regulation of the Court, which negatively affect the uniform law enforcement and the effectiveness of this institution, are associated with the lack of provisions in the EAEU law regulating the procedure for selecting judges and fixing their legal status, establishing the jurisdiction of the Court's advisory opinions and the powers of individuals to apply to the Court for the protection of their rights. Specific proposals for improving the legal regulation of the EAEU Court, ways to solve existing problems are substantiated.

Specific proposals have been substantiated to improve the provisions governing the procedure for selecting judges and enshrining their legal status, establishing the jurisdiction of the Court's advisory opinions and the powers of individuals to apply to the Court for the protection of their rights. In particular, proposals to amend and supplement the provisions of Articles 9, 47, 39 of the Statute of the EAEU Court, as well as a proposal to supplement Annex No 34 to the Treaty.

Keywords: eurasian integration; the EAEU court; the composition and structure of the Court; appointment of judges; the status of a judge; Individuals; improving regional integration; advisory opinions.

В современных условиях активизируется международное сотрудничество государств, которое объективно сопровождается межгосударственными спорами и конфликтами между его субъектами, что обусловливает необходимость международных судебных органов, предназначенных как для их разрешения, так и для поддержания интеграционного правопорядка и атмосферы добрососедства.

Судебные органы выступают обязательным элементом институциональной системы для множества региональных интеграционных объединений, обеспечивающим единообразное применение договорных положений их субъектами, укрепление и развитие интеграционных процессов. При этом они обладают определенными полномочиями, действуя исключительно в тех рамках, которые предоставлены ему государствами-членами интеграционного объединения, не подменяя их суверенных функций.

В системе международной интеграции важное место занимает Евразийская интеграция – явление, объективно обусловленное историческими, геополитическими, экономическими, социокультурными и иными факторами, объективно обусловленная стремлением постсоветских государств после развала СССР сохранить разветвленные внутри- и межотраслевые хозяйственно-экономические связи.

Формой Евразийской интеграций является Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), одним из важнейших институтов которого является Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд), обеспечивающий гармонизацию применения договорных положений субъектами, разрешение исключительно экономических споров в целях укрепления и развития интеграционных процессов.

Суд ЕАЭС является судебным органом Союза, образованный и функционирующий на постоянной основе в соответствии с положениями Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), Статута Суда ЕАЭС (далее – Статут) отраженном в приложении № 2 к данному Договору, а также Регламентом Суда ЕАЭС, который утвержден решением Высшего совета от 23 декабря 2014 г. № 101. Целями его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза, международных договоров ЕАЭС, его международных договоров с третьими странами и решений органов Союза [1, с. 129].

Данный институт начал свою деятельность с 1 января 2015 г. со вступлением в силу Договора о Союзе, после прекращения функционирова-

ния Суда Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) на основании Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г.

В настоящее время Суд ЕАЭС находится на стадии становления и развития, а его функционирование требует совершенствования, на что указывал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Так, в обращении к главам государств – членов ЕАЭС от 9 января 2020 г. глава нашего государства указал на то, что назрела необходимость усовершенствовать институциональную структуру Союза, приведения компетенции Суда ЕАЭС в соответствие с современными и перспективными этапами развития евразийской интеграции [2]. На необходимость повышения эффективности судебной системы Союза было указано и в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденной в 2020 г.

В настоящее время исследователи интеграционных процессов акцентируют внимание на имеющихся проблемах в сфере правового регулирования Суда ЕАЭС, которые негативно влияют на реализацию его цели, эффективность обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза, международных договоров ЕАЭС, его международных договоров с третьими странами и решений органов Союза, что требует внимания.

Прежде всего это относится к правовому регулированию порядка отбора на должности судей. Так, в соответствии с положениями Статута Суда ЕАЭС в его состав входят по два судьи от каждого государства члена, срок полномочий судьи – девять лет. Судьи должны соответствовать традиционным для судей международных судебных органов критериям: обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и национального права, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. Они назначаются Высшим Евразийским экономическим советом по представлению государств-членов, а при вступлении в должность приносит присягу. Если суд был учрежден государствами, то судьи назначаются (избираются) в государстве своего гражданства, если же суд учрежден международной организацией, то они назначаются высшим органом такой организации [1, с. 130].

Данная особенность приводит к зависимости процедуры отбора судей от национальных практик. По мнению А. Н. Савенкова, К. Л. Чайка и др., отбор кандидатов на должности судей правом Союза не урегулирован унифицированным образом и остается на усмотрение государства-члена, что ставит под сомнение объективность судебных решений [3, с.152]. В этой связи целесообразно статью 9 Статута Суда ЕАЭС изложить в следующей редакции: «Судьи Суда должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов

государств-членов. Государства-члены при отборе кандидатов на должности судей Суда ЕАЭС руководствуются вышеизложенными требованиями, осуществляют отбор на конкурсной основе лиц для утверждения кандидатуры судьи комиссии судейского отбора».

В целях обеспечения объективного и беспристрастного рассмотрения дел Судом ЕАЭС объективно требуется высокий уровень гарантий, предоставляемых судьям Суда. К сожалению, в настоящее время право Союза не регулирует статус судей Суда, хотя положения Статута определяют статус должностных лиц и сотрудников и аппарата Суда. Привилегии и иммунитеты судей определены в Положении о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору), анализ которого свидетельствует о том, что регламентация правового положения судей Суда аналогично правовому положению членов Коллегии Комиссии, хотя они и реализуют различные цели, задачи и функции, что обусловливает необходимость их дифференцированного правового регулирования.

А. Н. Савенков, К. Л. Чайка и др. справедливо указывают на необходимость принятия Соглашения о статусе судей Суда ЕАЭС, в котором отразить стандарты гарантий независимости судьи, действующих как в период исполнения полномочий, так и после выхода в отставку, которое закрепить в Приложении № 34 к Договору [3, с.154].

Необходимо отметить, что правопреемство Суда ЕАЭС, выраженное в переход его прав и обязанностей к Суду ЕАЭС, в отличие от Евразийской экономической комиссии, не состоялось. Хотя в статье 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС и указано, что решения Суда ЕАЭС продолжают действовать в прежнем статусе [4].

Имеются проблемы, связанные с отсутствием у Суда ЕАЭС юрисдикции по вынесению консультативных заключений преюдициального характера, т. е. обязательности для всех судов, рассматривающих дело, принятия без проверки доказательств фактов, ранее установленных вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица. В настоящее время консультативные заключения Суда ЕАЭС носят рекомендательный характер, что снижает их влияние на правоприменительную практику. К примеру, в Европейском союзе аналогичные заключения Суда (например, по широко известному делу *Costa v. ENEL* (1964)) имеют обязательную силу, формируя прецеденты для национальных судов.

По мнению П. П. Мысливского, рекомендательный статус консультативных заключений Суда ЕАЭС снижает их эффективность, создавая риски фрагментации правоприменения, особенно в сфере технических регламентов. А отсутствие санкции за неисполнение консультативного заключения снижает эффективность Суда ЕАЭС [5, с. 85]. И. С. Иксанов и И. Ю. Косырев полагают, что необходимо предоставить Суду ЕАЭС полномочия по вынесению преюдициальных решений, называя отсутствие у него такого права регрессным шагом, который может привести к негатив-

ным правовым последствиям. Согласно с их мнением, данную коллизию можно разрешить путем внесения в Статут Суда ЕАЭС соответствующих дополнений [6].

В связи с этим, целесообразно статью 47 Статута Суда ЕАЭС изложить следующим образом: «Осуществление Судом разъяснения означает предоставления консультативного заключения, обязательного для соответствующих субъектов ЕАЭС».

В соответствии с положениями Статута Суда ЕАЭС, правом на обращение в Суд обладают только государства-члены и хозяйствующие субъекты. Физические лица исключены из числа субъектов, что не способствует в защите их прав. Как подчеркивает М. А. Сарсембаев, это противоречит принципам правовой интеграции, поскольку граждане вынуждены действовать через национальные суды, решения которых не всегда согласуются с правом ЕАЭС [7, с. 81]. Для сравнения, в Европейском союзе (ЕС) физические лица вправе напрямую обращаться в Суд ЕС для оспаривания решений институтов, что обеспечивает защиту их прав. В соответствии со статьей 263 Договора о функционировании Европейского союза, любое физическое лицо вправе обжаловать акты, адресатом которых оно является либо которые непосредственно и индивидуально его затрагивают [8].

По мнению М. А. Сарсембаева, введение аналогичного механизма в ЕАЭС потребует внесения изменений в Статут по аналогии с данной статьей, но позволит повысить легитимность Суда как наднационального института [8, с. 84].

Результаты вышеизложенного дают основания для следующих выводов:

– актуальные проблемы правового регулирования Суда ЕАЭС, которые негативно влияют на реализацию его цели, эффективность обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза, международных договоров ЕАЭС, его международных договоров с третьими странами и решений органов Союза, связаны с отсутствием в праве ЕАЭС положений, регулирующих порядок отбора на должности судей и закрепляющих их правовой статус, устанавливающих юрисдикцию консультативных заключений Суда и полномочия физических лиц на обращение в Суд за защитой своих прав.

Для разрешения указанных проблем целесообразно:

– статью 9 Статута Суда ЕАЭС отразить в следующей редакции: «Судьи Суда должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также, соответствовать предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. Государства-члены при отборе кандидатов на должности судей Суда ЕАЭС руководствуются вышеизложенными требованиями, осуществляют отбор на конкурсной основе лиц для утверждения кандидатуры судьи комиссии судейского отбора»;

– разработать и утвердить Соглашение о статусе судей Суда ЕАЭС, в котором отразить стандарты гарантий независимости судьи, действую-

щие как в период исполнения полномочий, так и после выхода его в отставку, которое закрепить в Приложении № 34 к Договору;

– статью47 Статута Суда ЕАЭС сформулировать в следующей редакции: «Осуществление Судом разъяснения означает предоставления консультативного заключения, обязательного для соответствующих субъектов ЕАЭС»;

– статью 39 Статута Суда ЕАЭС дополнить следующим положением: «Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлениям физических лиц, связанные с нарушениями их законных прав.

Реализация этих мер позволит усилить роль и значимость Суда ЕАЭС как гаранта правопорядка, будет способствовать обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза, международных договоров ЕАЭС, его международных договоров с третьими странами и решений органов Союза.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Национальный правовой Интреннет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 09.03.2025).
2. Обращение Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко к главам государств – членов Евразийского экономического союза // Президент Республики Беларусь. – 09.01.2020. – URL: https://president.gov.by/ru/events/obraschenie-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-22827 (дата обращения: 12.04.2025).
3. Савенков, А. Н. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС : монография / А. Н. Савенков, К. Л. Чайка, Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин. – М. : Проспект, 2021. – 352 с. – URL: https://publications.hse.ru/books/557235266 (дата обращения: 14.04.2025).
4. Договор о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г. // Кодекс. – URL: https://docs.cntd.ru/document/420227082 (дата обращения: 12.04.2025).
5. Мысливский, П. П. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза / П. П. Мысливский // Москов. журн. междунар. права. – 2021. – №3. – С. 78–97. – URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/2526 (дата обращения: 12.04.2025).
6. Иксанов, И. С. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности суда евразийского экономического союза / И. С. Иксанов, И. Ю. Косырев // Гуманитар. науки. Вестн. Финанс. ун-та. – 2017. – Т. 7, № 5 – С. 6–12. – URL: https://humanities.fa.ru/jour/article/view/177 (дата обращения: 01.04.2025).
7. Сареембаев, М. А. Особенности статуса и деятельности Суда ЕАЭС и Суда ЕС / М. А. Сареембаев // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 76–91.
8. Договор о функционировании Европейского союза // Право Европейского союза. – URL: https://eulaw.ru/treaties/tfeu/ (дата обращения: 12.04.2025).

СЕКЦИЯ 3
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПУТЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВНЕШНИМ САНКЦИОННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ

О. Г. Астапович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, astapovichog@bsu.by

Объектом исследования выступают меры санкционного характера как элемент системы международных экономических отношений. Предмет исследования – влияние санкционных ограничений, вводимых третьими странами, на бизнес-структуры государств – членов организаций региональной экономической интеграции. Актуальность заявленной темы определяется сохраняющимся и регулярно усиливающимся санкционным давлением со стороны западных стран по отношению к Республике Беларусь, критической важностью поиска функциональных решений в части адаптации хозяйственных механизмов общегосударственного, отраслевого и микроуровня к существующим условиям. В статье определены негативные эффекты вводимых третьими странами санкций на развитие отечественных коммерческих организаций, а также отмечены дополнительные возможности, открывающиеся для их нивелирования за счет регионального интеграционного взаимодействия.

Ключевые слова: национальная экономика; международная экономическая интеграция; ЕАЭС; санкционные ограничения.

INTEGRATION POTENTIAL OF LEVELLING OUT EXTERNAL SANCTIONS RESTRICTIONS

O. G. Astapovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, astapovichog@bsu.by

The object of the study are sanctions as an element of international economic relations system. The subject of the study is the way such restrictions imposed by third countries influence business structures of member states of regional economic integration organizations. The relevance of the stated topic is determined by the continued and regularly increasing pressure resulting from Western countries' sanctions against the Republic of Belarus, and the critical importance of finding feasible solutions related to adaptation of economic mechanisms to existing conditions, at the national, branch and micro levels. The article defines the negative implications of sanctions imposed by third countries on the development of domestic companies, as well as outlines additional opportunities for levelling out adverse effects thanks to regional integration interaction.

Keywords: national economy; international economic integration; EAEU; sanctions.

Введение. Современная система международных экономических отношений характеризуется комплексностью факторов, воздействующих на экономических субъектов различных уровней, и множественностью инструментов, задействованных ими для достижения своих целей. При этом все более активно применяются вводимые одними странами в отношении других и впоследствии неоднократно корректируемые пакеты санкций, противодействие которым становится частью процесса конкурентного противостояния. Результативность последнего зависит от эффективности распоряжения доступными ресурсами, и особый научный интерес в данном случае представляют дополнительные возможности, которые открываются для подверженных санкционному давлению стран благодаря международной экономической интеграции. Ввиду недостаточной разработки указанной тематики в научной литературе целью статьи определено осмысление актуальных условий, проблемных аспектов и последствий, следующих из практики использования в межгосударственном взаимодействии санкционного инструментария, а также направлений противодействия этому в рамках интеграционных объединений.

Методология исследования. Методологическую основу работы составили общенаучные методы исследований (анализ и синтез, индукция, обобщение).

Основная часть. В настоящее время складывающаяся динамика и перспективы развития внешней торговли отечественных субъектов хозяйствования в значительной мере обусловлены действием санкционных ограничений, введенных западными странами в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь [1; 2], которые вызывают транспортно-логистические трансформации, возникновение новых цепочек поставок, обновление каналов движения финансовых ресурсов, применение при взаимных расчетах «мягких» валют.

В таких условиях регулирование торговых потоков как приоритетное направление и важный фактор обеспечения общей эффективности внешнеэкономической политики связано с необходимостью:

– создания функциональной системы защиты национальных производителей и сохранения возможностей для реализации отечественной продукции;

– получения критически необходимых товарных и нематериальных позиций (оборудование, запчасти, комплектующие, квалифицированные работы и услуги);

– стабильного материально-технического снабжения проектов по созданию новых и модернизации существующих производств с высокой степенью локализации, призванных обеспечить выпуск конкурентоспособной на мировом рынке продукции с высокой долей добавленной стоимости;

– поддержания трансграничного обмена технологиями и др.

Возникающие в заданном контексте риски предполагают возможные потери различного характера, а именно:

– временные (удлинение и усложнение маршрутов доставки);

– производственные и технологические (перенастройка процессов, поиск, тестирование и внедрение материалов-субститутов и технологий, создаваемых с участием относительно нейтральных в политическом отношении стран);

– качественные (обусловлены появлением продуктов, сперва уступающих знакомым, проверенным и адаптированным к требованиям заказчика),

– финансово-экономические, связанные с ростом издержек производства (в т. ч. за счет вынужденного встраивания в цепочки поставок дополнительных звеньев) и потерей традиционных рынков, каналов реализации.

Ситуация усложняется частичным присоединением формально не вводивших санкционный режим государств к ограничениям третьих стран, что сопровождается, среди прочего, снижением правовой защищенности конечных импортеров в случаях возникновения непредвиденных обстоятельств (пример – гарантийное обслуживание и восстановление технологического оборудования).

Применительно к конкретным бизнес-процессам объяснимо наличие специфических предметных эффектов, возникающих вследствие трансформации факторов внешней среды. Так, проблемы, с которыми сталкиваются вследствие санкционного давления субъекты закупочной деятельности, можно разбить на следующие группы:

– процедурные (выбор и отладка порядка проведения процедур выбора поставщиков (исполнителей, подрядчиков) ввиду невозможности применения для этого стандартизированных подходов);

– правовые (выработка механизмов защиты прав заказчиков в случаях ненадлежащего исполнения обязательств зарубежными контрагентами);

– кооперационно-сетевые (создание кратко- или долгосрочных корпоративных структур и (или) совместных проектов для совместного решения проблемных вопросов с поставками, а также расширение субъектного круга межгосударственного взаимодействия на страны за пределами существующих региональных интеграционных структур – см., например, [3]);

– логистические (усложнение схем транспортировки грузов, равно как и схем оказания услуг, продажи интеллектуальных продуктов конечным приобретателям);

– финансовые (рост издержек на доставку и оплату предмета закупки) (по проблемным вопросам закупочной деятельности современных корпоративных структур, в т. ч. с учетом процессов региональной интеграции, см., например, [4; 5]).

Вместе с тем, вынужденная диверсификация каналов делового взаимодействия создает предпосылки для сохранения и в перспективе даже укрепления конкурентоспособности подверженных санкциям субъектов, и значительную роль в этом может сыграть сотрудничество по линии региональных интеграционных объединений, что в нашем случае обусловливает необходимость исследования связанных вопросов в контексте евразийской интеграции. Здесь необходимо отметить, что ключевые положения стратегических документов государств – членов ЕАЭС подчеркивают приори-

тетность долгосрочного качественного роста национальных экономик как результирующей ключевых элементов, среди которых – развитие предпринимательства, эффективное управление ресурсами, безопасностью, адаптация внешнеэкономической и социальной политики. Реализация эффективных решений при этом возможна через задействование интеграционного потенциала в конкретных формах, таких как:

– ускоренная локализация производства и концентрации усилий на максимально полной проработке местной сырьевой базы;

– логистическая оптимизация;

– открытие новых каналов движения ресурсов;

– совместные научно-технические разработки и управленческие инновации.

Импортозамещение как часть и следствие активного межгосударственного взаимодействия также способствует консолидации ресурсов участников международной экономической интеграции и часто реализуется через промышленную кооперацию и научно-техническое сотрудничество.

В части реагирования на внешние ограничения отдельно шагом выступает согласованная интегрирующимися сторонами легализация параллельного импорта, а также контрсанкционные меры, цель которых – встречное (ответное) ограничение возможностей для приобретения и (или) реализации во внешнеторговом обороте товаров, работ, услуг, интеллектуальных продуктов у представителей государств, занимающих в отношении рассматриваемых конфронтационную позицию.

Важно отметить, что международная экономическая интеграция как фактор стабилизации экономик вовлекаемых государств более явно проявляет себя при переходе к продвинутым этапам взаимодействия, предполагающим не только внешнеторговую либерализацию и единое таможенное регулирование, что связано с постепенным формированием единого конкурентного поля и объединением потенциалов микросубъектов стран-участниц. По этой причине особое внимание при выработке интеграционной повестки следует уделять стимулированию включения отечественных коммерческих организаций в существующие и новые либо переформатируемые глобальные цепочки создания стоимости, что в условиях санкций предполагает важность стратегически верного определения вектора развития внешнеэкономических связей исходя из наблюдаемых и прогнозируемых долгосрочных трансформаций глобального геоэкономического поля.

Также отметим, что, несмотря на имеющиеся трудности и угрозы, разворачивающиеся в глобальном масштабе, хотя по своей сути в основном географически локализованные интеграционные процессы содержат в себе новые возможности для расширения присутствия в освоенных и перспективных регионах благодаря глобальному перераспределению ролей в пользу стран (и создаваемых ими блоков и метаинтеграционных объединений) с формирующимися рынками, равно как и происходящих из них корпоративных структур.

Заключение. Как следует из программных документов, одной из фундаментальных установок для социально-экономического развития Республики Беларусь на ближайшие годы определено стимулирование деловой активности, в т. ч. ориентированной на инновации. В условиях сложной внешнеэкономической среды успешное достижение данной цели тесно связано с эффективным поиском адекватных и своевременных ответов на внешние вызовы, риски и угрозы через модификацию экономических систем различных уровней (микро, мезо-, макроэкономического, а также межгосударственного, включая интеграционный). В частности, в указанном контексте в рамках ЕАЭС растет актуальность задачи построения функциональной системы защиты местных производителей от внешних шоков и дискриминационных мер третьих стран.

Санкции по своей сути являются одним из факторов фундаментального передела рынков, трансформации международного разделения труда и модификации международной специализации стран, и потому требуют комплексных ответных и упреждающих решений в целях создания гарантий экономической безопасности, перехода к более продвинутому технологическому укладу и обеспечения благодаря этому устойчивого экономического роста.

Интеграционный потенциал противодействия искусственным барьерам для международного экономического взаимодействия, следовательно, наполняется в складывающихся реалиях новым смыслом и становится важным элементом системы координированного реагирования на известные действия третьих стран.

Библиографический список

1. 16 пакетов санкций ЕС против России // ТАСС. – 24.12.2022. – URL: https://tass.ru/infographics/9767 (дата обращения: 24.02.2025).

2. Ограничения ЕС, США, Великобритании, Японии, Швейцарии, Канады и Австралии на импортные и экспортные операции с Россией // Альта-Софт. – URL: https://www.alta.ru/tnved/forbidden_codes (дата обращения: 01.03.2025).

3. Итоги III Евразийского экономического форума. – 08.10.2024 – URL:https://eec.eaeunion.org/news/itogi-iii-evraziyskogo-ekonomicheskogo-foruma/ (дата обращения: 31.03.2025).

4. Астапович, О. Г. Развитие коммерческих организаций государственного сектора в современном международном контексте: задачи, проблемы, перспективы / О. Г. Астапович // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 16 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 194–200. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322185 (дата обращения: 31.03.2025).

5. Астапович, О. Г. Развитие закупок организаций государственного сектора в ЕАЭС: направления, приоритеты, риски / О. Г. Астапович // Государственные, муниципальные и корпоративные закупки: эволюция и перспективы : материалы Нац. науч.-практ. конф., Волгоград, 26 апр. 2024 г. / под общ. ред. Р. Ю. Скокова. - ВИЭПП. Волжский: ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права», 2024. – С. 24–31. – URL: https://www.viepp.ru/documents/Nauch_konf/Gosudarstvennye_municipalnye_i_korporativnye_zakupki.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

ПРАВАПРЫМЯНЯЛЬНАЯ ПРАКТЫКА ДЗЯРЖАЎ – ЧЛЕНАЎ ЕЎРАЗІЙСКАГА ЭКОНАМІЧНАГА САЮЗА Ў СФЕРЫ БАРАЦЬБЫ З ПАРУШЭННЯМІ ПРАВОЎ НА АБ'ЕКТЫ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ УЛАСНАСЦІ

Д. А. Белая[1)], Л. І. Тарарышкіна[2)]

[1)] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, belayaa_1903@bsu.by
[2)] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by

Праз ўплыў наступстваў пандэміі, геапалітычнай нестабільнасці і інфляцыйных працэсаў сітуацыя з трапленнем пэўнага працэнта нелегальнай прадукцыі на ўнутраны рынак дзяржаў – членаў ЕАЭС паступова пагаршацца праз той факт, што адбываецца пераход гандлю ў анлайн-фармат, змяненне схем распаўсюджвання кантрафактных тавараў і лагістычных ланцужкоў. У дадзеным артыкуле разглядаецца як стан рынку кантрафактнай прадукцыі краін – удзельніц інтэграцыйнага аб'яднання, так і змена падыходаў да выяўлення і спынення адміністрацыйных правапарушэнняў і злачынстваў у галіне інтэлектуальнай уласнасці. Робяцца высновы наконт сталай распрацоўкі сучасных методык барацьбы, пашырэння паўнамоцтваў кантралюючых органаў ды ўдасканалення заканадаўства. Актуальнасць аналізу правапрымяняльнай практыкі у дадзенай сферы заключаецца ў перспектыве сістэматызацыі эканамічнага становічша краін, асаблівасцяў развіцця гандлю і паглыбленні ў працэсы правапарушэнняў.

Ключавыя словы: Еўразійскі эканамічны саюз; інтэграцыйнае развіццё; процідзеянне кантрафакту; гандлёва-эканамічнае супрацоўніцтва; макраэканамічная ўстойлівасць; мытнае адміністраванне.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПО БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д. А. Белая[1)], Л. И. Тарарышкина[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, belayaa_1903@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by

Ввиду влияния последствий пандемии, геополитической нестабильности и инфляционных процессов ситуация с попаданием определенного процента нелегальной продукции на внутренний рынок государств – членов ЕАЭС постепенно ухудшается из-за того факта, что происходит переход торговли в онлайн-формат, изменение схем распространения контрафактных товаров и логистических цепочек. В данной статье рассматривается как состояние рынка контрафактной продукции стран – участниц интеграционного объединения, так и изменение подходов к выявлению и пресече-

нию административных правонарушений и преступлений в области интеллектуальной собственности. Делаются выводы о постоянной разработке современных методик борьбы, расширении полномочий контролирующих органов и совершенствовании законодательства. Актуальность анализа правоприменительной практики в данной сфере заключается в перспективе систематизации экономического положения стран, особенностей развития торговли и углубления в процессы правонарушений.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; расширение интеграции; борьба с контрафактом; торгово-экономическое сотрудничество; макроэкономическая устойчивость; таможенное администрирование.

LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES IN COMBATING INFRINGEMENTS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

D. A. Belaya[a] , L. I. Tararyshkina[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, belayaa_1903@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by

Due to the impact of the consequences of the pandemic, geopolitical instability and inflationary processes, the situation with the penetration of a certain percentage of illegal products into the domestic market of the EAEU member states is gradually deteriorating owing to the fact that there is a transition of trade to the online format, changes in the distribution schemes of counterfeit goods and logistics chains. This article considers both the state of the counterfeit goods market of the member-states of the integration association and the changing approaches to the detection and suppression of administrative offenses and crimes in the field of intellectual property. The conclusions are drawn about the constant development of modern methods of combating, expansion of powers of controlling bodies and improvement of legislation. The relevance of the analysis of law enforcement practice in this area lies in the prospect of systematization of the economic situation of countries, peculiarities of trade development and delving into the offence mechanisms.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration expansion; combating counterfeiting; trade and economic cooperation; macroeconomic sustainability; customs administration.

Сёння традыцыйныя інструменты процідзеяння абароту кантрафактных тавараў, у тым ліку, прыцягненне парушальнікаў да адміністрацыйнай альбо крымінальнай адказнасці, як і раней захоўваюць сваю актуальнасць у практыцы ўпаўнаважаных органаў дзяржаў – членаў ЕАЭС. Пры гэтым трэба адзначыць, што асобныя краіны інтэграцыйнага аб'яднання дэманструюць пашырэнне падыходаў да такога роду супрацьдзеяння, выкарыстоўваючы, у прыватнасці, судовыя і несудовыя механізмы блакавання Інтэрнэт-ресурсаў. Удасканаленне традыцыйных інструментаў і паступовае ўвядзенне новых механізмаў барацьбы з кантрафактам ажыццяўляюцца з прыцягваннем большай колькасці органаў дзяржаўнай

улады, арганізацый, грамадскасці на нацыянальным узроўні ды сумесна, на ўзроўні ЕАЭС, у рамках агульнай эканамічнай прасторы.

Аналіз дынамікі валавага ўнутранага прадукту (далей – ВУП) у дзяржавах – членах ЕАЭС паказвае, што эканамічныя працэсы ў рэгіёне схільны да ўплыву як унутраных, так і знешніх фактараў. Пандэмія, геапалітычная нестабільнасць і інфляцыйныя працэсы на працягу 2019–2024 гг. аказваюць значны ўплыў на эканамічную актыўнасць, аднак наступнае аднаўленне эканамічнай актыўнасці, інтэнсіўны рост цэн на сыравінныя тавары спрыяюць паляпшэнню паказчыкаў ВУП. Дынаміка росту эканомікі па краінах была неаднароднай ды залежала ад прадпрынятых нацыянальных антыкрызісных мер [1]. За 2024 г. ВУП ЕАЭС узрос на 4,2 %. Вопыт ЕАЭС становіцца падмуркам для выбудоўвання прасторы дабрабыту і росквіту ў Еўразіі. У прыватнасці, ліквідацыя нетарыфных бар'ераў у ЕАЭС за кошт пераходу на адзіныя абавязковыя патрабаванні да тавараў ЕАЭС ды паступовую ліквідацыю мытнага кантролю штогод за 2015–2023 гг. забяспечылі ўстойлівую надбаўку да тэмпаў росту ВУП ЕАЭС у 14,5 млрд долл. ЗША, а ўзаемны гандаль ЕАЭС за кошт гэтых мер быў у сярэднім на 24 % вышэй [2].

Ва ўмовах крызісных з'яў у эканоміках ды падзення даходаў грамадзян ЕАЭС пастаянна ўзрастае іх зацікаўленасць у больш даступных альбо танных тавараў, пры гэтым ізноў павышаецца лаяльнасць спажыўцоў да кантрафактнай прадукцыі. Праз гэты факт, у кантэксце еўразійскай інтэграцыі важнае значэнне набывае выкарыстанне ўсімі дзяржавамі-членамі агульных ды збалансаваных падыходаў пры фарміраванні правапрымяняльнай практыкі, якая забяспечвае прадухіленне і спыненне парушэнняў правоў на аб'екты інтэлектуальнай уласнасці (далей – ІУ). Так, эфектыўная сістэма абароны правоў на аб'екты ІУ у ЕАЭС на дадзены момант знаходзіцца на шляху свайго станаўлення.

За 2023 г. Паліцыя Рэспублікі Арменія выявіла 2 злачынствы, учыненыя ў сферы інтэлектуальнай уласнасці, што склала каля 17 % ад узроўню 2022 г. (12 выпадкаў). Абодва злачынствы звязаныя з пасяганнем на аўтарскія і сумежныя правы ў дачыненні да 3*D*-мадэлявання і тэатральных пастановак (1 учынена ў сетцы Інтэрнэт). У справаздачным перыядзе ў Арменіі выяўлена 1146 адзінак кантрафактнай прадукцыі, што сведчыць аб павелічэнні на 11,4 % у параўнанні з аналагічным паказчыкам 2022 г. (1029 адзінак). Большую частку выяўленых кантрафактных тавараў (800 штук, ці каля 70 % агульнай колькасці) склалі бесправадныя навушнікі, таксама выяўлена 337 адзінак кантрафактных прадуктаў харчавання, што склала 29 % ад іх агульнай колькасці [3]. Мытнымі органамі Рэспублікі Арменія за 2023 г. здзейснена 1560 прыпыненняў выпуску тавараў (па большасці, гэта запчасткі для транспартных сродкаў, электроніка і бытавая тэхніка), што сведчыць аб павелічэнні паказчыка 2022 г. прыкладна на 35 % (1158 прыпыненняў). У рамках дадзеных прыпыненняў было ўзбуджана 9 адміністрацыйных вытворчасцяў па мытных правапарушэннях, па якіх 9 асоб былі прыцягнуты да адміністрацыйнай адказнасці. Безумоўным

«лідарам» па ўвозу тавараў, у дачыненні да якіх ажыццяўлялася прыпыненне выпуску, сталі Аб'яднаныя Арабскія Эміраты (530 выпадкаў парушэнняў, каля трэці ад агульнай колькасці); значная колькасць зафіксавана таксама са Злучаных Штатаў Амерыкі і Грузіі (182 і 157 адпаведна). Найбольш распаўсюджанымі каналамі паставак прадукцыі, у дачыненні да якой прымаліся меры па прыпыненню выпуску тавараў, сталі аўтамабільныя ды авіяперавозкі (895 і 665 выпадкаў адпаведна) [3]. Так, у Арменіі назіраецца самая нізкая за ўсе гады колькасць выяўленых парушэнняў (спад у 7,5 разоў адносна 2018 г.) і аб'ём выяўленай кантрафактнай прадукцыі (амаль у 96 разоў ніжэй за ўзровень 2019 г).

У Рэспубліцы Беларусь у 2023 г. было выяўлена 40 парушэнняў правоў на аб'екты інтэлектуальнай уласнасці (з іх 37 – адміністрацыйныя парушэнні, а 3 – крымінальныя злачынствы), што склала каля 24 % ад узроўню 2022 г. (169 выпадкаў). Афіцыйная статыстыка аб катэгорыях парушэнняў фарміруецца без падзелу па аб'ектах ІУ. Але ж сярод адміністрацыйных вытворчасцяў, што ініцыяваныя мытнымі органамі Рэспублікі Беларусь, выяўлена тавараў на суму каля 639 000 бел. руб., а судом прынята рашэнне аб канфіскацыі тавараў ці спагнанні кошту прадметаў адміністрацыйных парушэнняў на суму 16 000 бел. руб. Пры гэтым па выяўленых адміністрацыйных правапарушэннях былі складзены пратаколы ў дачыненні да 26 фізічных і 11 юрыдычных асоб, накладзены штрафы ў памеры 56 300 бел. руб. (з іх спагнана 47 100 бел. руб.) [3]. За справаздачны перыяд у краіне выяўлена 39 647 адзінак кантрафактнай прадукцыі, што сведчыць пра зніжэнне паказчыкаў у параўнанні з папярэднім справаздачным перыядам прыкладна на 19,5 % (49 295 адзінак адпаведна).

Сярод буйных па аб'ёме катэгорый выяўленай кантрафактнай прадукцыі – прадукты харчавання (57,5 %), тавары па эксплуатацыі аўтамабіляў, у тым ліку гаруча-змазачныя матэрыялы, аўтааксэсуары (20 %) і ізаляцыйныя матэрыялы (18 %). Рэалізацыя кантрафактнай прадукцыі ажыццяўлялася праз рознічныя гандлёвыя аб'екты, а ў асобных выпадках шляхам размяшчэння прапаноў да рэалізацыі на асабістых старонках сацыяльных сетак. Найбольшая колькасць кантрафактных тавараў, выяўленых мытнымі органамі пры ўвозе ў Рэспубліку Беларусь (каля 66 % парушэнняў), зафіксавана з тэрыторыі Польшчы, а таксама з Кітая (каля 31,5 %) і Літвы (каля 2,4 %) з выкарыстаннем аўтатранспарту.

Сумеснымі намаганнямі Міністэрства юстыцыі, Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства фінансаў Рэспублікі Казахстан у 2023 г. выяўлена 165 парушэнняў у сферы інтэлектуальнай уласнасці (14 крымінальных злачынстваў і 151 адміністрацыйнае парушэнне), што ў 3 разы вышэй за паказчык 2022 г. [3]. Напэўна такі рост выяўленых парушэнняў можна звязваць з аднаўленнем з 1 студзеня 2023 г. правядзення запланавых праверак згодна з Прадпрымальніцкім кодэксам і Указам Прэзідэнта Рэспублікі Казахстан ад 7 снежня 2022 г. № 44. У 2023 г. тэрытарыяльнымі органамі юстыцыі на падставе зваротаў

праваўладальнікаў праведзена 170 запланавых праверак на прадмет незаконнага выкарыстання таварных знакаў, што знаходзяцца пад аховай. У агульным, выяўлена 299 935 адзінак кантрафактных тавараў, што ў 8,7 разоў больш за паказчык папярэняга года (34 336 адзінак). Часцей за ўсё кантрафактнымі таварамі былі алкагольная прадукцыя (каля 45 %), бытавая тэхніка і электроніка (каля 25 %), пры гэтым катэгорыя кантрафактнага адзення і абутку ў 2023 г. заняла каля 8 % агульнай колькасці. За 2023 г. тэрытарыяльнымі органамі прыпынены выпуск тавараў па 768 дэкларацыях на тавары, якія ўтрымліваюць аб'екты ІУ, уключаныя ў мытны рэестр аб’ектаў ІУ Рэспублікі Казахстан, з прыкметамі парушэнняў правоў ІУ, на агульны кошт 37 млн дол ЗША. Большая частка кантрафактнай прадукцыі ўвозілася з тэрыторыі Кітайскай Народнай Рэспублікі аўтамабільным і авіяцыйным транспартам. Значная ўвага надаецца і выяўленню парушэнняў у сферы ІУ ў Сеціве: за мінулы год падчас маніторынгу інтэрнэт-прасторы выяўлена 23 228 замежных рэсурсаў з проціпраўным зместам, у тым ліку 122 – з прыкметамі парушэнняў аўтарскіх і сумежных правоў [4].

У 2021 г. адміністрацыйныя правапарушэнні ў Кыргызскай Рэспубліцы не выяўляліся праз факт адсутнасці ва ўпаўнаважаных органаў кампетэнцый па ўжыванні мер адміністрацыйнай адказнасці за парушэнні ў сферы ІУ. Але новы Кодэкс «Аб правапарушэннях» быў прыняты 28 кастрычніка 2021 г., у які, у тым ліку ў адпаведнасці з рэкамендацыямі Еўразійскай эканамічнай камісіі, былі уключаны склады адміністрацыйных правапарушэнняў у сферы ІУ. У сувязі з гэтым, у 2022–2023 гг. адноўлена практыка прыцягнення вінаватых да адміністрацыйнай адказнасці за парушэнні правоў на аб’екты ІУ. Так, Дзяржаўнае агенцтва ІУ і інавацый пры Кабінеце Міністраў (Кыргызпатэнт), Міністэрства ўнутраных спраў, Дзяржаўны камітэт нацыянальнай бяспекі, Дзяржаўная мытная служба пры Міністэрстве фінансаў, а таксама Служба антыманапольнага рэгулявання пры Міністэрстве эканомікі, гандлю Кыргызскай Рэспублікі ўдзельнічаюць у фарміраванні практыкі супрацьдзеяння парушэнням правоў на аб'екты ІУ. Пры гэтым у 2023 г. ўпаўнаважанымі органамі выяўлена 66 парушэнняў (усе былі адміністрацыйнымі), што прыблізна ў 3 разы вышэй за паказчык 2022 г. (23 выпадкі). Акрамя таго, усе зафіксаваныя парушэнні звязаны з пасягальніцтвам на правы на таварныя знакі.

Колькасць кантрафактных тавараў, выяўленых у Кыргызскай Рэспублікі ў 2023 г. (419 365 адзінак), прыкладна адпавядае ўзроўню 2022 г. (каля 416 000 адзінак). 51 % выяўленых кантрафактных тавараў (214 348 адзінак) адносіцца да катэгорыі прадуктаў харчавання, яшчэ 48,7 % (204 415 адзінак) – да бытавой тэхнікі і электронікі [3]. Асноўным пастаўшчыком кантрафакту на тэрыторыю краіны з'яўляецца Узбекістан (76 % усіх выпадкаў), у значна меншай колькасці выпадкаў – Рэспубліка Карэя (14 %) і Нідэрланды (4 %). Больш за тое, у 80 % выпадкаў пастаўкі такіх тавараў ажыццяўляліся аўтамабільным транспартам, што сведчыць аб істотным змяненні тэндэнцыі 2022 г., калі пераважала чыгунка.

У 2023 г. у Расійскай Федэрацыі выяўлена 4 394 парушэнні правоў на аб'екты інтэлектуальнай уласнасці, што на 24 % ніжэй колькасці 2022 г. (5 797 выпадкаў). Агульная колькасць адміністрацыйных парушэнняў склала 3 563, з якіх 3 349 узбуджана па артыкулу 14.10 «Незаконнае выкарыстанне таварнага знака» расійскага Кодэкса аб адміністрацыйных правапарушэннях, а 214 – па артыкулу 7.12 «Парушэнне аўтарскіх і сумежных правоў». Пры гэтым па дадзеных ведамаснай статыстычнай справаздачнасці за 2023 г., расійскімі праваахоўнымі органамі па артыкулу 180 «Незаконнае выкарыстанне сродкаў індывідуалізацыі тавараў (работ, паслуг)» Крымінальнага кодэкса Расійскай Федэрацыі выяўлена 681 злачынства (супраць 945 годам раней), што сведчыць аб працяглым зніжэнні (на 27,9 % у параўнанні з 2022 г.). Агульная колькасць злачынстваў у сферы інтэлектуальнай уласнасці за 2023 г. склала 831, што прыкладна на 29 % ніжэй за ўзровень папярэдняга справаздачнага перыяду, пры гэтым было ўстаноўлена 418 асоб, якія здзейснілі злачынствы ў дадзенай сферы. У суд накіраваны крымінальныя справы па 274 злачынствах, што на 44,3 % менш адносна 2022 г. [5].

Пры гэтым найбольш распаўсюджаным парушэннем у сферы ІУ з'яўляецца незаконнае выкарыстанне сродкаў індывідуалізацыі тавараў (работ, паслуг) (4 030 парушэнняў у 2023 г. супраць 5 195 парушэнняў у 2022 г.), далей – парушэнні аўтарскага права і сумежных правоў (359 выпадкаў у 2023 г. супраць 597 у 2022 г.) і парушэнні патэнтных правоў (5 злачынстваў). Наконт агульнай колькасці выяўленых кантрафактных тавараў: у 2023 г. адзначаецца лічба каля 5 млн адзінак, што сведчыць аб зніжэнні дадзенага паказчыка ў параўнанні з 2022 г. амаль на 40 %. Пры гэтым лідары ў краінавым разрэзе ў 2023 г. засталіся ранейшымі – Кітай (каля 58 %) ды Турцыя (каля 20 %), што звязана з істотна ўзрослым агульным аб'ёмам імпарту з названых дзяржаў.

У 2023 г. у дзяржавах – членах ЕАЭС было зафіксавана 4 667 парушэнняў у сферы інтэлектуальнай уласнасці, што на 23 % ніжэй за паказчык папярэдняга справаздачнага перыяду (6054 выпадкаў за 2022 г.). Такая ж самая тэндэнцыя назіраецца і ў разбіўцы агульнай колькасці парушэнняў на злачынствы ды адміністрацыйныя правапарушэнні. Такім чынам, у цэлым па ЕАЭС тэндэнцыя зніжэння агульных паказчыкаў працягнулася ў справаздачным перыядзе, пры гэтым аб'ём выяўленых кантрафактных тавараў склаў каля 5,8 млн адзінак, што на 33 % ніжэй за ўзровень 2022 г. (8,7 млн адзінак) [3]. Тэндэнцыя на зніжэнне колькасці выяўленых кантрафактных тавараў захоўваецца ў асноўным за кошт падзення паказчыкаў у Расіі, але пры гэтым адзначаецца істотнае павышэнне такіх паказчыкаў у Казахстане (праз адмену мараторыя на праверкі бізнесу) ды Кыргызстане (праз аптымізацыю паўнамоцтваў дзяржаўных органаў у сферы абароны правоў на аб'екты ІУ). Стан правапрымяняльнай практыкі ў разбіўцы па аб'ектах ІУ захоўваецца на тым жа ўзроўні, што і ў папярэднія гады. Так, пераважная большасць парушэнняў звязана з правамі на таварныя знакі (91,2 %, ці 4 256 выпадкаў), далей са значным адставаннем ідзе катэгорыя

парушэнняў аўтарскага права і сумежных правоў (7,84 %, ці 366 выпадкаў) і каля 0,1 % (5 выпадкаў) складаюць парушэнні патэнтных правоў.

Галоўныя пазіцыі па кантрафактнасці ў ЕАЭС займаюць адзенне і абутак, гульні і цацкі, запчасткі для аўтамабіляў, прадукты харчавання, алкагольная прадукцыя, бытавая тэхніка, электроніка, аксэсуары. Статыстычная інфармацыя ўпаўнаважаных органаў не дазваляе сёння прывесці карэктныя працэнтныя суадносіны катэгорый выяўленых кантрафактных тавараў, аднак адзначаюцца выпадкі ўвозу кантрафактных тавараў з Кітая, Турцыі, ААЭ, ЗША, Польшчы, Узбекістана і Грузіі. Традыцыйна процідзеянне кантрафакту з боку мытных органаў дзяржаў – членаў ЕАЭС забяспечваецца пры дапамозе нацыянальных мытных рэестраў аб'ектаў ІУ. Так, у Беларусі і Расіі назіраецца зніжэнне колькасці аб'ектаў ІУ у мытных рэестрах (адпаведна з 258 да 105 і з 1 769 да 1 676). У астатніх дзяржавах – членах ЕАЭС адзначаецца павышэнне паказчыкаў агульнай колькасці (з 350 да 437 у Арменіі, з 835 да 963 у Казахстане ды з 176 да 244 у Кыргызстане) [3].

Такім чынам, рознанакіраваныя тэндэнцыі, якія зарадзіліся на працягу мінулых гадоў, развіваюцца і ў 2023 г. У цэлым па ЕАЭС адзначаецца зніжэнне большасці прыведзеных паказчыкаў. Пры гэтым такое зніжэнне дасягаецца ў асноўным за кошт паказчыкаў Расійскай Федэрацыі, што можа быць вынікам агульнага зніжэння знешнегандлёвага тавараабароту на фоне постковідных і геапалітычных абмежаванняў. Акрамя таго, адзначаюцца тэндэнцыі ператоку зваротаў розных гаспадарчых суб'ектаў з адміністрацыйна-прававой сферы паўнамоцтваў у грамадзянска-прававую, што адлюстроўваецца, у прыватнасці, у статыстыцы Суда па інтэлектуальных правах Расійскай Федэрацыі. Працягваецца і актыўнае развіццё Інтэрнэт-гандлю, дапускаецца павелічэнне выкарыстання схаваных схем распаўсюджвання кантрафакту, захоўваюцца ў асобных дзяржавах – членах ЕАЭС абмежаванні ў дачыненні да кантрольна-наглядчых мерапрыемстваў у дачыненні да малога і сярэдняга бізнесу, што не дазваляе выяўляць абарот кантрафакту ў поўным аб'ёме. Разам з тым у Казахстане і Кыргызстане дагэтуль адзначаецца кратны рост адсочаных паказчыкаў у частцы колькасці выяўленых парушэнняў і кантрафактнай прадукцыі. З улікам цяперашніх крызісных з'яў у сусветнай эканоміцы, якія могуць набыць зацяжны характар, верагодна, у будучым справаздачным перыядзе паказаная палярызацыя працягнецца.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – URL: –https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Brief_Statistics_Yearbook_2024.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

2. Гунеев, С. Опыт ЕАЭС может стать подспорьем для благополучия в Евразии / С. Гунеев // Sputnik. – 01.04.2025. – URL: https://uz.sputniknews.ru/20250401/eaeu-opyt-yevraziya-podsporye-48679835.html (дата обращения: 12.04.2025).

3. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС за 2023 год // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d43/mn55bund7f1e0ov5cf81236g3cygzy4c/Otchet-PP-po-IS_2023-god.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

4. Сорокин, А. М. Таможенная защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе / А. М. Сорокин, М. А. Сорокин // Территория новых возможностей. Вестн. ВГУЭС. – 2015. – № 3 (30) – С. 19–28. – URL: https://science.vvsu.ru/scientific-journals/journal/current/article/id/2145352233/2015_3_03tamozhennaia_zashchita (дата обращения: 12.04.2025).

5. Сорокин, А. М. Концепция совершенствования организации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в рамках функционирования Таможенного союза / А. М. Сорокин // Экономика и менеджмент систем управления. – М., 2015. – № 1.1 (15). – С. 183–189.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Р. Биров[1)], О. В. Быхтин[2)]

[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, robert.birov@yandex.ru
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, bykhtin@bsuedu.ru

В статье рассматриваются направления развития общего рынка труда в Евразийском экономическом союзе. Рассмотрены тенденции внешних вызовов, влияющих на выстраивание общего рынка труда на территории ЕАЭС. Изложены проблемы единого рынка труда, перечислены перспективные направления его развития. Сделан вывод о том, что внешние факторы влияют на межстрановые трудовые перемещения, снижая или увеличивая напряженность на рынках труда.

Ключевые слова: рынок труда; Евразийский экономический союз; трудовая миграция.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE COMMON LABOR MARKET IN THE TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CONTEXT OF EXTERNAL CHALLENGES

R. Birov[a], O. V. Bykhtin[b]

[a] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, robert.birov@yandex.ru
[b] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, bykhtin@bsuedu.ru

The article discusses the directions of development of the common labor market in the Eurasian Economic Union. The trends of external challenges affecting the establishment of a common labor market in the territory of the EAEU are considered. The problems of the single labor market are outlined, and promising directions for its development are listed. It is concluded that external factors influence cross-country labor movements, reducing or increasing tension in labor markets.

Keywords: labor market; Eurasian Economic Union; labor migration.

Проблема развития общего рынка является достаточно новой исследовательской задачей. В трудах С. В. Ионцевой рассмотрен правовой аспект трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе. Г. И. Осадчая исследует социальную базу рынка трудовых ресурсов в ЕАЭС. Ряд других ученых изучают скрытые и явные закономерности на глобальных рынках труда. Цель статьи – рассмотреть направления развития общего рынка труда в Евразийском экономическом союзе с учетом внешних вызовов.

Общий рынок труда реализует один из четырех ключевых принципов ЕАЭС и направлен на осуществление свободы движения трудовых ресурсов. Исследователи отмечают, что общий рынок труда сформирован от заданного Договором о ЕАЭС уровня более чем на 70 % [1]. Анализ показывает наличие положительных тенденций на рынке труда, снижение численности безработных, зарегистрированных в службах занятости населения на 18,0 % [2].

Наблюдается рост миграционных потоков между государствами – членами ЕАЭС. Сформировались тенденции оттока из Беларуси и России квалифицированных работников в другие государства – члены ЕАЭС и третьи страны, а также наличие притока трудовых мигрантов из стран средней Азии в Россию [3]. Увеличение численности трудовых мигрантов из Беларуси и России в других государствах-членах (Армения, Казахстан и Кыргызстан) способствовало росту деловой активности и ускоренному росту в сфере услуг.

Из проблем развития общего рынка труда на территории ЕАЭС можно выделить:

1) отсутствие унификации норм образовательного пространства в ЕАЭС;

2) расхождения в условиях подготовки специалистов;

3) потребность в сотрудничестве и координации деятельности ЕАЭС и ОДКБ по вопросам борьбы с экстремизмом и терроризмом, как сопутствующих элементов трудовой миграции [4];

4) развитие самостоятельных систем формирования профессиональных стандартов и независимой оценки квалификации в странах ЕАЭС;

5) создание рисков для всех субъектов трудовых правоотношений из-за отсутствия правового регулирования и ухода отдельных моментов в тень при развитии новых форм занятости;

6) отставание законодательной базы.

Внешними вызовами для общего рынка труда являются демографические факторы, политические условия, геополитическая обстановка, а также глобальные тенденции, такие как цифровизация и роботизация, изменяющие экономические структуры и институты.

Неблагоприятная демографическая ситуация является одним из основных структурных ограничений для достижения и поддержания устойчивого роста в ЕАЭС. При этом повышение мобильности трудовых ресурсов и трудовая миграция не позволяет кардинально исправить ситуацию, связанную с сокращением трудовых ресурсов.

Политические условия и геополитическая обстановка являются одним из основных вызовов. Так, в России, в условиях, когда многие западные компании ушли или приостановили свою деятельность, на предприятиях, работающих по оборонным заказам, напротив имеет место повышение загрузки работников [5]. Исследователи отмечают, что уход иностранных компаний не создал существенного давления на рынок труда.

На фоне глобальных изменений, таких как цифровизация и рост автоматизации, именно человеческий капитал и занятость формируют основу долгосрочных трендов. Для ключевых партнеров по ЕАЭС этот фактор становится определяющим [5].

Вместе с тем, исследователи выделяют благоприятные тенденции развития общего рынка труда на территории ЕАЭС. Во-первых, это вступление в силу 1 января 2021 г Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза, благодаря которому обеспечиваются равные права трудящегося с гражданами из государства трудоустройства. Во-вторых, это введение в эксплуатацию цифровой программы «Работа без границ», которая позволяет получить полный цикл услуг для трудоустройства, в том числе удаленно. В-третьих, отмечается создание условий для облегченного доступа трудящихся и членов их семей к системе социальной защиты и медицинскому обеспечению в государстве трудоустройства.

В целом, общий рынок труда ЕАЭС сформирован, и достиг наибольшей либерализации законодательства в этой сфере [6]. С другой стороны, рынок труда требует дальнейшей трансформации с учетом вызовов времени.

Перспективными направлениями развития общего рынка труда на территории ЕАЭС выступают: появление новых форм занятости в ЕАЭС в условиях развития цифровой экономики, отличных от привычных отношений между работником и работодателем (самозанятость, платформенная занятость и др.); проведение последовательной работы стран ЕАЭС по сближению национальных правил для развития общего рынка; выработку механизма прогнозирования и удовлетворения единого рынка труда в работниках для минимизации дисбаланса между требуемыми работниками и подготавливаемыми системами профессионального образования.

Таким образом, перспективы развития общего рынка труда ЕАЭС сформированы, трудовая миграция вполне устойчива. На формирование общего рынка труда в странах ЕАЭС безусловно влияют внешние вызовы. Это демографические факторы, политические условия и геополитическая обстановка, а также глобальные тенденции цифровизации и автоматизации. Эти факторы влияют на межстрановые трудовые перемещения, снижая или увеличивая напряженность на рынках труда.

Библиографический список

1. В ЕАЭС задача обеспечения свободы передвижения рабочей силы решена в значительной степени // Альта-Софт. – 28.11.2023. – URL: https://www.alta.ru/ts_news/105850/ (дата обращения: 15.02.2025).

2. О рынке труда в Евразийском экономическом союзе, 2023 год // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/labourmarket_2023.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

3. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, принятых государствами-члена-

ми в области макроэкономической политики // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/95c/Annual_report_2022.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

4. Старостин, А. Свобода перемещения трудовых ресурсов в ЕАЭС к 2025 г/ / А. Старостин // Российский совет по международным делам. – 15.06.2017. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/svoboda-peremeshcheniya-trudovykh-resursov-v-eaes-k-2025-godu- (дата обращения: 17.02.2025).

5. Маляренко, А. Рынок труда Беларуси и ЕАЭС: демографические вызовы, тренды и прогнозы / А. Маляренко // Интернет-портал ibMediaby. – 16.11.2024. – URL: https://ibmedia.by/news/rynok-truda-belarusi-i-eaes-demograficheskie-vyzovy-trendy-i-prognozy/ (дата обращения: 10.04.2025).

6. О рынке труда ЕАЭС // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 26.05.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1872661/ (дата обращения: 17.02.2025).

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПАРК «ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ»: АСПЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Д. А. Бут-Гусаим[1)], П. В. Шестакова[2)], Л. И. Тарарышкина[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dashkabutgysaim2702@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pollyvita@bsu.by
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by

В статье анализируется роль индустриального парка «Великий камень» как ключевого элемента евразийской интеграции, объединяющего интересы ЕАЭС, инициативы «Один пояс, один путь» и национальных экономик. Рассматриваются механизмы привлечения иностранных инвестиций через уникальные налоговые льготы и упрощенные таможенные процедуры, обеспечивающие высокую эффективность логистических операций. На примере динамики социально-экономических показателей за 2021–2024 гг. демонстрируется рост числа резидентов, выручки и экспорта, а также смещение фокуса на внутренний рынок ЕАЭС. Подчеркиваются вызовы, включая дисбаланс внешней торговли и зависимость от импорта, и перспективные направления развития: углубление региональной кооперации, цифровизация таможенных процессов, создание транснациональных кластеров и импортозамещение. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий и сотрудничеству с научными учреждениями для укрепления инновационного потенциала. К 2030 году парк может стать ключевым хабом евразийской экономики, сочетающим технологичность, открытость и устойчивость.

Ключевые слова: индустриальный парк; налоговые льготы; евразийская интеграция; цифровизация; импортозамещение; иностранные инвестиции; логистический хаб.

GREAT STONE INDUSTRIAL PARK: ASPECTS AND RESULTS OF OPERATIONAL EFFICIENCY

D. A. But-Gusaim[a], P. V. Shestakova[b], L. I. Tararyshkina[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dashkabutgysaim2702@mail.ru
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, pollyvita@mail.ru
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by

The article analyses the role of the Great Stone Industrial Park as a key element of Eurasian integration, uniting the interests of the EAEU, the Belt and Road initiative and national economies. The mechanisms for attracting foreign investment through unique tax incentives and simplified customs procedures that ensure high efficiency of logistics operations are considered. The dynamics of socio-economic indicators for 2021–2024 is used as an example to demonstrate the growth in the number of residents, revenue and

exports, as well as the shift of focus to the EAEU domestic market. Challenges, including foreign trade imbalance and import dependence, are highlighted, as well as promising areas of development: deepening regional cooperation, digitalisation of customs processes, creation of transnational clusters and import substitution. Special attention is paid to digital inclusion and co-operation with scientific institutions to strengthen innovation capacity. By 2030, the park could become a key hub for the Eurasian economy, combining technology, openness and sustainability.

Keywords: industrial park; tax incentives; eurasian integration; digitalization; import substitution; foreign investment; logistics hub.

Индустриальный парк «Великий камень» представляет собой современную международную бизнес-платформу, расположенную в 25 км от города Минска. Парк отличается развитой производственной, инженерно-транспортной, таможенной и социально-административной инфраструктурой, а также предоставляет резидентам значительные налоговые и правовые преференции.

Создание индустриального парка стало результатом стратегического сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. Его функционирование основано на интеграции в ключевые международные экономические инициативы, включая Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) и китайскую стратегию «Один пояс, один путь». Благодаря выгодному геостратегическому положению и мультинациональной поддержке, парк постепенно трансформируется в один из важнейших транспортно-логистических и производственных хабов на евразийском пространстве. Он функционирует на основе особого правового режима и предлагает уникальные налоговые условия, направленные на стимулирование иностранных инвестиций и создание благоприятного делового климата. Льготная налоговая политика действует в течение 50 лет – с 2012 по 2062 г. – и включает широкий спектр преференций.

Налог на прибыль:

– 0 % в течение первых 10 лет с момента получения первой прибыли;

– 9 % – в последующий период до 2062 г.

Налог на недвижимость:

– полное освобождение от уплаты налога на недвижимость до 2062 г.

Земельный налог:

– 0 % на весь период действия льготной политики до 2062 г.

Подоходный налог с физических лиц:

– льготная ставка 9 %.

Таможенные пошлины и НДС:

– полное освобождение от ввозных таможенных пошлин и НДС на оборудование и строительные материалы, используемые для реализации собственных проектов.

Налог на прибыль по дивидендам:

– освобождение от налога на прибыль по дивидендам в течение 5 лет с момента начисления дивидендов.

Свобода валютных операций:

– полное отсутствие ограничений на валютные операции.

Страховые взносы:

– сотрудники резидентов парка с иностранным гражданством освобождены от уплаты обязательных страховых взносов.

Безвизовый въезд:

– сотрудники резидентов парка с иностранным гражданством могут находиться на территории Республики Беларусь до 180 дней в году без оформления визы [2].

Преференции, предоставляемые индустриальному парку «Великий Камень», делают его не только привлекательным для иностранных инвесторов, но и создают уникальные условия для устойчивого развития современных экспортно-ориентированных производств. Освобождение от ряда налогов и упрощение валютных операций позволяют инвесторам значительно снизить издержки и повысить рентабельность своих проектов.

То, как эти меры работают на практике, хорошо видно по динамике ключевых показателей развития парка. Из года в год увеличивается число резидентов, растет выручка, повышается прибыль и объем экспортных поставок. Все это говорит о том, что заложенные в парк экономические механизмы действительно способствуют его росту. Ниже представлена сводная таблица с основными результатами за последние четыре года.

Динамика социально-экономических показателей Индустриального парка «Великий камень» за 2021–2024 гг.

Показатели	2021	2022	2023	2024
Количество зарегистрированных резидентов (на конец отчетного периода)	85	100	120	142
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	373,0	737,6	1134,5	1606,0
Из нее:				
За пределы Республики Беларусь, млн руб.	169,9	262,3	364,0	459,0
Доля в общем объеме выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг, %	45,6	35,6	32,1	28,6
Чистая прибыль, убыток (-), млн руб.	14,0	34,6	70,8	105,7
Налоги,сборы и платежи, уплаченные в бюджет и внебюджетные фонды, млн руб.	35,9	82,9	148,4	246,7
Экспорт товаров, млн долл. США	93,2	128,6	137,3	156,0
Импорт товаров, млн долл. США	129,0	173,7	249,7	303,4

Источник: [1].

Исходя из таблицы видно, что за период с 2021 по 2024 г. число резидентов парка выросло на 67 % (с 85 до 142), а выручка от реализации – в 4,3 раза (до 1,6 млрд руб.). Чистая прибыль увеличилась в 7,5 раза (до 105,7 млн руб.), налоговые платежи – в 6,9 раза (до 246,7 млн руб.), что подтверждает экономическую устойчивость проектов.

Экспорт товаров вырос на 67 % (до 156 млн долл. США), но его доля в выручке упала с 45,6 % до 28,6 %, что указывает на смещение фокуса резидентов на внутренний рынок ЕАЭС. Импорт при этом вырос на 135 % (до 303,4 млн долл. США), отражая зависимость от зарубежных компонентов и сырья.

К 2024 г. парк перешел от экспортной модели к углубленной региональной интеграции, сохраняя роль ключевого хаба евразийской кооперации. Главные вызовы – дисбаланс внешней торговли и необходимость стратегий импортозамещения при сохранении динамики роста.

Развитие «Великого камня» в рамках инициативы «Один пояс, один путь» трансформирует таможенные услуги, делая их ключевым элементом евразийской логистики. Цифровизация стала основным трендом: внедрение электронного декларирования и предварительного информирования сократило сроки оформления грузов на 30–40 %. Например, таможенное оформление партий электроники для компании «Чайна Мерчантс» занимает 2–3 часа, после чего грузы сразу отправляются в аэропорт Минска для экспорта в ЕС или Азию. Это стало возможным благодаря синхронизации таможенных процедур с графиками авиакомпаний, включая «выделенные окна» для приоритетных рейсов. Также здесь создан железнодорожный терминал, интегрированный с таможенным складом площадью 33 000 м². Грузы, следующие из Клайпедского порта (в 500 км от парка), проходят таможенную очистку прямо на территории парка, экономя до 48 часов на логистике.

Близость к Балтийскому морю позволяет парку выступать «сухим портом» для стран, не имеющих выхода к морю. Компания «Чайна Мерчантс» использует таможенные склады временного хранения (20 000 м² открытых площадей) для консолидации грузов из Беларуси и России перед отправкой в Клайпеду. Упрощенный режим транзита и электронные коносаменты сокращают сроки оформления на 30 %, что критически важно для поставок белорусской оптики в Китай [2].

Индустриальный парк «Великий камень» обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития. Ключевыми направлениями этого развития являются углубление региональной интеграции, привлечение инвестиций, импортозамещение и цифровизация.

Одним из основных направлений является углубление интеграции в рамках ЕАЭС и ШОС. Создание транснациональных производственных кластеров в таких областях, как IT и фармацевтика, позволит объединить усилия компаний из разных стран. Например, совместные проекты с Казахстаном могут сосредоточиться на развитии логистической инфраструктуры, что позволит улучшить транспортные потоки и сократить

время доставки товаров. Важно также интегрировать парк в единую цифровую платформу, что ускорит таможенные процедуры и улучшит взаимодействие между странами. Внедрение блокчейн-технологий для отслеживания цепочек поставок повысит прозрачность и снизит риски.

Импортозамещение также является критически важным направлением. Стимулирование резидентов к использованию местных сырьевых ресурсов, таких как белорусские оптические материалы и российские микросхемы, позволит укрепить локальную экономику. Создание альянсов с университетами, например, БГУ, БГУИР и Цинхуа, для разработки новых технологий в области искусственного интеллекта и робототехники также будет способствовать снижению зависимости от импорта.

Цифровизация и инновации займут центральное место в стратегии развития парка. Одним из ключевых элементов станет полная автоматизация таможенных операций с использованием искусственного интеллекта, а также интеграция с национальной платформой «*China International Trade Single Window*» [3]. Эта система, охватывающая 25 государственных ведомств, обеспечивает единый электронный вход для подачи деклараций, обмена данными и получения разрешений. Она позволяет сократить количество необходимых документов на 41,6 %, а количество информационных элементов – на 61,7 %, тем самым ускоряя таможенные процедуры и снижая издержки для бизнеса.

В дополнение к этому будет создан технопарк, ориентированный на поддержку стартапов в сфере логистики и цифровых технологий. Доступ к современным лабораториям, тестовым полигонам и платформе для испытания решений в реальной среде создаст уникальные условия для инновационного развития. Такой подход способствует привлечению венчурных инвестиций и формированию благоприятной экосистемы для роста новых технологических компаний.

Таким образом, к 2030 г. индустриальный парк «Великий камень» имеет все шансы стать символом новой евразийской экономики – открытой, технологичной и взаимосвязанной. Увеличение числа резидентов до 300+, экспорта до 500 млн долл. США и доли локализации до 40 % – не просто цифры. Это возможность превратить Республику Беларусь в «страну-мост», где идеи Востока и Запада воплощаются в инновации, а сотрудничество заменяет конкуренцию. В мире, где логистические цепочки становятся оружием геополитики, такой парк – не просто бизнес-площадка, а гарантия устойчивости для всей Евразии. По предоставленной статистике исследования, смеем предложить продвигать инициативы по формированию альянсов с университетами как белорусскими, так и китайскими; разработку совместных проектов с Республикой Казахстан; внедрение цифровых технологий в таможенные операции и создание технопарка для поддержки стартапов.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: http://belstat.gov.by (дата обращения: 07.04.2025).

2. Индустриальный парк «Великий камень». – URL: https://industrialpark.by/ (дата обращения: 07.04.2025).

3. China's Single Window environment for international trade // World Customs Organization. – URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/sw-initiatives/china/pm0482e1_annexii.pdf?la=en (date of access: 07.04.2025).

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) от 19 дек. 2022 г. № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. ; одобрен Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : текст по сост. на 1 мая 2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166 (дата обращения: 07.04.2025).

5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. ; одобрен Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : текст по сост. на 1 мая 2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071 (дата обращения: 08.04.2025).

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

А. Н. Бушкевич[1)], А. В. Русакович[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alina_bushkevich@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, RussAV@bsu.by

Международное экономическое сотрудничество стало важнейшим фактором развития стран в условиях глобализации. Основной задачей данной статьи является определение роли ключевых международных инициатив и организаций в формировании условий для устойчивого экономического роста, особенно для развивающихся стран. Объектом исследования определена система международного экономического сотрудничества во второй половине XX – начале XXI в. Рассматриваются положения Декларации ООН, деятельность ОЭСР, статистика мировой торговли за 2014–2023 гг., а также инициатива КНР «Один пояс, один путь» и ее влияние на страны ЕАЭС. Международное сотрудничество способствует росту торговли, научно-техническому прогрессу и снижению бедности, однако сталкивается с вызовами – санкциями, различиями в платежных системах. Результаты могут быть использованы для формирования политики внешнеэкономического сотрудничества, особенно в сфере «зеленой» экономики и цифровизации.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество; международные отношения; мировая торговля; Декларация; ОЭСР; инициатива «Один пояс, один путь»; «зеленая» экономика; Евразийский экономический союз.

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION AT THE PRESENT TIME

A. N. Bushkevich[a], A. V. Rusakovich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, alina_bushkevich@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, RussAV@bsu.by

International economic cooperation has become the most important factor in the development of countries in the context of globalization. The main objective of this article is to determine the role of key international initiatives and organizations in the formation of conditions for sustainable economic growth, especially for developing countries. The object of the study is defined as the system of international economic cooperation in the second half of XX – early XXI century. The provisions of the UN Declaration, the activities of the OECD, world trade statistics for 2014–2023, as well as China's Belt and Road initiative and its impact on the EAEU countries are considered. International cooperation promotes trade growth, scientific and technological progress and poverty reduction, but faces challenges – sanctions, differences in payment systems. The results can be used to shape the policy of foreign economic cooperation, especially in the field of «green economy» and digitalization.

Keywords: international economic cooperation; international relations; world trade; Declaration; OECD; Belt and Road initiative; «green» economy; Eurasian Economic Union.

Активное развитие международного экономического сотрудничества началось после окончания Второй мировой войны, когда начали активно создаваться международные организации, развиваться интеграционные объединения. Особого уровня такое развитие достигло в 1990 г., когда Генеральной ассамблеей ООН была заключена Декларация о международном экономическом сотрудничестве (Декларация), в частности оживлении экономического роста и развития в развивающихся странах. Так, государства – члены ООН определили дискурс развития мировой экономики путем экономического роста развивающихся стран. К тому времени позиции развивающихся стран в международной торговле и финансах значительно ослабли, что привело к дальнейшему увеличению разрыва между развивающимися и развитыми странами. Внешняя задолженность стала главным фактором экономической стагнации в развивающихся странах.

Основными целями в данной Декларации считаются следующие:

– повышение жизненного уровня людей и обеспечение более весомого вклада всего населения в развитие;

– повышение эффективности функционирования рынков сырьевых товаров и обеспечение более стабильных и предсказуемых условий;

– оказание поддержки усилиям развивающихся стран по созданию и развитию собственного потенциала в области науки и технологий;

– принятие эффективных мер по охране и оздоровлению окружающей среды в соответствии с возможностями и ответственностью каждой из них и с учетом особых потребностей развивающихся стран;

– противодействие использованию протекционистских мер, а также соблюдение обязательств о невведении новых и сокращении существующих торговых ограничений;

– поощрение и укрепление экономического и технического сотрудничества [1].

Кроме данной Декларации, важный вклад в развитие международного экономического сотрудничества внесла Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), изначальная задача которой заключалась в экономической интеграции Западной Европы, создании обширного рынка с устранением внутри него количественных ограничений на переток товаров, валютных и тарифных барьеров. Однако впоследствии организация расширила свои полномочия и в настоящее время основная цель функционирования – это содействие экономическому росту стран-членов ОЭСР и повышению их вклада в глобальный экономический рост и развитие, снижение бедности в странах, не являющимися ее членами.

Государства – члены ОЭСР для достижения прогрессивного экономического развития и сотрудничества соблюдают следующие обязательства:

– обеспечение эффективного использования имеющихся у них ресурсов (как возобновляемых, так и не возобновляемых);

– поощрение развития науки и технологий;

– стремление к финансовой стабильности;

– предпринимание мер по снижению барьеров на пути движения капиталов и торговли товарами и услугами;

– оказание помощи развивающимся странам путем предоставления капиталов и технического содействия.

Так, несмотря на активное развитие международного экономического сотрудничества во второй половине XX в., только к концу столетия произошла серьезная институционализация данного направления, появились нормативные правовые акты, регулирующие данное направление. Декларация Генеральной ассамблеи ООН и деятельность ОЭСР являются только некоторыми из таких мероприятий, оказавших важное влияние на улучшение позиций развивающихся стран на мировой арене и укрепивших международные связи.

В настоящее время международное экономическое сотрудничество является стратегически важным фактором для развития всех государств мира. Такое сотрудничество проявляется в различных формах: двусторонние и многосторонние соглашения, интеграционные объединения, международные организации и так далее.

Международное экономическое сотрудничество организуется по следующим основным направлениям:

– международная торговля (внешнеторговые сделки, экспорт, импорт);

– международное производственное сотрудничество (международная производственная кооперация);

– инвестиционное сотрудничество;

– международное научно-техническое сотрудничество;

– экономическое и техническое содействие;

– валютно-финансовое сотрудничество.

Международная торговля является важнейшим элементов в экономике любой страны мира и мировой экономики в целом. Так, за последние 10 лет (2014–2023 гг.) мировой оборот товарами увеличился более, чем на 4 трлн долл. США. Такой активный рост мировой торговли связан в том числе с облегчением условий торговли благодаря снижению торговых барьеров, различным экономическим интеграциям и упрощению процедуры выхода на новые иностранные рынки товаров и услуг.

За последние 10 лет наименьшим значением мировой торговли было 31,2 трлн долл. США в 2016 году, что связано с мировым экономическим кризисом, однако даже с таким показателем, сальдо было отрицательным лишь на 0,1 трлн долл. США, что показывает на отсутствие сильного перекоса в сторону импорта. Своего максимума показатель мировой торговли достиг в 2022 г. с 45 трлн долл. США, однако при этом торговое сальдо достигло своего минимального значения, в котором импорт превысил экспорт на 1 трлн долл. США.

Мировая торговля товарами за 2014–2023 гг., трлн долл. США

Год	Импорт	Экспорт	Торговый оборот	Торговое сальдо
2014	18,4	18,4	36,8	0
2015	16,2	16,1	32,3	-0,1
2016	15,7	15,6	31,3	-0,1
2017	17,4	17,2	34,6	-0,2
2018	19,1	18,9	38	-0,2
2019	18,3	18	36,3	-0,3
2020	16,8	16,8	33,6	0
2021	20	20	40	0
2022	23	22	45	-1
2023	21	20	41	-1

Источник: [2].

В целях эффективного функционирования мировой торговли важную роль играют проекты международного сотрудничества. В настоящее время одним из важнейших таких проектов является инициатива Китайской народной республики «Один пояс, один путь». Сутью данного проекта является создание инфраструктуры, обеспечивающей быструю и качественную торговлю товарами на всем Евразийском континенте. Инициатива включает в себя строительство железных и автомобильных дорог, создание и модернизация пунктов таможенного оформления, развитие цифровых технологий в государствах и многое другое. В рамках проекта предполагается формирование «семи поясов»: транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного, туристического и шести экономических коридоров: «Китай – Пакистан» (взаимосвязь Китая и Персидского залива), «Китай – Монголия – Россия» (соединение экономической зоны вокруг Бохайского залива Китая с Восточной Европой), «Китай – Центральная Азия – Юго-Западная Азия» (коридор охватывает Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Турцию, Иран и страны Аравийского полуострова), «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма» (взаимосвязь Китая с Южной Азией), Китай – полуостров Индокитай и «Новый Евразийский сухопутный мост» (транспортный коридор проходящий через Россию, Казахстан, Беларусь, Польшу и Германию и соединяющий Китай с Западной Европой).

Что касается Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), то блок также принимает активное участи в инициативе Шелкового пути, поскольку данный путь проходит через территории большинства государств-членов. Департаментом макроэкономической политики ЕЭК был подготовлен аналитический доклад [3], в рамках которого были оценены перспективы участия ЕАЭС в инициативе и ее влияние на развитие Союза. Благодаря реализации проекта увеличится не только внешнеторговый оборот отдельных стран, но и объем мировой торговли в целом.

Несмотря на положительные аспекты международного экономического сотрудничества, многие государства до сих пор сталкиваются с большим спектром проблем на мировой арене. Так, в настоящее время одной из основных проблем, замедляющих международное сотрудничество и экономическое развитие отдельных государств, являются экономические санкции. За последнее десятилетие в экономические санкции превратились в главный способ политического влияния одних государств и блоков на другие. Еще одной проблемой, способствующей стагнации мировой торговли, является различие платежных систем, что часто является причиной невозможности заключения внешнеторговых договоров и оплаты поставок впоследствии. Для решения данных проблем функционируют различные организации, проводятся форумы и саммиты с целью создания площадок для коммуникации между государствами, решения их сложностей и противоречий.

Одним из актуальных направлений в сфере международного экономического сотрудничества в настоящее время является экологическое. Решение глобальных проблем всегда было приоритетным для мирового сообщества, однако сейчас экология и устойчивое развитие выходят на первый план именно в экономическом сотрудничестве. Государства заинтересованы в развитии «зеленых» технологий и «зеленой» экономики. Такой вид международного экономического сотрудничества как обмен технологиями, проведение образовательных программ в сфере экологизации и цифровизации, поставка экологичного оборудования или совместная работа над его разработкой являются важнейшими способами для сохранения планеты и развития мировой торговли.

Таким образом, в настоящее время международное экономическое сотрудничество является неотъемлемой частью каждого государства. Пусть его активно развитие началось относительно недавно, но оно уже достигло хороших показателей и проявило себя эффективно. Существуют различные направления сотрудничества, широкий спектр проектов. В евроазиатском контексте одним из важнейших таких проектов стала китайская инициатива «Один пояс, один путь», который поспособствует ускорению мировой торговли и повышению ее уровня и качества. Для ЕАЭС данный проект также имеет большое значение, связанное, в первую очередь, с прохождением пути через территорию Союза. Несмотря на активное развитие международного экономического сотрудничества, многие страны сталкиваются со сложностями в налаживании связей, причиной чего являются экономические санкции. Одним из самых приоритетных направлений развития международного экономического сотрудничества, на наш взгляд, является сфера экологизации и цифровизации. В данной области совместная работа государств может привести к качественным результатам в более короткий срок.

Библиографический список

1. Декларация о международном экономическом сотрудничестве, в частности оживлении экономического роста и развития в развивающихся странах // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-S-18-3 (дата обращения: 02.03.2025).

2. Статистика мировой торговли // Международный портал открытых данных. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=TOTAL&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2015 (дата обращения: 02.03.2025.

3. Аналитический доклад. Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (дата обращения: 02.03.2025).

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПУТЬ: ПОНЯТИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Э. Василевская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vasilevskaya.v.e@bsu.by

В статье рассматриваются основные положения Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь», утвержденной в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2023 г. Указанный документ раскрывает сущность понятия, направления и перспективы развития Евразийского экономического пути. В качестве основных направлений выделяется шесть векторов: обеспечение общего рынка ЕАЭС необходимыми для качественного развития товарами и ресурсами; создание общего пространства кооперационного взаимодействия; улучшение общего транспортно-логистического пространства; формирование общего финансового рынка; расширение экономического сотрудничества в сферах с интеграционным потенциалом; продвижение идеи функционирования ЕАЭС как полюса экономического притяжения. В части перспектив отмечается необходимость углубления взаимодействия с такими международными организациями как ООН, ВТамО и ВТО и региональными объединениями – как СНГ, ШОС, АСЕАН, МЕРКОСУР и СВМДА. Отдельно выделяется значимость расширения торгово-экономического сотрудничества со странами-участницами БРИКС, Вьетнамом, Сербией, Сингапуром и Ираном.

Ключевые слова: БРИКС; ЕАЭС; евразийская интеграция; Евразийский экономический путь; представительство Беларуси; ШОС.

THE EURASIAN ECONOMIC PATH: CONCEPT, DIRECTIONS AND PROSPECTS

V. E. Vasilevskaya

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, vasilevskaya.v.e@bsu.by

The article discusses the main provisions of the Declaration on the Further Development of Economic Processes within the EAEU until 2030 and for the period up to 2045 «The Eurasian Economic Path», approved during the meeting of the Supreme Eurasian Economic Council in December 2023. This document reveals the essence of the concept, directions and prospects for the development of the Eurasian Economic Route. Six vectors are identified as the main directions: providing the EAEU common market with goods and resources necessary for high-quality development; creating a common space for cooperative interaction; improving the common transport and logistics space; forming a common financial market; expanding economic cooperation in areas with integration potential; promoting the idea of functioning of the EAEU as a pole of economic attraction. Regarding the prospects, there is a need to deepen cooperation with international organizations such as the United Nations, the World Trade Organization and the WTO, and regional associations such as the CIS, SCO, ASEAN, MERCOSUR and CICA. The importance of expanding trade and economic cooperation with the BRICS member countries, Vietnam, Serbia, Singapore and Iran is highlighted separately.

Keywords: BRICS; EAEU; Eurasian integration; Eurasian Economic Path; representative office of Belarus; SCO.

Понятие «Евразийский экономический путь» является одним из элементов актуальной повестки развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), официально было введено в оборот путем закрепления положений Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» (Декларация). Данная Декларация была подписана в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета (далее – ВЕЭС) 25 декабря 2023 г., ее содержание фактически является результатом выдвинутой российской стороной инициативы об утверждении новых долгосрочных планов развития объединения.

С января 2023 г. Российская Федерация вступила в представительство в органах ЕАЭС. В рамках представительства было заявлено о достижении целей по стимулированию инвестиционной активности, наращиванию молодежных обменов, укреплению технологического суверенитета и увеличению цифровизации. Особое внимание было сконцентрировано на внедрении информационных технологий в транспортную и таможенную сферу для упрощения взаимообмена между ведомствами и перевозчиками. «В первую очередь полагаем необходимым актуализировать стратегические ориентиры. Действующий базовый документ направления развития экономической интеграции рассчитан на период до 2025 г., и важно приступить к подготовке нового документа стратегического планирования, задающего основные векторы дальнейшего интеграционного взаимодействия на среднюю и долгосрочную перспективу», – подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе заседания ВЕЭС в декабре 2022 г. [1].

В мае 2023 г. состоялось первое заседание ВЕЭС при представительстве Российской Федерации. Итогом заседания стало подписание весомого перечня документов, в числе которых пакет правок в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор о ЕАЭС) – III Большой Протокол, разработанный с целью устранения выявленных барьеров в правовом регулировании. В Договор о ЕАЭС были внесены новые нормы фитосанитарного контроля, изменено понятие «трансграничного пространства доверия», дополнены нормы электронного документооборота при проведении государственных закупок. Помимо указанного документа в ходе заседания ВЕЭС были подписаны правовые акты в области финансового содействия кооперации проектов государств-членов ЕАЭС, либерализации работы некоторых секторов услуг (туризм, кинематограф, метеорология, маркшейдерство, оценка имущества) [2].

В декабре 2023 г. состоялось второе заседание ВЕЭС при председательстве Российской Федерации. В рамках указанного заседания было подписано Соглашение о свободной торговле между государствами – членами ЕАЭС и Ираном, которому предшествовало вступившее в силу в 2019 г. Временное соглашение, позволившее нарастить объем взаимного товарооборота в два раза: с 2,4 млрд долл. США в 2019 г. до 6,2 млрд долл. США в 2022 г. Временное соглашение послужило основанием к переходу

на полноформатный режим свободной торговли между государствами-членами ЕАЭС и Ираном в 2023 г., исключающий таможенные пошлины для почти 90 % товарной номенклатуры [3].

Также в ходе отмеченного заседания ВЕЭС были утверждены направления международной деятельности ЕАЭС на 2024 г.:

– укрепление взаимодействия с государствами СНГ и ближнего зарубежья;

– развитие системного диалога с ШОС, АСЕАН и БРИКС;

– раскрытие интеграционного потенциала со странами Центральной Азии и Ближнего Востока;

– расширение экономического сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства [4].

Следует подчеркнуть, что по состоянию на декабрь 2023 г. Евразийская экономическая комиссия заключила 45 меморандумов с международными организациями и около 50 торговых соглашений с ведомственными органами третьих стран. Утвержденные направления международной деятельности ЕАЭС на 2024 г. должны способствовать увеличению этого количества документов. «В рамках года российского председательства в органах Союза в 2023 г. удалось реализовать большое количество задач и мероприятий по вопросам международной деятельности для повышения связанности региона. Мы настроены на продолжение активной работы по формированию открытого, инклюзивного и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества с третьими странами и в 2024 году», – заявил заместитель министра экономического развития Российской Федерации Д. В. Вольвач [5].

Важным итогом прошедшего в декабре 2023 г. заседания ВЕЭС является подписание Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь». Согласно содержанию указанной декларации к 2045 г. все государства – члены ЕАЭС будут стремиться достичь экономико-технологического и интеллектуального лидерства Союза в регионе, с опорой на поддержание высокого уровня благосостояния своего населения. Документ включает шесть направлений развития.

1. *Обеспечение общего рынка ЕАЭС необходимыми для качественного развития товарами и ресурсами*. С этой целью в рамках Союза будет продолжаться работа по устранению барьеров, препятствующих свободному передвижению товаров, услуг и рабочей силы:

– активизируется более углубленное сотрудничество производителей продукции агропромышленного комплекса;

– внедрятся инновационные технологии, повышающие эффективность производства и реализации продукции на внутреннем рынке ЕАЭС;

– совершенствуется таможенное регулирование путем закрепления новых фитосанитарных норм и внедрения специальных инструментов электронной прослеживаемости движения товаров;

– завершится переход в цифровую среду процессов, связанных с государственными закупками;

– сформируется общий в рамках Союза биржевой товарный рынок.

2. *Создание общего пространства кооперационного взаимодействия в технологической сфере.* С этой целью планируется усилить работу по совершенствованию условий ведения бизнеса в рамках ЕАЭС, содействию локализации совместных производств, разработке специальных мер, направленных на расширение экспорта товаров и услуг государств – членов ЕАЭС в третьи страны, в том числе путем улучшения механизмов финансовой поддержки совместных кооперационных проектов.

3. *Улучшение общего транспортно-логистического пространства, за счет увеличения транзитных перевозок грузов и их пропускной способности, создания опорных логистических центров.* Отдельное внимание будет уделено развитию придорожной инфраструктуры: созданию специальных сервисов, оснащенных современными стандартами качества. Планируется также начать реализацию новых инфраструктурных проектов по строительству морских портов, с локализацией на пути в страны экспортного интереса. Значимой задачей в данном направлении является развитие единой таможенной системы ЕАЭС, совершенствование практики применения навигационных пломб в процессе перевозок соответствующих этому требованию грузов.

4. *Формирование общего финансового рынка.* В данном направлении основные усилия будут сконцентрированы на обеспечение недискриминационного доступа на финансовые рынки государств – членов ЕАЭС. Расширятся возможности использования национальных валют Союза при расчетах во взаимной торговле, будут развиваться кредитные агентства, признанные в рейтингах ЕАЭС.

5. *Расширение экономического сотрудничества в сферах с интеграционным потенциалом, например, в туристической отрасли.* Планируется расширить экономическое сотрудничество путем создания привлекательного имиджа туристических маршрутов государств-членов Союза. Также особое внимание будет уделено совершенствованию официальной статистической базы ЕАЭС, обмену опытом в сфере переработки и использования отходов производства, созданию специальных тарифов сотовой связи в международном роуминге государств – членов Союза.

6. *Продвижение идеи функционирования ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене.* С этой целью, во-первых, будет продолжаться работа по созданию еще большего количества специальных преференциальных торговых режимов, раскрывающих интеграционный потенциал Союза. Во-вторых, будет активизирована работа по информационному продвижению идейного образа ЕАЭС как интеграционного контура Большого Евразийского пространства, при этом особое внимание будет уделено развитию института государства-наблюдателя в ЕАЭС [6].

Реализация перечисленных направлений развития ориентирована на превращение ЕАЭС в самодостаточный макрорегион с экономико-технологическим лидерством, позволяющим поддерживать высокий уровень благосостояния населения государств-членов. В подписанной Декларации, определяющей направления развития ЕАЭС до 2030 г. и контуры интеграции в его рамках до 2045 года, обозначены конкретные стратегические цели создания общего евразийского рынка.

Обращаясь к перспективам развития Евразийского экономического пути, следует заметить, что еще в декабре 2023 г. в ходе саммита ЕАЭС, прошедшего в Санкт-Петербурге, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко назвал ЕАЭС одной из наиболее продвинутых интеграционных структур в современной системе международных отношений. Глава белорусского государства заявил, что в текущих реалиях важно не потерять быстрый темп развития интеграции, необходимо двигаться к достижению не только регионального, но и мирового лидерства. В этом контексте, была отмечена важность развития сопряжения интеграционных потенциалов ЕАЭС, ШОС и БРИКС. «Несмотря на то, что мы имеем больше возможностей, надо теснее сотрудничать (прим. с ШОС и БРИКС). От этого мы станем только сильнее. Нужно пользоваться преимуществами участия в таких динамично развивающихся объединениях», – подчеркнул Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в ходе саммита ЕАЭС в декабре 2023 г. [7].

В декабре 2024 г. состоялось итоговое заседание ВЕЭС под представительством Республики Армения, были утверждены основные направления развития международной деятельности ЕАЭС на 2025 г. В качестве приоритетных направлений выделено развитие торгово-экономических отношений с соседними в отношении ЕАЭС странами, а также углубление взаимодействия с ключевыми интеграционными объединениями Евразии, Африки и Латинской Америки. Среди международных организаций, отмечена значимость развития сотрудничества в рамках ООН, ВТамО и ВТО, среди региональных объединений – в рамках СНГ, ШОС, АСЕАН, МЕРКОСУР и СВМДА. Отдельно выделяется необходимость углубления торгово-экономического сотрудничества со странами-участницами БРИКС, Вьетнамом, Сербией, Сингапуром и Ираном [8].

В 2025 г. в органах ЕАЭС председательствует Республика Беларусь. Приоритеты белорусского представительства были обозначены в официальном Обращении Президента Республики Беларусь главам государств-членов Союза в январе 2025 г.:

– ускорение раскрытия технологического потенциала государст – членов ЕАЭС;

– повышение уровня продовольственной безопасности на рынке ЕАЭС;

– завершение формирования единого транспортного пространства;

– совершенствование таможенно-тарифного регулирования на евразийском рынке;

– создание дополнительных условий для продвижения товаров ЕАЭС на зарубежные рынки [9].

Таким образом, понятие Евразийский экономический путь раскрывается через долгосрочные направления развития экономических интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Основные направления обозначены в соответствующем документе – Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь», утвержденной в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2023 г. под представительством Российской Федерации.

За 2024 г. в рамках ЕАЭС было подписано 17 соглашений о совершенствовании взаимодействия государств-членов Союза, прежде всего в торгово-экономической сфере. В общей сложности, по статистическим данным Евразийской экономической комиссии, валовой внутренний продукт ЕАЭС ощутимо увеличился: в Армении – на 6 %, в Беларуси – на 4,5 %, в Казахстане – на 4,1 %, в Кыргызстане – на 8,4 %, в России – на 4,2 % [10]. Динамичное развитие международных связей ЕАЭС в проекции последнего пятилетия указывает на растущий интерес к евразийской интеграции в мировых торгово-экономических процессах. Опираясь на приоритеты развития международной деятельности ЕАЭС в 2025 г., обозначенные Президентом Республики Беларусь, имеются все основания полагать, что устойчивая тенденция расширения интеграции будет усиливаться. «За прошедшее десятилетие наш союз сумел доказать состоятельность идеи тесной экономической интеграции. Совместными усилиями мы нарастили потенциал макроэкономической устойчивости и минимизировали влияние негативных геополитических факторов. 2025 г. для Евразийского экономического союза будет знаковым: завершается пятилетка реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции и закладывается фундамент для старта нового этапа и воплощения в жизнь Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. "Евразийский экономический путь"», – заявил Президент Республики Беларусь в Обращении к главам государств – членов Союза по случаю начала представительства Беларуси в органах ЕАЭС [11].

Библиографический список

1. О вступлении Российской Федерации в представительство в ЕАЭ // Социальный фонд России. – URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/12/09/241898 (дата обращения: 03.04.2025).

2. Итоги заседания Высшего Евразийского экономического совета в мае 2023 г. // Евразийская экономическая комиссия. – 25.05.2023. – URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/12/09/241898 (дата обращения: 03.04.2025).

3. ЕАЭС и Иран создают полноформатную зону свободной торговли // Евразийская экономическая комиссия. – 25.12.2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-iran-sozdayut-polnoformatnuyu-zonu-svobodnoy-torgovli/ (дата обращения: 03.04.2025).

4. Утверждены Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2024 год // Евразийская экономическая комиссия. – 25.12.2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2024-god/ (дата обращения: 03.04.2025).

5. Дмитрий Вольвач: в обновленном документе долгосрочного планирования ЕАЭС расширены направления сотрудничества «пятерки»// Министерство экономического развития Российской Федерации. – 30.12.2023. – URL:https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_v_obnovlennom_dokumente_dolgosrochnogo_planirovaniya_eaes_rasshireny_napravleniya_sotrudnichestva_pyaterki.html (дата обращения: 03.04.2025).

6. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (дата обращения: 07.04.2025).

7. Лукашенко высказался о главных задачах и перспективах евразийской интеграции до 2045 года // БЕЛТА. – 25.12.2023. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vyskazalsja-o-glavnyh-zadachah-i-perspektivah-evrazijskoj-integratsii-do-2045-goda-607068-2023/ (дата обращения: 09.04.2025).

8. Утверждены Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2025 год // Евразийская экономическая комиссия. – 26.12.2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2025-god/ (дата обращения: 10.04.2025).

9. Приоритеты представительства Республики Беларусь в органах ЕАЭС в 2025 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/foreign_policy/EEU2025/priorities/ (дата обращения: 10.04.2025).

10. Об итогах и приоритетах развития ЕАЭС в 2024 году // Портал по межрегиональному сотрудничеству ЕАЭС. – URL: https://regions.eaeunion.org/news/1138/ (дата обращения: 10.04.2025).

11. Беларусь председательствует в ЕАЭС. Лукашенко обозначил приоритеты на предстоящий год // БЕЛТА. – 01.01.2025. – URL: https://belta.by/president/view/belarus-predsedatelstvuet-v-eaes-lukashenko-oboznachil-prioritety-na-predstojaschij-god-686336-2025/ (дата обращения: 10.04.2025).

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ КОНТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А. С. Гараева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991, г. Москва, Россия, gaas20a@econ.msu.ru

Статья посвящена анализу трансформации глобализационных процессов и формированию новых контуров экономической интеграции в Евразии. Рассматриваются причины кризиса традиционной модели глобализации, проявляющиеся в усилении фрагментации мировой экономики и росте протекционизма. Особое внимание уделено концепции Большой Евразии и роли России в ее реализации. Выявлены ключевые направления евразийской интеграции, проанализированы институциональные механизмы, включая деятельность ЕАЭС. На основе статистических данных обоснована актуальность евразийского вектора внешнеэкономической политики России в условиях санкционного давления.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Большая Евразия; ЕАЭС; экономическая фрагментация; евразийское пространство; глобализация; региональные альянсы; экономический суверенитет.

THE CRISIS OF GLOBALIZATION: NEW CONTOURS OF ECONOMIC INTEGRATION IN THE EURASIAN REGION

A. S. Garaeva

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, gaas20a@econ.msu.ru

The article is devoted to the study of the transformation of globalization processes and the emergence of new formats of economic integration in the Eurasian region. The stages of this transformation are established in accordance with the growing fragmentation of the global economy and the rise of protectionist policies. Particular attention is paid to the concept of Greater Eurasia and the role of Russia in shaping and promoting this initiative. The paper identifies key directions and institutional mechanisms of Eurasian integration, with a focus on the activities of the Eurasian Economic Union (EAEU). It is established that regional cooperation is increasingly shaped by geopolitical shifts and external economic constraints, including international sanctions. Statistical evidence substantiates the relevance of Russia's Eurasian vector in foreign economic policy amid sanction pressure.

Keywords: Eurasian integration; Greater Eurasia; EAEU; economic fragmentation; Eurasian region; globalization; regional alliances; economic sovereignty.

Традиционно глобализация воспринималась как нечто положительное, так как происходило объединение стран в сфере торговли, политики и прочих областей. За счет этого возникли многие политические союзы, экономические блоки, транснациональные компании. Однако, чем больше страны взаимодействовали друг с другом, тем более усиливалась

их взаимозависимость. Это показывает на другую сторону глобализации. В последние годы все больше мировых лидеров и представителей научного сообщества говорят о процессе структурных трансформаций основных контуров экономики под влиянием глобализации. Усиление поляризации экономических интересов между развитыми и развивающимися странами приводит к применению протекционистских мер, появлению альтернативных экономических блоков и новых союзов. Особое значение в этом контексте приобретает регион Большой Евразии и роль России как одного из ключевых игроков в его развитии.

Двойственность глобализации. Глобализация, начавшаяся как процесс создания универсальных экономических и политических стандартов, в последние десятилетия стала порождать противоречивые тенденции. Сейчас она не столько устраняет границы, сколько трансформирует их природу, делая впоследствии страны экономически и политически зависимыми друг от друга. Особое внимание следует уделить недавним статьям А. А. Пороховского, где ученый затронул тему о нынешней глобализации [1, с. 16–17]. Экономические и политические санкции, которые ввелись против России со стороны США и ЕС в последние годы, показали истинное «лицо» глобализации и ее двойственность [2, с. 468–469]. Изначально глобализация должна была опираться на рыночные принципы, но нынешние события продемонстрировали ее основную цель – укрепление американской гегемонии. На данный момент США и ЕС все чаще прибегают к мерам экономической самоизоляции, чтобы защитить свои внутренние рынки. Часто они используют нетарифные методы регулирования, чтобы не противоречить принципам ВТО. А в последнее время все больше таких мер вводится под эгидой «зеленой» политики. Эти процессы противоречат основным принципам глобализации. Фрагментация мировой экономики сопровождается перераспределением власти между традиционными центрами влияния и новыми игроками. В этом контексте особую роль играют региональные альянсы, способные предложить альтернативу мировым центрам.

Большая Евразия и Россия. Большая Евразия представляет собой концепцию, направленную на создание устойчивого и многостороннего сотрудничества между странами Евразийского континента. Как отметил глава Минэкономразвития Российской Федерации М. Решетников в рамках XV Веронского Евразийского экономического форума: «В рамках проекта предусмотрена разветвленная сеть зон свободной торговли, межблоковые торгово-экономические партнерства и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем материке» [3]. Сама концепция была создана российским руководством в 2015 г., и стала наиболее популярна в последние годы ввиду переориентации России на Восток [4, с. 91]. За 10 лет понимание контуров Большой Евразии претерпело изменения. На данный момент под этим словосочетанием обозначаются страны «незападного» мира, которые находятся на Евразийском континенте, а также региональные объединения государств по типу ЕЭАС, ШОС, БРИКС

(отчасти) и т. д. Ведущий специалист в этой области С. А. Караганов дал широкое определение «Большой Евразии», согласно которому она – это «концептуальная рамка, задающая вектор взаимодействия государств континента» и «создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток» [5].

С начала 2022 г. деятельность России на евразийском направлении значительно возросла. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в публичных выступлениях не раз подчеркивалась необходимость выстраивания долгосрочных отношений с евразийскими государствами, усиления интеграционных процессов внутри региональных альянсов, создание новых возможностей для торговли и т. д. Концепцию «Большая Евразия» можно рассматривать как одну из внешнеполитических стратегий России, которая заключается в отстаивании своих интересов в глобальном мире и борьбе с другими интеграционными объединениями на материке, где Россия не является страной-участницей. В качестве примера можно привести попытки США создавать союзы в Восточной Азии.

На данный момент инструменты реализации проекта «Большая Евразия» в нормативно-правовой базе в основном связаны с подписанием различных торгово-экономических проектов и инвестиционных соглашений между ЕАЭС, ШОС и странами-участницами (в основном это Россия и Китай) [6, с. 120–121]. Также существуют общие проекты по наиболее важным сферам: трансграничные перевозки, инвестиции, технологии, сельское хозяйство, цифровая экономика и т. д. В перспективе можно допустить, что сотрудничество будет еще более тесным и будут привлекаться другие объединения, такие как БРИКС+, ЭПШП, АСЕАН, ВРЭП. Однако Большая Евразия все еще чаще воспринимается как проект, а не полноценное объединение стран. В связи с этим требуется дальнейшая теоретическая и практическая разработка нормативной основы функционирования государств в рамках Большой Евразии в сфере транспорта, безопасности и экономики, закрепление соглашений в правовых документах и их реализация на практике.

Роль ЕАЭС в Большой Евразии. С момента своего основания в 2015 г. ЕАЭС является одним из главных проявлений евразийской интеграции и самым успешным интеграционным проектом в постсоветском пространстве. В настоящее время в состав ЕАЭС входят пять стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Страны – участницы ЕАЭС за время существования союза заключили множество соглашений, которые юридически закрепляют рамки их сотрудничества, особенно в экономической сфере. Специальный орган, который создан на базе ЕАЭС для принятий соглашений по важным вопросам – это Высший Евразийский экономический совет, который состоит из глав государств – участников союза. ЕАЭС признан мировым сообществом и является многолетним партнером многих международных организаций, таких как ШОС, СНГ, нескольких организаций ООН.

Обращаясь к ежегодно публикуемой статистике от Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), можно охарактеризовать нынешнее положение ЕАЭС на мировой арене. Согласно данным за 2023 г., на территории стран-участниц проживает более 184 млн человек, уровень зарегистрированной безработицы – 0,8 %. Увеличился объем промышленного производства на 3,7 %, а также оборот розничной торговли – на 6,6 %. Совокупный ВВП союза по ППС составил 7631,8 млрд долл. США (4,13 % от мирового значения), более подробная информация за период 2018–2023 гг. представлена в таблице. Рост ВВП и других основных макроэкономических показателей в относительном выражении в ЕАЭС в 2023 г. превысил соответствующие показатели стран ЕС и Восточной Европы, не входящих в объединение.

Сравнение ВВП (по ППС) государств – членов ЕАЭС и других объединений на Евразийском континенте с мировыми значениями в 2018–2023 гг., млрд долл. США

	2019	2020	2021	2022	2023
Армения	44,4	43,6	47,2	56,8	64
Беларусь	201,1	233,3	256,9	262,1	282,2
Казахстан	551,1	565,8	650,2	718,6	782,7
Кыргызстан	35	34,8	39,3	45,8	50,4
Россия	4579,6	4651,8	5732,4	6009,1	6452,3
ЕАЭС	5420,1	5528,9	6726,2	7092,4	7631,8
ЕС-27	21 560,8	21 089,2	23 216,1	25 652	27 125,2
ОЭСР	64 344,3	63 395,2	69 757,6	77 048,8	81 653,7
Мир	13 9446	139 000,5	155 566,5	172 201,4	184 653,7

Источник: [7].

Отличительной особенностью ЕАЭС является доминирующее положение России во всех сферах экономики. Если вновь обратиться к таблице, то можно обнаружить стабильную тенденцию – доля Российской Федерации в ВВП ЕАЭС по ППС стабильно составляет примерно 85 %. Данное значение явно подчеркивает взаимозависимость стран – участниц ЕАЭС от российской экономики. С 2022 г. со стороны западных стран начало вводиться большое количество санкций, которые затронули все основные отрасли экспорта и импорта России. Эти санкции стали настоящим вызовом не только для нашей страны, но и для стран – участниц ЕАЭС, которые вынуждены действовать согласно их национальным интересам в первую очередь. Введенные ограничения существенно повлияли на характер межстрановых отношений, многие государства опасаются вторичных санкций из-за торговых отношений с Россией. К 2025 г. предполагалось создание общего финансового и энергетического рынка, что могло бы стать отправной точкой во многих интеграционных процессах [1, с. 14–15]. Однако уже сейчас становится очевидно, что ввиду внешнеполитической ситуации план не будет выполнен. Тем не менее, в условиях колоссального санкционного давления для России ЕАЭС остается

важнейшим инструментом в сохранении экономической стабильности и развитии интеграции на евразийском пространстве.

Заключение. Современная глобализация претерпевает глубокие изменения. Вместо восприятия этого термина как исключительно объединяющего процесса, теперь он ассоциируется больше с фрагментацией. Этот переход демонстрирует сложность и многоуровневость мировых экономических процессов. Большая Евразия – это не только ответ на кризис глобализации, но и новая модель международного взаимодействия. Реализация этой концепции для России может означать построение единого взаимовыгодного экономического пространства на евразийском континенте с дружественными странами – Китаем, странами Центральной Азии, Индией и другими. Уже сложившаяся база в виде действующих механизмов ЕАЭС, экономических структур ШОС, а также укрепляющихся торгово-экономических отношений с Китаем и другими партнерами дает основания предполагать, что концепция Большой Евразии может быть реализована в обозримом будущем.

Библиографический список

1. Пороховский, А. А. Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США / А. А Пороховский // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. –№ 10. – С.5–18. – URL: https://journals.rcsi.science/2686-6730/article/view/266251 (дата обращения: 01.04.2025).

2. Пороховский, А. А. Мудрость истории и вызовы времени (К 220-летию кафедры политической экономии МГУ) / А. А. Пороховский // Науч. тр. Вольного экон. об-ва России. – 2024. – № 4. – С. 461–470. – URL: https://veorus.ru/upload/iblock/067/maef_2024.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

3. Максим Решетников: расширение кооперации со странами-партнерами приоритет для России // Министерство экономического развития Российской Федерации. – 27.10.2022. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rasshirenie_kooperacii_so_stranami_partnerami_prioritet_dlya_rossii.html (дата обращения: 25.01.2025).

4. Бабаев, К. В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 91–110. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=77544075 (дата обращения: 01.04.2025).

5. Караганов, С. А. От поворота на Восток к Большой Евразии / С. А. Караганов// Россия в глобальной политике. – 30.05.2017. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/ (дата обращения: 25.01.2025).

6. Хорбаладзе, Э. Л. Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма / Э. Л. Хорбаладзе // Вестн. Москов. гос. област. ун-та. Сер.: История и полит. науки. – 2022. – № 4. – С. 117–123. – URL: https://www.istpolitmgou.ru/jour/article/view/1511/1440 (дата обращения: 01.04.2025).

7. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Finstat_42024.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЫНКОВ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СПРОСА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Х. Н. Джавадзаде

Загатальский филиал Азербайджанского государственного экономического университета,
ул. Ахмеда Раджабли, 4, Az6205, г. Загатала, Азербайджанская Республика,
xayyam1984@mail.ru

Статья посвящена изучению ситуации с обеспечением спроса на продовольственные товары, определению направления влияния сельскохозяйственных рынков на удовлетворение спроса на продовольственные товары и существующие проблемы в этой сфере. В ходе исследования использовались сравнительный анализ, обобщение, табличный и графический методы. Указывается, что правильная организация и развитие сельскохозяйственных рынков может стимулировать предпринимателей, работающих в сельскохозяйственной сфере, к увеличению производства и улучшению снабжения населения страны продуктами питания. Установлено, что в результате социально ориентированной экономической политики, реализуемой в направлении развития сельскохозяйственных рынков и сельскохозяйственного производства в нашей стране, достигнут стабильный рост поставок продовольственных товаров населению. Однако обеспечение населения продуктами питания еще не достигнуто в полной мере. Сделаны предложения по улучшению продовольственного спроса страны за счет правильной организации и расширения рынков сбыта.

Ключевые слова: продовольственные товары; уровень самообеспеченности; уровень зависимости от импорта; продовольственное обеспечение.

THE EFFECT OF AGRICULTURAL MARKETS IN MEETING THE AZEBAIJAN FOOD DEMAND

Kh. N. Javadzade

Zagatala branch of Azerbaijan State University of Economics,
4 Akhmed Rajabli Street, Zagatala Az6205, Azerbaijan, xayyam1984@mail.ru

The article is devoted to the study of the situation with ensuring demand for food products, determining the direction of influence of agricultural markets on satisfying demand for food products and existing problems in this area. The study used comparative analysis, generalization, tabular and graphical methods. It is indicated that the correct organization and development of agricultural markets can stimulate entrepreneurs working in the agricultural sector to increase production and improve the supply of food products to the country's population. It has been established that as a result of socially oriented economic policy implemented in the direction of developing agricultural markets and agricultural production in our country, a stable growth in the supply of food products to the population has been achieved. However, the provision of the population with food products has not yet been fully achieved.

Keywords: food products; level of self-sufficiency; level of import dependence; food supply.

Сельское хозяйство Азербайджана, как важная составляющая экономики страны, прошло большой путь развития. В результате аграрных реформ, проведенных по инициативе и непосредственному руководству общенационального лидера Г. Алиева в середине 1990-х гг., сформировались частнособственнические отношения на землю. Коренные изменения произошли в сельском хозяйстве. Развитие сельского хозяйства, которое является одним из приоритетных направлений нефтяного сектора, определено государством как одно из приоритетных направлений экономической политики.

Мероприятия в области обеспечения пищевой безопасности реализовывались системно и комплексно. С этой целью соответствующим Указом Президента Азербайджанской Республики была утверждена и реализована «Государственная программа по надежному снабжению населения Азербайджанской Республики продуктами питания на 2008–2015 годы» [4].

Участвуя в удовлетворении спроса страны на продукты питания, сельскохозяйственные рынки служат стимулированию производства и реализации готовой продукции в более эффективных условиях. Известно, что спрос удовлетворяется как за счет внутренних ресурсов, так и за счет импорта. Мы полностью согласны с мнением В. Т. Амрахова о том, что преобладание импортных каналов в удовлетворении спроса на сельскохозяйственную продукцию происходит вследствие влияния различных факторов:

– отсутствие внутреннего потенциала в производстве продукции;

– высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции местного производства;

– неспособность проводить либеральную внешнеторговую политику;

– ошибки, допущенные при привлечении иностранных инвесторов;

– отсутствие формирования необходимой аграрной рыночной инфраструктуры для реализации сельскохозяйственной продукции и т. д. [1, с. 32–36].

По мнению Э. А. Гулиева, регулируя аграрный рынок, государство не только служит повышению уровня развития производителей, но и поддерживает снижение уровня доходов населения. Отсюда мы приходим к выводу, что государство, регулируя аграрный рынок, фактически способствует устранению проблемы нехватки продовольствия в стране и мире в целом [2, с. 13].

Текущее состояние аграрных рынков и перспективы развития. Региональные сельскохозяйственные рынки играют важную роль в национальной экономике. *Таким образом*, добиться увеличения удельного веса местной продукции на внутреннем рынке можно за счет увеличения объемов производства на региональных аграрных рынках и улучшения использования производственных мощностей. Это, в свою очередь, обеспечивает удовлетворение спроса населения на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию за счет местного производства. В то же время оно служит нейтрализации иностранного вмешательства путем

устранения экономической зависимости нашей страны. Иными словами, развитие местного производства на региональных сельскохозяйственных рынках служит обеспечению национальной продовольственной безопасности [3, с. 9].

Однако на этапе доставки продукта от производителя к потребителю устранение существующих препятствий ждет своего решения. Следует предотвратить искусственное повышение цен на продовольственном рынке. Должны быть созданы специализированные терминалы по приему сельскохозяйственной и пищевой продукции и склады для ее хранения. Необходимо принять неотложные меры в направлении организации транспортной инфраструктуры, обслуживающей перевозку продуктов, и расширения сети специальных продовольственных магазинов.

Существование необходимости принятия упомянутых неотложных мер было отражено в Указе «О дополнительных мерах в области совершенствования деятельности рынка сельскохозяйственной и пищевой продукции», подписанном Президентом Азербайджанской Республики И. Алиевым 16 января 2014 г.

Согласно Указу Президента, соответствующие поручения даны государственным учреждениям. Ярмарки по продаже сельскохозяйственной продукции, проводимые в Баку, организованы более эффективно, созданы нормальные условия для их деятельности. Создание благоприятной торговой среды для населения и фермеров, устранение злоупотреблений на ярмарках. Ярмарки организуются в городах и областных центрах с целью расширения доступа сельхозпроизводителей на оптовые и розничные рынки.

Пункты убоя и реализации мяса создаются в соответствии с ветеринарно-санитарными и санитарно-эпидемиологическими требованиями. Убой мяса запрещается в местах, не соответствующих ветеринарно-санитарным и санитарно-эпидемиологическим требованиям, обеспечена эффективная организация информационно-консультационного обслуживания фермеров, увеличивается экспорт сельскохозяйственной и пищевой продукции. Одновременно создаются частные базы снабжения и сбыта, торговые компании, логистические центры, упаковочные и тарные фермы, специальные транспортные средства, обслуживающие перевозки сельскохозяйственной и пищевой продукции, в том числе авторефрижераторный парк.

В районах города Баку и крупных городах создается сеть постоянно действующих специализированных «фермерских магазинов» и «зеленых рынков», предотвращаются тенденции недобросовестной конкуренции в процессе поставок на рынке сельскохозяйственной и пищевой продукции, усиливается антимонопольный контроль, осуществляется совершенствование сельскохозяйственного учета, статистики безопасности пищевых продуктов и экспертизы цен на продовольственном рынке [5].

Благодаря реализации указа достигнут важный прогресс в стимулировании производства сельскохозяйственной продукции и защите вну-

треннего рынка. Мы полагаем, что более серьезные ее последствия проявятся в ближайшем будущем.

Регулярная разработка прогнозов продаж потребителям по группам выпускаемой продукции обеспечивает производителю заранее необходимую информацию о том, какой объем продукции выйдет на рынок в будущем. Такая ситуация обеспечивает своеобразную социально-экономическую защиту потребителей путем создания условий для сохранения пропорциональности между спросом и предложением на рынке потребительских товаров.

Уровень самообеспеченности продуктами питания. Анализ уровня самообеспеченности продуктами растениеводства и животноводства очень важен с точки зрения оценки продовольственной безопасности. Некоторые ученые полагают, что если страна может удовлетворить более 70 % своих внутренних потребностей за счет местных продуктов, то эту страну можно считать страной, обеспечившей продовольственную безопасность. Устранение зависимости от импорта продовольствия считается одной из главных задач, стоящих перед каждой страной. В пищевой норме каждого народа есть продукты с более высоким удельным весом.

В норме питания населения Азербайджана преобладают пшеница, картофель и другие продукты такого рода. Потребность страны в пшенице удовлетворяется за счет соседних стран, в основном Российской Федерации и Казахстана. Государство пытается реализовать регулирование внутреннего аграрного рынка путем проведения мер регулирования путем отмены НДС, применяемого к импорту зерна в случае его дефицита в определенные периоды.

Для оценки состояния продовольственной безопасности нами проана-лизирован уровень самообеспеченности и зависимости от импорта по основным продуктам питания. Уровень самообеспеченности овощами, бахчевой продукцией, фруктами и ягодами составил более 100 %. Таким образом, наша страна может обеспечить себя этой продукцией. Среди этой продукции уровень импортозависимости по фруктам и ягодам составил 18,3 %. На первый взгляд может сложиться впечатление, что здесь имеет место парадокс: наша страна полностью обеспечивает себя этой продукцией и в то же время зависит от импорта. Этот «парадокс» имеет простое объяснение. В Азербайджан импортируется ряд фруктов и ягод, которые не растут в нашей стране, что в целом проявляется в зависимости от импорта этого сегмента продукции.

Уровень самообеспеченности по другим включенным в анализ культурам (зерновые, бобовые и картофель) нельзя признать удовлетворительным. Особенно это касается круп, которые являются стратегическим продуктом. В 2023 г. уровень самообеспеченности зерновыми составил 70,5 %, а уровень зависимости от импорта – 29,5 %. Уровень самообеспеченности бобовыми и картофелем составил 62,8 и 89,8 % соответственно. Индекс импортозависимости по этой продукции составил 41,8 % и 16,6 %.

Из включенной в анализ продукции животноводства мы смогли обеспечить себя только яйцами. Уровень самообеспеченности мясом и мясопродуктами, молоком и молочными продуктами, рыбой и рыбопродуктами составляет соответственно 85,3; это составило 84,0 и 75,4 %. Уровень импортозависимости по указанной продукции животноводства также достаточно высок (15,0, 17,5 и 25,4 %).

По результатам анализа основных пищевых продуктов, прошедших промышленную переработку, видно, что спрос страны на эту продукцию не полностью удовлетворен и существует зависимость от импорта. Таким образом, уровень самообеспеченности мукой нашей страны составил 90,4 %, а уровень зависимости от импорта – 10,4 %. По растительным маслам эти показатели составили 54,9 % и 54,2 %, по сливочному маслу – 64,7 % и 38,3 %, по сахару – 84,4 % и 27,4 %, по чаю – 89,5 % и 16,3 % [7, с. 13–15].

С целью изучения динамики обеспечения населения страны продуктами питания был изучен один из основных продуктов из каждой из групп продовольственных товаров, включенных в исследование. В наш анализ были включены зерно и зернобобовые из продуктов растительного происхождения, мясо и мясопродукты из продуктов животноводства, мука из продуктов промышленной переработки. За анализируемые 2010-2023 гг. уровень самообеспеченности зерном и зернобобовыми в нашей стране имел тенденцию к повышению. Так, ее уровень увеличился с 56,6 % в 2010 г. до 73,6 % в 2021 г., а в последующие два года несколько снизился до 70,5 % в 2023 г. [7, с. 19, 39, 50]. За период 2010–2023 гг. наблюдается динамика производства зерна и зернобобовых, однако спрос на эту продукцию в стране до сих пор не полностью удовлетворен. Уровень зависимости от импорта этой продукции также не является удовлетворительным. Правда, его уровень за анализируемый период несколько снизился: он снизился с 56,6 % в 2010 г. до 29,6 % в 2023 г. Мы считаем, что сложившаяся ситуация в сфере производства зерна и зернобобовых, как очень важном стратегическом направлении в ближайшее время будет исправлена. В связи с тем, что удовлетворение потребностей населения в зерне и скота в кормах напрямую зависит от этой отрасли, ее развитие находится в постоянном фокусе внимания руководства страны. В связи с этим, одним из важных государственных документов, принятых в этом направлении, следует считать подписанный Президентом Азербайджанской Республики И. Алиевым 19 июля 2022 г. Указ «О повышении уровня само-обеспеченности продовольственной пшеницей». В целях повышения уровня самообеспеченности страны продовольственной пшеницей за счет создания новых механизмов регулирования, позволяющих мобилизовать существующие ресурсы, а также организовать производство продовольственной пшеницы, в качестве пилотного проекта на начальном этапе производится продовольственная пшеница, произведенная лицами, взявшими на себя обязательства по производству продовольственной пшеницы в хозяйствах, где применяются современные ирригационные системы согласно контракту, заключенному с Министерством сельского

хозяйства Азербайджанской Республики, и поставлена Государственному Агентству Резервов Азербайджанской Республики и мукомольным заводам сроком на 5 лет, начиная с 2023 г. предусмотрено предоставление субсидий [6].

Уровень самообеспеченности за 2010-2023 гг., анализируемый по мясу и мясопродуктам, менялся практически на постоянном уровне – 85 %, за исключением 2015 г. Уровень зависимости от импорта этой продукции в последние годы несколько увеличился по сравнению с началом исследуемого периода и достиг 15,0 % в 2023 г.

Сегодня уровень самообеспеченности населения продуктами животноводства в Азербайджане можно считать удовлетворительным. Можно сказать, что внутренний спрос на мясо и мясопродукты покрывается за счет отечественной продукции. Таким образом, с начала анализируемого периода уровень самообеспеченности был выше 95 % до 2020 г., а за последние два года он снизился на 3–5 процентных пунктов. Уровень импортозависимости за анализируемый период увеличился на 5 процентных пунктов – с 5,4 % в 2010 г. до 10,4 % в 2023 г.

Библиографический список

1. Амрахов, В. Т. / Аграрные рыночные отношения / В. Т. Амрахов. – Баку : Азернашр, 2007. – 187 с.
2. Гулиев, Э. А. Аграрная экономика / Э. А. Гулиев. – Баку : Кооперация, 2015. – 320 с.
3. Гулиев, Э. М. Перспективы регионального развития аграрных рынков : автореф. дис. … д-ра философии : 5312.01 «Экономика отрасли». / Гулиев Эльчин Мардан оглы ; Азербайд. гос. аграр/ ун-т. – Баку, 2018. – 23 с.
4. Государственная программа по надежному снабжению населения Азербайджанской Республики продуктами питания на 2008–2015 годы : Указ Президента Азербайджан. Респ. от 25 сент. 2008 г. №3004 // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=24210 (дата обращения 23.03.2025).
5. О дополнительных мерах в области улучшения деятельности рынка сельскохозяйственной и пищевой продукции : Указ Президента Азербайджан. Респ. от 16 янв. 2014 г. № 221 // E-ganun. – URL: https://e-ganun.az/framework/26976 (дата обращения 23.03.2025).
6. Повышение уровня самообеспеченности продовольственной пшеницей : Указ Президента Азербайджанской Республики, 19 июля 2022 г. // Президент Азербайджанской Республики. – URL: https://president.az/az/articles/view/56697 (дата обращения 23.03.2025) (на азерб. яз.).
7. Продовольственные балансы Азербайджана : стат. сб. / Государственный комитет статистики Азербайджанской Республики. – Баку : AZMEAGA GROUP, 2024. – 142 с.

ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЗДАНИИ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В. Д. Белорусова

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ZaitsavaVD@bsu.by

В работе рассматриваются особенности женского предпринимательства в области создания и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в мировой практике и в условиях евразийской экономической интеграции. Отмечается тенденция к росту вовлеченности женщин в процесс создания и коммерциализации ОИС. На основании проведенного анализа, сделан вывод о том, что углубление интеграции и более тесное торгово-экономическое сотрудничество в ЕАЭС возможно при изучении национальных и культурных особенностей, проявление которых наиболее заметно в женском предпринимательстве, что свидетельствует о необходимости усиления поддержки женских инициатив, в том числе в области ОИС, в государствах – членах ЕАЭС.

Ключевые слова: женское предпринимательство; ЕАЭС; объекты интеллектуальной собственности; коммерциализация.

THE POTENTIAL OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN THE CREATION AND COMMERCIALIZATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

V. D. Zaitseva

Belarusian State University,
4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ZaitsavaVD@bsu.by

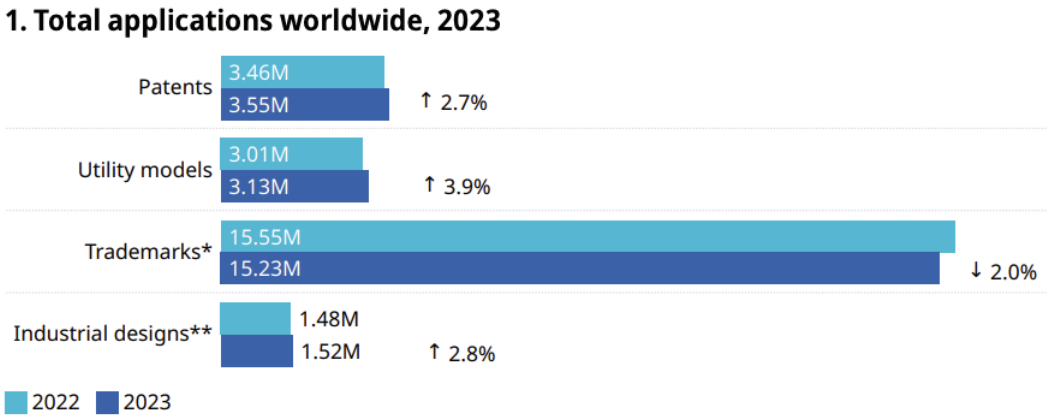
The paper is about the peculiarities of women's entrepreneurship in the field of creation and commercialization of intellectual property objects in the world practice and within the Eurasian economic integration. There is a tendency to increase the involvement of women in the process of creation and commercialization of IPO. Based on the analysis, it is concluded that the deepening of integration and closer trade and economic cooperation in the EAEU is possible with the study of national and cultural peculiarities, the manifestation of which is most noticeable in women's entrepreneurship. It indicates the need to strengthen support for women's initiatives, including in the field of OIS, in the EAEU member states.

Keywords: women's entrepreneurship; EAEU; intellectual property; commercialization.

Переход Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) на инновационный путь развития через модернизацию экономик государств-

членов на основе нового технологического уклада определен Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [1], а также Основными направлениями экономического развития ЕАЭС до 2030 г. [2]. Соответственно, это предполагает активизацию создания и коммерциализации ОИС.

Традиционно эффективность создания и коммерциализации ОИС принято оценивать на основе количества поданных заявок и зарегистрированных соответствующим образом ОИС. Согласно статистическим данным ВОИС, в 2023 г. число заявок на изобретения в мире увеличилось на 2,7 %, на полезные модели – выросло на 3,9 %, на промышленные образцы – увеличилось на 2,8 % (рис. 1). Количество заявок на товарные знаки составило 15,2 млн (снижение на 2 % по сравнению с 2022 г.) [3].

Общее количество заявок на получение охраны ОИС в мире в 2023 г.

Источник: [3]

При этом доля женщин среди заявителей на получение охраны на изобретения в мире составляет около 16 % от всех заявителей, указанных в международных патентных заявках. Согласно статистике о темпах развития промышленного дизайна в мире в 2022 г. женщины составляют около 21 % от общего числа дизайнеров в заявках на регистрацию промышленных образцов. За период с 2001 по 2020 г. доля указанных в заявках женщин-дизайнеров выросла в два раза (с 10 до 20 %) [3].

Как было отмечено президентом Евразийского патентного ведомства Г. Ивлиевым, число евразийских патентов, получаемых ежегодно женщинами-изобретателями, за 10 лет выросло в 4,5 раза [4]. Согласно статистике выдачи евразийских патентов в 2023 г. – изобретательницам выдано 753 евразийских патента. Это 20 % от общего числа выданных евразийских патентов. При этом доля женщин-изобретателей в мире – менее четверти от общего количества изобретателей.

Таким образом, общемировая тенденция к росту вовлеченности женщин в процесс создания и коммерциализации ОИС подтверждает актуальность исследования женского предпринимательства в контексте развития экономической интеграции в ЕАЭС.

В странах с развивающейся экономикой (согласно классификации МВФ, государства – члены ЕАЭС относятся к странам с развивающейся экономикой) женщины активнее участвуют в креативных индустриях, культурном предпринимательстве и создании авторских объектов, где требования к капитальным вложениям ниже, а барьеры входа – менее выражены.

Женщины больше ориентированы на развитие личных брендов, которые могут стать основой не только для построения бизнеса, но и регистрации товарных знаков. И так как приоритетными для женского предпринимательства являются области с акцентом на национальные особенности страны (дизайн одежды, изготовление косметики, *food*-технологии, образование), то распространение объектов интеллектуальной собственности на уровне ЕАЭС предполагает учет историко-культурных и нравственных ценностей каждой страны.

Президент Республики Беларусь, председательствующей в органах ЕАЭС в 2025 г., в интервью МТРК «Мир» отметил, что «в культуре народов государств ЕАЭС много общего, мы едины, и на основании всех этих взаимосвязей необходимо выстраивать и развивать более тесное торгово-экономическое сотрудничество» [5].

Вместе с тем углубление интеграции, более тесное торгово-экономическое сотрудничество в ЕАЭС возможно при изучении национальных и культурных особенностей (анализ всегда предшествует синтезу), проявление которых наиболее заметно в женском предпринимательстве.

В государствах – членах ЕАЭС женское предпринимательство имеет разный уровень развития и влияния на общегосударственные процессы. В Казахстане и России отмечается рост числа женских стартапов в области цифровых технологий. В Беларуси высокий процент женщин задействован в научно-исследовательской сфере (около 40 %) [6], а уровень вовлеченности женщин в сферу предпринимательства составляет 36,4 % [7]. В Армении и Кыргызстане (странах с более ярко выраженными традиционными гендерными установками) участие женщин в инновационной деятельности и сфере ИС носит фрагментарный характер. Основные драйверы развития женского предпринимательства в этих странах – международные гранты и программы международных организаций. В их числе, пилотный проект «Клиники по управлению интеллектуальной собственностью для малых и средних предприятий, возглавляемых женщинами» в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане, проведенный ВОИС в 2024 г. Проект направлен на информирование о возможных путях развития с использованием ОИС и поддержку предприятий, возглавляемых женщинами.

С целью развития и стимулирования женского предпринимательства на региональном уровне в странах ЕАЭС также реализуется ряд мер. Создаются национальные программы по поддержке женщин в науке и инновациях. Например, в Российской Федерации учреждена Женская Лига Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов. Странами-

участницами Евразийской патентной конвенции, членами которой являются все государства ЕАЭС, основана Евразийская Лига женщин-изобретателей и технологических предпринимателей.

Созданы бизнес-инкубаторы и акселераторы, специализирующиеся на женском предпринимательстве – российская федеральная программа «Мама-предприниматель» (для поддержки женщин с бизнес-идеями или работающими проектами), казахстанский акселератор «*She Leads*», задача которого – способствовать развитию успешного женского предпринимательства в Казахстане, создавая благоприятную среду для роста женщин в бизнесе, а также проведение анализа в области женского предпринимательства, выработка предложений и мер по улучшению условий предпринимательской деятельности среди женщин в диалоге с государством и институтами развития. В Беларуси для начинающих женщин-предпринимателей Белагропромбанк дважды по состоянию на 2025 г. проводил мероприятия в рамках бизнес-акселератора «Я расту!», в котором для женщин разных сфер деятельности, развивающих бизнес менее года, организованы мероприятия для прохождения жизненных циклов начинающим бизнесом [8].

Ежегодно увеличивается количество конференций, посвященных женскому предпринимательству, международной интеграции, инновационному развитию, в том числе на уровне интеграционных объединений (например, белорусско-российская бизнес-конференция, направленная на построение коммуникаций женщин-предпринимателей Беларуси и России «Женский бизнес. Международная интеграция. Инновационное развитие», сентябрь 2023 г.).

В 2024 г. во второй раз проводилась Евразийская Конференция женщин-изобретателей и технологических предпринимателей в сфере женского изобретательства, научно-технического творчества и креативных индустрий, творческих профессий «Технологии без границ: женщины в инновациях и интеллектуальной собственности». В Конференции приняли участие представители 8 стран-участниц Евразийской патентной Конвенции, а также из Узбекистана, Индии, Бразилии, Болгарии, США, представители изобретательского и инновационного сообщества, международных и общественных организаций, исполнительных и законодательных органов власти, лауреаты и победители российских и международных премий и конкурсов.

Евразийской Лигой женщин изобретателей и технологических предпринимателей предложена инициатива учредить Международный день женского изобретательства 7 октября, приуроченный к 170-летию выдачи в 1854 г. первой привилегии женщине-изобретателю в Российской Империи – купчихе К. А. Полежаевой-Зубовой. Выдвинута инициатива создания международной премии «Разработано женщинами Евразии», которая будет способствовать продвижению инновационных проектов, созданных женщинами.

В условиях активизации перехода государств – членов ЕАЭС к инновационному типу экономики объекты интеллектуальной собственно-

сти становятся одним из ключевых инструментов устойчивого развития. Отмеченные особенности мирового и регионального опыта участия женщин в инновационной и научной деятельности, а также специализация женского предпринимательства на создании ОИС с акцентом на национальные культурные особенности, подтверждает необходимость вовлечения большего количества женщин в изобретательскую и новаторскую деятельность на евразийском пространстве.

Таким образом, женские инициативы в области ОИС имеют большой потенциал и могут стать точками роста для евразийской интеграции путем создания транснациональных брендов, культурных продуктов, технологий.

Библиографический список

1. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение Высш. Евраз. экон. совета от 11 дек. 2020 г. № 12 // КонсультантПлюс. Беларусь/ ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ced9836a3e92e559dba5cc0b3d658abc7768c03d/ (дата обращения: 25.03.2025).
2. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/oner2030.php (дата обращения: 25.03.2025).
3. WIPO IP Facts and Figures 2024 // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-943-2024-en-wipo-ip-facts-and-figures-2024.pdf (date of access: 05.04.2025).
4. Число евразийских патентов, выданных женщинам-изобретателям, за 10 лет выросло в 4,5 раза // Евразийское патентное ведомство. – 20.01.2025. – URL: https://www.eapo.org/eapv-news/chislo-evrazijskih-patentov-poluchennyh-zhenshhinami-izobretatelyami-za-10-let-vyroslo-v-45-raza/?amp=1 (дата обращения: 05.04.2025).
5. Лукашенко: странам ЕАЭС нужно сохранять свой рынок и осваивать другие, а не конкурировать внутри самого союза // БЕЛТА. – 09.04.2025. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-stranam-eaes-nado-sohranjat-svoj-rynok-i-osvaivat-drugie-a-ne-konkurirovat-vnutri-samogo-707945-2025/ (дата обращения: 12.04.2025).
6. Национальный семинар «Женщина и интеллектуальная собственность – катализатор инноваций и творчества» // Национальный центр интеллектуальной собственности. – 28.04.2023. – URL: https://www.ncip.by/o-centre/novosti/sobytiya/natsionalnyy-seminar-zhenshchina-i-intellektualnaya-sobstvennost-katalizator-innovatsiy-i-tvorchestv/ (дата обращения: 12.04.2025).
7. В. Рябоволов: Сегодня уровень вовлеченности женщин в сферу предпринимательства в Беларуси составляет 36,4 %, в сферу науки превышает 50 % // Национальный центр интеллектуальной собственности. – 03.09.2024. – URL: https://ncip.by/infotsentr/archive/v-ryabovolov-segodnya-uroven-vovlechennosti-zhenshchin-v-sferu-predprinimatelstva-v-belarusi-sostavl/ (дата обращения: 12.04.2025).
8. Белагропромбанк поддерживает женщин в бизнесе // Белагропромбанк. – 20.02.2025. – URL: https://www.belapb.by/about/press-tsentr/novosti/belagroprombank-podderzhivaet-zhenshchin-v-biznese-/ (дата обращения: 12.04.2025).

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ В СОСТАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В. А. Лешок[1)], Е. К. Волкова[2)], М. И. Петрова[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: leshokvika@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: VolkovaEK@bsu.by
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: maria-dt07@yandex.by

В статье рассматриваются вопросы эффективности развития Республики Беларусь в составе Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) посредством анализа и выявления тенденций динамики основных социально-экономических показателей за период 2022–2024 гг. Актуальность темы исследования обусловлена влиянием глобальной политической и экономической нестабильности на результаты деятельности государств – членов ЕАЭС. Приводятся меры, ставшие предпосылками выявленных изменений. Осуществлен сравнительный анализ значений соответствующих показателей Беларуси и ЕАЭС в целом. Выявлены риски в части динамики экспорта Беларуси и предложены рекомендации для их минимизации. На основании полученных результатов сделан вывод об эффективности участия Беларуси в ЕАЭС, а также перспективность ее членства в будущем.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; ЕАЭС; Республика Беларусь; Евразийская экономическая комиссия; ЕЭК; социально-экономические показатели; евразийская интеграция; внешнеэкономическая деятельность; санкционные меры.

ANALYSIS OF THE MAIN SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF BELARUS WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

V. A. Leshok[a] , E. K. Volkova[b], M. I. Petrova[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, leshokvika@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, VolkovaEK@bsu.by
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, maria-dt07@yandex.by

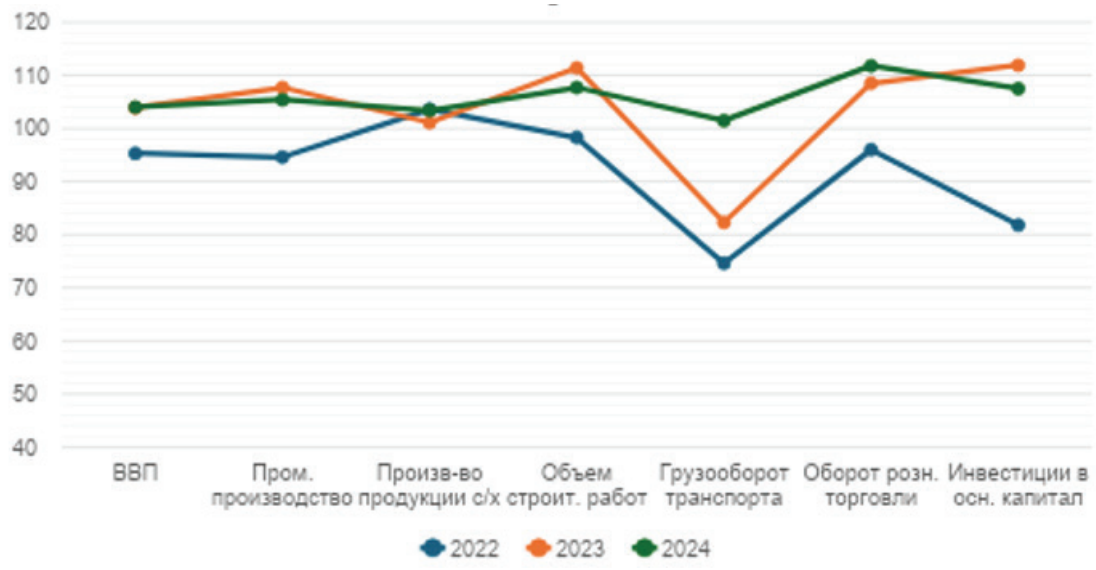
The article examines the development efficiency of the Republic of Belarus as part of the Eurasian Economic Union (EAEU, Union) through the analysis and identification of trends in the dynamics of the main socio-economic indicators for the period 2022-2024. The relevance of the research topic is due to the impact of global political and economic instability on the performance of the EAEU member states. The measures that became the prerequisites for the identified changes are provided. A comparative analysis of the values of the relevant indicators of Belarus and the EAEU as a whole is carried out. The risks in terms of the dynamics of Belarus's exports are identified and recommendations are proposed for their

minimization. Based on the results obtained, a conclusion is made about the effectiveness of Belarus's participation in the EAEU, as well as the prospects for its membership in the future.

Keywords: Eurasian Economic Union; EAEU; Republic of Belarus; Eurasian Economic Commission; EEC; socio-economic indicators; Eurasian integration; foreign economic activity; sanctions measures.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъективностью. В ее составе пять государств, ранее входивших в СССР: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. ЕАЭС был сформирован с целью обеспечения устойчивого экономического роста государств-членов с помощью проведения всесторонней модернизации, кооперации, а также скоординированной политики, осуществляемой с учетом национальных социально-экономических приоритетов стран [1]. Цель данной работы – исследование и анализ динамики социально-экономических показателей Беларуси для оценки уровня эффективности ее участия в ЕАЭС. Исследование осуществлялось с использованием информации из научных исследований по представленной тематике, а также статистических данных из открытых источников информации ЕАЭС [1] и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [2; 3, с. 6–11].

Проиллюстрируем динамику важнейших социально-экономических показателей Беларуси на рисунке. Значения некоторых индикаторов волатильны, однако в целом динамика за трехлетний период стабильная или положительная.

Динамика социально-экономических показателей Республики Беларусь за период 2022–2024, в % к данным по предшествовавшему году.

Источник: [2]

В таблице представлены данные ЕЭК (основные социально-экономические показатели ЕАЭС) для экспертного анализа структуры и динамики показателей, а также для осуществления сравнительной характеристики их относительных значений по данным ЕАЭС в целом и Беларуси в частности.

Основные социально-экономические показатели ЕАЭС

Союз/ страна	Показатель/ период	За 2022 г., в % к 2021 г.	За 2023 г., в % к 2022 г.	За 2024 г., в % к 2023 г.	Оценка динамики за период 2022–2024 гг.
ЕАЭС	Валовый внутренний продукт	98,4	103,8	104,2	Положительная
Беларусь		95,3	103,9	104,0	Положительная
ЕАЭС	Промышленное производство	100,5	103,7	104,5	Положительная
Беларусь		94,6	107,7	105,4	Рост/ Стабилизация
ЕАЭС	Производство сельскохозяйственной продукции	110,4	98,9	99,7	Стабилизация
Беларусь		103,6	101,1	103,4	Стабилизация
ЕАЭС	Объем выполненных строительных работ	107,2	108,6	103,3	Рост/ Стабилизация
Беларусь		89,3	111,4	107,7	Рост/ Стабилизация
ЕАЭС	Грузооборот транспорта	97,7	99,4	100,6	Положительная
Беларусь		74,6	82,3	101,5	Положительная
ЕАЭС	Оборот розничной торговли	94,3	106,6	107,6	Положительная
Беларусь		96,0	108,5	111,8	Положительная
ЕАЭС	Численность безработных	81,3	86,1	80,6	Стабилизация
Беларусь		86,2	71,3	78,8	Близкая к положительной
ЕАЭС	Инвестиции в основной капитал	104,7	110,3	108,2	Рост/ Стабилизация
Беларусь		81,8	111,9	107,5	Рост/ Стабилизация
ЕАЭС	Индекс потребительских цен	112,9	107,5	109,0	Близкая к положительной
Беларусь		112,8	105,8	105,2	Положительная
ЕАЭС	Индекс цен производителей промышленной продукции	98,2	117,4	107,8	Нестабильная
Беларусь			104,6	106,0	Близкая к положительной

Источник: [2].

Данные таблицы показывают стабильный рост большинства показателей. На протяжении всего анализируемого периода наблюдается устойчивый рост ВВП и оборота розничной торговли. Исключением для показателя товарооборота стал 2022 г. Причиной, на наш взгляд, стало влияние сложной геополитической ситуации в мире. Динамика этих индикаторов Республики Беларусь коррелирует с их изменением по всему ЕАЭС.

Значения показателей промышленного производства, объема выполненных строительных работ, а также объема инвестиций в основной капитал колебались на протяжении анализируемого периода, однако, несмотря на периодическое снижение темпов роста, отмечено некоторое увеличение данных индикаторов. Значения показателей промышленного производства и объема выполненных строительных работ в Беларуси в период с 2023 по 2024 гг. превышают их величину в ЕАЭС, в то время как инвестиционный показатель имеет схожую динамику. В 2022 г., вследствие санкционных мер в сфере международной торговли и, как результат, снижение инвестиционной привлекательности, у Беларуси наблюдается значительное понижение относительных значений рассматриваемых индикаторов.

Отдельно выделим стабильные значения показателей производства сельскохозяйственной продукции, что указывает на значимость и конкурентоспособность данного сектора в рамках как Беларуси, так и всего ЕАЭС. Особое внимание необходимо уделить данным индекса потребительских цен и индекса цен производителей промышленной продукции. Анализируя уровни данных индикаторов, можно отметить стабильное снижение первого, и близкую к снижению динамику второго показателя. Можно отметить, что данные показатели в Беларуси ниже, чем в целом по ЕАЭС, что указывает на приемлемые темпы роста цен.

Вследствие примененных к Республике Беларусь санкционных мер со стороны стран запада в 2022 г. наблюдалось снижение значений всех индикаторов, за исключением производства сельскохозяйственной продукции, а также высокий уровень повышения цен, составляющий около 13 %. Начиная с 2023 г., наблюдается увеличение и стабилизация всех показателей, а также снижение темпов роста цен, указывающие на приемлемую адаптивность Беларуси к внешним вызовам. Также, исходя из приведенных в таблице данных, мы можем наблюдать устойчивое снижение безработицы на протяжении всех рассматриваемых лет как в Республике Беларусь, так и в целом по ЕАЭС.

Беларусь – страна с экспортоориентированной экономикой, которая выражает интерес в упрощении условий торговли, благодаря чему она имеет заинтересованность в политике «четырех свобод», учрежденной Союзом в статье 4 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. Данная концепция подразумевает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на всем пространстве ЕАЭС и имеет положительный макроэкономический эффект на развитие стран-членов. Можно выделить несколько положительных последствий:

1) увеличение конкуренции на рынке Единого экономического пространства и ее следствия (понижение цен и, ввиду этого, повышение благосостояния народов стран ЕАЭС, увеличение количества товаров, внедрение инноваций);

2) повышение спроса на товары и, как следствие, наращивание объемов производства;

3) уменьшение издержек за счет снижения затрат на экспорт/импорт товаров и доставку ресурсов;

4) снижение безработицы за счет повышения количества рабочих мест.

В ЕАЭС осуществляется поэтапное формирование скоординированных и единых политик. Учреждение Союза подразумевает разработку комплексного подхода по укреплению и наращиванию экономик стран-участниц. 17 марта 2022 г. Совет Евразийской экономической комиссии утвердил комплекс мер по стабилизации и наращиванию важнейших социально-экономических индикаторов [3, с. 6–11]:

– субсидирование;

– снижение ставок ввозных таможенных пошлин и предоставление тарифных льгот на товары критического импорта;

– принятие мер, направленных на сокращение сроков таможенных операций и их упрощение;

– формирование новых логистических цепочек;

– создание условий для беспрепятственного перемещения граждан государств-членов в рамках Союза;

– стимулирование взаимных инвестиций;

– расширение использования национальных валют;

– проработка механизмов расширения торгово-экономического сотрудничества с ключевыми партнерами Союза;

– заключение с ключевыми партнерами Союза соглашений об устранении технических барьеров во взаимной торговле.

Данный комплекс мер имел значительное влияние на рассматриваемые нами социально-экономические показатели: произошло наращивание производства и торгового оборота. Также, вследствие данной международной интеграции, было вовлечено большее количество иностранных инвестиций, непосредственно влияющих на экономическое состояние страны. Можно наблюдать эффективность применения данных мер по динамике значений анализируемых выше показателей, отражающей продуктивность интеграции Беларуси в составе ЕАЭС.

Наряду с этим, нельзя не упомянуть о влиянии дефицита счета текущих операций платежного баланса на анализируемые социально-экономические показатели Республики Беларусь. Отметим рост упомянутого индикатора, отражающего итоги внешнеэкономической деятельности страны, до уровня, на 89 % выше за I–III кварталы 2024 г., по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. [4, с. 1]. При дальнейшем сохранении представленной динамики, необходимо выделить риск его дальнейшего увеличения. Это, в свою очередь, свидетельствует о повышенной вероятности снижения объема экспорта товаров. На наш взгляд, данный риск частично покрывается на протяжении ряда лет, учитывая рост объемов реализации услуг и наличие положительного вторичного сальдо, а также с помощью положительного абсолютного потока прямых иностранных инвестиций в страну за оба вышеуказанных периода [4, с. 3]. С учетом

вышесказанного, наряду с развитием внешнеторгового оборота товаров и услуг Беларуси, для минимизации отмеченного вызова рекомендуем усилить меры по развитию внутренней экономики и повышению внутреннего спроса как минимум до момента возврата положительной динамики экспорта белорусских товаров. По статистическим данным за январь 2025 г. такими продуктивными мерами в Беларуси, на наш взгляд, уже являются увеличение объемов строительных (подрядных) работ и ввода в эксплуатацию жилья [2].

Исходя из полученных итогов исследования и несмотря на сложную геополитическую обстановку, прослеживается положительное влияние интеграции Республики Беларусь в ЕАЭС. Это подтверждается стабильным ростом большей части социально-экономических показателей. На данный момент продолжается создание правовых, экономических и технологических условий для последующего укрепления и качественного экономического роста стран-членов, а также достижения положительных итогов совместного развития [5].

Итак, учреждение ЕАЭС и проводимая политика развития союзных отношений направлены на обеспечение благоприятных условий внешней торговли и других форм экономического взаимодействия. При сохранении интенсивности принятия мер по устранению внутренних барьеров, наращивании темпов проведения согласованной и скооперированной политики в отраслях экономики, Беларусь имеет перспективы достижения стабильного экономического роста в составе ЕАЭС.

Библиографический список

1. Евразийский экономический союз (ЕАЭС). – URL: https://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 25.03.2025).

2. Основные социально-экономические показатели Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/express/express_inf.php (дата обращения: 25.03.2025).

3. О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности: распоряжение Совета ЕЭК от 17.03.2022 № 12// Евразийская экономическая комиссия. – URL: err_18032022_12_doc.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

4. О платежных балансах в государствах – членах ЕАЭС за январь–сентябрь 2024 года: экспресс информация // Департамент статистики ЕЭК. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/balance/express_bp_2024q3.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

5. Волкова, Е. К. Направления развития и расширения союзного государства на основе Евразийского экономического союза / Е. К. Волкова // Вопросы региональной экономики. – 2023. – № 1 (54). – С. 77–89. – URL: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2023_1.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

А. А. Малышева

Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, 410056, г. Саратов, Россия, asyamalysheva@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам международной интеграции в сфере здравоохранения в рамках Евразийского экономического союза в условиях внешних вызовов. Особое внимание уделяется таким аспектам, как обеспечение лекарственной безопасности, развитие общих рынков медицинских изделий и лекарственных средств, а также гармонизация нормативно-правовой базы. Анализируются ключевые документы ЕАЭС, включая Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь», стратегические направления развития евразийской экономической интеграции, а также Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам их семей, который является приложением к Договору о ЕАЭС. Несмотря на положительные результаты интеграционного взаимодействия в сфере здравоохранения выявлены проблемы, связанные со сбоями в информационном обеспечении, а также необходимостью совершенствования нормативно-методической и испытательной базы медицинских изделий в рамках ЕАЭС. Определено, что одним из важных направлений развития евразийской интеграции в сфере здравоохранения является применение цифровых технологий и использование телемедицины.

Ключевые слова: здравоохранение; евразийская интеграция; телемедицина; лекарственное обеспечение; медицинские изделия, закупки; цифровизация; финансирование.

EURASIAN INTEGRATION IN HEALTHCARE: DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF EXTERNAL CHALLENGES

A. A. Malysheva

Saratov State Law Academy,
1 Volskaya Street, Saratov 410056, Russia, asyamalysheva@mail.ru

The article is devoted to the topical issues of international integration in the field of health care within the Eurasian Economic Union in the context of external challenges. Special attention is paid to such aspects as ensuring drug safety, development of common markets for medical devices and medicines, and harmonization of the regulatory framework. Key documents of the Eurasian Economic Union are analyzed, including the Declaration on further development of economic processes within the Eurasian Economic Union until 2030 and for the period until 2045 «Eurasian Economic Way», strategic directions for the development of Eurasian economic integration, as well as the Protocol on the provision of medical assistance to workers of member states and members of their families, which is an annex to the Eurasian Economic Union Treaty. Despite the positive results of integration interaction in the field of health care, the problems associated with failures in

information support, as well as the need to improve the regulatory, methodological and testing base of medical devices within the Eurasian Economic Union have been identified. It was determined that one of the important directions in the development of Eurasian integration in the field of health care is the application of digital technologies and the use of telemedicine.

Keywords: health care; Eurasian integration; telemedicine; drug provision; medical devices, procurement; digitalization; financing.

В условиях глобальной нестабильности, вызванной разнообразными причинами, среди которых преобладающими являются геополитические конфликты и экономические санкции, вопросы международной интеграции приобретают особую актуальность. Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз), объединяя страны с общими экономическими и социальными интересами, становится важной платформой для координации совместных усилий во многих сферах деятельности государств, в том числе и в здравоохранении. Интеграция в данной сфере является не просто профильным или экономическим вопросом, а выступает в качестве фактора национальной безопасности. Внешние вызовы в здравоохранении, обусловленные ограничением доступа к медицинским технологиям недружественных государств и необходимостью обеспечения лекарственной безопасности, побуждают к активному развитию интеграционных процессов в здравоохранении и выработке стратегических решений. Без кооперации страны Евразийского экономического союза останутся уязвимыми перед глобальными угрозами в здравоохранении, тогда как совместные решения позволят обеспечить устойчивость системы и доступность медицинских услуг, а также технологический суверенитет. Целью статьи является анализ существующих механизмов сотрудничества в рамках евразийской интеграции в сфере здравоохранения, выявление ключевых проблем и формирование возможных путей их решения для обеспечения лекарственной безопасности, гармонизации законодательства и развития цифровых технологий в медицинской деятельности на территории государств – членов ЕАЭС.

Исследования в данной сфере проводились по смежным тематикам следующими авторами: В. А. Смирновым анализировалась официальная позиция России относительно новой Стратегии развития ЕАЭС до 2045 г. [1], Н. А. Коровниковой рассматривались особенности и перспективы развития ЕАЭС в условиях кризиса *COVID*-19 [2], М. В. Шугуровым была предпринята попытка выработки концептуальной модели правового регулирования производственно-технологической евразийской кооперации в фармацевтической сфере [3].

Авторы отмечают, что сотрудничество в сфере общественного здравоохранения является одной из новых сфер евразийской интеграции. Вовлечение данной сферы в интеграционную повестку определяется несколькими факторами, в том числе признанием здоровья населения важной гуманитарной ценностью в рамках ЕАЭС и экономическими факторами [4, с. 117].

Признание здравоохранения важной сферой интеграционных процессов усматривается и в программных актах стратегического планирования ЕАЭС. Так, в Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г.«Евразийский экономический путь» указывается, что выражая стремление к 2045 г. добиться превращения ЕАЭС в макрорегион, который поддерживает высокий уровень благосостояния населения страны-участницы определили в качестве задач совершенствования экономических интеграционных процессов до 2030 г., среди прочих, «развитие общих рынков и реализацию согласованных подходов в сфере регулирования обращения медицинских изделий и лекарственных средств», а также «оказание медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам их семей в государстве трудоустройства» [5].

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. была предусмотрена проработка вопроса определения минимального стандартного набора медицинских услуг в рамках оказания бесплатной медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам их семей в государстве трудоустройства [6]. Протоколом об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и их семей (Приложение 30 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) предусматривается право на получение бесплатной медицинской помощи в экстренной и неотложной формах [7]. Помимо этого, в Кыргызской Республике и Республике Казахстан трудящимся и членам их семей предоставляется медицинская помощь в рамках обязательного медицинского страхования, а в Российской Федерации доступ к медицинской помощи имеют трудящиеся государств-членов и члены их семей, если они постоянно или временно проживают в Российской Федерации. Временно пребывающие на территории России трудящиеся иностранные граждане государств – членов ЕАЭС в соответствии с приказом Минздрава России от 21 августа 2025 г. № 496н имеют право на включение в единый регистр застрахованных лиц путем подачи заявления [8], однако обязательное медицинское страхование в отношении неработающих членов семей временно пребывающих трудящихся государств-членов в Российской Федерации в настоящее время не осуществляется, так как не определен источник финансового обеспечения страхования данной категории лиц.

Евразийской экономической комиссией было определено, что минимальный стандартный набор медицинских услуг, который предоставляется трудящимся и членам их семей в государстве трудоустройства, осуществляется в рамках оказания скорой медицинской помощи. Однако объем предоставляемых медицинских услуг отличается в зависимости от государства. Так, например, в Российской Федерации трудящимся государств – участниц ЕАЭС, которые застрахованы в рамках обязательного медицинского страхования, оказывается специализированная, в том числе и высокотехнологичная медицинская помощь. Наличие существенных

различий между структурой организации систем здравоохранения государств – членов ЕАЭС, объемами предоставляемой бесплатно медицинской помощи, а также источниками ее финансирования предопределило вывод Евразийской экономической комиссии о том, что расширение существующего минимального стандартного набора медицинских услуг, который будет доступен всем трудящимся государств – членов ЕАЭС, потребует значительные финансовые ресурсы.

Стоит отметить, что в практике не стоит остро вопрос о массовом нарушении прав трудящихся государств – членов ЕАЭС на оказание своевременной бесплатной медицинской помощи. Наднациональные нормы, предусмотренные Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор о ЕАЭС), соблюдаются и медицинская помощь в экстренной и неотложной формах, в большинстве случаев, предоставляется.

Развитие общих рынков и реализация согласованных подходов в сфере регулирования обращения медицинских изделий и лекарственных средств также является одной из важнейших задач расширения евразийской интеграции в сфере здравоохранения. Ее основой являются статьи 30 и 31 Договора о ЕАЭС. В настоящее время ведется активная работа относительно приведения всех регистрационных удостоверений на лекарства, которые получены по национальным правилам, в соответствие с требованиями ЕАЭС. Первоначально предполагалось, что данная работа должна быть завершена 31 декабря 2024 г. однако в соответствии с распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 апреля 2025 г. № 34 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О внесении изменения в пункт 1 Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 10 июня 2022 года № 96» перенесен крайний срок процедуры приведения национальных регистрационных досье на лекарства в соответствие с правом ЕАЭС с 31 декабря 2024 г. на 31 декабря 2027 г. [9].

В Российской Федерации также происходит совершенствование правового регулирования, направленное на развитие общего рынка ЕАЭС в сфере медицинских изделий и лекарственных средств. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1875 предусматривается введение определенных мер по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ или услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок отдельными видами юридических лиц [10]. Положения рассматриваемого нормативного правового акта предусматривают механизм «второй лишний» на закупки лекарственных препаратов из определенного перечня и списка стратегически значимых лекарственных средств. Это означает, что если поступит хотя бы одна заявка на поставку российского лекарственного препарата, то заказчик будет обязан отклонить все заявки, связанные с поставкой иностранных лекарственных препаратов. Однако с учетом положений Договора о ЕАЭС установлено, что товарам, которые происходят из государства – члена ЕАЭС и работам, услугам,

выполняемым, а также оказываемым иностранным лицом, зарегистрированным на территории государства – члена ЕАЭС, предоставляются равные условия с товаром российского происхождения, работой, услугой, соответственно выполняемой, оказываемой российским лицом.

В разъяснениях Министерства здравоохранения Российской Федерации о применении рассматриваемых норм (письмо Министерство здравоохранения Российской Федерации от 14 марта 2025 г. № 25-3/2469) указывается также, что в отношении лекарственных препаратов, которые входят в перечень стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации, предусматривается следующая ситуация: если лекарственные препараты формально происходят из стран – участниц ЕАЭС, но не прошли все стадии производства на территории этих государств, то они будут приравниваться к иностранной продукции. Заявки с предложениями о поставке таких товаров могут быть отклонены в пользу российских аналогов. Данная мера предусматривается в целях стимулирования развития полного производственного цикла лекарственных препаратов в России и является следствием необходимости снижения зависимости от зарубежных компонентов лекарственных препаратов.

Несмотря на положительные результаты в развитии общих рынков и реализации согласованных подходов в сфере регулирования обращения медицинских изделий и лекарственных средств в ЕАЭС все еще остаются проблемы, связанные со сбоями в информационном взаимодействии в национальных сегментах и в интеграционном сегменте интегрированной информационной системы ЕАЭС, а также необходимостью совершенствования нормативно-методической и испытательной базы медицинских изделий в рамках ЕАЭС.

Одним из важных направлений в рамках развития евразийской интеграции в сфере здравоохранения является применение цифровых технологий и использование телемедицины. Так, Коллегией Евразийской экономической комиссии рекомендуется заинтересованным государствам – членам ЕАЭС осуществлять выработку общих подходов в вопросах, регламентирующих правовые аспекты взаимодействия при оказании телемедицинских услуг, выработку требований к интерфейсам электронного взаимодействия информационных систем для обмена данными при оказании трансграничной медицинской помощи, проработку вопроса об определении реестра организаций, которые участвуют в предоставлении телемедицинских услуг на территории ЕАЭС, а также формирование общих подходов к обеспечению безопасности и качеству оказания дистанционных медицинских услуг, в том числе при трансграничном обмене цифровыми персональными данными.

Стоит согласиться с тем, что телемедицина является ключевым инструментом развития евразийской интеграции в здравоохранении, однако ее внедрение требует решения ряда системных вопросов. К ним относятся и правовые барьеры (различия в степени правового регулирования при-

менения телемедицины в разных странах ЕАЭС, что требует гармонизации законодательства), технические барьеры (разный уровень цифровизации в государствах – членах ЕАЭС, что может быть решено посредством создания общей телемедицинской сети ЕАЭС с центрами управления в каждой стране – участнице Союза) и финансовые барьеры (отсутствие общей системы страховых расчетов или иных источников финансирования рассматриваемой деятельности).

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что евразийская интеграция в сфере здравоохранения представляет собой сложный, но стратегически важный процесс, который обусловлен как глобальными вызовами, так и внутренними потребностями государств – членов ЕАЭС. Несмотря на значительные усилия по гармонизации законодательства и созданию общих рынков медицинских товаров и услуг, сохраняются существенные разногласия в подходах к регулированию, различия в системах здравоохранения и нерешенные вопросы финансирования.

Особую сложность представляет внедрение современных цифровых технологий, в частности телемедицины, которое требует не только унификации правовых норм, но и существенных инвестиций в инфраструктуру всех стран – участниц ЕАЭС.

Перспективы дальнейшей евразийской интеграции в сфере здравоохранения напрямую зависят от способности стран ЕАЭС преодолеть существующие противоречия и выработать согласованные подходы, которые учитывали бы как экономические интересы отдельных государств, так и общие цели Союза. Реализация этой задачи потребует создания эффективных наднациональных механизмов координации, которые смогут обеспечить устойчивое развитие сотрудничества в сфере здравоохранения на евразийском пространстве.

Библиографический список

1. Смирнов, В. А. Подход России к новой стратегии развития ЕАЭС до 2045 г. / В. А. Смирнов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Междунар. отношения. – 2023. – № 4. – С.320–329. – URL: https://irjournal.spbu.ru/article/view/18151 (дата обращения: 01.05.2025).

2. Коровникова, Н. А. Особенности и перспективы развития ЕАЭС в условиях кризиса *COVID*-19 / Н. А. Коровникова // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 3 (47). – С. 37–52. – URL: https://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii-old/arkhiv/2021-3/osobennosti-i-perspektivy-razvitiia-eaes-v-usloviiakh-krizisa-covid-19/ (дата обращения: 01.05.2025).

3. Шугуров, М. В. Производственно-технологическое сотрудничество в фармацевтической отрасли в рамках ЕАЭС: формирование модели правового регулирования / М. В. Шугуров // Международное право и международные организации. – 2021. – № 4. – С. 89–124. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37154 (дата обращения: 01.05.2025).

4. Шугурова, И. В.Стратегические ориентиры научно-технологического сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере общественного здравоохранения / И. В. Шугурова, М. В. Шугуров // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 7 (57). – С. 116–126.

5. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия. – М., 2025. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/2030-2045/ (дата обращения: 01.05.2025).

6. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/ (дата обращения: 01.05.2025).

7. Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и их семей (Приложение 30 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/f17/f177ed3062d518ebca5e5a83e4452b5f.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

8. Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования : приказ Минздрава России от 21 августа 2025 г. № 496н // КонтурНорматив. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501798 (дата обращения: 01.05.2025).

9. О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О внесении изменения в пункт 1 решения Совета Евразийской экономической комиссии от 10 июня 2022 года № 96 : распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 апр. 2025 г. № 34 // Альта-Софт. – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/25r00034/ (дата обращения: 01.05.2025).

10. О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2024 г. № 1875 // Правительство Российской Федерации. – URL: http://government.ru/docs/all/157130/ (дата обращения: 01.05.2025).

БРЕНД-МЕНЕДЖЕР КАК НОВЫЙ СУБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. А. Меннанова

Федерация профсоюзов Беларуси,
пр. Победителей, 21, 220004, г. Минск, Беларусь, ninamennanova@gmail.com

Статья посвящена анализу актуальности и перспективам профессии бренд-менеджера в Республике Беларусь и на евразийском пространстве. Рассматриваются факты востребованности и современных тенденций данного направления в организациях реального сектора экономики с учетом стратегической роли в управлении организацией и выполнения контролирующих функций. Указывается на наличие соответствующих пробелов в действующем законодательстве. Устанавливается необходимость детального изучения особенностей и перспектив профессии бренд-менеджера для включения такой специальности в перечни образовательных программ.

Ключевые слова: бренд-менеджер; бренд-менеджмент; экономика управления; брендинг; маркетинг; товарный знак; трудовое законодательство; Евразийский экономический союз.

BRAND MANAGER AS A NEW SUBJECT OF ENTERPRISE MANAGEMENT ON THE EURASIAN SPACE

N. A. Mennanova

Federation of Trade Unions of Belarus,
21 Pobediteley Avenue, Minsk 220004, Belarus, ninamennanova@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the relevance and prospects of the profession of brand manager in the Republic of Belarus and in the Eurasian space. The facts of demand and modern trends of this direction in organizations of the real sector of the economy are considered, taking into account the strategic role in the management of the organization and the performance of control functions. The presence of relevant gaps in the current legislation is indicated. The need for a detailed study of the features and prospects of the profession of brand manager is established for the inclusion of such a specialty in the lists of educational programs.

Keywords: brand manager; brand management; management economics; branding; marketing; trademark; labor legislation; Eurasian Economic Union.

Одним из актуальных и динамично развивающихся инструментов повышения эффективности деятельности предприятий и организаций и продвижения на евразийском рынке является бренд-менеджмент. Целью написания статьи является исследование и обоснование актуальности и экономической эффективности профессии бренд-менеджера для организаций реального сектора экономики. В ходе исследования проанализированы нормы законодательства, учебные пособия по бренд-менеджменту,

статьи в открытых интернет-источниках, площадки по поиску и подбору сотрудников стран ЕАЭС.

Как показало проведенное исследование, в силу пробелов в действующем трудовом законодательстве [1–3], должностные обязанности бренд-менеджера включены, как правило, в функции иных специалистов, что не отвечает современным тенденциям. В наши дни бренд-менеджмент является одной из тех категорий, которая широко используется не только в области маркетинга, но и в других социально-экономических дисциплинах. С начала 1980-х гг. брендинг стал ценным инструментом для продвижения на рынке как отдельных товаров и услуг, так и компаний в целом. Зачастую потребители, нацеленные на приобретение товаров и услуг, прежде всего, ориентированы на конкретные бренды.

При этом узконаправленное трактование брендинга, сосредоточенное исключительно на области маркетинга, было изменено на более широкое и междисциплинарное. На теоретическом уровне понятие брендинга интегрировано в различные дисциплины: макро- и микроэкономика, социология, антропология и неврология. Растет количество исследований, направленных на признание прямой зависимости высокой стоимости продукции и ее эффективного продвижения от силы бренда. Именно поэтому специалист по бренд-менеджменту играет стратегическую роль в управлении организацией и выполняет контролирующую функцию по отношению к жизненному циклу бренда. Деятельность маркетолога и менеджера по продажам во многом похожа на бренд-менеджмент. В компаниях среднего бизнеса директор по маркетингу может выполнять заодно и обязанности бренд-менеджера.

На основании изучения различных парадигм, бренд-менеджмент является связующим звеном всех направлений маркетинга и, исходя из значения слова «менеджмент», представляет собой деятельность по управлению брендом и его экономической составляющей. Бренд-менеджер – не просто специалист, который разрабатывает стратегию развития, соблюдение уникальности и повышение доверия, но и управляет жизненным циклом бренда в условиях постоянно изменяющихся внутренних и внешних факторов. Зачастую эти функции полностью или частично выполняет руководитель или заместитель руководителя организации [4, с. 15].

Факторы, влияющие на спрос, невозможно рассчитать исключительно математически с помощью линейной функции как в классическом маркетинге. Это череда непредсказуемых событий. На пути своей реализации бренд проходит стадию от возникновения идеи и философии до конечного воплощения, продвижения и выстраивания экономических процессов. Поэтому бренд-менеджмент регламентирует последовательность действий организации, принципы формирования решений и их воплощения через инструментарий в области организации и управления деятельностью по созданию и продвижению бренда [4, с. 21].

Для предприятий и организаций Республики Беларусь бренд-менеджмент приобретает все большую актуальность как потенциальный

инструмент повышения эффективности экономических процессов, создания и продвижения товаров и услуг. С каждым годом организации делают попытки по включению должности «бренд-менеджер» в свое штатное расписание помимо сотрудников отделов маркетинга и рекламы.

Профессия бренд-менеджера приобретает все большую популярность. Этот факт можно констатировать, исходя из открытых источников информации. По сведениям ресурсов по трудоустройству только в Республике Беларусь сегодня 49 открытых вакансий на должность «бренд-менеджер», в Российской Федерации – 1211, а суммарно в странах Евразийского экономического союза – около 1400. В Беларуси бренд-менеджеры наиболее востребованы в столице, в Российской Федерации специалисты требуются в крупных городах, где сосредоточено много динамично развивающихся компаний: в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге и Краснодаре.

Стоит отметить, что на 10 % этих вакансий приглашают кандидатов без опыта предыдущей работы. Это свидетельствует о востребованности экономикой специалистов по созданию, продвижению и оценке брендов организациями практически любой направленности: продуктовых сетей, магазинов одежды до промышленных предприятий.

Об актуальности бренд-менеджера свидетельствует достаточно высокая заработная плата, которая предлагается нанимателем. Ее уровень в Беларуси составляет в среднем 2000–3000 тыс. руб., в России – в среднем 100 000 рос. руб. Помимо оклада бренд-менеджеры часто получают премии в зависимости от достижения определенных показателей, важных для организации [5].

Деятельность бренд-менеджера охватывает широкий спектр задач, направленных на разработку и реализацию стратегий бренда.

К его основным обязанностям относится: развитие бренда (формирование и поддержание уникальных ценностей бренда), разработка концепции и стратегии позиционирования бренда на рынке, создание визуальной идентичности, делающей бренд легко узнаваемым и ассоциируемым с определенными качествами и ценностями, поддержка репутации бренда. Также наниматели требуют проведение маркетинговых исследований: тенденций рынка, целевой аудитории, потребительских предпочтений, конкурентного и ценового анализа, проведение анализа эффективности проведенных рекламных мероприятий по продвижению брендов, планирование продаж, работа с торговыми командами компании (обучение продукту, консультации, подготовка необходимых рекламных материалов), ведение документооборота, связанного с мероприятиями по продвижению бренда, поддержание отношений с поставщиками.

Практически профессиональный бренд-менеджер создает условия для постоянного роста прибыли компании и при этом повышает доверие клиентов к сильному бренду. В отдельных организациях бренд-менеджер руководит продажей товаров и услуг под определенным товарным знаком. Но в отличие от менеджера по продажам, бренд-менеджер занима-

ется не столько самими продажами, сколько продвижением бренда на рынке. Это требует знаний и навыков в области рекламы, маркетинга, связей с общественностью и даже психологии. В отличие от маркетолога бренд-менеджер обязан разбираться в продажах не только как экономист, но как непосредственный производитель. Бренд-менеджер не просто должен ориентироваться в уникальных качествах товара или услуги, но и разбираться в технологии производства, создания, визуального оформления с целью формирования особой «философии» товара или услуги и их дальнейшего позиционирования и продвижения на рынке.

Встречается также мнение, что бренд-менеджер – это специалист по закупкам. Однако – как и в случае с маркетологом – в должностные обязанности бренд-менеджера может быть включен контроль над процессом закупок и поддержания отношений с поставщиками, но не являться при этом основным видом его деятельности.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что исходя из специфики бренда, перечень задач, которые поставлены перед профессиональным бренд-менеджером, варьируется. Например, компании с маркетингово-ориентированными брендами (одежда, косметика, рестораны и т. д.) инвестируют в построение и развитие брендов не меньше средств и ресурсов, чем в продвижение и коммерческие инициативы. Бренд-менеджер в таких компаниях отвечает за инновации, запуски, поддержку, разработку всех креативов и реализацию инициатив бренда, по сути, выполняя функции и менеджера, и маркетолога, и бренд-стратега.

Компании со сбытовой ориентацией в качестве главной задачи определяют продажи и отношения с клиентами. Как правило, это производственные компании, иногда *B*2*B*-сектор. Роль бренд-менеджера в такой компании будет ограничена управлением продуктом и его продвижением [6].

Персональный бренд-менеджер создает и доносит до целевой аудитории определенный образ. Персональный бренд в этом случает – это инструмент для решения личных задач. Персональный бренд менеджер – синергия сразу нескольких профессий: аналитика, стратега, журналиста, *PR*-специалиста, карьерного консультанта и психолога. В данной области требуется привлечение и внешних специалистов: тренеров по ораторскому искусству, стилистов.

Несмотря на очевидную актуальность профессии «бренд-менеджера» в разных сферах, в отечественном трудовом законодательстве существуют явные пробелы, которые препятствуют прямому включению этой должности в штатное расписание организаций и предприятий.

Согласно статье 19 Трудового кодекса наименование профессий, должностей должно соответствовать квалификационным справочникам, утвержденным в установленном порядке и регламентирующим деятельность работников по отдельным должностям [1].

Также статьей 61 Трудового кодекса установлено, что отнесение выполняемых работ к конкретным тарифным разрядам (должностям) и присвоение работникам соответствующей квалификации определяют-

ся нанимателем в соответствии с квалификационными справочниками, профессиональными стандартами, утверждаемыми Правительством Республики Беларусь или уполномоченным им органом, нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность работников по отдельным должностям. Единый квалификационный справочник должностей служащих (ЕКСД), а также Общегосударственный классификатор Республики Беларусь профессию (должность) «бренд-менеджер не предусматривают [2; 3].

Проблема активно обсуждается специалистами по кадровому делопроизводству с 2008 г. Однако проблемные вопросы правильного наименования должности бренд-менеджера не решены. В связи с этим установление наименования профессии производится нанимателем с учетом особенностей трудовой функции работника. На практике это менеджер отдела маркетинга, специалист отдела рекламы или продаж.

Отметим, что с обозначенной проблемой включения должности бренд-менеджера в штатное расписание связано отсутствие соответствующей специальности в системе подготовки высшего и среднего специального образования. Специальность «бренд-менеджер» в белорусских высших учебных заведениях в настоящее время отсутствует. Путь в профессию лежит через получение образования по смежным специальностям в сфере маркетинга и рекламы, выстраивания стратегии и осуществления продаж. В дальнейшем необходимо пройти ряд курсов по освоению более глубоких знаний в области бизнес-аналитики, инструментов медиапродвижения и т. д. [7; 8].

Такая же ситуация сложилась и в Российской Федерации. Например, один из ведущих университетов России – Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ) готовит специалистов по нескольким смежным программам. Чтобы в будущем состояться как бренд-менеджер, абитуриенты поступают на специальность «Социология управления», «Реклама и связи с общественностью в бизнесе», «Маркетинг и управление брендами». В Институте отраслевого менеджмента РАНХиГС в Москве подготовка таких специалистов ведется по специальности «Реклама и *PR*». Будущие бренд-менеджеры также обучаются в Национальном исследовательском университете «МЭИ». Базой для получения профессии становятся программы «Реклама и управление в гостиничном бизнесе и туризме», «Промышленный дизайн» или «Реклама и продвижение СМИ». В Государственном институте управления существует возможность пройти программу бакалавриата по специальности «бренд-менеджмент» [7; 8].

В Республике Казахстан для получения профессии бренд-менеджера, как и в других странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), предлагается большое количество дистанционных курсов коммерческих образовательных организаций.

Такой опыт в Республике Беларусь, в частности, имеют Обучающая платформа онлайн-курсов *GeekBrains* (курс «Бренд-менеджмент»),

Общество с ограниченной ответственностью «БелБрендАудит» (Школа бренд-менеджмента), международная платформа дистанционного обучения «*Skillbox*» и другие.

Исходя из проведенного исследования, предлагается включение профессии «бренд-менеджер» в единые квалификационные справочники стран ЕАЭС, что отвечает современным тенденциям развития интеграционных процессов. Реалии на существующем рынке вакансий требует более детального изучения заведениях.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г.№ 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. – Минск : Нац. центр правовой информации Республика Беларусь, 2024. – 269 с.

2. Об утверждении Общегосударственного классификатора Республики Беларусь : постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 24 июля 2017 г. № 33 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/ОКРВ-1.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

3. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 011-2022 «Специальности и квалификации», утвержденный постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 24 марта 2022 г. № 54 // Абитуриент.by. – URL: https://abiturient.by/files/docs/okrb-011-2022-change-3.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

4. Макашев, М. О. Бренд-менеджмент : учеб. пособие / М. О. Макашев. – СПб. : Питер, 2013. – 224 с.

5. Бренд-менеджер // Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения. – 10.01.2024. – URL: https://niidpo.ru/blog/brend-menedzher (дата обращения: 10.04.2025).

6. Шевченко, Д. А. О профессии (или кто такой бренд-менеджер). / Д. А. Шевченко // Некоммерческое партнерство «Гильдия маркетологов. – URL; https://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/o-professii-ili-kto-takojj-brend-menedzher/ (дата обращения: 11.04.2025).

7. Кто такой бренд-менеджер и зачем он нужен компании // МТС Маркетолог – 24.05.2024. – URL: https://marketolog.mts.ru/blog/kto-takoi-brend-menedzher-i-zachem-on-nuzhen-kompanii?utm_referrer=https %3A %2F %2Fwww.google.com %2F (дата обращения: 10.04.2025).

8. Бренд-менеджмент // Государственный университет управления. – URL: https://guu.ru/programs-learning/brend-menedzhment/ (дата обращения: 11.04.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

М. А. Миткина

Министерство экономического развития Российской Федерации, Пресненская наб., д. 10, стр.2, 123112, г. Москва, Россия, mmitkina99@gmail.com

В статье проводится исследование по формированию и развитию климатической повестки на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особое внимание посвящено анализу реализации Первого пакета мероприятий (Дорожной карты) по взаимодействию стран в климатической сфере. Отдельно рассматриваются уже выполненные меры по декарбонизации углеродоемких отраслей (энергетика, промышленность, транспорт, сельское хозяйство). Отмечаются шаги по формированию общего добровольного рынка углеродных единиц в рамках принятых согласованных Подходов в климатической сфере.

Ключевые слова: климатическая повестка; углеродное регулирование; декарбонизация; зеленое финансирование; Евразийский экономический союз; ЕАЭС.

IMPLEMENTATION OF THE CLIMATE AGENDA IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: FIRST RESULTS

M. A. Mitkina

Ministry of Economic Development of Russia, 10, p.2 Presnenskaya emb., Moscow 123112, Russia, mmitkina99@gmail.com

The article explores the formation and development of the climate agenda within the Eurasian Economic Union (EAEU). Special attention is given to the analysis of the implementation of the First Package of Measures (Roadmap) for cooperation among member states in the climate sphere. The study highlights the measures already taken to decarbonize carbon-intensive sectors such as energy, industry, transport, and agriculture. It also examines steps toward the creation of a common voluntary carbon market within the framework of the agreed Climate Policy Approaches. The findings confirm that the EAEU is undertaking consistent and targeted efforts to synchronize the climate-related activities of its member states.

Keywords: climate agenda; carbon regulation; decarbonization; green finance; Eurasian Economic Union; EAEU.

Заявление стран Европейского союза (ЕС) о запуске Пограничного корректирующего углеродного механизма (ПКУМ) [1], стало важной отправной точкой для формирования климатической инфраструктуры на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Системы торговли выбросами также действуют среди других основных торговых партнеров ЕАЭС – Китай и Южная Корея [2]. В условиях, когда экономика Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) во многом ориентиро-

вана на экспорт, реализация данных мер будет выступать барьером для развития торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС и создаст риски для обеспечения конкурентоспособности евразийской продукции. Это подчеркивает необходимость активного развития скоординированной климатической политики стран-членов и внедрения эффективных механизмов по декарбонизации экономик.

В ответ на вызовы, продиктованные формированием углеродных трансграничных механизмов, Союз начал последовательную работу по формированию собственной климатической повестки. Важным шагом в этом направлении стало создание в 2021 г. рабочей группы высокого уровня (РГВУ) по согласованию позиций государств-членов Союза в области климатической политики [3]. Руководителем РГВУ был назначен министр по торговле Евразийской экономической комиссии А. Слепнев, в состав рабочей группы вошли заместители руководителей уполномоченных органов государств-членов. Работа РГВУ сосредоточена на выработке согласованных действий для полноформатного встраивания ЕАЭС в международный климатический диалог.

На площадке РГВУ были выработаны предложения по реализации необходимых мероприятий в рамках климатической повестки ЕАЭС. 21 октября 2022 г. Евразийским межправительственным советом был утвержден Первый пакет мероприятий (далее – Дорожная карта) по сотрудничеству государств – членов Союза в климатической сфере [10].

Дорожная карта подразумевает план мероприятий, направленный на организацию системной работы по выработке общих подходов стран Союза в сфере углеродного регулирования на территории ЕАЭС по следующим ключевым направлениям:

– разработка совместных рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования для достижения целей Парижского соглашения;.

– запуск процесса по декарбонизации в наиболее углеродоемких отраслях таких как транспорт, энергетика, металлургия, химическая промышленность, строительство и сельское хозяйство;

– реализация евразийских инициатив по низкоуглеродному развитию;

– развитие инструментов «зеленого» финансирования;

– создание Банка климатических технологий и цифровых инициатив;

– координация с другими международными партнерами и представление интересов ЕАЭС на международных площадках по климатической повестке.

Реализация «Дорожной карты» осуществляется планомерно. Уже в 2021 г. был создан Банк климатических технологий и цифровых инициатив ЕАЭС для учета углеродного следа. Кроме того, в различных отраслях Союза реализованы меры по стимулированию низкоэмиссионной трансформации:

– сельское хозяйство: в 2025 г. одобрен проект документа по обеспечению свободного перемещения органической продукции на территории Союза [4];

– промышленность: в 2024 г. утвержден план мероприятий по развитию «зеленых» технологий и повышению экологичности промышленных производств до 2030 г. [5, с. 31];

– металлургия: в 2022 г. разработан аналитический обзор лучших мировых практик в области экологически чистых и энергосберегающих технологий переработки металлолома с целью выработки предложений и рекомендаций для стран – членов Союза [6];

– электротранспорт: действует режим льготного ввоза электромобилей в страны ЕАЭС (кроме России), продленный до конца 2025 г. [7]; с 2023 г. реализуется программа «Евразийский электробус» как совместный «зеленый» бренд ЕАЭС под координацией Беларуси [10];

– энергетика: в 2024 г. завершено формирование нормативной базы для запуска общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, включая правила торговли, информационного взаимодействия и распределения мощностей [8], а также согласовано определение общего рынка газа как систему, сложившуюся на момент 1 января 2025 г. [9].

В целях развития «зеленого» финансирования в январе 2023 г. были утверждены критерии «зеленых» проектов ЕАЭС, способствующие росту инвестиций в снижение выбросов. Также с 2023 г. проводится Международный климатический конкурс «Зеленая Евразия», направленный на продвижение климатических практик и обмен опытом между странами Союза [10].

В дальнейшем стало ясно, что необходимо активизировать синхронизацию работы в ЕАЭС по климатической повестке с целью запуска процесса по формированию общего добровольного рынка углеродных единиц Союза. Для этого в июне 2024 г. были приняты согласованные подходы в климатической сфере (далее – Подходы) [10] в части кооперации по низкоуглеродным проектам, гармонизации механизмов углеродного регулирования, а также устранения торгово-экономических барьеров ввиду климатического регулирования. В настоящее время Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) совместно с правительствами государств – членов ЕАЭС прорабатывает конкретные механизмы реализации Подходов.

Таким образом, принятие Дорожной карты и Подходов заложили основу для выработки скоординированного плана действий в климатической сфере. На фоне роста требований к углеродному следу продукции Союзом предприняты конкретные шаги в разных отраслях, включая промышленность, энергетика, транспорт и сельское хозяйство. При этом особое значение приобретает формирование общего подхода к классификации «зеленых» проектов.

Последовательная реализация мероприятий Дорожной карты и начало работы по созданию общего добровольного рынка углеродных единиц подтверждают приверженность ЕАЭС в рамках низкоуглеродного развития. Это создает предпосылки для углубления интеграции в климатической сфере, укрепления позиций ЕАЭС на международной арене и продвижения интересов стран-участниц в условиях трансформации мировой экономики.

Библиографический список

1. Fit for 55: delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality // Council of the European Union. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fit-for-55/ (date of access: 10.04.2025).

2. State and Trends of Carbon Pricing Dashboard // World Bank Group. – URL: https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/compliance/coverage (date of access: 7.04.2025).

3. О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021–2023 годы : распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20 авг. 2021 г. № 10 // Альта-Софт. – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21mr0015/ (дата обращения: 10.04.2025)

4. ЕЭК рассмотрела вопросы согласованной агропромышленной политики в ЕАЭС // Альта-Софт. – 18.03.2025. – URL: https://www.alta.ru/ts_news/117871/ (дата обращения: 04.04.2025)

5. Решение Евразийского межправительственного совета от 2 окт. 2024 г. № 2 // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/4f3/f0b819uz695m15luhhtc2ldvf94pol07/err_02102024_2_doc.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

6. О наилучших мировых практиках разработки и применения на металлургических предприятиях экологически чистых и энергосберегающих технологий переработки отходов и лома черных и цветных металлов, а также железа // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f6a/eco_lom.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

7. ЕАЭС продлевает тарифную льготу на ввоз электромобилей до конца 2025 г. // Евразийская экономическая комиссия. – 24.11.2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-prodlevaet-tarifnuyu-lgotu-na-vvoz-elektromobiley-do-kontsa-2025-goda/ (дата обращения: 14.04.2025)

8. Оверчук, А. В ЕАЭС завершилась подготовка документов для электроэнергетического рынка / А. Оверчук // Известия. – 09.04.2025. – URL: https://iz.ru/1867629/2025-04-09/v-eaes-zaversilas-podgotovka-dokumentov-dla-elektroenergeticeskogo-rynka (дата обращения: 11.04.2025)

9. О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 дек. 2024 г. № 22 // Альта-Софт. – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/24vr0022/ (дата обращения: 14.04.2025)

10. Климатическая повестка // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/klimaticheskaya-povestka/ (дата обращения: 14.04.2025).

ECONOMIC INTEGRATION IN EAST AFRICA: CURRENT STATUS, CHALLENGES, AND FUTURE PROSPECTS

Mulaw Sisay Genanu

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia, sisay2002@gmail.com

This study examines the status, challenges and outlook for economic integration in the East African Community (EAC). Since the 2001 revival, the EAC has reached important milestones including the foundations of the Customs Union (2005) and the Common Market (2010) that promote the free movement of goods, services and workers. The block shows moderate integration into global and regional value chains, particularly in agriculture and manufacturing, but progress remains uneven, hampered by non-discriminatory obstacles (NTBs), infrastructure deficits, and various political obligations of member states. With the help of document analysis, this study presents important challenges such as bureaucratic inefficiency, geopolitical tensions, and an unequal distribution of the benefits of integration. External factors, including the African Continental Free Trade Area (AFCFTA), provide both opportunities and complexity for the EAC. To capitalize on that potential, the block must strengthen its institutional framework conditions, improve its infrastructure through public-private partnerships (PPPs) and promote fair growth. Strategic recommendations include harmony in digital trade policy, fighting NTBs, and using AFCFTA to expand market access. This study concludes that sustainable political will and collective action to achieve the long-term goals of the Financial Union and Political Federations are extremely important to ensure sustainable regional development.

Keywords: EAC; economic integration; Customs Union; Common Market; non-tariff barriers (NTBs); AfCFTA; regional value chains.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Мулав Сисай Дженану

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
пр. Гагарина, 23, 603022, г. Нижний Новгород, Россия, sisay2002@gmail.com

В данном исследовании рассматриваются состояние, проблемы и перспективы экономической интеграции в Восточноафриканском сообществе (ВАС). С момента возрождения в 2001 г. ВАС достиг важных успехов, включая создание Таможенного союза (2005) и Общего рынка (2010), которые способствуют свободному перемещению товаров, услуг и рабочей силы. Блок демонстрирует умеренную интеграцию в глобальные и региональные цепочки создания стоимости, особенно в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, но прогресс остается неравномерным, чему препятствуют недискриминационные препятствия (НТБ), дефицит инфраструктуры и различные политические обязательства государств-членов. С помощью анализа документов это исследование выявляет важные проблемы, такие как неэффективность бюрократии, геополитическая напряженность и неравномерное распределение выгод

от интеграции. Внешние факторы, в том числе Африканская континентальная зона свободной торговли (*AFCFTA*), создают для вас как возможности, так и сложности. Чтобы использовать этот потенциал, блок должен укрепить свои институциональные рамки, улучшить свою инфраструктуру за счет государственно-частного партнерства (ГЧП) и способствовать справедливому росту. Стратегические рекомендации включают гармонизацию политики в области цифровой торговли, борьбу с нетарифными барьерами и использование *AFCFTA* для расширения доступа на рынки. В этом исследовании делается вывод о том, что устойчивая политическая воля и коллективные действия для достижения долгосрочных целей Финансового союза и политических федераций чрезвычайно важны для обеспечения устойчивого регионального развития.

Ключевые слова: ВАС; экономическая интеграция; Таможенный союз; Общий рынок; нетарифные барьеры (НТБ); *AFCFTA*; региональные цепочки создания стоимости.

Introduction. The East African Community (EAC) has made great strides in economic integration and is based on a long history of cooperation beginning in colonial times. The EAC officially recovered in 2001, achieving significant milestones, including the foundations of the Customs Union in 2005 and the Common Market in 2010. These successes demonstrate the free movement of goods, services and employees in member countries and the promotion of economic growth and support. The EAC's institutional framework was the basis of his success. The contract for the creation of East African communities provides a legal basis for integration where principles of democracy, human rights and the rule of law are described [1, p. 34–37].

The EAC demonstrates moderate integration into global and regional value chains, particularly in agriculture and food processing. Kenya has proven to be the dominant provider of goods manufactured in the region, while other member countries use comparative benefits in certain industries. The region also records internal trade growth as both trade creation and trade redirection have been demonstrated. However, the pace of integration into the global value chain (GVC) and regional value chain (RVC) does not show a clear upward trend, indicating space for further deepening economic links [2, p. 51–53]. Therefore, this study evaluates economic integration in East Africa. This study assesses the current situation, challenges and outlook focusing on the impact of non-tariff disability (NTB) on the East African Community (EAC) and internal trade rivers in the broader East Africa region.

Literature Review. The EAC is made up of seven member states, including three founding members, Kenya, Tanzania and Uganda, who founded the regional bloc in 2000. Burundi and Rwanda competed in 2007, South Sudan competed in 2016, and recently in 2016. Over 300 mln people. The Somalia application is currently being considered for 2023 and could further expand the community. The EAC's main goals focus on initiatives such as the Customs Union and the Common Market, political cooperation between member states, and increased infrastructure and trade links to promote increased infrastructure and regional development and prosperity.

The EAC has established a robust institutional framework for the integration process. Customs Union and Common Market protocols were primarily implemented, with member states like Kenya being highly compatible. However, challenges remain in achieving full implementation in all member states, particularly in areas such as the free movement of people and harmonization of trade processes [2]. East Africa's economic integration is primarily being investigated, with scientists examining its progress, obstacles and potential benefits. The EAC has made great strides in establishing the Customs Union (2005) and the Common Market (2010) with continued efforts over the Monetary Union and the Political Federation [3, p. 60–62]. However, research has shown ongoing challenges, including obstacles to non-interest, infrastructure deficits, and political tensions that hinder deeper integration [4]. Despite these issues, the research suggests that full economic integration can significantly enhance internal trade, investment and economic resilience [5].

A central challenge in East Africa's integration is the difference between member states' economic policies and political obligations. Researchers such as Khadiagala (2015) have argued that protectionist tendencies and bureaucratic inefficiencies undermine local agreements. Furthermore, Ngugi and Njogu (2018) emphasize that weak institutional frameworks and unequal implementation of EAC protocols slows progress. In the meantime, the infrastructure gap, particularly in transportation and energy, remains a significant obstacle to seamless trade [5]. These structural challenges are strengthened by geopolitical competition, as seen in the trade dispute between Kenya and Uganda.

According to Muthaka and Othieno (2021), regulations in harmony with digital trading platforms may reduce non-tariff obstacles. The African Continental Free Trade Area (AFCFTA) is expected to complement regional integration by expanding market access [5]. Furthermore, scientists recommend strengthening mechanisms for disposing conflicts and improving political mercy among member states [6]. If these measures are implemented effectively, East Africa can achieve deeper economic integration, promoting sustainable growth and regional stability.

Methods of study. To assesses the current situation, challenges and outlook focusing on the impact of non-tariff disability (NTB) on the East African Community (EAC) and internal trade rivers in the broader East Africa region, document analysis techniques were employed in the study. Data were collected from international organizations such as the African Union, EAC, and regional organizations such as IGAD, using trade, and economic indicators.

Analysis and Discussion. EAC has achieved moderate integration into global and regional value chains, particularly in the most important sectors such as agriculture, food processing and production [7]. This progress is reflected in improved trade dynamics, with Uganda experiencing stronger commercial credit, for example in the Eastern and South African Common Markets (COMEA) [8, p. 12–15]. EAC's efforts to promote trade and the creation of economic growth have achieved positive results, particularly by reducing trade barriers

that have significantly strengthened intra-regional trade. However, the bloc's continued success relies on the continued support and commitment of member states to deepen integration policies and address sustainable challenges. The EAC has been promoting regional trade, but further cooperation is crucial to fully utilizing its economic potential.

Despite progress, the EAC faces a variety of challenges that hinder deeper economic integration. These challenges are diverse and include political, economic and institutional aspects. One of the most important challenges is the lack of political will in EAC countries. Political leaders often fail to implement agreements effectively and have fallen behind in achieving important integration milestones. The lack of strict enforcement mechanisms in the EAC Secretariat has exacerbated this issue. Furthermore, the process of creating and integrating differences in «ambitious coalitions» in relation to commitment between member states has been undermined [9].

Infrastructure development remains a critical challenge for the EAC. Although efforts have been made to improve connectivity through projects such as the Standard Gauge Railway, these initiatives have been hampered by poor coordination with competing national agendas. Obstacles of non-interest, such as troublesome trade processes and lack of harmony in documents, also hinder trade currents in the region [10]. The economic differences between Member States create unequal benefits from integration. Kenya's advantage, for example, has raised concerns about the possibility of trading and alienating small economies in internal trade. Additionally, the region needs to address the ongoing trade deficits, particularly in countries such as Kenya, Rwanda and Tanzania. These have not been significantly improved by free trade agreements [11].

EAC also faces external challenges, including the impact of global events such as the Brexit and the African Continental Free Trade Area (AFCFTA). The AFCFTA offers opportunities for intra-Africa trade, but it also introduces competition and needs to strengthen its internal cohesion to ensure that the EAC remains competitive. Additionally, regional trust of external partners for infrastructure finance, such as the complexity of Chinas belts and road initiatives, has introduced complexity in geopolitical considerations and compensation for economic benefits [12]. Furthermore, there is political instability and conflict in some countries.

Despite the challenges, the EAC has considerable potential to deepen economic integration and achieve long-term goals, including the establishment of a currency coalition and ultimately the political federation of East Africa. The AFCFTA offers the EAC a unique opportunity to expand trade ties across regions. By using AFCFTA, EAC can diversify its export base, attract foreign direct investment, and improve its competitiveness in global markets. However, this requires that EACs address the institutional capacity to effectively negotiate internal trade barriers and the AFCFTA frame [13–15].

Regional infrastructure is important to unlock the economic potential of the EAC. Public-Private Partnerships (PPPs) provide a practical approach to

mobilizing private sector funding for infrastructure projects such as railways and ports. Furthermore, EAC is necessary to improve production capacity and reduce reliance on imports, particularly in the agri-food sector, focusing on developing regional value chains. To ensure that the benefits of integration are shared fairly, the EAC must address economic differences between member states. This can be achieved through targeted investment in undeveloped regions and promoting small and medium-sized enterprises that play a key role in employment and economic growth. Furthermore, EACs need to pursue export diversification strategies to reduce trade imbalances and improve resistance to external shocks[16; 17].

Conclusion. The East African Communities (EAC) have made great strides in further development of economic integration, shaped by milestones such as the Customs Union (2005) and the Common Market (2010) to facilitate the free movement of goods, services and workers. The block has reached moderate integration into global and regional value chains, particularly in agriculture and manufacturing, with Kenya playing as a regional industrial hub. However, challenges such as non-tariff disability (NTB), infrastructure deficits, unequal implementation of protocols, and different political obligations among member states continue to hinder deeper integration. Additionally, external factors such as the African Continental Free Trade Area (AFCFTA) and geopolitical tensions provide both opportunities and complexity in the region.

To make the most of its potential, the EAC must strengthen its institutional framework, improve its political will, and prioritize the development of infrastructure through public-private partnerships (PPPs). The struggle for economic differences between member states and the promotion of integrated growth, particularly under small and medium-sized businesses and sector regions, is important to ensure fair benefits. Furthermore, the use of AFCFTA to expand trade and maintain internal cohesion for long-term competitiveness is extremely important. The future of the EAC relies on its ability to overcome these challenges through collective measures, political harmony and strategic investment. In this way, the bloc can achieve the ambitious goals of the Money and Political Federations, ultimately promoting sustainable economic growth, resilience and regional stability. Continuing research and adaptive political design are of great importance to the navigation of the developing dynamics of East African integration.

References

1. East Africa economic outlook 2024. Driving East Africa's Transformation: The Reform of the Global Financial Architecture // African Development Bank. – URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/documents/publications/reo_east_africa_english_2024.pdf (date of access: 30.04.2025).

2. Vungo, J. Harnessing the Benefits of Regional Integration: Achievements, Challenges, and Prospects Within the East Africa Community (EAC) /J. Vungo // International Scientific Journal on European Perspectives. – 2023. – Vol. 14, N 1 (25). – P. 4–69. – URL: https://doi.org/10.60073/euper.2023.4.04 (date of access: 30.04.2025).

3. Ally Z. Digital Financial Inclusion and Sustainable Bank Performance in Tanzania: Evidence from the Post-COVID-19 FinTech Era / Z. Ally // African Journal of Economic Review. – 2025. – Vol. 13, N 4. – P. 57–78. – URL: https://www.ajol.info/index.php/ajer/article/view/313520 (date of access: 30.04.2025).

4. Sonda, G. Implications of Self-selection Effects and Transaction Costs on Implementation of Collective Action Management for the Common: Evidence from Smallholder Irrigated Rice Farms in the Lake Victoria Basin, Tanzania / G. Sonda, D. D. Ngaruko // African Journal of Economic Review. – 2022. – Vol. 10, N 5. – P. 132–146. – URL: https://www.ajol.info/index.php/ajer/article/view/238513 (date of access: 30.04.2025).

5. Creating a unified regional market: towards the implementation of the African Continental Free Trade Area in East Africa. 2020 // United Nations Economic Commission for Africa, Subregional Office for Eastern Africa. – 2020. – URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/tmea_afcfta_report_5_june_2020.pdf (date of access: 30.04.2025).

6. Njikeu, D. Boosting Intra-African Trade: What Role for External Trade Regime? / D. Njikeu // World Bank Blogs. – 09.01.2012 – URL: https://blogs.worldbank.org/en/africacan/boosting-intra-african-trade-what-role-for-external-trade-regime (date of access: 30.04.2025).

7. Evaluating the Belt and Road Initiative effects on trade and migration: Evidence from the East African Community / K. Dumor, Y. Li, M. Yongkai, E. M. Ampaw, H. K. Dumor // African Development Review. – 2022. – Vol. 34, N 1. – P. 16–28. – URL: https://doi.org/10.1111/1467-8268.12620 (date of access: 09.01.2025).

8. Fredriksson, E. Economic Integration in East Africa: Trade Effects of the East African Community / E. Fredriksson // Lund University Libraries. – 2009. – M2 – Bachelor Degree. – URL: https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/1481166 (date of access: 09.01.2025).

9. Kamili, C. Effects of Lack of Political Will on Economic Integration in East African Community / C. Kamili, G. S. Namusonge // International Journal of Innovation and Scientific Research. – 2015. – Vol. 16, N 2. – P. 465–480. – URL: https://ijisr.issr-journals.org/abstract.php?article=IJISR-15-113-05 (date of access: 30.04.2025).

10. Kessy, A. T. Brexit and the African Continental Free Trade Area (AfCFTA): Some Lessons and Challenges from East Africa / A. T. Kessy // Africa –EU Relations and the African Continental Free Trade Area: Redefining the Dynamics of Power and Economic Partnership in a Complex Global Order. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. – P. 129–151. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57992-9_7 (date of access: 30.04.2025).

11. Krantz, S. Patterns of global and regional integration in the East African Community / S. Krantz // Review of World Economics. – 2024. – Vol. 161. – P. 151–230. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10290-024-00558-0 (date of access: 30.04.2025).

12. Matte, R. Analysis of the East African community integration process as an opportunity for Uganda's medium-to-long-term development / R. Matte // Economics, Law and Policy. – 2019. – Vol. 2, N 1. – P. 12–54. – URL: https://doi.org/10.22158/elp.v2n1p12 (date of access: 30.04.2025).

13. EAC integration: evidence-based policy in difficult times / J. Msami, S. Mwombela, J. Mpapalika [et al.] // Trade and Investment in East Africa: Prospects, Challenges and Pathways to Sustainability. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. – P. 21–39. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-19-4211-2_2 (date of access: 30.04.2025).

14. Mugwe, M. K. Effect of African Continental Free Trade Area (AfCFTA) on Trade Facilitation in East African Community Member Countries: A Study in Kenya / M. K. Mugwe // International Journal of Innovative Research and Development. – 2022. – Vol. 11, N 5. – URL: https://doi.org/10.24940/ijird/2022/v11/i5/MAY22013 (date of access: 30.04.2025).

15. Ochieng, F. Regional integration in East Africa: Opportunities and challenges for small business enterprises in Kenya / F. Ochieng, F. Jonyo // DBA Africa Management Review. – 2015. –Vol. 5, N 2. – P. 236–245. – URL: http://journals.uonbi.ac.ke/damr/article/view/1306 (date of access: 30.04.2025).

16. Onono, P. Impacts of regional integration and market liberalization on bilateral trade balances of selected East African countries: Potential implications of the African continental free trade area / P. Onono, F. Omondi, A. Mwangangi // Economies. – 2024. – Vol. 12, N 6. – 155. – URL: https://www.mdpi.com/2227-7099/12/6/155 (date of access: 30.04.2025).

17. Otele, O. Region-centric infrastructure policies and the regional politics surrounding Chinese railway projects: Insights from the East Africa region / O. Otele, O. Guguyu // Politics & Policy. – 2023. – Vol. 51, N 5. – P. 919–935. – URL: https://doi.org/10.1111/polp.12546 (date of access: 30.04.2025).

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Т. В. Мыскова[1)], А. Н. Захаров[2)]

[1)] Всероссийская академия внешней торговли
Воробьевское шоссе, 6А, 119285, г. Москва, Россия, TanyaMysk12@yandex.ru
[2)] Всероссийская академия внешней торговли
Воробьевское шоссе, 6А, 119285, г. Москва, Россия

В статье рассматривается роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в продвижении евразийской интеграции. Вводится понятие региональной интеграции, ее признаки. Анализируются основные направления деятельности организации, способствующие разноплановому объединению и углублению сотрудничества между странами-участницами. Особое внимание уделено инициативам ШОС в сферах развития энергетической безопасности, транспортной инфраструктуры и цифровой экономики. Исследуются перспективы расширения сотрудничества между ШОС и другими региональными интеграционными объединениями, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и инициатива «Один пояс, один путь». В заключение сделаны выводы, что ШОС выступает платформой, которая через расширение сотрудничества в энергетике, транспорте и цифровой экономике укрепляет связи между государствами и способствует углублению евразийской интеграции.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; Евразия; интеграция; платформа развития; сотрудничество; цифровая экономика; транспортная инфраструктура; ШОС; энергетическая безопасность.

SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION AS A PLATFORM FOR EURASIAN INTEGRATION'S PROMOTION

T. V. Myskova[a], A. N. Zakharov[b]

[a] All-Russian Academy of Foreign Trade
6A Vorobyovskoye Highway, Moscow 119285, Russia, TanyaMysk12@yandex.ru
[b] All-Russian Academy of Foreign Trade
6A Vorobyovskoye Highway, Moscow 119285, Russia

The article considers the role of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in promoting Eurasian integration. The concept of regional integration and its attributes are introduced. The article analyses the main directions of the organization's activities, which promote multifaceted unification and deepening of cooperation between the member states. Special attention is paid to the SCO initiatives in the areas of energy security, transport infrastructure and digital economy. Prospects for expanding cooperation between the SCO and other regional integration associations, such as the Eurasian Economic Union and the Belt and Road initiative, are explored. In conclusion, the SCO serves as a platform that, through expanded cooperation in energy, transport, and the digital economy, strengthens ties between states and promotes deeper Eurasian integration.

Keywords: Shanghai Cooperation Organisation; Eurasia; integration; development platform; cooperation; digital economy; transport infrastructure; SCO; energy security.

Региональная интеграция – это «модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира» [1]. Иными словами, это – процесс формирования устойчивых связей между странами одного региона на основе разделения труда внутри национального хозяйства, в следствие которого формируется единое экономическое пространство в пределах определенной территории. Таким образом достигается высокая эффективность использования ресурсов и капитала.

Интеграционный процесс содержит в себе ряд задач, необходимых для достижения максимально успешной страты: укрепление позиций объединения в мире; внутрирегиональная политическая стабильность; развитие экономики и рост благосостояния. В зависимости от возраста и специфики объединения степень важности задач варьируется, но их состав сохраняется – в основе лежит протекция «своих» от «чужих».

На основании практического построения интеграционных объединений выделяют ряд принципов:

– интеграция является общим проектом ее членов;
– постепенность создания;
– построение механизма принятий решений и их реализации.

Научный коллектив кафедры европейской интеграции МГИМО [1, с. 15] выделил семь основных признаков региональной интеграции.

– Региональная интеграция выгодна как участнику, так и группировке в целом (объединившись, государства-члены получают преимущества, которых невозможно добиться в одиночку).

– Региональное интеграционное объединение выделяется из остального мира и обосабливается от него.

– Региональная интеграция осуществляется сознательно и добровольно (усиление взаимозависимости государств без участия правительств не является интеграцией).

– Региональная интеграция охватывает внутреннюю и внешнюю политику государств-членов.

– Региональная интеграция охватывает несколько сфер общественной жизни: экономика, право, экология и др. (в то время как другие международные организации действуют только в одной сфере).

– Региональная интеграционная группировка имеет общие органы (межправительственные или, в наиболее продвинутых, наднациональные) и нормативную базу.

– Региональная интеграция базируется на представлении об общей будущей судьбе ее участников (концепция будущей общей судьбы предполагает, что члены объединения имеют постоянные обязательства в отношении друг друга).

На основании вышеуказанных признаков, мы можем сделать вывод о важности исторического и контекстного аспектов для полного анализа данного явления, так как именно они помогают установить причинно-следственные связи создания и существования регионального объединения (союза) в ходе региональной интеграции, степень влияния внешних

и внутренних факторов на объединение, тренды развития интеграций, оценку выгод национальных экономик от объединения, оценить значимость отдельных регионов.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была создана 15 июня 2001 г. в Шанхае шестью странами-учредителями: Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. ШОС возникла на основе «Шанхайской пятерки» – механизма консультаций между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном по вопросам укрепления доверия в военной области и урегулирования пограничных вопросов.

В 2000-е гг. происходит развитие ШОС, укрепляется институциональная структура, расширяется сотрудничество в гуманитарной и экономических областях. В рамках укрепления, создаются Секретариат в Пекине (КНР) и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте (Узбекистан).

Основные цели и задачи ШОС, зафиксированные в Хартии ШОС [2] (2002 г.) и других основополагающих документах, включают:

– укрепление взаимного доверия и добрососедства между государствами-членами;

– содействие их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, а также образовательной, энергетической, транспортной, туристической, природоохранной и других областях;

– обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе;

– содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе;

– содействие формированию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

Приоритетное направление деятельности ШОС – борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

После подписания Декларации о создании ШОС 15 июня 2001 г. в Шанхае, в тот же день была принята Шанхайская конвенция [3] о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая определила основные направления сотрудничества в области безопасности. В рамках противодействия страны – участницы ШОС проводят совместные учения, обмен информацией и разрабатывают стратегии борьбы с терроризмом.

В конвенции 2001 г. как таковых упоминаний об энергетической безопасности нет, однако на данный момент, ШОС активно развивает свою стратегию развития энергетического сотрудничества государств до 2030 г., утвержденную на саммите ШОС 3–4 июля 2024 г. в Астане (Казахстан). По итогам встречи были подписаны 24 документа сотрудничества внутри организации, помимо итоговой декларации саммита. Таким образом, в 2024 г. завершился процесс присоединения к ШОС Беларуси, что позволило организации вырасти и укрепить свои позиции.

ШОС добилась высоких результатов в противодействии экстремизму, сепаратизму и терроризму. Например, в 2023 г. специалисты силовых структур ШОС за год предотвратили 69 терактов и пресекли деятельность 73 террористических ячеек, законспирированных по территории стран объединения, о чем заявил в начале ноября директор исполкома Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС Руслан Мирзаев. Однако, риск террористических угроз в регионе сохраняется, и ШОС необходимо продолжать совершенствовать свои механизмы для борьбы с ними.

Благодаря совместной реализации проектов в сфере транспорта, энергетики, сельского хозяйства и иных областях происходит содействие экономическому сотрудничеству и региональной интеграции. Идет разработка плана по созданию зоны свободной торговли и улучшению инвестиционного климата [4]. В рамках содействия экономическому сотрудничеству, ШОС реализует крупные инфраструктурные проекты, например: создание транспортных коридоров «Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан» и «Россия – Каспийское море – Туркмения – Узбекистан – Киргизия» (меморандумы о создании подписаны в 2023 г. на первом Транспортном форуме стран ШОС). В сфере экономики ярко выражен цифровой уклон [5], реализовались и продолжают существовать проекты «Интернет плюс» (2015–2025 гг., КНР), «Цифровая Индия» (в 2015 г. – по н. в., Индия). Примерно в одно и то же время начали действовать программы цифровизации на евразийском экономическом пространстве. В 2017 г. была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в 2018 г. в Казахстане утверждена программа «Цифровой Казахстан». В 2020 г. в Узбекистане и Таджикистане были приняты собственные национальные стратегии: «Цифровой Узбекистан – 2030» и «Концепция развития цифровой экономики Республики Таджикистан». Национальные программы цифровизации действуют в Кыргызстане и Пакистане.

ШОС уделяет внимание укреплению гуманитарных связей и культурного обмена между странами-членами, реализуя совместные проекты в сфере образования, науки, культуры и туризма. В качестве основного ведущего совместного образовательного проекта выступает Университет ШОС (УШОС), план которого был одобрен на саммите в августе 2007 г. в Бишкеке (Киргизия). Организация проводит фестивали, конференции и другие мероприятия, направленные на укрепление взаимопонимания и доверия между народами региона.

На геополитической арене ШОС выступает за многополярный мир и справедливый международный порядок, внешнее взаимодействие с другими региональными и международными организациями упрочняет позицию ШОС как устоявшуюся региональную структуру.

Взаимодействие с ЕАЭС и инициативой «Один пояс, один путь» открывает новые возможности для евразийского взаимодействия: так, например, инициативой стал проект «Большая Евразия», выдвинутый

3 декабря 2015 г. президентом В. Путиным в послании Федеральному Собранию России [6]. Основная идея проекта – обеспечение экономического партнерства между государствами, являющимися членами ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, где движущей силой будет взаимодействие и сотрудничество Китая и России, что в будущем заложит основы формирования «Большое евразийское партнерство». Сам проект «Большая Евразия» в случае его реализации может стать фундаментом новой геостратегической общности на евразийском пространстве.

Союз ЕАЭС и ШОС обоснован наличием у организаций похожих целей в сфере экономического сотрудничества, создании и развитии транспортных коридоров, упрощении финансовых процедур и развитии финансового сотрудничества. В то же время, взаимодействие ШОС и инициативы «Один пояс, один путь» заключается в продвижении последней на платформе ШОС для привлечения инвестиций в транспортную инфраструктуру и также урегулирования и гармонизации технологических стандартов. В обоих случаях, Российская Федерация является основным интеграционным проводником, состоя во всех трех организациях.

ШОС, безусловно сталкивается с рядом проблем. Большое влияние на деятельность организации оказывают внешние и внутренние политические факторы – конкуренция «сверхдержав» (США, Россия и КНР), внутренние геополитические конфликты стран – Индии и Пакистана и многое другое. Таким образом, ШОС, одновременно проводя успешную деятельность в сфере безопасности и противодействия терроризму, сталкивается с бóльшими вызовами в экономической сфере по мере своего развития и роста.

На данный момент ШОС, которая ранее позиционировалась как региональная организация, ориентированная на обеспечение безопасности и стабильности в Евразии, а также на развитие экономического сотрудничества и культурного обмена, является одной из самых динамичных разносторонних организаций, в состав которой входят 10 стран, с общей численностью населения около 3,4 млрд человек (на июль 2024 г.), а географический охват превышает 34 млн км^2 (более 60 % территории Евразийского континента).

Библиографический список

1. Буторина, О. В. Региональная интеграция: основные понятия / О. В. Буторина. // Европейская интеграция: учебник / О. В. Буторина. – М. : Деловая литература, 2011. – С. 12–30.

2. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. – 06.06.2002. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 10.04.2024).

3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Президент России. – 14.06.2001. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 10.04.2024).

4. Лю Хуацинь. Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы / Лю Хуацинь // Евразийская экономическая интеграция. –

2009. – № 3 (4). – С. 110–117. – URL: https://ideas.repec.org/a/scn/031725/15525195.html (дата обращения: 10.04.2024).

5. Фадеева, И. А. Роль Китая как главного проводника цифровизации в контексте формирования технологического суверенитета стран Шанхайской организации сотрудничества / И. А. Фадеева // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 11. – С. 40–47. – URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=43712 (дата обращения: 10.04.2024).

6. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции / К. Курылев, Д. Малышев, А. Хотивришвили, В. Шабловский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2021. – Т. 65, № 2. – С. 81–88. – URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2021/2-t-65/at-post-soviet-space/sco-and-eaeu-in-the-context-of-eurasian-integration (дата обращения: 10.04.2024).

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ СОДРУЖЕСТВОМ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ: ОЦЕНКА ПОТОКОВ И ТЕНДЕНЦИИ

А. А. Нестерова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nesterova@bsu.by

Статья посвящена анализу потоков трудовых мигрантов между Китайской Народной Республикой и странами Содружества независимых Государств. Выявлены трудности, с которыми сталкиваются исследователи по оценке миграционных потоков в странах СНГ. Установлено, что на основе официальной информации статистических ведомств стран СНГ, установить какие-либо ярко выраженные тенденции прибытия мигрантов из Китая сложно. В статистике ряда стран СНГ (в Азербайджане, Беларуси, Кыргызстане и Узбекистане) в сборниках и бюллетенях подсчет прибытия граждан КНР специально не ведется, в других – в Армении, Молдавии и Таджикистане они есть только с 2010 года. Сделана попытка анализа научных публикаций, посвященных трудовой миграции между странами СНГ и КНР.

Ключевые слова: трудовая миграция; трудовые мигранты; миграционные потоки; рынок труда.

LABOR MIGRATION BETWEEN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AND CHINA: ASSESSMENT OF FLOWS AND TRENDS

A. A. Nesterova

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, nesterova@bsu.by

This article analyzes labor migrant flows between the People's Republic of China and the Commonwealth of Independent States. It identifies the challenges researchers face in assessing migration flows in the CIS countries. It establishes that it is difficult to establish any clear trends in the arrival of migrants from China based on official data from CIS statistical agencies. In some CIS countries (Azerbaijan, Belarus, Kyrgyzstan, and Uzbekistan), statistical collections and bulletins do not specifically count the arrival of Chinese citizens, while others (Armenia, Moldova, and Tajikistan) have only done so since 2010. An attempt is made to analyze scholarly publications on labor migration between the CIS countries and China.

Keywords: labor migration; labor migrants; migration flows; labor market.

Распад Советского Союза привел к резкой смене характера, масштабов, интенсивности и направлений миграционных потоков, которые из внутренних превратились в межгосударственные. В Содружестве Независимых Государств (СНГ, Содружество) вот уже много лет ведется интенсивная работа по гармонизации миграционной политики и законодательства, регулирующего правовое положение трудящихся-мигрантов.

В международных соглашениях СНГ, посвященных миграционным отношениям, провозглашаются: формирование единого рынка труда, предоставление национального режима при реализации права на труд (за некоторыми исключениями, связанными с обеспечением национальной безопасности), обеспечение необходимых условий для привлечения трудящихся-мигрантов в государства, нуждающихся в дополнительной рабочей силе. Однако, не имея наднационального статуса, организация сталкивается с большими сложностями в достижении единообразия в регулировании миграционных потоков. Страны – члены СНГ, формально говоря о формировании общего рынка труда, в первую очередь, сосредотачиваются на защите национальных рынков. Это приводит к возникновению серьезных диспропорций в распределении трудовых ресурсов на постсоветском пространстве. Если в странах Центральной Азии наблюдается высокий естественный прирост населения, соответственно, высоким является процент трудоспособного населения, то в Российской Федерации естественный прирост населения снижается, одновременно с этим повышается доля численности населения в возрасте старше трудоспособного возраста [1, с. 31]. Отдельного внимания в этом плане заслуживает участие отдельных стран – членов СНГ в обмене трудовыми ресурсами с Китаем, существенно активизировавшемся в связи с запуском в 2013 г. амбициозной инициативы «Один пояс, один путь».

Базируясь на официальной информации статистических ведомств стран СНГ, установить какие-либо ярко выраженные тенденции прибытия мигрантов из Китая сложно. Например, в Азербайджане, Беларуси, Кыргызстане и Узбекистане в сборниках и бюллетенях подсчет прибытия граждан КНР специально не ведется (они включены в строку «из других стран», «стран кроме СНГ», «из зарубежья»). При этом в Армении, Молдавии и Таджикистане данные по выделенному государству есть, но они публикуются лишь с 2010 г. и только, исходя из сведений Информационной системы пограничного электронного управления (Армения), или в отношении иммигрантов, понимаемых в качестве граждан, получивших право на постоянное/временное проживание в республике (Молдова), или в срезе иностранных граждан-работников (Таджикистан). В открытом доступе по Украине динамика миграции раскрывается за 2019–2021 гг. Главным статистическим органом Туркменистана (Институт «Туркменмиллихасабат») данные по миграции населения, как внутренней, так и внешней, вообще не обнародуются. Собранная информация о въезде китайских мигрантов в государства – участники Содружества аккумулирована в таблице. Из нее, по сути, можно увидеть исключительно лидерство России и Таджикистана по выбранному для изучения показателю, а также его рост за десять лет – в почти 5 и 2 раза соответственно.

Одновременно с этим, если опираться на другие источники, то заключение о присутствие китайских мигрантов на национальных рынках труда стран СНГ будет описывать более подробную картину. В частности, в различных белорусских обзорах, статьях и других научных и эксперт-

ных работах о внешней трудовой миграции из Китая говорится все чаще. Так в одной из публикаций содержится утверждение о том, что лица, прибывающие в Республику Беларусь из КНР, являются самым многочисленным отрядом трудящихся-мигрантов в стране. К примеру, по состоянию на 2016 г. китайцы составляли более половины (55,7 %) всей численности приехавших в Беларусь иностранцев рабочих специальностей. При этом в другой публикации констатируется восьмикратный рост за пять лет (2011–2015) количества граждан КНР, работающих на белорусскую экономику. Достигнув по итогам 2015 г. показателя в более чем 6 тыс. чел., китайские трудящиеся-мигранты превысили численность населения каждого из таких районных центров, как Краснополье, Берестовица, Россоны, Брагин, Дрибин.

Количество лиц, прибывших из Китая в государства – участники СНГ в 2000, 2010, 2020 гг., чел.

Страна СНГ	2000	2010	2020
Армения (Статкомитет, распределение пограничных регистраций по стране выдачи представленных документов – въезд)	–	1047	926
Казахстан (ТАЛДАУ, миграция с другими странами – прибытие)	15	13	8
Молдова (Нацстатбюро, иммигранты в разбивке по странам)	–	21	12
Россия (Росстат, международная миграция)	1121	1380	7270
Таджикистан (*TAJSTAT*, иностранные граждане, работающие в республике по странам происхождения)	–	1427	3108
Украина (Державна служба статистики, прибыло межгосударственных мигрантов по странам въезда)	–	–	10

Источник: [2].

Используя последнюю по времени озвученную официальную информацию, можно установить, что в течение 2021 г. в Беларусь с целью трудоустройства приехало 2532 выходцев из Китая [2]. Их доля в общем числе иностранных работников (13 705 чел.) равнялась 18,5 %. Одну из причин стабильно высокого уровня занятости граждан КНР на территории Республики Беларусь специалисты поясняют расширяющимся белорусско-китайским инвестиционным и кредитным сотрудничеством, обусловленным, прежде всего, реализацией инициативы «Один пояс, один путь» [3, с. 700].

Стоит отметить, что в научных исследованиях ученых стран Содружества в качестве отдельного направления для исследования выступает оценка масштабов внешней (международной) трудовой миграции в регионе, выявление основных условий и факторов, влияющих на перерас-

пределение потоков и т. д. Вместе с тем, практически каждый специалист сталкивается со сложностью сопоставления официальных статистических данных о миграции, поскольку в каждом государстве действуют свои методы подсчетов, кроме того, сбором и систематизацией сведений занимаются разные органы (МВД, госстаты, пограничные службы).

Ю. Н. Петракова обращает особое внимание на проблему наличия значительных расхождений между белорусской статистикой о трудовой миграции и данными, раскрываемыми в странах приема трудовых мигрантов. Согласно ее уточнению, этот недоучет еще более усугубляется отображением в статистических отчетах Беларуси только тех трудящихся-мигрантов, которые выезжают по рабочим договорам, заключенным аккредитованными компаниями по трудоустройству за рубежом, тогда как бóльшая часть населения переезжает и устраивается на работу самостоятельно. Определить количество трудовых мигрантов, исходя из информации принимающих их стран, также затруднительно, поскольку и у них исследуемая категория лиц попадает в официальную статистику не в полном объеме, особенно это относится к Российской Федерации [4, с. 256].

В дополнение к сказанному можно привести рассуждения О. Д. Воробьевой, А. А. Гребенюка и А. В. Топилина о серьезных изъянах методов статистического наблюдения, действующих на территории Российской Федерации. В результате их использования появляется недоучет потоков трудовой миграции, настолько существенный, что нельзя хотя бы сформировать общее представление о процессах внешней трудовой миграции. Причем, указанное замечание касается как сведений о масштабах процесса, так и детализированной информации о качественных характеристиках мигрантов. Встречаются даже случаи, когда одни и те же лица подсчитываются повторно [5, с. 51].

С одной стороны, острота этого вопроса снижается в условиях функционирования Союзного государства России и Беларуси, предполагающего предоставление гражданам одинакового объема прав и обязанностей, в том числе, в целях трудоустройства. Граждане двух стран могут попросту не включаться в официальную статистику о миграции. С другой стороны, в отношениях с иными странами СНГ расхождения действительно имеют место быть и иногда они являются значительными.

Библиографический список

1. Тагаева, С. Н. Трудовая миграция из Средней Азии в современных условиях / С. Н. Тагаева // Миграционное право. – 2023.– № 1. – С. 30–32. – URL: https://lawinfo.ru/articles/1948/trudovaya-migraciya-iz-srednei-azii-v-sovremennyx-usloviyax (дата обращения: 11.12.2024).

2. Миграционная ситуация в Республике Беларусь за 2021 год // Интернет-портал СНГ. – URL: https://e-cis.info/cooperation/3823/99654/ (дата обращения: 11.12.2024).

3. Дубогрызова, Д. Г. Основные направления сотрудничества КНР и Беларуси / Д. Г. Дубогрызова // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 8. – С. 694–707. – URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/87955/ (дата обращения: 11.12.2024).

4. Петракова, Ю. Н. Миграция в Республике Беларусь в преддверии пандемии / Ю. Н. Петракова // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов : сб. ст. XI Урал. демограф. форума: в 2-х т. Т. 2.– Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2020. – С. 255–260. – URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/94719 (дата обращения: 11.12.2024).

5. Воробьева, О. Д. Проблемы информационногообеспечения прогнозирования трудовой миграции в России / О. Д. Воробьева, А. А. Гребенюк, А. В. Топилин // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 47–62. – URL: https://ecfor.ru/publication/problemy-prognozirovaniya-trudovoj-migratsii/ (дата обращения: 11.12.2024).

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

А. А. Нестерова[1)], Ю. В. Петрашевская[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nesterova@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, petrasheYV@bsu.by

Статья посвящена анализу развития креативной экономики в отдельных странах СНГ (Российская Федерация, Республика Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Креативная экономика создает экономические преимущества, создавая миллионы рабочих мест и способствуя диверсификации экономик. Креативные индустрии неравномерно развиты в рассматриваемых странах. Правительство стран предпринимает усилия по развитию креативной экономики, принимая государственные программы и создавая организации, которые поддерживают данные отрасли, осознавая их потенциал для развития и роста экономики страны. Но существует ряд проблем и вызовов для развития креативных индустрий в СНГ, к которым можно отнести: высокие затраты на внедрение технологий, трудности с обучением ремесленников новым технологиям и конкуренция с массовым производством.

Ключевые слова: креативная экономика; креативные индустрии; креативность; постиндустриальная экономика.

CREATIVE ECONOMY IN THE CIS COUNTRIES

A. A. Nesterova[a], Yu. V. Petrashevskaya[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, nesterova@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, petrasheYV@bsu.by

This article analyzes the development of the creative economy in individual CIS countries (the Russian Federation, the Republic of Belarus, Kazakhstan, and Uzbekistan). The creative economy generates economic benefits, creating millions of jobs and contributing to economic diversification. Creative industries are unevenly developed across these countries. Governments are making efforts to develop the creative economy by adopting state programs and establishing organizations that support these sectors, recognizing their potential for economic development and growth. However, a number of problems and challenges exist for the development of creative industries in the CIS, including high costs of technology implementation, difficulties in training artisans in new technologies, and competition from mass production.

Keywords: creative economy; creative industries; creativity; post-industrial economy.

Креативная экономика, ставшая одной из ведущих сил глобального роста, основывается на преобразовании творческих идей в экономическую ценность. В условиях постиндустриального мира, где знания, инно-

вации и креативность играют ключевую роль, развитие креативных индустрий стало приоритетом для многих стран. Архитектура, мода, музыка, *IT*-технологии, кино, реклама и другие креативные сектора не только обогащают культурное наследие, но и генерируют значительные экономические выгоды, создавая миллионы рабочих мест и способствуя диверсификации экономик.

По подсчетам Всемирного банка, креативные (творческие) индустрии обеспечивают около 50 млн рабочих мест во всем мире, причем значительную часть должностей занимают молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет [1].

Среди белорусских ученых тема креативной экономики стала популярна только в последнее десятилетие, несколько исследователей предложили свои определения понятия «креативная экономика» [2; 3]. Характерным единством в понятии «креативная экономика» можно считать человеческий капитал, а также человеческий потенциал, как один из главных факторов развития уровня креативности в экономике стран.

Креативные (творческие) индустрии России охватывают широкий спектр секторов, включая искусство, дизайн, музыку, кино и цифровые медиа. Осознавая потенциал данных отраслей для стимулирования экономического роста и культурного развития, российское правительство реализовало различные политики и стратегии управления для содействия их развитию. Министерство культуры Российской Федерации является основным государственным органом, ответственным за государственную политику в сфере культуры, включая искусство, кинематографию, архивы, авторское право и культурное наследие. Оно играет ключевую роль в разработке и реализации политики, поддерживающей креативные (творческие) индустрии.

Агентство творческих индустрий, созданное в 2004 г., является одной из первых в России экспертных организаций, занимающихся развитием креативной экономики. Оно участвует в образовательных, исследовательских и консалтинговых проектах, направленных на содействие развитию творческих индустрий по всей стране.

В последние годы в России было принято законодательство, поддерживающее организацию и развитие креативных (творческих) индустрий в стране. Эта правовая база направлена на обеспечение структурированного подхода к развитию сектора.

Программа «Креативная Россия 2030» – это стратегическая инициатива, направленная на поддержку креативной экономики страны. Цель – увеличить долю креативных индустрий в ВВП России до 6 % к 2030 г., фактически удвоив ее текущий вклад [4]. Запущенный в 2021 году национальный проект «Культура» направлен на повышение доступности и качества культурных услуг по всей России. Проект сосредоточен на трех федеральных проектах:

– Культурная среда: улучшение качества среды в сообществах, решение демографических проблем и поддержка материнства;

– Творческие люди: поддержка развития творческих профессионалов и поощрение талантов;

– Цифровая культура: расширение цифрового доступа к культурным ресурсам и продвижение цифровой грамотности.

Главная цель – увеличить посещаемость учреждений культуры на 15 % и увеличить использование цифровых культурных ресурсов в пять раз [5].

Программа «Экспорт креативных продуктов в Россию» направлена на продвижение российских креативных продуктов, таких как фильмы, музыка, литература и цифровой контент, на международных рынках. В 2024 г. экспорт продукции российской креативной индустрии ежегодно увеличивался на 9 %, достигнув 156 млн долл. США за первые десять месяцев года [6].

Рассмотренные инициативы отражают приверженность России содействию динамичной креативной экономике, усилению культурного обмена и позиционированию российских креативных (творческих) продуктов на мировой арене.

Беларусь начинает развивать креативные индустрии, признавая их важность для экономического роста и культурного развития. Однако у Республики Беларусь нет разработанной и утвержденной концепции креативных (творческих) индустрий. Тем не менее, имеется ряд инициатив, реализуемые правительством Беларуси. В 2024 г. на заседании коллегии Министерства культуры Республики Беларусь обсуждались вопросы работы «Беларусьфильм» и перспективы развития белорусского кинематографа. Были рассмотрены финансово-экономические показатели деятельности киностудии, предложения по ее дальнейшему развитию и вопросы государственно-частного партнерства для реализации социальных проектов. В апреле 2021 г. Президент Республики Беларусь подписал распоряжение о выделении киностудии «Беларусьфильм» возвратной бюджетной ссуды, направленной на совершенствование деятельности организации предприятия. В августе 2023 г. Президент Республики Беларусь подписал Указ № 328 «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности», который вступил в силу 1 октября 2023 г. Документ определяет перечень аутентичных ремесел, включая изготовление национальных музыкальных инструментов, изделий ручного ткачества, кузнечное дело и другие [7; 8].

Беларусь славится своими традиционными ремеслами, такими как соломоплетение, ткачество, гончарное дело и другие. Включение белорусского элемента нематериального культурного наследия «Соломоплетение Беларуси: искусство, ремесло, умения» в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО свидетельствует о значимости сохранения и развития этих традиций.

Стоит отметить также Парк высоких технологий (ПВТ), который стал одной из ключевых инициатив, направленных на развитие креативных индустрий и стимулирование инновационного сектора. Данный формат

объединяет технологические компании, креативных профессионалов и стартапы, создавая благоприятную экосистему для развития передовых решений в *IT*, медиа, дизайне, разработке игр и других сферах, связанных с креативной экономикой. Беларусь стала известна как центр высокотехнологичной и креативной экономики благодаря успехам ПВТ.

Таким образом, Беларусь активно работает над развитием и поддержкой своих креативных (творческих) индустрий, включая кинематограф и народные ремесла, что способствует сохранению культурного наследия и стимулирует экономическое развитие. Парк высоких технологий стал эффективным инструментом для стимулирования креативных индустрий, объединяя технологии, творчество и инновации для устойчивого развития экономики.

Подход Казахстана к политике и управлению в креативных отраслях многогранен и фокусируется на образовании, инфраструктуре и международном сотрудничестве. В 2021 г. Казахстан принял «Концепцию развития креативных индустрий на 2021–2025 годы», направленную на создание рабочих мест в сфере технологического и венчурного предпринимательства с упором на молодое поколение [9].

Министерство культуры и спорта Казахстана курирует реализацию этой концепции, координируя усилия в различных креативных индустриях. С 2004 г. в Казахстане реализуется Государственная программа «Культурное наследие», целью которой является изучение, восстановление и сохранение историко-культурного наследия страны, возрождение историко-культурных традиций и пропаганда культурного наследия Казахстана за рубежом [9]. Благодаря программе стало возможным организация выставок и культурных мероприятий, направленных на популяризацию национальной культуры Казахстана. Для развития отечественного кинематографа в Казахстане создан Государственный центр поддержки национального кино, основная миссия которого заключается в реализации государственной политики в сфере кинематографии и создании условий для развития отечественной киноиндустрии. В результате казахстанские фильмы теперь принимают участие в международных кинофестивалях, что повышает их узнаваемость и способствует культурному обмену. Таким образом, Государственная программа «Культурное наследие» и Национальная программа поддержки национального кино играют ключевую роль в сохранении и развитии культурного наследия Казахстана, а также в поддержке и продвижении отечественного кинематографа на международной арене.

Чтобы раскрыть цифровой потенциал креативных индустрий, Россия поставила перед собой сложную задачу обеспечить своим гражданам полный доступ к цифровой инфраструктуре (к концу 2022 г. Россия оказалась на 6-м месте по доступности домашнего и мобильного выхода в Интернет, на 10-м по количеству современных дата-центров) цифровизации креативных индустрий в рамках специально созданных креативных кластеров. Данный формат предоставит творческим профессионалам

творческое пространство, инфраструктуру и инструменты государственной поддержки. С их помощью они смогут реализовать свой потенциал. Наглядными примерами в России являются популярные платформы для дистрибуции фильмов и сериалов, такие как *ivi.ru* и *Okko*.

В таких странах, как Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан, развиваются локальные платформы, поддерживающие продвижение традиционного искусства и ремесел, например, электронные магазины и социальные сети. Электронные платформы, такие как *Altyn Orda* (Казахстан) и *UzCraft* (Узбекистан), помогают мастерам продавать свои изделия на международных рынках.

На сегодняшний день, индустрия народных художественных промыслов в России составляет:

– более тысячи организаций, предприятий и самозанятых лиц;

– более 3 тыс. мест традиционного бытования;

– 80 производителей, включенных в перечень организаций НХП (поддержка осуществляется за счет федерального бюджета);

– более 10 млн изделий в год на общую сумму около 10 млрд рублей (в ценах отгрузки предприятий).

Запуск электронных платформ, таких как «Русские ремесла» и маркетплейсы, способствует продвижению народных промыслов (хохлома, гжель и др.) на внутреннем и международном рынках. Также происходит внедрение технологий блокчейн для отслеживания происхождения и аутентичности товаров, что важно для премиального сегмента. *Ozon* и *Wildberries* предоставляют ремесленникам возможность продавать свои товары на национальном уровне. Кроме того, в России создаются коворкинги и цифровые хабы, где мастера могут использовать современное оборудование и подключенные устройства для оптимизации производства.

Примечательно, что китайские платформы, такие как *Alibaba* и *Taobao*, активно поддерживают мастеров, предоставляя инструменты для продажи ремесленной продукции на международной арене.

В таких странах, как Казахстан и Узбекистан, развиваются платформы для продвижения традиционных ремесел: ковроткачества, ювелирного искусства и керамики. Например, *UzCraft* помогает ремесленникам из Узбекистана выходить на международный рынок. Необходимо отметить, что в Казахстане и Узбекистане начата интеграция *IoT* для создания сетевых производств, что помогает мастерам контролировать качество и отслеживать цепочку поставок.

Стоит отметить ряд вызовов и преимуществ, которые характерны для ремесленного производства стран СНГ в условиях четвертой промышленной революции.

1. Высокие затраты на внедрение технологий.
2. Сложности с обучением ремесленников новым технологиям.
3. Конкуренция с массовым производством.

Что касается преимуществ, то следует упомянуть рост экспорта ремесленных товаров благодаря цифровизации, сохранение культурного

наследия через современные технологии, увеличение доходов ремесленников за счет доступа к глобальному рынку.

Таким образом, четвертая промышленная революция открывает для ремесленного производства стран СНГ новые горизонты. Внедрение цифровых технологий позволяет сочетать традиции и инновации, усиливая конкурентоспособность продукции на мировом рынке. Государственная поддержка, развитие онлайн-платформ и использование технологий, таких как, *IoT* и искусственный интеллект, создают условия для устойчивого роста ремесленной индустрии и сохранения культурного наследия.

Государства – участники СНГ активно поддерживают технологическое развитие и программное обеспечение. Правительства предоставляют гранты и налоговые льготы компаниям в сфере информационных технологий, что способствует росту стартапов и технологических компаний.

Библиографический список

1. Datta N. Five Ways Creative and Cultural Industries Respond to Youth Job Challenges / N. Datta, M. Melchor, J. Laclé. Five // World Bank Blog. – 05.10.2023. – URL: https://blogs.worldbank.org/en/jobs/five-ways-creative-and-cultural-industries-respond-youth-job-challenges (date of access: 10.04.2025).

2. Данильченко, А. В. Креативная экономика как высшая форма развития постиндустриального общества / А. В. Данильченко, Е. В. Бертош, О Док Хи // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей / БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2017. – № 6 – С. 16–25. – URL: https://rep.bntu.by/handle/data/39830 (дата обращения: 13.04.2025).

3. Журавлев, В. А. Креативное общество и креативная экономика / В. А. Журавлев // Новая экономика. – 2010. – № 2 (56). – С. 24–30. – URL: https://neweconomics.by/attachments/neweconomics_2010_2.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

4. Russia's creative sector set to expand to 6% of GDP by 2030 — Novak // TASS. – 11.12.2024. – URL: https://tass.com/economy/1885813 (date of access: 13.04.2025)

5. National project «Culture» will be brought to life in Russia // Deutsche Theatertechnische Gesellsschaft. – 29.11.2018. – URL: https://podium.dthgev.de/national-project-culture-will-be-brought-to-life-in-russia (date of access: 05.02.2025).

6. Russian creative industry exports gain 9 % in 2024 — deputy minister // TASS. – 13.12.2024. – URL: https://tass.com/economy/1886995 (date of access: 13.04.2025).

7. О работе РУП «Национальная киностудия «Беларусьфильм» в 2024 году // Министерство культуры Республики Беларусь. — URL: https://kultura.gov.by/news/o-rabote-rup-natsionalnaya-kinostudiya-belarusfilm-v-2024-godu-i-perspektivakh-razvitiya- belorusskog (дата обращения: 13.04.2025).

8. О мерах по поддержке республиканского унитарного предприятия Национальная киностудия «Беларусьфильм» : распоряжение № 72рп от 16 апр. 2021 г. // Президент Республики Беларусь. – 16.04.2021. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-72rp-ot-16-aprelya-2021-g (дата обращения: 13.04.2025)

9. Assaniyaz, A. Mapping Creative Industries Landscape: Kazakhstan's Cultural Initiatives, Central Asian Nomadism, International Practice / A. Assaniyaz // Astana Times. – 04.11.2023. – URL: https://astanatimes.com/2023/11/mapping-creative-industries-landscape-kazakhstans-cultural-initiatives-central-asian-nomadism-international-practice (date of access: 13.04.2025).

РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ, ВОЗМОЖНОСТИ

А. Л. Пастухов

Северо-Западный институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Большой проспект В.О., 57/43, 199178, г. Санкт-Петербург, Россия, alpast@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению генезиса евразийской идеи, анализу тенденций, рисков и возможностей развития ЕАЭС, евразийской интеграции в современных социально-экономических и геополитических условиях. В статье представлены научные труды ученых и общественных деятелей России, идеологов современного евразийства Межрегионального общественного движения по содействию развития институтов интеграции Евразии «Евразийское движение». В ней рассмотрены данные экономической статистики стран – членов ЕАЭС, сферы межгосударственного взаимодействия в рамках ЕАЭС, позитивные и негативные тенденции политического, экономического, социального и культурного развития и взаимодействия стран – членов ЕАЭС, а также риски политического, экономического и военного характера. В работе представлены конкретные предложения по развития интеграции на евразийском пространстве, а именно: создание интегрированного образовательного пространства, развитие евразийского межнационального диалога (проект «Евразийский межнациональный диалог»); интенсификация международного межбиблиотечного обмена и взаимодействия между национальными архивами для каталогизации, изучения и введения в научный оборот и образовательное пространство архивных материалов и др.

Ключевые слова: евразийская интеграция; риски; возможности развития; ЕАЭС; Большая Евразия; Союзное государство; международные отношения; экспорт и импорт.

DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION IN MODERN SOCIO-ECONOMIC AND GEOPOLITICAL CONDITIONS: TRENDS, RISKS, OPPORTUNITIES

A. L. Pastukhov

North-West Institute of Management-branch of the Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation 57/43 Bolshoy Prospect V.O., St. Petersburg 199178, Russia, alpast@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of the genesis of the Eurasian idea, the analysis of trends, risks and opportunities for the development of the EAEU, Eurasian integration in modern socio-economic and geopolitical conditions. The article presents the scientific works of scientists and public figures of Russia, the ideologues of modern Eurasianism of the Interregional Public Movement for the Development of Eurasian Integration Institutions «Eurasian movement». It considers the data of economic statistics of the EAEU member states, the sphere of interstate interaction within the EAEU, positive and negative trends in political, economic, social and cultural development and interaction of the EAEU member states, as well as the risks of political, economic and military character.

The paper presents specific proposals for the development of integration in the Eurasian space, namely: the creation of an integrated educational space, the development of the Eurasian interethnic dialogue (the Eurasian Interethnic Dialogue project); the intensification of international interlibrary exchange and interaction between national archives for cataloging, studying and introducing archival materials into scientific circulation and the educational space, etc.

Keywords: Eurasian integration; risks; development opportunities; EAEU; Greater Eurasia; Union State; international relations; export and import.

Развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в настоящее время является важнейшей составляющей не только экономического, правового и социокультурного развития Российской Федерации, но и всех стран – членов ЕАЭС. Данное интеграционное объединение, во-первых, позволяет сохранить имеющиеся политические, экономические и социокультурные связи между странами, ранее входящими в состав единого унитарного государства – Российской Империи, а затем Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

Во-вторых, оно способствует взаимодействию в различных государственных сферах:

– обеспечение экономического обмена;

– распределение государственных доходов от экспортно-импортных операций;

– совместный контроль за товарными, финансовыми потоками;

– совместный контроль за обеспечением прав интеллектуальной собственности;

– возможности снижения негативного влияния санкционного давления на Российскую Федерацию и другие страны – члены ЕАЭС;

– согласование действий органов государственной власти стран – членов ЕАЭС в сфере трудовой миграции.

Основные вопросы интеграционного взаимодействия, его исторические, экономические и социокультурные основы представлены в трудах членов Межрегионального общественного движения по содействию развитию институтов интеграции Евразии «Евразийское движение» О. В. Лушникова [1; 2], О. Ю. Невзорова [3; 4] и в монографии [5].

Генезис развития евразийской цивилизационной идеи и осознания общеевразийской территориальной общности (государственности) связан с формированием Монгольской империи, как первого в мире крупнейшего и влиятельного евразийского государства. Дальнейшее развитие евразийской идеи формировалось в Российской Империи на основе сочетания «монгольского» и «византийского» политического наследия, а также развития торговых отношений со странами Востока. В XIX в. на основе развития отечественной общественно-политической мысли сформировалась «евразийская цивилизационная парадигма» [1].

В современном обществе эта социокультурная парадигма приобрела устойчивую патриотическую направленность, так как в ее основе, так же, как и в понятии «патриотизм», имеются три базовые составляющие:

– пространственно-территориальный характер существования (евразийский континент);

– временной характер развития (основанный на общности исторического пути разных народов Евразии и социокультурных связей);

– аспектно-ориентированная составляющая (идейная сущность и моральная доминанта) [2, с. 4].

В современных условиях глобальной конкуренции, роста социальной напряженности, развития военных конфликтов и вооруженного противостояния в мировом сообществе усилилась тенденция к формированию региональных экономических, политических и социокультурных объединений. Интеграционные процессы, как альтернатива «глобальной хаотизации» приобретают все большую значимость, в том числе для стран «Большой Евразии» [3, с. 3–10].

Одновременно усиливается использования евразийских идей и терминологии идеологов евразийства в России, что связано со следующими факторами:

– «самоидентификация России и стран ЕАЭС как своеобразной цивилизационной общности» [4, с. 3–10];

– развитие «цивилизационного геополитического полицентризма» [4, с . 3-10], многополярного мира;

– воссоздание экономических и социокультурных связей между странами Содружества Независимых Государств (СНГ), расширение экономических и социокультурных связей на пространстве Большой Евразии;

– осознание перспективности для всех стран Евразии дальнейшего экономического, политического и социокультурного континентального развития;

– формирование концепции современного евразийства, как «идейной основы мирного и взаимовыгодного сосуществования, социально-экономического развития народов, образующих «общее цивилизационное пространство на территории «Северной Евразии» [4, с. 3–10].

При этом, следует отметить, что после распада СССР с 1992 г. начался период заключения большого количества специализированных соглашений между странами Евразийского макрорегиона, что было обусловлено необходимостью обеспечения текущих потребностей функционирования и развития экономики этих стран, их национальными интересами [5, с. 100–102]. С 1991 по 1994 г. шло формирование СНГ с целью формирования правовой и политической основы международного сотрудничества в различных сферах. С 1992 г. между странами Северной Евразии стали заключаться двусторонние соглашения о свободной торговле. В 1999 г. Российской Федерацией и Республикой Беларусь было создано Союзное государство с целью дальнейшей экономической интеграции и обеспечения свободной торговли. А с 2014 г. начал функционировать Евразийский экономический союз.

В настоящее время благодаря функционированию межнационального экономического института ЕАЭС, включающего в себя институ-

циональную структуру и Таможенный кодекс ЕАЭС, а также решений Евразийской экономической комиссии ЕАЭС страны – члены ЕАЭС продолжают свое взаимосвязанное экономическое развитие, что подтверждается данными экономической статистики.

Так по данным Евразийского банка развития (ЕБР) только в 2024 г. рост ВВП стран – членов ЕАЭС составил: Армения (6 %), Беларусь (4,3 %), Казахстан (4,5 %), Кыргызстан (9,4 %), Россия (4,1 %) [6].

Несмотря на существенный рост ключевой ставки ЦБ в России и рост инфляции в 2024 г., во всех странах – членах ЕАЭС продолжился рост ВВП, который значительно выше, чем в европейских странах. Несмотря на экономический кризис 2014–2016 гг. и период пандемии *COVID*-19 экономики стран – членов ЕАЭС продемонстрировали за последние 10-15 лет существенный рост.

Однако, несмотря на явную экономическую выгоду в результате евразийской интеграции можно выявить следующие негативные тенденции экономического, политического и социокультурного характера:

– рост конкуренции во многих базовых отраслях экономики (добыча и продажа сырьевых товаров) между предприятиями Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан;

– отказ от публичной поддержки Российской Федерации и Республики Беларусь в международных отношениях в связи с введением по отношению к ним незаконных односторонних санкций странами Запада, при извлечении существенной выгоды от транзита товаров из КНР, Турции и других азиатских стран;

– соблюдение незаконных односторонних санкций странами Запада по отношению к российским и белорусским участникам экономических отношений, блокирование торговли и финансовых операций;

– рост проявлений национализма, включая увеличение числа антироссийских публикаций, видеоконтента, публичных выступлений политиков и общественных лидеров;

– блокировка российских государственных и общественных инициатив по проведению совместных культурных мероприятий, обмену историческими данными и сведениями;

– «выдавливание» русского языка из образовательного пространства и ослабление связей между образовательным сообществом, дезинтеграция национальных образовательных систем;

– снижение активности взаимного участия представителей образовательного сообщества в совместных научных мероприятиях и исследованиях, рост бюрократизации межвузовского взаимодействия и снижение финансирования прямых международных контактов (в том числе со стороны России);

– уголовное преследование граждан стран – членов ЕАЭС за поддержку российских военных инициатив.

Причинами этого, по мнению ряда экспертов является усиление информационного и экономического воздействия стран Запада на по-

литическую элиту азиатских стран, включая подкуп должностных лиц, финансирование создание и распространение антироссийского информационного контента, создание системы контроля ключевых предприятий стран – членов ЕАЭС за счет использования финансовых инструментов.

В связи с этим на евразийском пространстве возникают существенные риски, которые могут привести к неблагоприятным политическим и социально-экономическим последствиям. В результате вероятно формирование на евразийском пространстве институционального противоречия между интересами политической и бизнес-элиты стран – членов ЕАЭС, а также поддерживающими их националистическими группами населения, с одной стороны, и объективными национальными интересами народов Евразии, с другой.

Очевидно, что разная направленность политического развития и нивелирование социокультурных взаимосвязей не может обеспечить рост экономических взаимосвязей, что в альтернативном варианте развития Евразии приведет не только к потере реального политического суверенитета, но и к обнищанию народов. В современных социально-экономических и геополитических условиях возможно три основных направления развития ЕАЭС.

1. Сохранение существующей разнонаправленности экономических (евразийская интеграция), политических (интеграция с ЕС, США, Содружеством наций), социокультурных (интеграция с Турцией и ограничение межкультурных евразийских отношений).

2. Разрушение существующих политических и социокультурных связей, включая выход из СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и встраивания национальных экономик в доминирующие глобальные торгово-экономические цепочки и процессы, контролируемые транснациональными корпорациями. Усиление межнациональной напряженности и рост приграничных конфликтов. Рост вероятности прямых военных конфликтов. Потеря товарных рынков.

3. Дальнейшая евразийская интеграция.

В первом варианте евразийского развития возникает состояние неустойчивости и риск возникновения точки бифуркации с последующим развитием дезинтеграции. Во втором варианте вероятно снижение экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе с утратой национального суверенитета и политической архаизацией, что в перспективе может привести к новым конфликтам и войнам. И только в третьем варианте возможно достижение полноценного всестороннего развития, отвечающего интересам народов Евразии с переходом от экономического взаимодействия и совместного распределения доходов от экспортно-импортных операций к полноценному экономическому, а затем и многоплановому союзу, примером которого является Союзное государство.

Для дальнейшего развития евразийской интеграции представляется необходимым, в том числе на основе реализуемых проектов Межрегио-

нального общественного движения по содействию развитию институтов интеграции Евразии «Евразийское движение»:

– создание интегрированного образовательного пространства с усилением международной коммуникации образовательного сообщества и совместных научно-технологических проектов (проект: постоянно действующий российско-белорусский круглый стол «Механизмы повышения компетенций персонала»);

– развитие евразийского межнационального диалога (проект «Евразийский межнациональный диалог»);

- создание научного обмена монографий, научных публикаций, учебных пособий по евразийству между образовательными учреждениями стран – членов ЕАЭС с включением этих материалов в свои библиотечные фонды;

– реализация общественных инициатив по сохранению общего культурно-исторического наследия и его пропаганда;

– интенсификация международного межбиблиотечного обмена и взаимодействия между национальными архивами для каталогизации, изучения и введения в научный оборот и образовательное пространство архивных материалов;

– развитие культурного обмена и совместных социокультурных мероприятий в странах – членах ЕАЭС и на пространстве Большой Евразии;

– формирование единой системы многосторонних договоров, обеспечивающих защиту взаимных инвестиций, торговых сделок и финансовых трансакций;

– создание общей архитектуры экономической и военной безопасности, систему защиты от международного терроризма и организованной преступности;

– формирование согласованной международной политики с учетом общих национальных, а не элитных интересов;

– создание евразийской финансовой и депозитарной системы, развитие азиатских биржевых институтов.

Библиографический список

1. Лушников, О. В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09 / Лушников Олег Вадимович ; Пермский гос. ун-т. – Ижевск, 2008. –27 с. – URL: https://www.prlib.ru/item/360469 (дата обращения: 01.04.2025).

2. Лушников, О. В. Евразийская идея в России: истоки и перспективы: учеб. пособие / О. В. Лушников. – Пермь : Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т : Центр Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского, 2019. – 337 с. – URL: https://www.prlib.ru/item/1305936 (дата обращения: 01.04.2025).

3. Невзоров, О. Ю. Заметки непоследнего евразийца / О. Ю. Невзоров. – Екатеринбург : RIDERO, 2024. – 219 с.

4. Невзоров, О. Ю. Евразийский солидаризм XXI века. Книга, которая заставляет думать вас об экономике будущего /О. Ю. Невзоров. – Екатеринбург : RIDERO, 2019. – 167 с.

5. Евразийство. Видение общего / А. К. Аликберов, А. О. Безруков, Р. Р. Вахитов [и др.]; под общ. ред. А. Л. Оверчука. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023 – 168 с. – URL: https://publications.hse.ru/books/888715860 (дата обращения 10.04.2025).

6. Макроэкономический прогноз 2025–2027 // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/c55/EDB_Macroreview_2025_2027_RU.pdf (дата обращения 10.04.2025).

ТАМОЖЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Л. И. Тарарышкина[1)], А. А. Дашкевич[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
anastasiyadashkevitch@yandex.by

В статье рассмотрены механизмы регулирования электронной торговли в ЕАЭС, касающиеся таможенной сферы. Рассматривается протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС. Выявляются концептуальные направления регулирования электронной торговли. Выделяются функции оператора электронной торговли. Анализируются пути ввоза товаров электронной торговли. Устанавливается, что реализация протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС поспособствует повышению прозрачности процесса перемещения товаров электронной торговли и упрощению таможенного оформления данной категории товаров.

Ключевые слова: электронная торговля; таможня; ЕАЭС; оператор электронной торговли; информационные технологии; цифровая экономика.

CUSTOMS ASPECTS OF E-COMMERCE REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

L. I. Tararyshkina[a], A. A. Dashkevich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, anastasiyadashkevitch@yandex.by

The article discusses the mechanisms of regulation of e-commerce in the EAEU related to the customs sphere. The protocol on amendments to the Treaty on the Customs Code of the EAEU is being considered. The conceptual directions of regulation of electronic commerce are revealed in the article. The functions of the e-commerce operator are highlighted. The ways of importing e-commerce goods are analyzed. It is established that the implementation of the protocol on amendments to the Treaty on the Customs Code of the EAEU will contribute to increasing transparency in the process of movement of e-commerce goods and simplify customs clearance of this category of goods.

Keywords: e-commerce; customs; the EAEU; e-commerce operator; information technology; digital economy.

В XXI в. одним из ключевых направлений развития в мире стали увеличение доли электронной торговли и переход к цифровой экономике. Существует много трактовок термина «электронная торговля», однако

суть их сводится к тому, что это процесс покупки, продажи, передачи или обмена продуктами, услугами и информацией с помощью электронных средств коммуникации [1]. В свою очередь данные тенденции приводят к тому, что таможенная система сталкивается с вызовами, связанными с глобализацией, инициативами по упрощению процедур мировой торговли и проблемами безопасности, от нее требуется новый профессиональный подход к управлению и функционированию таможенных администраций по всему миру.

Электронная торговля оказывает значительное влияние на формирование и развитие Единого экономического пространства ЕАЭС. По экспертным оценкам, общий объем рынков электронной торговли стран ЕАЭС за 2023 г. составил около 83 млрд долл. США. А средние ежегодные темпы роста почти по всем странам ЕАЭС превышают 25 % [2].

Цель данной работы состоит в рассмотрении механизмов регулирования электронной торговли в ЕАЭС с акцентом на таможенную сферу.

В декабре 2023 г. был принят протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС (далее – Протокол). Согласно ему ключевыми направлениями регулирования электронной торговли стали следующие:

– выделение товаров электронной торговли в отдельную категорию и установление особенностей ее регулирования;

– введение в ЕАЭС института оператора электронной торговли;

– обеспечение возможности реализации физическим лицам товаров электронной торговли с использованием таможенных складов [3].

Так, под товарами электронной торговли понимаются как товары для личного пользования, приобретенные физическими лицами на иностранных интернет-площадках с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС в международных почтовых отправлениях или перевозчиком, так и иностранные товары, находящиеся на таможенной территории ЕАЭС под таможенной процедурой таможенного склада и реализуемые физическим лицам с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с такого склада [4].

Протокол предусматривает, что декларантом товаров электронной торговли может выступать физическое лицо – получатель товара, достигшее 16-летнего возраста, или оператор электронной торговли. Среди основных функций последнего можно выделить следующие:

– осуществление таможенного декларирования товаров электронной торговли;

– передача сведений о товарах в таможенный орган от зарубежных интернет-магазинов;

– доставка и помещение товаров электронной торговли на таможенный склад, их хранение на складе до выдачи физическим лицам;

– информирование зарубежных интернет-магазинов о необходимости размещения на их сайтах заявлений (нотификаций) о соблюдении

требований технических регламентов ЕАЭС, обеспечивание их проверки и передачи для целей мониторинга в органы государственной власти;

– исчисление и уплата таможенных платежей [4].

Как уже отмечалось выше в определении товаров электронной торговли, они могут ввозиться двумя способами: прямая поставка и поставка с таможенного склада.

При прямой поставке товаров электронной торговли физическое лицо в государстве – члене ЕАЭС оформляет заказ в зарубежном интернет-магазине, далее данный маркетплейс отправляет товар, оператор электронной торговли в свою очередь предоставляет в таможенный орган декларацию на товары электронной торговли, после выпуска товаров оператор электронной торговли доставляет их покупателю – физическому лицу.

При поставке товаров электронной торговли с таможенного склада зарубежный маркетплейс отправляет товары, и они помещаются под таможенную процедуру таможенного склада, далее физическое лицо в государстве – члене ЕАЭС оформляет заказ в данном зарубежном интернет-магазине, а оператор электронной торговли предоставляет в таможенный орган заявление о выпуске товаров до подачи декларации на товары электронной торговли и после его подачи доставляет товары с таможенного склада физическому лицу – покупателю. Далее оператор электронной торговли не позднее 10 числа месяца, следующего за выпуском товаров электронной торговли подает в таможню декларацию на товары электронной торговли. В случае если, товары электронной торговли, помещенные под таможенную процедуру таможенного склада, не реализованы, то данная таможенная процедура завершается помещением товаров электронной торговли под таможенную процедуру реэкспорта.

Важно отметить, что протокол предусматривает возможность установления беспошлинного порога ввоза товаров электронной торговли непосредственно физическими лицами. На 2025 г. устанавливается порог беспошлинного ввоза в размере 200 евро с дальнейшим возможным постепенным снижением до 2028 г. и при превышении этой нормы ставка пошлины – 5 % [5].

С предложением о поэтапном снижении порога беспошлинной интернет-торговли до нуля к 2030 г., в частности, выступила «Почта России», которая видит установление в 2025 г. порога на уровне 200 евро, в 2026 г. – 150 евро, в 2027 г. – 100 евро, в 2028 г. – 50 евро, в 2030 г. – 0 евро. Также компания предлагала при превышении стоимости посылки указанного порога установить ставку ввозной пошлины с 2025 г. по 2029 г. на уровне 15 % от превышения, с 2030 г. – 5 % от стоимости товара [5].

Подводя итоги отметим, что электронная торговля оказывает существенное влияние на экономическое развитие государств – членов ЕАЭС. Вопрос ее регулирования является актуальным для всего интеграционного объединения, поскольку является одним из ключевых моментов в рамках реализации инициативы цифровой торговли.

На сегодняшний день достигнуты значительные результаты в части регулирования внешней электронной торговли. Это подтверждает и принятие протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС.

Так, протоколом установлены новые правила в отношении товаров, приобретаемых физическими лицами с использованием интернет-ресурсов, – порядок таможенного декларирования, особенности временного хранения, применение таможенных платежей, возможность реализации товаров физическим лицам с таможенных складов. Также создается новый институт – оператор электронной торговли, который совмещает в себе функции логистического оператора и таможенного представителя.

В дальнейшем реализация данного протокола упорядочит таможенное оформление товаров электронной торговли, увеличит скорость обработки грузов и повысит эффективность таможенного контроля.

Библиографический список

1. Крутин, Ю. В. Электронная коммерция / Ю. В. Крутин. – Екатеринбург, 2018. – 100 с.

2. Дмитрий Вольвач: соглашение об электронной торговле товарами в ЕАЭС находится на финальной стадии согласования // Минэкономразвития России. – 09.09.2024. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_soglashenie_ob_elektronnoy_torgovle_tovarami_v_eaes_nahoditsya_na_finalnoy_stadii_soglasovaniya.html (дата обращения: 22.03.2025).

3. Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&po=F72300496 (дата обращения: 22.03.2025).

4. Единая таможенная территория // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7b/n.-Pilotnyy-proekt-v-oblasti-vneshney-elektronnoy-torgovli-tovarami.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

5. ЕЭК рассмотрит сохранение порога беспошлинной интернет-торговли в ЕАЭС в 200 евро // Альта-Софт. – 25.09.2024. – URL: https://www.alta.ru/ts_news/113302/ (дата обращения: 22.03.2025).

АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ТАМОЖЕННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Л. И. Тарарышкина[1)], А. Д. Иванова[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@ bsu.by
[2)] Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский проспект, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, sasha5685590@gmail.com

В статье проводится анализ внедрения электронного декларирования товаров в странах ЕАЭС, с акцентом на Казахстан и Россию. Описывается внедрение и развитие систем электронного декларирования, таких как «АСТАНА-1» в Казахстане и «АСК-ТН ВЭД» в России, которые обеспечивают автоматизацию и упрощение таможенных процедур. Рассматриваются преимущества этих систем, включая сокращение времени декларирования, минимизацию ошибок и повышение прозрачности. Особое внимание уделяется внедрению механизма «единого окна», который способствует снижению административных барьеров и упрощению взаимодействия с государственными органами. В статье также анализируется интеграция систем с международными торговыми партнерами и планы по развитию наднационального цифрового пространства в рамках ЕАЭС. Достижения Казахстана и России в области электронного декларирования показывают высокую степень автоматизации и эффективность этих систем, а также их влияние на развитие внешней торговли и улучшение позиций стран в международных рейтингах.

Ключевые слова: электронное декларирование; АСТАНА-1; «Единое окно»; таможенные декларации; система электронного декларирования.

ASPECTS OF ELECTRONIC CUSTOMS DECLARATION IN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

L. I. Tararyshkina[a], A. D. Ivanova[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by
[b] Belarusian State Economic University,
26 Partizansky Avenue, Minsk 220070, Belarus sasha5685590@gmail.com

The article analyzes the introduction of electronic declaration of goods in the EAEU countries, with an emphasis on Kazakhstan and Russia. It describes the introduction and development of electronic declaration systems, such as ASTANA-1 in Kazakhstan and ASK-TN FEA in Russia, which provide automation and simplification of customs procedures. The advantages of these systems are considered, including reducing declaration time, minimizing errors, and increasing transparency. Special attention is paid to the introduction of a «single window» mechanism, which helps to reduce administrative barriers and simplify interaction with government agencies. The article also analyzes the integration of systems with international trading partners and plans for the development of a supranational digital space within the EAEU. The achievements of Kazakhstan and Russia in the field of electronic

declaration show a high degree of automation and efficiency of these systems, as well as their impact on the development of foreign trade and improving the countries' positions in the international ratings.

Keywords: electronic declaration; ASTANA-1; «Single Window»; customs declarations; electronic declaration system.

Электронное таможенное декларирование становится важным инструментом для упрощения и ускорения процедур внешней торговли в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Страны – члены Союза активно внедряют современные электронные системы, направленные на автоматизацию и оптимизацию таможенных процессов. Электронное декларирование позволяет значительно сократить время, необходимое для декларирования товаров, минимизировать количество ошибок и повысить прозрачность, что, в свою очередь, способствует развитию торговли между странами ЕАЭС. В частности, такие системы, как «Система электронного декларирования» в России, «АСТАНА-1» в Казахстане и аналогичные решения в странах ЕАЭС, играют ключевую роль в обеспечении эффективного и безопасного взаимодействия участников внешней торговли.

Информационная система «АСТАНА-1», позволяет участникам внешнеэкономической деятельности, находясь на единой информационной платформе, производить любые операции – от подачи предварительной информации до контроля после выпуска товара, что ускоряет обработку данных [1].

Начальные предпосылки по разработке системы электронного таможенного декларирования в Казахстане возникли в рамках 38-го шага Плана нации «100 конкретных шагов» в 2015 г. Затем, в рамках Кодекса Республики Казахстан «О таможенном регулировании в Республике Казахстан», была выработана нормативно-правовая основа для реализации таможенных операций таможенными органами, используя информационные системы и современные информационные технологии, при этом исключая физическое участие должностных лиц таможенных органов в этом процессе [2].

С началом использования информационной системы «АСТАНА-1» в Казахстане был внедрен автоматизированный контроль всех таможенных процессов, включая подачу предварительной информации о грузе, использование системы управления рисками, декларирование транзитных деклараций и контроль товаров после выпуска. С 2015 по 2016 г. была разработана и установлена система с полным циклом электронного декларирования. В 2016 г. начались пилотные испытания в нескольких регионах, а с 2017 г. система стала использоваться в других областях. В январе 2018 г. была внедрена и передана в полную эксплуатацию, соответствуя международным стандартам и нормам Всемирной торговой организации, подсистема «Таможенное декларирование», которая позволила автоматизировать процесс декларирования и значительно сократить время

оформления. 99,5 % электронных таможенных деклараций из более чем их 22,7 тыс. выпущено системой автоматически за минуту по «зеленому коридору» [3].

Система имеет ряд преимуществ: исключение прямого контакта между инспектором и декларантом, возможность работы с системой из любой точки, улучшение логистики, централизованный контроль над стоимостью товаров, а также сокращение времени на проверку документов и данных о грузах. Это позволяет значительно улучшить эффективность работы как для внешней торговли, так и для таможенных органов. В дополнение, СУР (система управления рисками) помогает эффективно распределять декларации по «коридорам» (зеленый, синий, желтый, красный), что снижает необходимость физического контроля и способствует ускоренному выпуску товаров.

Система АСТАНА-1 работает круглосуточно (24/7), позволяя бизнесу осуществлять безбумажное декларирование и минимизировать взаимодействие с таможенными инспекторами. Достигнуто снижение времени таможенной очистки товаров до 1 минуты при отсутствии рисков (около 73 % таможенных деклараций от их общего количества). По остальным 27 % таможенных деклараций, время выпуска зависит от проведения рекомендаций, выданных системой управления рисками по минимизации рисков [4].

Это свидетельствует о существенном повышении эффективности и ускорении таможенных процедур в Казахстане. Интеграция АСТАНА-1 с ключевыми национальными информационными системами, такими как *E*-лицензирование, ЦУЛС, Национальный банк Казахстана и другими, а также с системами стран – членов ЕАЭС и рядом других государств, включая Китай, Узбекистан, Грузию и Азербайджан, значительно улучшила взаимодействие между различными участниками внешней торговли и таможенными органами. Такая интеграция позволяет повысить прозрачность и эффективность транзита товаров, что имеет прямое влияние на развитие международной торговли и транзитных потоков [2].

Примечательно, что внедрение АСТАНА-1 способствовало улучшению позиций Казахстана в международных рейтингах, таких как *Doing Business* и *Logistics Performance Index*. Упрощение таможенных процедур и сокращение времени прохождения товаров через границу стали важными факторами роста торговых потоков и укрепления транзитного потенциала Казахстана. Время декларирования транзитных деклараций сократилось с 1,5 часов до 30 минут, что значительно повысило привлекательность Казахстана как транзитного узла для товаров между Европой и Азией. Кроме того, система поддерживает электронную торговлю, обеспечивая быструю обработку трансграничных онлайн-заказов. Взаимодействие с АО «Казпочта» позволило сократить время обработки документов до 5 минут, а за несколько месяцев работы было обработано около 1,56 млн документов формы *CN*22/23. Это обеспечило ускорение процессов, связанных с электронными закупками и поставками [5].

В настоящее время продолжается работа по интеграции АСТАНА-1 с новой системой налогового администрирования «ИСНА», что позволит улучшить и ускорить процессы налогового учета и регистрации товарных потоков. Система АСТАНА-1 в Казахстане является примером того, как страна интегрируется в международный таможенный и торговый процессы, благодаря использованию платформы *ASYCUDA World*. Это решение основано на международном опыте и разработано Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), что позволяет Казахстану быть более интегрированным в глобальную систему таможенного администрирования, чем, например, Республика Беларусь и Российская Федерация.

Платформа *ASYCUDA World* – это международная система, используемая для автоматизации процессов таможенного декларирования, которая активно применяется во многих странах. Она поддерживает интеграцию с международными торговыми и налоговыми базами данных, а также упрощает взаимодействие между различными государственными органами и странами. Внедрение АСТАНА-1, основанной на *ASYCUDA World*, позволяет Казахстану автоматизировать и оптимизировать таможенные процедуры, существенно сокращая время на обработку документов и уменьшая административные издержки.

Система АСТАНА-1 не ограничивается только таможенным декларированием, она также включает в себя взаимодействие с налоговыми базами данных и другими государственными органами Казахстана, а также с другими странами ЕАЭС. Это создает единое пространство для управления внешней торговлей и таможенными процедурами, что делает Казахстан более гибким и подготовленным к изменениям в международной торговле.

Для сравнения, в Республике Беларусь и Российской Федерации каждая из стран развивает собственные системы электронного декларирования, что не всегда позволяет достичь такой степени интеграции с международными стандартами, как это реализовано в Казахстане. В Казахстане же система АСТАНА-1 работает на базе *ASYCUDA World*, что позволяет эффективно взаимодействовать с другими странами и соблюсти все международные требования в области таможенного администрирования. Это интегрированное решение позволяет Казахстану не только поддерживать единый стандарт с другими странами, но и значительно ускорять процесс таможенного декларирования, сокращая время, необходимое для выпуска товаров, и снижая риск ошибок при подаче деклараций. Это также открывает возможности для более тесного сотрудничества с внешними партнерами и международными торговыми организациями, а также упрощает процесс регистрации и выпуска таможенных деклараций для участников внешнеэкономической деятельности Казахстана.

Таким образом, переход на АСТАНА-1 на базе *ASYCUDA World* подчеркивает, что Казахстан стремится к максимальной интеграции в мировой таможенный процесс, обеспечивая более эффективную и конкурентоспособную систему для своих участников внешней торговли. В отличие

от других стран, у которых могут быть собственные системы, Казахстан показывает пример того, как международные стандарты могут быть успешно адаптированы для улучшения внутренней системы таможенного администрирования и повышения уровня обслуживания внешнеэкономических операторов [4].

Рассмотрим также на примере Российской Федерации. В России с 2015 г. активно внедряется система электронного декларирования товаров, что стало возможным благодаря созданию единой информационной системы таможенных органов, которая обеспечивает электронное взаимодействие участников внешней экономической деятельности с таможенными органами. Система позволяет подавать декларации в электронном виде, что исключает необходимость физического присутствия декларанта и обращения с бумажными документами. Одним из ключевых элементов в системе электронного декларирования является система электронного декларирования, которая служит для подачи и обработки деклараций. Это комплексная система, которая включает:

– электронную декларацию на товары – основной инструмент для подачи сведений о товарах, подлежащих таможенному декларированию;

– систему управления рисками, которая анализирует поданные декларации и решает, какие из них должны быть подвергнуты дополнительному контролю, а какие могут быть выпущены без проверки.

Следует отметить, что начиная с 2017 г. около 99 % всех таможенных деклараций в России оформляются в электронном виде [6]. Это стало возможным благодаря развитию и внедрению информационных систем, таких как Система электронного декларирования и Информационная система управления рисками, которые позволяют автоматизировать процесс регистрации деклараций, минимизируя вмешательство человека.

В России система электронного декларирования активно развивается, особенно в регионах. Южная электронная таможня подвела основные итоги деятельности за 9 месяцев 2024 г. Всего было завершено таможенное декларирование товаров общей стоимостью 4,56 млрд долл. США, а расчет таможенных платежей для товаров, в отношении которых было проведено декларирование таможенной стоимости в зоне ответственности Южного таможенного управления, обеспечил перечисление в федеральный бюджет России более 45 млрд российских рублей [7]. Удельный вес деклараций на товары, автоматически зарегистрированных Дальневосточной электронной таможней в 2021 г., увеличился на 23 %. Если в начале года автоматически регистрировалось 64 % поданных таможенных деклараций на товары, то в конце года 87 % деклараций. В федеральный бюджет России в 2021 г. перечислено 34,7 млрд российских рублей таможенных платежей, из них более 85 % платежей приходится на импортные поставки товаров [8].

Уполномоченный экономический оператор «СлавТранс» отмечает, что удельный вес автоматически зарегистрированных деклараций на товары в 2024 г. составил около 84 %, а удельный вес автоматически вы-

пущенных деклараций в рамках процедуры электронного таможенного декларирование составил 32,4 % [9].

В 2024 г. в России продолжает развиваться система Единых лицевых счетов, которая позволяет участникам внешней торговли уплачивать все таможенные платежи через один лицевой счет. Это упрощает процесс оплаты и уменьшает количество документов, которые необходимо подавать для проведения таможенных операций. Платежи осуществляются через банковские системы, что значительно ускоряет процесс уплаты налогов и пошлин, а также упрощает учет и контроль за поступлениями в бюджет.

Россия активно поддерживает электронную торговлю, которая также является важной частью цифровизации таможенного декларирования. Интеграция с международными системами и нововведения, такие как использование электронных платформ для упрощения транзакций и обработки товаров, получаемых через интернет-магазины, значительно ускорили обработку трансграничных заказов. В результате внедрения таких технологий, время обработки документов для товаров, поступающих через электронную торговлю, значительно сократилось, что упростило процесс для малого и среднего бизнеса. Федеральная таможенная служба России активно продолжает цифровизацию таможенных процедур. В частности, планируется продлить до 1 января 2026 г. возможность указывать одну позицию ТН ВЭД ЕАЭС при декларировании определенных товаров, что упростит процесс для участников внешней торговли. Также внедряется система Единых лицевых счетов, позволяющая оптимизировать практику уплаты таможенных платежей.

Электронное декларирование в России на 2024 г. уже продемонстрировало значительные успехи в упрощении процедур, ускорении времени оформления и снижении коррупционных рисков. В дальнейшем оно будет развиваться и внедрять новые технологии, продолжая улучшать эффективность и прозрачность внешней торговли. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации в 2024 г. практически 100 % всех деклараций на товары и документы подано в электронном виде. За год таможенными органами выпущено 3790 тыс. деклараций, из которых автоматически зарегистрированы около 82 %, а автоматически выпущены 26 % [10]. В целом, электронное декларирование в России охватывает подавляющее большинство внешнеторговых операций, что свидетельствует о высоком уровне автоматизации и эффективности системы.

В Казахстане внедрение электронного декларирования находится на стадии активного развития. С 2025 г. планируется ввести обязательное таможенное декларирование для товаров электронной торговли. Это позволит контролировать соблюдение таможенного законодательства, уплату таможенных платежей и соответствие товаров техническим регламентам. Кроме того, с 4 мая по 30 июня 2024 г. в Казахстане был реализован пилотный проект по упрощенному декларированию экспресс-грузов в информационно-телекоммуникационной системе «Единое окно». В резуль-

тате среднее время предоставления таможенных услуг было сокращено с 30 до 5 дней. Также на портале «Единое окно» автоматизированы таможенные услуги и разрешительные документы для таможенной очистки, что способствует упрощению процедур и снижению административных барьеров [11].

На 2024 г. обе страны продолжают совершенствовать системы электронного декларирования. В России акцент сделан на улучшение качества данных и ускорение процессов проверки, а также на расширение сети центрального электронного декларирования. Казахстан активно развивает инфраструктуру и планирует расширять использование электронного декларирования среди малых и средних предприятий. Однако проблемы с интеграцией и техническими ресурсами остаются актуальными для Казахстана, и стране предстоит значительная работа по улучшению системы.

Электронное декларирование в России и Казахстане находится на разных стадиях развития. Россия достигла значительных успехов в автоматизации и интеграции, что позволяет эффективно обрабатывать большие объемы данных. Казахстан продолжает развивать свою систему, преодолевая сложности, связанные с внедрением и обеспечением необходимой инфраструктуры, однако улучшения в этой области требуют времени и инвестиций.

Одним из ключевых направлений развития электронного таможенного декларирования в рамках ЕАЭС является внедрение механизма «единого окна». Эта система позволяет участникам внешнеэкономической деятельности подавать все необходимые документы и получать разрешения через единый цифровой портал, исключая необходимость многократного обращения в различные государственные органы. Реализация «единого окна» способствует сокращению времени оформления, снижению административных барьеров, повышению прозрачности и упрощению взаимодействия между бизнесом и государством. В перспективе создание наднационального «единого окна» в рамках ЕАЭС обеспечит сквозной электронный документооборот между странами Союза и станет основой для формирования общего цифрового таможенного пространства.

На наднациональном уровне в рамках ЕАЭС ключевым направлением развития электронного таможенного декларирования становится создание единого цифрового пространства, основанного на интеграции и совместимости национальных информационных систем. Это предполагает внедрение общего интерфейса для подачи документов, гармонизацию классификаторов и форматов данных, а также развитие сквозного электронного документооборота. Особое внимание уделяется созданию единой системы управления рисками, автоматической регистрации и выпуска деклараций, что позволит ускорить процессы и снизить административную нагрузку.

Перспективным направлением является интеграция с внешними партнерами – Китаем, государствами – участниками СНГ и другими государствами, для упрощения транзита и трансграничной торговли. Также планируется формирование общей базы уполномоченных экономи-

ческих операторов, единых подходов к контролю электронной торговли и создание наднационального электронного архива. Совершенствование систем кибербезопасности и подготовка квалифицированных кадров станут важными условиями успешной цифровизации. В целом, цель заключается в создании единой, прозрачной и высокоэффективной системы таможенного администрирования, способствующей росту товарооборота и интеграции экономик стран ЕАЭС.

Библиографический список

1. Преимущества информационной системы «Астана -1» (АСИКУДА)» // Uchet. – 19.01.2018. – URL: https://uchet.kz/news/preimushchestva-informatsionnoy-sistemy-astana-1-asikuda/index.php?MID= (дата обращения: 02.12.2025).
2. Таможенный контроль // Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. – URL: https://kgd.gov.kz/ru/section/tamozhennyy-kontrol (дата обращения: 08.04.2025).
3. Таласпеков Р. Практическая реализация Послания главы государства к народу Казахстана в сфере таможенной деятельности Департамента государственных доходов по Карагандинской области / Р. Таласпеков // Государственный департамент доходов Карагандинской области. – 21.05.2018. – URL: https://krg.kgd.gov.kz/kk/node/27480 (дата обращения: 02.02.2025).
4. Преимущества электронного декларирования товаров через ИС «АСТАНА-1» // Центральный дом бухгалтера. – 18.10.2018. – URL: https://cdb.kz/sistema/novosti/preimushchestva-elektronnogo-deklarirovaniya-tovarov-cherez-is-astana-1/(дата обращения: 08.04.2025).
5. АСТАНА-1: 7 лет успешного сотрудничества с ООН в области таможенной модернизации // Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. – 08.11.2024. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/879930?lang=ru (дата обращения: 02.02.2025).
6. 99,99 % товарных таможенных деклараций в России подается в электронном формате // Центр поддержки экспорта Фонда поддержки предпринимательства Югры «Мой Бизнес». – 07.07.2017. – URL: https://export-ugra.ru/news/press/3107/ (дата обращения: 02.02.2025).
7. В преддверии профессионального праздника Южная электронная таможня подвела итоги деятельности // Южное таможенное управление. – 22.10.2024. – URL: https://yutu.customs.gov.ru/news/document/603130 (дата обращения: 02.02.2025).
8. Доля деклараций, автоматически зарегистрированных Дальневосточной электронной таможней, выросла на четверть/ Дальневосточное таможенное управление. – 07.03.2022. – URL: https://dvtu.customs.gov.ru/news/document/325250 (дата обращения: 02.02.2025).
9. В 2024 году таможни Юга оформили товаров на 4,56 млрд долл. США // Слав-Транс. – 22.10.2024. – URL: https://www.slavtrans.com/news/tariff-legislation/7707/ (дата обращения: 02.02.2025).
10. ФТС в мартовском докладе по итогам 2024 г. сообщила о росте таможенных сборов на 11 %, цифровизации контроля и проблемах с администрированием утильсбора // Руслом.ком. – 31.03.2025. – URL: https://ruslom.com/fts-v-martovskom-doklade-po-itogam-2024-soobschila-o-roste-tamozhennyh-sborov-na-11-tsifrovizatsii-kontrolya-i-problemah-s-administrirovaniem-utilsbora/ (дата обращения: 02.03.2025).
11. Виртуальный склад с 1 апреля, ТАМОЖЕННОЕ декларирование ASYCUDA / разработчики в Алматы 7 апреля // Информационно-аналитический портал «ИРИС». – 26.03.2018. – URL: https://iris.kz/news/virtualnyy-sklad-s-1-aprelya-tamozhennoe-deklarirovanie-asycuda-razrabotchiki-v-almaty-7-aprelya-/?sphrase_id=8501199 (дата обращения: 02.02.2025).

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ТАМОЖЕННОГО ОБЛОЖЕНИЯ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Л. И. Тарарышкина[1)], Е. О. Савченко[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@bsu.by
[2)] Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, chernichka_lisa07@mail.ru

Статья посвящена анализу международного опыта в сфере таможенного обложения и возможностям его адаптации для совершенствования таможенной политики Евразийского экономического союза. Выявляются особенности налогово-таможенной политики Китайской Народной Республики, включая многоуровневую систему налога на добавленную стоимость, дифференциацию налогоплательщиков, ежегодную корректировку тарифов и обновление товарной номенклатуры. Анализируется индийский опыт в части многоступенчатой структуры таможенных пошлин, цифровизации процедур и подходов к разрешению накопленных споров. Показаны реформы Европейского союза, включая внедрение единого окна, централизацию таможенного управления, а также интеграцию климатических и цифровых налогов. Сделаны выводы и предложены рекомендации по совершенствованию таможенного обложения и таможенного администрирования на таможенной территории Евразийского экономического союза с учетом опыта Китая, Индии и Европейского союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; таможенное регулирование; таможенные пошлины; международный опыт; Китай; Индия; Европейский союз; цифровые платформы.

THE POSSIBILITIES OF USING FOREIGN EXPERIENCE OF CUSTOMS TAXATION IN THE CUSTOMS TERRITORY OF THE EAEU

L. I. Tararyshkina[a], E. O. Savchenko[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tararyshkina@bsu.by
[b] Belarusian State University of Economics,
26 Partizansky Avenue, Minsk 220070, Belarus, chernichka_lisa07@mail.ru

The article is devoted to the analysis of international experience in the field of customs taxation and the possibilities of its adaptation to improve the customs policy of the Eurasian Economic Union. The features of the tax and customs policy of the People's Republic of China are revealed, including a multi-level value-added tax system, taxpayer differentiation, annual tariff adjustments and product range updates. The article analyzes the Indian experience regarding the multi-stage structure of customs duties, digitalization of procedures and approaches to resolving accumulated disputes. The article presents reforms in the European Union, including the implementation of a single window, the centralization of customs administration, and the integration of climate and digital taxes. Conclusions are drawn and recommendations are proposed for improving customs taxation and customs

administration in the customs territory of the Eurasian Economic Union, taking into account the experience of China, India, and the European Union.

Keywords: Eurasian Economic Union; customs regulation; customs duties; international experience; China; India; European Union; digital platforms.

В условиях глобализации и интенсификации международной торговли вопросы эффективного таможенного регулирования приобретают особую актуальность. Для государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС), нацеленных на углубление экономической интеграции и повышение конкурентоспособности своих экономик, важным направлением развития становится модернизация таможенной политики. Одним из инструментов на этом пути является изучение и заимствование передового опыта зарубежных стран в области таможенного обложения.

Придерживаясь единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами на основе равноправного и взаимоуважительного диалога, ЕАЭС в то же время, концентрирует свои внешнеполитические усилия на ряде наиболее важных и перспективных векторов.

Одним из направлений является поддержание сотрудничества с Китайской Народной Республикой. Рассмотрим особенности ее законодательной структуры в целом и по вопросам таможенного обложения и выявим потенциальные возможности использования в рамках ЕАЭС.

Национальная правовая система Китая состоит из законов, принятых Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом, регламентов, изданных Государственным советом, административных постановлений и других сформулированных документов, изданных национальными агентствами [1].

Министерство финансов и Государственное налоговое управление отвечают за финансы и налогообложение и издают налоговые постановления, циркуляры, публичные уведомления и другие документы [1].

При импорте товара в Китай китайская компания-импортер должна оплатить помимо таможенной пошлины, также импортный налог на добавленную стоимость (НДС) и на некоторые виды товаров потребительский налог [2].

Экспортные товары при вывозе из Китая, в целях повышения конкурентоспособности и поощрения экспорта, обычно не облагаются таможенной пошлиной, а также ставка НДС при экспорте составляет 0 %. Помимо этого предприятия-экспортеры с налоговым статусом обычного налогоплательщика имеют право на возврат НДС, который входил в закупочную стоимость экспортированного товара при покупке. Экспортной таможенной пошлиной облагаются только 47 товаров [2].

Режим НДС в Китае облагает налогом как китайские, так и иностранные организации, а также физических лиц, с обусловленных продаж или услуг. НДС составляет существенную часть налоговых поступлений в Китае.

По состоянию на 2025 г. применимые ставки НДС составляют 13 %, 9 %, 6 % и 0 % в зависимости от типа сделки.

– ставка 13 % распространяется на продажу, импорт, обработку или ремонт товаров и аренду материального движимого имущества;

– ставка 9 % распространяется на продажу или импорт специальных товаров, которые связаны с жизненной необходимостью, транспортные, почтовые, основные телекоммуникационные, строительные услуги, аренду недвижимого имущества и передачу прав землепользования;

– ставка 6 % действует для компаний, которые предоставляют услуги или продают нематериальные активы;

– если не указано иное, экспортируемые товары и услуги подлежат обложению НДС по ставке 0 % [1].

Из особенностей можно выделить, что в Китае налогоплательщики НДС делятся на две категории: плательщики общего назначения и малого масштаба. Первые могут зачесть уплаченный при закупках входящий НДС против исходящего НДС, начисленного при продаже товаров или оказании услуг. Плательщики малого масштаба такой возможности не имеют – их НДС рассчитывается как процент (обычно 3 %) от суммы налогооблагаемых операций без учета НДС.

В 2025 г. Китай изменил тарифную политику, чтобы поддержать высокие технологии, внутренний рынок и снижение углеродного следа. С 1 января введены пониженные временные тарифы на 935 видов импортных товаров, ниже ставок для стран с режимом наибольшего благоприятствования [3]. Одновременно повышены пошлины на ряд товаров, таких как патока и сахаросодержащие смеси, для поддержки отечественных производителей. Кроме того, в тарифную номенклатуру добавлены новые позиции, включая электрические пассажирские транспортные средства, с учетом технологических изменений и потребностей рынка.

Далее можем рассмотреть опыт Индии. Таможенная пошлина считается меньшей частью общих налоговых доходов индийского правительства, составляя около 5–7 % [4]. В Индии действуют следующие виды таможенных пошлин:

– *Basic customs duty* (Базовая таможенная пошлина);

– *Additional customs duty or Special CVD* (Дополнительная таможенная пошлина или специальный *CVD*);

– *Countervailing duty* (Компенсационная пошлина, *CVD*);

– *Anti-dumping duty* (Антидемпинговая пошлина);

– *Education cess* (*Safeguard duty* (Охранная обязанность);

– *Protective duties* (Защитные пошлины);

– *Social welfare surcharge on imported goods* (Надбавка на социальное обеспечение на импортируемые товары) [5].

Правительство Индии часто объявляет о пересмотре таможенных пошлин на различные товары для поощрения местного производства. Налоговые эксперты полагают, что в 2025 г. правительство может снизить таможенные пошлины Образовательный сбор);

– *National calamity contingent duty* (Пошлина на случай национального бедствия);

– на сырье, используемое в таких производственных отраслях, как медицинское оборудование, электроника и обувь. Изменение будет стимулировать местное производство и поддержит фокус правительства на увеличении производства в этих секторах. Например, мы можем увидеть снижение пошлин на сырье в таких отраслях, как электроника, бытовая техника, продукция здравоохранения и фармацевтика, которые являются приоритетными областями для роста.

Правительство может ввести различные налоговые ставки в зависимости от стадии продукта в цепочке создания стоимости. Например, сырье и промежуточные товары могут иметь более низкие таможенные пошлины, в то время как готовая продукция или продукция с добавленной стоимостью может подвергаться более высоким ставкам.

Правительство Индии запустило цифровые интерфейсы, такие как *ICEGATE* и *e-Sanchit*, для улучшения механизмов онлайн-документации и оплаты, чтобы облегчить соблюдение нормативных требований для предприятий [6].

Эксперты также предполагают, что правительство может объявить схему амнистии для разрешения давно существующих таможенных споров. При наличии более 40 000 дел, застрявших в судах и трибуналах, такая схема могла бы разблокировать значительные суммы денег, замороженных в судебных разбирательствах, облегчить ведение бизнеса и сократить юридические задержки. Единовременная схема урегулирования споров могла бы стать практическим решением для прояснения нерешенных вопросов в таможенном праве [4].

На фоне беспрецедентного политического и экономического давления Европейского союза, США и других стран Запада на многие страны – участницы ЕАЭС отношения с ними трансформировались из партнерских и взаимовыгодных в жесткое противостояние. Однако это не отменяет факта, что данные страны довольно эффективно модернизируют и улучшают таможенную сферу. Поэтому рассмотрим последние нововведения на примере Европейского союза (ЕС).

Европейская комиссия опубликовала свою Программу работы на 2025 г., которая включает в себя прогрессирующую инициативу по реформе НДС и таможенной службы, в частности, таможенную реформу до 2028 г., которая включает в себя новые реформы Таможенного управления ЕС и *Import One Stop Shop* (*IOSS*) [7].

Ниже представлен расширенный обзор этих предложений [8].

1. Изменение правил взимания НДС при дистанционной реализации импортных товаров:

– для борьбы с уклонением от уплаты НДС и упрощения сбора налогов предложение обязывает онлайн-рынки и платформы, облегчающие такие продажи, собирать и перечислять НДС от имени продавцов;

– специальные положения по декларированию и уплате импортного НДС: для предприятий, отказывающихся от *IOSS*, предлагаются упрощенные процедуры декларирования и уплаты импортного НДС.

2. Для решения проблем в электронной коммерции и обеспечения честной конкуренции ЕС предлагает:

– введение упрощенного тарифного режима для товаров, импортируемых в рамках сделок от компаний к частным лицам, которые квалифицируются как дистанционные продажи для целей НДС;

– текущее освобождение от таможенных пошлин для товаров стоимостью ниже 150 евро использовалось в корыстных целях, что привело к недобросовестной конкуренции и потере доходов. В предложении рекомендуется отменить этот порог, гарантируя, что все импортируемые товары будут облагаться соответствующими пошлинами, тем самым уравнивая условия для предприятий ЕС.

3. Создание нового Таможенного кодекса ЕС и Таможенного органа Европейского союза включает:

– создание Таможенного управления Европейского союза. Этот централизованный орган будет контролировать таможенные операции во всех государствах-членах, обеспечивая единообразное применение таможенных правил и укрепляя сотрудничество между национальными таможенными администрациями [7];

– внедрение таможенной системы, управляемой данными. Заменив традиционные декларации, новая система будет использовать расширенную аналитику данных для надзора за импортом, что позволит осуществлять более разумный и эффективный таможенный контроль.

4. Для соответствия целям ЕС в области климата и содействия устойчивому потреблению энергии предложение включает:

– корректировку налоговых ставок с учетом экологических показателей энергетических продуктов, стимулирование использования более чистых источников энергии;

– внедрение налоговых льгот и механизмов поддержки для содействия внедрению возобновляемых источников энергии в различных секторах.

5. Для обеспечения устойчивого финансирования бюджета ЕС в предложении изложено:

– интеграция доходов от системы торговли квотами на выбросы.

Согласно последним данным, выбросы углекислого газа в рамках данной системы в 2024 г. снизились на 5 %, достигнув уровня примерно на 50 % ниже уровня 2005 г.

1. В энергетике выбросы снизились на 12 % благодаря росту доли возобновляемой энергии и атомной энергетики [9].

2. В авиации, наоборот, рост составил 15 % из-за расширения охвата международных рейсов.

3. В 2024 г. в систему включен морской транспорт, что добавило 72 млн т углекислого газа.

Средняя цена на углеродные квоты в 2024 г. составила 63 евро за тонну. Это делает систему торговли квотами на выбросы важным источником дохода для бюджета ЕС и эффективным инструментом декарбонизации экономики [9].

– Внедрение Механизма пограничной корректировки выбросов углерода (далее – CBAM). Введение налога на импорт определенных товаров из стран с менее строгой политикой в области климата с целью предотвращения утечки углерода и стимулирования глобального сокращения выбросов.

Подводя итог, можно отметить, что на примере Китая стоит рассмотреть для дальнейшего использования и модификации некоторые сферы:

1. В Китае действуют разные ставки НДС в зависимости от сектора, что позволяет гибко регулировать экономику. Для практического применения ЕАЭС стоит рассмотреть данный подход и выявить потенциальную эффективность для ее стран-участниц.

2. Китай разделяет налогоплательщиков на «обычных» и «малого масштаба» с разным режимом учета и администрирования НДС. Для ЕАЭС можно исследовать аналогичный подход, адаптировав его к экономическим условиям стран-членов. Это позволит снизить административную нагрузку на малый бизнес и упростить налоговое администрирование.

3. Китай ежегодно корректирует тарифы в зависимости от внешних и внутренних факторов, которые возникают в различных сферах экономики. Такой процесс будет трудоемким в анализе, однако сделает тарифные ставки более актуальными и гибкими.

4. Китай постоянно обновляет товарную номенклатуру, включая в нее новые виды продукции, особенно в высокотехнологичных и экологичных секторах. ЕАЭС может периодически пересматривать и дополнять ТН ВЭД ЕАЭС, с учетом технологических трендов и рыночных потребностей.

На основе опыта Индии, можно выработать в таможенной практике ЕАЭС следующие рекомендации.

1. Следует рассмотреть возможность установления различных ставок таможенных пошлин в зависимости от стадии товара в цепочке создания стоимости. Это позволит укрепить внутреннюю промышленность ЕАЭС и повысить ее конкурентоспособность.

2. Индия запустила успешные цифровые платформы *ICEGATE* и *e-Sanchit* для онлайн-документации, оплаты сборов, контроля выполнения требований. ЕАЭС может ускорить развитие интегрированной цифровой платформы, охватывающей все страны-участницы, чтобы упростить процедуры, снизить коррупцию и повысить прозрачность.

3. С учетом большого количества затянувшихся дел, в Индии рассматривается запуск единовременной схемы урегулирования споров (*customs amnesty scheme*). ЕАЭС также может рассмотреть возможность проведения аналогичной кампании, однако преобразовав ее под свой сложившийся климат.

Рекомендации для ЕАЭС, сформулированные на основе передового опыта ЕС в области таможенного обложения и администрирования.

1. Внедрение и развитие единого окна для администрирования НДС на дистанционные продажи (аналог *IOSS*). ЕАЭС следует рассмотреть

возможность создания аналога *IOSS* для упрощения уплаты НДС при дистанционной продаже товаров, импортируемых из третьих стран. Это повысит прозрачность, упростит исполнение налоговых обязательств для субъектов электронной коммерции и обеспечит лучшую собираемость налогов.

2. Создание Единого таможенного органа ЕАЭС и централизация функций. Создать централизованный Таможенный орган ЕАЭС, который будет обеспечивать единообразное применение норм и контроль над таможенной деятельностью стран-участниц, а также развитие общей информационной платформы.

3. Использование новых источников дохода – экологических и цифровых налогов. ЕАЭС может ввести аналоги:

– CBAM – механизм углеродной корректировки на границе для товаров из стран с неэкологичным производством;

– системы торговли квотами на выбросы;

– цифрового налога – на крупные транснациональные цифровые корпорации.

Библиографический список

1. Global Tax Guide to Doing Business in China // Dentons. – URL: https://www.dentons.com/en/services-and-solutions/global-tax-guide-to-doing-business-in/china (date of access: 28.03.2025).

2. Таможенные пошлины в Китае // ChinaOrientir. – 09.04.2021. – URL: https://chinaorientir.com/ru/tamozhennye-poshliny-v-kitae.html (дата обращения: 01.04.2025).

3. Изменения тарифов в Китае в 2025 году // CustomSolutions – URL: https://customsolutions.ru/blog/izmeneniya-tarifov-v-kitae-v-2025-godu/ (дата обращения: 03.04.2025).

4. Customs Duty in India: Expectations in Union Budget // ICICI Direct. – URL: https://www.icicidirect.com/union-budget/articles/customs-duty-in-india-expectations-in-union-budget (date of access: 05.04.2025).

5. What is customs duty? Know meaning, types, rates, and calculation of customs duty // Amazon Global Selling. – URL: https://sell.amazon.in/grow-your-business/amazon-global-selling/blogs/custom-duties-in-india (date of access: 06.04.2025).

6. Customs Duty and Import-Export Taxes in India // India Briefing. – URL: https://www.india-briefing.com/doing-business-guide/india/taxation-and-accounting/customs-duty-and-import-export-taxes-in-india (date of access: 07.04.2025).

7. EU Customs Reform // European Commission. – URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs-4/eu-customs-reform_en (date of access: 09.04.2025).

8. Asquith, R. EU 2025 VAT and Customs Reform Priorities / R. Asquith // VATCalc. – 21.02.2025. – URL: https://www.vatcalc.com/eu/eu-2025-vat-and-customs-reform-priorities/ (date of access: 11.04.2025).

9. Twidale S. EU carbon emissions drop 5 % in 2024, on track for 2030 target / S. Twidale// Reuters. – 04.04.2025. – URL: https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/eu-carbon-emissions-drop-5-2024-track-2030-target-2025-04-04/ (date of access: 11.04.2025).

ГРАЖДАНСКОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. Ю. Тома

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, TomaAY@bsu.by

Статья посвящена проблеме гражданского и патриотического воспитания молодежи Союзного государства и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автором рассмотрены преимущества координации работы в сфере молодежной политики и выработки совместных программ патриотического воспитания для молодежи. В статье предложены авторские рекомендации по вовлечению молодежи в объединяющие проекты Союзного государства и ЕАЭС. Обоснована необходимость разработки союзной идеологии, без которой невозможно скрепить молодежь Армении, Беларуси, России, Казахстана и Кыргызстана на долгосрочной основе. Проанализированы значение союзной идеологии для евразийской интеграции и перспективы координации политики стран – участниц Союзного государства и ЕАЭС в сфере образования и науки. В результате исследования автором предложено разработать международный договор «О молодежной политике стран – участниц ЕАЭС» и создать Молодежный парламент при Высшем евразийском экономическом совете с целью использования потенциала молодежи в решении задач союзной интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция; союзная идеология; гражданское и патриотическое воспитание; Союзное государство; ЕАЭС.

CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION OF THE YOUTH OF THE UNION STATE AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A. Yu. Toma

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, TomaAY@bsu.by

The article is devoted to the problems of national and patriotic education of the youth of the Union State and the Eurasian Economic Union (EAEU). The author of the changes are the advantages of the association in the field of youth policy and the development of software for patriotic education for young people. The article offers the author's recommendations for the adaptation of young people to the unifying projects of the Union State and the EAEU. The need to develop a union ideology, without which it is impossible to strengthen the youth of Armenia, Belarus, Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan on a large basis, is substantiated. The importance of the union ideology for Eurasian integration and views on the policy of coordination of the member states of the Union State and the EAEU in the field of education and science are analyzed. As a result of the study, the author proposed to develop an international treaty «On the youth policy of the EAEU member states» and create a Youth Parliament under the Supreme Eurasian Economic Council in order to use the capabilities of young people in solving the problems of the support union.

Keywords: Eurasian integration; union ideology; civic and patriotic education; Union State; EAEU.

За более чем 30 лет суверенного развития в России и Беларуси, а также в Армении, Казахстане и Кыргызстане сложились свои уникальные методы гражданского и патриотического воспитания молодежи, ориентированные на свое представление о Родине, ее месте и роли в мире, угрозах ее безопасности, истории и векторах развития. Сложились и свои уникальные направления молодежной политики, которые в каждой стране имеют свою национальную специфику.

Вместе с тем характер вызовов и угроз, с которыми столкнулись страны – участницы Союзного государства и ЕАЭС, а также сближение позиций правительств по вопросам союзного строительства, поставили вопрос о необходимости координации работы в сфере молодежной политики и выработки совместных программ патриотического воспитания для молодежи.

Решение данной проблемы может быть найдено в общих традиционных ценностях, культуре, истории и союзной идеологии. При этом надо учитывать, что дальнейшая реализация проектов в рамках Союзного государства и ЕАЭС невозможна без системного вовлечения молодежи в процессы союзного строительства. Именно молодежь является двигателем масштабных политических изменений в современном мире. От того, какие идеи обретут популярность у современной молодежи Союзного государства и ЕАЭС, будет зависеть будущее интеграционных проектов на всем постсоветском пространстве. Цель статьи – обосновать необходимость разработки союзной идеологии, без которой невозможно скрепить молодежь Армении, Беларуси, России, Казахстана и Кыргызстана на долгосрочной основе.

Гражданское и патриотическое воспитание молодежи Союзного государства и ЕАЭС является важной задачей, направленной на формирование у молодого поколения чувства принадлежности к единому Отечеству от Бреста до Владивостока. В условиях беспрецедентного давления со стороны недружественных стран в Союзном государстве и ЕАЭС заинтересованы в совместном противостоянии общим вызовам. В настоящее время через СМИ и СМК со стороны недружественных стран идет активное влияние «на умы и сердца» молодежи по принципу «хочешь победить врага – воспитай его детей». В сложившейся ситуации актуально выработать программу совместного противодействия деструктивному влиянию и вовлечь союзную молодежь в объединяющие проекты, так как «отклик в молодежной среде стран ЕАЭС может найти некое «общее дело», которое ляжет в основу идеологии объединения, нацеленной в первую очередь на молодежь» [1, с. 83]. По нашему мнению, актуально уделить внимание следующим направлениям.

Во-первых, разработать союзные образовательные программы и включить в учебные планы курсы, посвященные истории и культуре стран – участниц Союзного государства и ЕАЭС. Данное направление особенно актуально развивать в Армении и Казахстане, так как по многим признакам в настоящее время идет отдаление молодежи данных стран от молодежи России и Беларуси.

Во-вторых, развивать культурные обмены. Данное направление может быть связано с организацией мероприятий по линии Постоянного Комитета Союзного государства и Евразийской экономической комиссии. В частности, организация ежегодных союзных фестивалей, конкурсов и выставок, которые будут способствовать обмену культурными традициями и укреплению связей между молодежью союзных стран. В настоящее время реализация подобных проектов осуществляется на уровне некоммерческих организаций и негосударственных фондов. Однако запуск постоянно действующих проектов на уровне наднациональных органов будет способствовать созданию более эффективных горизонтальных и вертикальных связей между правительствами стран – участниц Союзного государства и ЕАЭС.

В-третьих, запустить совместные волонтерские проекты и привлекать молодежь к участию в социальных программах по совместному строительству учреждений, посадке лесов и помощи нуждающимся, что будет способствовать развитию чувства ответственности и патриотизма. Например, активное участие молодежи Армении, России, Казахстана и Кыргызстана в волонтерских проектах на территории Республики Беларусь будет воспитывать у данной молодежи уважение к белорусской культуре, истории и традициям. Более того, волонтерская работа в Беларуси позволит молодежи стран ЕАЭС создавать горизонтальные связи со своими белорусскими сверстниками и поможет налаживать деловые отношения для будущей работы.

В-четвертых, запустить новые союзные информационные проекты. В частности, в рамках медиакомпании Союзного государства России и Беларуси актуально запустить молодежный конкурс «Лидеры новых медиа». Основная задача конкурса – выявление талантливых блогеров и встраивание их в решение информационных задач в интересах Союзного государства. Талантливые кадры – будущее журналистики, однако в настоящее время у союзных органов нет эффективного механизма их выявления и финансовой поддержки. В связи с этим актуально рассмотреть вопрос о возможности внештатной работы молодых блогеров на союзную медиакомпанию по договорам подряда или через выделение грантов.

Гражданское и патриотическое воспитание молодежи Союзного государства и ЕАЭС также потребует разработки союзной идеологии, без которой невозможно скрепить молодежь Армении, Беларуси, России, Казахстана и Кыргызстана на долгосрочной основе. «Движущей силой формирования общей идеологической основы для стран ЕАЭС является необходимость отстоять и сохранить свой суверенитет, экономическую и политическую независимость, свои исторические корни и самобытную культуру в условиях усиливающегося глобализма, информационных войн, попыток культурной унификации, прямого вмешательства западных стран в дела государств Евразии» [2, с. 23].

Единство любой системы должно основываться на общей идеологии. Однако разработка союзной идеологии является комплексной задачей,

решить которую актуально при совместном взаимодействии с экспертным сообществом Союзного государства и ЕАЭС.

Если в рамках Союзного государства активно развивается и продвигается идеология «российско-белорусского юнионизма», то интеграционный формат ЕАЭС в настоящее время столкнулся с рядом трудностей, связанных с необходимость преодоления политических разногласий между странами-участницами. Знаковым событием стало рассмотрение голосование 26 марта 2025 г. в Парламенте Армении «О начале процесса вступления Республики Армения в Европейский союз». Данный политический шаг показал текущее состояние евразийской интеграции и ее слабое влияние на внутриполитические процессы стран-участниц.

Дальнейшее развитие евразийской интеграции будет связано с тем, насколько ЕАЭС сможет адаптироваться к новым вызовам. В частности, сможет ли интеграция в рамках ЕАЭС выйти за пределы исключительно экономического характера.

В долгосрочной перспективе недостаточное внимание к вопросам идеологической работы со стороны Евразийской экономической комиссии и правительств отмечая роль идеологии стран – участниц ЕАЭС может привести к дезинтеграционным процессам и к краху всей идеи евразийской интеграции.

Кроме того, в формировании внешнеполитических проектов, целесообразно обратиться к «концепции культурной гегемонии» Антонио Грамши, представленной в работе «Тюремные тетради». В данной работе итальянский коммунист сформулировал принципы «мягкой силы», приводящей к необратимым социальным последствиям путем «молекулярной агрессии» в «культурное ядро». На основании анализа работы Антонио Грамши можно сделать вывод, что любые социальные и геополитические преобразования могут быть устойчивыми, если они опираются на соответствующие преобразования в общественном сознании и на «культурный код» народа. Для того чтобы осуществить подобные преобразования в общественном сознании нужна целенаправленная, согласованная по целям и задачам деятельность в системе образования, молодежной политике, культуре, науке и СМИ.

В этой связи дальнейшее развитие евразийской интеграции будет связано с координацией политики стран-участниц в различных гуманитарных сферах, таких как образование и наука. В перспективе представляется актуальным разработка международного договора «О молодежной политике стран – участниц ЕАЭС». Данный договор может стать основой для создания единой стратегии, направленной на гражданское и патриотическое воспитание молодежи, развитие ее потенциала и активное вовлечение в научную, культурную и экономическую жизнь стран – участниц ЕАЭС.

В качестве основной цели молодежной политики в рамках ЕАЭС актуально определить содействие социальной интеграции молодежи, развитие ее гражданской активности и патриотизма, создание условий для

участия в союзных проектах и программах, формирование у молодого поколения чувства принадлежности к единому Отечеству от Бреста до Владивостока.

Разработка международного договора «О молодежной политике стран – участниц ЕАЭС» станет важным шагом по созданию единого союзного пространства для молодежи. В перспективе создание общих стандартов и принципов молодежной политики поможет гармонизировать подходы к решению проблем молодежи в странах – участницах ЕАЭС.

Помимо этого, активное вовлечение молодежи в процессы союзного строительства позволит задействовать творческий потенциал лидеров общественного мнения. Современные блогеры и молодежные активисты смогут на системной основе запускать новые цифровые проекты, флешмобы и конкурсы, которые будут интересны для их сверстников на пространстве ЕАЭС. В данном случае процесс популяризации идей евразийской интеграции у молодежи получится более эффективным, чем у старшего поколения. Это связано с рядом причин.

Во-первых, молодежь более открыта к новым идеям и методам работы. Данная открытость позволяет молодежи быстрее адаптироваться под современные стандарты подачи информации, проявлять креативность и эффективнее набирать популярность у сверстников.

Во-вторых, молодежь ориентирована на использование современных коммуникационных технологий, что дает возможность быстро и эффективно распространять информацию. Такие платформы, как *Instagram*, *TikTok* и *YouTube* позволяют создавать креативный контент в формате «равный обучает равного».

Таким образом, молодежь обладает уникальными преимуществами для популяризации идей евразийской интеграции. Однако для использования потенциала молодежи в решении задач союзной интеграции актуально создать постоянно действующий молодежный орган. В связи с этим представляется целесообразным создание Молодежного парламента при Высшем евразийском экономическом совете.

Создание наднационального Молодежного парламента станет важным шагом по вовлечению молодежи в процессы принятия политических решений и формированию единой молодежной политики в рамках евразийской интеграции. Более того, совместная работа со сверстниками из стран – участниц ЕАЭС позволит наладить долгосрочные горизонтальные связи между молодежными лидерами. В будущем данные связи будут играть важную роль в процессах двустороннего и многостороннего сотрудничества между странами – участницами ЕАЭС.

Вовлечение молодежи в интеграционные процессы не только будет способствовать развитию самого ЕАЭС, но и станет важным вкладом в формирование будущего, основанного на сотрудничестве и взаимопонимании. Если страны – участницы ЕАЭС смогут популяризировать в новом поколении идеи цивилизационного единства и показать перспективы совместного будущего, то ЕАЭС будет иметь хорошие шансы на преодоле-

ние возникающих вызовов. От того, какие идеи обретут популярность у современной молодежи будет зависеть будущее постсоветского пространства. Именно в этом направлении и будет разворачиваться самое серьезное противоборство с недружественными странами в ближайшее десятилетие.

Библиографический список

1. Харитонова, Н. И. Поиск идеологической базы ЕАЭС: общеинтеграционный и молодежный аспекты / Н. И. Харитонова // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Междунар. отношения. – 2024. – № 3. – С. 76–88. – DOI 10.28995/2073-6339-2024-3-76-88.

2. Пантин, В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции / В. И. Пантин // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Междунар. отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 17–29. – – URL: https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/30676 (дата обращения: 01.10.2024).

IRAN'S EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: AN ANALYSIS OF OPPORTUNITIES AND RISKS

S. Khavarinejad

National Research Tomsk State University,
36 Lenina Avenue, Tomsk 634050, Russia, azadazadazadi@yahoo.com

This research investigated the perspectives of Iranian researchers on the potential benefits and drawbacks of cooperation between Iran and the Eurasian Economic Union. Using a narrative/qualitative analysis of 29 articles identified through a systematic literature review, the research uncovered 14 potential opportunities, such as improved economic conditions and reduced sanctions pressure, alongside 35 challenges ranging from legal and infrastructural hurdles to economic incompatibilities and political rivalries within the Eurasian Economic Union. Iranian scholarship suggests that realizing the full potential of Iran-Eurasian Economic Union relations requires a strategic overhaul to overcome internal weaknesses and navigate the complex political and economic realities of the Eurasian environment.

Keywords: Iran; Eurasian Economic Union; Opportunities; Challenges; Cooperation; Economics; Scholars.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИРАНА: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И РИСКОВ

С. Хаваринеджад

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
пр. Ленина, 36, 634050, г. Томск, Россия, azadazadazadi@yahoo.com

В этом исследовании были изучены взгляды иранских исследователей на потенциальные преимущества и недостатки сотрудничества между Ираном и Евразийским экономическим союзом. Используя описательный/качественный анализ 29 статей, выявленных в ходе систематического обзора литературы, исследование выявило 14 потенциальных возможностей, таких как улучшение экономических условий и снижение санкционного давления, наряду с 35 проблемами, начиная от правовых и инфраструктурных препятствий и заканчивая экономической несовместимостью и политическим соперничеством в рамках Евразийского экономического союза. Иранские ученые предполагают, что реализация всего потенциала отношений между Ираном и Евразийским экономическим союзом требует стратегического пересмотра, чтобы преодолеть внутренние недостатки и ориентироваться в сложных политических и экономических реалиях евразийской среды.

Ключевые слова: Иран; Евразийский экономический союз; Возможности; Вызовы; Сотрудничество; Экономика; Ученые.

Russia and Iran's joint membership in organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Eurasian Economic Union (EEU) has facilitated trade growth despite Western pressure [1]. Established following

the 2014 Ukraine conflict, the Eurasian Economic Union presents Iran with opportunities to engage with its member states.

Opinions in Iran regarding cooperation with the Eurasian Economic Union are varied, with many policymakers advocating for closer ties and numerous academics viewing it positively, particularly in relation to Russia. A common perspective is the need to transition from isolation and capitalize on opportunities arising from engagement with the Eurasian Economic Union.

This research examined Iranian scholars' views on Iran-Eurasian Economic Union economic cooperation by analyzing articles published in academic journals–the research aimed to identify perspectives on the opportunities and challenges associated with this partnership.

To ensure comprehensive analysis, the research posed questions about the opportunities and challenges identified by Iranian researchers. Understanding these perspectives is crucial, particularly in light of the sanctions affecting Iran's economy and the search for research-based solutions to overcome political and economic isolation.

While previous studies have examined the requirements for Iran-Eurasian Economic Union relations, this research filled a gap by systematically analyzing Iranian academic perspectives on economic interactions, specifically the opportunities and challenges in this partnership.

This research contributed to the knowledge by illustrating Iranian views on the opportunities for cooperation with the Eurasian Economic Union and outlining the challenges for such collaboration, thereby laying the groundwork for a better understanding of the prospects for cooperation between the parties.

The literature on Iran-Eurasian Economic Union relations can be categorized into various areas. According to Potapov [2], Iran aims to counter Western sanctions by expanding economic cooperation with its neighbors and regional organizations, such as the Shanghai Cooperation Organization, BRICS, the Economic Cooperation Organization (ECO), and the Eurasian Economic Union. Researchers identify increased bilateral trade with Russia and Central Asia as a key benefit [3]. However, experts also highlight challenges, such as risks to domestic industries and strained relations with Western Europe [4].

Technical studies focus on tariff and non-tariff barriers. Novikov and Zemlyanskaya [5] suggest eliminating these barriers for mutual trade benefits. Using CGE models, Elahi et al. [6] show that significant tariff reductions could boost Iran's agriculture, industry, and overall welfare.

Methodology

The research utilized a descriptive design to systematically examine Iranian researchers' perspectives on Iran-Eurasian Economic Union relations, answering the 'what' of the phenomenon. Guided by an interpretivist philosophy, the researcher employed inductive reasoning to form a general understanding by analyzing individual components. This qualitative study focused on reviewing prior research and followed a cross-sectional time frame.

The data consisted of non-numerical secondary findings from the analyses conducted by Iranian researchers. A literature review was conducted to

synthesize results from multiple studies. A systematic literature review method, following the nine-step process by Boland, Cherry, and Dickson [7], was chosen to locate, evaluate, and integrate the best available evidence in addressing the research question.

Initially, scoping searches identified background literature refined the research questions, and established inclusion criteria. Several Iranian bibliographic databases and Google Scholar were utilized to collect data, with a focus on papers published between 2014 and 2024 that mentioned the Eurasian Economic Union. A total of 424 initial findings were generated.

To ensure thoroughness, an additional journal search was conducted, reviewing 7,260 articles from 23 journals, which narrowed the results to 88 relevant articles by screening titles and abstracts. After applying inclusion criteria, 53 articles, including theses and non-research publications, were excluded. Quality assessment eliminated six more for lacking content on Iran's relations with the Eurasian Economic Union, leaving 29 articles for final analysis.

Key data were extracted, summarized, and synthesized in a qualitative narrative. The findings were analyzed and discussed during the final steps, providing a comprehensive understanding of the topic.

Results

Opportunities

Research published in Iran highlighted the most common opportunities for cooperation with the Eurasian Economic Union, including improving the economic situation, reducing pressure from sanctions, enhancing Iran's transit position, and developing its economic diplomacy.

The opportunity to alleviate the country's challenges if Iran joins the Union [8, p. 535] stems from the Union's vast capacity to support Iran's economy [9, p. 151]. Iranian researchers believed that this allowed for the procurement of necessary goods during sanctions [10, p. 22] and reduced the pressure of sanctions [11, p. 17].

The possibility of transforming Iran into a regional hub due to its strategic location, substantial oil and gas reserves, and thriving industry and mining sector [12, p. 163] creates significant advantages. Combined with the advantage of having a maritime border with Russia [13, p. 138], Kazakhstan [14, p. 48], and a land border with Armenia [15, p. 60], this created transit opportunities for Iran.

Additionally, the opportunity to advance economic diplomacy, integrate into regional markets, and diversify import and export channels [11, p. 17], along with Iran's direct access to the Union for exporting its non-oil goods [16, p. 396] and exporting consumer and capital goods and establishing energy links for gas exports to Europe and China [17, p. 214], were critical opportunities for Iran's economic diplomacy.

Challenges

Legal barriers, infrastructural deficiencies, geographical factors, unfamiliarity with the trade culture in the Union, low trade volume with the

Union, lack of export diversity in Iran, lack of attractiveness of the Union, non-complementary economies of the members, and political disputes and rivalries were among the most significant challenges identified by Iranian researchers for Tehran's cooperation with the Eurasian Economic Union.

The multiplicity and dispersion of trade authorities in Iran [10, p. 22], the lack of alignment or absence of appropriate executive mechanisms for some agreement procedures with current procedures in Iran [18, p. 108], and the lack of coordinated customs standards [11, p. 16] were legal issues in cooperation with the Eurasian Economic Union.

The negative impact of distance on Iran's export costs [19, p. 98], underdeveloped transportation infrastructure [11, p. 17], and the lack of banking relationship infrastructure [11, p. 49] resulted in trade between the Eurasian Economic Union countries being below its potential level [20, p. 118]. Limited economic, industrial, and technological capacity within the Union, the prioritization of security over economic considerations in Iran's regionalism, and the low volume of intra-Union trade [16, p. 396, 398] were obstacles that prevented Iran from utilizing its maximum trade potential [15, p. 57–58]. Tehran was unsuccessful in entering the Russian market and expanding Iran's exports to Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan was not feasible [14, p. 44].

The low diversity of Iran's export products compared to imported products [21, p. 87] and the multiple times higher imports to Iran compared to exports to the Union [15, p. 48], along with the attractiveness of the Shanghai Cooperation Organization compared to the Eurasian Economic Union for Iran [22, p. 112], and the Union members' inclination to trade with countries outside the Union [11, p. 17] created challenges for Iran's cooperation with the Union.

Additionally, the similarity in non-oil export and import patterns between Iran and the Union, due to sanctions and the resistance economy [15, p. 57], as well as the non-complementary economies of the Union members [16, p. 396, 398], were obstacles to cooperation between the parties.

The reduction in the relative advantage of mineral fuels and mineral oils due to sanctions and insufficient investment [15, p. 57] and the lack of a relative export advantage for Iran, particularly in agricultural products, resulting from trade barriers and sanctions [14, p. 47], were also identified.

Regional political challenges and the possibility of Israel's membership [11, p. 16-17], geopolitical rivalries and energy exports among members [10, p. 214], and distrust [23, p. 268] were also believed by Iranian researchers to negatively impact the development of cooperation between Tehran and the Union.

Discussion and Conclusion

A systematic review of scientific articles published in Iran from 2014 to 2024 revealed that improving economic conditions, reducing sanctions pressure, enhancing Iran's transit position, and developing its economic diplomacy were the main identified opportunities. Legal obstacles, infrastructural deficiencies, geographical factors, unfamiliarity with the trading culture in the Union, low trade volume with the Union, a lack of export diversity in Iran,

a lack of attractiveness of the Union, non-complementary economies among the members, and political differences and rivalries were also among the most critical identified challenges.

Iran is severely affected by the destructive impact of international sanctions, and its effort to understand the views of Iranian researchers on the development of trade relations and participation in regional and international economic initiatives can open new horizons in theoretical and empirical studies of sanction policy developments in the international system by a range of disciplines related to economics and international relations, explaining the theoretical importance of this research topic.

On the other hand, this research is of practical importance because the suggestions and diagnostics provided by Iranian researchers offer strategies and scenarios to Iranian political and economic officials to enhance Tehran's economic performance regarding cooperation with the Eurasian Economic Union. This performance can help ensure the better utilization of Iran's economic capacities and influence the outlook of the relationship with the Union, which is viewed as a new regional economic initiative in response to the West's efforts to pressure Russia. Additionally, Russian officials and other member states of the Eurasian Economic Union can be informed of these views and consider them in future policymaking.

This research contributed to the development of knowledge by providing a platform for identifying the theoretical perspectives and methodological approaches of Iranian researchers, as well as informing discussions on various aspects of scholarly cooperation between Iran and the Eurasian Economic Union. It showed how economists and international relations scholars in Iran, among others, viewed this cooperation.

Iranian scholarship offers a nuanced and often critical perspective on Iran's engagement with the Eurasian Economic Union. While recognizing potential benefits, such as sanctions mitigation and regional hub aspirations, Iranian researchers paint a picture of a relationship fraught with challenges stemming from structural impediments, political complexities, and a lack of comprehensive strategic alignment. The overall tone suggests cautious optimism tempered by realistic assessments of the hurdles involved.

The identified opportunities revolve primarily around economic diversification and sanctions relief. The Eurasian Economic Union is viewed as a potential market for non-oil goods, a transit route for energy exports, and a buffer against the impact of international sanctions. This echoes Iran's broader strategic objective of lessening its reliance on hydrocarbon revenues and developing alternative trade partnerships. However, these potential gains are counterbalanced by a sobering acknowledgment of pre-existing economic weaknesses, notably a lack of export diversity and underdeveloped infrastructure.

The challenges outlined by Iranian scholars reveal a more profound critique of both Iran's preparedness and the fundamental compatibility of the Eurasian Economic Union structure with Iran's economic ambitions. Internal issues, such

as bureaucratic inefficiencies and a lack of coordinated trade policies, appear to hinder Iran's ability to capitalize on the Eurasian Economic Union effectively. More fundamentally, the analysis suggests that the Eurasian Economic Union itself may not be ideally suited to address Iran's specific needs. The Union's internal economic limitations, competition from other markets (such as the Shanghai Cooperation Organization), and political rivalries among member states all cast a shadow over the long-term prospects for mutually beneficial cooperation.

A key analytical point is the tension between economic aspirations and political realities. Iranian scholars have highlighted concerns about geopolitical rivalries within the Eurasian Economic Union and the potential membership of Israel, suggesting that political considerations often overshadow purely economic motivations. This raises questions about the extent to which Iran can fully leverage the Eurasian Economic Union as a purely economic tool, given the inherent political undercurrents.

Iranian scholarship on Iran-Eurasian Economic Union relations offers a valuable perspective on the complexities of navigating the Eurasian economic landscape. It highlights both the potential opportunities for economic diversification and sanctions relief, as well as the significant challenges stemming from structural impediments, political realities, and a need for enhanced strategic alignment. The analysis highlights the importance of realistic assessments and proactive policy adjustments to fully realize the benefits of Iran's engagement with the Eurasian Economic Union, thereby avoiding the pitfalls of unrealized potential. Iranian scholars implicitly call for a more comprehensive and strategic approach that addresses both Iran's internal challenges and the external complexities of the Eurasian environment.

References

1. Kharitonova, D. V. Prospects for Russian-Iranian Energy Cooperation / D. V. Kharitonova // Geoeconomics of Energetics. – 2024. – № 4. – P. 77–100. – URL: https://www.geoenergy-journal.ru/jour/article/view/37/36 (date of access: 01.04.2025) (in Russsian).

2. Potapov, Y. B. On Some Aspects of Economic Diplomacy and Foreign Economic Priorities of Iran's Government / Y. B. Potapov // Diplomatic Service. – 2023. – № 11. – P. 477–491. — URL: https://doi.org/10.33920/vne-01-2306-02 (date of access: 01.04.2025) (in Russsian).

3. Rezaeinejad, I. Analytical Study of the International Economic Policies of Iran and Russia: A Move to Bilateral Cooperation under Sanctions / I. Rezaeinejad // Review of Business and Economics Studies. – 2022. – Vol. 10, N 4. – P. 36–44. – URL: https://doi.org/10.26794/2308-944X-2022-10-4-36-44 (date of access: 01.04.2025).

4. Filin, N. A. Eurasian Economic Union in the Views of the Iranian Expert Communities / N. A. Filin, V. O. Koklikov, A. S. Khodunov // RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Eurasian studies. History. Political science. International relations. – 2020. – N 3. – P. 40–54. –URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eiipmo/Vestnik_ehpi_3(2020).pdf (date of access: 01.04.2025) (in Russsian).

5. Novikov, M. Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects / M. Novikov, S. Zemlyanskaya // Bulletin of

Volgograd State University. Economics. – 2022. – Vol. 24, N 4. – P. 163–178. – URL: https://ges.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/1196-journal-of-volgograd-state-university-economics-2022-vol-24-4/mirovaya-ekonomika/1899-novikov-m-v-zemlyanskaya-s-v-soglasheniya-o-zone-svobodnoj-torgovli-mezhdu-eaes-i-iranom-tendentsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya (date of access: 01.04.2025) (in Russsian).

6. Regionalism and its Economic Effects on Iran in a Computable General Equilibrium (CGE) Model: A Case Study of the Eurasian Economic Union (EAEU) / N. Elahi, E. Masoumzadeh, S. Z. Kiaalhosseini [et al.] // International Economics Studies. – 2020. – Vol. 50, N 2. – P. 29–46. – URL: https://ies.ui.ac.ir/article_25024.html (date of access: 01.04.2025).

7. Boland, A. Doing a Systematic Review: A Student's Guide / A. Boland, M. G. Cherry, R. Dickson. – 2nd ed. – Los Angeles: Sage, 2017. – 304 p. – URL: https://us.sagepub.com/en-us/nam/node/58991/print (date of access: 01.04.2025)/

8. Mahkoui, H. The Impact of the Eurasian Economic Union on the Geoeconomics Situation of the Islamic Republic of Iran / H. Mahkoui, M. Goodarzi // Central Eurasia Studies. – 2019. – Vol. 12, N 2. – P. 519–538. – URL: https://jcep.ut.ac.ir/article_75356.html?lang=en (date of access: 01.04.2025).

9. Economic and Environmental Effects of Iran-Eurasian Economic Union Trade Agreement: GDyn-E Approach / Y. Balaghi Inalou, M. Nejati, M. Bahmani [et al.] // Environmental Science and Technology. – 2022. – Vol. 25, N 1. – P. 141–152.

10. Moshfegh, Z. Strategies for Cooperation with the Eurasian Economic Union during the Sanctions / Z. Moshfegh // Economic Security. – 2020. – Vol. 9, N 8. – P. 13–22.

11. Simbar, R. The Islamic Republic of Iran's Economic Diplomacy with the Eurasian Economic Union (Case Study of Tariffs Cooperation) / R. Simbar, H. Gholamnia // Central Asia and the Caucasus Studies. – 2021. – Vol. 27, N 113. – P. 1–20. – URL: https://ca.ipisjournals.ir/article_244894_en.html?lang=en (date of access: 01.04.2025).

12. Farsaee, S. Islamic Republic of Iran's Economic Opportunities by means of Convergence with the Eurasian Economic Union / S. Farsaee, H. Ghasemi, B. Navazeni // Central Asia and the Caucasus Studies. – 2020. – Vol. 25, N 108. – P. 141–168. – URL: https://ca.ipisjournals.ir/article_40577.html?lang=en (date of access: 01.04.2025).

13. Ghertasi, P. Marketing Tactics for Iran's Non-Oil Trade Development with Focusing on the Economic Potential of Eurasian Union / P. Ghertasi, R. A. Saberi Haghayegh, A. Farokhbakht Foumani // Management Research in Iran. – 2023. – Vol. 26, N 4. –

P. 123–143. – URL: https://mri.modares.ac.ir/?_action=article&au=14071&_au=P.%20%20Ghertasi&lang=en (date of access: 01.04.2025).

14. Rasoulinezhad, E. Resistance Economy and the Strategy for Increasing Iran's Exports to the Eurasian Economic Union Market / E. Rasoulinezhad, P. Sabri // Macro and Strategic Policies. – 2021. – Vol. 9, Special Issue. – P. 32–53. – URL: https://www.jmsp.ir/article_142375.html?lang=en (date of access: 01.04.2025).

15. Rasoulinezhad, E. Evaluation of the Eurasian Economic Union Market for the Export of Products from Iran / E. Rasoulinezhad, P. Sabri // Commercial Surveys Bimonthly. – 2022. – Vol. 20, N 114. – P. 45–62. – URL: https://www.magiran.com/paper/2502456/?lang=en (date of access: 01.04.2025) (in Persian).

16. Veicy, H. Eurasian Economic Union and Regionalism of Iran / H. Veicy // Central Eurasia Studies. – 2021. – Vol. 14, N 1. – P. 377–400. – URL: https://jcep.ut.ac.ir/article_83536_en.html?lang=fa (date of access: 01.04.2025)

17. Abbasi Khoshkar, A. Neighborhood Policy and Multilateral Geoeconomic Order Making; The Islamic Republic of Iran and the Eurasian Economic Union / A. Abbasi Khoshkar // International Organizations. – 2023. – Vol. 5, N 2. – P. 197–216. – URL: https://www.magiran.com/paper/2393304/neighborhood-policy-and-multilateral-geoeconomic-order-making-the-islamic-republic-of-iran-and-the-eurasian-economic-union?lang=en# (date of access: 01.04.2025) (in Persian).

18. Rasekhi, S. Assessing the Concessions Balance of Interim Agreement Leading to Formation of a Free Trade Area between Iran and the Eurasian Economic Union / S. Rasekhi, R. Saedi, S. A. Hoseini // Politics and International Relations. – 2020. – Vol. 4, N 7. – P. 79–110. – URL: https://jpir.journals.umz.ac.ir/issue_558_559.html (date of access: 01.04.2025) (in Persian).

19. Asgari, M. Factors Affecting Iran's Exports to the Eurasian Economic Union / M. Asgari // Economic Modeling. – 2019. – Vol. 13, N 3. – P. 77–102.

20. Investigating the Potential Impacts of the Trade Agreement between Iran and the Eurasian Economic Union on the Export Sector of Agriculture and Industry; An Approach based on the Gravity Model / N. Elahi, E. Masoomzadeh, S. Kiaalhossein [et al.] // Economic Growth and Development Research. – 2021. – Vol. 11, N 44. – P. 105–120. – URL: https://egdr.journals.pnu.ac.ir/article_6770.html (date of access: 01.04.2025). (in Persian).

21. Kazem Nejad, M. Impact of the Interim Agreement between Iran and The Eurasian Economic Union in the Development of Trade Between These Countries / M. Kazem Nejad, L. Azizi, Z. S. Hoseini Amin // Agricultural Economy. – 2022. – Vol. 15, N 4. – P. 61–93. – URL: https://www.iranianjae.ir/article_249047.html?lang=en (date of access: 01.04.2025) (in Persian).

22. Rasoulinezhad, E. Study of Multilateralism of Foreign Trade in Iran by using the TOPSIS Method / E. Rasoulinezhad, P. Sabri // Iranian Economic Issues. – 2020. – Vol. 7, N 1. – P. 93–116. – URL: https://economics.ihcs.ac.ir/article_5870.html (date of access: 01.04.2025) (in Persian).

23. Veicy, H. Assessing the Regional Policies and Geopolitical Convergence of Iran-Russia in the Eurasian Economic Union / H. Veicy // International Quarterly of Geopolitics. – 2023. – Vol. 19, N 4. – P. 268–289. – URL: https://journal.iag.ir/article_167800_en.html (date of access: 01.04.2025).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВВОЗНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

И. В. Цыкунов

Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский пр., 26, 220070, г. Минск, Беларусь, diplom87@yandex.ru

В статье дана оценка системы распределения ввозных таможенных пошлин в ЕАЭС. Подробно рассмотрены связанные с этим проблемы данного интеграционного объединения, в том числе, объективного снижения эффективности тарифного регулирования ВЭД, в том числе такие важнейшие инструменты тарифного регулирования как таможенная стоимость товаров, страна происхождения и классификация товаров по ТН ВЭД утратили свое значение. Это приводит к исчезновению заинтересованности четырех стран ЕАЭС, кроме России, совершенствовать систему таможенного регулирования ВЭД. В свою очередь, для России и для ЕАЭС в целом, эта проблема проявляется в виде возможности ввоза иностранных товаров на территорию ЕАЭС без четкого соблюдения таможенного законодательства. С учетом рассмотренных недостатков системы распределения ввозных таможенных пошлин в ЕАЭС и причин их возникновения сформулированы предложения по их устранению. Реализация данных предложений позволит избежать снижения эффективности тарифного регулирования ВЭД в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; тарифное регулирование; таможенные пошлины.

DISTRIBUTION OF IMPORT CUSTOMS DUTIES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. V. Tsykunov

Belarusian State Economic University,
26 Partizansky Avenue, Minsk 22070, Belarus, diplom87@yandex.ru

The article provides an assessment of the system for distributing import customs duties in the EAEU. It also examines in detail the problems associated with this integration association, including the objective decrease in the effectiveness of tariff regulation of foreign economic activity, as well as the loss of significance of such important tools of tariff regulation as the customs value of goods, the country of origin, and the classification of goods according to the Harmonized System of Customs Coding. This has led to a decrease in the interest of the four EAEU countries, with the exception of Russia, in improving the system of customs regulation of foreign economic activity. In turn, for Russia and for the EAEU as a whole, this problem manifests itself in the form of the possibility of importing foreign goods into the EAEU without strict compliance with customs legislation. Taking into account the shortcomings of the EAEU's import customs duty distribution system and the reasons for their occurrence, proposals have been formulated to address these issues. Implementing these proposals will help to avoid a decrease in the effectiveness of EAEU tariff regulation.

Keywords: Eurasian Economic Union; tariff regulation; customs duties.

В 2012 г. Россия вступила в ВТО, после чего последовательно выполняла свои обязательства по снижению ставок ввозных таможенных пошлин. И связанное с этим, важное, но почему – то оставшееся в тени событие произошло в 2015 г., когда была исполнена основная часть этих обязательств. Итогом этих событий стало снижение уровня тарифной защиты в ЕАЭС (т. е. снижение средневзвешенной ставки ввозной таможенной пошлины) примерно в два раза. Так, с 1 сентября 2015 г. средневзвешенная ставка ввозной таможенной пошлины снизилась до немногим более 5 % [1]. И как видно, в период с 2015 до 2020 г., этот показатель был в два раза ниже, чем было на момент создания ЕАЭС в 2010 г., что очень существенно.

Пропорционально двукратному снижению средневзвешенной ставки ввозной таможенной пошлины произошло и практически двукратное снижение суммы ввозных таможенных пошлин, поступающих в бюджеты стран ЕАЭС. И для России и Беларуси она составляла примерно 4–5 %. Это позволяет констатировать, что ввозная таможенная пошлина перестала быть значимым источником доходов бюджетов стран ЕАЭС.

Обычно указанные изменения в системе тарифного регулирования в ЕАЭС просто констатируются. При этом не делается оговорка, что это принципиально важное событие, в результате которого тарифное регулирование в ЕАЭС перешло в совершенно иное состояние, когда эффективность тарифного регулирования значительно снизилась. Во многих случаях, практически до нуля.

Указанные изменения привели к тому, что со второй половины 2015 года импортеры объективно утратили интерес к занижению таможенной стоимости. Этот вид нарушений перестал быть экономически востребованным. В результате негативные фискальные последствия занижения таможенной стоимости перестали носить принципиально важный характер для доходов бюджетов стран ЕАЭС.

Хорошим примером прямого следствия этих изменений является характер отношения к контролю таможенной стоимости. Традиционно, контроль таможенной стоимости был самым приоритетным направлением таможенного контроля, обеспечивающий основной фискальный результат деятельности таможенных служб. Применялся специальный документ (декларация таможенной стоимости), отдельная процедура принятия таможенной стоимости, в составе таможен были специализированные структурные подразделения, ориентированные на контроль таможенной стоимости и т. д. В рамках ЕАЭС было заключено несколько специализированных соглашений, направленных на выработку подходов и координацию усилий по контролю таможенной стоимости. Система управления рисками таможенных органов стран ЕАЭС в значительной степени была ориентирована на решение именно этой задачи. Так в России было около 6 000 ценовых профилей рисков, охватывающих порядка 70 % стоимостного объема ввоза товаров. В Республике Беларусь около 4 500 таких профилей. Это свидетельствовало о применении тотального

контроля таможенной стоимости ввозимых товаров. Немаловажно, что большая часть всех научных публикаций на таможенную тематику касалась именно таможенной стоимости. И «внезапно», вступивший в силу в 2018 г. Таможенный кодекс ЕАЭС (ТК ЕАЭС), как важную новацию, сделал контроль таможенной стоимости рядовой задачей таможенного контроля. Таможенная стоимость перестала быть приоритетным и исключительно важным инструментом таможенного регулирования. И эта норма появилась в проекте ТК ЕАЭС уже в 2016 г., т. е. сразу после того, как произошла оценка изменения фискального значения ввозной таможенной пошлины по результатам 2015 г. Так же исчезли научные публикации по вопросам таможенной стоимости. Это указывает на то, что проблема занижения таможенной стоимости утратила свою прежнюю остроту. Она перестала прямо определять основные результаты деятельности таможенных органов.

Важным элементом интеграции в рамках ЕАЭС является механизм распределения между бюджетами государств – членов ЕАЭС сумм ввозных таможенных пошлин. Они распределяются по фиксированным коэффициентам, которые должны отражать доли стран ЕАЭС в торговле с третьими странами. С 2020 г. действуют следующие нормативы распределения сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов ЕАЭС: Республика Армения – 1,220 %, Республика Беларусь – 4,860 %, Республика Казахстан – 6,955 %, Кыргызская Республика – 1,900 %, Российская Федерация – 85,065 % [2].

Данный механизм имеет ряд существенных недостатков, и пока не предложено никаких альтернативных вариантов. Но нашему мнению, наиболее существенный недостаток применяемой системы распределения ввозных таможенных пошлин связан с тем, что он не учитывает, что в ЕАЭС есть страна (Россия), которая в шесть раз больше все остальных стран вместе взятых и больше, например, Республики Беларусь в 15 раз. Такое соотношение приводит к тому, что результаты внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в части доходов от ввозных таможенных пошлин почти полностью определяются состоянием ВЭД в России. Объем и структура импорта (что и определяет суммы собираемых ввозных таможенных пошлин) малых страны ЕАЭС не могут значимо повлиять на общий результат. И совсем по-другому выглядит эта ситуация применительно к России. Изменение состояния импорта товаров по любой причине в меньшую сторону значительно отрицательно влияет на доходы от ввозных таможенных пошлин во всех странах ЕАЭС. При этом малые страны никак не могут компенсировать это негативное явление.

Следствием указанной проблемы является то, что, что четыре страны ЕАЭС, кроме России, объективно утратили интерес к применению самых основных механизмов тарифного регулирования, а именно классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, определения страны происхождения товаров и таможенной стоимости товаров. Это связано в тем, что качество их применения определяет уровень собираемости ввозной таможенной

пошлины. Но повышая качество таможенного администрирования, эти страны почти полностью лишаются результатов от улучшения качества своей работы, так как в результате им «достается», например, для Армении, немногим более 1 % дополнительно собранных сумм таможенной пошлины. В полной мере это справедливо и для остальных стран ЕАЭС, кроме России.

В таких условиях, применительно к России, может сложиться мнение, что она находится в условиях, когда вышеописанная проблема тарифного регулирования ее напрямую не касается, так как улучшая работу своей таможни, Россия получает более 85 % этого результата. По нашему мнению, указанная проблема применительно к России несколько трансформируется. Объективно утрачивая интерес к применению основных механизмов тарифного регулирования, малые страны ЕАЭС тем самым создают более «мягкие» условия ввоза товаров. И если будет наблюдаться значительный разрыв в работе таможен стран ЕАЭС в рассматриваемом контексте, неизбежно будет возникать эффект «обхода» Российской таможни участниками ВЭД. И протяженность внешних границ малых стран ЕАЭС, по нашему мнению, не позволяет игнорировать это явление, прежде всего для России.

С учетом того, что евразийская интеграция во многом подобна Европейскому союзу (ЕС), представляет интерес рассмотрение действующей практики этого интеграционного объединения в рассматриваемом контексте. Система распределения ввозных таможенных пошлин ЕС предельно проста. Каждая страна ЕС, взимая ввозные таможенные пошлины, оставляет себе 25 %, а оставшиеся 75 % направляются в бюджет ЕС [3]. Обращает на себя внимание простота данного механизма, отсутствие необходимости расчета и перерасчета коэффициентов, и потенциальная свобода от конфликтов между странами по поводу несправедливости распределения. При этом, 25 % оставляемых каждой страной себе, это достаточно большая величина, обеспечивающая полноценное применение основных механизмов тарифного регулирования, а именно классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, определения страны происхождения товаров и таможенной стоимости товаров. А именно это является основной проблемой ЕАЭС в части распределения ввозной таможенной пошлины. Но к сожалению, прямое копирование этого опыта не представляется возможным, так как ЕАЭС не имеет бюджета, предназначенного для сбора налогов и таможенных платежей со стран – участниц интеграции и их последующего распределения между ними.

Анализ деятельности Евразийской экономической комиссии позволяет сделать вывод, что рассматриваемая проблема не осознается в достаточной степени. Так, принятие Распоряжения Высшего совета ЕАЭС от 25.12.2023 № 8 «О разработке методики расчета нормативов распределения сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов Евразийского экономического союза и периодичности их пересмотра» свидетельствует, что усилия по-прежнему направляются

на совершенствование существующей системы распределения ввозных таможенных пошлин, что никак не затронет описанных выше проблем. Определенный положительный эффект может быть достигнут в случае установления очень малого периода пересмотра коэффициентов распределения, например, квартал или даже месяц. Но очевидно, по техническим причинам пересмотр коэффициентов каждый месяц не возможен.

Одновременно с установлением малого периода пересмотра коэффициентов распределения, целесообразно применение «скользящих» коэффициентов. Суть этого предложения сводится к тому, коэффициенты распределения будут пересматриваться ежеквартально, при этом в начале текущего квартала, по данным прошедшего, определяются новые коэффициенты, отражающие фактическое состояние внешней торговли. С учетом разницы новых и прежних коэффициентов производится корректировка (перерасчет) сумм таможенных пошлин за прошедший квартал, т. е. фактически итоговые расчеты между странами за прошедший квартал должны проводится на основе фактических данных о состоянии внешней торговли за этот квартал. Кроме того, новые коэффициенты принимаются на текущий квартал и по ним производятся расчеты между странами, с последующим перерасчетом по итогам квартала.

Данное предложение позволяет решить некоторые проблемы, связанные с распределением ввозных таможенных пошлин в ЕАЭС.

Библиографический список

1. Размер средневзвешенной ввозной пошлины в ЕАЭС с 1 сентября снизится до 5–5,3 % // БЕЛТА. – 01.09.2015. – URL: https://www.belta.by/economics/view/razmer-srednevzveshennoj-vvoznoj-poshliny-v-eaes-s-1-sentjabrja-snizitsja-do-5-53-160928-2015/ (дата обращения: 27.01.2025).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176 (дата обращения: 27.01.2025).

3. Игошин, Р. Е. Распределение пошлин в таможенных союзах / Р. Е. Игошин // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2012. – № 5. – URL: https://ekonomika.snauka.ru/2012/05/1068 (дата обращения: 27.01.2025).

СЕКЦИЯ 4
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Р. С. Багдасарова[1)], О. В. Жданович[2)]

[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, roksana.bagdasarova@mail.ru
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olga9920@gmail.com

Статья посвящена изучению цифровой трансформации на просторах Евразийского экономического союза. Произведен анализ цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.: перспективы и рекомендации. Выявлены положительные и отрицательные черты цифровизации образования. Отмечен рост экономики и повышение конкурентоспособности стран на мировой арене благодаря переходу к новым технологиям, в частности, в сфере образовательной политики государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Выявлены слабые стороны образовательной политики евразийского региона. Наблюдается неравномерная цифровизация, существует острая необходимость выделения образования в отдельное направление деятельности ЕЭК, а также повышение квалификации преподавателей в сфере пользования цифровыми технологиями. Следуя вышеизложенным рекомендациям по повышению эффективности деятельности в сфере цифровой трансформации образовательного пространства ЕАЭС, можно повысить уровень интеграции между странами.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; образование; образовательное пространство; цифровизация образования; цифровая трансформация; цифровая повестка.

DIGITALIZATION OF EDUCATION WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

R. S. Bagdasarova[a], O. V. Zhdanovich[b]

[a] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, roksana.bagdasarova@mail.ru
[b] Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, olga9920@gmail.com

This article examines digital transformation within the Eurasian Economic Union. An analysis of the Eurasian Economic Union's digital agenda through 2025, including prospects and recommendations, is provided. The positive and negative aspects of digitalization of

education are identified. Economic growth and increased competitiveness on the global stage are noted thanks to the transition to new technologies, particularly in the educational policies of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). Weaknesses in the Eurasian region's educational policy have been identified. Uneven digitalization is observed, and there is an urgent need to establish education as a separate area of activity for the Eurasian Economic Commission (EEC), as well as to improve the qualifications of teachers in the use of digital technologies. By following the above recommendations for improving the effectiveness of digital transformation in the EAEU educational space, the level of integration between countries can be enhanced.

Keywords: Eurasian Economic Union; education; educational space; digitalization of education; digital transformation; digital agenda.

Образование, выступая одним из наиболее важнейших процессов государственной политики, не теряет свою актуальность и на сегодняшний день. Любые процессы, подвластные изменениям временной парадигмы подвергаются определенным изменениям и модернизации. Образовательный процесс не является исключением. Сегодня, в век цифровых открытий и цифровой экономики, процесс цифровизации охватывает большинство сфер человеческой деятельности и государственных процессов. Активно внедряются новые технологии, идет модернизация инфраструктуры образовательной среды не только на уровне государства, но и на наднациональном.

Для широкого понимания цифровой повестки, необходимо дать определение такому понятию, как цифровизация. Цифровизация – это целенаправленный процесс по внедрению цифровых технологий в сферы жизни человечества, начиная с бытового уровня – обеспечением ресурсами интернета для решения простых задач и личного пользования населения, заканчивая производственными процессами, такими как ведение бизнеса и государственного управления, в частности предоставления государственных электронных услуг гражданам.

Анализируя научные труды по данной теме, можно увидеть различные определения, интересующего нас термина: «так, Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко и А. Ю. Мамычев выделяют три понятийных значения термина «цифровизация», а именно:

1) переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую;

2) оцифровывание информации, перевод информации в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования;

3) широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни» [1, с. 27].

Ведется активная работа над цифровой трансформацией в Евразийском экономическом союзе, а также реализуется цифровая повестка до 2025 г.: перспективы и рекомендации [2].

В данном документе изложены основные предпосылки и обоснование необходимости цифровой трансформации, вызовы и проблемы, опи-

саны приоритетные направления и инициативы реализации Цифровой повестки.

На сегодняшний день, цифровизация играет огромную роль в экономике стран. Если говорить о евразийском пространстве, то на сегодняшний день, идет создание цифрового рынка, который позволит государствам – членам ЕАЭС свободно обмениваться цифровыми услугами.

Под цифровизацией образования понимается внедрение цифровых технологий в учебные и управленческие процессы в сфере образования. Цифровизация образования является также и важным аспектом для подготовки квалифицированных кадров. Говоря о цифровой трансформации образования, стоит отметить тот факт, что мощнейшим толчком в массовом использовании электронных технологий в процессе выстраивания образовательных программ стал кризис, связанный с пандемией *COVID*-19. В связи с мерами безопасности образовательные учреждения стали переходить на дистанционное образование. Дистанционный формат образования стал отличной альтернативой классическому образованию, позволяя обучаться с любой точки мира, не теряя при этом качества образования.

На сегодняшний день идет активная разработка совместных образовательных программ между государствами – членами Евразийского экономического союза. Это также позволяет эффективно работать над расширением рынка труда на евразийском пространстве. Появляется большое количество профессиональных кадров, чьи квалификации признаются во всех пяти государствах – членах ЕАЭС.

Однако, не смотря на большое количество положительных моментов в цифровой трансформации образовательной среды государств – членов Евразийского экономического союза, можно отметить и некоторые отрицательные черты данной тенденции. Первое, неравномерная цифровизация государств – членов ЕАЭС. Например, в Республике Кыргызстан и Республике Армения процесс цифровой трансформации образования идет медленнее, нежели в Российской Федерации. В Республике Беларусь и Республике Казахстан, в силу ограниченного финансирования и отсутствия необходимых ресурсов в данной сфере. Неравномерную цифровую трансформацию можно рассматривать и на уровне каждой страны по отдельности, здесь имеется ввиду тот факт, что уровень доступа к электронным технологиям будет выше в городах, нежели селах. В некоторых, отдаленных местах и вовсе нет доступа к современным технологиям [3, с. 15].

Важно и то, что цифровая трансформация образования не выделено в отдельное направление деятельности ЕЭК. А в рамках цифровой повестки делается акцент больше на цифровизацию процессов промышленности, торговли и иных сфер экономики. Если рассматривать цифровизацию в контексте межличностных отношений, то можно вести речь об обезличивании взаимоотношений. В первую очередь это касается роли ученик – учитель. Понижается уровень социализации учеников, живого общения становится в разы меньше.

Важной проблемой остается и то, что не каждый профессиональный работник в образовательной сфере имеет достаточную квалификацию в сфере цифровых технологий. Сложности в пользовании электронными технологиями могут затруднить процесс обучения. Отметим, что финансовые возможности отдельной семьи также рознятся, поэтому одни ученики могут быть обеспечены более качественными технологиями, когда другие напротив, могут не иметь возможности приобрести их.

Таким образом, эффективным, на наш взгляд, будет создание Департамента образовательной политики в ЕЭК и Отдела по контролю за реализацией цифровой трансформации образования. Внедряя цифровые технологии в образовательный процесс, обеспечить освоение навыков информационно-коммуникационными технологиями преподавателей, создавая курсы повышения квалификации за счет финансирования государства. И в случае принудительного перевода обучающихся на дистанционный формат образования, как это было в период пандемии *COVID*-19, обеспечить необходимой инфраструктурой в сфере цифровых технологий.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить актуальность рассматриваемой нами темы. Сегодня, в век цифровых технологий, постоянно растущих темпов массового использования гаджетов в различных сферах деятельности людей и экономической деятельности любого государства, мы сталкиваемся с некоторыми противоречиями и вызовами. Цифровая трансформация, безусловно, отражает тенденции современного мира, обеспечивает рост экономики и конкурентоспособности каждого государства в отдельности и региональных интеграционных союзов, в нашем случае речь ведется о Евразийском экономическом союзе. Следуя вышеперечисленным рекомендациям, можно обеспечить комплексный подход к решению возникших проблем на Евразийском пространстве. Таким образом, выстраивание общей цифровой стратегии в государствах – членах ЕАЭС приведет к созданию более интегрированной и прогрессивной образовательной среды, отвечающей современным вызовам экономики, что послужит фундаментом устойчивого экономического и социального развития в регионе.

Библиографический список

1. Гайворонская, Я. В. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко // Правовая парадигма. – 2019. – № 18 (4). – С. 27.

2. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/index.php (дата обращения: 09.04.2025).

3. Жданович, О. В. Цифровизация образования и *EdTech* как фактор экономического развития в условиях евразийской интеграции / О. В. Жданович // Цифровая трансформация. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 13–21. – URL: https://dt.bsuir.by/jour/article/view/914 (дата обращения: 09.04.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ *CRM*-СИСТЕМЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТАМИ

А. В. Бояровская[1)], А. Д. Коблова[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
alexandraboyarovskaya@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, arinakoblova@gmail.com
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

В статье рассмотрено значение *CRM*-систем (*Customer Relationship Management*) как эффективного инструмента для управления взаимодействием с клиентами в современных условиях цифровизации бизнеса. Подчеркнута актуальность внедрения таких систем в организациях различного масштаба, особенно в условиях роста конкуренции и повышенных требований клиентов к качеству сервиса. Проведен анализ основных функций *CRM*-систем, их влияние на оптимизацию бизнес-процессов, повышение лояльности клиентов и увеличение прибыли компании. Особое внимание уделено роли *CRM* в автоматизации продаж, маркетинга и клиентской поддержки. В статье также рассматриваются примеры успешного применения *CRM*-систем и делаются выводы о необходимости стратегического подхода к их внедрению и использованию. Основной вывод исследования заключается в том, что *CRM*-системы являются неотъемлемым элементом эффективного управления фирмой, способствующим ее устойчивому развитию и конкурентоспособности.

Ключевые слова: *CRM*-система; управление клиентами; цифровизация бизнеса; лояльность клиентов; автоматизация продаж; маркетинг; аналитика; стратегическое управление; взаимодействие с клиентами; повышение эффективности.

MODERN CRM-SYSTEMS AS AN EFFECTIVE WAY OF INTERACTION WITH CLIENTS

A. V. Boyarovskaya[a], A. D. Koblova[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, alexandraboyarovskaya@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, arinakoblova@gmail.com
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

The article considers the importance of CRM-systems (Customer Relationship Management) as an effective tool for managing interaction with customers in modern conditions of digitalisation of business. The relevance of implementing such systems in organisations of various sizes is emphasised, especially in the context of growing competition and increased customer demands for quality of service. The analysis of the main functions of CRM-systems, their impact on the optimisation of business processes, increasing customer loyalty and increasing company profits. Special attention is paid to the role of CRM in the

automation of sales, marketing and customer support. The article also discusses examples of successful application of CRM systems and draws conclusions about the need for a strategic approach to their implementation and use. The main conclusion of the study is that CRM-systems are an integral element of effective management of the firm, contributing to its sustainable development and competitiveness.

Keywords: CRM-system; customer management; digitalisation of business; customer loyalty; sales automation; marketing; analytics; strategic management; customer interaction; efficiency improvement.

Понятие *CRM (Customer Relationship Management* – управление взаимоотношениями с клиентами) было впервые предложено в конце 1980-х гг. в США как часть концепции ориентированного на клиента в бизнесе. Первыми программными продуктами, выполняющими функции *CRM*, стали простые базы данных клиентов с возможностью хранения контактной информации и истории взаимодействия [1, с. 42]. Однако уже в 1990-х гг. под влиянием крупных *IT*-компаний, таких как *Siebel Systems* и *Oracle*, *CRM*-системы начали развиваться как полноценные программные комплексы, включающие модули маркетинга, продаж и сервиса [2].

Современные *CRM*-системы представляют собой программные решения, обеспечивающие автоматизацию процессов взаимодействия с клиентами на всех этапах жизненного цикла. Они могут быть облачными или локальными, иметь различные уровни масштабируемости и гибкости.

К основным требованиям к современным *CRM*-системам можно отнести централизованное хранение данных, интеграцию с другими системами, автоматизацию различных задач, аналитику и отчетность, мобильность, а также безопасность данных.

Централизованное хранение данных – единое информационное пространство для всех подразделений компании (маркетинга, поддержка клиентов, сервисное обслуживание и др.). Данные о клиентах, всех проведенных сделках, а также историю коммуникации хранятся в одном месте. Все это может позволить ликвидировать дублирование информации, а также предотвратить потери данных и повысить результативность сотрудничества между подразделениями. Сотрудники этих подразделений получают оперативный доступ к актуальной информации обо всех процессах и клиентах.

Интеграция с другими системами – *ERP*, *email*-маркетингом, мессенджерами, телефонией. Необходимо отметить, что современные *CRM*-системы должны легко интегрироваться с внешними и внутренними системами предприятия при обмене данными о заказах, товарах, счетах и оплате [3]. Для автоматической рассылки персонализированных писем клиентам используется *Email*-маркетингом (например, *Mailchimp*, *SendPulse*). Для сбора обращений и сообщений клиентов мессенджеры и социальные сети (*WhatsApp*, *Telegram*, *VK*, *Facebook*) интегрируются с *CRM*, а для автоматизации фиксации звонков, записи разговоров и аналитики по коммуникациям с телефонией и *IP*-телефонией. Интеграция

позволяет автоматизировать процессы, сократить ручной ввод данных, отслеживать и управлять лидами, повысить скорость обработки запросов клиентов. Лиды – это потенциальные клиенты, которые как-то проявили интерес к услугам или товарам предприятия. Необходимо заметить, что это еще не клиенты, так как они еще не совершили сделку.

При автоматизации задач, *CRM*-система значительно может облегчить рутинные операции сотрудников (напоминания о необходимости связаться с клиентами, автоответы и шаблоны писем при обработке типовых запросов, автоматическое создание сделок на основе входящих обращений, рассылка, работа с лидами и др.). Такие возможности помогают сократить, а также снизить количество ошибок и влияние человеческого фактора.

Аналитика и отчетность – построение воронок продаж, отчеты по активности клиентов и эффективности персонала. *CRM*–системы предоставляют возможности для принятия управленческих с помощью инструментов аналитики. Такими инструментами может быть: воронка продаж – визуализация стадий работы с клиентами, этапов работы с клиентами и определение узких мест, а также причин их возникновения. Отчеты по активности клиентов – выявление наиболее эффективных каналов коммуникации, специфики обращений клиентов и на каких этапах они отказываются от сделки. Оценка эффективности персонала – установление сотрудников, показавших лучшие и худшие результаты по продажам или скорости обработки заявок. Возможность настраивать интерактивные дашборды по основным показателям [4, с. 1717].

Мобильность – наличие мобильных приложений и удаленного доступа. Современные *CRM*-системы должны быть доступны с любых устройств, иметь мобильные приложения (*iOS*, *Android*), облачный доступ, что позволит сотрудникам оперативно решать насущные задачи, особенно это важно для торговых представителей, менеджеров. Вся информация должна синхронизироваться в реальном времени.

Безопасность данных – разграничение прав доступа, шифрование и защита персональной информации. *CRM*-система обязана обезопасить хранение данных; разграничивать права доступа в виде разных уровней для разных сотрудников (руководитель видит все, менеджер – только свои сделки; бухгалтер – финансовую отчетность и т. д.). Это может быть реализовано с помощью шифрования данных при передаче и хранении. Необходимо обеспечить резервное копирование данных для защиты от случайных потерь или умышленных атаках, предоставление возможности аудита действий всех пользователей для отслеживания подозрительной активности. *CRM*-системы стали неотъемлемым элементом цифровой трансформации компаний, обеспечивая устойчивое развитие клиенториентированных бизнес-моделей [5, с. 459–462].

На рынке стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая Беларусь, Россию, Казахстан, Армению и Кыргызстан, активно применяются как отечественные, так и международные *CRM*-решения. Ниже приведены наиболее востребованные из них:

– *Bitrix*24 – одна из самых популярных *CRM*-систем в странах ЕАЭС, которая обладает широким функционалом в виде управления задачами, сделок, коммуникаций, телефонии, чатов, календаря. Что особенно важно, имеет бесплатную и облачную версии и крайне удобна для малого и среднего бизнеса [6];

– 1*C:CRM* – решение от разработчиков системы 1*C*, которая широко используется в бухгалтерии и управлении, возможна интеграция с другими продуктами 1*C*, адаптирована под законодательство стран ЕАЭС, применяется во многих компаниях и государственных структурах [7];

– *AmoCRM* – ориентирована на отделы продаж, предоставляет простую визуальную воронку, интеграции с мессенджерами и *IP*-телефонией. Подходит для динамичных онлайн-бизнесов [8];

– *Megaplan* – *CRM*-система разработана с акцентом на управление задачами и проектами. Очень удобна в использовании для компаний, где требуется четкое распределение обязанностей и контроль за исполнением [9].

Выбор *CRM*-системы зависит от потребностей бизнеса, его масштаба, отрасли и уровня цифровизации. Малый бизнес чаще отдает предпочтение облачным решениям, тогда как крупные корпорации внедряют комплексные корпоративные платформы.

Таким образом, *CRM*-системы прошли путь от простых клиентских баз до высокотехнологичных платформ, обеспечивающих анализ данных, автоматизацию и стратегическое управление взаимоотношениями с клиентами. Эти системы играют ключевую роль в цифровой трансформации организаций, формируя долгосрочную клиентскую лояльность и улучшая внутренние бизнес-процессы. На пространстве ЕАЭС сформировался устойчивый рынок *CRM*-решений, где отечественные системы конкурируют с международными платформами. Рост интереса к *CRM* объясняется необходимостью эффективного управления клиентским опытом в условиях цифровой экономики. Актуальность и практическая значимость *CRM*-систем подтверждается их широким внедрением в различных отраслях и странах союза.

Библиографический список

1. Кучумов, А. В. *CRM*-системы: история, сущность, классифика-ция / А. В. Кучумов, Я. С. Тестина // Экономический вектор. – 2022. – № 1 (28). – С. 41–46. – URL: https://economicvector.ru/arkhiv/ekonomicheskiy-vektor-2022-1-28/ (дата обращения: 05.04.2025).

2. CRM's Storied Past // Destination CRM. – URL: https://www.destinationcrm.com/Articles/Editorial/Magazine-Features/CRMs-Storied-Past-152166.aspx (дата обращения: 05.04.2025).

3. Синамати, А. А. Аспекты интеграции *CRM* и *ERP* систем в ИТ инфрастуктуре предприятия / А. А. Синамати // Меридиан. – 2020. – № 1 (35) – URL: https://meridian-journal.ru/site/articlea2df/?id=2485 (дата обращения: 05.04.2025).

4. Абрамов, В. И. Предиктивная аналитика взаимоотношений с клиентами как метод адаптации компании к изменениям и повышения ценности предложения /

В. И. Абрамов, Д. А. Чуркин // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 1709–1721. – URL: https://1economic.ru/lib/114842 (дата обращения: 05.04.2025).

5. Ткачук, И. Е. Обзор угроз и рисков в сфере информационной безопасности CRM-систем / И. Е. Ткачук, О. А. Пономарёва // 10 лет подготовки кадров для международной системы ПОД/ФТ : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22–24 нояб. 2023 г. / Нац. исслед. ядер. ун-т МИФИ. – М. : НИЯУ МИФИ, 2023. – С. 453–463. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=62787721 (дата обра-щения: 05.04.2025).

6. Bitrix24. – URL: https://www.bitrix24.ru (дата обращения: 05.04.2025).

7. 1C:CRM. – URL: https://solutions.1c.ru/ (дата обращения: 05.04.2025).

8. AmoCRM. – URL: https://www.amocrm.ru (дата обращения: 05.04.2025).

9. Megaplan. – URL: https://megaplan.ru (дата обращения: 05.04.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА В ЕВРАЗИИ

М. О. Вилькоцкий[1)], О. В. Жданович[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vilkotskimaksim@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhdan@bsu.by

Статья посвящена анализу цифровой трансформации бизнеса на основе искусственного интеллекта (ИИ) в Евразии, где внедрение ИИ-решений в промышленность, финансы и логистику повышает эффективность на 15–25 %, но сталкивается с барьерами: дефицитом кадров, несовершенством регуляторной базы и технологической зависимостью. Цель исследования – выявить ключевые направления трансформации и разработать рекомендации по интеграции ИИ с учетом региональной специфики. На примере успешных кейсов (промышленный ИИ в России, *AgriTech* в Казахстане) показаны преимущества гибридных моделей, сочетающих глобальные технологии с локальными адаптациями. Выводы подчеркивают необходимость развития образовательных программ, региональных стандартов регулирования и поэтапного внедрения ИИ. Практическая значимость работы заключается в рекомендациях для бизнеса и государств по эффективной цифровизации, способствующей технологической модернизации и устойчивому развитию экономики региона.

Ключевые слова: цифровая трансформация; искусственный интеллект; бизнес-процессы; Евразия; машинное обучение; экономическое развитие; промышленный ИИ; фрод-мониторинг; регуляторные вызовы; гибридные модели.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS IN EURASIA

M. O. Vilkotski[a], O. V. Zhdanovich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, vilkotskimaksim@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zhdan@bsu.by

The article is devoted to analyzing the digital transformation of business based on artificial intelligence (AI) in Eurasia, where the introduction of AI solutions in industry, finance and logistics increases efficiency by 15-25 %, but faces barriers: staff shortage, imperfect regulatory framework and technological dependence. The aim of the study is to identify key areas of transformation and develop recommendations for AI integration with due consideration of regional specifics. Successful case studies (industrial AI in Russia, AgriTech in Kazakhstan) show the advantages of hybrid models that combine global technologies with local adaptations. The conclusions emphasize the need to develop educational programs, regional regulatory standards and phased introduction of AI. The practical significance of the work lies in the recommendations for businesses and states on effective digitalization, contributing to technological modernization and sustainable development of the region's economy.

Keywords: digital transformation; artificial intelligence; business processes; Eurasia; machine learning; economic development; industrial AI; frod-monitoring; regulatory challenges; hybrid models.

Современные технологии искусственного интеллекта активно трансформируют бизнес-процессы в Евразийском регионе. Как отмечает А. О. Жуков, промышленные предприятия достигают 15–25 % роста эффективности за счет внедрения ИИ-решений, особенно в нефтегазовом секторе [1]. И. Н. Хромова выделяет основные барьеры цифровизации: острый дефицит квалифицированных специалистов и необходимость модернизации систем управленческого учета [2]. А. А. Сальник на примере Яндекса демонстрирует успешные кейсы оптимизации бизнес-процессов с помощью ИИ [3], в то время как М. Б. Яненко акцентирует внимание на революционном потенциале генеративного ИИ в маркетинговых стратегиях [4].

Целью данного исследования является комплексный анализ современных тенденций внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы евразийских компаний. Е. М. Анохина подчеркивает трансформацию подходов к управлению через обработку данных в реальном времени [5], а Е. Е. Бердникова рассматривает новые бизнес-модели и сопутствующие им риски [6]. Ф. Хуссейн в своем исследовании анализирует стратегическую роль ИИ в процессах глобальной экономической интеграции [7]. Практическая значимость работы заключается в разработке адаптивных рекомендаций по интеграции ИИ-технологий, учитывающих как отраслевые особенности, так и региональную специфику ведения бизнеса.

Искусственный интеллект стремительно создает как беспрецедентные возможности, так и новые вызовы для компаний и государств. В основе этой трансформации лежит комплекс технологий, среди которых особое значение приобретают глубокое обучение (*deep learning*), позволяющее анализировать сложные неструктурированные данные; обработка естественного языка (*NLP*), кардинально меняющая клиентский сервис; и компьютерное зрение, нашедшее применение от промышленного производства до логистики. Эти технологии не просто автоматизируют отдельные процессы, а создают принципиально новые бизнес-модели и целые экосистемы цифровых услуг.

Российский опыт внедрения ИИ демонстрирует уникальные примеры интеграции передовых технологий в традиционные отрасли. Национальный проект «Цифровая экономика» стал катализатором для развития таких направлений, как промышленный ИИ, где создаются специализированные решения для нефтегазового сектора. Работы исследователей в области разработки новых нотаций моделирования бизнес-процессов показывают, что применение методов машинного обучения позволяет не только оптимизировать производственные цепочки, но и создавать цифровых двойников предприятий. При этом отмечается, что успешное внедрение требует глубокой перестройки организационных структур и корпоративной культуры.

Казахстан и другие страны Центральной Азии демонстрируют взрывной рост стартапов в сфере *AgriTech*, где ИИ-решения помогают решать специфические для региона задачи. Системы прецизионного земледелия,

использующие спутниковые данные и нейросетевые алгоритмы, позволяют повышать урожайность в условиях сложного климата. В городской среде активно развиваются проекты «умных городов», где технологии компьютерного зрения и анализа больших данных помогают оптимизировать транспортные потоки и энергопотребление. Эти инициативы часто реализуются при поддержке местных университетов и технопарков, создавая уникальную экосистему технологического предпринимательства.

Международное сотрудничество, особенно с китайскими технологическими компаниями, играет важную роль в цифровой трансформации региона. Опыт интеграции облачных платформ *Alibaba* в работу евразийских компаний показывает, как плюсы доступа к передовым технологиям, так и возникающие сложности, связанные с различиями в регуляторных подходах и требованиях к защите данных. Исследования подчеркивают необходимость разработки четких стратегий технологического партнерства, которые позволяли бы сохранять цифровой суверенитет при использовании международных ИИ-решений.

Особенностью евразийского региона становится формирование гибридных моделей цифровой трансформации, сочетающих глобальные технологические тренды с локальными особенностями ведения бизнеса. В промышленности это проявляется в создании специализированных ИИ-решений для традиционных отраслей, в финансовом секторе – в разработке систем фрод-мониторинга, учитывающих специфику местных платежных систем. При этом ключевым остается кадровый вопрос – дефицит специалистов по машинному обучению в регионе существенно тормозит цифровую трансформацию. Ситуация усугубляется «утечкой мозгов», когда лучшие выпускники технических вузов предпочитают работать в зарубежных компаниях.

Развитие ИИ в Евразии также сталкивается с уникальными регуляторными вызовами. В отличие от ЕС с его всеобъемлющим регулированием ИИ (*AI Act*) или Китая с централизованной системой управления цифровым развитием, страны региона находятся в процессе поиска собственного баланса между стимулированием инноваций и защитой прав граждан. Последние инициативы по созданию единых стандартов качества данных и этическим нормам использования ИИ свидетельствуют о постепенном формировании регионального подхода к регулированию цифровой трансформации.

Применение искусственного интеллекта в евразийском бизнесе охватывает все ключевые сектора экономики, демонстрируя впечатляющие результаты. В промышленности ИИ-решения меняют традиционные производственные процессы. Разработанная Жуковым нотация для моделирования бизнес-процессов нефтеперерабатывающих заводов позволяет не только автоматизировать рутинные операции, но и создавать цифровых двойников предприятий. Предиктивная аналитика на основе машинного обучения помогает предотвращать до 80 % потенциальных аварийных ситуаций, сокращая простои оборудования. Интересен опыт

Сбербанка, где *AI*-модели для прогнозирования спроса показывают точность до 92 %, что значительно превосходит традиционные методы планирования.

Финансовый сектор региона демонстрирует одни из самых впечатляющих примеров внедрения ИИ. Российский Т-Банк использует нейросети для анализа кредитных рисков, обрабатывая до 10 000 заявок в минуту. Казахстанский *Kaspi Bank* внедрил систему обнаружения мошеннических операций на основе глубокого обучения, которая ежедневно предотвращает убытки на сумму свыше 200 млн тенге.

В логистике и ритейле ИИ-технологии создают принципиально новые стандарты эффективности. Российская *X5 Group* автоматизировала управление складскими запасами с помощью алгоритмов машинного обучения, сократив издержки на хранение на 15–18 %. *Wildberries* применяет системы рекомендаций на базе ИИ, которые генерируют до 30 % продаж платформы. Китайские технологии, такие как дроны *DJI* для мониторинга поставок, находят применение в логистических операциях через границы ЕАЭС, демонстрируя потенциал международного технологического сотрудничества.

Особенностью евразийского региона становится развитие гибридных моделей, где глобальные ИИ-решения адаптируются под местные условия. Например, алгоритмы компьютерного зрения, используемые на российских предприятиях, учитывают особенности местных производственных стандартов и нормативных требований. В финансовом секторе системы фрод-мониторинга адаптируются под специфику региональных платежных привычек и схем мошенничества. Такой подход позволяет максимально раскрыть потенциал цифровой трансформации, сохраняя при этом гибкость и адаптивность бизнес-процессов.

Несмотря на впечатляющие успехи внедрения ИИ в евразийском бизнесе, компании региона сталкиваются с рядом системных вызовов, требующих комплексных решений. Одной из ключевых проблем остается нехватка качественных данных для обучения алгоритмов. Многие промышленные предприятия работают с устаревшими информационными системами, где данные фрагментированы или хранятся в неструктурированном виде. Исследования показывают, что около 60 % потенциальных ИИ-проектов в регионе сталкиваются с проблемами на этапе сбора и подготовки данных, что существенно увеличивает сроки и стоимость их реализации.

Этические и регуляторные вызовы приобретают особую актуальность в условиях быстрого проникновения ИИ во все сферы бизнеса. Вопросы ответственности за решения, принимаемые алгоритмами, защиты персональных данных и предотвращения дискриминации становятся предметом активных дискуссий. В отличие от ЕС, где принято всеобъемлющее регулирование (*GDPR*), страны ЕАЭС только начинают разрабатывать собственные нормативные документы. Первые инициативы в этой области показывают, что регион стремится найти баланс между стимулиро-

ванием инноваций и защитой прав граждан, но единый подход еще не сформирован.

Дополнительным барьером становится технологическая зависимость от иностранных решений. Многие евразийские компании используют зарубежные ИИ-платформы, что создает риски санкционных ограничений и проблем с локализацией данных. Особенно остро эта проблема проявилась после 2022 г., когда ряд международных поставщиков ИИ-решений прекратили работу на российском рынке.

Психологическое сопротивление персонала изменениям представляет собой менее очевидный, но не менее важный барьер. Многие сотрудники воспринимают ИИ как угрозу своим рабочим местам, что затрудняет процессы цифровой трансформации. Компании, успешно внедряющие ИИ-решения, делают особый акцент на программах переподготовки и изменении корпоративной культуры, но такие инициативы требуют значительных временных и финансовых затрат.

Несмотря на существующие барьеры, потенциал искусственного интеллекта в Евразии продолжает расширяться, чему способствуют как государственные инициативы, так и новые технологические тренды. В России и Казахстане активно развиваются меры поддержки цифровизации: гранты для технологических стартапов, акселерационные программы, а также налоговые льготы для компаний, внедряющих ИИ-решения. Эти меры помогают бизнесу снижать финансовые риски, связанные с цифровой трансформацией, и стимулируют развитие локальных ИИ-экосистем.

Одним из ключевых трендов стал рост популярности генеративного ИИ. Такие разработки, как *YandexGPT* и *GigaChat*, уже применяются в маркетинге, клиентском обслуживании и даже создании прототипов продуктов. В ближайшие годы ожидается их активное внедрение в креативные индустрии, юридические услуги и образование. Параллельно растет интерес к квантовым вычислениям, которые могут совершить прорыв в оптимизации сложных бизнес-процессов – от логистических цепочек до фармацевтики. Хотя практическое применение квантовых алгоритмов пока ограничено, евразийские страны, включая Россию и Казахстан, уже инвестируют в исследования этой области.

Для компаний, только начинающих путь цифровой трансформации, критически важным становится поэтапный подход к внедрению ИИ. Рекомендуется начинать с пилотных проектов в узких областях – автоматизации рутинных операций или аналитики данных. Одновременно необходимо инвестировать в обучение сотрудников, поскольку успех ИИ-инициатив напрямую зависит от способности команды работать с новыми инструментами. Как показывает опыт, даже базовые программы повышения цифровой грамотности могут увеличить эффективность внедрения технологий.

В долгосрочной перспективе евразийский бизнес стоит перед выбором между полной интеграцией в глобальные ИИ-экосистемы и развитием собственных технологических решений. Вероятно, наиболее устойчи-

вой окажется гибридная модель, сочетающая международные разработки с адаптированными под региональные требования платформами. Это потребует не только финансовых вложений, но и формирования новых стандартов сотрудничества между бизнесом, государством и научным сообществом. Однако те компании, которые уже сегодня делают стратегические ставки на ИИ, смогут получить значительное конкурентное преимущество в ближайшее десятилетие.

Таким образом, ИИ уже сегодня трансформирует бизнес-ландшафт Евразии, однако этот процесс носит неравномерный характер. В то время как передовые компании региона демонстрируют впечатляющие примеры внедрения ИИ в промышленности, финансах и логистике, значительная часть бизнеса только начинает осваивать эти технологии. Такой разрыв обусловлен не только различиями в уровне цифровизации между странами, но и внутренней дифференциацией внутри национальных экономик, где высокотехнологичные предприятия соседствуют с компаниями, сохраняющими традиционные подходы к управлению.

Перспективы региона во многом связаны с его уникальной способностью становиться полигоном для апробации гибридных решений, сочетающих передовые западные технологии с локальными разработками. Особый интерес представляет опыт интеграции ИИ в традиционные отрасли – от нефтегазовой промышленности до сельского хозяйства, где евразийские компании разрабатывают специализированные решения, учитывающие специфику местных условий и бизнес-процессов. Этот опыт может стать ценным активом в условиях глобальной конкуренции, позволяя региону занять нишу поставщика специализированных ИИ-решений для развивающихся рынков.

Ключевым фактором успеха станет способность стран преодолеть существующие барьеры – от дефицита кадров до несовершенства регуляторной базы. Решение этих задач потребует тесного взаимодействия между бизнесом, научным сообществом и государством. Особое значение приобретает развитие образовательных программ, способных готовить специалистов нового типа, сочетающих технологическую грамотность с отраслевой экспертизой.

Библиографический список

1. Жуков, А. О. Автоматизация и цифровая трансформация основных бизнес-процессов промышленных предприятий с помощью искусственного интеллекта / А. О. Жуков, С. В. Пономарева, Н. А. Мерзлякова // Вестн. евраз. науки. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 1–18. – URL: https://esj.today/PDF/87ECVN223.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

2. Хромова, И. Н. Применение искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации бизнеса / И. Н. Хромова, К. Н. Святкина, Е. А. Ховятская // Вестн. Академии знаний. – 2024. – № 1 (60). – С. 342–345. – URL: https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/vaz/vaz-60.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

3. Баланов, А. Н. Цифровая трансформация бизнеса : учеб. пособие для вузов / А. Н. Баланов. – СПб. : Лань, 2024. — 528 с. – URL: https://reader.lanbook.com/book/424388?demoKey=34dc5867f1a4434be9a69495a5522f15#2 (дата обращения: 13.04.2025).

4. Яненко, М. Б. Искусственный интеллект как тренд цифровой трансформации бизнеса: маркетинговый подход / М. Б. Яненко, М. Е. Яненко // Смирновские чтения – 2024 : сб. материалов XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20–22 марта 2024 г. – СПб. : Междунар. банк. ин-т им. А. Собчака, 2024. – С. 76–82.

5. Анохина, Е. М. Искусственный интеллект как инструмент цифровой трансформации бизнеса: возможности и перспективы управления компанией / Е. М. Анохина, И. А. Мекерова // Управление бизнесом в цифровой экономике : материалы Седьмой междунар. конф., Санкт-Петербург, 21–22 марта 2024 г. – СПб. : СПбГУ, 2024. – С. 120–122.

6. Бердникова, Е. Е. Искусственный интеллект: новая технология бизнеса в условиях цифровой трансформации экономики / Е. Е. Бердникова, М. А. Никитина, Д. И. Нуретдинов // Цифровая экономика глазами студентов : материалы IV Междунар. науч. конф., Казань, 14 мая 2024 г. – Казань : ИП А. Р. Сагиев, 2024. – С. 22–26.

7. Hussain, F. Infrastructure Development for the Digital Silk Road (DSR) and its Implications for China Under the Belt and Road Initiative / F. Hussain, A. Imran, Z. Hussain, M. I. Khan // Asian Politics & Policy. – 2023. – Vol. 23, N 4. – P. 67–75. – URL: https://www.dlsu.edu.ph/wp-content/uploads/pdf/research/journals/apssr/2023-december-vol23-4/rb1.pdf (date of access: 10.04.2025).

THE IMPORTANCE OF E-FINANCE IN THE DIGITAL ECONOMY

N. A. Hajiyeva[a], A. V. Mammadova[b], S. C. Mammadov[c]

[a] Azerbaijan University of Technology,
103 Khatai Avenue, Ganja AZ2011, Azerbaijan, s.memmedov@atu.edu.az
[b] Azerbaijan University of Technology,
103 Khatai Avenue, Ganja AZ2011, Azerbaijan, a.memmedova@atu.edu.az
[c] Azerbaijan University of Technology,
103 Khatai Avenue, Ganja AZ2011, Azerbaijan, s.memmedov@uteca.edu.az

Finance, as a specific direction of economics, studies areas such as business finance, personal finance, and public finance. As in every area of 21st century society, the application of modern information technologies is important in the financial sphere. New trends and tendencies in financial technologies, such as artificial intelligence, blockchain, and cryptocurrency, supporting the formation of financial institutions' views on innovations, and exploring the possibilities of applying new technologies are among the current hot topics.

Keywords: artificial intelligence; cashless payments; digital economy; commodity; innovation.

ВАЖНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ФИНАНСОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Н. А. Гаджиева[1)], А. В. Мамедова[2)], С. Ч. Мамедов[3)]

[1)] Азербайджанский технологический университет,
пр. Хатаи, 103, AZ2011, Гянджа, Азербайджан,
s.memmedov@atu.edu.az
[2)] Азербайджанский технологический университет,
пр. Хатаи, 103, AZ2011, Гянджа, Азербайджан,
a.memmedova@atu.edu.az
[3)] Азербайджанский технологический университет,
пр. Хатаи, 103, AZ2011, Гянджа, Азербайджан,
s.memmedov@uteca.edu.az

Финансы, как специфическое направление экономики, изучают такие области, как финансы бизнеса, личные финансы и государственные финансы. Как и в любой сфере общества XXI в., в финансовой сфере важно применение современных информационных технологий. Среди актуальных тем – новые тенденции в финансовых технологиях, таких как искусственный интеллект, блокчейн и криптовалюта, поддержка формирования взглядов финансовых институтов на инновации и изучение возможностей применения новых технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; безналичные платежи; цифровая экономика; товар; инновации.

As new trends in financial technologies develop and their application areas expand, people will do their jobs more conveniently and will also save money economically. For example, if we look at the banking sector, people will not go

to banks and will use the services provided to them over the internet; through internet banking, telephone banking, Mail-Order System, i. e. automatic payment banking. In this way, they will both save their budgets and protect our environment from pollution.

Looking at the issue from another perspective, a cashier working at a bank will be able to perform multiple transactions at the same time. He will be able to perform transactions such as opening an account, transferring money, and creating a deposit account in a short time.

Another important new trend in financial technology is artificial intelligence. Currently, in the United States, which is the fastest growing country in the world, companies such as Google, Amazon, Microsoft, Apple, and Facebook are using artificial intelligence.

Artificial intelligence is defined as a system of scientific research conducted in the field of discovering and creating technical systems using human logic.

Artificial intelligence is a field of computer science that aims to create machines that can perform a variety of tasks like humans. Artificial intelligence machines will learn, acquire new information, and perform tasks that humans would normally perform.

In our country, many financial companies use artificial intelligence, for example, the company SAS and the Global Risk Professionals Association.

Important areas where artificial intelligence has an impact are areas such as process automation, creditworthiness assessment, and risk management.

According to financial market participants, artificial intelligence tools will increase labor productivity, accelerate the acquisition of important information, and increase the volume of information for effective decision-making.

In the field of finance, when artificial intelligence analyzes activities in a certain sector or market, the accurate predictions it makes are important for business planning.

If we look at the list of countries in terms of the application of artificial intelligence, our country is in 64th place. The top three in the world are Germany, Great Britain, and Singapore. According to research, artificial intelligence is expected to bring $15 trln in benefits to the global economy by 2030. Russia is one of the world's leading countries in the application of artificial intelligence. 30 % of Russian companies are engaged in the application of artificial intelligence. Russian companies apply artificial intelligence-based systems to more effectively assign tasks to employees and generate business ideas.

Artificial intelligence provides faster, more accurate assessment of potential borrowers at lower cost and takes into account a wider range of factors leading to a better-informed, data-supported decision. Objectivity is another advantage of an AI-driven financial mechanism, as this mechanism is more unbiased than a living person [1, p. 89].

When it comes to risk management, the impact of artificial intelligence on financial services is enormous. Massive processing power allows for the processing of large amounts of data in a short period of time, and cognitive computing helps manage both structured and unstructured data, a task that

would take a lot of time for a human to do. Algorithms analyze the history of risk events and identify early signs of future problems.

It is necessary to note the indispensable role of artificial intelligence in the financial system in cashless settlements and money transfers, remote management of bank accounts, security, and protection through special programs.

Artificial intelligence in finance is a powerful ally when analyzing real-time activities in any market or environment, and the accurate and detailed forecasts it provides are extremely important for business planning.

It is a well-known fact that interest in cashless payment methods, as well as their variety, is constantly growing. Behind the rapid spread of this type of means, of course, there are many economic and social reasons. We can point to the positive changes that cashless payment has brought to people's lives – for example, the relative loss of importance of space and time, the fact that people can easily make payments from anywhere with an internet connection, at any time, without going anywhere, they can easily send money to long distances in a short time, there is no need for a physical wallet, and at the same time, many people think that their money is better protected in bank accounts.

There are also a number of economic reasons that make it necessary to increase cashless payments. Let's consider these reasons both on a national scale and for individuals.

As the amount of money in our country has increased significantly in recent years, money management requires the establishment of more efficient registration and payment systems. This, of course, is only possible by electronic money transfers. In addition, keeping the money available in the country in physical, that is, paper form, also requires considerable costs and makes it difficult to transfer capital.

Paper money also creates favorable conditions for fraudsters to produce and circulate counterfeit money. The electronic payment system also revitalizes the business environment in the country. Thus, organizations that operate only with cash can easily hide their turnover, as well as income, from state authorities. This leads to their tax evasion. And the losses do not end there. The taxes they illegally evade allow entrepreneurs to lower the cost of their products compared to others. Thus, free trade in the market is grossly violated. Sometimes, even others operating in the same sector as that organization are forced to hide their income from the state and evade taxes in order to balance the price of their products. One of the most negative aspects of tax evasion is that it can lead to the expansion of corruption.is to know.

Thus, increasing the volume of cashless payments in our country would contribute to the development of free trade, the creation of a fairer business environment, the elimination of counterfeit money, the increase in treasury revenues, the improvement of the tax collection system, and at the same time, the minimization of possible corruption in this area.

So, what can we do to increase the volume of cashless payments?Of course, both entrepreneurs and individuals need to be encouraged to switch to cashless payment systems. I would suggest that the installation of new innovative

payment systems be made mandatory for both enterprises and that they be given some assistance for installing new technologies. Setting an upper limit for cashless payments, and providing tax breaks or discounts for those who make daily payments such as utilities, stores, etc. cashless could also be a successful step.

Now let's give a general overview of cashless payment systems in the world. We can show you systems that work with MTS, EMV, NFC technologies, PayPal, and the Amazon Go store opened by Amazon. I would say that the most interesting is the latter. There are no salespeople or waiting lines in the store. You buy what you want and leave without telling anyone. Then the money is automatically deducted from your Amazon account that you have already opened, and the receipt comes to your phone. It sounds fantastic, doesn't it? I should also say that Amazon has neither disclosed to the public in full detail what technology this system is based on, nor has it increased the number of stores of this type. The only thing we know about the Amazon Go store is that it works with a technology called «just walk out», similar to the system in self-driving cars. There is only one of these stores in the United States. Although this store model sounds interesting, it is not yet a system that has been established worldwide.

According to a report published on the official website of the World Bank, 69 % of adults worldwide currently have an account with a financial institution or mobile money service. Of this figure, 514 mln were created between 2014 and 2017 [2].

In total, 1.2 bln adults have gained access to financial services since 2011. However, there are still 1.7 bln adults around the world who are not included in the financial system [2].

An important part of financial management is the automated management system (AMI) based on the use of economic-mathematical methods and electronic computing techniques. The automated management system is an integral part of the structure of financial institutions, is an important structure of financial management and ensures more efficient functioning of finance.

The introduction of automation in the financial management system in a market economy significantly increases the opportunities for improving the quality indicators of management and the efficiency of the work of financial institutions [2, p. 105].

A market economy based on multiple forms of ownership, competition among commodity producers, and a developed financial system creates a large flow of economic and financial information. All this requires the ability to navigate the field of informatics as a system for organizing the collection, storage, and use of information.

The financial AIS is a set of economic and mathematical methods, electronic computing equipment, technical organization and modern communication means. It acts as the supreme system of the state-wide automated system for collecting and processing information for accounting, planning and management of the national economy.

The automated financial accounting system (MHAS) is used in the management of state finances. Thus, the MHAS, which has become an integral part of the structure of financial authorities, operates in the system of the Ministry of Finance of the Republic of Azerbaijan. This system creates conditions for efficient financial management, ensuring multivariate calculations of financial plans and their better coordination among themselves, and improving the structure of the apparatus of financial authorities, based on reducing the labor intensity of collecting, processing and analyzing information.

Currently, the implementation of automation of financial calculations in lower financial bodies is of urgent importance. This is especially relevant for tax departments that work with numerous, constantly changing data on taxpayers. This work is being carried out in cooperation with the MHAS of the Ministry of Finance of the Republic of Azerbaijan.

The scope of application of modern digital technologies in the provision of financial and insurance services in our country is also rapidly expanding. The increase in the use of the Internet and mobile communications has increased the opportunities for traditional financial services to be offered through alternative channels and by new market participants at a lower cost and at a higher speed. Along with all this, the insufficient level of development of the stock market has a negative impact on the solution of the issue of establishing fully functional financial markets, a financial system with digitalized processes in accordance with international standards. In order to ensure the effective operation of the stock and bond market in Azerbaijan, the main direction of economic liberalization is needed – namely, the privatization of existing state-owned enterprises in the production and service sectors through the transformation into open joint-stock companies. It is as a result of this process that the formation of a normal stock exchange, the inclusion of the aforementioned newly established open joint-stock companies in the listing of that exchange and the attraction of foreign investors to the purchase and sale of their shares, and the use of services based on digital technologies by these investors to more accurately assess their expected income, may occur. Thus, the speed of digitalization of the activities of financial institutions in our country depends largely on the formation of a competitive environment that reveals the necessity of this process, the emergence of which depends on the level of liberalization of the economy.

Today, the comprehensive application of innovative technologies (short for fintech) in the provision of financial services is observed all over the world, because fintechs, as a complex system combining new information technologies and financial services, as well as startups and relevant information, have become the main means of ensuring an advantage in a highly competitive environment. According to the estimates of some international auditing organizations, fintechs have already captured 30 % of the banking market and 25 % of the insurance market. The main reasons for this are the development of new financial technologies, the expansion of the volume of online lending and financing, the emergence of robotized versions of artificial intelligence, the

increase in innovations in payment systems, the widespread use of advanced technical solutions (cloud technologies, open interfaces of application programming), the emergence of virtual currencies and virtual banks, etc. Naturally, the emergence of these technologies is associated with the desire and demand of the modern generation of people to receive services in digital form in order to save time and money.

Remote banking, mobile banking, internet banking, instant payments, remote identification, e-commerce, and other innovations in the financial sphere have almost ensured the transition from cash to virtual money in a short time.

References

1. Digital economy / N. A. Hajiyeva, S. C. Mammadov, Z. B. Gojayeva [et al.]. – Ganja : Star Printing House, 2021. – 214 p.

2. Ahmadova. Digital economy / M. Gasimli, G. Talibova, A. Guliyeva [et al.]. – Baku, 2023. – 189 p.

ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ В ИТ-ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Горбачева[1)], Н. И. Шандора[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, horbacheva.darya@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

В современном мире информационные технологии выступают одним из основных факторов трансформации социально-экономического развития государств. Научно-технический прогресс и современные процессы информатизации оказывают значительное влияние на рынок труда Республики Беларусь, что приводит к значительным изменениям в его структуре. Исследование занятости в ИТ-сфере Республики Беларусь позволяет выявить ключевые особенности трансформации рынка труда и определить направления его развития в данной отрасли. В заключении отмечается, что динамика занятости в ИТ-отрасли в Республике Беларусь имеет нестабильный характер, связанный с рядом причин, таких как релокация компаний и сотрудников, необходимость в профессиональных и опытных работниках, количество которых находится в дефиците и вытекающая из этого проблема неустройства специалистов, имеющих небольшой стаж работы.

Ключевые слова: информационные технологии; рынок труда; информатизация; занятость; трудовая миграция.

EMPLOYMENT DYNAMICS IN THE IT INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

D. A. Horbacheva[a], N. I. Shandora[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tayonisko@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

In the modern world, information technology is one of the main factors in the transformation of the socio-economic development of states. Scientific and technological progress and modern informatization processes have a significant impact on the labor market of the Republic of Belarus, which leads to significant changes in its structure. The study of employment in the IT sector of the Republic of Belarus makes it possible to identify the key features of the transformation of the labor market and determine the directions of its development in this industry. In conclusion, it is noted that the dynamics of employment in the IT industry in the Republic of Belarus is unstable due to a number of reasons, such as the relocation of companies and employees, the need for professional and experienced workers, the number of whom is in short supply, and the resulting problem of the shortage of specialists with short work experience.

Keywords: information technologies; labor market; informatization; employment; labor migration.

Занятость в Республики Беларусь в сфере ИТ за последние несколько лет подверглась определенным изменениям, вызванных влиянием различных причин. Согласно данным Белстата, на 2023 г. занятость в сфере экономической деятельности «Информация и связь» составила 122,8 тыс. чел., что составило 3 % от общего количества числа занятых (4154,5 тыс. чел.). Данный показатель уменьшился на 21,5 тыс. чел. (0,4 %) по сравнению с 2021 годом, что может быть связано с тенденцией ухода ИТ-компаний из страны и впоследствии релокации высококвалифицированных специалистов за рубеж (рис. 1).

Рис. 1. Количество занятых в сфере деятельности «Информация и связь» за период 2018–2023 гг.

Источник: [1, с. 56–57]

Суммарно за период 2021–2023 гг. в сферу «Информация и связь» было принято 87,8 тыс. чел., а уволено за этот же период 106,9 тыс. чел., что на 19,1 тыс. чел. больше принятых. Такая ситуация может сильно влиять на экономику Республики Беларусь, так как заработная плата работников, занятых в сфере ИТ, характеризуется высокими показателями относительно других сфер. Высокий доход побуждает общество тратить данный заработок на удовлетворение различных потребностей, что, в свою очередь, влияет на потребление в стране, что может повлиять на деятельность организаций в других сферах [1, с. 65].

В августе 2024 г. стал наблюдаться рост числа ИТ-специалистов, которому способствовал увеличение найма и сокращение количества увольнений [2]. По данным Белстата, за 2023 г. номинальная начисленная сред-

немесячная заработная плата работников в сфере «Информация и связь» составила 5122 руб., в то время как в 2019 г. она равнялась 3178,8 руб., что свидетельствует о высоком спросе на специалистов в отрасли и ее значительном вкладе в экономику страны (рис. 2).

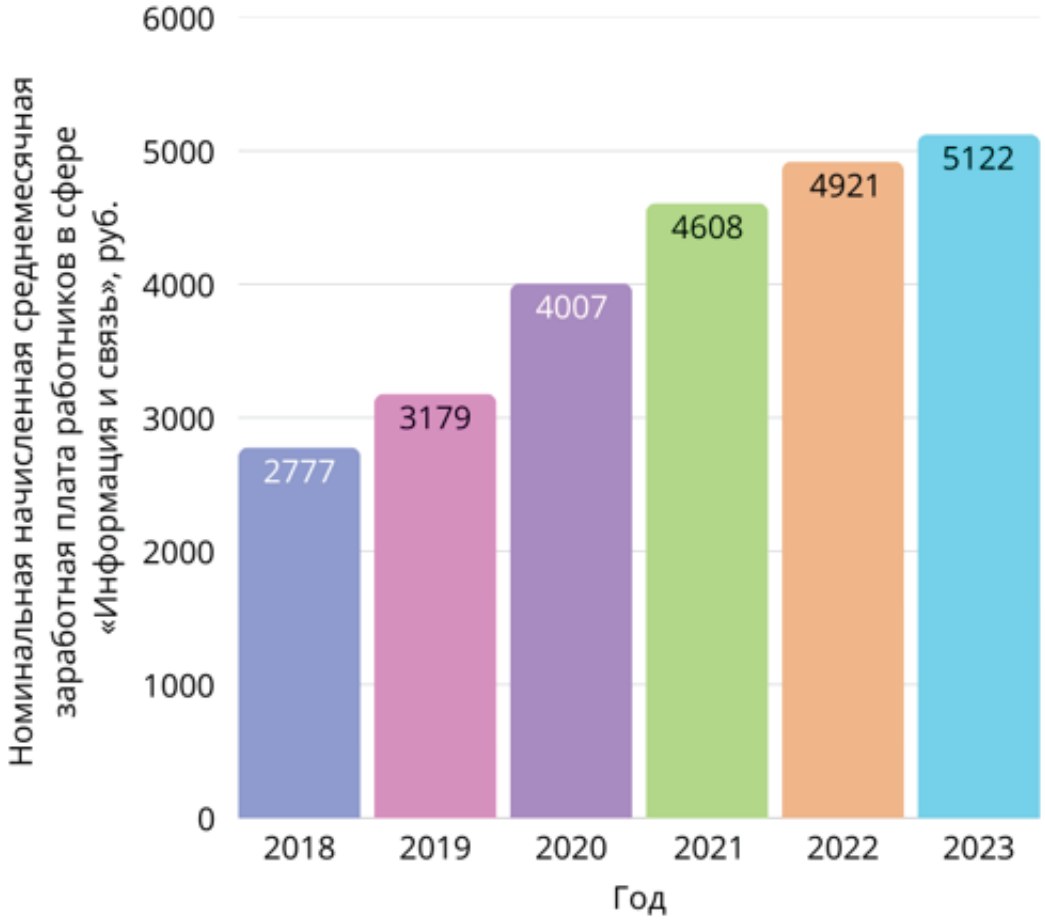

Рис. 2. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников в сфере «Информация и связь» за период 2018–2023 гг.

Источник: [1, с. 127]

Рост заработной платы может быть обусловлен высокой конкуренцией, которая способствует повышению оплаты труда, увеличением доходов ИТ-компаний, повышением курса доллара к белорусскому рублю, что приводит к росту номинальных заработных плат в местной валюте, а также приток иностранных компаний на белорусский рынок, в частности российских, которые предлагают хорошие условия труда для сотрудников.

Внедрение российских ИТ-компаний в экономику Республике Беларусь обусловлено, в первую очередь тем, что расходы в Беларуси меньше, чем в России, однако оплата труда в целом сопоставима с российским рынком труда. Именно поэтому большое количество переехавших специалистов утверждают, что выгоднее работать в Республике Беларусь, за счет более доступных цен на различные услуги и налоговых льгот для компаний ИТ-отрасли. Также еще одной причиной расположения рос-

сийских ИТ-компаний в стране является дефицит ИТ-специалистов, который в разы больше, чем в Беларуси, и составляет 500–700 тыс. чел. За счет предложения привлекательных условий работы, российские компании восполняют кадровый дефицит в ИТ-индустрии [2].

Таким образом, основными тенденциями занятости в ИТ-отрасли Республики Беларусь в настоящее время являются:

1. Высокий уровень трудовой миграции.

Белорусский ИТ-сектор последние несколько лет характеризуется большим оттоком трудовых ресурсов за рубеж. Основными причинами данной тенденции являются:

– экономические причины: в большинстве случаев номинальная оплата труда за границей выше, чем в Республике Беларусь;

– иностранные компании предлагают более привлекательные условия труда для высококвалифицированных специалистов, что может способствовать их оттоку из страны.

2. Рост спроса на высококвалифицированных специалистов.

Спрос на квалифицированных ИТ-специалистов с имеющимся опытом работы в Республике Беларусь остается высоким по сей день. Согласно статистике с сайта *rabota.by*, структура спроса по опыту работы представлена следующим образом (рис. 3).

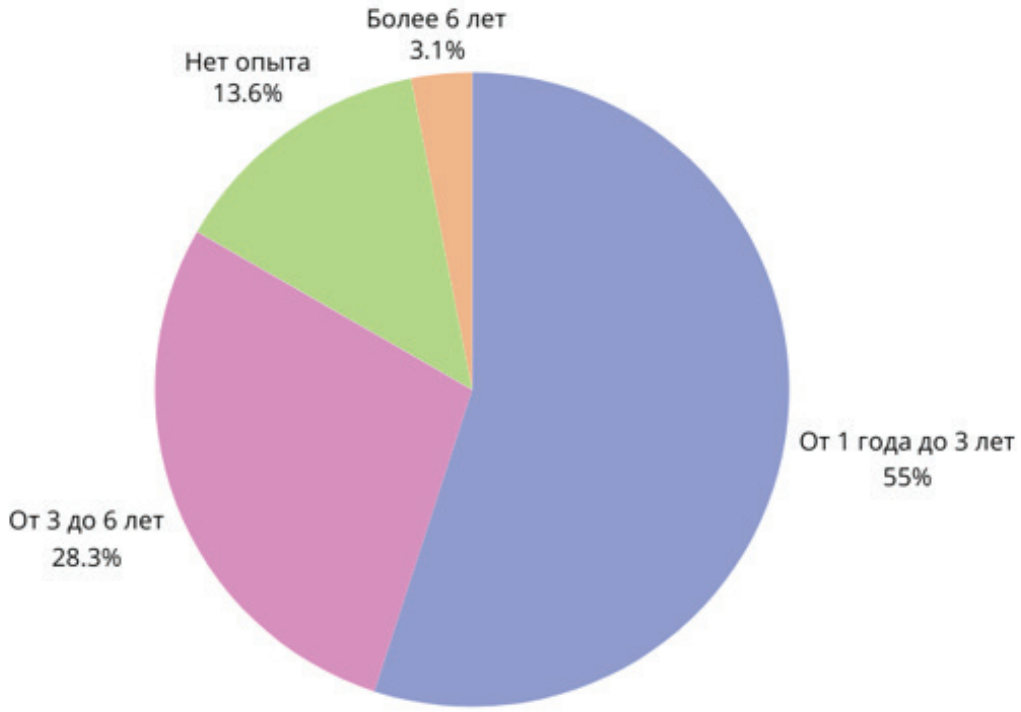

Рис. 3. Структура спроса по опыту работы в сфере «Информационные технологии, интернет, телеком», 3 квартал 2023 г.

Источник: [3]

Из данной диаграммы можно заметить, что 55 % работодателей ищут сотрудников с опытом работы минимум год, а 28,6 % свыше 3-х лет, что

делает поиск работы для начинающих специалистов более затруднительным. Данные показатели также могут свидетельствовать о сильной потребности компаний в привлечении опытных профессионалов, имеющих глубокие технические знания в определенной сфере и обладающих способностью адаптироваться к различным условиям, что позволяет организациям минимизировать свои риски.

Самыми востребованными специалистами в ИТ-сфере на 2023 г. являлись:

– системный администратор;
– бизнес-аналитик;
– *Frontend*-разработчик;
– системный администратор;
– программист 1*С*;
– *QA*-инженер ;
– *PHP*-разработчик.

3. Адаптация компаний к новым условиям.

В ответ на изменяющиеся экономические и политические ситуации, компании вынуждены адаптироваться к новым условиям, используя различные методы. Основными примера адаптации компаний являются:

Релокация бизнеса за рубеж: компании переезжают в другую страну или регистрирует там свой бизнес в результате необходимости охвата иного рынка сбыта, получения инвестиций, ухода от санкций. Релокация бизнеса позволяет не только получить доступ к новым рынкам, оптимизировать налогообложение и снижать риски для бизнеса, но также дает возможность привлечения новых профессиональных сотрудников и инвесторов, заинтересованных в развитии компании.

4. Развитие новых направлений.

Работа в ИТ-отрасли требует все большего количества знаний, умений и навыков, которые необходимы для работы в более специализированных сферах, обеспечивающих развитие страны. Среди наиболее трендовых направлений развития:

– искусственный интеллект и машинное обучение;
– интернет вещей;
– игровая индустрия;
– финансовые технологии (*FinTech*).

Подводя итог, можно отметить, что динамика занятости в ИТ-отрасли в Республике Беларусь имеет нестабильный характер, связанный с рядом причин, таких как релокация компаний и сотрудников, необходимость в профессиональных и опытных работниках, количество которых находится в дефиците и вытекающая из этого проблема неустройства специалистов, имеющих небольшой стаж работы. Однако несмотря на все вызовы, занятость в ИТ-отрасли начинает приходить в более устойчивое состояние за счет адаптации компаний к новым условиям и развития новых направлений.

Библиографический список

1. Статистический ежегодник. Республика Беларусь : стат. сб. 2024 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – 317 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/66e/7l0tc5n78wkj4ulk6er8jxshk1m1k740.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

2. ИТ-инфраструктура // TADVISER. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 07.04.2025).

3. Составлен топ самых востребованных IT-специалистов в Беларуси. Кого ищут и сколько готовы платить? // MYFIN.by. – 19.10.2023. – URL: https://myfin.by/article/rynki/sostavlen-top-samyh-vostrebovannyh-it-specialistov-v-belarusi-kto-v-spiske-i-skolko-im-gotovy-platit (дата обращения: 07.04.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕСА

В. П. Драгун[1)], О. В. Машевская[2)]

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dragunVP@bsu.by

В последнее время в научном сообществе все больше ученых стали анализировать процессы, которые породила цифровизация, да и сам процесс цифровизации еще до конца полностью не изучен. У автора статьи данная проблематика тоже вызвала интерес, что и послужило основанием для ее изучения, в частности, автор уделяет должное внимание цифровизации бизнеса и бизнес-процессов. Цифровизация способствует повышению эффективности, доступу к новым рынкам, улучшению клиентского опыта, снижению затрат, внедрению инноваций, более быстрому принятию решений, улучшению конкурентоспособности и обеспечению безопасности данных. Анализируются этапы цифровой трансформации и уровни цифровизации бизнеса. Сделан вывод, что бизнес и общество должны адаптироваться к новым цифровым реалиям для сохранения конкурентоспособности и успешного развития.

Ключевые слова: цифровизация; цифровизация бизнеса; цифровая трансформация; бизнес-процессы.

DIGITALIZATION OF BUSINESS

V. P. Dragun[a], O. V. Mashevskaya[b]

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dragunVP@bsu.by

Recently, more and more scientists in the scientific community have begun to analyze the processes generated by digitalization, although the digitalization process itself has not yet been fully studied. The author of this article also found this issue of interest, which served as the basis for its study. In particular, the author pays due attention to the digitalization of business and business processes. Digitalization contributes to increased efficiency, access to new markets, improved customer experience, cost reduction, innovation adoption, faster decision-making, enhanced competitiveness, and data security. The stages of digital transformation and levels of business digitalization are analyzed. It is concluded that businesses and society must adapt to the new digital realities to maintain competitiveness and achieve successful development.

Keywords: digitalization; business digitalization; digital transformation; business processes.

«Цифровизация – это глубокая трансформация бизнеса, предполагающая использование цифровых технологий для оптимизации бизнес-процессов» [1]. Цифровизация бизнес-процессов сегодня уже не рассматривается как один из вариантов стратегического развития организаций, а становится объективной необходимостью, изменяющей устоявшиеся правила ведения бизнеса и способствующей повышению их конкурен-

тоспособности. Ранее формирование конкурентных преимуществ основывалось на одном или нескольких бизнес-параметрах, таких как качество, цена, уровень обслуживания. Однако пандемия *COVID*-19 сделала переход к цифровым форматам неотъемлемой мерой для выживания. Так, цифровизация бизнес-процессов стала основываться на применении информационных систем и цифровых технологий для обеспечения эффективного взаимодействия и обмена данными между различными элементами системы управления; между производственными и организационными процессами и базами данных как внутри, так и за пределами организации, что привело к ряду позитивных моментов, а именно:

1. Увеличение эффективности: цифровизация позволила автоматизировать рутинные бизнес-процессы, снижая при этом затраты времени и ресурсов, как например, ошибки людей.

2. Доступ к новым рынкам: с помощью цифровых технологий малый и средний бизнес имеет конкурентные преимущества, что способствует выходу на новые рынки сбыта. А появление электронной коммерции и онлайн-платформы позволили продавать товары и услуги не только локально, но и на международном уровне.

3. Улучшение клиентского опыта: цифровизация позволила лучше понимать потребности клиентов благодаря сбору и анализу данных. Это дало возможность персонализировать предложение, улучшать качество обслуживания и поддерживать связь с клиентами через различные каналы, такие как социальные сети, *email*-рассылки и чат-боты.

4. Снижение затрат: внедрение цифровых технологий привело к сокращению операционных расходов. Например, использование облачных решений позволяет избежать затрат на физическую инфраструктуру и *IT*-поддержку.

5. Инновации и адаптивность: цифровизация способствует внедрению инноваций, позволяя бизнесу быть более гибким и адаптивным к изменениям на рынке. Это особенно важно в условиях быстро меняющейся экономической среды.

6. Аналитика и быстрое принятие решений: современные инструменты аналитики помогают собирать и анализировать данные о продажах, поведении клиентов и рыночных трендах. Это позволяет принимать более обоснованные решения и разрабатывать стратегии на основе фактической информации.

7. Конкурентоспособность: в условиях растущей конкуренции способность использовать цифровые технологии становится важным фактором для выживания и успеха бизнеса.

8. Безопасность данных: цифровизация включает вопросы безопасности информации. Современные технологии позволяют защищать данные от утечек и кибератак, что особенно важно для сохранения доверия клиентов.

9. Гибкость в работе: цифровые инструменты позволяют организовать удаленную работу, что стало особенно актуально в последние годы.

Это дает возможность привлекать рабочую силу из разных регионов и стран, а также обеспечивать непрерывность бизнеса в условиях назревающих кризисов.

В целом можно выделить пять основных этапов цифровой трансформации бизнеса, которые выделяются в издании *CEOWORLD Magazine*:

1) основание;
2) разрозненность;
3) частичная синхронизация;
4) полная синхронизация;
5) «живая ДНК» [2].

«Сначала происходит автоматизация отдельных внутренних процессов – продажи, производство на основе использования облачных и других платформенных технологий. Затем отдельные подразделения начинают использовать цифровые технологии, совершенствуя свои модели работы, однако пока эти решения не интегрированы в общую стратегию бизнеса. Далее последовательно осуществляется частичная синхронизация цифровых технологий, а затем полная их интеграция в модель бизнеса на всех уровнях управления. Высший уровень – это работа организации (предприятия) происходит полностью в цифровом режиме, где цифровые технологии становятся частью «генетического кода» бизнеса» [2].

Другая компания «*Profitbase*», работа которой строиться на работе платформы выделяет 3 этапа, которые пройдут компании до того, как полностью станут цифровыми: 1) лоскутная автоматизация; 2) связанность сервисов; 3) решения на основе больших данных [3].

Сегодня, говоря о бизнес-процессах, мы можем распределить предприятия по уровню их цифровизации, а именно это:

1) традиционный, аналоговый бизнес, где в структуре деятельности таких предприятий преобладают материальные, физические активы. При этом возникают предпосылки и оцениваются возможности внедрения цифровых решений и инструментов, которые имеют стихийный, фрагментарный характер;

2) бизнес в режиме «онлайн» представлен предприятиями, активно задействовавшими новые цифровые технологии. В структуре деятельности такого бизнеса преобладают виртуальные каналы сбыта и коммуникаций. Тем не менее важная роль отводится также и физическим активам (офисы продаж и обслуживания, пункты выдачи, склады хранения запасов);

3) виртуальный бизнес воплощает в себе деятельность предприятий с высоким проникновением цифровых достижений, что позволяем им не быть привязанными ни к одному физическому активу [3]. Данный вид в настоящее время набирает все большую популярность, основанный на использовании электронных средств для ведения бизнеса (в отличие от традиционного бизнеса, который основан на личных транзакциях с физическими документами и физической валютой или кредитом). В качестве примера стоит привести деятельность *Amazon.com*, который стал пионе-

ром виртуального бизнеса, начав как онлайн книжный магазин, соединив покупателей и продавцов без необходимости в физическом магазине.

С ростом популярности *Web* 2.0 компании начали использовать новые технологии для взаимодействия с клиентами. Благодаря улучшенной безопасности и соблюдению стандартов *PCI DSS*, онлайн-транзакции стали более безопасными, чем телефонные или факсовые. В дополнение к продаже товаров, виртуальные предприятия начали предлагать профессиональные услуги, такие как администрирование, дизайн и маркетинг. Например, услуги виртуальных ассистентов предоставляются специалистами, работающими из дома и использующими интернет-технологии. Большинство обычных компаний сокращают издержки и увеличивают долю рынка, занимаясь электронной коммерцией через веб-сайты и используя существующую телекоммуникационную инфраструктуру.

В заключение хочется отметить, что в настоящее время бизнес и общество непрерывно развиваются в цифровых условиях и, чтобы соответствовать требованиям времени, необходимо принимать новые условия цифровой реальности и быстро адаптироваться под них.

Библиографический список

1. Цифровизация бизнеса // ROBIN. – URL: https://rpa-robin.ru/blog/cifrovizaciya-biznesa/#:~:text=%D0%A7%D1% (дата обращения: 14.02.2025).

2. Алейник, Н. Этапы цифровой трансформации: через что вам придется пройти? / Н. Алейник // Russian Business. – 15.12.2019. – URL: https://rb.ru/story/digital-transformation-stages/ (дата обращения: 15.02.2025).

3. Profitbase. Turn risk into opportunities. – URL: https://www.profit-base.com (date of access: 15.02.2025)

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ДОСТУПНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТ-ИНФРАСТРУКТУРЫ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

О. В. Жданович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhdan@bsu.by

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития интеграционных процессов в сфере образования и науки в государствах – членах Евразийского экономического союза под влиянием цифровизации. Особое внимание уделяется вопросам цифрового неравенства, а также сдоступности технологий интернет-инфраструктуры в рамках Союза. Рассматриваются конкретные причины цифрового неравенства: социально-экономические, технические, культурные.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; академическая мобильность; образование; глобализация.

DIGITAL INEQUALITY: ACCESSIBILITY OF TECHNOLOGIES AND INTERNET INFRASTRUCTURE IN THE EAEU MEMBER STATES

O. V. Zhdanovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zhdan@bsu.by

The article examines current issues in the development of integration processes in the field of education and science in the member states of the Eurasian Economic Union under the influence of digitalization. Particular attention is paid to issues of digital inequality, as well as the availability of internet infrastructure technologies within the Union. Specific causes of digital inequality are examined, including socio-economic, technical, and cultural ones.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; academic mobility; education; globalization.

Развитие Интернета и новейших технологий неизбежно, поэтому быстрый технический прогресс всегда несет в себе определенные риски и угрозы. Серьезной проблемой, требующей правового регулирования, является свободный доступ к Интернету для всех граждан государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Цифровая доступность – технология, которая доступна независимо от обстоятельств для разных людей на разных этапах жизни.

Одной из причин цифрового неравенства является неравномерное распределение ресурсов. Неравенство доходов и географические факторы

играют особую роль, поскольку сельская местность и граждане с низким доходом зачастую имеют меньший доступ к Интернету и современным гаджетам. Усугубляют этот разрыв также дефицит образования и отсутствие цифровых навыков, например, у старшего поколения [1, с. 92].

Если говорить о последствиях цифрового неравенства, то они многообразны. Те, у кого нет доступа, страдают от ограниченных знаний, меньших возможностей для карьерного роста и ограниченного участия в общественной жизни. Этот разрыв усугубляет существующее неравенство и затрудняет доступ к образованию, здравоохранению и государственным услугам.

Для сокращения цифрового неравенства необходимы различные оптимизации. Это включает в себя расширение широкополосного интернета в сельской местности, продвижение цифрового образования и поддержку социально незащищенных групп в приобретении цифровых навыков. Правительства, образовательные учреждения и предприятия должны работать вместе, чтобы создать инклюзивное цифровое общество и противодействовать социальному неравенству.

Причина цифрового неравенства в государствах – членах ЕАЭС представлены в таблице в трех категориях.

Причины цифрового неравенства

Факторы	Описание
Социально-экономические	Доход, образование, место жительства и иные. Люди с низкими доходами, низким уровнем образования или проживающие в сельской местности, как правило, имеют меньший доступ к современным цифровым технологиям
Технические	Инфраструктура, программное обеспечение и оборудование. В некоторых регионах инфраструктура доступа к цифровым технологиям недостаточно развита
Культурные	Отношение к цифровизации и цифровые привычки. В некоторых культурах использование цифровых технологий менее распространено

Источник: [1].

Рост стоимости Интернета и медленное развитие инфраструктуры в сельской местности препятствуют цифровизации, например, в Кыргызстане и Армении.

Опыт государств – членов ЕАЭС в области цифровой трансформации в сфере высшего образования свидетельствуют о важности внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. Цифровая трансформация позволяет улучшить доступность, качество и релевантность образования, а также развивать навыки, необходимые для успешной адаптации в современном мире.

Движущими силами онлайн обучения являются: инновационные подходы; дополненная реальность; дизайн цифровых технологий; управ-

ление технологическими ресурсами; вычислительное мышление; стратегия развития образования 4.0; сети 5*G*; творческое решение проблем; адаптивность; креативность; цифровые игры; использование инновационных педагогических подходов; социальные сети; критическое мышление и аналитическое мышление; командная работа; интеграция цифровых технологий для всеобщего образования; искусственный интеллект; улучшение образовательного опыта; использование цифровых технологий с использованием инновационных методов оценки; облачные вычисления; разрабатывать, обновлять и адаптировать учебные программы и использовать цифровые технологии для образовательного коммуникационного программного обеспечения [2].

Цифровая трансформация в сфере высшего образования оказывает значительное воздействие на государства – члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), принося с собой положительные результаты в процессе интеграции современных цифровых технологий.

Опыт государств – членов ЕАЭС в сфере цифровой трансформации в сфере высшего образования позволяет сделать вывод, что цифровые технологии обладают потенциалом повышения качества образования, доступности и эффективности образовательного процесса. Правительства и образовательные учреждения должны продолжать разрабатывать и внедрять цифровые решения, чтобы обеспечить максимальную выгоду учащимся и преподавателям.

Таким образом, существует необходимость системного развития инфраструктуры, включающую организацию образовательного процесса как непрерывной познавательной, исследовательской, образовательной, профессиональной, практической и производственной деятельности по подготовке будущих специалистов, обладающих компетенциями 21 века. Одним из приоритетов станет повышение качества и доступности профессионального образования и его адаптация к глобальным тенденциям цифровизации и потребностям национального и регионального рынков труда. Еще одним важным аспектом является обновление содержательных образовательных программ и структур обучения за счет открытия новых специальностей для подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей экономики. Особое внимание в государствах – членах ЕАЭС уделено реализации концепции «Университет 3.0», в том числе создание университетами интегрированной системы «университет-промышленность-правительство-общество».

Система высшего образования призвана обеспечить подготовку хорошо подготовленных и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному развитию и профессиональной мобильности в условиях глобализации и развития новых технологий. Приближение высшего образования к требованиям международных стандартов, оптимизация структуры обучения и внедрение новых механизмов обеспечения качества, развитие дистанционных и онлайн-форм обучения, повышение мобильности и расширение инклюзивности позволят достичь оптималь-

ного баланса между универсальностью знаний, их фундаментальностью и ее направленности на практику.

Ключевым фактором успеха станет способность стран преодолеть существующие барьеры – от дефицита кадров до несовершенства регуляторной базы. Решение этих задач потребует тесного взаимодействия между бизнесом, научным сообществом и государством. Особое значение приобретает развитие образовательных программ, способных готовить специалистов нового типа, сочетающих технологическую грамотность с отраслевой экспертизой.

Библиографический список

1. Жданович, О. В. Высшее образование как фактор экономического развития Республики Беларусь в условиях евразийской интеграции / О. В. Жданович // Весн. Брэсц. у-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2023. – №3. – С.89–98. – URL: https://journal.brsu.by/index.php/history/issue/archive (дата обращения: 01.04.2025).

2. Каргина, Л. А. Цифровая экономика : учеб. / Л. А. Каргина, С. Л. Лебедева ; сост.: Л. А. Каргина, С. Л. Лебедева ; под ред. Л. А. Каргиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Прометей, 2024. — 380 с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Т. А. Желтоножко

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России, Воробьевское шоссе, 6А, 119285, г. Москва, Россия, t.jeltonojko@vavt.ru

Статья посвящена логическому анализу развития такого явления, как технологическое предпринимательство в эпоху цифровых технологий на пространстве ЕАЭС. Указывается на проблемные места и определение нескольких приоритетных направлений развития сотрудничества между странами – участницами ЕАЭС для активизации технологического предпринимательства. По результатам исследования, включая социологические опросы, устанавливается, что практическими действенными механизмами стимулирования технологического предпринимательства в рамках Союза являются сформированная действующая в полной мере инновационная инфраструктура и единое унифицированное образовательное и научное пространство.

Ключевые слова: технологическое предпринимательство; евразийская интеграция; цифровизация; сотрудничество; технологические инновации.

TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP AS A DRIVER OF EAEU ECONOMIES DIGITAL TRANSFORMATION

T. A. Zheltonozhko

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6A Vorobyovskoye Highway, Moscow 119285, Russia, t.jeltonojko@vavt.ru

The article is devoted to the logical analysis of the development of such a phenomenon as technological entrepreneurship on the EAEU space at the digital. Problem areas are indicated.

Several priority areas for the development of cooperation between the EAEU member states are defined to intensify technological entrepreneurship. Based on the results of the study, including sociological surveys, it was established that practical mechanisms for stimulating technological entrepreneurship in the EAEU have created a fully functioning innovation infrastructure and a single unified educational and scientific space.

Keywords: technological entrepreneurship; Eurasian integration; digitalization; cooperation; technological innovation.

Актуальность развития технологического предпринимательства в ЕАЭС обусловлена тем, что сложившаяся на сегодняшний день ситуация с инновационной активностью в реальном секторе экономики может быть охарактеризована как негативная. Восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой. Государствам-участникам интеграционного объединения необходимо своевременно

реагировать на вызовы современного мира, связанного с новым этапом научно-технологического прогресса, основанного на новых цифровых технологиях (интернет вещей, блокчейн, квантовые технологии, искусственный интеллект и т. п.).

Целью статьи является предложение практических механизмов активизации технологического предпринимательства в странах ЕАЭС, как результативного способа образовательной и научной интеграции.

Академик В. М. Полтерович писал о ловушке «недоразвитости», мешающей инновациям стать мотором экономического роста, когда отсталое производство не формирует спроса на инновации и подавляет их предложение [1, с. 5–10].

Сам термин «технологическое предпринимательство» носит дискуссионный характер. Основоположником явления «технологического предпринимательства» в экономической науке можно считать Й. А. Шумпетера, хотя он определил лишь сущность и признаки категории, не введя определения. Другие ученые, занимающиеся изучением категории «технологическое предпринимательство», – Т. Байлетти [2], М. Джелинек [3], А. Н. Барыкин и В. О. Искрянников [4], Д. А. Ковалевич и П. Г. Щедровицкий [5] и др.

Современные авторы не так много внимания уделяют конкретно технологическому предпринимательству, изучая дефиницию и природу предпринимательства в целом. Интересна попытка исследователей из России и Казахстана,

М. В. Подшиваловой и С. Т. Смаилова, систематизировать все существующие в специальной литературе подходы к определению термина «технологическое предпринимательство» (авторская трактовка представлена в табл. ниже [6, с. 158]).

В ЕАЭС на первый план выходит технологическое развитие на долгие годы вперед, соответственно, технологическое предпринимательство как один из инструментов может способствовать устойчивому развитию и прогрессу интеграционного объединения в этой части.

Существуют, как минимум, три фактора, не способствующих широкому распространению технологического предпринимательства на пространстве ЕАЭС: исторический (например, запрет на предпринимательство как таковое в СССР), административный (например, административная модель управления промышленным развитием) и финансовый (к примеру, недостаточно «длинных денег» в экономиках ЕАЭС).

Согласно стратегическим документам государств ЕАЭС, все страны стремятся достичь значимых результатов в цифровой повестке [7, с. 88–151].

Что же необходимо предпринять «сверху» (наднациональные механизмы и на государственном уровне каждой страны Союза) и «снизу» (инициатива отдельных предпринимателей, студентов и пр.)? Это должны быть взаимонаправленные силы, не противоречащие друг другу в своих намерениях.

Систематизация подходов к определению термина «технологическое предпринимательство» авторов М. В. Подшиваловой и С. Т. Смаилова

Подход	Дефиниция	Исследователи
Процессный	Процесс коммерциализации технологии	Д.А. Ковалевич, П.Г. Щедровицкий
	Процесс поиска решения проблемы	*S. Shane, S. Venkataraman*
	Процесс аккумуляции организационных ресурсов и технических систем для достижения целей предприятия	*S. A. Shane*
Макроэкономический	Взаимодействие предпринимательства и научной деятельности	*S. Mosey* с соавторами
	Трансформация фундаментальных научных знаний в востребованные рынком технологии	А. Н. Барыкин, В. О. Искрянников
	Опора для государственного развития и экономического роста	*H. Zhao* с соавторами
Компетентностный	Особая деятельность предпринимателя, требующая специальных навыков и компетенций	М. В. Фирсов
	Особая деятельность по управлению исследованиями и разработками сотрудников предприятия	*N. J. Foss, S. Lindenberg*
	Способы, которыми предприниматели используют ресурсы и структуры для реализации новых технологических возможностей	*T.-H. Liu* с соавторами
	Способ бизнес-лидерства	*R. C. Dorf, T. H. Byers*
	Способ производства, связанное с достижениями в области научно-технических знаний	Д. И. Корзюк, С. Н. Текучева
Финансовый	Инвестиции в коммерческий технологический проект, направленный на создание инноваций	*T. Bailetti*
	Инвестиции в проект, связанный с достижениями в области научных и технологических знаний с целью создания и получения ценности для фирмы	*J. J. M. Ferreira* с соавторами

Источник: [6, с. 158].

Во-первых, необходима сформированная действующая в полной мере инновационная инфраструктура. При всей видимости достаточности организации инновационной инфраструктуры в странах ЕАЭС, большинство инфраструктурных объектов (технопарки, свободные экономические зоны, инкубаторы, акселераторы и т. п.) организовывались с определенной целью – получить бюджетные средства под новую структуру. Со стороны государств ЕАЭС, в основном, не проводилось селективной политики по заданным критериям, включая расчет окупаемости проектов. Задача была сформировать в короткие сроки такую инфраструктуру в целом. Как итог, инновационные инфраструктурные объекты объединяют малые предприятия (не обязательно наукоемкие), наладившие выпуск своей продукции, поэтому свою главную функцию (поддержка высокотехнологичного бизнеса посредством технологического предпринимательства) – не выполняют.

Во-вторых, единое унифицированное образовательное и научное пространство. Основные акторы образовательного процесса в рамках ЕАЭС, в первую очередь, стремятся к повышению конкурентоспособности образования на пространстве Союза по сравнению с международными стандартами. При этом вопросы мультикультурализма и инклюзивности образования (темы, достаточно популярные в рамках стратегий западных стран), не находят у респондентов поддержки. Полагаем, что после проведения дополнительных консультаций с государствами – членами, может быть разработана консолидированная позиция относительно стратегического видения развития сферы образования в рамках ЕАЭС с учетом полученных результатов опроса.

Главным принципом создания общего образовательного пространства ЕАЭС респонденты считают международную конкурентоспособность образования (77,3 %), далее идут ценность и важность образования для построения карьеры (56,8 %), инклюзивность и доступность образования (54,5 %), мультикультурализм и уважение к другим народам (54,5 %), возможности для образования в течение жизни (40,9 %). Результаты опроса приведены на рис. 1 [7, с. 153].

Рис. 1. Принципы создания общего образовательного пространства ЕАЭС.

Источник: анкетирование проведено в рамках исследования

Опрошенные вузы-респонденты отмечают, что на первом месте в рамках их текущего научного сотрудничества находятся научные публикации в соавторстве (83,7 %), далее идут проведение совместных конференций (74,4 %) и реализация совместных научных исследований в рамках гранатов (62,8 %). Менее 50 % набрал вариант «приглашение представителей стран ЕАЭС в редакционную коллегию научного журнала» по причине того, что присутствие в редакционной коллегии ученых из ЕС, США, Китая, Ирана и т. д. дает журналу больше шансов на повышение своего рейтинга как внутри страны, так и за ее пределами (рис. 2) [7, с. 161].

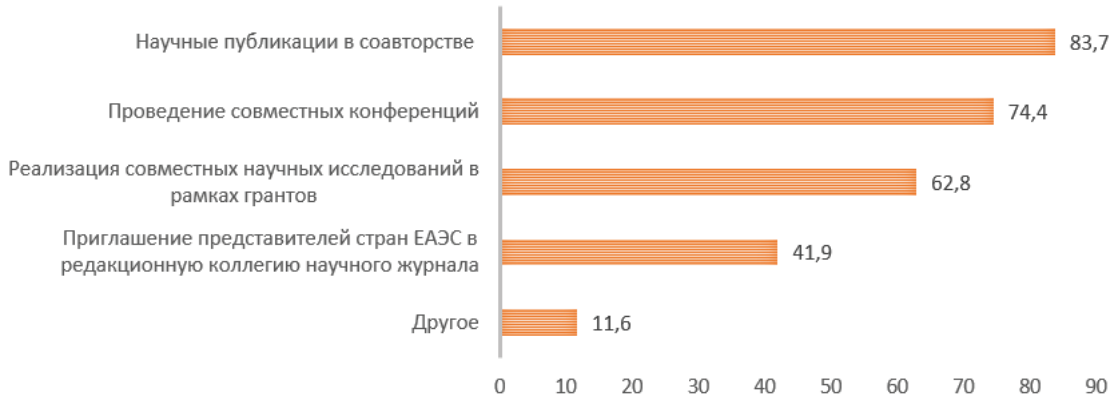

Рис. 2. Форматы развития научного сотрудничества со странами ЕАЭС.

Источник: анкетирование проведено в рамках исследования

Следует упомянуть, что, по данным Российского научного фонда, из государств – членов ЕАЭС, Россия сотрудничает лишь с Беларусью. С 2021 г. Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований и Российский научный фонд реализовали 55 проектов на сумму 595 млн рублей (по данным на 2024 г.) [7, с. 163].

Для прогрессивного развития общего образовательного и научного пространства ЕАЭС следует: на базе системного подхода выработать общие стратегические документы, определяющие ключевые проблемы, цели и приоритеты развития образовательного пространства; на базе процессного подхода сформировать наднациональные институты для координации образовательной политики, оценки качества и признания квалификаций. Наиболее востребованная форма образовательного и научного сотрудничества – мобильность кадров и программы двойных дипломов. Развитие сетевых университетов как площадок для обмена опытом и укрепления международного статуса вузов, хотя их функционирование зависит от активности самих участников. Популяризация технологического предпринимательства, начиная со школьной скамьи, например, в рамках уроков «Технологии» и пр., затем продолжая в рамках вузовского образования и постдипломного. При этом обязательно присутствие нацеленности на практические результаты в обучении, наставничество, как форма обучения, студенты – как молодые технологические лидеры-предприниматели, внедрения системы управления знаниями (доступность актуальной

информации и экспертных знаний, преподаватели не только теоретики, но и эксперты-практики), широкого использования информационных технологий в образовании (удаленный доступ и т. д.), обучения в формате дискуссий и общения, игровых технологий (симуляторы, деловые игры и пр.). Создание системы грантовой поддержки совместных исследований и разработок. Формирование научных консорциумов для проведения приоритетных исследований.

К примеру, российский опыт показывает эффективность данных направлений, как основных инструментов развития сотрудничества по линии «корпорация (предприятие) – вуз, применяя онлайн площадку совместных исследований (*http://innovniokr.mephi.ru/*), программу управления технологическими инновациями (Росатом – Сколково), функционирует высшая школа физики ГК «Росатом» Форсаж, используется инновационный лидер – компьютерный симулятор «Управление *R&D* и инновационная политика ГК «Росатом». Однако такую пракику важно тиражировать в рамках ЕАЭС, вовлекая большее количество участников [8].

Реализация данных инструментов позволит повысить эффективность научного взаимодействия, укрепить международный статус науки стран-участниц Союза и создать благоприятные условия для стимулирования технологического предпринимательства.

Подводя итог, следует отметить, что для устойчивого долгосрочного технологического развития ЕАЭС, необходимо учитывать геополитическую важность промышленного производства, основанного на цифровых технологиях, в Евразии. Эксперты признают, что стимулирование технологических инноваций в производстве является ключевым вопросом будущего, но они также отмечают, что их внедрение в реальное производство является очень сложным процессом. Это требует не только приращения новых знаний, но и новых способов интеграции их с уже существующими. Заметим, что в равной степени важны благоприятные политические, налоговые, финансовые, инфраструктурные условия, а также оптимальная конкурентная среда для стимулирования технологического предпринимательства. Главными стимулирующими практическими механизмами являются рост количества научно-исследовательских и технологических разработок, внедрение улучшенных программ образования и подготовки кадров. Путь к производству будущего подразумевает принятие системных и революционных подходов по использованию цифровых технологий, новых материалов и прорывных технологий производства. Необходимость снижения затрат, создания новых конструкторских парадигм, продления срока жизни продукции, внедрения технологий миниатюрного и точного машиностроения, требует более гибких процессов и комплексных подходов, а также новую организацию исследований. Соединение научных исследований, инновационных и образовательных программ также рассматривается как отличный способ для достижения синергетического эффекта в этой сфере.

Другим драйвером активации технологического предпринимательства является целевое международное сотрудничество в области исследований на производстве. В этом отношении опыт, накопленный в различных организациях стран Союза, особенно ценен. Потенциальное улучшение существующих инструментов, используемых для стимулирования сотрудничества в области промышленных исследований, технологических инноваций и пр. требует дополнительного изучения.

Повышение конкурентоспособности евразийских исследований тоже важный стимул технологического предпринимательства. Для этого необходимы тесные отношения и взаимодействие научных кругов, бизнеса и государства, в частности, в рамках государственно-частного партнерства, что должно сократить временные затраты от возникновения идеи до выведения продукта на рынок. Создание сетей взаимодействия науки и бизнеса призвано бороться с фрагментацией и дублированием усилий. Развитие междисциплинарных центров мирового уровня и сети передовых технологий должно построить лучшую базу знаний, а также привлечь и удержать лучших ученых. Наконец, продолжать развивать инструмент промышленной кооперации – евразийских технологических платформ, что позволит добиться внедрения более конкретных стратегий развития и их реализации.

Библиографический список

1. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3–20.
2. Bailetti, T. Technology Entrepreneurship: Overview, Definition, and Distinctive Aspects // Technology Innovation Management Review. – 2012. – N 2. – P. 5–12. – URL: https://timreview.ca/article/520 (date of access: 01.04.2025).
3. Jelinek, M. «Thinking Technology» in mature industry firms: understanding technology Entrepreneurship / International Journal of Technology Management. – 1996. – Vol. 11, N 7/-8. – P. 799–813. – URL: https://www.deepdyve.com/lp/inderscience-publishers/thinking-technology-in-mature-industry-firms-understanding-technology-43yP8NzBTM? (date of access: 01.04.2025).
4. Барыкин, А. Н. Белые пятна теории и практики технологического предпринимательства / А. Н. Барыкин, В. О. Искрянников / Менеджмент инноваций. – 2010. – № 3. – С. 202–213. – ГКДЖ https://grebennikon.ru/article-0f4z.html (дата обращения: 13.04.2025).
6. Ковалевич, Д. А. Конвейер инноваций / Д. А. Ковалевич, П. Г. Щедровицкий // Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов. – 2016. – 15 с. – URL: https://sibacademsoft.ru/sites/sas/files/konveyer_innovaciy.pdf (дата обращения: 13.04.2025).
6. Подшивалова, М. В. Технологическое предпринимательство: проблемы идентификации / М. В. Подшивалова, С. Т. Смаилов // Вестн. Южно-Уралю гос. ун-та. Сер. Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 155–163. – URL: https://sciup.org/tehnologicheskoe-predprinimatelstvoproblemy-identifikacii-147236454 (дата обращения: 13.04.2025).
7. Выработка подходов к созданию общего научного и образовательного пространства в рамках ЕАЭС: отчет о НИР (заключ.) / Всерос. академия внеш. торг.; рук. А. В. Точин; исполн.: Е. С. Чимирис, В. Н. Живалов, Н. С. Пыжиков, К. А. Пурен [и др.]. – М., 2024. – 238 с. – Шифр: П121-10-24.
9. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». – URL: https://www.rosatom.ru/production (дата обращения: 14.04.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: ОПЫТ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Д. А. Зенькович[1)], И. А. Бердашкевич[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eco.zenkovicDA@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eco.berdashk@bsu.by
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

В странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) коррупция и неформальная экономическая деятельность по-прежнему представляют собой серьезные проблемы, ослабляя качество государственного управления и доверие граждан. Данная статья исследует потенциал цифровых технологий как средства повышения прозрачности и противодействия коррупции на примере государств ЕАЭС. В работе представлены основные цифровые инструменты, такие как блокчейн, искусственный интеллект, онлайн-платформы, а также конкретные национальные проекты и цифровые сервисы, направленные на борьбу с коррупцией. Отдельное внимание уделено опыту Республики Беларусь, включая развитие электронного правительства и цифровых антикоррупционных инициатив. Сделаны выводы, что внедрение цифровых технологий не только снижает влияние человеческого фактора и повышает уровень отчетности, но и способствует формированию атмосферы неприятия коррупционных проявлений. Практическая ценность исследования заключается в систематизации успешных примеров цифровых решений, которые могут быть модифицированы и распространены для повышения эффективности государственного управления в Республике Беларусь.

Ключевые слова: цифровизация; коррупция; электронное правительство; блокчейн; искусственный интеллект; ЕАЭС; государственные услуги; прозрачность; государственные закупки.

DIGITALIZATION AS A TOOL AGAINST CORRUPTION: THE EAEU EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR BELARUS

D. A. Zenkovich[a], I. A. Berdashevich[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, eco.zenkovicDA@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, eco.berdashk@bsu.by
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

In the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), corruption and informal economic activities continue to pose serious problems, weakening the quality of public administration and the trust of citizens. This article explores the potential of digital technologies as a means of increasing transparency and countering corruption using the

example of the EAEU member states. The paper presents the main digital tools such as blockchain, artificial intelligence, online platforms, as well as specific national projects and digital services aimed at combating corruption. Special attention is paid to the experience of the Republic of Belarus, including the development of e-government and digital anti-corruption initiatives. It is concluded that the introduction of digital technologies not only reduces the impact of the human factor and increases the level of accountability, but also contributes to the formation of an atmosphere of rejection of corruption. The practical value of the research lies in the systematization of successful examples of digital solutions that can be modified and distributed to improve the efficiency of public administration in the Republic of Belarus.

Keywords: digitalization; corruption; e-government; blockchain; artificial intelligence; EAEU; public services; transparency; public procurement.

Коррупция и теневая экономика по-прежнему остаются значимыми вызовами, которые подрывают доверие граждан к государственным институтам и замедляют экономический рост страны. Однако цифровизация открывает новые возможности для повышения прозрачности, а также улучшения управления и снижения уровня коррупции.

В числе ключевых технологий для повышения прозрачности и предотвращения коррупции можно выделить:

– блокчейн: посредством неизменяемости данных обеспечивает прозрачность транзакций и уменьшает риск махинаций. В качестве примера выступает применение блокчейна в государственных закупках, что способствует минимизации коррупционных схем. Для исключения возможности подделки документов в Грузии блокчейн используется для регистрации недвижимости [1, с. 15];

– искусственный интеллект (*AI*): *AI* полезен для анализа больших объемов данных, выявления подозрительных транзакций и прогнозирования возможных рисков. Так в 2018 г. ученые испанского Университета Вальядолида создали основанную на искусственных нейронных сетях компьютерную модель, способную вычислять вероятность коррупции в испанских провинциях и условия, поддерживающие ее. Таким образом, показатели предрасположенности к мошенничеству растут при условии, что одна и та же партия остается в правительстве более года [2, с. 18];

– электронные платформы: разработка электронных государственных услуг способствует автоматизации административных процессов, благодаря чему минимизируется воздействие человеческого фактора и снижается бюрократическая составляющая. Анализ данных 127 стран продемонстрировал, что внедрение технологий электронного правительства сокращает коррупционные практики посредством укрепления управленческого контроля, тогда как механизмы электронного участия усиливают транспарентность и подотчетность власти [1].

Согласно Индексу развития электронного правительства (*EGDI*), в 2024 г. страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) показывают высокие результаты в сфере цифровизации государственного управления. Казахстан, Россия относятся к группе стран с очень высоким уровнем

EGDI, имея значения 0,9009 и 0,8532 соответственно, а Армения, Беларусь и Кыргызстан в свою очередь находятся в группе с высоким уровнем *EGDI*, принимающим значения 0,8422, 0,7445 и 0,7316 соответственно [3]. Что подтверждает растущее внимание к цифровым решениям в управлении государством и борьбе с коррупцией в перечисленных странах.

В Казахстане была запущена в 2018 г. и продолжает развитие национальная программа «*Цифровой Казахстан*». Главным элементом программы выступает электронная платформа *eGov.kz*. На данный момент она предоставляет гражданам 1076 видов услуг без необходимости личного обращения в государственные органы. Кроме того, получить государственные услуги можно в мобильном приложении *MGov* и Телеграм-боте [4]. Также в Казахстане обеспечивается прозрачность тендеров и обеспечивается контроль расходования бюджетных средств посредством «Единого портала государственных закупок» – *goszakup.gov.kz* [5].

В феврале 2025 г. была запущена «Единая кадровая система», предназначенную для работников государственного сектора. Данная система не только позволяет отслеживать выполнение президентских поручений, соблюдение служебных обязанностей, трудовой дисциплины и норм профессиональной этики, но и контролирует наложенные на государственных служащих ограничения [6].

Еще одним элементом борьбы с коррупцией служит мобильное приложение «*Damumed*» в медицинской сфере, позволяющее работодателям путем сканирования *QR*-кода проверять подлинность электронных больничных листов. К ключевые функциям приложения можно отнести мгновенную верификацию документов, минимизацию риска подделок и связанных с ними злоупотреблений и обеспечение прозрачного взаимодействия между медицинскими учреждениями и работодателями [7].

Также в сфере недвижимости Казахстан внедрил блокчейн в госуслуги для регистрации земельных участков, что способствует исключению возможности дублирования прав собственности и фальсификации документов [4].

Армения использует несколько направлений цифровизации для борьбы с коррупцией. Во-первых, прозрачность подачи деклараций и автоматизация расчета налогов реализуется посредством налоговой платформы *e-Taxpayer Portal*. Значительный рост применения электронных налоговых сервисов в 2023 г. отражается увеличением на 42 % по сравнению с 2022 возврата подоходного налога 38 911 бенефициарам через электронную платформу, составившего 52 млрд драмов [8].

Во-вторых, граждане могут анонимно или же с раскрытием личности сообщить о правонарушениях или случаях коррупции на единой электронной площадке осведомления, гарантирующей защиту пользователя и обеспечивающей его анонимность. Это должно повысить вовлеченность граждан к антикоррупционной деятельности и доверие к системе [9].

В-третьих, действует цифровой портал *DataLex* для отслеживания появления аномалий в судебной сфере и обеспечивания общественного

контроля над системой правосудия. На портале есть доступ к судебным решениям, расписаниям слушаний и биографиям судей [10].

В свою очередь Кыргызстан стремится к активному развитию платформы *Tunduk* – национальной системы межведомственного электронного взаимодействия. Она объединяет более 80 государственных ведомств из 103, а также минимизирует прямые контакты граждан с чиновниками, что сокращает количество взяточничества путем автоматизации процессов передачи информации о гражданах и юридических лицах между учреждениями, избегая необходимости их повторной подачи. Благодаря внедрению системы межведомственного электронного взаимодействия, количество необходимых справок и документов для получения государственных услуг было сокращено до 29, что значительно упрощает процесс получения социальных пособий гражданами [11].

Также за обеспечивание открытого доступа ко всем закупочным процедурам в стране отвечает электронная система государственных закупок *zakupki.gov.kg*. Платформа способствует предотвращению коррупционных схем с завышенными ценами посредством разработки алгоритмов для оценки подрядчиков и анализа ценовых аномалий.

Еще одной инновационной цифровой платформой для упрощения расчета между потребителями и, в первую очередь, энергокомпаниями является «Мой свет». Она делает коммунальных платежи прозрачными и быстрыми [12, с. 180]. Основные достоинства системы: упрощенные платежи за электроэнергию, улучшенная коммуникация между пользователями и поставщиками услуг, повышенная прозрачность финансовых операций, препятствие возможной коррупции в ЖКХ-секторе.

В России реализуется масштабная программа цифровизации, закрепленная в национальном проекте «*Цифровая экономика Российской Федерации*». Приоритетным направлением является перевод в цифровой формат системы госзакупок (*zakupki.gov.ru*). Начиная с 2021 г., на этой платформе внедрен модуль анализа рисков, использующий алгоритмы машинного обучения. Данная система автоматически обнаруживает отклонения и сомнительные тендеры, передавая информацию в контрольные органы для последующего анализа [13].

Большой потенциал в борьбе с коррупцией показывают технологии блокчейна: в 2023 г. был запущен экспериментальный проект по учету социальных пособий на базе распределенных реестров. Цель – исключить повторные выплаты и фиктивных получателей. Похожие разработки ведутся и в пенсионной сфере: в сотрудничестве с Ассоциацией негосударственных пенсионных фондов создан прототип платформы для управления индивидуальными пенсионными накоплениями [14].

В системе государственной службы внедряются специализированные цифровые инструменты, включая программное обеспечение «Справки БК» для автоматизации декларирования доходов чиновников и государственную информационную систему «Посейдон», обеспечивающую с 2022 г. централизованный доступ к данным для антикоррупционной экспертизы.

Платформа «Госуслуги» стала центральным элементом цифрового взаимодействия между государством и гражданами. Электронная подача заявлений, получение услуг в удаленном формате, онлайн-регистрация и электронные очереди способствуют устранению низовой коррупции, связанной с личным контактом и неформальными платежами [13].

В рамках цифровой трансформации Беларуси ключевым вектором является развитие электронного правительства. Важнейшим элементом этой системы стал Национальный портал электронных услуг (*e-pasluga.by*), обеспечивающий доступность и открытость государственных сервисов. На платформе реализована возможность получения в электронном виде свыше 470 административных процедур, включая регистрацию юридических лиц, оформление разрешений, получение справок и прочее.

Эффективным цифровым решением в Беларуси является система *Единого государственного регистра прав на недвижимое имущество*. С 2013 г. граждане и организации могут получать выписки онлайн, исключая необходимость личного обращения в регистрирующие органы.

Система Государственных закупок (*icetrade.by*) стала еще одним значимым элементом антикоррупционной инфраструктуры. Платформа обеспечивает проведение электронных торгов, открытый доступ к документации и прозрачность конкурсных процедур.

В Беларуси уделяется особое внимание цифровизации налоговой системы. Информационная система *Электронный налоговый кабинет* (*nalog.gov.by*) предоставляет юридическим и физическим лицам возможность подавать отчетность, получать справки и контролировать обязательства в онлайн-режиме [15, с. 60].

Перспективы цифровизации в Беларуси.

Беларусь демонстрирует потенциал в использовании цифровых технологий для борьбы с коррупцией, чему способствует Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», создавший условия для инноваций, включая криптовалюты и смарт-контракты.

Для реализации антикоррупционного потенциала цифровизации необходимо решить такие проблемы, как отставание в цифровизации госуслуг, неравномерное развитие интернет-инфраструктуры и отток специалистов *IT* сферы. Требуется комплексный подход, сочетающий технологическое развитие с совершенствованием нормативной базы.

Перспективные направления включают:

– внедрение блокчейна для обеспечения прозрачности сделок и госзакупок;

– применение ИИ для анализа и выявления нарушений в налоговых данных;

– разработка систем прогноза коррупционных рисков;

– интеграция распределенных реестров с государственными реестрами;

– распространение электронного документооборота для отслеживания решений.

На примере стран ЕАЭС видно, что применение современных технологий позволяет минимизировать возможности для коррупционных действий, укрепить веру населения в государственные институты и повысить эффективность управления. Для Республики Беларусь цифровая трансформация предоставляет шанс создать эффективную и стабильную систему государственного управления. Однако, для успешного внедрения инноваций необходимо не только развивать технологическую составляющую, но и создавать подходящую инфраструктуру, обеспечивать нормативно-правовую базу и готовить квалифицированные кадры.

Библиографический список

1. Santiso, C. Govtech against corruption: What are the integrity dividends of government digitalization? / C. Santiso// Data & Policy. – 2022. – Vol. 4, e39. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/data-and-policy/article/govtech-against-corruption-what-are-the-integrity-dividends-of-government-digitalization/48EDEBE57FADCE7CD5A3F4756DE491D4 (mode of access: 05.04.2025).

2. Расулев, А. Организационно-правовые аспекты применения цифровых технологий в противодействии коррупции: зарубежный опыт правоприменительной практики / А. Расулев, Б. Исмоилов // Общество и инновации. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 300–320. – URL: https://inscience.uz/index.php/socinov/article/view/257 (дата обращения: 11.04.2025).

3. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development // United Nations Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2024. – 179 p. – URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

4. Электронное правительство и госуслуги// Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/activities/7?lang=ru (дата обращения: 11.04.2025).

5. Портал государственных закупок Республики Казахстан. – URL: https://goszakup.gov.kz/ (дата обращения: 11.04.2025).

6. Единая кадровая система Казахстана // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единая_кадровая_система_Казахстана (дата обращения: 11.04.2025).

7. Якимец, К. И. Антикоррупционная политика Казахстана: позитивный опыт / К. И. Якимец // Modern Science. – 2021. – № 2-2. – С. 202–209. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44789407 (дата обращения: 11.04.2025).

8. If You Want to Have a State, You Have to Pay Taxes: Activity Report 2023 of the SRC Presented to the Prime Minister // The Prime Minister of the Republic of Armenia. – 20.01.2024. – URL: https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2024/01/20/Nikol-Pashinyan-Report-State-Revenue-Committee/ (дата обращения: 11.04.2025).

9. Портал публикации государственных уведомлений Республики Армения [сайт]. – URL: https://www.azdararir.am/ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

10. Официальный портал правовой информации Республики Армения. – URL: https://datalex.am/ (дата обращения: 11.04.2025).

11. Минтруд сократил количество справок, необходимых для предоставления госуслуг // Министерство труда и социальной защиты Кыргызской Республики. – 13.02.2024. – URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2024/02/13/mintrud-sokratil-kolichestvo-spravok-neobhodimyh-dlya-predostavleniya-gosuslug/ (дата обращения: 11.04.2025).

12. Асанбеков, Т. Ж. Проблемы и перспективы реализации антикоррупционной политики в Кыргызской Республике / Т. Ж. Асанбеков, С. Н. Маматов, Д. Ж. Асанбекова // Вестн. Ош. гос. ун-та. – 2024. – № 4. – С. 178–192. – ГКДЖ https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78784501 (дата обращения: 11.04.2025).

13. Рашева, Н. Ю. Цифровизация как эффективный инструмент противодействия коррупции / Н. Ю. Рашева // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 6-1. – С. 106–119. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76755833 (дата обращения: 11.04.2025).

14. Проекты на базе блокчейн-технологии // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Проекты_на_базе_блокчейн-технологии (дата обращения: 11.04.2025).

15. Брановицкий, Д. Е. Цифровизация экономики и ее влияние на уровень коррупции в Республике Беларусь / Д. Е. Брановицкий // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы V Междунар. форума молодых управленцев, Минск, 26–27 апр. 2023 г. / под общ. ред. О. Н. Солдатовой. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С. 58–61.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

К. Д. Кирилина

Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, 410056, г. Саратов, Россия,
kirilina_katerina07@mail.ru

Статья посвящена анализу обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов в условиях актуальной в нынешнее время цифровой трансформации. Устанавливается уровень развития современных информационных технологий в странах – участницах Евразийского экономического союза в соответствии с последними данными международных рейтингов. Оценивается динамика применения электронных банковских гарантий при реализации обеспечительного механизма уплаты таможенных платежей на примере деятельности таможенных органов Российской Федерации как ключевого участника региональной интеграции. Делается вывод о перспективности и значимости электронного документооборота, применения в таможенных органах технологий автоматизированного совершения таможенных операций без участия их должностных лиц в повышении эффективности межстранового взаимодействия.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); цифровизация; цифровая повестка; интеграция; таможенные платежи; обеспечение исполнения обязанности; информационные технологии.

ENSURING THE FULFILLMENT OF THE OBLIGATION TO PAY CUSTOMS DUTIES IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K. D. Kirilina

Saratov State Law Academy,
1 Volskaya Street, Saratov 410056, Russia, kirilina_katerina07@mail.ru

The article is devoted to the analysis of ensuring the fulfillment of obligations to pay customs duties and taxes in the context of the current digital transformation. The level of development of modern information technologies in the member countries of the Eurasian Economic Union is determined in accordance with the latest data from international ratings. The dynamics of the use of electronic bank guarantees in the implementation of a security mechanism for customs payments is assessed using the example of the activities of the customs authorities of the Russian Federation as a key participant in regional integration. The conclusion is made about the prospects and importance of electronic document management, the use of technologies for automated customs operations in customs authorities without the participation of their officials in improving the effectiveness of cross-country cooperation.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU); digitalization; digital agenda; integration; customs payments; enforcement of duties; information technology.

Переход к цифровым технологиям в современное время стал одним из определяющих векторов развития экономики как в отдельных государствах, так и в международном масштабе. Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), будучи международной организацией региональной экономической интеграции, ставящей перед собой цель всесторонней модернизации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики, не может не следовать цифровизации – тренду мировой экономики.

На сегодняшний день в литературе цифровая трансформация в ЕАЭС не осталась без внимания, прежде всего, со стороны ученых-экономистов, правоведов. Так, исследователями предпринимались попытки оценки перспектив развития цифровизации [1], проведения рейтингового анализа ее уровня в странах региональной интеграции [2]. Однако вопрос о реализации обеспечительных мер, направленных на полное и своевременное исполнение обязанности по уплате таможенных платежей, в условиях взятого курса на внедрение современных цифровых технологий отдельно в научной литературе не рассматривался.

Целью настоящего исследования является научно-обоснованная оценка цифровизации в евразийской интеграции применительно к механизму обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Институционально-правовой основой реализации цифровизации в ЕАЭС стало решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» (далее – Основные направления) [3]. Цифровая повестка ЕАЭС сосредотачивает в себе следующие направления: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевую трансформацию; цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы; цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами; развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов. Таким образом, центральная идея указанной выше повестки выражается в следующем: «поскольку «суверенная» цифровая трансформация каждого государства – члена Союза объективна и неизбежна, то обеспечение функциональной совместимости (интероперабельности) национальных цифровых повесток в рамках общей интеграционной цифровой повестки может дать синергетический эффект и позволит добиться существенного ускорения темпов цифрового перехода и роста объемов экономик» [1, с. 44].

Прежде всего, для определения в целом эффективности реализации региональной цифровой политики необходимо провести сопоставительный анализ уровня цифрового развития во всех странах – участницах ЕАЭС. Так, изменения в сфере цифровизации, отраженные в рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), основаны на расчете индекса развития ИКТ (*ICT Development Index – IDI*) и

представлены в табл. 1 за последние два года. *IDI* включает одиннадцать показателей, объединенных в три субиндекса, которые оценивают доступность, применение и навыки в области ИКТ [2, с. 6].

Таблица 1

Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)

Год	Россия	Беларусь	Армения	Казахстан	Кыргызстан
2023	88,9	86,9	85,1	88,9	84,7
2024	90,6	88,5	86,4	90,1	88,3

Источник: [4].

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод о том, что различия в уровне цифрового развития между государствами, входящими в ЕАЭС, не являются критическими. Эти различия не создают серьезных препятствий для взаимодействия и совместного прогресса в области информационных технологий. Тем не менее, стоит отметить, что ни одна из стран – участниц ЕАЭС не занимает места в первой пятерке государств с самым высоким индексом развития ИКТ. Это обстоятельство подчеркивает важность создания в странах – членах ЕАЭС мощной технической инфраструктуры.

Прогрессивные технологии активно внедряются и в таможенную сферу, в том числе и в механизм таможенного обложения. Таможенные платежи выступают в качестве важнейшего источника пополнения государственного бюджета и тем самым могут способствовать либо препятствовать стабильному экономическому росту. Например, согласно сводному отчету о распределении ввозных таможенных пошлин в 2023 г. общая сумма ввозных таможенных пошлин, поступившая (с учетом зачетов и возвратов) в бюджеты государств – членов ЕАЭС, составила 15,0 млрд долл. США, что на 4,7 млрд долл. США больше, чем в 2022 г. [5].

Обеспечительный механизм исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов, установленный главой 9 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), выступает важнейшей юридической гарантией защиты фискальных интересов государства на тот случай, если плательщики не выполнят или выполнят ненадлежащим образом возложенные на них обязанности. Существуют различные способы обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов. В соответствии с ТК ЕАЭС к таковым относятся: внесение денежных средств, имущества в качестве залога; предоставление банковской гарантии; оформление поручительства. При этом государства-члены не ограничены в возможности самостоятельного установления иных способов обеспечения.

Анализ актуальных статистических данных, нормативно-правовых актов и международных соглашений позволяет выделить ряд достижений в применении новейших *IT*-технологий при реализации обеспечительного механизма уплаты таможенных платежей.

Предусмотренная законодательством государств – членов ЕАЭС возможность применения банковских гарантий, оформления поручительства, внесения залога посредством электронного взаимодействия между таможенным органом и самим плательщиком способствует увеличению частоты применения самих обеспечительных мер, эффективности трансграничного сотрудничества участников внешнеэкономической деятельности. Так, на примере России как ключевого участника евразийской интеграции в соответствии со сведениями, публикуемыми в Ежегодном сборнике «Таможенная служба Российской Федерации», начиная с 2017 г., когда была окончательно внедрена технология выдачи электронных банковских гарантий, можно проследить тенденцию использования обозначенного способа обеспечения в табл. 2.

Таблица 2

Тенденция использования электронных банковских гарантий в России за период 2017–2023 гг.

Год	Количество банковских гарантий на бумажном носителе, тыс. шт.	Количество банковских гарантий в электронном виде, тыс. шт.	Соотношение применения банковских гарантий в электронном виде к общему числу принятых банковских гарантий, %
2017	8,6	3,5	28,93
2018	3,1	17,1	84,65
2019	1,4	17,1	92,43
2020	0,8	19,1	95,98
2021	0,4	16,1	97,58
2022	0,2	1,8	90,00
2023	0,2	1,8	90,00

Источник: [6].

Исходя из числовых значений, отраженных в таблице 2, не подвергается сомнению популярность использования банковских гарантий именно в электронном виде. На следующий же год после внедрения технологии выдачи электронных банковских гарантий их применение возросло более чем на 50 %. Такая тенденция объясняется следующими преимуществами банковской гарантии в электронной форме:

– существенное ускорение процесса принятия банковской гарантии таможенными органами (как правило, не позднее рабочего дня, следующего за днем ее поступления);

– предоставление реальной возможности внесения необходимого обеспечения непосредственно при декларировании товаров;

– отсутствие необходимости личного получения электронной банковской гарантии в кредитной организации для ее последующего представления в таможенный орган;

– прозрачность проводимых операций, снижение коррупционных рисков.

Следовательно, одним из перспективных направлений в развитии такого способа обеспечения уплаты таможенных платежей как банковская

гарантия является полный переход на их электронный документооборот.

В настоящее время оформление в автоматическом режиме таможенной расписки как документа, подтверждающего принятие обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных платежей, предусмотрено в Российской Федерации [7]. С учетом ранее изложенного, повсеместное внедрение обработки информационными системами таможенных органов данного документа без участия должностных лиц будет благоприятствовать развитию и упрочнению евразийских интеграционных связей. Кроме этого, важным этапом цифровой трансформации стало утверждение в 2023 г. правил о взаимном признании электронных цифровых подписей в ЕАЭС, что в свою очередь также способствует укреплению трансграничного взаимодействия [8].

Внедрение новых информационных технологий достаточно активным образом происходит в рамках евразийской интеграции. Однако говорить о достижении максимального уровня автоматизации и цифровизации таможенной системы стран – участниц ЕАЭС пока рано. Усовершенствование обеспечительного механизма уплаты таможенных пошлин, налогов с опорой на наметившуюся в последние десятилетия цифровую трансформацию позволит ускорить процесс таможенных процедур, а также существенным образом упростить применение соответствующих способов.

Библиографический список

1. Яник, А. А. Цифровое пространство ЕАЭС: актуальное состояние и перспективы / А. А. Яник // Международное право и международные организации = International Law and International Organizations. – 2021. – № 3. – С. 42–61. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36454 (дата обращения: 01.04.2025).

2. Головенчик, Г. Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. – 2018. – № 2. – С. 5–18. – URL: https://dt.bsuir.by/jour/article/view/75/61?locale=ru_RU (дата обращения: 01.04.2025).

3. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего совета Евразийского экономического союза от 11 октября 2017 г. № 12. // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/en/documents/320/3264/ (дата обращения: 14.03.2025).

4. ICT Development Index by Country 2025 // World Population Review. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/ict-development-index-by-country (date of access: 14.03.2025).

5. Батуркин, А. Н. В 2023 г. в бюджеты стран Евразийского экономического союза поступили таможенные пошлины на сумму 15 млрд долл. США / А. Н. Батуркин // Счетная палата Российской Федерации. – 26.12.2024. – URL: https://ach.gov.ru/checks/eaes-2023 (дата обращения: 14.03.2025).

6. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» // Федеральная таможенная служба. – URL: https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 14.03.2025).

7. Применение в таможенных органах Евразийского экономического союза технологий совершения таможенных операций посредством информационной системы

без участия должностных лиц таможенных органов // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_infr/dti.php (дата обращения: 14.03.2025).

8. О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией с использованием службы доверенной третьей стороны : решение Коллегии ЕЭК от 22 авг. 2023 г. № 120 // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/414/7596/ (дата обращения: 14.03.2025).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ В РОССИЙСКОМ «ЕДИНОМ УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Кирякин

Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская, 106/5, помещение 2, 392000, г. Тамбов, Россия, kiryakinalek@bk.ru

Статья посвящена анализу евразийского компонента в российском едином учебнике по истории. Устанавливаются основные этапы внедрения единого учебника по истории России в образовательный процесс страны, исследуется наличие в нем евразийской историософии. С применением евразийской историософии актуализируется необходимость для интеграционных процессов на постсоветском пространстве общей для евразийских народов концепции исторического развития, отражение этой истории в школьных учебниках истории. Указывается, что практика внедрения единого учебника истории не соответствует ни потребностям обеспечения связи разных поколений общим представлением об истории, ни потребностям евразийской интеграции в силу непоследовательного внедрения новых учебников в образовательный процесс. Констатируется недостаточность изложенного в учебниках материала по истории и культуре евразийских народов. Указывается на необходимость диалога экспертного сообщества стран евразийской интеграции о содержании курса истории в их национальных государствах, выработки особой историософии евразийских народов, которая могла бы способствовать интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Необходимость интеграции видится в достижении цели относительной экономической самодостаточности евразийского пространства.

Ключевые слова: евразийская историсофия; единый учебник истории; евразийская интеграция; экономическая самодостаточность.

EURASIAN HISTORIOSOPHY IN THE RUSSIAN«UNIFIED HISTORY TEXTBOOK»: EXPERIENCE AND PROSPECTS

A. V. Kiryakin

Tambov State Technical University,
106/5 Sovetskaya Street, room 2, Tambov 392000, Russia, kiryakinalek@bk.ru

The article is devoted to the analysis of the Eurasian component in the Russian unified history textbook. The main stages of the introduction of a unified textbook on the history of Russia into the educational process of the Russian Federation are established, and the presence of Eurasian historiosophy in it is investigated. With the application of Eurasian historiosophy, the necessity for integration processes in the post-Soviet space of a common concept of historical development for the Eurasian peoples is actualized, and this history is reflected in school history textbooks. It is pointed out that the practice of introducing a single history textbook does not meet either the needs of connecting different generations with a common understanding of history, or the needs of Eurasian integration due to the inconsistent introduction of new textbooks into the educational process of the Russian Federation. The insufficiency of the material presented in textbooks on the history and culture of the Eurasian peoples is stated. It is pointed out that there is a need for a dialogue between the expert community of the Eurasian integration countries on the content of the

history course in their national states, and the development of a special historiosophy of the Eurasian peoples that could contribute to integration processes in the post-Soviet space. The need for integration is seen in achieving the goal of relative economic self-sufficiency of the Eurasian space.

Keywords: eurasian historisophy; unified history textbook; Eurasian integration; economic self-sufficiency.

Вместо введения: о концепции «единого учебника истории».

Когда в 2013 г. президент России В. В. Путин предложил создать вместо десятков разных учебников и учебных пособий по истории «единый учебник», одной из главных причин этому называлась необходимость обеспечить связь разных поколений посредством общей истории, преодолеть социокультурный разрыв между поколениями.

Первые единые учебники по истории России появились в 2016/2017 учебном году. С тех пор единые учебники истории России для школьников поменялись уже трижды, а к 2023 г. Минобрнауки России утвердило «Концепцию преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки», в «единую историю» включили и студентов страны. В настоящей статье автор предлагает проанализировать пройденный путь, подвести предварительные итоги того, стала ли история России единой на всей территории страны, а также насколько эта история отвечает потребностям интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ритмы Евразии.

Ритмами Евразии (под Евразией теоретики евразийства имели ввиду «срединный материк как особый географический и исторический мир» [1, с. 7]) следует называть последовательные интеграционные и дезинтеграционные процессы на пространстве евразийских степей в историческом времени в соответствии с концепцией Г. В. Вернадского, изложенной им в небольшой работе «Начертание русской истории», в узком смысле – смену степных империй (хунну, тюркюты, монголы) на империю оседлую (русские). В целом, как полагал Г. В. Вернадский, «вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства» [1, с. 15].

Историософский смысл этому процессу придал Н. С. Трубецкой в статье «Общеевразийский национализм»: «Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [2, с. 303].

Объединение евразийских степей в пространство единого государства представлялось первыми теоретиками евразийства как историческая неизбежность, последствие объединения – как процесс взаимопроникновения и взаимообогащения культур, применительно к взаимодействую тюркских народов с русским народом – то, что Н. С. Трубецкой называл

туранским элементом в русской культуре [3, с. 218 – 242]. И, кроме уже сказанного, в таком объединении был и экономический смысл, который обосновывался П. Н. Савицким через концепцию экономической автаркии евразийского пространства [4]. В целом, первые теоретики евразийства видели особый историософский смысл в единстве народов евразийских степей, а применительно к XX в. еще и экономическую необходимость союза равнины и степи для достижения экономической самодостаточности.

И ими же делались прогнозы о будущем такого единства: Н. С. Трубецкой высказывал опасения относительно возможности сохранения территориальной целостности России–СССР без иного принципа объединения, нежели большевистская вера в построение общего счастливого будущего – общественного идеала [2, с. 292], Г. В. Вернадский указывал на то, что именно русский народ придал целостность евразийскому пространству, что в перспективе создало «такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше не было» [1, с. 19].

Нам же, живущим на постсоветском пространстве, и социокультурно далеким от дискуссий столетней давности, уже очевидно, что на постсоветском пространстве продолжаются как дезинтеграционные процессы, так и обратные процессы – интеграционные: робкие, непоследовательные, противоречивые и конфликтные.

Необходимой частью этого процесса автор видит то, чтобы наши национальные истории не противостояли этому процессу, а органично дополняли его, но с четким пониманием того, что время империй осталось в прошлом, а, равно, и время сведения исторических счетов. Остались только экономически сложившиеся в мире центр, периферия и полупериферия. И наша интеграция либо дезинтеграция – суть лишь наше стремление занять в мире ту или иную позицию.

У истоков единого учебника истории: евразийский взгляд

Необходимость в едином подходе к преподаванию истории на общеевразийском пространстве была высказана Н. С. Трубецким в статье «Общеевразийский национализм». Признавая недостаточность и хрупкость объединения советской властью народов Евразии под эгидой построения социального идеала, Н. С. Трубецкой предвосхитил концепцию советского народа как общей нации, придав ей нехарактерное для позднего марксизма-ленинизма значение многонародной нации, объединенной общим евразийским национализмом. Сама нация в таком случае должна была называться евразийской [2, с. 300].

Важной частью оформления общеевразийской нации Н. С. Трубецкой считал пересмотр «целого ряда наук» и «построение новых научных систем в замену старых, обветшавших» с точки зрения единства народов Евразии, необходимой частью этого пересмотра он называл переработку истории народов Евразии [2, с. 305–306].

Этому подходу можно противопоставить только очевидность того, что народы склонны вырабатывать свою национальную историю, как это обосновал Марк Ферро в работе «Как рассказывают историю детям в

разных странах мира», и в этом плане он прав, что «всемирной истории больше нет» [5, с. 410], но по его же признанию есть то, что предполагает «понимание и толкование Истории», которое «зарождается в нескольких очагах. Каждое из них особенно по смыслу, по форме и по целям» [5, с. 411]. Почему бы и нам не считать одним из таких очагов наше общее евразийское пространство. И, если историю мы изучаем в школе, в институте, историю нам рассказывают дома, эта история должна быть целостной, обеспечивая необходимую связь как поколений, так и народов.

На то, что история евразийского пространства – историософская целостность, указывали не только Г. В. Вернадский и Н. С. Трубецкой, но и Л. Н. Гумилев («Степная трилогия», «Древняя Русь и Великая степь» и др. работы), а также известный историк-тюрколог С. Г. Кляшторный, особенно отмечавший, что «координаты ориентированного на Россию геополитического пространства определились задолго до формирования ее современных рубежей. Историческое взаимодействие Руси-России с тюркским миром имеет полуторатысячелетнюю историю» [6, с. 21].

Тот же С. Г. Кляшторный подчеркивал, что одной из интеграционных перспектив в настоящее время является интеграция евразийская, которая становится «до известной степени историческим выбором», интеграция на основе полинациональности и экстрарелигиозности, а ее варианты могут быть многообразными, в т.ч. и в своей государственно-правовой структуре (конфедеративной или федеративной) [6, с. 23].

Место евразийской историософии в современном российском школьном учебнике истории: опыт

Итак, в учебном году 2016/2017 появилось стразу три линейки «единых учебников» по истории России для школьников, но мы их условно пометим как первый единый учебник, так как в последствии появилось еще два новых единых учебника. Только первый единый учебник из трех линеек на данный момент прошел полный цикл апробации с 6 по 11 классы, входит в федеральный перечень и используется в школах России до сих пор (по указанным срокам будет использоваться до 2027 г.).

Все три линейки первого единого учебника истории качественно отличаются друг от друга (методическим аппаратом, качеством исторических карт и многим другим), но среди всех прочих отличий автор предлагает сосредоточиться только на философско-историческом, и на этой основе выделить только одну линейку из трех – учебник Н. М. Арсентьева, А. А. Данилова, П. С. Стефановича и других под редакцией А. В. Торкунова, в двух других линейках первого единого учебника евразийская историософия отсутствует.

Из историософии евразийства в этом учебнике отметим то, что программа для 6 класса начинается не с упоминания о Рюрике и норманнах, а с великого переселения народов, тюркского каганата, прочих окрестных государств, повлиявших на становление Древнерусского государства [7, с. 19–26]. В учебнике уделено много внимания описанию истории и культуры монголов, ее влиянию на русскую культуру [8, с. 27–35], рас-

паду Орды [8, с.78–84]. К 7 классу ученикам рассказывают об истории и культуре осколков Монгольской империи, их кратко знакомят с историей и культурой Казанского, Астраханского и Сибирского ханств накануне их присоединения к России, и о многом другом [9, с. 50–58].

В 2021 г. появился второй единый учебник по истории России, среди авторского коллектива – Т. В. Черникова, К. П. Чиликин, Р. В. Пазин и другие, под общ. ред. В. Р. Мединского. Методически и информативно этот учебник оказался лучшим из всех предыдущих, кроме этого, и лучшим для подготовки учеников к ОГЭ и ЕГЭ. В нем так же, как и в указанном выше учебнике, есть отдельные элементы евразийской историософии, в частности, рассказывается о наследниках Золотой Орды [10, с. 44–51]. Но этому учебнику «не дали шанса», и у него тот же срок использования, как и у первого единого учебника, – до 2027 г.

Важно подчеркнуть, что в приведенных единых учебниках едва только наметился отход от московоцентрического рассмотрения истории, в частности, уделено внимание культуре народов евразийского пространства, но, по мнению автора, недостаточно, как и недостаточно – культуре народов России. И этот вопрос в тесной связи с принятым в стране историко-культурным стандартом нуждается в дополнительной проработке.

Последние 3 года идут дискуссии о необходимости урезать курс по всеобщей истории за счет сокращения материала по истории западноевропейских стран и США, а дополнительными часами расширить курс истории России и исторического краеведения. Автору представляется, что если и сокращать курс всеобщей истории, то освободившиеся часы необходимо направить на изучение истории и культуры евразийских народов, так как есть прямая необходимость объяснять школьникам страны как историю народов, которые вместе с русским делят одно государство, так и историю народов, с которыми мы связаны историческими судьбами.

Важно отметить, что второй единый учебник по истории России, вышедший в 2021 г., в массе не дошел до всех российских школ, следовательно, не используется повсеместно, и не успел пройти полный цикл апробации с 6 по 11 классы. В 2023 г. программу учебника 2021 г. издания для 10 и 11 класса заменили последним на данный момент, и тоже единым, учебником по истории России, авторы – А. В. Торкунов и В. Р. Мединский.

В 2023 г. был анонсирован выход в 2024 г. третьего единого учебника по истории России для 6-9 классов. Преподавание по нему должно было начаться в 2024/2025 учебном году. Эти учебники тоже на данный момент так и не дошли до всех школ, срок их заказа во многих школах страны сдвинут на осень 2025 г. (следовательно, учебный год 2025/2026). Но уже можно сделать некоторые выводы.

Начало учебника за 6 класс тематически и во многом содержательно повторяет содержание первого единого учебника по истории, о котором говорилось выше, но уже меньше внимания уделено русско-ордынским культурным отношениям [11]. В учебнике за 7 класс содержится урезанная часть (в сравнении с учебником первой линейки) раздела по «наслед-

никам орды», меньше внимания уделено культуре евразийских народов [12, с. 40–44].

В третьем едином учебнике за 9 класс есть отдельный параграф, посвященный взаимодействию народов и культур Российской империи в XIX в. [13, с. 247–252] – по сути чуть более расширенная версия материала, изложенного во втором едином учебнике истории за тот же 9 класс. И там и там было уделено внимание деятелям культуры народов России-Евразии, и в целом, только этим и ограничились авторы учебника обозревая взаимодействие как народов, так и культур. В целом, можно говорить о неудачной попытке синтеза в третьем едином учебнике лучшего, что было в первых двух единых учебниках истории.

Заключение. О перспективах.

Третий на данный момент единый учебник истории, действующий «бессрочно», вероятно будет в ближайшие годы переписан, либо на его смену придет очередной единый учебник хотя бы потому, что разрабатывался он в спешке и, по крайней мере, в программу 10 и 11 класса была вписана информация, не являющаяся предметом рассмотрения исторической науки, устаревшая в момент выхода учебника.

Пройденного времени существования концепции «единого учебника» уже достаточно, чтобы подвести определенные итоги. В одной из своих ранних публикаций автор уже обращал внимание на то, что евразийской интеграции недостает историософского содержания, которое должно быть отражено в наших учебниках по истории [14, с. 101], воз и ныне там…

Более того, стоит сказать, что по крайней мере в России сложившаяся ситуация с единым учебником по истории явно не способствует ни преемственности курса истории, ни преемственности поколений, ни даже преемственности общего представления об истории у людей одного поколения, достаточно только констатировать, что за 8 лет сменилось три единых учебника, сменились подходы к преподаванию истории в школе, а 8 лет – даже не жизнь одного поколения.

В среднем, каждые два учебных года школьникам страны меняют учебники истории и их содержание, не ставя это в зависимость от потребностей интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Констатируя этот факт, автор вместе с тем выражает надежду на то, что в школьном, в средне-профессиональном и в вузовском историческом образовании все-таки будет наведен порядок, история останется историей, а не политикой, опрокинутой в прошлое, потому что прошлое – уже быль, и с ней бесполезно сводить счеты, когда наши страны должны быть устремлены в будущее.

В этом есть необходимая задача не только для нашей страны (автор вслед за Л. Н. Гумилевым готов повторить: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» [15, с. 30]), но и для стран, с которыми мы хотим строить общее суверенное экономическое пространство, и с которыми бок о бок тянем полуторатысячелетнюю историю. И несомнен-

но важной частью этого процесса является наш диалог о том, возможна ли общая для нас для всех история. И начать этот диалог уместно с того, как же рассказывают историю детям в наших таких разных странах постсоветского пространства.

Библиографический список

1. Вернадский, Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. – М. : Алгоритм, 2012. – 336 с.
2. Трубецкой, Н. С. Общеевразийский национализм / Н. С. Трубецкой // Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – М. : Алгоритм, 2012. – С. 292–307.
3. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – М. : Алгоритм, 2012. – С. 178–201.
4. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 461 с.
5. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М. : Книжный клуб 36.6, 2014. – 480 с.
6. Кляшторный, С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – 591 с.
7. История России. 6 класс: учеб. для общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1 / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, П. С. Стефанович [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2017. – 128 с.
8. История России. 6 класс: учеб. для общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 2 / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, П. С. Стефанович [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. – М. : Просвещение, 2016. – 127 с.
9. История России. 7 класс : учеб. для общеобразовательных организаций : в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. – 4-е изд., испр. – М. : Просвещение, 2019. – Ч. 1. – 2019. – 128 с.
10. Черникова, Т. В. История России. XVI – конец XVII в. 7 класс : учебник / Т. В. Черникова, Р. В. Пазин; под общ. ред. В. Р. Мединского – М. : Просвещение, 2021. – 304 с.
11. Мединский, В. Р. История. История России, IX – начало XVI в. 6 класс: История России, IX – начало XVI в. 6 класс: учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов ; Министерство просвещения Российской Федерации. – М. : Просвещение, 2024. – 239 с.
12. Мединский, В. Р. История. История России, XVI–XVII вв. 7 класс: История России, XVI -XVII вв. 7 класс: учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов ; Министерство просвещения Российской Федерации. – М. : Просвещение, 2024. – 271 с.
13. Мединский, В. Р. История. История России. 1825–1914 гг. 9 класс : учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. – М. : Просвещение, 2024. – 397 с.
14. Кирякин, А. В. Русская идентичность и проблема выработки идеологии национального единства / А. В. Кирякин // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем : сб. ст. и тез. докл. междунар. науч. конф., Липецк, 24–26 сент. 2015 г. – Тамбов: Изд-во Р. В. Першина, 2015. – С. 98–102.
15. Гумилев, Л. Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» / Л. Н. Гумилев // Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2004. – С. 23–30.

ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В. В. Колмаков

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Стремянный пер., 36, 109992, г. Москва, Россия, Kolmakov.vv@rea.ru

Статья исследует феномен виртуальных кластеров как новой модели региональной экономической интеграции, формирующейся под влиянием цифровизации. На основе анализа современных теоретических концепций и эмпирических данных выявлены ключевые институциональные и технологические факторы, определяющие эффективность виртуальных кластеров. Предложена концептуальная модель функционирования подобных структур, учитывающая сетевые взаимодействия экономических агентов через цифровые платформы. Исследование демонстрирует, что виртуальные кластеры обладают значительным потенциалом для преодоления пространственных ограничений традиционных интеграционных моделей, способствуя активизации инновационных процессов и повышению конкурентоспособности региональных экономических систем.

Ключевые слова: виртуальные кластеры; цифровая экономика; региональная интеграция; сетевое взаимодействие; инновационные экосистемы; цифровые платформы.

VIRTUAL CLUSTERS AS AN INNOVATION-DRIVEN PARADIGM FOR REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN THE AGE OF DIGITALIZATION

V. V. Kolmakov

Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow 109992, Russia, Kolmakov.vv@rea.ru

The article examines the phenomenon of virtual clusters as a new model of regional economic integration, formed under the influence of digitalization. Based on the analysis of modern theoretical concepts and empirical data, key institutional and technological factors that determine the effectiveness of virtual clusters are identified. A conceptual model of the functioning of such structures is proposed, taking into account the network interactions of economic agents through digital platforms. The study demonstrates that virtual clusters have significant potential for overcoming the spatial limitations of traditional integration models, contributing to the activation of innovative processes and increasing the competitiveness of regional economic systems.

Keywords: virtual clusters; digital economy; regional integration; networking; innovative ecosystems; digital platforms.

Процессы глобализации и цифровизации экономики значительно трансформируют классические подходы к региональному развитию и

интеграции. Традиционные концепции, основанные на географической близости экономических агентов, уступают место новым моделям взаимодействия, базирующимся на цифровых технологиях и виртуальной коллаборации. Развитие получают такие концепции, как интернет-федерализм [1, с. 135], диффузия инноваций [2, с. 150], информационная зависимость региональных систем управления [3, с. 168]. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение виртуальных кластеров как инновационной формы организации экономического пространства, позволяющей преодолевать физические барьеры и стимулировать интенсивный обмен знаниями, технологиями и ресурсами между субъектами региональной экономики.

Проблематика виртуальных кластеров находится на пересечении нескольких научных направлений: теории кластеризации, концепций цифровой экономики, новой экономической географии и теории сетевого общества. Однако комплексные исследования, интегрирующие данные подходы применительно к современным реалиям экономической интеграции, остаются немногочисленными. В частности, недостаточно проработанными являются вопросы институционального обеспечения функционирования виртуальных кластеров, механизмов эффективного сетевого взаимодействия их участников и методов количественной оценки их влияния на региональное развитие.

Основной исследовательский вопрос данной статьи можно сформулировать следующим образом: какие институциональные и технологические факторы определяют эффективность виртуальных кластеров как инструмента региональной и международной экономической интеграции? В работе выдвигается гипотезу о том, что виртуальные кластеры способны обеспечивать более высокую интенсивность инновационных процессов по сравнению с традиционными интеграционными моделями при наличии трех ключевых условий: развитой цифровой инфраструктуры, эффективных институтов координации и адекватных механизмов защиты интеллектуальной собственности.

Теоретические основы концепции виртуальных кластеров.

Ключевой характеристикой традиционной концепции кластеров является географическая близость участников, обеспечивающая низкие транзакционные издержки, формирование доверительных отношений и интенсивный обмен знаниями. Однако с развитием цифровых технологий предположение о необходимости физической близости стало пересматриваться. Исследования показали возможность формирования эффективных инновационных сетей вне территориальных границ, чему во многом способствовала цифровая трансформация моделей региональной интеграции [4]. Так, цифровизация экономики привела к фундаментальным изменениям в механизмах экономической координации и моделях региональной интеграции.

Как справедливо утверждает О. В. Стефанов, цифровизация снижает значимость физических расстояний и материальных активов, повышая

роль информации, знаний и сетевых взаимодействий [5]. М. Кастельс концептуализировал эти изменения в теории сетевого общества, подчеркнув формирование «пространства потоков», которое замещает традиционное «пространство мест». В экономическом контексте это означает возникновение новых форм интеграции, основанных не на географической близости, а на цифровых коммуникациях и виртуальном взаимодействии.

Цифровые технологии трансформируют инновационные экосистемы, размывая границы между отраслями, регионами и организационными структурами, а цифровые платформы стали новыми центрами экономической активности, обеспечивая многосторонние взаимодействия участников и снижая транзакционные издержки. В этом контексте произошла эволюция традиционных моделей региональной интеграции. Специальные экономические зоны, индустриальные парки и технопарки, ранее служившие основными инструментами территориального развития, дополняются и частично замещаются цифровыми платформами и виртуальными экосистемами. Формируются гибридные модели интеграции, сочетающие элементы физического и виртуального взаимодействия.

Виртуальный кластер можно определить как сетевое объединение экономических агентов (предприятий, научных организаций, образовательных учреждений, государственных структур), функционирующих в одной отрасли или смежных секторах и взаимодействующих преимущественно через цифровые платформы и технологии. По мнению Ю. Н. Лапыгина и соавторов, в отличие от традиционных кластеров, виртуальные не требуют географической близости участников, что существенно расширяет их потенциальный состав и охват [6].

Концептуальная модель виртуального кластера включает следующие ключевые элементы:

1) цифровая платформа – технологическое ядро кластера, обеспечивающее коммуникацию, координацию и совместную работу участников. Платформа может включать облачные сервисы, инструменты для совместной разработки, управления проектами, обмена данными и знаниями [7, с. 89];

2) экономические агенты – участники кластера, включающие традиционные компоненты тройной спирали и ее современных репрезентаций;

3) экосистема знаний – инфраструктура и процессы, обеспечивающие создание, распространение и применение знаний внутри кластера: базы данных и знаний, системы совместной разработки, платформы открытых инноваций, а также механизмы защиты интеллектуальной собственности.

Ключевыми отличиями виртуальных кластеров от традиционных, как отмечают М. П. Галимова и О. В. Савенко, являются отсутствие требования физической близости участников, возможность глобального охвата, высокая динамика изменения состава участников и направлений деятельности, критическая роль цифровых технологий в обеспечении всех процессов, снижение роли инфраструктурных и географических барьеров

при повышении значимости барьеров технологических и компетентностных [8, с. 218].

Важно отметить, что виртуальные кластеры не являются полной противоположностью традиционным. Скорее, они представляют собой новую стадию эволюции кластерной модели, адаптированную к условиям цифровой экономики. На практике часто наблюдаются гибридные формы, сочетающие элементы виртуального и традиционного взаимодействия.

Механизмы функционирования виртуальных кластеров в цифровой экономике.

Технологическая инфраструктура виртуальных кластеров является фундаментом их функционирования, обеспечивающим основное конкурентное преимущество – преодоление пространственных барьеров.

Ключевыми технологическими компонентами такой инфраструктуры выступают облачные технологии, большие данные и аналитика, искусственный интеллект, блокчейн и распределенные реестры, платформы для совместной работы.

Эффективность технологической инфраструктуры виртуального кластера определяется не только наличием отдельных компонентов, но и степенью их интеграции в единую экосистему. Важную роль играют стандарты взаимодействия, протоколы обмена данными и *API*, обеспечивающие совместимость различных систем и сервисов.

Экономические взаимодействия в виртуальных кластерах имеют ряд специфических особенностей, отличающих их от традиционных форм кооперации.

Во-первых, виртуальным кластерам свойственна сетевая структура взаимодействий, которая характеризуется отсутствием жесткой иерархии и преобладанием горизонтальных связей.

Во-вторых, виртуальные кластеры активно эксплуатируют синергетические эффекты платформенной экономики и ее частных проявлений, таких как экономика распределенного пользования (шеринг-экономика). В таком случае многосторонние платформы становятся центрами экономической активности, обеспечивая взаимодействие множества участников с различными ролями. Ценность таких платформ возрастает с увеличением числа пользователей (сетевые эффекты), что создает мощные стимулы для дальнейшего расширения кластера.

Упомянутая выше экономика распределенного (или совместного) использования позволяет участникам кластера получать доступ к дорогостоящим активам без необходимости их приобретения. Это касается как материальных ресурсов (производственные мощности, лабораторное оборудование), так и нематериальных (данные, программное обеспечение, экспертиза). Экономические эффекты для участников виртуального кластера и для территорий их локализации рассмотрены автором подробно в опубликованных работах.

В виртуальных кластерах доминирующей моделью инновационной деятельности становятся открытые инновации. Компании активно при-

влекают внешние идеи и технологии, одновременно делясь частью собственных разработок с партнерами. Это ускоряет инновационные процессы и снижает затраты на НИОКР. Аналогичным образом может быть реализована специализация отдельных участников виртуального кластера в рамках модульной организации производства, предполагающая разделение производственного процесса на относительно независимые этапы, которые могут выполняться различными участниками кластера. Это обеспечивает гибкость и устойчивость производственных систем, позволяя оперативно адаптироваться к изменениям рыночного спроса.

Следует отметить, что в рамках виртуальных кластеров наиболее эффективно имплантируются новые модели монетизации и ценообразования, такие как доступ по подписке, *freemium*-модели, транзакционные комиссии и другие механизмы, отличные от традиционной продажи товаров и услуг. Это позволяет более точно соотносить ценность предлагаемых продуктов с потребностями клиентов и снижать барьеры входа для новых пользователей.

Немаловажным отличием виртуальных кластеров от традиционных является широкий охват рынка труда и снятие ограничений, обусловленных спецификой мест локализации бизнеса, а также, как утверждает С. В. Поляков, формирование виртуальных идентичностей [9]. Подобного рода гибкие трудовые отношения характеризуются ростом дистанционной занятости, проектной работы и фриланса. Таким образом виртуальные кластеры создают условия для формирования глобальных команд, объединяющих специалистов из различных географических локаций.

Можно заключить, что виртуальные кластеры представляют собой инновационную парадигму региональной экономической интеграции и один из потенциальных драйверов модернизации экономики и пространственного развития [10]. Особую значимость практическая реализация данной концепции имеет в свете возможностей формирования экономических кластеров Союзного государства, что будет способствовать формированию значительного синергетического эффекта для России и Беларуси на фоне усложняющейся геополитической обстановки.

Библиографический список

1. Поляков, С. В. Интернет-федерализм и консолидация гражданского общества как фактор устойчивого развития / С. В. Поляков // Взгляд молодых ученых на проблемы устойчивого развития : сб. науч. ст. по результатам IV Междунар. конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития, Москва, 16–20 мая 2018 г. Т. 5. – М. : РУСАЙНС, 2019. – С. 132–138. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38074547 (дата доступа: 01.04.2025).

2. Инновационный менеджмент / Л. Н. Руднева, М. А. Гурьева, И. С. Симарова [и др.]. – Тюмень : Тюмен. индустриал. ун-т, 2016. – 177 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26889361 (дата доступа: 01.04.2025).

3. Полякова А.Г. Социальные медиа в цифровой среде как источник информационного обеспечения региональной системы поддержки управленческих решений / А. Г. Полякова О. В. Ямова // Экономика и менеджмент систем управления. – 2019. –

№ 4-1(34). – С. 164–170. – URL: http://www.sbook.ru/emsu/archives/em20190401.rar (дата доступа: 01.04.2025).

4. Абзалбек, Г. А. Региональные кластеры в интернет-среде как инструмент развития регионов / Г. А. Абзалбек // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Экономика и менеджмент. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 21–30. – URL: https://vestnik.susu.ru/em/issue/view/797 (дата доступа: 01.04.2025).

5. Стефанов, О. В. IT-кластер как драйвер роста инновационного потенциала региона / О. В. Стефанов // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 6. – С. 7–16. – URL: https://progressive-economy.ru/vypusk_1/it-klaster-kak-drajver-rosta-innovaczionnogo-potencziala-regiona/ (дата доступа: 01.04.2025).

6. Лапыгин, Ю. Н. Виртуальный кластер как проект / Ю. Н. Лапыгин, Д. Ю. Лапыгин, Е. А. Ковалев // Вопросы управления. – 2020. – № 6 (67). – С. 95–106. – URL: https://reader.lanbook.com/journalArticle/582412#3 (дата доступа: 01.04.2025).

7. Полякова, А. Г. Цифровая система поддержки управленческих решений и обеспечения устойчивости пространственного развития / А. Г. Полякова. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 113 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36875671 (дата доступа: 01.04.2025).

8. Галимова, М. П. Виртуальные кластеры и их роль в инновационной региональной системе / М. П. Галимова, О. В. Савенко // Экономический рост как основа устойчивого развития России : сб. науч. ст. участников 8-й Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 4–5 дек. 2024 г. – Курск : Университ. книга, 2024. – С. 216–221. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=79515301 (дата доступа: 01.04.2025).

9. Поляков, С. В. Виртуальная идентичность в современном обществе: диалектика реального и цифрового пространства / С. В. Поляков // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Липецк, 24–25 янв. 2025 г. – Липецк : Липецк. гос. педагог. ун-т им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2025. – С. 136–140. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80306986 (дата доступа: 01.04.2025).

10. Полякова, А. Г. Государственное управление в контексте проблемы модернизации экономики региона / А. Г. Полякова // Гуманитар. и соц.-экон науки. – 2011. – № 1 (56). – С. 128–131. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15624006 (дата доступа: 01.04.2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

К. Д. Малахова[1)], К. О. Алексеева[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eco.malahovaKD@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eco.alexeevKO@bsu.by
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

Актуальность исследования связана с динамичным развитием электронной коммерции в ЕАЭС, где цифровая трансформация создает новые возможности для бизнеса и потребителей. В исследовании проанализированы ключевые тенденции, включая рост мобильной и социальной коммерции. Интеграция цифровых стандартов, оптимизация логистики и снижение цифрового неравенства критически важны для дальнейшего роста. ЕАЭС обладает значительным потенциалом для увеличения трансграничной электронной торговли.

Ключевые слова: электронная коммерция; ЕАЭС; мобильная коммерция; цифровизация; трансграничная торговля; маркетплейсы.

PROSPECTS FOR E-COMMERCE DEVELOPMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K. D. Malakhova[a], K. O. Alexeeva[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, eco.malahovaKD@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, eco.alexeevKO@bsu.by
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

The relevance of the study stems from the rapid growth of e-commerce in the EAEU, where digital transformation opens new opportunities for businesses and consumers. The study analyzes key trends, including the growth of mobile and social commerce. The integration of digital standards, optimization of logistics and reduction of digital inequality are crucial for further growth. The EAEU has significant potential to increase cross-border e-commerce.

Keywords: e-commerce; EAEU; m-commerce; digitalization; cross-border trade; marketplaces.

Электронная коммерция (ЭК) представляет собой систему осуществления коммерческих операций, включающую рекламу, маркетинг, продажу товаров и услуг посредством электронных коммуникационных средств и цифровых технологий. Данная отрасль характеризуется высо-

кой динамикой развития, предоставляя значительные возможности как для бизнеса, так и для потребителей.

В условиях цифровизации экономики ЭК демонстрирует устойчивый рост, занимая все более значимое место в мировой торговле. Основными факторами данного роста выступают развитие технологий, увеличение количества интернет-пользователей, а также трансформация потребительских моделей поведения. Крупные компании активно интегрируют инновационные решения – такие как искусственный интеллект (ИИ), технологии блокчейн, автоматизация логистических процессов – что позволяет оптимизировать внутренние процессы и повышать качество клиентского взаимодействия. Вместе с тем сохраняются значительные региональные различия: в то время как в развитых странах электронная торговля уже занимает заметную долю рынка, в развивающихся экономиках сохраняется значительный потенциал для роста.

Одним из наиболее перспективных направлений в сфере электронной коммерции является мобильная коммерция (*m-commerce*) – процесс покупки и продажи товаров и услуг с использованием мобильных устройств, включая смартфоны и планшеты. Ключевые формы мобильной коммерции включают интернет-магазины, мобильные платежи, бронирование билетов, получение информации о продуктах и услугах и т. д. Объем продаж в данном сегменте достиг 2,07 трлн долл. США в 2024 г. (см. рисунок).

Продажи мобильной коммерции.

Источник: [1]

Еще одним актуальным направлением становится социальная коммерция, которая поддерживает социальное взаимодействие при продаже товаров и услуг посредством социальных сетей. Согласно исследованию компании *Kepios*, около 60 % населения активно используют социальные сети, в среднем проводя в них 2 часа и 21 минуту в день. Наиболее популярными платформами являются: *YouTube* – 3,9 млрд активных пользователей; *Facebook* – 2,1 млрд; *Instagram* – 1,6 млрд; *WeChat (Weixin)* – 1,38 млрд; *Reddit* – 1,1 млрд; *TikTok* – 954 млн; *X (Twitter)* – 909 млн; *Telegram* – 900 млн.

Согласно исследованию *Hostinger*, 82 % потребителей используют социальные сети для поиска и изучения информации о товарах. Наиболее часто используется *YouTube* (52 %), *Facebook* (45 %), *Instagram* (38 %) и *TikTok* (34 %), что подтверждает растущее влияние социальных платформ на потребительское поведение [2].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Он объединяет пять государств постсоветского пространства: Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Республику Беларусь, Республику Армения и Кыргызскую Республику. Согласно последним данным Евразийской экономической комиссии, совокупный рынок союза насчитывает около 185,9 млн человек при общем объеме ВВП 2,6 трлн долл. США, что создает значительный потенциал для развития электронной коммерции в регионе [3].

Анализ развития ЭК в рамках ЕАЭС позволяет выявить существенную дифференциацию между государствами-членами. Российская Федерация, занимающая лидирующее положение в экономическом пространстве Союза (86,8 % совокупного ВВП), демонстрирует устойчивый рост сектора цифровой торговли. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), объем российского рынка электронной коммерции в 2023 г. увеличился на достиг 6,4 трлн руб., что соответствует примерно 70 млрд долл. США [4].

Республика Казахстан, занимающая вторую позицию по экономическому потенциалу в рамках Союза, демонстрирует устойчивый рост онлайн-торговли на 29,4 % за 2024 г. согласно отчету Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Доля электронной торговли в общем объеме розничной торговли составила 14,1 %, что отражает активное внедрение цифровых финансовых технологий в стране. Особенностью казахстанского рынка является быстрое развитие собственных платформ электронной коммерции, успешно конкурирующих с международными игроками [5].

Ситуация в Республике Беларусь представляет особый интерес с точки зрения развития цифровой инфраструктуры, так как уровень проникновения интернета достиг 89,5 % в начале 2024 г. По информации Министерства антимонопольного регулирования, объем рынка интер-

нет-торговли в 2023 г. составил 5,2 млрд бел. руб. Важной характеристикой белорусского рынка является его роль как связующего звена между ЕАЭС и Европейским союзом, что способствует развитию трансграничной электронной коммерции [6; 7].

В Кыргызской Республике уровень проникновения Интернета в 2024 г. находился на уровне 79,8 % [8].

Республика Армения, согласно отчету Центрального банка, продемонстрировала рекордный рост онлайн-продаж – 75 % в 2024 г. Аналитики связывают данный феномен с активным развитием *IT*-сектора и финансовых технологий [9].

Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС создают новые возможности для развития электронной коммерции. По данным Евразийской экономической комиссии, внедрение единых цифровых стандартов способствовало увеличению взаимной торговли на 18,7 %, при этом особенно значительный прогресс наблюдается в секторе трансграничной электронной коммерции – 23,4 %. Эти показатели свидетельствуют об эффективности выбранной модели экономической интеграции и наличии значительного потенциала для дальнейшего роста.

Согласно «Цифровой повестке ЕАЭС до 2025 года», принятой Советом Евразийской экономической комиссии, интеграционные процессы в сфере цифровой торговли будут развиваться по следующим направлениям: формирование единого цифрового пространства с прогнозируемым увеличением доли трансграничных онлайн-продаж, гармонизация нормативно-правовой базы, оптимизация логистических цепочек, а также внедрение системы цифровой маркировки товаров. При этом каждая страна-участница демонстрирует уникальные траектории развития, обусловленные как уровнем цифровизации экономики, так и спецификой институциональной среды [10].

Российская Федерация как крупнейший участник Союза фокусируется на трансформации федеральных маркетплейсов в глобальные торговые платформы. По оценкам международной консалтингово-аналитической компании *IMARC Group* объем интернет-торговли к 2033 г. вырастет до 142,62 млрд долл. США, при увеличении среднегодового прироста до 9 %.

Наблюдается стремительный рост внедрения искусственного интеллекта (ИИ), анализа больших данных и облачных вычислений, для предложения персонализированных покупок и оптимизации своей деятельности [11].

Казахстанский рынок электронной торговли развивается по модели глубокой интеграции банковских сервисов и торговых платформ. К 2025 г. доля безналичных расчетов в розничном обороте достигла 65 %, а уровень проникновения онлайн-платежей составляет 75 % населения. Особый акцент делается на развитии экспортного потенциала малого и среднего бизнеса через маркетплейсы – поставлена задача увеличения соответствующих показателей в 2,5 раза. Формирование региональных логистических хабов и внедрение *AI*-решений для персонализации поку-

пательского опыта становятся ключевыми элементами стратегии цифровой трансформации [12].

Белорусская модель электронной коммерции ориентирована на использование геополитического положения страны. Согласно прогнозам Белорусской ассоциации электронной торговли, транзитные потоки между ЕАЭС и ЕС могут увеличиться на 40–45 % благодаря модернизации складской инфраструктуры. Особое внимание уделяется развитию *B2B*-платформ для промышленной кооперации и созданию специализированных *IT*-решений для управления цепочками поставок.

На общесоюзном уровне ключевым интеграционным проектом может стать создание единой системы *QR*-платежей, внедрение которой запланировано на 2025 г. Разработка распределенной системы таможенного декларирования позволит сократить сроки обработки трансграничных отправлений на 60 %, а формирование общего реестра онлайн-продавцов создаст основу для повышения доверия в цифровой торговле [13].

Решение проблемы цифрового неравенства требует комплексного подхода, учитывающего трехкратный разрыв в доступности услуг между крупными городами и регионами, низкий уровень вовлеченности старшего поколения и существенную разницу в цифровизации между крупным и малым бизнесом. Реализация этих задач предполагает синхронизацию национальных цифровых стратегий, создание механизмов финансирования трансграничных проектов и развитие системы непрерывного образования в сфере цифровых компетенций.

Перспективы развития электронной коммерции в ЕАЭС, как свидетельствует анализ, определяются сложным взаимодействием общих интеграционных процессов и национальных моделей цифровизации. Успешная реализация этих перспектив позволит не только увеличить объемы цифровой торговли, но и создать новые точки экономического роста, способствуя углублению экономической интеграции в рамках Союза. Ключевым фактором становится разработка гибких механизмов гармонизации, учитывающих специфику развития электронной коммерции в каждой стране-участнице.

Библиографический список

1. Mobile Commerce Growth (2017–2028) // OBERLO. – URL: https://www.oberlo.com/statistics/mobile-commerce-sales (дата обращения: 04.04.2025).

2. Matleena, S. Social Commerce: The Ultimate Guide / S. Matleena // Hostinger Tutorials. – 29.07.2025. – URL: https://www.hostinger.com/tutorials/social-commerce (дата обращения: 05.04.2025).

3. Евразийский экономический союз. – URL: https://www.eaeunion.org/#about (дата обращения: 04.04.2025).

4. Смирнов, В. Обзор рынка интернет-торговли в России / В. Смирнов // ПРО КАЧЕСТВО. – URL: https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/obzor-rynka-internet-torgovli-v-rossii/ (дата обращения: 04.04.2025).

5. Об электронной коммерции в Республике Беларусь (2024 г.) // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Ре-

спублики Казахстан. – URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/local-market/publications/346329/ (дата обращения: 04.04.2025).

6. Digital 2024: Belarus // DATAREPORTAL. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus (дата обращения: 04.04.2025).

7. Рожко, Д. Белстат рассказал, какие товары белорусы чаще всего покупали в интернет-магазинах в 2023 году / Д. Рожко // СБ – Беларусь Сегодня. – 25.07.2024. – URL: https://www.sb.by/articles/belstat-rasskazal-kakie-tovary-belorusy-chashche-vsego-pokupali-v-internet-magazinakh-v-2023-godu.html (дата обращения: 04.04.2025).

8. Digital 2024: Kyrgyzstan // DATAREPORTAL. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-kyrgyzstan (дата обращения: 04.04.2025).

9. Оборот электронной торговли в Армении в 2024 году вырос почти на 75 % // PanARMENIAN.Net. – URL: https://www.panarmenian.net/m/rus/news/320151 (дата обращения: 04.04.2025).

10. Цифровая повестка ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/ (дата обращения: 04.04.2025).

11. Russia E-commerce Market Size, Share, Trends and Forecast by Type, Transaction, and Region, 2025-2033 // IMARC Group. – URL: https://www.imarcgroup.com/russia-ecommerce-market (mode of access: 04.04.2025).

12. Рынок интернет-эквайринга Казахстана 2025: тренды, вызовы и потребности клиентов // CNP Processing GmbH. – URL: https://processing.kz/tpost/dgouvz9jm1-rinok-internet-ekvairinga-kazahstana-202 (дата обращения: 05.04.2025).

13. Состоялось обсуждение вопросов осуществления расчетов на пространстве ЕАЭС и использования цифровых валют центральных банков // Российский союз промышленников и предпринимателей. – URL: https://rspp.ru/events/news/sostoyalos-obsuzhdenie-voprosov-osushchestvleniya-raschetov-na-prostranstve-eaes-i-ispolzovaniya-tsi-61800b199ae8c/?sphrase_id=6148935 (дата обращения: 04.04.2025).

METHODS FOR ANALYZING THE RESULTS OF A DIGITAL MARKETING STRATEGY

A. V. Mammadova

Azerbaijan University of Technology,
103 Khatai Avenue, Ganja AZ2011, Azerbaijan, a.memmedova@atu.edu.az

We are already living in an era of high development of science and technology. Every passing day, new technologies and innovations are discovered and applied to areas of activity. In order not to be left behind in this period of rapid development, countries pay great attention to the application of new innovations and develop many state programs. As in all areas, new innovations are widely used in business and entrepreneurial activities. The main factor in the development of businesses is the organization of a proper management system and a proper development strategy. Marketing policy plays the most important role in the development strategies of businesses. The more correctly and successfully the marketing strategy is organized, the higher the probability of development will be. Therefore, companies devote a special place to marketing when preparing their future plans.

Keywords: marketing; digital marketing; marketing strategy; innovation; business.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА

А. В. Маммадова

Азербайджанский Технологический университет,
пр. Хатаи, 103, AZ2011, г. Гянджа, Азербайджан,
a.memmedova@atu.edu.az

Мы уже живем в эпоху высокого развития науки и техники, где каждый день открываются новые технологии и инновации, которые применяются в различных сферах деятельности. Чтобы не отстать в этот период стремительного развития, страны уделяют большое внимание применению новых инноваций и разрабатывают множество государственных программ. Как и во всех областях, новые инновации широко используются в бизнесе и предпринимательской деятельности. Основным фактором развития бизнеса является организация надлежащей системы управления и надлежащей стратегии развития. Маркетинговая политика играет важнейшую роль в стратегиях развития бизнеса. Сделаны выводы, что чем правильнее и успешнее организована маркетинговая стратегия, тем выше вероятность развития. Поэтому компании уделяют маркетингу особое место при составлении своих планов на будущее.

Ключевые слова: маркетинг; цифровой маркетинг; маркетинговая стратегия; инновации; бизнес.

The field of marketing has also constantly developed during the development period of humanity. The concept of marketing that emerged in the early days is completely different from the concept of marketing in the modern era. The continuous development of technologies and the application of new innovative

ideas have affected the field of marketing, as well as all fields. With the entry of computers into our lives, a new era has begun in the field of marketing. This is called digital marketing.

Continuous monitoring and control of results is also a very important process in the successful implementation of a digital marketing strategy. Because, when implementing a digital marketing strategy, we may encounter some successful and unsuccessful moments [1]. What is important here is to carry out correct analyses and make the right decisions for the future of the company. If an advertising campaign is not progressing properly, if it does not cover the costs invested, there is no point in continuing it to the end and wasting financial resources. Or, conversely, if a strategy is continuing very successfully, it is necessary to reduce the attention to other campaigns and focus on this strategy. In order to properly evaluate all these issues, it is necessary to conduct continuous analysis. In the language of digital marketing, there are methods called «tracking methods», which are the most widely used methods in world practice. In general, there are 3 main modules that can be used to analyze digital marketing indicators. These are the following:

– Building and using analytical programs;
– Formulas used to calculate digital marketing indicators;
– Application and analysis of the concept of «customer journey» [2];

These 3 methods are very valuable for companies, and each helps analyze different indicators, identify problems, and develop solutions. Let's take a look at each of the 3 methods separately:

Building and using analytical programs;

«Google analytics» is the most important and popular analytics application. It helps to obtain many different indicators depending on the field of activity. These indicators include website statistics, user profile data, customer behavior data, location data, device diversity, e-commerce statistics, customer feedback, and many other tools. Statistical indicators of modules such as «SEO», «SEM» can also be obtained through this application. Using the «Google analytics» application, you can find answers to some important questions:

How many visitors does my website get per month?
How many visitors do I currently have on my website?
How do visitors find my website and through what channels do they access it?
How does my social media presence translate into website visits?
Which of my content drives the most traffic?
How many pages do my visitors read on average?
Where are my visitors located geographically?
Do mobile users use the website more than desktop users?
How do my users convert into potential customers?
Which marketing activity drives the best quality traffic?
Are my marketing campaigns generating revenue?

Facebook Business Manager has more or less the same features as Google's app. It simply allows you to manage and monitor your social media platforms and marketing campaigns [3].

Google's main competitor in the market is Microsoft's applications. Through Microsoft Advertising and Microsoft Dynamics 365 applications, it is possible to track the results of websites and advertising campaigns.

Formulas used to calculate digital marketing indicators;

This section is divided into two parts: «KPIs» and metrics.

«KPI» (Key Performance Indicator) refers to key single indicators. The main function of this module is to compare and evaluate the results achieved and make decisions about the future.

Examples of «KPI» indicators include the following:

«ROI» (Return on investment) is translated into our language as return on investment. The main goal here is to calculate the ratio between the costs incurred and the profit achieved. The formula is ((income-expenses)/expenses)*100. For example, if 1200 AZN of income was achieved and 700 AZN was spent on marketing, the «ROI» coefficient of this campaign will be ((1200-700)/700)*100=71 %.

The «CR» (conversion rate) coefficient is also called the return coefficient, it is used to calculate how much return coefficient is achieved from a marketing campaign. The formula is ((conversion / traffic)*100). For example, 5000 people viewed the advertisement, 200 of whom made a purchase. The «CR» of this advertisement will be ((200/5000)*100)=4.

Metrics:

Metrics are designed to instantly calculate the advertising returns received with a given advertising budget. The calculation formulas here also vary depending on the type of advertising given.

– «CPC» is the most popular advertising method. The explanation of this method (Cost Per Click) is understood as payment for each click. In some sources (it is indicated as PCP- pay per click). The main goal here is to determine how much money is spent on average per click. Calculation method:

It is in the form of CPC= (total cost/total clicks).

– «CPM» (Cost per mille) is used to determine the cost per 1000 clicks. Calculation method:

CPM is in the form of = (cost/number of impressions)*1000.

– «CTR» (Conversion Through Rate) is intended to determine the ratio between viewers who click on an ad and those who simply view the ad. This indicator shows how effective the ad is. Calculation method:

It is of the form CTR=(number of clicks/number of impressions).

– «CPW» (Cost Per View) is intended to determine the payment criterion for each view. It is mainly intended for video advertising, and is effectively applied on video platforms such as «Youtube», «DailyMotion», etc.

Calculation method: CPW= (cost/number of video views)

– «CPA» (Cost Per Action) is used to calculate customer actions. For example, you have allocated an advertising budget of 1000 AZN, and at the end of the advertisement 75 products are sold. CPA is calculated as (1000/75)=13.33. 13.33 AZN of advertising budget was spent for each sale.

Application and analysis of the concept of «customer journey»;

During a digital marketing strategy, the client goes through 5 main stages.

These are as follows:

– Awareness;
– Interest;
– Consideration;
– Conversion;
– Retention.

The mechanism of these actions is called the «Customer Journey». The diagram that shows how customers perform these actions is called the «Customer Journey Map».

First, we will look at the «awareness» stage. The most important thing here is that while viewers are «surfing», they are exposed to thousands of advertising shares. However, if we stop without passing any advertising, if we look at the information, this means that the customer is already in the Íawareness» stage.

The second stage is the «interest» stage. The action that customers take after the «awareness» stage is called the «interest» stage. The main requirement for the «interest» stage is that the customer clicks through, fills out a form, or responds to another «call to action».

The third stage is the «consideration» stage. At this stage, the customer is already in the decision-making stage.

The fourth stage is the «conversion» stage. This stage is the final customer action in the «customer journey» scheme. Customers in this stage successfully complete their journey from start to finish, completing a purchase or service.

The fifth and final stage is the «retention» stage. The main goal of this stage is to re-direct customers who have successfully passed each of the four stages to advertising processes or to purchasing and using services.

The future of digital marketing will continue to be shaped by the greater integration of artificial intelligence and data analytics. These technologies are expected to support strategic business decisions, improve customer experience, and provide competitive advantage. Digital marketing powered by artificial intelligence will enable innovative and effective marketing strategies that were not previously possible, and will enable companies to achieve more sustainable success [4].

In conclusion, all stages of digital marketing campaigns should be monitored and the results analyzed. Because this process is interconnected like a chain and each stage is equally important. If we do not investigate the reasons for the customer stopping the action at an earlier stage, we may experience problems of losing the customer in the future.

References

1. Diamond, S. Digital Marketing for Dummies / S. Diamond. – Hoboken : Wiley, 2018. – 432 p.

2. Gokshin, E. Digital Marketing Basics / E. Gokshin. – Istanbul : Digital Books, 2017. – 210 p.

3. Chaffey, D. Digital Business and E-commerce Management / D. Chaffey. – London : Pearson, 2015. – 640 p.

4. Kingsnorth, S. Digital Marketing Strategy / S. Kingsnorth. – London : Kogan Page, 2022. – 384 p.

ANALYSIS OF STATISTICAL INDICATORS OF DIGITAL MARKETING IN THE WORLD ECONOMY

S. I. Mehtiyeva

Azerbaijan University of Technology,
103 Khatai Avenue, Ganja AZ2011, Azerbaijan, a.memmedova@atu.edu.az

When we look at our modern era, we see that the role of digital marketing in the world economy is undeniable. One of the main reasons for this is the increasing integration of new technologies into our daily lives. People now need things that will improve their lives and save them time. These needs have also had their impact on the marketing field. Companies are now formulating new innovative ideas to connect with customers. The digital marketing field also plays a major role in the application of these ideas.

Keywords: digital marketing; marketing; marketing strategy; innovation, customer behavior.

АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

С. И. Мехтиева

Азербайджанский технологический университет,
пр. Хатаи, 103, AZ2011, г. Гянджа, Азербайджан, a.memmedova@atu.edu.az

Когда мы смотрим на нашу современную эпоху, мы видим, что роль цифрового маркетинга в мировой экономике неоспорима. Одной из главных причин этого является растущая интеграция новых технологий в нашу повседневную жизнь. Сегодня люди нуждаются в вещах, которые улучшат их жизнь и сэкономят им время. Эти потребности также оказали влияние на сферу маркетинга. В настоящее время компании разрабатывают новые инновационные идеи для установления контактов с клиентами. Сфера цифрового маркетинга также играет важную роль в применении этих идей.

Ключевые слова: цифровой маркетинг; маркетинговая стратегия; инновации; поведение потребителей

The number of people in the world is constantly increasing. This increase is also reflected in the increase in the number of internet users. The internet and social networks have now become an integral part of our lives. The latest issue of the magazine «We are social» for 2023 stated that 66.2 % of the world's population is an active internet user. The world's population uses social media for 2–3 hours a day [1].

When using digital marketing, companies can connect with customers and gain the most ideal opportunities to maintain the existing customer portfolio. During this type of advertising, they can evaluate customer behavior in the most effective way.

Digital marketing strategies allow companies to shape their advertising budgets in the most ideal way, so that companies can achieve the most ideal results with the most appropriate budget.

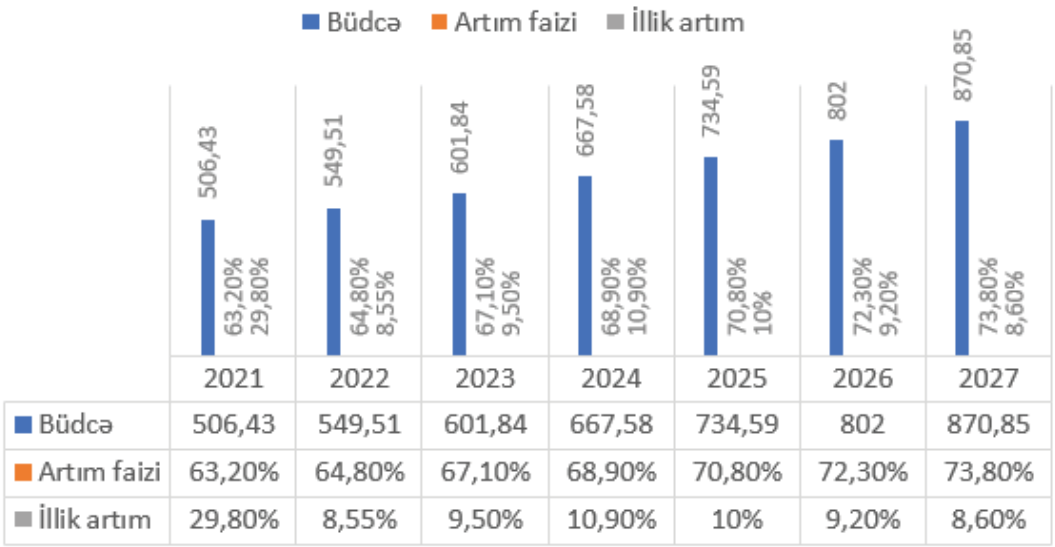
The field of digital marketing is able to keep up with the modern era. This can be easily observed when we look at the developing world of the internet every day. The concept of artificial intelligence, which has recently entered our lives, can also effectively manifest itself in this field. Also, digital marketing provides companies with fast and effective tools to promote new products and services [2].

We are already living in an era where the competitive environment is developing sharply. To meet the demands of this era, it is necessary to follow the steps of your competitors and always take measures to stay ahead of them. For this, the ideal option is to use digital marketing strategies.Through these strategies, companies can present their products and services to a wider audience worldwide, which gives them the prospect of gaining more customers and increasing their share in international markets.

In general, the role of digital marketing in the modern economy is significant and growing. By taking advantage of these technologies, companies have better opportunities to improve customer relationships, effectively manage marketing costs, support innovation and increase global competition. With the impact of digital marketing on the economy, this trend is expected to continue to play an even more important role in the future [3].

All of these points are also reflected in statistical indicators.

In general, to understand how large a market share the digital marketing field has in the world economy, we will look at the statistics of recent years. The statistics published on the «insiderintelligence.com» platform show the figures of the Digital Marketing field in recent years and the predicted indicators for the future. Look at those statistics.

	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027
Büdcə	506,43	549,51	601,84	667,58	734,59	802	870,85
Artım faizi	63,20%	64,80%	67,10%	68,90%	70,80%	72,30%	73,80%
İllik artım	29,80%	8,55%	9,50%	10,90%	10%	9,20%	8,60%

Fig. 1. Budgets spent on digital marketing 2021–2027.

Source: [2]

Based on the information reflected in this graph, we can say how important digital marketing has become. Especially as a result of the application of new technologies, the funds allocated to this field have increased significantly. In 2021, $506.43 bln was spent. This is an increase of 29.80 % compared to previous years. In 2022, the budget spent on digital marketing increased by 8.55 % to $549.51 bln. In 2023, it exceeded the $600 bln mark for the first time. However, in the 1st quarter of the year, a forecast of $555–580 bln was given. These indicators give us reason to say that the digital marketing sector is experiencing its highest development period and will continue to increase its market share. The main marketing strategy of companies is now connected with digital platforms. This can be clearly seen in the forecasts for the coming years. It is expected to exceed $667 bln by 2024, showing a 10 % increase. These indicators are symbolic and are revealed simply as a result of calculating previously planned and expected expenditures. New companies entering the market or implementing new advertising campaigns during the year can cause the figures to be higher than expected. According to forecasts, the budget spent on digital marketing is expected to reach $700 bln in 2025, and a new record in 2026, exceeding $800 bln. There are main reasons for the increase in these indicators. To analyze them, it will be necessary to look at the results of another research company.

There is a research and statistics company called «We are social» that is known as the most accurate statistics collection agency in the world and is considered the most powerful digital marketing agency in the world. They regularly publish statistics related to digital marketing. Let's take a look at the statistics published for January 2024:

– The world population has exceeded 8.08 bln.

– 5.61 bln of the world's population uses mobile phones, which is 69.4 percent of the total world population.

– 5.35 bln of the world's population are active internet users. This figure is 66.2 percent of the world's population.

5.04 bln of the world's population are active social media users. 62.3 % of people worldwide use social media in their daily lives. This shows us how important social networks play in digital marketing [1].

The most important element for digital marketing is naturally the internet. Without the internet, the concept of digitalization would not exist. In digital marketing, communication with customers is carried out through different internet channels. Therefore, when assessing the potential market, it is also important to consider internet usage statistics. Let's take a look at the internet usage indicators announced by the «We are Social» agency for 2024:

The increase in the world population has had its impact on these statistics. As a result, the number of internet users has also shown a continuous increase. In 2023, this number has exceeded 5.158 bln, showing a further increase of 1.9 %.

The average time spent on the internet worldwide is 6 hours and 37 minutes per day. For comparison, the average time spent on TV/radio is 3 hours and

23 minutes (59 minutes per day for radio alone). This shows us how digital marketing is superior to traditional marketing.

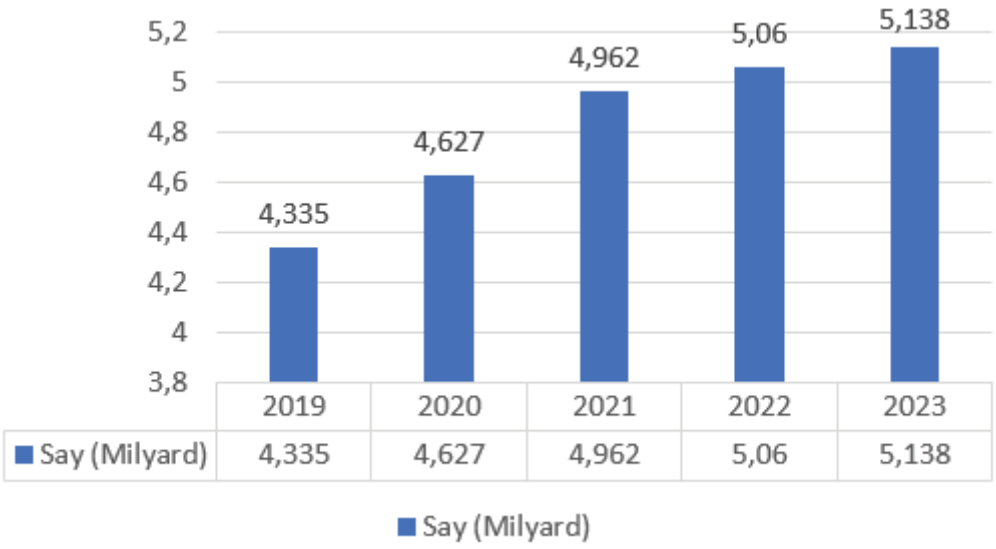

Fig. 2. Internet user figures by year.

Source: [3]

The average daily social media usage rate worldwide is 2 hours and 31 minutes. This is a high indicator for digital marketing. It encourages companies to be active on social networks.

The average time spent reading on digital platforms worldwide is 2 hours and 10 minutes per day. These figures highlight how effective websites and blogs are. People now prefer to get news from these types of digital platforms rather than newspapers and magazines.

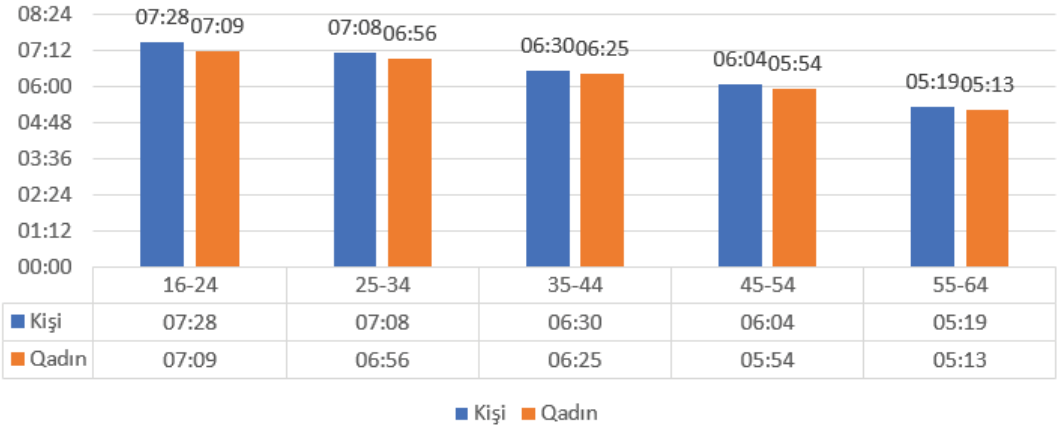

Fig. 3. Internet usage by age group.

Source: [3]

This statistic is extremely important for digital marketing strategies. Because, when developing digital marketing strategies, determining the target audience is a very important process. For this, it is necessary to decide for which

target audience the offered service or product is effective. As can be seen in the graph, representatives of the younger age group are more active. Therefore, it is considered more appropriate to publish advertisements intended for that age group on digital marketing channels.

The next statistic is related to the reasons why internet users use the internet. This allows you to get an idea of how much time potential customers spend on which platforms on the internet. For example, internet users between the ages of 55 and 64 spend more time on news sites and news pages. Therefore, these statistics play an important role in digital marketing.Looking at the statistics, internet usage is:

The highest indicator with 57.8 % is spent on obtaining any information, conducting research. Therefore, famous brands pay attention to infographic content. In our country, well-known brands such as «Kontakt Home», «Irshad», «Bacu Electronics» also successfully use this content strategy.

In second place with 53.7 % is the use to connect with family and friends. This high figure has led some messenger apps to place advertisements here. Through «Facebook Messenger» now advertising messages go directly to the inbox, through G-mail, companies send information about their advertisements directly.

The third place with 50.9 % is for receiving information about news, events, and activities. Advertising on platforms belonging to this group is very common. Platforms such as «Milli.az», «Oxu.az», «Edumap.az», «Bunker.az» currently have very high user traffic in our country and are constantly broadcasting advertisements.

With 49.7 %, the innovations brought by digitalization are effectively taken by film and video platforms. TV series and shows have already lost most of their viewers to these platforms. Platforms such as YouTube and Netflix have far more views than television.

The fifth place, at 47.6 %, is occupied by the use of how to do something. Here, the concept of food recipes, the difficulties associated with digital platforms, or informative content come to the fore.

The sixth place with 44.3 % is related to the discovery of new ideas. Here, artificial intelligence tools play an important role.

The seventh place with 43.4 % is the most important part for digital marketing. It is related to the discovery of new products and brands. Companies should maintain an optimal level by using different strategies such as SEO, SEM, SMM for their products and services.

Next in line with 43.2 % is the most discussed and criticized part of the world. Music platforms. Advertising for viewers is absolutely unacceptable here. Spotify uses such ads, which is seriously displeasing.

The next most popular use is for leisure purposes, with 41 %, with social networks and platforms offering entertainment content being at the forefront.

The next highest usage is for education and personal development at 38.3 %. This is due to people adapting to distance learning during and after the pandemic.

The next step, with 36.4 %, is related to tourism and travel.

The next step, with 34.7 %, is related to health and healthcare.

The next step, with 33.7 %, is the exploration of finance and financial resources.

The gaming sector, which is the main area of interest for the younger generation, is in the next position with 30.5 %.

The last two places at the top are for dating and communication with 29 % and business-related research with 28 % [1].

As a result, continuous analysis of these statistics related to digital marketing can ensure that companies adapt quickly and effectively to sectoral changes and restructure their strategies accordingly. These analyses allow companies to determine which methods are more effective in their marketing activities and to use their resources more efficiently. Thus, decision-making processes based on such statistical data are vital when using digital marketing.

References

1. We Are Social : Digital Report 2024 . – London : We Are Social, 2024. – 480 p. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2024/01/digital-2024/ (date of access: 01.04.2025).

2. Kingsnorth, S. Digital Marketing Strategy / S. Kingsnorth. – London : Kogan Page, 2022. – 384 p.

3. We Are Social : Digital Report 2023. – London : We Are Social, 2023. – 450 p. – URL: https://wearesocial.com/wp-content/uploads/2023/03/Digital-2023-Global-Overview-Report.pdf (date of access: 01.04.2025).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Т. А. Онисько[1)], Н. И. Шандора[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tayonisko@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

В современных условиях цифровая трансформация оказывает значительное влияние на все аспекты жизни общества, включая социальную сферу. Это направление охватывает здравоохранение, образование, социальную защиту, культуру и другие важные компоненты, направленные на обеспечение благополучия населения. Цифровизация социальной сферы позволяет существенно повысить эффективность и доступность услуг, особенно для уязвимых категорий граждан. Цель данной работы – проанализировать влияние цифровых технологий на оказание социальных услуг, выявить основные направления цифровизации в социальной сфере, а также определить возможности и риски, связанные с внедрением современных ИКТ. Проведенный анализ указывает на то, что внедрение цифровых технологий в социальную сферу выступает ключевым фактором для повышения доступности предоставляемых услуг. Цифровые инструменты способствуют оптимизации управленческих процессов, обмена данных и взаимодействия между гражданами и организациями социальной сферы. В то же время, результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего развития цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: социальная сфера; социальные услуги; цифровые технологии; цифровизация; телемедицина; большие данные; блокчейн; кибербезопасность.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON SOCIAL SERVICE DELIVERY

T. A. Onisko[a], N. I. Shandora[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tayonisko@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

In modern conditions, digital transformation has a significant impact on all aspects of society, including the social sphere. This direction includes health care, education, social protection, culture and other important components aimed at ensuring the well-being of the population. Digitalization of the social sphere allows to significantly improve the efficiency and accessibility of services, especially for vulnerable categories of citizens. The purpose of this paper is to analyze the impact of digital technologies on the delivery of social services, to identify the main directions of digitalization in the social sphere, as well as to determine the opportunities and risks associated with the introduction of modern ICT. The analysis indicates that the introduction of digital technologies into the social sphere is a key factor in increasing the availability of services. Digital tools help optimize management processes, data exchange, and interaction between citizens and

social organizations. At the same time, the results of the study emphasize the need for further development of digital infrastructure.

Keywords: social sphere; social services; digital technologies; digitalization; telemedicine; big data; blockchain; cybersecurity.

В современных условиях цифровая трансформация оказывает значительное влияние на все аспекты жизни общества. Основными сферами общества выступают экономическая, политическая, социальная и духовная. Приоритетной задачей социальной сферы является создание оптимальных и результативных условий жизнедеятельности населения за счет рационального и сбалансированного использования ресурсов. К ключевым направлениям можно отнести: развитие человеческого и социального капиталов за счет обеспечения более широкого доступа к образованию и повышения уровня его качества в соответствии с актуальными потребностями общества; содействие формированию здорового образа жизни населения, совершенствование системы медицинского обслуживания и усиление профилактической направленности здравоохранения; формирование результативной системы социальной защиты в области социально-трудовых отношений, регулирования занятости и безработицы, а также развитие адресных мер поддержки уязвимых групп населения на рынке труда и др. В силу разнообразия выполняемых функций социальная сфера, являясь подсистемой общества, организуется по отраслевому принципу. В ее структуре выделяются такие отрасли, как образование и здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, общественный транспорт и питание, бытовое обслуживание, сфера спорта и туризма, пенсионное обеспечение, социальная защита населения, а также система социально-трудовых отношений и охраны труда. Ключевым требованием долгосрочного развития общества является необходимость инновационного курса страны, и решением может стать внедрение цифровых технологий не только в сферу, включая социальную [1, с. 70–71].

Проведение качественной цифровизации может способствовать автоматизации процессов, снижению бюрократических барьеров и улучшению взаимодействия между государственными органами, организациями и гражданами. Развитие цифровых технологий позволит:

– оптимизировать работу социальных служб;
– обеспечить доступность услуг в удаленных и сельских районах;
– минимизировать коррупционные риски;
– ускорить процесс принятия решений благодаря использованию искусственного интеллекта и аналитики больших данных.

Успешная цифровизация социальной сферы обусловлена стремлением повысить качество жизни и обеспечить устойчивое развитие человеческого капитала с помощью информационных технологий. Реализация этого требует комплексного подхода.

Успешная цифровизация социальной сферы обусловлена стремлением повысить качество жизни и обеспечить устойчивое развитие человече-

ского капитала с помощью информационных технологий. Реализация этого требует комплексного подхода, учитывающего три ключевых фактора. Во-первых, на микроуровне успех цифровизации зависит от потребностей и ожиданий различных социальных групп, а также от их готовности к использованию новых технологий. Во-вторых, наличие развитой технологической базы. Необходима достаточно развитая отечественная технологическая инфраструктура, способная оперативно адаптировать и внедрять передовые мировые решения. В-третьих, постоянное увеличение спроса со стороны населения является движущей силой развития цифровых технологий в социальной сфере, особенно в секторе *B2C* (бизнес для потребителя).

Цифровые технологии кардинально меняют предоставление социальных услуг, делая их более персонализированными, эффективными и доступными. Ключевыми технологиями являются: искусственный интеллект (ИИ) и большие данные (*Big Data*) для анализа больших массивов данных, прогнозирования социальных нужд и персонализации услуг; блокчейн для повышения прозрачности, безопасности социальных выплат и предотвращения мошенничества; интернет вещей (*IoT*) для удаленного мониторинга здоровья и обеспечения безопасности (например, в домах престарелых); робототехника и автоматизация для внедрения чатботов и виртуальных помощников; облачные технологии для хранения и доступа к данным; и биометрическая идентификация для ускорения предоставления услуг.

Можно выделить основные последствия цифровизации социальной сферы:

– потенциал повышения ориентации информации на социальную сферу;

– создание условий для роста культурного уровня населения благодаря развитию цифровизации;

– «цифровое неравенство»;

– рост новых профессий и др. [2, с. 58-61].

Цифровизация социальной сферы может развивается в следующих направлениях:

– электронные социальные услуги – возможность подачи заявлений на пособия, льготы и субсидии онлайн;

– мобильные приложения – доступ граждан к информации о социальных услугах, запись на прием к специалистам;

– телемедицина – дистанционные медицинские консультации, удаленный мониторинг состояния здоровья;

– цифровая инклюзия – программы по обучению цифровой грамотности социально уязвимых групп;

– развитие суперсервисов – комплексное предоставление социальных услуг на единой платформе без необходимости посещения различных инстанций.

Несмотря на достигнутый прогресс в повышении информирован-ности граждан о социальных правах, цифровизация социальной сферы находит-

ся лишь на начальном этапе. Для дальнейшего развития необходима комплексная стратегия, охватывающая следующие ключевые направления:

– электронные государственные услуги: усовершенствование порталов государственных услуг и автоматизация систем учета выплат;

– цифровизация медицинских услуг: внедрение электронных медицинских карт, онлайн-консультаций и автоматизированной системы записи на прием;

– цифровизация образования и профессиональной подготовки: развитие онлайн-курсов и дистанционных образовательных платформ;

– цифровая поддержка занятости и социальной защиты: создание автоматизированных платформ поиска работы и электронных программ социальной адаптации;

– цифровые платформы для помощи уязвимым группам: разработка специализированных программ для пожилых людей, многодетных семей и людей с инвалидностью, включая системы мониторинга и оповещения в экстренных ситуациях.

В Беларуси цифровизация социальной сферы реализуется в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы». Государственная программа предусматривает реализацию мероприятий по формированию и развитию современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в экономические отрасли и технологии «умных городов», а также обеспечению информационной безопасности этих решений. Также, основные направления включают:

– развитие электронной медицины и образования;

– внедрение единой системы цифровой идентификации;

– переход на электронный документооборот.

Для достижения поставленных целей проводятся мероприятия, предусмотренные следующими подпрограммами: «Информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития»; «Инфраструктура цифрового развития»; «Цифровое развитие государственного управления»; «Цифровое развитие отраслей экономики»; «Региональное цифровое развитие»; «Информационная безопасность и «цифровое доверие» [3].

Цифровизация социальной сферы открывает значительные возможности для повышения эффективности социальных услуг, но также несет риски, связанные с конфиденциальностью данных, кибербезопасностью и цифровым неравенством.

Неравный доступ к цифровым технологиям и навыкам создает риски социальной исключенности для пожилых людей, малоимущих граждан и других уязвимых групп населения. Это требует разработки специальных программ цифровой инклюзии. Для успешной цифровизации необходимо повышение уровня цифровой грамотности населения, особенно среди старшего поколения. Широкое обучение и доступная информационная поддержка являются ключевыми факторами.

Переход на цифровые платформы создает зависимость от работы технических систем. Возможные технические сбои и ошибки в программном обеспечении могут привести к серьезным нарушениям в предоставлении социальных услуг. Необходимо обеспечить надежность и отказоустойчивость цифровых систем.

Так же цифровизация социальной сферы сопряжена с необходимостью обеспечения надежной защиты персональных данных граждан от утечки и несанкционированного доступа. Это требует высоких стандартов кибербезопасности и строгих мер защиты информации.

Цифровизация социальной сферы – неизбежный процесс, который требует комплексного подхода. Внедрение новых технологий способствует повышению эффективности государственных и частных социальных услуг, но также требует решения вопросов цифрового неравенства и защиты данных граждан. Развитие цифровых государственных платформ, облачных технологий и искусственного интеллекта в социальной сфере позволит создать удобную и доступную систему помощи населению.

Библиографический список

1. Инновационное развитие отраслей социальной сферы / С. А. Шавель [и др.]; под общ. ред. С. А. Шавеля. – Минск : Бел. навука, 2021. – 347.

2. Романова, Н. В. Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы / Н. В. Романова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. – 2020. – № 1 (31). – С. 58–65. – URL: https://ntj-oil.ru/index.php/bul/article/view/10223 (дата обращения: 14.04.2025).

3. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody (дата обращения: 14.04.2025).

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В ОБРАЗОВАНИИ

З. Д. Панфилович[1)], Т. Н. Буренок[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: zaharpanfil@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, byrenoktn@gmail.com
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

Статья посвящена исследованию роли цифровых платформ в современном образовании. Рассмотрены ключевые функции и преимущества онлайн-сред в обучении, а также их влияние на доступность и качество образовательного процесса. Особое внимание уделено практике применения цифровых решений в различных странах, включая Беларусь. Проанализированы статистические данные, подтверждающие рост использования цифровых образовательных платформ, а также выявлены вызовы и перспективы их дальнейшего развития. Выполненный анализ показал, что цифровые платформы становятся системообразующим элементом современного образования, обеспечивая расширение доступности знаний. Их интеграция в учебный процесс способствуют индивидуализации обучения, развитию цифровых компетенций и повышению эффективности образовательного процесса, что подтверждает ключевую роль в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровое образование; образовательные платформы; электронное обучение; онлайн-обучение; *EdTech*.

THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS IN EDUCATION

Z. D. Panfilovich[a], T. N. Burenok[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zaharpanfil@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, byrenoktn@gmail.com
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

The article explores the role of digital platforms in modern education. It examines the main functions and advantages of online learning environments and their impact on the accessibility and quality of the educational process. Special attention is paid to the practical implementation of digital solutions in different countries, including Belarus. Statistical data confirming the growing use of digital educational platforms are analyzed, along with challenges and prospects for their further development. The analysis has shown that digital platforms are becoming a backbone element of modern education, providing increased access to knowledge. Their integration into the educational process contributes to the individualization of learning, the development of digital competencies and the improvement of the effectiveness of the educational process, which confirms its key role in the context of digital transformation.

Keywords: digital education; educational platforms; e-learning; online learning; EdTech.

Цифровые платформы стали неотъемлемой частью образовательной экосистемы, трансформируя традиционные подходы к обучению и открывая новые возможности для преподавателей, учеников и образовательных учреждений. Их роль значительно возросла особенно в условиях пандемии *COVID*-19, когда дистанционное обучение одним из способов поддержания образовательного процесса. Сегодня, с развитием технологий, цифровые платформы становятся не просто вспомогательным инструментом, а центральным элементом образовательной инфраструктуры [1, с. 43].

По определению, цифровая образовательная платформа – онлайн-среда, предоставляющая инструменты для организации, управления и проведения образовательного процесса, включая видеолекции, интерактивные задания, тесты, форумы, систему обратной связи и аналитику успеваемости [2, с. 32]. Среди наиболее известных международных платформ можно выделить *Coursera*, *edX*, *Khan Academy*, а в российской практике – «Сферум», «Российская электронная школа» (РЭШ), «Учи.ру» и др.

По данным Министерства образования Республики Беларусь, в 2023 г. более 99,8 % школ и 100 % вузов были подключены к интернету, а около 80 % учебных заведений используют элементы дистанционного обучения С 2018 г. в Республике Беларусь реализуется экспериментальный проект «Цифровой университет», в котором участвует 33 учреждения высшего образования [3].

В Белорусском государственном университете реализуется проект «Цифровой университет». Реализация проекта «Цифровой университет» осуществляется в рамках Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы инфраструктура «Цифрового университета» в БГУ включает: АИС «Студенты», АИС «Платное обучение», АИС «Управление персоналом» и др. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном и воспитательном процессе включают электронные образовательные ресурсы учебных дисциплин, размещаемых в системе управления обучением Образовательный портал БГУ на базе *LMS Moodle* [4]. Цифровые образовательные платформы являются важной и неотъемлемой частью образовательной среды и образовательного процесса. Также важно отметить существующие намерения Министерства образования по создания единой платформы для электронных дневников.

Рынок *EdTech* в 2023 г. оценивался в 334 млрд долл. США, и ожидается, что к 2029 г. превысит 738 млрд долл., увеличившись до среднегодового показателя на 14,13 % [5].

Рассмотрим наиболее популярные цифровые платформы образовательные платформы в разрезе российского рынка (табл. 1).

Цифровое обучение довольно распространено во многих странах мира. В международной практике можно отметить тенденцию на увеличение числа обучающихся с помощью цифровых технологий (табл. 2).

Таблица 1

Популярные цифровые образовательных платформ в России

Платформа	Основное назначение
Учи.ру	Онлайн-обучение школьников
Сферум	Видеосвязь и цифровая коммуникация
ЯКласс	Домашние задания и проверочные работы
РЭШ	Электронные курсы по школьной программе
Stepik	Открытые онлайн-курсы
Coursera	Онлайн-курсы

Источник: [6–11].

Таблица 2

Распространение цифрового обучения в мире (2022–2023 гг.)

Страна	Процент учащихся, регулярно использующих цифровые платформы
Южная Корея	94 %
Финляндия	89 %
США	86 %
Китай	84 %
Германия	78 %
Россия	72 %

Источник: [12].

Цифровые платформы предоставляют возможность индивидуализации обучения: алгоритмы могут подбирать задания в зависимости от уровня ученика, а учителя получать аналитические данные о прогрессе учащихся. Такие функции активно применяются на платформах «Учи.ру», *Coursera* и *Stepik* [6; 10–11].

Практическая значимость цифровых платформ в образовании так-же проявляется в повышении доступности знаний. Например, благодаря платформам *Coursera* и *edX* студенты из развивающихся стран могут получать знания от ведущих мировых университетов, что ранее было невозможно.

Кроме того, цифровые платформы позволяют:

– внедрять гибридные модели обучения (*blended learning*);

– организовывать совместную работу студентов онлайн (*Miro*, *Zoom*);

– реализовывать практико-ориентированные курсы с обратной связью от экспертов;

– проводить массовые мероприятия (вебинары, олимпиады и пр.).

Тем не менее, несмотря на процессы цифровизации и распространение ИКТ, все еще можно выделить некоторые барьеры:

– цифровое неравенство (разница в доступе к технике и интернету);

– нехватка квалифицированных кадров в сфере ИКТ в образовании;

– проблемы с мотивацией учащихся и адаптацией преподавателей к новым форматам работы;

– переутомление от экранного времени;

– риски информационной безопасности и сложности с педагогическим взаимодействием онлайн.

Важно учитывать эти аспекты при разработке и внедрении цифровых платформ. Для преодоления этих барьеров можно предложить следующие практические меры.

1. Развитие цифровой инфраструктуры и доступности. Необходимо обеспечить широкополосный интернет и доступ к устройствам для всех регионов, включая сельские и отдаленные территории. В Беларуси, например, реализуется государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы», включающая модернизацию ИКТ- инфраструктуры в образовательных учреждениях.

2. Повышение квалификации педагогов. Организация регулярных курсов повышения квалификации и вебинаров по использованию цифровых платформ (например, *Moodle*, *Microsoft Teams*, *Google Classroom*) способствует эффективному применению технологий в обучении. В Беларуси действует Республиканский институт профессионального образования, который активно развивает цифровую педагогическую подготовку.

3. Разработка отечественных цифровых решений. Стимулирование создания локальных образовательных платформ позволит снизить зависимость от зарубежных сервисов и учитывать национальные особенности учебного процесса. Примером может служить национальный образовательный портал, на которой размещены электронные учеб-ники, методички и видеокурсы. В Китае таковой платформой является *XuetangX*, которая при участии университетов Цинхуа и Пекинского университета охватывает более 20 млн пользователей и предлагает бесплатные курсы по широкому кругу дисциплин. Таким образом, данная платформа в основном нацелена на университетское образование и более специализированные дисциплины. «Российская электронная школа» (РЭШ) – государственная цифровая платформа, активно использовавшаяся в период пандемии и ставшая обязательным элементом цифровой трансформации российского образования, также является относительно успешным примером разработки отечественного цифрового решения.

4. Гарантированная защита данных и этические нормы. Необходимо принять унифицированные стандарты по защите персональных данных учащихся и преподавателей, особенно в условиях массового онлайн-обучения. В этом направлении работает и Европейский союз, продвигая нормы *GDPR*, которые могут быть адаптированы и в странах СНГ.

5. Интеграция цифрового обучения с традиционными методиками. Наиболее эффективной является смешанная форма обучения (*blended learning*), сочетающая онлайн и оффлайн форматы. Такой подход успешно реализуется, например, в финских школах, где цифровые технологии поддерживают развитие индивидуального учебного маршрута и креативного мышления.

6. Мониторинг и оценка эффективности платформ. Внедрение системы метрик для оценки качества обучения, пользовательского опыта и успешности учащихся позволит адаптировать платформы под реальные потребности.

Таким образом, для Беларуси цифровизация образования открывает возможности по модернизации содержания обучения и расширению участия в международных образовательных инициативах. Однако для полного раскрытия потенциала цифровых платформ необходимо развитие инфраструктуры, поддержка отечественных ИТ-решений, инвестирование в подготовку педагогов и комплексная государственная стратегия, направленная на устойчивую цифровую трансформацию образования.

В целом, цифровые платформы не заменяют традиционное образование, но эффективно его дополняют, позволяя построить более доступную, адаптивную и устойчивую образовательную систему. При условии комплексного подхода к решению существующих проблем цифровизация может стать основой для качественного роста национального образовательного потенциала и формирования нового поколения, способного эффективно работать в условиях цифровой экономики и информационного общества.

Цифровые платформы оказывают значительное влияние на трансформацию образования, способствуют его персонализации, доступности и эффективности. Их дальнейшее развитие требует координации усилий государства, образовательных организаций и бизнеса для создания качественной цифровой среды, особенно в условиях ускоренной цифровизации.

Библиографический список

1. Краснова, Г. А. Состояние и перспективы дистанционного обучения в период пандемии COVID191 / Г. А. Краснова, А. О. Полушкина // Вестн. РУДН. Сер.: Информатизация образования. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 36–44. – URL: https://journals.rudn.ru/informatization-education/article/view/26278 (дата обращения: 09.04.2025).
2. Жуковская, Е. И. Цифровые платформы – важный аспект цифровизации высшего образования / И. Е. Жуковская // Открытое образование. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 30–40. – URL: https://openedu.rea.ru/jour/article/view/898?locale=ru_RU (дата обращения: 09.04.2025).
3. В центре внимания – цифровизация образования // Министерство образования Республики Беларусь. – URL: https://edu.gov.by/by-be/news/v-tsentre-vnimaniya--tsifrovizatsiya-obrazovaniya/ (дата обращения: 09.04.2025).
4. Цифровой университет // Белорусский государственный университет. – URL: https://bsu.by/investitsionnyy-proekt-modernizatsiya-vysshego-obrazovaniya-respubliki-belarus/tsifrovoy-universitet.php (дата обращения: 10.04.2025).
5. EdTech Market. – Global Outlook & Forecast 2024–2029 – Product Image // Logo Research and Markets. – URL: https://www.worldbank.org/en/topic/edutech/publication/state-of-edtech-2023 (date of access: 09.04.2025).
6. Учи.ru. – URL: https://uchi.ru/ (дата обращения: 09.04.2025).
7. Сферум. – URL: https://www.sferum.ru/ (дата обращения: 09.04.2025).
8. ЯКласс. – URL: https://www.yaklass.ru/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 09.04.2025).
9. РЭШ. – URL: https://resh.edu.ru/ (дата обращения: 09.04.2025).
10. Stepik. – URL: https://stepik.org/ (date of access: 09.04.2025).
11. Coursera – URL: https://www.coursera.org/ (date of access: 09.04.2025).
12. Directorate for Education and Skills // OECD. – URL: https://www.oecd.org/education/digital-education-outlook-2023.htm (date of access: 09.04.2025).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ БЕЛАРУСИ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ

М. М. Петраков[1)], О. В. Жданович[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhdan@bsu.by

В статье проанализировано значение участия Беларуси в развитии интеграционных процессов, в том числе и цифровизации, Евразийского экономического союза за 10-летний период и в год председательства. Акцентируется внимание на важности национальных инициатив, которые направлены прежде всего на промышленную кооперацию, формирование общего финансового и цифрового пространства, углубление энергетического взаимодействия и внедрение инновационных решений в экономику. Резюмируя, отмечается, что Беларусь выступает драйвером евразийской интеграции, способствуя развитию инфраструктуры и повышению глобальной конкурентоспособности государств – членов ЕАЭС, продвигая промышленную кооперацию, цифровизацию, развитие инфраструктуры и тем самым усиливая конкурентоспособность государств ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровая трансформация; инновационное развитие; цифровая экономика; ЕАЭС; промышленная кооперация.

EURASIAN INTEGRATION UNDER THE CHAIRMANSHIP OF BELARUS: INTEGRATION PROCESSES AND THEIR PROSPECTS

M. M. Petrakov[a], O. V. Zhdanovich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zhdan@bsu.by

The article analyzes the significance of Belarus's participation in the development of integration processes, including digitalization, of the Eurasian Economic Union over a 10-year period and during the year of its chairmanship. The emphasis is on the importance of national initiatives, which are primarily aimed at industrial cooperation, the formation of a common financial and digital space, deepening energy cooperation, and the introduction of innovative solutions into the economy. In summary, it is noted that Belarus acts as a driver of Eurasian integration, contributing to the development of infrastructure and increasing the global competitiveness of the EAEU member states, promoting industrial cooperation, digitalization, infrastructure development and thereby enhancing the competitiveness of the EAEU member states.

Keywords: digital transformation; innovative development; digital economy; EAEU; industrial cooperation.

В 2025 г. Беларусь в третий раз председательствует в органах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Этот год особенно важный для Союза, поскольку он знаменует собой завершение пятилетнего периода реализации Стратегических ориентиров развития Евразийской экономической интеграции, прокладывая путь к следующему этапу: реализации Декларации о развитии экономических процессов в рамках Союза до 2030 г. и последующей «Евразийской интеграции. Экономический путь» до 2045 г. Евразийский экономический союз начал функционировать с 1 января 2015 г. и на сегодняшний день включает в себя пять государств с общим населением 186 млн человек и занимает 1-ое место в мире по охвату территории [1]. Внутренний валовый продукт государств-членов Евразийского экономического союза достиг 72 трлн долл. США, что составляет половину всей мировой экономики [2]. Этот проект является результатом последовательного развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

На всех этапах интеграционного «строительства» Республика Беларусь выступала в качестве активного участника. Представители белорусской стороны, как на уровне органов государственной власти, так и на уровне Суда ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии ведут систематическую работу по развитию евразийской интеграции [3].

На сегодняшний день можно констатировать, что евразийская интеграция состоялась и является приоритетом во внешней политике Республики Беларусь. ЕАЭС сегодня – это гарантия успешного развития белорусской экономики и укрепления ее позиций в мире. По оценкам экспертов, Беларусь больше всех выигрывает от участия в евразийской интеграции. ЕАЭС для Беларуси – это огромный рынок в 186 млн человек со свободой движения товаров. Например, в первой половине нынешнего года Беларусь заметно увеличила биржевой товарооборот со странами Евразийского экономического союза. Сумма превысила 408 млн долл. США, что на 10 % больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Стоит заметить, что экспорт белорусских товаров составил 85 % от общего объема что привело к положительному сальдо торговли со странами ЕАЭС в 287 млн долл. США. Основные белорусские товары на рынках ЕАЭС включают: сухое молоко, сливочное масло, мясопродукты, пиломатериалы и кормовые добавки. Что касается импорта, то это закупки черных и цветных металлов, ферросплавов, угля и кокса, а также оборудования, спецтехники, инструмента, запчастей и другой продукции для промышленного сектора [4].

Президент А. Г. Лукашенко в качестве главы Высшего Евразийского экономического совета направил лидерам государств – членов ЕАЭС обращение, в котором обозначил приоритеты на 2025 г. В числе самых актуальных белорусский лидер выделил 9 отраслей, такие, как развитии промышленной кооперации и единого транспортного пространства, цифровизации, сотрудничестве на внешнем контуре ЕАЭС. Также совместные усилия необходимо сосредоточить на развитии технологического потен-

циала государств – членов ЕАЭС, формировании общего пространства кооперационного взаимодействия во всех отраслях экономики. Это предполагает и решение вопросов по поводу создания объединенного рынка ресурсов. Например, единый рынок нефти и газа был одним из стратегических направлений развития ЕАЭС [5].

31 января 2025 г. прошло совещание руководителей министерств экономики государств – членов ЕАЭС. В рамках данного совещания заместителем министра А. Н. Абраменко озвучены приоритеты белорусского председательства в органах Союза в 2025 г.

Одной из главных целей председательства Беларуси станет углубление экономической интеграции среди государств – членов ЕАЭС. Беларусь будет работать над созданием единой экономической политики, которая будет способствовать эффективности торговли и снижения тарифов. Это может проявляться в разработке новых инструментов для упрощения таможенных процедур, что значительно упростит торговые операции между странами. Основной акцент будет сделан на устранении существующих барьеров и внедрении механизмов для обеспечения свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, а наряду с этим и знаний [6].

Также особое внимание планируется уделить интеграции в отрасли нефтехимической промышленности. ЕАЭС обладает серьезным сырьевым потенциалом, существенными запасами нефти и газа. Кроме того, близкое географическое расположение к перспективным рынкам сбыта открывает для пятерки широкие возможности. Республика Беларусь предлагает новые решения по запуску объединенного рынка нефти и газа. Например, введение упрощенной процедуры допуска иностранных лиц на биржевые площадки, освобождение от уплаты НДС, а также возможность вести торговлю на приграничных железнодорожных станциях. Для Беларуси – это Злынка [7].

В связи с активным развитием электронной торговли появляется необходимость отдельного регулирования в союзе деятельности маркетплейсов вместе с поиском оптимальной модели для учета интересов как государства, так и электронных торговых площадок, продавцов и потребителей. Для повышения эффективности системы государственных закупок предлагается окончательно урегулировать вопрос о взаимном признании электронной цифровой подписи государств – членов Союза и содействовать дальнейшему продвижению цифровых инструментов в этой сфере.

Белорусское председательство также откроет новые перспективы для развития совместной инфраструктуры. Одним из приоритетных направлений станет создание и модернизация транспортных коридоров, которые свяжут государства – члены ЕАЭС и улучшат логистику на пространстве Союза. Следует завершить формирование единого транспортного пространства с принятием равных условий и обеспечением справедливой конкуренции, особенно при выполнении воздушных перевозок между нашими государствами. Это не только поспособствует росту товарооборота, но и сделает экономику всех стран более устойчивой и конкурентоспо-

собной в условиях глобального рынка. Особое внимание будет уделено цифровизации транспортной инфраструктуры и интеграции информационных технологий, что позволит повысить скорость и безопасность перевозок [8].

Предстоит продолжить работу по отмене разрешительной системы на все виды международных автомобильных перевозок грузов в третьи страны и из них. Представляется особенно важным создавать новые и совершенствовать действующие логистические цепочки беспрепятственной доставки грузов, развивать «бесшовные» и безопасные международные транспортные коридоры, связывающие государства – члены ЕАЭС. Также Беларусь будет настаивать на увеличении мобильности трудовых кадров, расширение транзита в системе международных транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг». За счет инфраструктурного строительства также станет возможным формирование новых возможностей для других сфер экономики, что будет стимулировать качественное «переплетение» экономических систем государств-членов Союза в долгосрочной перспективе. В области развития транспортно-логистической инфраструктуры Союза перспективным направлением международного сотрудничества выступит проект сопряжения ЕАЭС с инициативой Китая «Экономического пояса Шелкового пути».

«В современном мире уровень развития цифровых технологий играет определяющую роль в конкурентоспособности стран. Одной из важнейших задач станет устранение существующих цифровых барьеров. Проведенная работа позволит достичь синергетического эффекта в развитии экономик государств-членов и цифрового пространства ЕАЭС», – заявил белорусский лидер. Введение новых технологий станет важной задачей для председательства Беларуси. Беларусь обладает значительным потенциалом в сфере науки и исследований, и это будет использовано для формировании общего пространства кооперационного взаимодействия во всех отраслях экономики, создания совместных проектов, направленных на внедрение инновационных решений в различных отраслях. Поддержка научных стартапов, разработка новых технологических решений в аграрной сфере, энергетике и *IT*-индустрии [9]. В этих целях нужно активизировать реализацию совместных проектов и программ в сферах информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта, электротранспорта, микроэлектроники, робототехники и новых материалов – все это станет ключевыми аспектами, которые Беларусь будет продвигать. Это не только повысит уровень жизни граждан, но и создаст новые рабочие места и возможности для развития бизнеса. Сотрудничество в данном направлении позволит обеспечить надежную базу для развития партнерских отношений между предприятиями государств – членов ЕАЭС в целях создания новых импортозамещающих производств, выпуска совместной продукции под евразийским брендом.

В условиях глобальных климатических изменений интеграция экологической устойчивости в экономическое развитие станет важным

аспектом председательства. Беларусь, как председатель, будет инициировать обсуждения по вопросам расширения сотрудничества в области сохранения экологии и эффективного управления природными ресурсами. Это может включать совместные проекты по «зеленым» технологиям, таким как возобновляемая энергия и устойчивое земледелие, что приведет к снижению экологического следа стран.

Также представляется целесообразной разработка консолидированного подхода к формированию общего информационного пространства на основе уважения традиционных ценностей наших стран, исторического и культурного наследия народов [9].

Таким образом, Беларусь является не просто участником ЕАЭС, но и одним из ключевых драйверов его развития, способствующим укреплению экономических связей, модернизации инфраструктуры и усилению влияния союза на международной арене.

Библиографический список

1. Leiroz, L. Strategic Culture Foundation.Eurasian economic union: challenges and opportunities for integration in 2025 / L. Leiroz // Strategic Culture Foundation. – 02.04.2025. – URL: https://strategic-culture.su/news/2025/04/02/eurasian-economic-union-challenges-and-opportunities-for-integration-in-2025/ (date ofaccess: 06.04.2025).

2. Половина мировой экономики: ВВП ЕАЭС достиг 72 трлн долларов / РИА Новости Крым. – 27.03.2025. – URL: https://crimea.ria.ru/20230627/polovina-mirovoy-ekonomiki-vvp-eaes-dostig-72-trln-dollarov-1174360863.html?ysclid=m9jrjs9a4b71024549 (дата обращения: 06.04.2025).

3. Михалёва, Т. Н. Евразийская интеграция в действии: формирование стратегии хозяйственной деятельности с учетом права ЕАЭС / Т. Н. Михалёва // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. : в 2 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 47–53. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/276014 (дата обращения: 06.04.2025).

4. В 2025 году Беларусь увеличила биржевой товарооборот с ЕАЭС на 10% // Office Life. – 23.06.2025. – URL: https://officelife.media/news/63557-belarus-uvelichila-birzhevoy-tovarooborot-s-eaes-na-10/ (дата обращения: 06.04.2025).

5. Беларусь председательствует в ЕАЭС: Лукашенко обозначил приоритеты на предстоящий год / БЕЛТА. – 01.01.2025. – URL: https://belta.by/president/view/belarus-predsedatelstvuet-v-eaes-lukashenko-oboznachil-prioritety-na-predstojashhij-god-663306-2025/ (дата обращения: 09.04.2025).

6. Председательство Республики Беларусь в ЕАЭС в 2025 году / Министерство иностранных дел Республики Беларусь – URL: https://www.mfa.gov.by/mulateral/organization/list/aee589bdd68b8288.html (дата обращения: 09.04.2025).

7. Телегина, Е. А. Перспективы интеграции нефтегазохимических отраслей стран ЕАЭС / Е. А. Телегина, А. Д. Михайлова // Нефтегазовая Вертикаль. – 29.01.2020. – URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/521600-perspektivy-integratsii-neftegazokhimicheskikh-otrasley-stran-aes/?ysclid=mgml3i1tvy701003328 (дата обращения: 09.04.2025).

8. Сизов, Ю. Минск: обозначены приоритеты ЕАЭС на 2025-й год / Ю. Сизов // Российская газета. – 01.01.2025. – URL: https://rg.ru/2025/01/01/minsk-oboznacheny-prioritety-eees-na-2025-i-god.html?ysclid=mgbl5dvuwy74377211 (дата обращения: 12.04.2025).

9. Беларусь председательствует в ЕАЭС: Александр Лукашенко обозначил приоритеты на предстоящий год / Брагинский райисполком. – 03.01.2025. – URL: https://www.bragin.by/2025/01/belarus-predsedatelstvuet-v-eaes-aleksandr-lukashenko-oboznachil-prioritety-na-predstoyashhij-god/ (дата обращения: 12.04.2025).

DIGITAL TRANSFORMATION PROCESSES: INTERREGIONAL INTEGRATION OF DIGITAL INFRASTRUCTURES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

A. G. Polyakova

Moscow City University,
16 bld. 10 Novokyzneskya Street, Moscow 119017, Russia, polyakovaag@mgpu.ru

The article examines the interregional integration of digital infrastructures as a fundamental factor in the sustainable development of regions. The author analyzes the complex nature of this process, which goes beyond the traditional ecological understanding of sustainability. The technological, institutional, and sociocultural challenges arising from the integration of regional digital ecosystems are investigated. Particular attention is paid to the problems of digital inequality, system interoperability, and organizational fragmentation. It is substantiated that digital infrastructures transform the logic of interregional interactions, contributing to the formation of a polycentric model of spatial development and the creation of new institutional mechanisms. The author concludes that targeted efforts to overcome existing barriers are a necessary condition for the full realization of the potential of digital transformation in the context of sustainable regional development.

Keywords: digital infrastructure; interregional integration; sustainable development; digital transformation; regional development; digital divide; polycentric model; digital ecosystems; spatial development.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ИНФРАСТРУКТУР КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. Г. Полякова

Московский городской педагогический университет,
ул. Новокузнецкая, д. 16, стр. 10, 119017, г. Москва, Россия, polyakovaag@mgpu.ru

В статье рассматривается межрегиональная интеграция цифровых инфраструктур как основополагающий фактор устойчивого развития регионов. Автор анализирует комплексный характер данного процесса, выходящий за рамки традиционного экологического понимания устойчивости. Исследуются технологические, институциональные и социокультурные вызовы, возникающие при интеграции региональных цифровых экосистем. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства, взаимосовместимости систем и организационной фрагментации. Обосновывается, что цифровые инфраструктуры трансформируют логику межрегиональных взаимодействий, способствуя формированию полицентрической модели пространственного развития и созданию новых институциональных механизмов. Автор заключает, что целенаправленные усилия по преодолению существующих барьеров являются необходимым условием для полноценной реализации потенциала цифровой трансформации в контексте устойчивого регионального развития.

Ключевые слова: цифровая инфраструктура; межрегиональная интеграция; устойчивое развитие; цифровая трансформация; региональное развитие; цифровое неравенство; полицентрическая модель; цифровые экосистемы; пространственное развитие.

Digital transformation processes in modern society create unprecedented opportunities for interregional integration and sustainable development of regions. Contemporary discussions about regional development are often focused on a narrow understanding of sustainability, reducing it to environmental aspects. However, true sustainability involves a comprehensive transformation of regional socio-economic systems, including institutional, economic, cultural, and technological dimensions. Digital infrastructures in this context serve not just as tools but as fundamental transformative mechanisms that change the very logic of interregional interactions, while the development of digital transformation appears to be a key path to global sustainable development [1, p. 5].

Sustainable development in the modern understanding represents a dynamic equilibrium of social, economic, and institutional factors, not just minimizing anthropogenic environmental impact. Digital technologies create fundamentally new opportunities to achieve such balance through the transformation of economic models, optimization of resource flows, and changes in the spatial organization of regional systems [2]. A key factor becomes the fundamental rethinking of the very logic of regional development in the context of new technological possibilities. Interregional integration of digital infrastructures creates conditions for the formation of new institutional models that overcome the limitations of traditional administrative-territorial boundaries. Digital platforms become new institutional spaces in which fundamentally different mechanisms of interaction between economic entities, authorities, and citizens are implemented. This leads to the blurring of rigid regional boundaries and the emergence of flexible functional regions formed around specific economic, social, or cultural projects.

Traditional approaches to regional planning, based on strict hierarchical structure and long-term static plans, give way to flexible adaptive models relying on big data analysis and digital interaction platforms. Digital infrastructures allow for the implementation of strategic flexibility principles, where long-term development goals are combined with the ability to quickly adapt to changing conditions and needs. This creates prerequisites for the transition from directive planning to coordination of self-organizing regional and interregional initiatives. In this regard, it seems appropriate to consider the features of interregional integration of digital infrastructures in the context of ensuring sustainable regional development.

Digital infrastructure includes a complex of technological solutions that ensure the functioning of the digital economy at the interregional level. Innovative digital technologies such as artificial intelligence [3; 4], Internet of Things, blockchain, and cloud computing [5, p. 19] play a crucial role in achieving sustainable development goals [6]. Integrated digital infrastructures radically change the significance of geographical distance and administrative boundaries.

In conditions of high digital connectivity, the traditional problem of center-periphery relations is transformed: digital services, educational and cultural

resources, and labor markets become accessible regardless of physical location. This creates prerequisites for the formation of a polycentric model of spatial development, where each region can find a unique economic and cultural niche without being limited by its geographical position.

Interregional integration of digital infrastructures is a complex process facing many interconnected technological, institutional, and sociocultural challenges. A key obstacle to effective integration is the heterogeneity of technological standards and protocols that have formed as a result of the independent development of regional digital ecosystems. The development of standardized protocols and data formats for the functional compatibility of various systems is critically important, as fragmentation significantly complicates the harmonization of data exchange formats and semantic models, creating fundamental barriers to building a unified digital space.

When regional systems merge, scalability problems naturally arise, as a significant increase in the volume of processed data and transaction intensity creates critical bottlenecks in integration gateways and exchange services. These bottlenecks frequently manifest in degraded performance, increased latency, and system instability during peak loads, undermining the reliability of critical infrastructure. Traditional approaches to scaling that are effective at the level of individual regions prove inadequate in the context of complex distributed architectures at the interregional level, requiring the development of fundamentally new solutions. Horizontal scaling mechanisms that function well within homogeneous environments encounter significant limitations when applied to heterogeneous regional platforms with different technological stacks, data models, and operational practices. In parallel, integration processes significantly transform the cybersecurity landscape, increasing the number of potential attack vectors and expanding the surface of vulnerabilities. The proliferation of integration interfaces and cross-system dependencies creates new opportunities for cascading failures and coordinated cyberattacks targeting previously isolated infrastructures. Perimeter protection loses effectiveness, and differences in regional standards and data protection requirements create additional difficulties in forming a unified security policy, without which it is impossible to ensure trust between participants in integration processes. This trust deficit often becomes the primary barrier to deeper integration, as stakeholders remain reluctant to share sensitive data or grant system access without robust guarantees of protection.

An equally significant factor is the organizational fragmentation of digital initiative management, when systems develop in departmental logic without proper coordination at the interregional level. This siloed approach to digital transformation frequently stems from bureaucratic structures that incentivize local optimization rather than systemic efficiency across regional boundaries. It inevitably leads to duplication of functionality and the creation of incompatible technological solutions, resulting in substantial resource waste and growing technical debt. Moreover, the absence of standardized interfaces and interoperability frameworks compounds these challenges, creating a

technological Tower of Babel where systems cannot effectively communicate despite serving similar purposes. Meanwhile, differences in methodologies, practices, and update cycles of regional components create real threats to the stability and continuity of integrated systems. Asynchronous development processes and inconsistent versioning policies frequently result in compatibility issues that cascade throughout the interconnected ecosystem, requiring substantial resources to diagnose and resolve. Against this background, problems of financial sustainability of interregional projects are exacerbated, as traditional budget models oriented toward regional or departmental levels prove ineffective for initiatives requiring long-term planning horizons and covering several regions. The misalignment between funding cycles and implementation timelines creates persistent resource gaps during critical phases of integration projects, jeopardizing their momentum and effectiveness. The complexity of measuring and monetizing the distributed economic effects of digital integration further complicates attracting investments and forming sustainable business models, jeopardizing the long-term development of integration projects. Without clear mechanisms for equitable cost-sharing and benefit distribution among participating regions, stakeholders frequently lack sufficient incentives to commit resources to shared infrastructure development.

Technological and institutional challenges are inextricably linked with sociocultural aspects of integration, among which the problem of digital inequality takes on particular acuteness. The significant asymmetry of regional digital development, manifested in differences in infrastructure, competencies, and maturity of digital ecosystems, creates unequal starting conditions for participation in integration processes. These disparities extend beyond mere technological differences to encompass varying levels of digital literacy among populations, institutional readiness for digital transformation, and adaptive capacity of regional economies to leverage integrated platforms. In the absence of targeted measures, there is a real risk of reinforcing existing disparities, when the benefits of integration will be concentrated primarily in more developed regions, deepening the digital divide. This dynamic frequently triggers resistance to integration initiatives from regions that perceive themselves as disadvantaged in the emergent digital landscape, adding political complexity to technical challenges. Additionally, language barriers and cultural differences in interface design preferences can significantly impact user adoption of integrated platforms, requiring careful localization strategies that balance standardization needs with cultural sensitivity. The sustainability of integration processes ultimately depends not only on technical interoperability but on fostering an inclusive digital culture that acknowledges and accommodates regional diversity while building shared standards and practices.

Digital transformation in general and interregional integration in particular also face natural resistance to change, as they require significant restructuring of organizational culture and established work practices. Regional differences in approaches to decision-making, communication, and risk management

create additional difficulties in forming joint initiatives and establishing effective interaction. The situation is aggravated by an acute shortage of qualified personnel with the necessary interdisciplinary competencies. Modern specialists must combine deep technological expertise with knowledge of organizational, legal, and sociocultural aspects of interregional interaction; however, traditional education and professional development systems fail to adapt to these requirements, creating a significant skills gap.

Despite the diversity and complexity of the described challenges, there are promising approaches to overcoming them, based on a combination of technological, organizational, and social innovations. In the technological aspect, a key role is played by the development of flexible architectural solutions that ensure the interoperability of regional systems without requiring their complete unification. Federated architectures based on service-oriented approaches and standardized APIs allow the integration of heterogeneous systems with minimal changes to their internal structure. An additional stimulus is the application of distributed ledger technologies and smart contracts, creating mechanisms for trusted interaction between participants from different regions.

Interregional integration of digital infrastructures is a complex multifaceted process, the success of which depends on a systematic approach to overcoming interconnected technological, institutional, and sociocultural barriers. However, despite significant challenges, the potential benefits of such integration are difficult to overestimate. Integrated digital ecosystems create the basis for new forms of economic interaction, contribute to increasing the efficiency of resource use, and strengthen the competitiveness of regions in the global digital economy [7]. Purposeful and coordinated efforts to overcome existing barriers and develop cooperation mechanisms become a necessary condition for the full realization of the transformation potential, determining the trajectories of regional development in the digital age.

Interregional integration of digital infrastructures is not just a technological process; it is a fundamental transformation of the very principles of spatial development. Going beyond traditional ecological interpretations of sustainability, digital infrastructures create conditions for the formation of dynamic, adaptive, and fair regional systems capable of effectively responding to contemporary challenges. Future research should focus on developing new conceptual models and practical tools for managing this transformation, taking into account the multidimensionality and complexity of sustainable development processes in the context of digitalization, as well as on developing methodologies for evaluating the effectiveness of interregional digital integration and coordination mechanisms between regional digital ecosystems.

References

1. Fengxiu Zhou. Regional digital infrastructure and carbon neutrality: A technology–structure–efficiency perspective / Fengxiu Zhou, Lei Li, Huwei Wen // Energy Strategy Reviews. – 2024. – Vol. 56, 101583. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211467X2400292X?via%3Dihub (date of access: 12.04.2025).

2. Колмаков, В. А. Пространственный анализ и его роль в исследовании регионального имущественного комплекса при переходе к сетевым моделям организации хозяйственных взаимодействий / В. В. Колмаков // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6, № 4 (21) – С. 112–115. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32351173 (дата обращения: 12.04.2025).

3. Polyakov, S. V. Problema kognitivnoj neprozrachnosti iskusstvennogo intel-lekta kak faktor riska v usloviyah cifrovoj transformacii / S. V. Polyakov // ВИскусственный интеллект и духовная культура : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 окт. 2024 г. – СПб. : Scientia, 2025. – P. 94–97. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80507949 (дата обращения: 12.04.2025).

4. Поялков С. В. Диалектика прозрачности и непрозрачности в цифровом обществе / С. В. Поялков // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сб. науч. ст. 14-й Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием, Курск, 27 дек. 2024 г. : в 2 т. Т. 2. – Курск : Университет. книга, 2024. – С. 219–224. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80323612 (дата обращения: 12.04.2025).

5. Enhancing hybrid manufacturing with AI-driven real-time adaptive process control: integrating machine learning models and robotic systems / B. Swathi, S. V. Polyakov, S. R. Kandavalli [et al.] // The International Journal of Advanced Manufacturing Technology. – 2024. – URL: https://doi.org/10.1007/s00170-024-14155-w (date of access: 12.04.2025).

6. Alojail, M. Impact of Digital Transformation toward Sustainable Development / M. Alojail, S. B. Khan // Sustainability. – 2023. – Vol. 15, N 20. – 14697. – URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/15/20/14697 (date of access: 12.04.2025).

7. Колмаков, В. В. Интеллектуальный анализ данных в региональной системе поддержки принятия управленческих решений / В. В. Колмаков, И. А. Щукина, С. Е. Беляев // Экономика и менеджмент систем управления. – 2019. – № 4 (34). – С. 54–60. – URL: http://www.sbook.ru/emsu/archives/em201904.rar (дата обращения: 12.04.2025).

ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Я. В. Семенькова[1)], Н. И. Шандора[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yasmnakv06@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

Статья посвящена анализу цифровой трансформации образования в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассматриваются ключевые инициативы, такие как проект «Цифровая образовательная среда» в России, целью которого является создание современной образовательной инфраструктуры к 2024 году. Устанавливаются достижения, включая 95 % образовательных организаций с доступом к интернету и 50 % педагогов, прошедших квалификацию в цифровой системе. Также анализируются успехи Беларуси, Кыргызстана, Армении и Казахстана, которые активно внедряют цифровые технологии в образовательный процесс. Подчеркивается, что эти усилия способствуют формированию устойчивых образовательных систем, готовых к вызовам современности и требованиям рынка труда.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; ЕАЭС; интернет; онлайн-обучение; образование; интеграция.

TRENDING DIGITAL TRANSFORMATIONS IN EDUCATION IN THE EAEU COUNTRIES

Y. V. Semenkova[a], N. I. Shandora[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, yasmnakv06@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

The article analyzes the digital transformation of education in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). Key initiatives are considered, such as the Digital Educational Environment project in Russia, the goal of which is to create a modern educational workforce by 2024. Achievements are established, including 95 % of educational organizations with access to the Internet and 50 % of teachers qualified in the digital system. The successes of Belarus, Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan, which are actively introducing digital technologies into the educational process, are also analyzed. It is emphasized that these efforts are aimed at forming sustainable education systems ready for the challenges of modernity and the demands of the labor market.

Keywords: digitalization; digital transformation; EAEU; Internet; online learning; education; integration.

Цифровая трансформация образования в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) становится актуальным направлением, способ-

ствующим улучшению качества учебного процесса и адаптации к современным требованиям рынка труда. В последние годы наблюдается активное внедрение новых технологий, таких как онлайн-обучение, виртуальные классы и образовательные платформы, что позволяет расширить доступ к знаниям и повысить гибкость образовательных форматов. Тренды, возникающие в результате этой трансформации, отражают стремление к интеграции международных стандартов, развитию цифровых компетенций и созданию персонализированных образовательных траекторий.

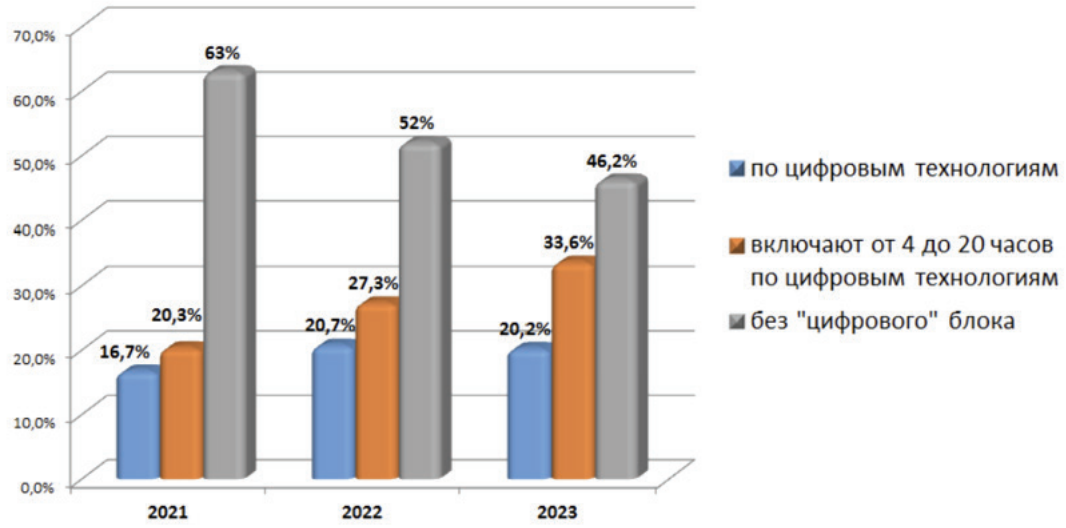
Республика Беларусь является страной, активно движущейся в сторону цифровой трансформации сферы образования. В последние годы в стране наблюдается значительный прогресс в реализации технологий, которые меняют подходы к обучению и повышают его доступность. Это соответствует «Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы», цель которой – интеграция современных цифровых решений в образовательный процесс.

По состоянию на 2018 г. доступ к сети Интернет имели 97,8 % учреждений образования, при этом 91 % из них обеспечены доступом по широкополосному каналу. Более 94,3 % педагогов (без учета учителей информатики) применяли или были готовы применять информационно-коммуникационные технологии в своей профессиональной деятельности. Несмотря на такие высокие показатели, многие образовательные учреждения не имели достаточной технической оснащенности для реализации современных ИКТ. В ответ на это государство приняло меры для решения этой проблемы [1].

На 2023 г. в учреждениях дошкольного образования насчитывается 134 компьютерных класса и около 15 902 персональных компьютеров. В учреждениях общего среднего образования открыто 4244 компьютерных класса, и 99,8 % учреждений подключены к сети. Более 43 учреждений общего среднего образования используют онлайн-сервисы «Электронный дневник/Электронный журнал», предоставляемые ООО «Образовательные системы». В учреждениях профессионально-технического образования функционирует 300 компьютерных классов и имеется 6618 персональных компьютеров. Учреждения среднего специального образования оснащены 15 833 персональными компьютерами и 73 компьютерными классами. Все отечественные вузы обеспечены необходимым количеством компьютерного оборудования, оргтехники, средств мультимедиа и программных продуктов. С 2018 г. в республике реализуется экспериментальный проект «Цифровой университет», в котором участвуют 33 учреждения высшего образования. В настоящее время функционирует 53 ресурсных центра в учреждениях образования, реализующих образовательные программы среднего специального и профессионально-технического образования [2].

Стоит отметить, что ежегодно на базе Республиканского института профессионального образования реализуется свыше 90 учебных программ повышения квалификации. Однако только часть этих программ

полностью направлена на формирование цифровых компетенций слушателей. В последние годы наблюдается тенденция увеличения доли учебных программ (с 22 в 2021 г. до 40 в 2023 г.), включающих «цифровые» модули, в которых от 4 до 20 часов посвящено разработке электронных средств обучения в специальных программных средах, использованию цифровых образовательных ресурсов и реализации технологий дистанционного обучения. При этом заметно снижается доля учебных программ, в которых отсутствуют «цифровые» модули (рис).

Образовательные программы повышения квалификации.

Источник: [3]

В настоящее время в России реализуется ряд инициатив, направленных на создание необходимых условий для развития цифровой экономики, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет. Указ Президента России от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определяет цифровую трансформацию (ЦТ) как одну из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.

Одним из реализуемых инициатив выступает федеральный проект «Цифровая образовательная среда». Целью является создание условий для внедрения к 2024 г. современной и безопасной цифровой образовательной среды, способствующей саморазвитию и самообразованию обучающихся всех уровней через обновление инфраструктуры, подготовку кадров и создание федеральной цифровой платформы.

В области цифровизации образования до 2024 г. Россия практически во всех показателях направлена на достижение максимально возможного результата. Однако есть показатель, который составляет только 50 % – это доля педагогов, которые пройдут квалификацию в цифровой системе. Это вполне можно объяснить сопротивлением педагогов к новым технологиям и методам обучения, что и замедляет их адаптацию к цифровой среде [3].

Целевые показатели «Цифровой образовательной системы»

Целевой показатель	Период, год					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля образовательных организаций с Интернет-соединением не менее 100 Мб/с в городах и 50 Мб/с в сельской местности, а также гарантированным Интернет-трафиком, в процентах	65	70	75	85	95	100
Доля обучающихся по программам общего и среднего профессионального образования, для которых формируется цифровой профиль и индивидуальный план обучения с использованием федеральной информационно-сервисной платформы, в процентах от общего числа обучающихся в субъектах, где внедрена целевая модель цифровой образовательной среды	5	15	30	50	80	90
Доля образовательных организаций, реализующих программы общего и среднего профессионального образования с использованием федеральной информационно-сервисной платформы, в процентах от общего числа таких организаций в субъектах, где внедрена целевая модель цифровой образовательной среды	5	15	40	60	85	95
Доля педагогических работников общего образования, прошедших повышение квалификации в цифровой форме через ресурс "одного окна", в процентах от общего числа таких работников в субъектах, где внедрена целевая модель цифровой образовательной среды.	1	5	10	25	35	50

Источник: [4].

Что касается Кыргызстана, в рамках программы «*Digital CASA* – Кыргызская Республика» реализованы проекты по развитию широкополосного доступа к Интернету. Работы в данной области ведутся с 2018 г. при поддержке Всемирного банка.

На 2024 г. проект «*Digital CASA*» выполнила следующие действия:

– было проложено более 3000 км ВОЛС или более 100 % от прогнозного индикатора;

– были завершены строительно-монтажные работы по организации 212 распределительных узлов или более 100 % от планового объема работ;

– были подключены к ВОЛС 1237 из 1432 государственных социальных объектов или 86 % от планового объема;

– были завершены работы по организации 30 новых магистральных узлов или 100 % от планового объема.

К 2024 г. в стране насчитывалось 5,41 млн пользователей интернета (79,8 % населения). Однако базовые цифровые навыки имеют лишь 38 % населения, и около 32 % граждан в отдаленных регионах не имеют стабильного доступа к интернету. Расходы на цифровизацию составляют всего 1,5 % ВВП, что ниже показателей соседних стран [5].

Цифровая трансформация образования в Армении в последние годы демонстрирует значительные достижения. В период пандемии были внедрены современные технологии в процесс образования, направленные прежде всего на его непрерывность. В 2020 г. все учреждения профессионального образования перешли на дистанционное обучение. Учебные заведения разработали и внедрили программы обучения для преподавателей через *Zoom*, *YouTube*, *Moodle* и другие цифровые и онлайн-платформы [6].

Следует отметить, что в современных университетах Армении в рамках одного предмета может применяться сразу несколько форм обучения.

1. Смешанный электронно-традиционный тип обучения – эта форма предполагает, что учебно-методические материалы, проверочные работы предоставляются студентам через электронные платформы, тогда как занятия проходят традиционно, в аудиториях. До пандемии COVID-19 этот тип был наиболее распространенным и продолжает оставаться самым востребованным в Армении.

2. Смешанный электронный тип обучения – в этой форме учебно-методические материалы и все проверочные работы предоставляются студентам через электронные платформы, а занятия преподаватели проводят онлайн в режиме реального времени с использованием приложений для видеосвязи, таких как *Google Meet*, *Zoom* и другие.

3. Электронный тип обучения с менторством – занятия не проходят в реальном времени, все учебные материалы предоставляются с использованием электронных платформ и с помощью электронных напоминаний и писем проходит координация обучения студентов.

4. Автономно-электронный тип обучения – студент обучается полностью онлайн, выполняет самостоятельно все запланированные этапы обучения имеет дело с автономной программой, без преподавательского наставничества.

Для реализации успешного электронного образования необходимы следующие элементы: электронная образовательная платформа (напри-

мер, *Google for Education, Moodle, Blackboard, MS Teams*); корпоративная база данных всех пользователей электронной платформы; электронная библиотека доступных учебно-методических материалов; мобильное приложение учебной платформы; сбор и хранение оценок и проверочных работ студентов [7, с. 205–206].

В Армении свои или совместные дистанционные и дистанционно-заочные образовательные программы, а также дистанционные программы зарубежных вузов по многим специальностям предлагают многие вузы, в частности Ереванский государственный инженерный университет, Ереванский государственный университет, университет Евразия, Академия государственного управления, Российско-Армянский университет, Международный научно-образовательный центр НАН Армении и др. [8, с. 499–500].

Цифровая трансформация образования в Казахстане также демонстрирует значительный прогресс в последние годы. 2 декабря 2017 г. была утверждена Государственная программа «Цифровой Казахстан». Следуя логике этой программы, цифровизация призвана стать инфраструктурно-технологической основой оптимизации и акселерации образовательной политики [9].

30 июня 2020 г. в Казахстане была запущена Программа по обучению цифровым навыкам «Цифровое образование», целью которой является разработка программы по обучению цифровым навыкам, подготовка и переподготовка *IT*-специалистов, масштабирование опыта передовых вузов и их подготовка в региональных университетах и колледжах. В Реестр образовательных программ внесено 509 образовательных программ в области информационно-коммуникационных технологий в рамках. Из них, 35 инновационных программ, в том числе: программная инжинерия, компьютерные науки, киберфизические системы, «*Big Data Analytics*» (аналитика больших данных), наука о данных, роботизированные беспилотные аппараты, *IT*-менеджмент, *IT*-аудит, *IT*-предпринимательство и цифровая экономика, архитектор программного обеспечения, компьютерная инженерия, высоконагруженные информационные системы с искусственным интеллектом, электронная коммерция, виртуальная и дополненная реальность и др. В *IT*-отрасли имеются 43 профстандарта: системное и сетевое администрирование, разработка технической документации, разработка программного обеспечения, обеспечение сопровождения программного обеспечения, информационная безопасность, администрирование баз данных и др. Вузами применяется междисциплинарный подход при построении образовательных программ. К примеру, Карагандинским техническим университетом им. А. Сагинова разработана программа «*IT*-медицина», Казахским национальным университетом им. аль-Фараби – «Цифровая экономика», Восточно-Казахстанским техническим университетом им. Д. Серикбаева –«Медицинский инжиниринг» и др.

Во всех вузах страны используются *LMS* системы (система управления обучением): *Platonus* (53), *Moodle* (32), *Univer* (8), *Hero StadySpase* (3),

Canvas (2), *Portal* (1) и собственные системы: КазНИТУ им. К. Сатпаева – *Polytech Online*; Университет Шакарима г. Семей – *ais.semgu*; Университет «Мирас» – *Miras.app*.

Кроме того, правительство активно развивает программы по повышению цифровой грамотности среди населения. Внедрение таких инициатив, как «Цифровой университет», позволяет студентам получить доступ к современным образовательным материалам и курсам. Была разработана дорожная карта, предусматривающая ряд мероприятий: мероприятия по академической работе, мероприятия по социальной работе и по практической реализации проекта Цифровой университет [10, с. 76–78].

Беларусь, Кыргызстан, Казахстан, Армении и Российская Федерация активно внедряют современные технологии для улучшения образовательного процесса, что позволяет адаптироваться к вызовам времени и потребностям рынка труда. Применение цифровых инструментов, таких как электронные учебники, онлайн-платформы и автоматизированные информационные системы, открывает новые горизонты для учащихся и преподавателей, обеспечивая доступ к качественным образовательным ресурсам. Цифровизация образования в странах ЕАЭС не только способствует развитию интеграционных процессов, но и формирует основу для создания устойчивых и адаптивных образовательных систем, готовых к вызовам будущего.

Библиографический список

1. Астратова Г. В., Измайлов А. М. Сопоставительный анализ рынка услуг массовых открытых онлайн-курсов, предоставляемых учреждениями высшего образования союзного государства России и Белоруссии / Г. В. Астратова, А. М. Измайлов // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 6. – С. 14–27. – URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=43623 (дата обращения: 04.04.2025).

2. В центре внимания – цифровизация образования // Министерство образования Республики Беларусь. – 07.04.2023. – URL: https://edu.gov.by/news/v-tsentre-vnimaniya--tsifrovizatsiya-obrazovaniya/ (дата обращения: 04.04.2025).

3. Стрелкова, И. Б. Подготовка специалистов по цифровому образованию: особенности профилизации в образовательном стандарте нового поколения / И. Б. Стрелкова // Мастерство online. – 2023. – № 3 (36). – URL: https://ripo.by/index.php?id=7042 (дата обращения: 04.04.2025).

4. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда»: [утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 7 дек. 2018 г. №3] // МБОУ СОШ № 26 г. Ставрополя. – URL: https://sch26stv.gosuslugi.ru/nasha-shkola/tsifrovaya-obrazovatelnaya-sreda/federalnye-dokumenty_347.html / (дата обращения 04.04.2025).

5. Цифровое образование в Кыргызстане и внедрение цифровых платформ // Институт политических исследований при Фонде Т. Усубалиева. – 13.01.2025. – URL: https://usubaliev-institute.org/2025/01/13/цифровое-образование-в-кыргызстане-и/ (дата обращения: 05.04.2025).

6. Армения изменения в сфере образования, обучения и занятости в 2021 году // ETF. – URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/document/CFI_Armenia_2021_RU.pdf (дата обращения 04.04.2025).

7. Хоецян, А. В., Вызовы в контексте использования цифровых и информационных технологий в университетах Армении / А. В. Хоецян // Современные евразий-

ские университеты: использование информационных технологий / Ред. кол.: В. А. Садовничий [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2022. – С. 197–209. – URL: https://eau-msu.ru/sovremennye-evrazijskie-universitet/(дата обращения: 05.04.2025).

8. Аветисян, П. С. Свободная образовательная среда — основа человеческого капитала и взаимосвязи основных социальных сфер / П. С. Аветисян, Н. М. Геворкян // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 494–506. – URL: https://economyofregion.ru/arhiv/nomer-2-2020/ (дата обращения: 05.04.2025).

9. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»: постановление Правительства Респ. Казахстан от 12 дек. 2017 г. № 827 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казах-стан. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827 (дата обращения: 05.04.2025).

10. Мулдахметов, З. М. К вопросу цифровизации высшего образования в Казахстане / З. М. Мулдахметов, А. М. Газалиев // Человеческий капитал. – 2023. – № 12 (180), ч. 2. – URL: https://humancapital.su/publikacii/12-180-2023-chast-2/(дата обращения: 06.04.2025).

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EURASIAN MARKETS OF FASHION INDUSTRY GOODS

Sid A. E. Menall[a], G. V. Astratova[b]

[a] *Ural Federal University,*
19 Mira Street, Yekaterinburg 620002, Russia, msidakhmedeli@urfu.me
[b] *Ural Federal University,*
19 Mira Street, Yekaterinburg 620002, Russia, g.v.astratova@urfu.ru

This paper explores the impact of digitalization on the fashion industry goods markets across the Eurasian region. It examines the major trends in the adoption of digital technologies in the production, distribution, and consumption of fashion products. The study highlights the transformative role of digital platforms, e-commerce, and data analytics in reshaping traditional business models in the fashion industry. Specific examples from Eurasian Economic Union countries are presented to demonstrate the extent of digital integration and its economic implications. The paper concludes with insights into how digital transformation influences the competitiveness and sustainable development of the regional fashion goods market.

Keywords: digitalization; fashion; EAEU; e-commerce; consumer behavior; digital platforms; Big Data; business models; marketing; Eurasia.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКИЕ РЫНКИ ТОВАРОВ МОДНОЙ ИНДУСТРИИ

Сид А. Э. Меналл[1)], Г. В. Астратова[2)]

[1)] *Уральский федеральный университет,*
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Россия, msidakhmedeli@urfu.me
[2)] *Уральский федеральный университет,*
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Россия, g.v.astratova@urfu.ru

В данной статье рассматривается влияние цифровизации на рынки товаров модной индустрии в евразийском регионе. Анализируются ключевые тенденции внедрения цифровых технологий в процессы производства, распределения и потребления модной продукции. Особое внимание уделяется преобразующей роли цифровых платформ, электронной коммерции и аналитики данных в трансформации традиционных бизнес-моделей в модной индустрии. На примерах стран Евразийского экономического союза продемонстрирован уровень цифровой интеграции и ее экономические последствия. В заключении представлены выводы о том, как цифровая трансформация влияет на конкурентоспособность и устойчивое развитие регионального рынка товаров модной индустрии.

Ключевые слова: цифровизация; мода; ЕАЭС; электронная коммерция; потребительское поведение; цифровые платформы; большие данные; бизнес-модели; маркетинг; Евразия.

1. Introduction. Digitalization has become a key driver of transformation across multiple industries, and the fashion sector is no exception. In recent years,

the rapid development of digital technologies has fundamentally altered how fashion products are designed, manufactured, marketed, and consumed. These changes are especially significant for the Eurasian region, where integration processes among member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) provide a unique framework for digital cooperation and economic alignment.

Several global trends are shaping the fashion industry: the rise of fast fashion, growing environmental consciousness, and the shift towards personalized customer experiences. Digital tools–ranging from AI-driven trend forecasting to augmented reality fitting rooms–are empowering businesses to meet these evolving demands with greater efficiency and precision.

This paper seeks to assess the extent and impact of digitalization on the Eurasian markets for fashion industry goods. Through a review of current literature, analysis of market indicators, and selected case studies, the article aims to highlight how digital tools are influencing both the supply and demand sides of the fashion ecosystem within the Eurasian context.

The objective of the study is to examine how digital innovation affects the competitive positioning of fashion businesses operating in EAEU member states and to identify the opportunities and challenges emerging from this transformation. The relevance of the topic lies in the growing importance of sustainable and technologically advanced practices in the global and regional fashion markets.

2. Market Trends and Digital Transformation in Eurasia. The fashion industry in the Eurasian region is undergoing a profound shift, driven by the rapid adoption of digital technologies across various stages of the value chain. From online retailing and mobile commerce to algorithmic trend forecasting and 3D modeling for garment design, digital tools are reshaping how fashion businesses operate and interact with consumers.

Russia stands out as the regional leader in digital fashion innovation, with a growing number of fashion-tech startups and established platforms like Wildberries and Lamoda investing heavily in machine learning and big data analytics. Kazakhstan has also shown strong progress, supported by government-backed digital economy programs and expanding mobile internet access. In contrast, countries like Kyrgyzstan and Armenia remain in earlier stages of digital transformation, often limited by infrastructure and investment constraints.

Digital Readiness Indicators in EAEU Countries (2024)

Country	Digital Infrastructure Index	E-Government Readiness	Internet Penetration, %	Fashion E-commerce Penetration, %
Russia	0.72	0.79	85	19
Kazakhstan	0.68	0.75	80	15
Belarus	0.65	0.70	78	12
Armenia	0.60	0.68	75	10
Kyrgyzstan	0.58	0.65	70	8

Sources: [1–3].

The shift to e-commerce has accelerated, with fashion goods accounting for a growing share of total online sales. At the same time, digitalization is improving supply chain efficiency, enabling brands to optimize inventory and reduce waste through real-time analytics.

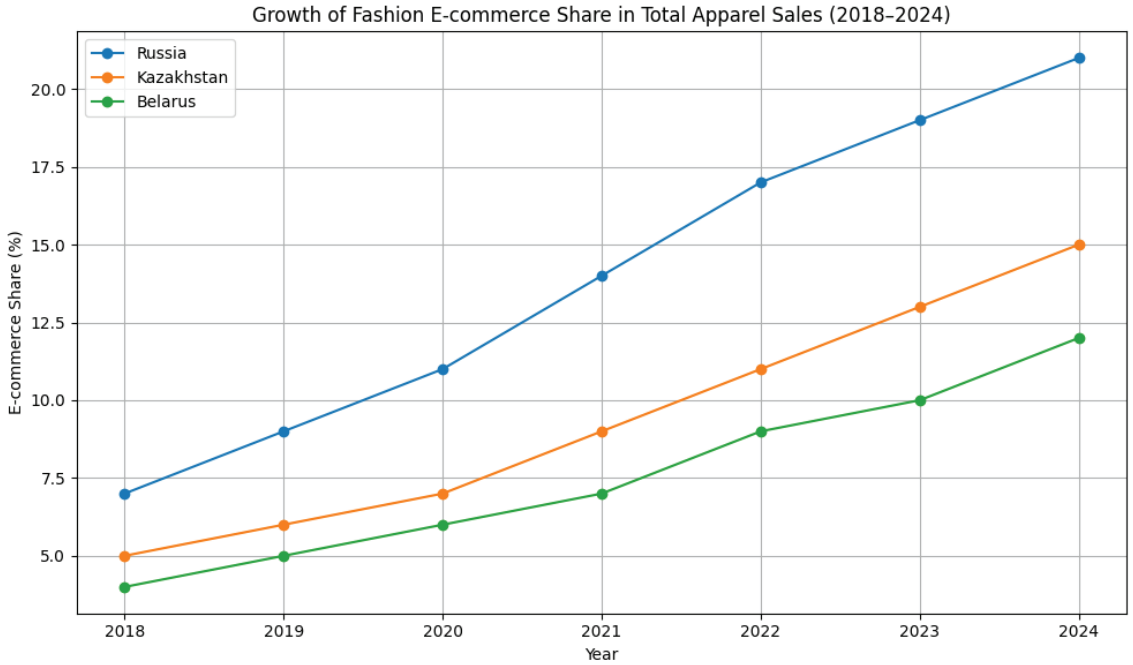

Fig. 1. Growth of Fashion E-commerce Share in Total Apparel Sales (2018–2024).

Sources: [1–3]

These developments also support deeper regional integration under the EAEU framework, as harmonization of digital standards and infrastructure may reduce barriers to cross-border fashion trade. However, the uneven pace of technological adoption remains a key challenge. Bridging the digital divide among EAEU member states will be essential to ensure inclusive and sustainable growth of the fashion sector across Eurasia.

3. Case Studies from EAEU Countries. To better understand the practical implications of digitalization in the Eurasian fashion market, this section examines several national case studies that reflect both achievements and challenges in implementing digital technologies.

3.1 Russia: Leadership in Digital Fashion Retail. Russia's fashion market has experienced significant digital expansion, led by platforms such as Wildberries, which became the largest online retailer in Eastern Europe by 2023. Wildberries utilizes big data and AI algorithms to optimize pricing, customer targeting, and logistics. Similarly, Lamoda introduced virtual fitting rooms and AI-assisted product recommendations, increasing customer retention and reducing returns. Government support through the «Digital Economy of the Russian Federation» program has further stimulated e-commerce infrastructure growth.

3.2 Kazakhstan: Government-Backed Innovation Programs. Kazakhstan's Digital Kazakhstan initiative has provided a strategic framework for digitizing

multiple industries, including fashion. The launch of local online fashion stores such as Technodom Style and Satu.kz demonstrates rising consumer confidence in digital purchases. Additionally, Kazakh fashion designers are increasingly using platforms like Instagram and TikTok for direct-to-consumer marketing, showcasing a shift toward social commerce.

3.3 Belarus: Steady Growth through E-Commerce Integration. Belarusian fashion retailers are gradually transitioning online, though at a slower pace. Brands like Mark Formelle have expanded their digital presence, launching apps and integrating CRM systems. While fashion e-commerce is still developing, improvements in digital payment systems and logistics are creating favorable conditions for growth.

3.4 Armenia and Kyrgyzstan: Early Stage Development. In Armenia and Kyrgyzstan, digital penetration in the fashion sector remains limited. While internet access is expanding, fashion e-commerce adoption is still constrained by logistics, digital trust, and payment barriers. Some local designers rely on platforms like Etsy and Instagram to access niche international markets, but broader ecosystem development remains necessary.

4. Challenges and Opportunities. While digitalization presents significant opportunities for the fashion industry in Eurasia, it also brings forth a range of structural, economic, and policy-related challenges that need to be addressed to ensure inclusive development across all EAEU countries.

4.1 Key Challenges

– Digital Divide Among Member States: The disparity in digital infrastructure and technological readiness between leading and lagging countries (e.g., Russia vs. Kyrgyzstan) limits the potential for unified regional growth.

– Limited Investment and Access to Finance: Smaller fashion enterprises, particularly in Armenia and Kyrgyzstan, often lack the funding needed to adopt advanced digital tools or develop e-commerce platforms.

– Low Digital Literacy in Rural Areas: Uneven digital skills, especially outside major cities, hinder both workforce readiness and consumer engagement with digital platforms.

– Fragmented Regulatory Environment: Inconsistent digital trade policies, standards for online transactions, and data privacy regulations across EAEU states complicate cross-border e-commerce.

4.2 Strategic Opportunities

– Regional Harmonization of Standards: Establishing common protocols for digital commerce, payment systems, and consumer protection would facilitate smoother cross-border fashion trade.

– Support for Fashion-Tech Startups: Incubators and grant programs tailored for fashion innovation could encourage entrepreneurship and local brand development.

– Public-Private Partnerships (PPPs): Joint initiatives involving governments, fashion associations, and technology providers can fund infrastructure upgrades and knowledge transfer.

– Education and Skill Development: Regional training centers or exchange programs in fashion tech and digital marketing can prepare the next generation of designers and entrepreneurs.

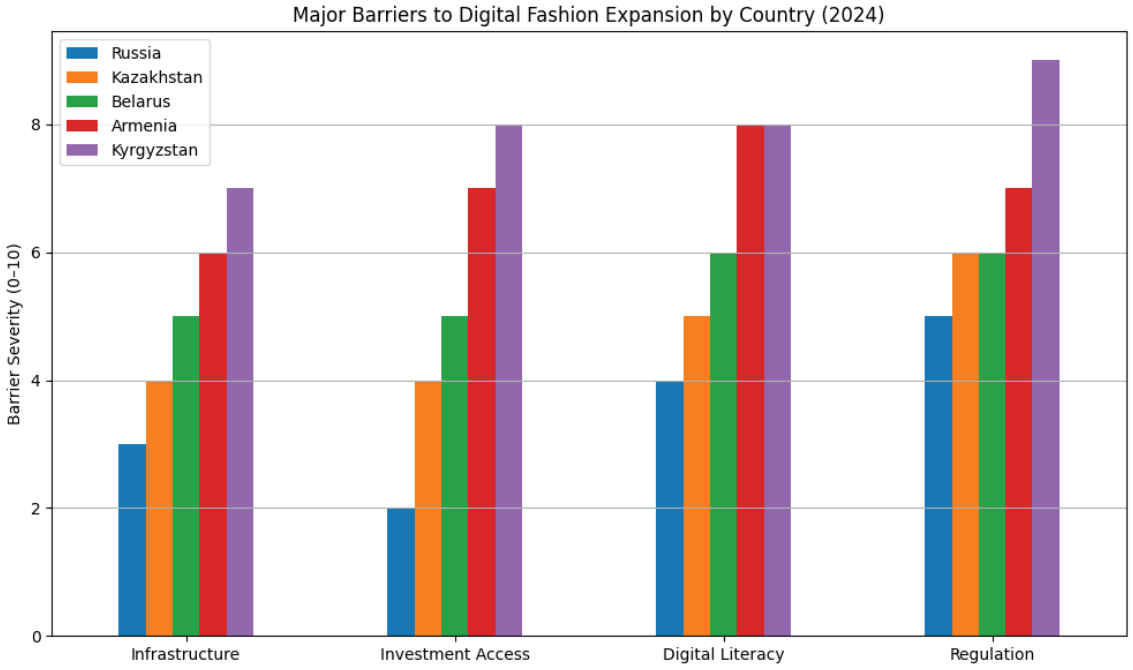

Fig. 2. Major Barriers to Digital Fashion Expansion by Country.

Sources: [1–4]

Harnessing these opportunities requires a coordinated effort that aligns digital agendas with fashion industry development goals. With the right support mechanisms, digitalization could act not only as a growth catalyst but also as a unifying force for Eurasian integration in the creative economy.

5. Conclusion. Digitalization is rapidly reshaping the landscape of the fashion industry in the Eurasian region, influencing both production and consumption patterns. The integration of technologies such as e-commerce, data analytics, and AI-driven personalization has enabled companies to improve efficiency, reduce costs, and engage more effectively with consumers.

However, this transformation is uneven across EAEU member states. Countries like Russia and Kazakhstan are advancing quickly, while others face challenges related to infrastructure, financing, and digital literacy. Bridging these gaps will require strategic collaboration, harmonized regulation, and sustained investment in both technology and human capital.

The findings of this study suggest that digitalization can act as a powerful driver of not only economic competitiveness but also regional integration. As the fashion industry continues to evolve, aligning digital transformation strategies with the broader goals of Eurasian cooperation will be essential for building a resilient, innovative, and inclusive future.

References

1. EAEU statistics for 2023 published // Eurasian Economic Commission. – 22.02.2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/opublikovana-statistika-eaes-po-itogam-2023-goda/ (date of access: 02.04.2025)

2. База данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ» // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. – URL: https://new.cisstat.org/cis-stat-home (дата обращения: 04.04.2025).

3. The State of Fashion 2025 / ed.: I. Amed. – McKinsey Report, 2025. – 154 p. – URL: https://inlnk.ru/pog0Jv (date of access: 01.04.2025)/

4. Пути цифровой трансформации на международных рынках моды: сравнительный анализ России, Китая и стран Западной Африки / Г. В. Астратова, Ч. Н. Онвусирибе, К. Д. Одех [и др.] // Вестник Евразийской науки. – 2025. – Vol. 17, № 3. – URL: https://esj.today/PDF/38ECVN325.pdf (date of access: 07.04.2025).

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В. А. Синкевич[1)], В. Н. Ханецкая[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
[2)] Белорусский государственный университет, sinkevich20@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, viktoriasinkevich20@gmail.com
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

Данная статья раскрывает значение и особенности развития визуальных коммуникаций в условиях стремительного развития цифровых технологий. В данной работе исследуются визуальные элементы: изображения, графика, цветовые решения, стиль – формируют восприятие бренда в целом, насколько усиливается эмоциональная связь с потребителями и повышается конкурентоспособность компаний на цифровом рынке. Проведенное исследование показало, что визуальный маркетинг в условиях цифровой экономики выступает ключевым инструментом формирования потребительского поведения, усиления конкурентного преимущества, а также может повысить эффективность коммуникации между аудиторией и брендом. Влияние визуального маркетинга проявляется в ускорении восприятия информации, росте вовлеченности пользователей, что способствует повышению конверсии и укреплению рыночных позиций компании. Визуальные форматы, основанные на предпочтениях пользователей, становятся основой маркетинговых стратегий и определяют направление дальнейшего в цифровой экономике.

Ключевые слова: визуальный маркетинг; цифровизация; цифровые технологии; элементы дизайна; цифровой рынок; инфографика.

THE ROLE OF VISUAL MARKETING IN THE DIGITAL ECONOMY

V. A. Sinkevich[a] , V. N. Khanetskaya[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, tayonisko@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, sinkevich@gmail.com
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

This article reveals the meaning and features of visual communications development in the context of rapid development of digital technologies. This work examines visual elements: images, graphics, color solutions, style – form the perception of the brand as a whole, how much the emotional connection with consumers is strengthened and the competitiveness of companies in the digital market increases. The conducted research has shown that visual marketing in the digital economy is a key tool for shaping consumer behavior, strengthening competitive advantage, and can also improve the effectiveness of communication between the audience and the brand. The influence of visual marketing is manifested in accelerating the perception of information, increasing user engagement, which helps to increase

conversions and strengthen the company's market position. Visual formats based on user preferences become the basis of marketing strategies and determine the direction of further development in the digital economy.

Keywords: visual marketing; digitalization; digital technologies; design elements; digital market; infographics.

В современных условиях цифровая экономика играет значительную роль в формировании маркетинговых стратегий различных компаний. Одним из важных и ключевых инструментов привлечения внимания и формирования предпочтений потребителей является визуальный маркетинг. Визуальный контент: графический дизайн, анимация, яркая инфографика и полезные видеоматериалы – оказывают значительное воздействие в процессе принятия решений покупателями и пользователями, а также в позиционировании брендов на рынке. Сегодня все больше и больше покупателей обращают внимание на визуальную составляющую товаров и услуг.

С развитием технологий и повсеместным распространением интернета, который охватывает все сферы жизни человека, конкуренция между компаниями усиливается, что требует внедрения эффективных маркетинговых решений и определенных стратегий. Визуальный маркетинг становится неотъемлемой частью цифровых решений, позволяя брендам выделяться среди конкурентов и привлекать целевую аудиторию. Дизайн и эстетика контента оказывают влияние на уровень вовлеченности пользователей, а также на их готовность к совершению покупок. Современные исследования подтверждают, что качественный визуальный контент способен повысить доверие к бренду, увеличить конверсию и способствовать формированию лояльности клиентов [1, с. 120].

Основными элементы визуального маркетинга в цифровой экономике можно выделить: изображения, шрифты, цвета, видео и инфографику.

Цвет оказывает довольно сильное влияние на покупательскую способность. С точки зрения психологии и поведения клиентов, голубой и зеленый цвет вызывает доверие и надежность, соответственно многие страховые компании или компании по недвижимости за основу берут голубые цвета, а магазины полезной еды или здоровой косметики выбирают зеленые цвета.

Эксперименты в цифровом маркетинге показывают, что изменение цвета одной кнопки может увеличить конверсию на десятки процентов. Красная кнопка «Купить сейчас» работает эффективнее, чем серая или темно-синяя – за счет выделения и психологического воздействия срочности. Цвет фона сайта влияет на восприятие бренда, например, темные – солидность, светлые – открытость и доступность. С помощью цветов, если их правильно подобрать, можно увеличить продажи и конверсию, повысить лояльность и доверие клиентов. Таким образом, можно сделать вывод, что компаниям необходимо принимать во внимание значение цветовой психологии и адаптировать визуальную коммуникацию под свою аудиторию [2].

Еще одним интересным визуальным элементом в цифровой экономике являются изображения. Исследования показывают, что мозг человека обрабатывает изображения в 60 000 раз быстрее, чем текст. Одно удачное фото может вызвать эмоциональный отклик, создать настроение, вызвать определенные ассоциации – именно это и формирует привязанность к продукту, услуге или бренду. В интернет-магазинах качественные фотографии товара увеличивают доверие и способствуют росту продаж. А яркие, эстетично оформленные изображения в рекламе повышают запоминаемость бренда. В веб-дизайне и цифровых продуктах изображения могут помочь быстро объяснить сложные процессы через инфографику и визуальные схемы., а также повысить понимание и навигации на сайтах (например, через иконки, превью товаров).

Изображения в цифровой экономике – это не просто дополнение к тексту, а самостоятельный инструмент маркетинга, продаж и коммуникации. Они помогают создавать ценность и значимость продукта, передавать главный смысл и эмоции, формировать доверие, надежность, улучшать взаимодействие и удержание клиентов. Компании, которые стратегически используют визуальный контент, получают конкурентное преимущество на рынке цифровых услуг и товаров.

Подобно цветам и логотипу, шрифт становится элементом фирменного стиля. Он может помочь выделить бренд среди конкурентов и создать запоминающийся образ:

– *Coca-Cola* – использует рукописный шрифт, вызывающий эмоции ностальгии и тепла;

– *Google* – простой и «дружелюбный» шрифт *Sans Serif* ассоциируется с доступностью и современностью;

– *Nike* – лаконичный, легко читаемый шрифт, подчеркивающий динамику.

Шрифт – это «невидимый продавец» в цифровом маркетинге. Он может повышать доверие, усиливать конверсии и формировать сильный образ бренда. Компании, инвестирующие в дизайн шрифтов и грамотную типографику, получают конкурентное преимущество в цифровой экономике, где визуальный контакт – первое и зачастую единственное впечатление о бренде (см. табл.) [3].

Все элемента взаимно дополняют друг друга, однако по скорости и силе воздействия на эмоции пользователей можно выделить:

– цвет – самый быстрый триггер восприятия (пользователь принимает решение о взаимодействии с интерфейсом за 1–2 секунды);

– изображение – обеспечивают глубокое эмоциональное вовлечение;

– шрифт – отвечает за понятность, структуру и доверие.

Таким образом, можно сделать вывод, что цвет является самым быстрым и универсальным инструментом влияния, особенно на первом этапе взаимодействия с пользователем. Однако наиболее эффективным будет комплексное использование всех элементов.

Элементы визуального маркетинга

Элемент	Роль в цифровом маркетинге	Преимущества	Недостатки	Эффективность
Шрифт	– передача информации; – создание фирменного стиля; – бренда формирование доверия	– улучшает читаемость; – влияет на восприятие бренда; – вызывает доверие при правильном подборе шрифта	– при неправильном выборе снижает конверсию; – плохо читаемые шрифты отпугивают	– высокая: влияет на восприятие и лояльность
Цвет	– создает эмоциональный фон; – влияет на восприятие и поведение; – формируют ассоциации	– мгновенное эмоциональное воздействие; – ассоциативные связи (надежность, энергия и т. д.)	– культурные различия в восприятии; – избыток цвета перегружает интерфейс	– очень высокая: быстро влияет на эмоции и решения
Изображение	– передает идею; – усиливает эмоции; – привлекает внимание	– мгновенное привлечение внимания; – повышает вовлеченность; – лучше воспринимается, чем текст	– может «утяжелить» сайт – некачественное изображение снижает доверие	– высокая: визуальная вовлеченность и эмоциональная связь

Источник: [1 – 3].

В цифровизации визуальный контент становится универсальным языком коммуникации между брендом и аудиторией. Он в действительности ускоряет восприятие информации, способствует эмоциональному вовлечению и усиливает доверие к бренду и к компании в целом. Таким образом, эффективное использование знаний визуального маркетинга и его элементов не просто повышает конверсию и узнаваемость, но становится важным фактором роста цифровых бизнес-моделей и формирования устойчивых брендов в новой экономической реальности.

Библиографический список

1. Шумакова, Е. А. Эстетика визуального контента в маркетинговых коммуникациях / Е. А. Шумакова // Медиасреда. – 2020. – № 2. – С. 117–124. – URL: https://nauka-jourcsu.ru/journals/mediasreda/archive (дата обращения: 01.04.2025).

2. Stoimenova, B. Visual Marketing Elements in Digital Media: A Tool for Planning / B. Stoimenova // II-nd Intern. scien. conf. Strategic Planning and Marketing in Digital World, Sofia, 2022 / University of National and World Economy. – Sofia, 2023. – P. 70–77. – URL: https://msp-conference.unwe.bg/en/pages/26791/strategic-planning-and-marketing-in-digital-world-2022.html (date of access: 06.04.2025).

3. Fonts Used by the Top Brands in Different Industries // Packlane. – 12.08.2024. – URL: https://packlane.com/blog/fonts-used-by-the-top-brands-in-different-industries (date of access: 06.04.2025).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОБЗОР ЛУЧШИХ РЕШЕНИЙ НА РЫНКЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

М. А. Тренина[1)], М. А. Ярошевич[2)], Н. И. Шандора[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mariatren@mail.ru
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mariayaroshevich111@gmail.com
[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shandor@bsu.by

В стремительно изменяющемся современном мире возникают потребности в автоматизации и создании информационных баз, способных к хранению и обработке большого количества данных. Проведенное исследование показало, что информационные системы являются неотъемлемой частью цифровой трансформации экономик стан ЕАЭС, обеспечивая повышение эффективности управления, оптимизации бизнес-процессов и улучшения качества принимаемых решений. Анализ ключевых характеристик продемонстрировал, что современные информационные системы в регионе ориентированы на интеграцию, масштабируемость, многофункциональность, надежность и безопасность, что соответствует стратегическим задачам формирования цифрового пространства. Сопоставление представленных решений на рынке выявило растущую конкурентоспособность разработок, расширение функциональных возможностей и устойчивую тенденцию к внедрению платформенных архитектур. В статье рассмотрены основные характеристики таких систем и приведены примеры реальных решений.

Ключевые слова: информационная система; автоматизация; принятие решений; оперативная деятельность; хранение и обработка данных.

INFORMATION SYSTEMS: KEY CHARACTERISTICS AND OVERVIEW OF BEST SOLUTIONS IN EURASIAN ECONOMIC UNION MARKET

M. A. Trenina[a], M. A. Yaroshevich[b], N. I. Shandora[c]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, mariatren@mail.ru
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, mariayaroshevich111@gmail.com
[c] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shandor@bsu.by

The rapidly changing modern world has created a need for automation and creation of digital bases which are capable of storing and processing large amounts of data. The conducted research has shown that information systems are an integral part of the digital transformation of the economies of the EAEU countries, providing increased management efficiency, optimization of business processes and improvement of the quality of decisions. The analysis of key characteristics demonstrated that modern information systems in the

region are focused on integration, scalability, versatility, reliability and security, which corresponds to the strategic objectives of the digital space formation. A comparison of the solutions presented on the market revealed the growing competitiveness of developments, the expansion of functionality and a steady trend towards the introduction of platform architectures. The article discusses main characteristics of these systems and gives examples of real-life solutions.

Keywords: information system; automation; decision-making; operational activities; data storage and processing.

В условиях стремительных изменений в мире важность информационных систем становится все более явной. Современные потребности в информатизации требуют разработки автоматизированных информационных систем, которые должны основываться на надежных информационных базах в различных сферах деятельности.

Информационная система (ИС) в широком смысле представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов, включающих данные, техническое и программное обеспечение, персонал и организационные мероприятия. ИС определяется как совокупность банков данных, информационных технологий и комплекса (комплексов) программно-технических средств [1].

Сущность информационных систем заключается в их способности обеспечивать сбор, обработку, хранение и передачу информации, что делает их неотъемлемой частью управления в самых разных областях – от бизнеса и производства до здравоохранения, образования и государственного управления.

Можно выделить несколько типов ИС: по характеру использования результатной информации (информационно-поисковые, информационно-аналитические, информационно-управляющие, информационно-советующие); по типу обрабатываемых данных (фотографические, документальные); по степени автоматизации процедур преобразования информации (автоматические, автоматизированные); по масштабу охвата рабочих мест (локальные, групповые, корпоративные); по уровням управления (операционного уровня, уровня знаний, стратегического уровня) и др.

ИС автоматизируют рутинные задачи, повышают качество данных и предоставляют инструменты для анализа, что позволяет организациям оптимизировать процессы и повышать эффективность. Они играют ключевую роль в интеграции информации в управленческие процессы, выступая связующим звеном между техническими возможностями и человеческими потребностями. Сущность ИС проявляется в их универсальности и адаптивности: они применимы в различных отраслях и способны подстраиваться под конкретные цели и задачи пользователей.

Основные цели информационных систем включают поддержку принятия решений, улучшение оперативной деятельности и обеспечение кон-

курентных преимуществ. Поддержка принятия решений достигается за счет предоставления актуальных данных и аналитических инструментов, которые помогают руководителям анализировать ситуацию и выбирать оптимальные стратегии. Улучшение оперативной деятельности связано с автоматизацией процессов, что снижает количество ошибок и ускоряет выполнение задач. Обеспечение конкурентных преимуществ достигается благодаря повышению скорости реакции на изменения рынка, улучшению качества обслуживания и оптимизации ресурсов. Эти цели делают ИС важным инструментом в условиях высокой конкуренции и стремительного развития технологий.

Задачи информационных систем направлены на реализацию их целей и включают сбор данных из различных источников, их надежное хранение, обработку для получения полезной информации и передачу пользователям или другим системам. Сбор данных может осуществляться из внутренних источников, таких как транзакции или взаимодействия с клиентами, а также из внешних потоков, включая рыночные данные или государственные реестры. Хранение данных требует обеспечения их безопасности и доступности, что достигается использованием баз данных и других хранилищ. Обработка данных предполагает их анализ, структурирование и преобразование в формат, удобный для использования. Передача данных обеспечивает своевременный доступ к информации для всех заинтересованных сторон, включая сотрудников, партнеров и клиентов. Эти задачи подчеркивают многофункциональность ИС и их значение для эффективного управления.

К ключевым характеристикам информационных систем можно отнести следующие аспекты. Во-первых, это стабильность работы: система должна действовать без перебоев и сбоев, гарантируя постоянный доступ к данным в любой момент. Во-вторых, способность к расширению: ИС должна без труда приспосабливаться к росту объемов информации и увеличению количества пользователей. В-третьих, защита информации: обеспечение сохранности данных от несанкционированного проникновения и предотвращение их утечки. В-четвертых, простота эксплуатации: интерфейс должен быть понятным и удобным, чтобы пользователи с разным уровнем подготовки могли легко с ним взаимодействовать [2, с. 19–25].

Все эти характеристики, в той или иной интерпретации решены в наиболее распространенных ИС на рынке ЕАЭС.

Выбор решения в пользу какого-то решения следует осуществлять исходя из бюджета, специфики автоматизируемых процессов и размера бизнеса. Так как назначение ИС включает несколько основных направлений:

– работа с данными: их структурирование, сохранение и актуализация внутри системы;

– обработка информации: использование аналитических методов для выявления закономерностей и получения ценных выводов из данных;

– подготовка отчетов: создание документов и представление информации в формате, удобном для восприятия пользователями;

– упрощение процессов: ускорение и совершенствование рабочих операций за счет автоматизации повторяющихся задач.

Сегодня ИС обеспечивают автоматизацию, интеграцию данных и анализ, поддерживая организации в достижении их целей. Они остаются динамичными структурами, способными адаптироваться к новым вызовам и требованиям, что подтверждает их значимость в современном мире.

Сравнение популярных систем (*CRM*, *ECM*, *ERP*, *BPM*)

Тип системы	Название	Преимущества	Недостатки	Эффективность	Охват рынка
CRM	Мегаплан	Видеоконференции, документооборот	Нет воронки в базовых тарифах	Улучшает командную работу	Малый и средний бизнес
CRM	*AmoCRM*	Простота, *digital*-воронка	Сбои, слабая синхронизация	Повышает конверсию в *B2B*	Малый и средний бизнес
CRM	*Bitrix24*	Многофункциональность, интеграции	Перегруженный интерфейс	Универсальное решение	Малый, средний, крупный бизнес
ECM	1*C*: Документооборот	Интеграция с 1*C*	Сложный интерфейс, дорого	Ускоряет документооборот	Компании, использующие 1*C*
ECM	*Directum RX*	ИИ, *low/no-code*	Высокая цена, проблемы с экспортом	Оптимизирует сложный документооборот	Крупные компании
ECM	*ELMA365 ECM*	ИИ, *low-code*	Сбои, нет *ECM*-приложения	Упрощает документооборот	Средний бизнес
ECM	*bb workspace*	Бесплатно для 5-ти, интеграция с 1*C*	Устаревший интерфейс, нет мобильного	Экономично для малого бизнеса	Малый бизнес
ERP	*1C:ERP*	Гибкость, интеграция	Высокие затраты на внедрение	Повышает контроль ресурсов	Крупные предприятия
ERP	Галактика *ERP*	Аналитика, кастомизация	Сложное внедрение, дорого	Подходит крупным предприятиям	Крупные предприятия
ERP	МойСклад	Простота, доступная цена	Слабая поддержка, не для крупного бизнеса	Оптимизирует склад и продажи	Малый и средний бизнес

Источник: [3 – 13].

Таким образом, информационные системы автоматизируют рутинные задачи и предоставляют инструменты для анализа, помогая организациям оптимизировать процессы и повышать эффективность. Они

обеспечивают безопасное хранение данных, их обработку и передачу. Основными характеристиками информационных систем являются стабильность работы, способность адаптироваться к расширениям, защита информации и простота в освоении. Динамичность и адаптивность ИС позволяет компаниям приспосабливаться к постоянно меняющемуся цифровому миру.

Библиографический список

1. Информационная система // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://multilang.pravo.by/ru/term/index/2639?langname=ru&size=25&page=1&type=3 (дата обращения: 01.04.2025).
2. Информационные системы в экономике : учеб. для вузов / В. Н. Волкова, В. Н. Юрьев, С. В. Широкова, А. В. Логинова ; под ред. В. Н. Волковой, В. Н. Юрьева. — М. : Юрайт, 2020. – 402 с.
3. Мегапла. – URL: https://megaplan.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
4. AmoCRM. – URL: https://www.amocrm.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
5. Bitrix24. – URL: https://www.bitrix24.by/ (дата обращения: 03.04.2025).
6. Directum RX. – URL: https://www.directum.ru (дата обращения: 02.04.2025).
7. ELMA365 ECM. – URL https://elma365.com/ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
8. Bb workspace. – URL https://bbsoftware.ru/ (дата обращения: 05.04.2025).
9. 1С:ERP. – URL: https://1c.by/ (дата обращения: 05.04.2025).
10. Галактика ERP. – URL: https://galaktika.ru/erp (дата обращения: 05.04.2025).
11. МойСклад. – URL: https://www.moysklad.ru (дата обращения 06.04.2025).
12. Odoo. – URL: https://www.odoo.com/ru_RU (дата обращения 06.04.2025).
13. ELMA BPM. – URL: https://www.elma-bpm.ru (дата обращения 06.04.2025).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. В. Трофименко

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, ул. Политехническая, 77, 410054, г. Саратов, Россия, an111@mail.ru

Статья посвящена анализу международно-правового регулирования отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий ИИ, которые трансформируют глобальные экономические, социальные и политические процессы. Рост числа споров и конфликтов, связанных с использованием ИИ в международном контексте, требует выработки единых правил и стандартов регулирования. Цель работы – комплексный анализ проблем международно-правового регулирования отношений, связанных с применением систем ИИ, и предложение путей их решения. В ходе исследования рассмотрены ключевые вызовы: отсутствие универсальных стандартов, коллизии норм, цифровой разрыв между развитыми и развивающимися странами, а также сложности прогнозирования последствий применения ИИ. Особое внимание уделено роли России в формировании международных правил через участие в инициативах ООН, ЮНЕСКО и других организаций. Ключевые выводы заключаются в необходимости разработки универсальной международной конвенции под эгидой ООН, усиления межгосударственного диалога, гармонизации национального законодательства с международными стандартами. Совместные усилия государств, международных организаций и гражданского общества позволят создать устойчивую систему правового регулирования, обеспечивающую баланс между инновациями и безопасностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект; международно-правовое регулирование; международные соглашения; этические аспекты; национальная имплементация; юридическая ответственность; проблемы регулирования; перспективы развития.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF RELATIONS RELATED TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

A. V. Trofimenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya Street, Saratov 410054, Russia, an111@mail.ru

The article is devoted to the analysis of international legal regulation of relations related to the use of artificial intelligence (AI) systems. The relevance of the study is due to the rapid development of AI technologies, which are transforming global economic, social, and political processes. The increase in disputes and conflicts associated with the use of AI in an international context necessitates the development of unified rules and standards for regulation. The aim of this work is to provide a comprehensive analysis of the problems of international legal regulation of relations involving AI systems and to propose solutions to these issues. The study examines key challenges, including the absence of universal standards, norm collisions, the digital divide

between developed and developing countries, and difficulties in predicting the consequences of AI implementation. Particular attention is paid to Russia's role in shaping international rules through participation in initiatives by the UN, UNESCO, and other organizations. The main conclusions emphasize the need to develop a universal international convention under the auspices of the UN, strengthen intergovernmental dialogue, and harmonize national legislation with international standards. Joint efforts by states, international organizations, and civil society will help create a sustainable system of legal regulation that ensures a balance between innovation and security.

Keywords: artificial intelligence; international legal regulation; international agreements; ethical aspects; national implementation; legal responsibility; regulation issues; development prospects.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) активно трансформирует глобальные экономические, политические и социальные процессы. Технологии ИИ уже широко применяются в здравоохранении, финансовом секторе, а также в сфере обороны и кибербезопасности, что порождает новые вызовы в области соблюдения прав человека, международной безопасности и суверенитета государств. Актуальность темы данной публикации, таким образом, обусловлена стремительным развитием технологий ИИ, которые все активнее проникают в различные сферы общественной жизни. В условиях цифровизации возрастает количество споров и конфликтов, связанных с использованием ИИ в международном контексте, что настоятельно требует выработки единых правил и стандартов международного регулирования в рассматриваемой сфере.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе проблем международно-правового регулирования отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта. При этом предполагается выявить ключевые вызовы в данной сфере и предложить возможные пути их решения.

В последние годы проблематика правового регулирования ИИ активно обсуждается как на международном, так и на национальном уровне. Прежде всего, заслуживают упоминания многочисленные исследования, посвященные общему анализу основ международно-правового регулирования анализируемых отношений [1; 2, с. 147], при этом предметом анализа могут являться не только правовые, но также институциональные аспекты их регулирования [3, с. 70]. Внимание уделяется и некоторым частным аспектам международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере [4; 5], в особенности, проблематике охраны интеллектуальной собственности [6, с. 7].

Ключевую роль в процессе формирования международной нормативной базы регулирования отношений в сфере ИИ играют авторитетные международные организации. Так, ООН выступает координатором глобальных инициатив по разработке этических стандартов использования ИИ-технологий [7, с. 22]. ЮНЕСКО также активно продвигает принципы ответственного применения искусственного интеллекта, уделяя особое внимание вопросам образования и науки [8, с. 42].

В то же время, большинство международных документов в сфере регулирования ИИ носит рекомендательный характер. Это создает определенные сложности в обеспечении единообразного подхода к контролю за развитием и применением ИИ-технологий на международном, в том числе, глобальном уровне. Отсутствие обязательных международных соглашений затрудняет формирование единых стандартов безопасности и ответственности в данной области. В описанных условиях особую значимость приобретает сотрудничество между государствами и международными организациями в целях разработки и принятия системы международных соглашений различного уровня, обеспечивающей комплексное правовое регулирование ИИ, учитывающей как технологические возможности, так и этические аспекты его применения.

На фоне этих вызовов особую значимость приобретает опыт отдельных государств, включая Россию. В Российской Федерации основные задачи и приоритеты в сфере развития ИИ обозначены в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. [9]. В соответствии с данным документом, укрепление международного сотрудничества в области использования технологий ИИ названо в числе основных задач развития ИИ в Российской Федерации.

Национальная стратегия указывает на важность участия России в международных инициативах по регулированию ИИ, включая активное участие в разработке международных стандартов и рекомендаций (например, в рамках ЮНЕСКО, ООН и других организаций); укрепление позиции России как ответственного участника глобального диалога о регулировании ИИ; продвижение национальных интересов России в международных организациях. Следствием реализации Стратегии должна стать гармонизация российского и международного законодательства в рассматриваемой сфере в целях обеспечения совместимости технологий ИИ, разработанных в России, с международными стандартами, формирования доверия к российским решениям на мировом рынке, а также эффективного участия России и российских организаций в международных проектах и кооперации. При этом особо подчеркивается необходимость противодействия угрозам, связанным с использованием ИИ, в международных отношениях, в частности, кибератакам и использованию ИИ для дестабилизации международной безопасности, военному применению автономных систем ИИ, а также манипулированию общественным мнением через технологии ИИ.

Таким образом, Национальная стратегия фокусируется на обеспечении технологического суверенитета и безопасности. При этом международно-правовой аспект занимает важное место, поскольку Россия стремится активно участвовать в формировании глобальных правил использования ИИ, включая взаимодействие с международными организациями, гармонизацию национального законодательства с международными стандартами и продвижение собственных инициатив на мировой арене.

Правовое регулирование систем ИИ сталкивается с целым комплексом глобальных вызовов, обусловленных стремительным развитием технологий и их трансграничным характером. Традиционные правовые системы, разработанные для «аналогового» мира, часто не успевают адаптироваться к новым технологическим реалиям, создавая правовой вакуум в сфере регулирования ИИ.

Проблема «цифрового суверенитета» государств становится особенно острой именно сейчас, в условиях, когда крупные технологические компании фактически в инициативном порядке формируют собственные правила использования ИИ на глобальном уровне. Глобализация технологий способна привести к фактическому размыванию национальных юрисдикций в рассматриваемой сфере, что, в частности, существенно усложняет решение вопросов ответственности за действия систем ИИ. Проблема анонимности в цифровом пространстве дополнительно усложняет идентификацию виновных в правонарушениях, совершаемых с использованием указанных систем. Трансграничный характер технологий ИИ зачастую затрудняет применение национальных правовых норм и требует развития международного сотрудничества, включая заключение международных соглашений.

Внедрение автоматизации принятия решений поднимает острые вопросы ответственности и подотчетности в случае возникновения ошибок или злоупотреблений. Этические дилеммы использования ИИ зачастую требуют разработки новых правовых подходов к защите прав человека и основных свобод. При этом цифровая зависимость от глобальных технологических платформ создает дополнительные риски для национальной безопасности отдельных государств.

Существующее неравенство доступа к технологиям ИИ усугубляет цифровой разрыв между странами и регионами, что требует особого внимания при разработке и совершенствовании правовых механизмов. Сложность прогнозирования последствий применения ИИ делает традиционные методы правового регулирования малоэффективными, что ставит задачу поиска новых подходов, предполагающих оптимальный баланс между правовым регулированием и стремительным инновационным развитием общества. Одновременное поощрение технологического прогресса с одной стороны и защита общественных интересов с другой возможны лишь при условии реализации комплексного подхода к правовому регулированию искусственного интеллекта на национальном и международном уровнях.

Ключевой проблемой международно-правового регулирования искусственного интеллекта является отсутствие универсальных стандартов, что создает фактический правовой вакуум в рассматриваемой сфере на глобальном уровне. Различия в подходах отдельных государств к регулированию ИИ приводят к фрагментации норм и правил, их коллизиям, затрудняя сотрудничество и унификацию. Серьезный разрыв в возможностях использования технологий ИИ между развитыми и развивающи-

мися странами усугубляется различиями в приоритетах: одни стремятся к жесткому регулированию, другие опасаются, что строгие правила ограничат их доступ к технологиям. Кроме того, отсутствие единого понимания ключевых терминов, таких как «искусственный интеллект» или «алгоритмическая прозрачность», осложняет выработку общих принципов. В результате отдельные страны вынуждены действовать самостоятельно, что усиливает риски создания несовместимых систем и технологий. Международное сообщество пока не может преодолеть эти разногласия, что ставит под угрозу формирование единого правового поля. Без универсальных стандартов невозможно обеспечить безопасность, справедливость и эффективность использования ИИ на глобальном уровне.

В целях решения обозначенных проблем предлагается комплексный подход, включающий разработку универсальных стандартов, стимулирование диалога, совершенствование национального законодательства и реализацию просветительских инициатив. Первостепенной задачей является разработка и принятие универсальной международной конвенции по регулированию ИИ под эгидой ООН, которая могла бы стать основой для глобального правового поля.

Важную роль в координации усилий могут сыграть международные организации, включая региональные объединения, такие как БРИКС и ШОС, которые способны выступить платформами для обмена опытом и согласования интересов, а также для разработки и принятия региональных международных соглашений, в рамках которых, как представляется, можно было бы добиться более глубокого уровня унификации подходов к правовому регулированию в рассматриваемой сфере, чем на универсальном уровне.

Стимулирование межгосударственного диалога также настоятельно требует создания новых и развития существующих специализированных дискуссионных площадок, в рамках которых страны могут обсуждать существующие риски, угрозы и вызовы, обмениваться опытом, совместными усилиями разрабатывать новые и совершенствовать существующие подходы к правовому регулированию в рассматриваемой сфере.

На национальном уровне необходимо совершенствовать законодательство, гармонизируя его с международными стандартами, что позволит обеспечить совместимость российских технологий с существующими и вновь разрабатываемыми на международном уровне требованиями. Одновременно важно внедрять механизмы контроля и надзора за использованием ИИ, чтобы минимизировать риски и обеспечить должный уровень безопасности.

Только совместные усилия государств, международных организаций и гражданского общества, включая корпорации, позволят создать устойчивую и эффективную систему международно-правового регулирования ИИ, что, в свою очередь, поможет избежать хаотичного развития технологий и минимизировать их негативные последствия для общества. Участие России в этих процессах должно быть основано на принципах техноло-

гического суверенитета и многостороннего сотрудничества. Только через диалог и взаимодействие разных стран в разработке общих принципов и конкретных правовых норм можно достичь баланса между инновациями и безопасностью. При этом важно учитывать интересы как развитых, так и развивающихся стран, чтобы не допустить углубления цифрового неравенства. Международное сообщество должно стремиться к созданию гибких стандартов, которые могли бы адаптироваться к быстрому развитию технологий. Внедрение таких стандартов, в том числе, путем разработки и принятия международных соглашений, станет ключевым шагом на пути к формированию гармоничной общемировой системы правового регулирования ИИ.

Библиографический список

1. Айтекова, Д. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности международных организаций и Европейского Союза / Д. Г. Айтекова, Ю. Р. Латыпова // Урал. журн. правовых исследований. – 2023. – № 1 (22). – С. 3–13. – URL: https://lawresearch.ru/files/Vypusk_1_22_2023.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
2. Кобец, П. Н. Анализ международных основ и зарубежного законодательства в сфере правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта / П. Н. Кобец // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – № 2 (93). – С. 146–150. – URL: https://nv.omamvd.ru (дата обращения: 01.04.2025).
3. Келепова, М. Е. Правовое и институциональное регулирование искусственного интеллекта на международном и национальном уровнях / М. Е. Келепова, А. В. Молодчик, М. С. Нагорная // Управление в современных системах. – 2022. – № 3 (35). – С. 68–78. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49574196 (дата обращения: 01.04.2025).
4. Мироненко, Г. А. Международно-правовые стандарты как основы прав и свобод граждан при цифровой трансформации / Г. А. Мироненко, А. В. Травин // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – № 1 (111). – URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/16466 (дата обращения: 01.04.2025).
5. Пономарева, Д. В. Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне / Д. В. Пономарева, М. В. Некотенева // Актуальные проблемы рос. права. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 168–179. – URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.160.3.168-179
6. Ершова, А. А. Право интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта: вызовы и перспективы международно-правового регулирования / А. А. Ершова // Океан. менеджмент. – 2024. – № 2 (26). – С. 11–17. – URL: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA-226-2024.pdf
7. Управление искусственным интеллектом в интересах человечества: раключительный доклад. Сентябрь 2024 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 28.04.2025).
8. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 28.04.2025).
9. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом : Указ Президента Рос. Федерации от 15 февр. 2024 г. № 124 // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326 (дата обращения: 28.04.2025).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Р. А. Цугкиева[1)], О. В. Жданович[2)]

[1)] Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, СЗИУ РАНХиГС
Средний пр. В.О., д. 57/43, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
tsugkieva-ra@ranepa.ru
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,, zhdan@bsu.by

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития интеграционных процессов в сфере образования и науки в государствах–членах Евразийского экономического союза. Особое внимание уделяется вопросам академической мобильности, а также современным формам и практикам межвузовского сотрудничества в рамках Союза. Рассматриваются конкретные примеры образовательных учреждений, реализующих совместные образовательные программы, например, в Северо-Западном и Северо-Кавказском федеральных округах, а также Белорусском государственном университете (БГУ). Выявлены ключевые препятствия на пути развития академической мобильности, включая различия в образовательных стандартах, административные барьеры и ограниченные финансовые ресурсы. На основе анализа практического опыта предложены пути их преодоления: внедрение совместных образовательных программ (СОП), развитие совместных исследовательских проектов и углубление межвузовского российско-белорусского сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; академическая мобильность; образование; глобализация.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES OF THE EAEU MEMBER STATES IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE

R. A. Tsugkieva[a], O. V. Zhdanovich[b]

[a] RANEPA St. Petersburg – North-West Institute of Management
57/43 Sredny Avenue V. O., St. Petersburg 199034, Russia, tsugkieva-ra@ranepa.ru
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zhdan@bsu.by

The article discusses the current problems of the development of integration processes in the field of education and science in the member states of the Eurasian Economic Union. Special attention is paid to academic mobility issues, as well as modern forms and practices of interuniversity cooperation within the Union. Specific examples of educational institutions implementing joint educational programs are considered, for example, in the Northwestern and North Caucasian Federal Districts, as well as Belarusian State University. Key obstacles to the development of academic mobility have been identified, including differences in educational standards, administrative barriers, and limited financial resources. Based on the analysis of practical experience, ways to overcome them are proposed: the introduction

of joint educational programs, the development of joint research projects and the deepening of interuniversity Russian-Belarusian cooperation.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; academic mobility; education; globalization.

Вопросы академической мобильности в государствах-членах Евразийского экономического союза в настоящее время стали наиболее актуальным ввиду развития особого интереса к кадровому потенциалу и «взращиванию» специалистов в различных отраслях для международного и межведомственного взаимодействия.

Высшие учебные заведения, реализующие образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру направлений подготовки – это субъекты, которые оказывают существенное влияние на будущее общества благодаря таким функциям, как производство и передача знаний, оказание образовательных услуг, распространение инновационных и критических взглядов, а также подготовки квалифицированных человеческих ресурсов. На эти учреждения возложены основные задачи: развитие талантов новых поколений, повышение их образовательной, научной и культурной компетентности, а также развитие их способностей к критическому мышлению и анализу.

Возможность и необходимость сотрудничества в сфере образования в рамках Союза прямо вытекает из документов, принятых его регуляторами, а перспективы этого сотрудничества связаны и с пятой свободой (свобода знаний), которую президент России В. В. Путин предложил добавить к четырем известным свободам. По словам президента, это будет способствовать формированию и развитию общего культурного пространства и «общеевразийской идеологии» [1]. Однако, несмотря на существующие предложения и программы, сформулированные в актуальных документах, сотрудничество в сфере образования еще не достигло того высокого уровня показателей, как было запланировано.

Анализ российского состояния образования показал, что крупнейшими образовательными учреждениями в Российской Федерации, реализующие программы в сфере образования в рамках ЕАЭС традиционно остаются Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МГИМО МИД РФ), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (далее – МГУ им. М. В. Ломоносова) и Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (далее – РУДН) [2, с. 18].

На базе факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова реализуется программа подготовки магистров «Управление внешнеэкономической деятельностью организации в рамках Евразийского экономического союза [3]. Также 15 февраля 2025 г. на площадке Кыргызско-Российского Сла-

вянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина состоялась международная научно-практическая конференция «Национальная экономическая безопасность и устойчивое развитие стран – участниц ЕАЭС», посвященная 10-летию Евразийского экономического союза. Конференция организована совместно кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В Ломоносова, Кыргызско-российским славянским университетом и РУДН, что подтверждает вышесказанное.

Однако, из перечисленных высших учебных заведений основная доля программ реализуется МГИМО МИД РФ. Это подтверждается такими действующими проектами, как «Модель ЕАЭС». Сама модель представляет собой учебно-образовательный проект, который позволяет погрузиться в особенности работы Евразийского экономического союза. Кроме того, на базе МГИМО МИД РФ функционирует Евразийский учебный институт, целью которого является подготовка и переподготовка кадров для работы в Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), базируясь на опыте интеграционных объединений всего мира. С этой целью Институт привлекает для чтения лекций профессоров и экспертов из международных организаций и интеграционных объединений, таких как ЕАЭС, ООН и др., что представляет собой пример успешной гармонизации международных и российских методик в системе высшего образования.

Резюмируя, необходимо отметить, что в Российской Федерации до сих пор существует следующая тенденция: решение вопросов развития академической мобильности прослеживается в большинстве случаях на уровне федерального центра, что является проблемой всесторонней реализации свободы знаний, о которой говорилось выше. К примеру, в Санкт-Петербурге, в настоящее время функционирует один университет евразийской направленности.

Так, Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического союза успешно реализует учебные программы по различным отраслям и уровням подготовки специалистов [3]. В рамках данного университета разрабатываются, а также преподаются учебные дисциплины, прямо направленные на деятельность учреждений в ЕАЭС. Так на базе юридического факультета преподаются такие дисциплины, как «Интеграционное право» (по программам подготовки бакалавриата) и «Право Евразийского экономического союза», «Таможенное право Евразийского экономического союза» (по программам подготовки магистратуры). Кроме теоретической подготовки, существуют программы краткосрочной академической мобильности в Армянском государственном экономическом университете (Армения) и в Кыргызском экономическом университете имени М. Рыскулбекова (Кыргызстан). Научный руководитель университета С. Ю. Глазьев – государственный секретарь Союзного государства Беларуси и России [4]. Данный опыт было бы уместно развивать не только в рамках федерального центра, но и за его пределами.

В Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО) функционирую крупные государственные учебные заведения, на примере которых было бы целесообразно рассмотреть развитие академической мобильности.

Так, одними из ведущих ВУЗов в СКФО являются Кабардино-Балкарский университет им. Х. М. Бербекова (КБГУ) [5] и Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (далее – СОГУ) [6].

В рамках предложений решений существующих проблем мобильности, необходимо провести фундаментальную работу по популяризации деятельности Евразийского экономического союза в субъектах России.

Для этих целей целесообразным является создание на базах КБГУ и СОГУ, по аналогии с МГИМО МИД России, Евразийского Учебного Института как структурного подразделения, функционирующего в целях реализации отдельных программ академической мобильности, что может включать в себя практическую подготовку студентов и переподготовку преподавателей и научных работников, также является целесообразным обмен студентами вышеуказанных вузов с ведущими вузами Евразийского экономического союза.

Двухлетняя магистерская совместная образовательная программа (далее – СОП) двух дипломов реализуется факультетом международных отношений Белорусского государственного университета и Институтом экономики и управления Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по специальности 7-06-0311-02 Мировая экономика, профилизация «Государственное управление в международном экономическом сотрудничестве» (БГУ) и специальности 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, профилизация «Управление проектами в ЕАЭС» (далее – НИУ «БелГУ»). Магистранты имеют уникальную возможность обучаться на базе двух ведущих университетов Российской Федерации (НИУ «БелГУ») и Республики Беларусь (БГУ).

Таким образом, проанализированные интеграционные процессы в сфере образования и науки в государствах – членах ЕАЭС позволяет говорить о наличии значительного потенциала для развития академической мобильности и углубления межвузовского российско-белорусского сотрудничества. Несмотря на положительные примеры реализации СОП в рассматриваемых вузах России и Беларуси, на практике сохраняются такие барьеры как институциональные, организационные и нормативные, препятствующие эффективному развитию образовательной интеграции. Рассмотренные меры и инициативы помогут заложить основу для дальнейшего построения эффективной системы подготовки кадров для евразийского пространства, что особенно важно в условиях турбулентности и стремительного изменения требований к качеству и направленности высшего образования.

Библиографический список

1. Путин предложил обеспечить «свободу знаний» в ЕАЭС на общих принципах образования стран // ТАСС. – 25.05.2023. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17842629 (дата обращения 25.05.2025).

2. Международный научно-образовательный консорциум «Евразийский сетевой университет» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd5/Evrazii_skii_-setevoy-universitet-2023.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

3. Университет при МПА ЕврАзЭС. – URL: https://miep.spb.ru/ (дата обращения 25.05.2025).

4. Международная научно-практическая конференция «Национальная экономическая безопасность и устойчивое развитие стран-участниц ЕАЭС» // Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. – 15.02.2025. – URL: https://www.econ.msu.ru/departments/politec/News.20250203223602_8534/ (дата обращения 25.05.2025).

5. Официальный сайт Кабардино-Балкарского государственного гниверситета им. Х. М. Бербекова. – URL: https://kbsu.ru/ (дата обращения 25.05.2025).

6. Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, юридический факультет. – URL: https://www.nosu.ru (дата обращения 25.05.2025).

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ОСОБЕННОСТИ, РИСКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ВОЗМОЖНЫХ ПРОБЛЕМ

Д. А. Чернов[1)], О. В. Жданович[2)]

[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhdan@bsu.by

Статья посвящена интеграционным процессам с использованием цифровых технологий в государствах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Выявлены основные этапы и сферы взаимодействия между государствами – членами ЕАЭС, а также особенности развития цифровизации как инструмента интеграции. Проанализированы риски и возможные пути их устранения с минимизацией негативных последствий. В результате чего, цифровая трансформация становится ключевым фактором укрепления интеграции в ЕАЭС и требует согласованной политики государств-участников, а именно разработать единые стандарты для государств – членов ЕАЭС, унифицировать законодательства, создать универсальные «хабы» для тестирования инноваций.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; трансграничные цифровые инфраструктуры; цифровизация; внешняя политика.

INTEGRATION PROCESSES USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: FEATURES, RISKS AND SOLUTIONS TO POSSIBLE PROBLEMS

D. A. Chernov[a], O. V. Zhdanovich[b]

[a] Belgorod National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia
[b] Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, zhdan@bsu.by

The article is devoted to integration processes using digital technologies in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). The key stages and areas of interaction between the EAEU member states are identified, as well as the specific features of the development of digitalization as an integration tool. As a result, digital transformation is becoming a key factor in strengthening integration into the EAEU and requires a coordinated policy of the participating states, namely, to develop common standards for the EAEU member states, unify legislation, and create universal «hubs» for testing innovations.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; cross-border digital infrastructure; digitalization; foreign policy.

В период пандемии *COVID*-19 привычные оффлайн-процессы, механизмы и мероприятия стали невозможны, что, в очередной раз, заставило государства и политиков проводить ускоренный процесс цифровизации документооборота, а также использования цифровых продуктов для повседневной жизни граждан.

Увеличение значимости цифровизации побуждает создавать инновационные модели политики и организации взаимодействия между государствами, например, такие концепции как «Цифровое государство» или «Полное цифровое управление».

Цифровая политика Российской Федерации, в которую президент России В. В. Путин внес инициативы на реализацию национальных проектов «Цифровая экономика» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Национальный проект «Цифровая экономика», исполнителем которого является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры), который подчиняется Правительству России [1].

Основными направлениями деятельности являются:

1) госуслуги;
2) цифровая идентификация;
3) цифровизация государства;
4) развитие радиоэлектроники;
5) развитие *IT*-отрасли;
6) кибербезопасность;
7) *IT*-образование [2].

Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Исполнителем является вице-премьер Д. Григоренко. Проект выступает продолжением национального проекта «Цифровая экономика». Период реализации 2025-2030 г. и направлен на реализацию экономики страны через внедрение передовых цифровых решений, в том числе и использование технологий искусственного интеллекта.

Выделим ключевые направления реализации.

1. Развитие систем сбора данных с использованием высокочувствительных датчиков и квантовых сенсоров, применяемых в промышленности, системах связи и медицине.

2. Совершенствование передачи данных в режиме реального времени для обеспечения функционирования робототехники, беспилотного транспорта и «умных городов».

3. Создание отечественных систем хранения данных, включая облачные платформы, центры обработки данных и вычислительные мощности на базе квантовых и фотонных технологий.

4. Обеспечение безопасности данных через развитие технологий квантовых коммуникаций и шифрования для защиты от классических и квантовых кибератак.

5. Разработка национальных стандартов и протоколов работы с данными, в том числе для защиты персональных данных граждан.

6. Создание алгоритмов обработки и анализа данных на основе искусственного интеллекта с использованием российского программного обеспечения и развитие отечественных платформ для совместной работы программистов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Российская Федерация уделяет пристальное внимание и выделяет большую долю средств на реализацию основных проектов, способствующих повышению уровня цифровизации в стране.

Что касается цифровой политики Республики Беларусь, то президент А. Г. Лукашенко в 2023 г. подписал Указ № 381 «О цифровом развитии» [3]. Срок реализации данного до 2030 г.

Основными элементами указа являлись:

1) образование;
2) здравоохранение;
3) промышленность;
4) торговля;
5) государственное управление и тд.

Таким образом, Республика Беларусь считает необходимым инвестировать в процесс цифровизации для повышения конкурентоспособности государства, повышения уровня качества жизни граждан, а также иметь возможность противостоять санкционному давлению со стороны недружественных стран.

Такие же политические решения и цифровые проекты были реализованы и в других государствах – членах ЕАЭС [4, с. 51].

К особенностям интеграционных процессов с использованием цифровых технологий ЕАЭС можно отнести:

1) гармонизация цифрового регулирования;
2) развитие трансграничных цифровых инфраструктур;
3) формирование цифровых рынков;
4) кооперация в сфере кибербезопасности [5, с. 20].

Важным аспектом наднациональных организаций является стремление унифицировать как можно больше аспектов, чтобы сформировать наибольшее количество качественных связей с союзным государством. Для решения данного явления необходимо:

1) разработать единые стандарты для государств – членов ЕАЭС;
2) унификация законодательства;
3) создание универсальных «хабов» для тестирования инноваций.

Развитие трансграничных цифровых инфраструктур. Необходимо создать единые цифровые пространства и платформы на примере реализованной системы «Работа без границ». Кроме создания, необходима модернизация или улучшение уже внедренных систем. Например, интеграция национальных платежных систем, таких как Сбер. Таким образом, получится упростить способы подтверждения транзакций и ускорить процессы, связанные с приобретением или продажей товара или услуги.

Для реализации политики интеграции с использованием цифровых технологий существуют ряд проблем и вызовов. Одним из наиболее серьезных рисков является неравномерный уровень цифровизации. Например, использование 5*G* интернета для моментальной передачи большого объема данных. Кыргызстан, в то время как Россия, Беларусь и Казахстан уже используют данную систему, характеризуется как государство-член с низким уровнем цифровизации.

Еще одним риском является разный подход государств – членов ЕАЭС к регулированию основных процессов. Например, Российская Федерация имеет жесткие требования к локализации, а Армения опирается на европейский стандарт. Такие разногласия могут приводить к затрате большого количества человеко-часов, но ни к чему не привести. Это создает вероятность несопоставимости двух систем, невозможности унификации процесса, а, соответственно, усложнит интеграцию государств.

Технологическая зависимость от третьих стран также является риском для интеграции с применением цифровых инструментов. Так, введение санкций со стороны недружественных стран создаст возможность давления на государства – члены ЕАЭС, лоббируя интересы, которые не разделяют в ЕАЭС, где, в случае отказа, происходит оперативное отключение от программного обеспечения. Результатом таких действий станет остановка рабочего процесса целых стран, а также огромные экономические убытки. Более того, такой элемент давления будет считаться элементом «мягкой силы», что не позволит с ним быстро справиться.

Побочной проблемой возникает утечка высококвалифицированных кадров. Разный уровень заработной платы, а также цифровых возможностей в государствах – членах ЕАЭС, которые, в среднем, ниже, чем у стран ЕС или востока, не позволяет удерживать высококвалифицированных *IT*-специалистов, способных решать инновационные задачи, а также проявлять гибкость в решении возникающих задач и вызовов.

В результате перечня вышеизложенных рисков, государства – члены ЕАЭС снижают свою эффективность, замедляются процессы интеграции и экономического развития, а также уровень конкурентоспособности резко падает на геополитической арене.

В таких условиях необходимо выявить возможные решения существующих рисков. Авторами предлагаются следующие варианты решения проблем и недопущение осуществления потенциальных рисков.

1. Повышение уровня кибербезопасности.
2. Систематические действия, направленные на совместное развитие цифрового пространства.
3. Гармонизация законодательства.
4. Выделение дополнительных грантов и конкурсов для *IT*-специалистов.
5. Улучшение обучающих программ *IT*-сферы.
6. Развитие отечественного программного обеспечения, уменьшение уровня заимствования.

Необходимо рациональное распределение ресурсов и повышение уровня компетенций на управленческом уровне, ответственного за разработку программного обеспечения и развития цифровых обучающих программ, что позволит повысить уровень сплоченности и доверия между государствами – членами ЕАЭС, ускорит адаптацию к изменяющимся условиям, создаст каналы дополнительных инвестиций, а также отечественных и конкурентоспособных технологий, которые позволят снизить зависимость от третьих стран.

Таким образом, процесс цифровизации и интеграционные процессы с использованием цифровых технологий являются важными и неотъемлемыми этапами развития государств – членов ЕАЭС, несмотря на всю сложность и возможные риски, это в свою очередь требует системного подхода.

Библиографический список

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : [утверждена Президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 дек. 2018 г. № 16] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 01.04.2025).

2. Направления деятельности // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. –2025. – URL: https://digital.gov.ru/activity (дата обращения: 01.04.2025).

3. О цифровом развитии : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 нояб. 2023 г. № 381. // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-381-ot-29-noyabrya-2023-g (дата обращения: 01.04.2025).

4. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/833/Vsemirnyy-bank-Perspektivy-i-Rekomendatsii.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

5. Жданович, О. В. Цифровизация образования и *EdTech* как фактор экономического развития в условиях евразийской интеграции / О. В. Жданович // Цифровая трансформация. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 13–21. – URL: http://dx.doi.org/10.35596/1729-7648-2025-31-1-13-21 (дата обращения: 01.04.2025).

СЕКЦИЯ 5
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЕДИНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЕДИНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Д. А. Илькевич[1)], Ф. В. Сауткин[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bio.ilkevichDA@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Sautkin@bsu.by

Статья посвящена вопросам охраны окружающей среды в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях формирования единой таможенной территории и евразийских отраслевых рынков. Актуальность темы обусловлена необходимостью балансировки экономического роста и сохранения биоразнообразия в эпоху глобализации и усиления экологических проблем. В работе анализируется, как устойчивое развитие, включающее экономические, социальные и экологические аспекты, сталкивается с вызовами, связанными с интенсификацией урбанизации, вырубкой лесов и фрагментацией экосистем. Рассматриваются возможности интеграции экологических целей в различные секторы политики (сельское хозяйство, энергетика, транспорт) для минимизации негативного воздействия на окружающую среду. В работе подчеркивается важность совместной ответственности стран ЕАЭС, обмена передовым опытом и разработки согласованных экологических стандартов. Устанавливается, что для достижения устойчивого развития необходима интеграция экологической политики, приоритет экологических целей и координация секторальных политик, что обеспечит сохранение биоразнообразия и поддержание экосистемных услуг, способствующих экономическому и социальному благополучию региона.

Ключевые слова: устойчивое развитие; биоразнообразие; ЕАЭС; единая таможенная территория; экологическая политика; экосистемные услуги; антропоцентризм; экоцентризм; интеграция; экономическая модернизация.

ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE EAEU MEMBER STATES IN THE CONTEXT OF A SINGLE CUSTOMS TERRITORY AND THE FORMATION OF EURASIAN INDUSTRY MARKETS

D. A. Ilkevich[a], F. V. Sautkin[b]

[a] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, bio.ilkevichDA@bsu.by
[b] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Sautkin@bsu.by

The article is devoted to environmental protection issues in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of forming a single customs territory and Eurasian industrial markets. The relevance of the topic is driven by the need to balance economic growth with biodiversity conservation amid globalization and escalating environmental challenges. The study analyzes how sustainable development, encompassing economic, social, and environmental aspects, faces challenges related to intensified urbanization, deforestation, and ecosystem fragmentation. Opportunities for integrating environmental goals into various policy sectors (agriculture, energy, transport) to minimize negative environmental impacts are explored. The authors emphasize the importance of shared responsibility among EAEU member states, the exchange of best practices, and the development of harmonized environmental standards. Key conclusions: achieving sustainable development requires integrating environmental policies, prioritizing environmental goals, and coordinating sectoral policies to ensure biodiversity conservation and the maintenance of ecosystem services, contributing to the region's economic and social well-being.

Keywords: sustainable development; biodiversity; EAEU; single customs territory; environmental policy; ecosystem services; anthropocentrism; ecocentrism; integration; economic modernization.

Процесс устойчивого развития включает в себя комплекс мер, направленных на качественные экономические и социальные преобразования, оптимизацию инвестиционных процессов, научно-технический прогресс и гармоничное развитие личности, нацеленное на удовлетворение текущих потребностей современного человека при условии сохранения окружающей среды и бережного отношения к потреблению ресурсов с целью минимизации негативных последствий, ограничивающих интересы и возможности будущих поколений. Однако в современном мире проблемы экологии зачастую буквально кладут под колеса такого локомотива как прогресс и рост экономической, технической и промышленной баз, отодвигая проблемы ущерба экосистемам на более длительную перспективу или вовсе закрывая на них глаза. В эпоху глобализации и растущих экологических проблем устойчивое развитие стало неотъемлемым императивом для государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Создание единой таможенной территории и формирование евразийских отраслевых рынков представляют собой уникальные возможности для продвижения устойчивого развития в регионе. Однако

при этом крайне важно четко регулировать и решать возникающие экологические проблемы, находя новые или альтернативные их решения. Единая таможенная территория ЕАЭС устраняет торговые барьеры и облегчает движение товаров и услуг, создавая более интегрированный и конкурентоспособный экономический блок. Это открывает возможности для внедрения экологически чистых технологий, обмена передовым опытом и совместных инвестиций в устойчивые проекты. В свою очередь, формирование новых отраслевых рынков предоставляет платформу для сотрудничества и координации в различных секторах экономики. Это позволяет странам – членам ЕАЭС совместно разрабатывать и внедрять политики и инициативы, направленные на истинное достижение целей устойчивого развития.

Долгое время устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия рассматривались как не совместимые. Более того, в некоторых случаях цели устойчивого развития были не совместимы с приоритетами сохранения сложившихся экосистем [1]. Однако в настоящее время появляется все больше доказательств того, что разнообразие жизни имеет решающее значение в функционировании экосистем, косвенно влияющее на сферу услуг и напрямую оказывающее воздействие как на экономическую, так и на социальную сферы жизни человека [2, p. 196]. Сегодня уже практически общепризнанным является тезис о том, что успешная модернизация экономики и освоение постиндустриальных технологий и стандартов жизни невозможны без кардинального совершенствования интеллектуального капитала. Однако, при этом, дальнейшее развитие общества все еще опирается на сырьевой фундамент и уйти от постоянного роста объемов потребления путем его бланкирования развитием науки, пока не представляется возможным.

Экономическая модернизация и технологический прогресс – это лишь эффективные средства решения возникающих проблем. Сами по себе они не гарантируют понимания целей и смысла происходящий изменений, а также не всегда обеспечивают коренное решение поднимающихся проблем. Более того, недооценка роли и значимости сырьевой составляющей научно-технического прогресса способна привести к поистине устрашающим последствиям. Когда деградирует нравственная совесть человека, чувство долга и ответственности, под вопрос становится не только экономическая составляющая эффективность деятельности, но и само воспроизводство, включая социальный модуль. Ввиду этого, находясь в потоке таких влиятельных процессов как глобализация, образуется все больше масс различной направленности, вследствие чего осознанность своей личной ответственности индивидуума утрачивается и последствия принятых решений даже большинством начинают рассматриваться с значительно сниженной объективностью. По этой причине биоразнообразие находится под угрозой человеческой деятельности, в первую очередь ввиду постоянно интенсифицирующихся процессов урбанизации, глобальной вырубки лесов и увеличения сельскохозяйственных

площадей, ведущих в фрагментации естественных экосистем. Сейчас мы уже стоим на пороге кризиса утраты биоразнообразия, что по меньшей мере грозит снижением потенциала предоставляемых «экосистемных услуг», напрямую влияющих на состояние человека.

Биологическое разнообразие является критерием, включающим в себя показатель разнообразия живых организмов во всех его проявлениях: от генов до биосферы. Существует три основных типа биоразнообразия: генетическое, видовое и экосистемное. И каждое из них стоит под угрозой из-за деятельности человека и может усугубиться в рамках создания единых таможенных территорий и отраслевых рынков без формирования соответствующих законопроектов, регулирующих, корректирующих и/или ограничивающих определенные векторы деятельности (промышленной, транспортной и т. п.). Тем не менее, хотя в некоторых случаях постепенно идет процесс принятия и пропаганды экоцентрических ценностей, предполагающей поддержание внутренней ценности биоразнообразия, внимание к блокам, не связанным с человеком напрямую, остается ограниченным. Изменения экосистем могут восприниматься через различные перспективы, ориентированные на человека (антропоцентризм) и перспективы, ориентированные на экологию или экосистему (экоцентризм) [3]. Антропоцентризм в основном фокусируется на использовании окружающей среды человеком. Экологическая справедливость – это форма социальной справедливости, относящаяся к распределению экологических «благ» (таких как природные ресурсы) и внешних эффектов (таких как загрязнение) среди группы людей [2, p. 195]. При слабом антропоцентризме мотивацией сохранения окружающей среды является человеческий интерес, например, борьба с бедностью или устранение исторических дисбалансов в распределении природных ресурсов между странами.

Хотя не все биоразнообразие можно рассматривать как экономически ценное, его можно воспринимать «либо с природной, либо с культурной точки зрения, а не просто как совокупность экономических ресурсов, которые можно использовать для удовлетворения основных потребностей». Напротив, экоцентризм связан с более высоким уровнем защиты биоразнообразия, с поддержанием более строгих мер его сохранения. Глубокая экология или экоцентризм придает экосистемам или средам обитания и видам внутреннюю ценность и, следовательно, может включать в себя «экологическую справедливость» или справедливость между видами [3]. К ним относится: зооцентризм как признание внутренней ценности как домашних, так и диких животных, включая человека и биоцентризм, признающий внутреннюю ценность всех других видов, таких как растения. Неантропоцентрические экологические философии могут быть связаны с уровнями защиты биоразнообразия, с антропоцентрическими перспективами, соответствующими защите только того, что полезно для человека, а экоцентрические и биоцентрические взгляды сосредоточены на защите всего биоразнообразия. Однако несмотря на то, что экономические выгоды биоразнообразия для таких отраслей, как фармацевтика и

туризм, очевидны, ценности же, подчеркивающие внутреннюю ценность экосистем и обещающие защитить «оставшиеся» виды, часто игнорируются в политике крупных территориальных образований.

Прагматический учет вымирания, который связан с промежуточными экологическими ценностями, сочетающими в себе как антропоцентрическую, так и экоцентрическую точки зрения, служит полезным инструментом, но необходимо проводить более детальную оценку и методик управления и сохранения биоразнообразия и уделять большее внимание рискам, связанным с вымиранием, и возможностями возобновления природных ресурсов [3, с. 3]. Таким образом в условиях образования трансграничной территории, представляющей собой, фактически, зону совместных полномочий, необходимо помнить, что она также является и зоной общей ответственности, вследствие чего обязательным является грамотная расстановка приоритетов и здравая оценка предпринимаемых действий. Государства-члены должны обмениваться информацией и лучшими практиками в области охраны окружающей среды, для совместного взаимообучения и внедрения оптимальных инновационных решений, что также создает новые возможности для регионального сотрудничества и интеграции.

Политика, проводимая в одном отдельном секторе, не может эффективно или надлежащим образом решить возникающие проблемы [4, p. 113]. При этом проблема биоразнообразия, как и многие другие, определяется циклами внимания и, следовательно, подвержена его колебаниям с течением времени. Рассматривая же долгосрочную перспективу, возможно несколько вариантов развития событий в рамках дальнейшего нарастающего интереса к вопросам экологии, в ходе которых: внимание к проблеме со временем будет возрастать в различных секторах, или же колебание внимания, а также рост и падение важности проблемы без какой-либо конкретной долгосрочной тенденции к повторному увеличению внимания к ней.

Более того, сохранение биоразнообразия имеет огромное значение для экономики и общества в целом, поскольку оно обеспечивает ряд «экосистемных услуг», которые поддерживают жизнь на планете. Биоразнообразие является основополагающим фактором для развития экотуризма. Однако важно разработать стратегии для управления данным видом деятельности таким образом, чтобы минимизировать его воздействие на окружающую среду и максимизировать социально-экономические выгоды. Совместные проекты, программы, инициативы, а также их разработка и реализация будут способствовать укреплению сотрудничества между государствами-членами и образованию общего благоприятного экономического пространства. При этом для достижения действительно устойчивого развития необходима аранжировка экологических стандартов для обеспечения равных условий для бизнеса и защиты окружающей среды. Также, рост понимания экономической ценности экосистем и предоставляемых ими услуг, способствует появлению и разработке дополнительных механизмов оплаты, и созданию соответствующих рынков, с привлечением новых инвесторов. Создание благоприятных условий для

торговли и инвестиций приведет к гармонизации таможенных процедур и снижению барьеров, а также развитию транспортной и логистической инфраструктур.

Однако, при увеличении оборота торговли и экономической деятельности, неизбежно растет давление, оказываемое на природные ресурсы и экосистемы. Критически важно разработать механизмы для защиты и сохранения биоразнообразия и природных ресурсов, таких как трансграничные заповедники и совместное управление водными ресурсами [5]. Более того, увеличение промышленной деятельности и транспорта, может привести к увеличению загрязнения воздуха, воды и почвы. Важно внедрять меры по уменьшению загрязнения, такие как стандарты выбросов, инвестиции в возобновляемые источники энергии и энергоэффективность и проводить оптимизацию совместного управления трансграничными водными ресурсами, так как доступ к чистому воздуху, воде и сохранение нативных ландшафтов не только необходимо для сохранения физического здоровья человека, но и благоприятно для его психологическо-морального состояния. Более того, данное направление будет способствовать росту социальной осознанности, так как общественность должна участвовать в принятии решений и реализации стратегий, связанных с окружающей средой, чтобы обеспечить прозрачность и подотчетность осуществляемых действий.

Вместе с тем, сохранение биоразнообразия имеет огромное значение для экономики и общества в целом, поскольку оно обеспечивает ряд экосистемных услуг, которые поддерживают жизнь на планете. Биоразнообразие является основополагающим фактором для развития экотуризма. Защищенные природные зоны, такие как национальные парки и заповедники, привлекают туристов каждый год, что способствует развитию туристической индустрии и созданию рабочих мест, с последующим улучшением условий труда, а также способствуют потенциальному обеспечению рабочими местами социально уязвимых слоев населения. Более того, совместные проекты, программы, инициативы, а также их разработка и реализация будут способствовать укреплению сотрудничества между государствами-членами и образованию общего благоприятного экономического пространства.

Образование единой таможенной территории в дальнейшем будет способствовать преодолению глобальных экономических кризисов и геополитической нестабильности. Сохранение существующих экосистем будет являться обязательным базисом для балансировки экономических, социальных и политических целей.

Таким образом, сохранение окружающей среды играет одну из ключевых позиций в устойчивом развитии для государств-членов ЕАЭС. Формирование единой таможенной территории и евразийских отраслевых рынков создает долгосрочную перспективу в укреплении экономического блока и обмене научно-техническим опытом. Однако в рамках образования подобных территориальных структур особенно остро встает

необходимость совместных усилий и долгосрочного планирования для обеспечения устойчивого будущего в регионе.

На основании вышесказанного, необходимо проводить интеграцию экологической политики, означающую включение экологических целей в неэкологические секторы политики государств, такие как сельское хозяйство, энергетика и транспорт, с целью воздействия на основные движущие силы, а не просто на симптомы деградации окружающей среды. В частности, избегая несоответствий и несогласованности между политиками различных секторов, а также обеспечивая отсутствие пробелов в экологической ответственности секторов [4, p. 113]. Данная интеграция (экологическая) как политическая цель и нормативный принцип, должна иметь следующие черты:

– общая ответственность за охрану окружающей среды всех секторов государственной политики на разных уровнях;

– активный и превентивный подход к защите окружающей среды – путем раннего включения экологических целей в политические процессы;

– выход за пределы минимальных экологических стандартов, предписанных экологическими нормами;

– координация, т. е. предотвращение противоречивых отраслевых политик или компенсация неблагоприятных экологических последствий отраслевой политики;

– гармонизация, т. е. попытка поставить экологические цели на один уровень с отраслевыми целями;

– расстановка приоритетов, т. е. предпочтение экологических целей перед другими в отраслевой политике.

Библиографический список

1. Niesenbaum, R. A. The Integration of Conservation, Biodiversity, and Sustainability / R. A. Niesenbaum // Sustainability. – 2019. – Vol. 11, N 17. – URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/11/17/4676 (date of access: 30.04.2024).

2. A social–ecological approach to conservation planning: embedding social considerations / N. C. Ban, M. Mills, J. Tam, [et al.] // Frontiers in Ecology and the Environment. – 2013. – Vol. 11, N 4. – P. 194–202. – URL: https://esajournals.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1890/110205 (date of access: 30.04.2024).

3. The inclusion of biodiversity into Environmental, Social, and Governance (ESG) framework: A strategic integration of ecocentric extinction accounting / H. Kopnina, S. R. Zhang, S. Anthony [et al.] // Journal of Environmental Management. – 2024. – Vol. 351. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301479723025963 (date of access: 30.04.2024).

4. Editorial: Environmental Policy Integration: Taking stock of policy practice in different contexts / Å. Perssona, H. Runhaarb, S. Karlsson-Vinkhuyzend [et al.] // Environmental Science & Policy. – 2018. – Vol. 85. – P. 113–115. – URL: https://www.sciencedirect.com/sdfe/pdf/download/eid/1-s2.0-S1462901118303484/first-page-pdf (date of access: 30.04.2024).

5. Integrating biodiversity considerations into infrastructure // PRI. – 01.08.2023. – URL: https://public.unpri.org/integrating-biodiversity-considerations-into-infrastructure/11611.article (date of access: 30.04.2024).